

СЕРГѢЮ ФЕДОРОВИЧУ

ПЛАТОНОВУ

УЧЕНИКИ,

ДРУЗЬЯ

И

ПОЧИТАТЕЛИ.

СПБ.
1911

Cheroul

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ

С. Θ. ПЛАТОНОВУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Б. Романовъ. Списокъ трудовъ С. Ѳ. Платонова	V
К. Р. Сонетъ	1
К. Р. Гёте. Ифигенія въ Тавридѣ. Третье дѣйствіе, явленіе первое. Переводъ	3
Н. Веселовскій. Миньятъ	17
М. Боровкова-Майкова. Ниль Сорскій и Паисій Велич- ковскій	27
В. Дружининъ. Поморскій Торжественникъ	34
К. Хилинскій. Изъ археологіи Кіевской земли	56
П. Васенко. Замѣтки къ Никоновскому (Академическому) списку Степенной Книги.	62
Н. Чечулинъ. Гравированные портреты Нестора лѣто- писца	70
К. Ивановъ. Гедвига. (Легенда)	76
К. Ивановъ. Предчувствіе	80
Е. Тураева-Церетели. Французская генеалогія XVI— XVII вв. о русскихъ государяхъ	81
П. Фридолинъ. Нѣсколько словъ по поводу двухъ неиз- данныхъ рукописей, касающихся гуманиста Заноби да Страда	95
С. Степановъ Евгемеръ и евгемеризмъ	103
М. Клочковъ. Манифестъ 1797 года о трехдневной бар- щинѣ	127
Графъ С. Шереметевъ. Дѣла Греческія	176
М. Приселковъ. Митрополитъ Иларіонъ, въ схимѣ Никонъ, какъ борець за независимую Русскую церковь	188
Е. Тарасовъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ.	202
А. Спицынъ. Торговые пути Кіевской Руси	235
С. Рождественскій. М. М. Сперанскій и комитетъ 1837 года о степени обученія крѣпостныхъ людей	254

А. Прѣсняковъ. Иванъ III на Угрѣ	280
С. Веселовскій. Двѣ замѣтки о Боярской думѣ	299
М. Курдюмовъ. Записки о церемоніяхъ, происходившихъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича по случаю объявленія похода противъ польскаго короля Яна-Казимира	311
А. Заозерскій. Къ характеристикѣ Московской дипломатіи XVII вѣка	335
Б. Тураевъ. Скиоія въ іероглифической надписи	356
И. Лаппо. Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 г.	361
М. Поліевктовъ. Герцогъ де-Лирія и его проектъ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи	375
В. Майковъ. Посланіе къ патріарху Гермогену о злоупотребніи въ церковномъ пѣніи «хабува»	415
В. Перетцъ. Изъ старинной сатирической литературы о пьянствѣ и пьяницахъ	432
М. Любавскій. Посѣдныя бояре въ Жмудской землѣ въ XVI в.	439
А. Яковлевъ. Служилое землевладѣніе по даннымъ Приказа сбора ратныхъ людей (1638 г.)	450
Ю. Готье. Къ вопросу объ изученіи внутренней торгонли Россіи въ XVIII столѣтіи	454
В. Егоровъ. Записныя холопы книги дьяка Алябьева	462
С. Адриановъ. Примѣчаніе къ перепискѣ П. Я. Чаадаева	471
И. Блиновъ. Проектъ реформы сената барона Кампенаузена	476
Н Кульманъ. Письма Е. А. Энгельгарда къ М. Д. Деларю	485
Баронъ А. Нольде. Къ исторіи составленія проекта «Свода степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири»	502
Э. Радловъ. О поэзіи А. С. Хомякова	522
С. Середонинъ. Къ «Плану всеобщаго государственнаго образованія» 1809 г.	533
И. Шляпкинъ. Ермолай Прегрѣшный, новый писатель эпохи Грознаго	545

Глубокоуважаемый
Сергѣй Ѳедоровичь.

При чествованіи двадцатипятилѣтія Вашей ученой дѣятельности возникла мысль ознаменовать этотъ день изданіемъ сборника статей съ посвященіемъ его Вамъ. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе и получила осуществленіе въ настоящемъ изданіи.

Пусть эта книга напомнитъ Вамъ о нашихъ къ Вамъ чувствахъ и свидѣтельствуетъ о нашемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи, любви и признательности за все, что Вы сдѣлали въ теченіе Вашей долголѣтней, разносторонней, плодотворной дѣятельности въ области Русской науки и просвѣщенія.

Февраль 1911 г.
С.-Петербургъ.

Списокъ трудовъ С. Ѳ. Платонова.

(* отмѣчены изданія историческихъ источниковъ.)

1. Замятки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ.

- 1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1883 г., ч. 226, мартъ, стр. 1—20.
- 2) Отдѣльно въ «Трудахъ студенческаго научно-литературнаго общества при Спб. Университетѣ». Вып. I. Спб., 1883, стр. 1—20.
- 3) «Статьи по русской исторіи» стр. 1—31.

2. Рецензія на А. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ» кн. 1, 2 и 3. Спб., 1881—83.

Ж. М. Н. Пр., 1883 г., ч. 229, октябрь, стр. 355—71.

3. Новая повѣсть о Смутномъ времени XVII вѣка.

- 1) Ж. М. Н. Пр., 1886 г., ч. 243, январь, стр. 50—67.
- 2) «Статьи по русской исторіи» стр. 50—76.

4. Царь Алексѣй Михайловичъ (опытъ характеристики).

- 1) Историческій Вѣстникъ, 1886 г., май, стр. 265—275.
- 2) «Статьи по русской исторіи» стр. 32—49.

5. Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.

- 1) Ж. М. Н. Пр., 1887 г., ч. 253, октябрь стр. 167—249; ч. 254, ноябрь, стр. 1—46, декабрь, стр. 251—303;

1888 г. ч. 255, февраль, стр. 326—376; ч. 256, мартъ, стр. 118—160, апрѣль, стр. 380—448.

2) Отдѣльно—СПб., 1888, стр. VI+372.

6. Легенда о чудѣ св. Дмитрія Царевича Угличскаго.

Библиографъ, 1888 г., № 1, стр. 18—20.

7. *Книга о чудесахъ преп. Сергія, твореніе Симона Азарьина.

Памятники древней письменности и искусства, LXX. СПб., 1888, стр. предисловіе III—VI+131+III.

8. Московскія волненія 1648 года.

1) Ж. М. Н. Пр., 1888 г., ч. 257, июнь, стр. 279—289.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 77—93.

9. О началѣ Москвы (замѣтка по поводу доклада И. Е. Забѣлина на VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ).

1) Библиографъ, 1890 г., № 5—6, стр. 57—63.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 94—103.

10. Рецензія на Н. Д. Чечулина «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ» СПб. 1889.

1) Ж. М. Н. Пр., 1890 г., ч. 269, май, стр. 140—154.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 104—126, подъ заглавіемъ «Къ исторіи русскаго города XVI вѣка».

11. Рецензія на Д. Иловайскаго «Исторія Росіи. Т. III Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в.» М. 1890.

1) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., ч. 274, мартъ, стр. 180—199.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 127—155, подъ заглавіемъ «Исторіографическое» сочиненіе нашего времени».

12. Рецензія на А. Зерцалова «О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648. 1662 и 1771 гг.» (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1890, кн. III).

1) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., ч. 275, май, стр. 182—188,

2) «Статьи по русской исторіи» (сокращено) стр. 156—163, подъ заглавіемъ: «Нѣчто о земскихъ сказкахъ 1662 года».

13. *Памятники древне-русской письменности, относящіеся къ Смутному времени.

Русская Историческая Библіотека, т. XIII, СПб., 1891 г., изд. 1-ое, стр. предисловіе V—XXXII+982; ib., изд. 2-ое, дополненное, СПб., 1909 г., стр. предисловіе V—XLI+1472.

14. Какъ возникли чети? (къ вопросу о происхожденіи Московскихъ приказовъ-четвертей).

1) Ж. М. Н. Пр., 1892 г., ч. 281, май, стр. 158—171.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 164—185.

15. Рецензія на С. М. Середонина «Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ».

Отчетъ о 34-омъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПб., 1892, стр. 27.

16. *Новый источникъ для исторіи Московскихъ волненій 1648 года. Kurtze undt warhafftige Beschreibung desz gefährlichen Auffleufes des Gemeinen Pöbels in der Stadt Moscow den 2 Juny A. 1648 geschehen undt vorgelauffen.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ, 1893 г., кн. 1-ая, стр. 1—19.

17. Рецензія на Е. В. Пѣтухова «Къ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи гадъ. (Памятники древней письменности XCIII).

1) Ж. М. Н. Пр., 1893 г., ч. 287, май, стр. 277—281.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 186—192, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о сочиненіяхъ кн. А. И. Хворостинина».

18. *Новгородская кабальная книга 7106 (1597) г.

Русская Историческая Библіотека, т. XV, СПб., 1894, стр. предисловіе I+62.

19. *Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) года.

Тамъ же, стр. предисловіе III—IV+87.

20. *Сказаніе о Самозванцѣ по списку Московскаго Публичнаго Музея № 3141.

Памятники древней письменности, СІХ., СПб., 1895, стр. предисловіе 3—7+9—15.

21. *Федора Грибоѣдова исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской.

Памятники древней письменности, СХХІ, СПб., 1896, стр. предисловіе XVI+69.

22. *Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографической Коммиссіею.

Т. XI. Лѣтописный Сборникъ, именуемый патриаршею или Никоновской лѣтописью. СПб. 1897 г. стр. предисловіе V—VII+254.

Т. XII. То-же (продолженіе). СПб., 1901 г., стр. предисловіе V—VI+266.

Т. XIII 1-ая половина. То-же (окончаніе) СПб., 1904 г., стр. предисловіе III—V+302.

Т. XIII 2-ая половина. Дополненія къ Никоновской лѣтописи и такъ называемая Царственная книга. СПб., 1906 г., стр. предисловіе V—VIII+303—532+VIII.

Т. XIV 1-ая половина. I. Повѣсть о честнѣмъ житіи царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Руссіи. II. Новый лѣтописецъ. СПб., 1910 г., стр. предисловіе I+154.

23. Столѣтіе кончины Императрицы Екатерины II (читано на торжественномъ актѣ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 1 декабря 1896 года).

1) СПб., 1897, стр. 15.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 259—277.

24. Рецензія на Н. Д. Чечулина «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774)» СПб., 1896.

Ж. М. Н. Пр., 1897 г., ч. 309, январь, стр. 170—175.

25. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

1) Ж. М. Н. Пр., 1897 г., ч. 309, февраль, стр. 163—177.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 278—299.

26. О двухъ грамотахъ 1611 года.

1) Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь Ив. Вас. Помяловскаго. СПб., 1897, стр. 137—141.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 193—200.

27. Рецензія на Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» кн. 11. СПб. 1897.

Ж. М. Н. Пр., 1897 г., ч. 311, июнь, стр. 464—469.

28. Къ исторіи опричины XVI вѣка.

Ж. М. Н. Пр., 1897 г., ч. 313, октябрь, стр. 260—276.

29. Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 316, мартъ, стр. 81—104.

30. Рецензія на «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени» СПб. 1898.

1) Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 317, май, стр. 170—176.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 201—210.

31. Рецензія на Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» кн. 12. СПб. 1898.

Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 317, май, стр. 176—179.

32. Первые политическіе шаги Бориса Годунова (1584—1594).

Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 317, июнь, стр. 293—310.

33. Борьба за Московскій престолъ въ 1598 году.

Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 319, октябрь, стр. 263—287.

34. Царь Василій Шуйскій и бояре въ 1606 году.

Ж. М. Н. Пр., 1898 г., ч. 320, декабрь, стр. 211—224.

35. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время).

1) Изданіе 1-ое, СПб. 1899 г. и въ Запискахъ Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго СПб. Университета, ч. LII, стр. XIV+665.

2) Изданіе 2-ое, СПб. 1901 г., стр. XII+520.

3) Изданіе 3-ье, СПб., 1910 г., стр. XV+624.

36. Рецензія на Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» кн. 13. СПб. 1899.

Ж. М. Н. Пр., 1899 г., ч. 325, октябрь, стр. 375—378.

37. Василій Григорьевичъ Васильевскій.

1) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XI, вып. 1—2, новая серія. СПб., 1899, стр. XV—XIX.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 300—306.

38. Рѣчи Грознаго на Земскомъ Соборѣ 1550 г.

1) Ж. М. Н. Пр. 1900 г., ч. 328, мартъ, стр. 128—132.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 219—224.

39. Рецензія на Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» кн. 14. СПб. 1900.

Ж. М. Н. Пр., 1900 г., ч. 330, августъ, стр. 405—407.

40. О титулѣ «думный дьякъ».

1) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, 1900 г., № 12, стр. 1—5.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 211—218.

41. Лекціи по русской исторіи.

1) Читанныя въ 1898—99 г. на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ Императорскомъ СПб. Университетѣ и Военно-Юридической Академіи. Издали на правахъ рукописи слушатели В.-Юрид. Академіи поручики Блиновъ и фонъ-Раупахъ. СПб. 1899 г. Вып. I, стр. 125; вып. II, стр. 198; вып. III, стр. 192.

2) Читанная въ 1899—1900 г. тамъ-же. Издали тѣ-же; СПб. 1900 г. Вып. I, стр. 148; вып. II, стр. 149—386 вып. III, стр. 387—616+XII.

3) Читанная въ 1900—1901 г. въ Александровской Военно-Юридической Академіи, Императорскомъ СПб. Университетѣ, на Высшихъ Женскихъ курсахъ и въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Издали на правахъ рукописи бывшіе слушатели В.-Юрид. Академіи И. Блиновъ и Р. фонъ-Раупахъ. СПб. 1901 г., стр. 575.

4) Читанныя въ 1903—1904 г. тамъ-же. Издалъ на правахъ рукописи бывшій слушатель В.-Юрид. Академіи Ив. Блиновъ. СПб. 1904 г., стр. 594.

5) Изд. Ив. Блиновъ. Изданіе 5-ое, исправленное и дополненное. СПб. 1907, стр. 651.

6) Изд. Ив. Блиновъ. Изданіе 6-ое, исправленное и дополненное. СПб. 1909 г., стр. 664.

42. О происхожденіи патріарха Гермогена.

1) Ж. М. Н. Пр., 1901 г., ч. 337, октябрь, стр. 511—513.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 231—235.

43. О топографіи Угличскаго «Кремля» въ XVI—XVII вв.

1) Труды Ярославскаго Областнаго Съѣзда (съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902, стр. 84—87.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 225—230.

44. Къ вопросу о Никоновскомъ Сводѣ.

1) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1902 г., кн. 3-ая, стр. 24—33.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 236—247.

45. Рецензія на И. Я. Гурлянда «Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ» Ярославль, 1902 г.

1) Ж. М. Н. Пр., 1902 г., ч. 344, декабрь, стр. 443—450.

2) «Статьи по русской исторіи» стр. 248—258, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о Тайномъ Приказѣ».

46. Статьи по русской исторіи. (1883—1902 гг.) СПб., 1903, стр. 311.

47. Савва Ефимьевъ, протопопъ Спасо-Преображенскаго Собора въ Нижнемъ-Новгородѣ.

1) «Люди Смутнаго времени» (премія къ «Вѣстнику и Библиотекѣ Самообразованія» за 1905 г.) СПб., 1905, стр. 43—45.

2) Нижегородскій Сборникъ (товарищества «Знаніе») СПб., 1905, стр. 246—254.

3) Нижегородская губернская ученая архивная Комиссія. № 1. Н.—Н. 1909, стр. 12.

48. Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ (изъ «Очерковъ по исторіи Смуты»).

«Люди Смутнаго времени» (премія къ «Вѣстнику и Библиотекѣ Самообразованія» за 1905 г.) СПб., 1905, стр. 6—11.

49. Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ.

- 1) Журналъ для всѣхъ, 1905 г., № 2, стр. 92—107; № 3, стр. 162—172.
- 2) Отдѣльно—СПб., 1905, стр. 68.
- 3) «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», издание посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. Ч. I, вып. 2-ой. М., 1909 г., стр. 101—137, подъ заглавіемъ: «Московскіе Земскіе соборы».

50. Рецензія на Ник. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» кн. 19-ая. СПб., 1905.

Ж. М. Н. Пр., 1905 г., ч. 370, іюнь, стр. 212—214.

51. Рецензія на Пл. Гр. Васенко «Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Ч. I».

Ж. М. Н. Пр., 1905 г., ч. 370, іюнь, стр. 439—444.

52. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.

Ж. М. Н. Пр., 1906 г., декабрь, стр. 298—351.

53. *Сочиненіе на иконоборцы и на вся злыя ереси.

Лѣтопись Занятій Императорской Археографической Коммисіи за 1905 г., вып. XVIII, СПб., 1907, предисловіе стр. 109—116.

54. Объ авторѣ сочиненія «На иконоборцы и на вся злыя ереси».

Ж. М. Н. Пр., 1907 г., октябрь, стр. 332—342.

55. *Грамоты на кормленія XVI вѣка.

Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, выпускъ 2-ой. СПб., 1907 г., стр. 258—259—XI—XIII.

56. Личность Петра Великаго.

Полтавскій Сборникъ въ память 200-лѣтія Полтавской побѣды. Изданіе Управленія СПб. Учебнаго Округа. СПб. 1909, стр. 5—20.

57. Къ исторіи Полтавской битвы (27 іюня 1709 г.).

Русская Старина, 1909 г., т. 137, январь, стр. 28—34.

58. Рецензія на А. Е. Прѣснякова «Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій». СПб. 1909.

Ж. М. Н. Пр., 1909 г., іюль, стр. 213—216.

59. *Акты Лодомской церкви Архангельской Епархіи.

Русская Историческая Библиотека, т. XXV. СПб., 1909, предисловіе V—VIII.

60. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій.

1) ч. I, до Петра Великаго. СПб., 1909, стр. VIII—260.

ч. II, отъ Петра Великаго. СПб., 1910, стр. 261—490.

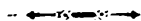
2) Изданіе 2-ое, пересмотрѣнное, въ 2-хъ частяхъ, СПб., 1910 г., стр. 496.

3) Изданіе 3-ье, въ 2-хъ частяхъ. СПб., 1910 г., стр. 492.

61. Столяровъ хронографъ и его авторъ.

Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909, стр. 18—28.

Б. Романовъ.

Сонетъ

Посвящается О. Ө. Платонову.

О ты, могучій тѣломъ и душой,
Богатырей старинныхъ воплощенье!
Всю жизнь и сердца каждое биенье
Ты посвятилъ своей землѣ родной.

Возрождена, просвѣщена тобой,
Русь твоего величья отраженье.
Къ наукамъ ты въ ней пробудилъ влеченье
И засвѣтилъ искусствъ огонь святой.

Тебя въ уныньи не видали бѣды,
И пиръ горой знаменовалъ побѣды.
Ты былъ солдатъ, матросъ, кузнецъ, токарь...

Тобой горда Россійская держава.
Во вѣкъ тебѣ хвала и честь, и слава,
Законодатель, кормчій, вождь и Царь!

К. Р.

Павловскъ, 7 марта 1910.

Гёте.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДЪ.

Драма.

Переводъ К. Р.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе первое.

Ифигенія. Орестъ.

Ифигенія.

Несчастный, я съ тебя снимаю узы
Въ знакъ болѣе прискорбнаго удѣла.
Святыищемъ даруется свобода,
Но какъ послѣдній ясный взоръ больного,
Она лишь вѣстникъ смерти. Все еще я 930
Не смѣю, не могу себя увѣрить,
Что гибель суждена вамъ. Какъ смогу я
Разящею рукой предать васъ смерти?
Но вашей головы, кто бъ ни былъ онъ,
Никто, покуда я Діаны жрица, 935.
Коснуться не дерзнетъ. А откажись я
Тотъ долгъ свершить, какъ гнѣвный царь велить,
Взамѣнъ меня онъ изберетъ одну
Изъ дѣвъ моихъ, и теплымъ лишь участиемъ
Останется мнѣ помощь вамъ подать. 940.
О, дорогой землякъ! И рабъ послѣдній,
Пригрѣтый очагомъ боговъ отцовскихъ
Намъ въ сторонѣ чужой—желанный гость:
Я радостныхъ благословеній вдоволь
Не приберу для васъ, представшихъ мнѣ 945.
Во образѣ героевъ, чтимыхъ съ дѣтства
И глубоко мнѣ сердце усладившихъ
Нежданной лаской новыхъ упованій.

Орестъ.

Намѣренно ль таишь происхожденье
И имя ты свое? Иль можно знать мнѣ, 950.
Кто ты, небесная, передо мной?

Ифигенія.

Меня узнаешь ты. Но возвѣсти мнѣ,
Что лишь на половину я узнала
Отъ брата твоего: кончину тѣхъ,
Кого по возвращеніи изъ Трои 955.
Жестокій рокъ ждалъ молча у порога.
Ступила юной я на берегъ этотъ;
Но помню хорошо, какъ робкій взоръ
Пугливо съ изумленьемъ я бросала
На тѣхъ героевъ. Мнѣ казалось, будто 960.
Олимпъ, разверзшись, ихъ ниспосылалъ,
И шли они какъ тѣни славныхъ лѣтъ,
Неся съ собою гибель Иліону.
И Агамемнонь былъ прекраснѣй всѣхъ!
О, молви: въ домъ вступаю свой, отъ козней 965.
Своей супруги и Эгиста палъ онъ?

Орестъ.

Такъ ты сказала.

Ифигенія.

Горе вамъ, Микены!

Тантала внуки полными руками
Такъ сѣяли проклятье на проклятье!
И словно плевелы, главою качая 970.
И разсыпая тьмы сѣмянъ вокругъ,
Потомство сродныхъ имъ убійцъ взрастили
На вѣчную неистовства чреду!
Открой, что въ рѣчи брата твоего
Мракъ ужаса скрылъ отъ меня мгновенно. 975.

Какъ рода славнаго послѣдній сынъ,
Младенецъ тотъ, что мстителемъ отца
Стать долженъ былъ съ годами, какъ Орестъ
Кроваваго избѣгнулъ дня? Накрыли
Аида сѣти также и его? 980.
Спасенъ ли, живъ ли онъ? Жива ль Электра?

Орестъ.

Они живутъ.

Ифигенія.

Златое солнце, лучшихъ
Дай мнѣ лучей, сложи ихъ въ благодарность
Къ престолу Зевса! Я жъ бѣдна, нѣма.

Орестъ.

Когда тотъ царскій домъ ты знала гостьей, 985.
Иль съ нимъ тѣснѣйшія сближаютъ узы
Тебя, какъ выдаетъ твоя мнѣ радость,
То сердце закаливъ, сдержи его!
Счастливому невыносимъ внезапный
Возвратъ къ страданіямъ. Я вижу, ты 990.
Про смерть лишь Агамемнона слыхала.

Ифигенія.

Или съ меня той вѣсти не довольно?

Орестъ.

Лишь половину ужаса ты знаешь.

Ифигенія.

Чего страшиться? Живъ Орестъ съ Электрой.

Орестъ.

Иль ты за Клитемнестру не страшишься? 995.

Ифигенія.

Ей не помочь ни страхомъ, ни надеждой.

Орестъ.

Уже покинуть ея міръ надежды.

Ифигенія.

Сама ль она кровь пролила свою?

Орестъ.

Нѣтъ, но ея же кровь дала ей смерть.

Ифигенія.

Скажи яснѣй, чтобъ не гадать мнѣ больше. 1000.
Безчисленными мрачными крылами
Главу мнѣ обвѣваетъ неизвѣстность.

Орестъ.

Мнѣ ль вѣстникомъ судили боги быть
Дѣянія, которое охотно 1005.
Въ глухой, беззвучной безднѣ царства ночи
Сокрылъ бы я. Я противъ воли вызванъ
Твоими милыми устами, но
Они хоть муки требуй, я отвѣчу.
Въ день гибели отца Электра брата,
Спасая, скрыла. Строфій, зять отца, 1010.
Далъ добровольно отроку пріютъ
И съ собственнымъ воспитывать сталъ сыномъ.
Его Пиладомъ звали; онъ съ пришельцемъ
Прекрасной дружбы узы завязалъ.
Росли они, а въ ихъ душѣ росло 1015.
Желанье пламенное отомстить
За смерть царя. Нежданно достигаютъ
Переодѣтые они Микенъ
И, словно смерть Ореста возвѣщая,
Его приносятъ пепель. Хорошо 1020.
Ихъ приняла царица. Входятъ въ домъ
Они. Орестъ открылся предъ Электрой;
Она раздула въ немъ огонь отмщенья,
Что въ матери присутствіи священномъ
Сталъ гаснуть. Тихо брата повела 1025.

Она на мѣсто, гдѣ отецъ ихъ палъ,
Гдѣ давній легкой слѣдъ пролитой крови
Пятномъ зловѣщимъ, блѣднымъ, все еще
Окрашивалъ усердно мытый полъ.
Подробно, рѣчью огненной она 1030.
Повѣдала безбожное дѣянье,
Жизнь прожитую въ рабствѣ горемычномъ,
Заносчивость предателей счастливыхъ
И дѣтямъ впредь грозящую опасность
Отъ матери, что мачихою стала. 1035.
Она кинжалъ ему вручила старый,
Что страшно такъ разилъ въ дому Тантала,
И Клитемнестру сынъ родной убилъ.

И ф и г е н і я .

Безсмертные, живущіе блаженно
Во свѣтѣ вѣчномъ дня на облакахъ, 1040.
Вы для того ли отъ людей меня
На столько отлучили лѣтъ, держали
Въ своей близи, мнѣ дѣтскую заботу
Питать огонь священный поручили
И въ вѣчномъ набожномъ сіяньи душу 1045.
Мою подобно пламени въ свои
Жилища восхищали, чтобы только
Родного дома ужасы мнѣ позже
И глубже ощутить?—Повѣдай мнѣ
О злополучномъ! Молви объ Орестѣ! 1050.

О р е с т ь .

О, еслибъ смерть ему въ удѣлъ досталась!
Какъ грозно всталъ изъ крови убиенной
Духъ матери,
Взывая къ вѣковѣчнымъ Дщерямъ Ночи:
«Бѣжать не давайте убившему мать! 1055.
Гоните злодѣя! Онъ вамъ обреченъ!»
Онѣ прислушались и, впалымъ окомъ

Вкругъ озираясь съ жадностью орлиной,
Въ своихъ зашевелились черныхъ норахъ;
И подползли къ нимъ тихо изъ угловъ 1060.
Ихъ спутники — раскаянье съ сомнѣньемъ.
Предъ ними дымъ восходитъ Ахерона;
Въ его клубахъ заключено отъ вѣка
Дѣяній совершенныхъ созерцанье
И надъ преступной вѣетъ головой. 1065.
И топчуть, властныя губить, онѣ
Красу земли, засѣянной богами,
Съ которой древнимъ изгнаны проклятьемъ.
Бѣглець гонимъ ихъ быстрымъ шагомъ; только
Чтобъ вновь спугнуть, дають онѣ покой. 1070.

Ифигенія.

Злосчастный, и съ тобой то-жъ было: знаешь
Ты, какъ страдаетъ бѣдный тотъ бѣглець!

Орестъ.

Что говоришь ты? Что со мною было?

Ифигенія.

Какъ онъ, братоубійствомъ ты подавленъ;
Ужъ то повѣдалъ мнѣ твой младшій братъ. 1075.

Орестъ.

Я не стерплю, чтобъ духъ великій твой
Обмануть былъ невѣрнымъ словомъ. Пусть
Обманчивую сѣть силками стелеть
Чужому подъ ноги чужой, привыкшій
Къ замысловатой хитрости; межъ нами 1080.
Будь правда!
Передъ тобой Орестъ! Главой преступной
Къ могилѣ я клонюсь и жажду смерти;
Она въ любомъ мнѣ сбразѣ желанна.

Кто бъ ни была ты, да спасетесь вы, 1085.
Ты и мой другъ; я не хочу спасенья.
Здѣсь противъ воли, мнится мнѣ, живешь ты;
Бѣжать пытайтесь, но меня оставьте.
Со скаль пусть бездыханный трупъ мой сбросятъ,
Пусть кровь моя, дымясь, стекаетъ къ морю, 1090.
Прибрежью варваровъ неся проклятье!
Бѣгите; дома, въ Греціи прекрасной
Жизнь новую начните въ дружбѣ вы.
(Онъ удаляется).

И ф и г е н і я .

Ты, исполненье, наконецъ нисходишь
Ко мнѣ, Дочь лучшая Отца боговъ! 1095.
Какъ величавъ твой образъ предо мною!
Взоръ достаетъ едва до рукъ твоихъ,
Что, полныя плодами и вѣнками,
Даруютъ намъ сокровища Олимпа.
Какъ по обилью дара познаютъ 1100.
Царя, который малымъ почитаетъ,
Что тысячамъ — богатство, такъ по вашимъ
Даяньямъ, долго, бережно и мудро
Накопленнымъ, васъ, боги, познаемъ мы.
Вы знаете одни, что намъ потребно, 1105.
Вамъ видимо грядущаго пространство,
Тогда какъ мгла и звѣзды каждый вечеръ
Намъ застилаютъ даль. Спокойно нашимъ
Вы внемлете ребяческимъ мольбамъ
Объ ускореньи дара; никогда 1110.
Златыхъ плодовъ небесъ вы не сорвете
Незрѣлыми, и горе тѣмъ, кто дерзко
Себѣ на смерть, вкусятъ нетерпѣливо
Ихъ горечи. Не дайте-же, о боги,
Нежданному, негаданному счастью 1115.
Исчезнуть втунѣ, словно тѣни друга
Умершаго, и мнѣ скорбѣть втройнѣ!

Орестъ (опять подходитъ къ ней).

Боговъ себѣ съ Пиладомъ призывая
На помощь, ты меня не поминай.
Ты не спасешь преступника, но съ нимъ
Раздѣлишь и проклятье, и бѣду.

Ифигенія.

Моя судьба съ твоею неразрывна.

Орестъ.

Ничуть! Безъ спутниковъ, дай одному
Мнѣ къ мертвымъ отойти. Хотя бъ прикрыла
Виновнаго своимъ ты покрываломъ, 1125.
Его отъ глазъ недремлющихъ не спрячешь,
И близость, о небесная, твоя
Лишь отстранить, но прочь ихъ не прогнать.
Ихъ грозныя желѣзныя стопы
Въ священную ступить не смѣютъ рошу; 1130.
Но слышу издали я тутъ и тамъ
Ихъ страшный хохоть. Стерегутъ, какъ волки,
Онѣ подъ деревомъ, гдѣ спасся путникъ.
Снаружи тамъ ихъ стая притаилась,
Но лишь покину я дубраву эту, 1135.
Онѣ возстанутъ, прахъ вокругъ вздымая,
И закачавъ змѣиными главами,
Погонять предъ собой свою добычу.

Ифигенія.

Ты можешь ли, Орестъ, внять слову дружбы?

Орестъ.

Его боговъ ты другу сбереги. 1140.

Ифигенія.

Тебѣ данъ ими лучъ надежды новой.

Орестъ.

Сквозь дымъ и чадъ путь къ аду озаряетъ
Мнѣ тусклымъ блескомъ смертная рѣка.

Ифигенія.

Одна ль Электра у тебя сестра?

Орестъ.

Я зналъ одну лишь. Старшую унесъ 1145.

Счастливымъ рокомъ, казавшимся намъ страшнымъ,

Изъ дома во время отъ нашихъ бѣдствій.

О, не спрашивай, не будь и ты

Съ толпой Эринній за одно; сдувають

Золу съ души моей онѣ злорадно 1150.

И не дають послѣднимъ головнямъ

Пожара, грозно губящаго домъ нашъ,

Во мнѣ дотлѣть. Иль этотъ жаръ, раздутый

Намѣренно, какъ сѣрный пламень ада,

Мнѣ вѣчно будетъ мукой сердце жечь? 1155.

Ифигенія.

Я всыплю въ пламя сладость ѳиміама.

О, дай дыханью чистому любви

На жаръ груди твоей пахнуть прохладой.

Орестъ, мой дорогой, иль ты не слышишь?

Или сопутствіе божествъ ужасныхъ 1160.

Такъ изсушило въ жилахъ кровь твою?

Иль какъ отъ лика страшнаго Горгоны,

По волшебству весь каменѣешь ты?

О, если къ аду глухо вопіеть

Кровь матери, пролитая тобою, 1165.

То чистая мольба сестры ужель

Благихъ боговъ Олимпа не достигнетъ?

Орестъ.

Зовутъ! Зовутъ! Сгубить меня ты хочешь!

Таится ли въ тебѣ богиня мщенья?

Кто ты, чей голосъ страшно такъ во мнѣ 1170.

Всю глубину души перевернулъ?

Ифигенія.

То сердца глубина тебѣ подскажетъ:

То я, я Ифигенія, Орестъ!

Живу я!

Орестъ.

Ты!

Ифигенія.

Мой братъ!

Орестъ.

Прочь! Отойди!

Не тронь моихъ кудрей, я заклинаю! 1175.

Какъ изъ покрова брачнаго Креузы,

Огнь изъ меня исходитъ негасимый.

Оставь! Какъ Геркулесь, въ своей я сквернѣ

Хочу одинъ позорной кончить смертью.

Ифигенія.

Ты не погибнешь! О, когда бъ одно мнѣ 1180.

Твое спокойное услышать слово!

О, разрѣши мои сомнѣнья, дай

Повѣрить въ счастье—даръ моленій долгихъ.

Кружатся колесомъ и скорбь, и радость

Въ душѣ моей. Меня, какъ отъ чужого, 1185.

Страхъ гонить отъ тебя; но властно тянетъ

Изъ глубины души къ тебѣ, какъ къ брату.

Орестъ.

Иль здѣсь храмъ Вакха? И объята жрица

Святымъ неудержимымъ изступленьемъ?

Ифигенія.

О, слушай! О, взгляни! Раскрылось сердце 1190.

Мое по долгомъ срокѣ. О, блаженство!

Тебѣ, милѣйшему изъ всѣхъ на свѣтѣ,

Главу облобызать, тебя руками,

До этихъ поръ протянутыми лишь

Навстрѣчу вѣтру дикому, обнять! 1195.

О, не противься мнѣ. Не такъ свѣтло,
Пѣнясь, Парнасса вѣчный ключъ струится
Со скалъ на скалы въ золотистый доль,
Какъ сердца моего клубится радость,
Меня объемля, словно море счастья. 1200.
Орестъ! Орестъ! Мой братъ!

Орестъ.

Не довѣряю
Я этимъ ласкамъ, ни тебѣ, о нимфа.
Діанѣ нужны строгія рабыни,
И мститъ она сквернителю святыни. 1205.
Прочь отъ груди моей твоя рука.
Коль юношу ты хочешь, избавляя,
Любви прекраснымъ счастьемъ подарить,
Душой отдайся другу моему;
Меня достойнѣй онъ. Тамъ, по скалистой
Блуждаетъ онъ тропѣ; найди его, 1210.
Путь укажи, мнѣ-жъ дай пощаду.

И ф и г е н і я.

Братъ мой,
Приди въ себя, найденную узнай!
Сестры небесно-чистаго восторга
Безумной грѣшной страстью не зови. 1215.
Разсѣйте, боги, чары предъ его
Застывшимъ взоромъ, чтобъ тройнѣ несчастнымъ
Не сталъ мигъ высшей радости! То я,
Давно пропавшая сестра. Богиня
Отъ алтаря похитила меня
И здѣсь въ своемъ святилищѣ укрыла. 1220.
Въ плѣну, готовъ ты къ жертвоприношенью,
И жрицею сестра тебѣ предстала.

Орестъ.

Злосчастная! Послѣдніе пусть солнце
Увидитъ ужасы въ семействѣ нашемъ. 1225.
Не здѣсь ли и Электра? Чтобъ и ей

Погибнуть съ нами, не отсрочивъ жизни
Для худшаго удѣла и страданій.
Такъ, жрица! Къ алтарю съ тобой иду я:
Обычное братоубійство дѣло
Въ старинномъ родѣ. Слава, боги, вамъ, 1230.
Что уничтожить порѣшили вы
Меня бездѣтнымъ.—Вотъ тебѣ совѣтъ мой.
Не слишкомъ солнце ты люби и звѣзды;
Сойди за мною слѣдомъ въ царство мрака!
Какъ дѣти бездны адовой—драконы 1235.
Свое отродье въ схваткѣ пожираютъ,
Такъ истребляетъ самъ себя нашъ родъ.
Сойди со мной бездѣтной, неповинной!
Жалѣя смотришь на меня ты? Полно!
Такими взорами и Клитемнестра 1240.
Найти пыталась доступъ къ сердцу сына;
Но занесенной дланью поразилъ онъ
Ей грудь, и пала мать.—Возстань, духъ грозный!
Вы, Фурии, сюда! Сомкнувшись кругомъ,
Желаннымъ зрѣлищемъ послѣднимъ, страшнымъ 1245.
И вами-жъ подготовленнымъ насытитесь.
Не мечь иль ненависть ножъ наточила,
Но полная любви сестра къ злодѣйству
Принуждена.—Не плачь! Ты неповинна.
Отъ дѣтскихъ лѣтъ ничто я не любилъ 1250.
Такъ, какъ тебя любить бы могъ, сестра.
Да, занеси свой ножъ и не щади;
Взрѣжь эту грудь и дай истокъ свободный
Потокамъ крови здѣсь въ груди кипящимъ!
(Падаетъ въ изнеможеніи).

И ф и г е н і я .

Нести одна и скорбь, и счастье это 1255.
Не въ силахъ я.—Гдѣ, гдѣ ты, о Пиладъ?
Гдѣ, дорогой, твою найду я помощь?
(Удаляется, отыскивая).

منت

„МИНЪЯТЬ“.

Въ русскихъ письменныхъ памятникахъ находится довольно значительное количество словъ восточнаго происхожденія, зашедшихъ къ намъ разными путями и еще не объясненныхъ ориенталистами или объясненныхъ не вполне удовлетворительно, хотя разгадка ихъ не представляетъ большого затрудненія. Особенно много словъ первой категоріи встрѣчается при описаніи восточныхъ тканей, называвшихся у насъ или по мѣсту производства, напримѣръ бархатъ бурскій—отъ города Бруссы ¹⁾, или по цвѣту, «алый» цвѣтъ (*ал тамгалык ярлык*), или цвѣтъ «таусинный» отъ арабскаго слова *таусъ*—павлинь, слѣдовательно «таусинный» будетъ значить «павлинный», вѣроятно потому, что это была двуличная шелковая ткань съ золотистымъ отливомъ; или прямо принималось восточное названіе, напримѣръ, «камка» (шелковая ткань) отъ персидскаго *кимха*, коленкоръ отъ персидскаго *калямкоръ*—набивной ситецъ, изготовлявшійся въ Испагани и Керманѣ.

Здѣсь я останавливаюсь на словѣ *миньять*, принадлежащемъ ко второй категоріи и встрѣчающемся какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ дѣлахъ, касающихся татаръ, или, иначе говоря: въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами.

Это слово не принадлежитъ къ числу обычныхъ и обще-

¹⁾ Турки, вслѣдствіе того, что не могутъ произносить двухъ согласныхъ въ началѣ слова, называютъ этотъ городъ Бурса такъ же именуется онъ и въ нашихъ документахъ: Бурса, бур-сянинъ.

понятныхъ, вродѣ: *шерть* (клятва), *сеунчъ* (радостная вѣсть), *ярлыкъ* (повелѣніе), *ясырь* (плѣнникъ) и т. п. Оно не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя были усвоены народомъ и вошли въ обиходъ, какъ напримѣръ *якшаться* (отъ татарскаго слова *якши* ¹⁾, что значитъ: хорошо), или *не знать ни бельмеса* («бельмась» есть татарское причастіе—*незнающій*). Оно иного порядка и сложнаго значенія; его никогда не переводили на русскій языкъ, никогда не объясняли даже приблизительно и въ отвѣтныхъ грамотахъ употребляли только въ видѣ цитаты съ татарскаго языка. Смыслъ самого слова былъ, безъ сомнѣнія, понятенъ нашимъ дипломатамъ того времени; но переводъ его современнымъ толмачамъ не поддавался.

Что миньятъ есть арабское слово *миннетъ*, разгадалъ еще В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, только назвалъ, его почему-то арабско-татарскимъ; но точнаго объясненія этому термину онъ не далъ, хотя и подошелъ къ нему довольно близко, основываясь больше на смыслѣ, чѣмъ на словаряхъ. Этотъ ориенталистъ дважды касался даннаго слова въ своемъ «Изслѣдованіи о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ»: въ первомъ томѣ (Спб. 1863, стр. 303—304) и въ третьемъ (Спб. 1866, стр. 254), какъ будто онъ не сразу уяснилъ себѣ это выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, что онъ сказалъ о словѣ *миньятъ* въ первый разъ? А вотъ что: «въ татарскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется именно въ тѣхъ самыхъ значеніяхъ, въ которыхъ оно приведено въ старинныхъ русскихъ переводахъ; говорятъ, между прочимъ: *анынг миннетин узима алдум* ²⁾ отвѣчаю за него, беру на себя». Но что такое: «въ тѣхъ самыхъ значеніяхъ, въ которыхъ оно приведено въ старинныхъ русскихъ переводахъ»? Въ томъ то и бѣда, что въ рус-

¹⁾ Этимъ выраженіемъ *якши* и теперь люди изъ простаго народа здороваются съ среднеазіатцами и выражаютъ расположеніе и готовность на знакомство съ ними.

²⁾ Транскрипція этой фразы русскими буквами принадлежитъ мнѣ; у Вельяминова-Зернова примѣненъ арабскій алфавитъ.

скихъ переводахъ оно оставлено безъ перевода, и значеніе остается неизвѣстнымъ. Повидимому нашъ изслѣдователь видитъ тутъ какое-то ручательство. Съ этимъ можно было бы помириться, если бы къ приведенному толкованію не были прибавлены слѣдующія слова: «Въ рѣчи Шахъ-Алія выраженіе: «чтобы и мнѣ тотъ миньятъ съ себя вамъ государемъ своимъ свести» должно, какъ я думаю, понимать такъ: чтобы и мнѣ предъ вами отличиться такъ же точно какъ отличился братъ мой, погибшій изъ преданности къ вамъ». Слѣдовательно тутъ дается уже другое понятіе слову миньятъ, понятіе объ усердіи или отличіи. Читатель остается въ недоумѣніи, такъ какъ ни то, ни другое объясненіе къ дѣлу не подходитъ. Вѣроятно это чувствовалъ и самъ Вельяминовъ-Зерновъ, такъ какъ, спустя три года, снова коснулся его и на этотъ разъ болѣе рѣшительно. Утверждая, что это слово «арабское», авторъ пишетъ: «употреблялось же оно, какъ мы видѣли, въ значеніе: долгъ, обязанность, служба. На строкѣ 83 Аликеева завѣщанія, значеніе: обязанность, долгъ, дѣйствительно пригодно; читаемъ: ол ишда бизга аларнынг минляти іок дур ¹⁾—«больше же они не вправѣ отъ меня ничего требовать» (т. е. я имъ ничѣмъ не обязанъ). Но въ строкахъ 50, 51, слово *миньятъ* стоитъ между двумя словами: юрт—домъ и каралды—которымъ татары означаютъ всякую домашнюю постройку вообще. Съ этими двумя словами *миньятъ* находится въ прямой связи; мало того, въ соединеніи съ нимъ употреблено еще причастіе: салганъ—возведенный, построенный. Ясно, что въ строкахъ 50, 51, *миньятъ* ничего другого, кромѣ какой либо постройки означать не можетъ. Какъ объяснить это странное явленіе? Думаю, что въ строкахъ 50, 51 Аликеева завѣщанія *миньятъ* употреблено въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ мы русскіе употребляемъ иногда наше слово: *служба*, именно въ смыслѣ домашнихъ построекъ. Могло это быть простымъ подражаніемъ Русскому способу выраженію».

¹⁾ Транскрипція сдѣлана мною.

Приведенная мною длинная выдержка показываетъ, что слово *миньятъ* не принадлежитъ къ числу легкихъ и общедоступныхъ. Въ данномъ случаѣ нашъ изслѣдователь, увлекшись сопоставленіемъ у русскихъ слова служба (исполненіе принятыхъ обязанностей) съ помѣщеніемъ для служителей, смѣшалъ два арабскія выраженія *миннет* и *манат*; послѣднее значитъ предметъ, который къ чему-либо относится. Въ этомъ смыслѣ *манат* дѣйствительно можетъ означать служебныя постройки, и Вельяминовъ-Зерновъ очень удачно примѣнилъ подобное толкованіе; но *миннет* никоимъ образомъ не можетъ имѣть такой матеріальной смыслъ. Если бы Вельяминовъ-Зерновъ вѣрно уяснилъ себѣ значеніе слова *миньятъ*, то, приводя выдержки изъ нагайскихъ дѣлъ, долженъ бы былъ замѣтить, что Новиковъ невѣрно напечаталъ фразу: «и нынѣшней *миньятъ на тебѣ* вѣрь тому, что еси отъ тебя не отступень» (см. дальше, стр. 7); а между тѣмъ онъ не сдѣлалъ никакой оговорки.

Вѣрнѣе подошелъ къ рѣшенію вопроса В. Д. Смирновъ. Въ своемъ трудѣ «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка» (Спб. 1887, стр. XXVI) онъ объяснилъ, что арабское слово *миннет* значитъ: «милость, одолженіе и т. п.»

Такое толкованіе, правильное по существу, однако, недостаточно и не передаетъ надлежащаго смысла этого слова. Объясненіе это, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, не доведено до конца. Чтобы читателю было ясно такое замѣчаніе, я приведу выдержки изъ документовъ по сношенію русскаго правительства съ нагайскими и крымскими татарами, гдѣ встрѣчается это слово.

Начну съ нагайскихъ грамотъ, которыя были обнаружены Н. И. Новиковымъ въ «Продолженіи древней російской Вивліюэики», части VII—XI (СПб. 1791—1801).

Томъ VII. Стр. 265. Измаиль мирза писалъ великому князю: «А наша тобѣ дружба то: будетъ Нагайская на тобя рать поидеть, и мы еѣ не пустимъ; а будетъ Крымской

рати на тебя ити, и мы тотъ миньякъ (*должно быть: миньятъ*) на себя возьмемъ, не пустимъ еѣ. А отъ Казани да отъ Короля самъ ся береги. А Нагайской да Крымской миньянъ на себя возьмемъ».

Тамъ же. «А будутъ твои слова лжи; и ты минята на насъ не клади».

Стр. 294. «Язъ за Шихъ мамай мирзу, и за Мамай мирзу, и за Юсуеъ мирзу и за Исмаилъ мирзу имусь и всѣхъ братіи своей и детей минять на себя возму. А и братъ нашъ старѣйшей князь (Шійдякъ) и Шихъмай мирза въ головахъ всѣхъ своихъ братьей меньшей и дѣтей такъ же минять возмутъ».

Стр. 326. Шихъ Мамай пишетъ великому князю (1536 г.): «Да и сами мы ту землю видели. А какъ мы тамъ побываемъ, и ты на насъ не клади миняту, межъ насъ дружба отстанеть».

Томъ VIII. Стр. 98. Шихъ Мамай писалъ великому князю (1548 г.): «Да просилъ есми у тебя родимого племянника своего царевича, и ты и того къ намъ не отпустилъ; и про то молочіе наши братья и дѣти захотѣли воевати, потому что насъ деи такъ не чтишь, какъ деи нашихъ прежнихъ чтили. И язъ молвилъ, что мнѣ збѣлымъ Княземъ слово доброе есть. Да съ тѣмъ напередъ ихъ Янчуру гонцомъ послалъ есми. И язъ то чаю, что того миняту на мнѣ не осталось».

Дѣло заключается въ томъ, что Шихъ Мамай не могъ удержать своихъ родственниковъ отъ набѣга на Русь, но самъ не пошелъ и увѣдомилъ великаго князя объ этомъ замыслѣ черезъ гонца Янчуру и потому полагалъ, что свое обязательство онъ исполнилъ.

Стр. 102. Шихъ Мамай проситъ у великаго князя кречата и съ сокольникомъ: «и только соколника пришлешь, и тотъ минять на мнѣ буди, что ему кормъ дадимъ».

Стр. 193. Арсланъ мирза пишетъ великому князю: «Отцу моему съ твоимъ отцомъ слово было. А нынече минять ихъ ни на комъ не остался. Оба они отъ сего свѣта отошли».

Стр. 230. «И будетъ Дервишъ Царь надобенъ, и ты пришли доброво боярина, и того минять язъ на себя возму, что отпушу ево».

Стр. 280. Измаиль мирза писалъ великому князю: «А которые люди по Волге кочюють, и тѣмъ съ тобою не завоеватца. Тотъ минять язъ на себя взялъ».

Стр. 303. Юсуфъ князь писалъ: «А сколько ни есть доходовъ и взимковъ твоихъ (съ Казани), тотъ минять на мнѣ будетъ».

Часть IX. стр. 21. Арсланъ мирза писалъ: «А хто похочетъ на васъ ити, и язъ прикажу ¹⁾. А не прикажу, и минять на мнѣ буди».

Стр. 165. Измаиль мирза писалъ: «А брата нашего Дервиша Царя по нашему хотенью учинилъ еси. И твой минять на мнѣ».

Стр. 192. Онъ же писалъ: «Только Государь нашъ здоровъ будетъ съ Крымомъ ратитися. Тотъ минять на насъ».

Стр. 240. Онъ же писалъ: «И толко Утегирѣя Царевича дашь намъ, и тотъ минять на насъ положъ, что Крымъ повоюемъ и воземъ».

Стр. 277. Въ шертной грамотѣ Измаила князя и другихъ Нагайскихъ князей 1557 года читаемъ: «Твой посоль къ намъ придетъ, и намъ лиха не учинити, и силы и заворотни не дѣлати. Тотъ минять на насъ буди».

Часть X. Стр. 121. Онъ же писалъ: «А Юсуфова Княжова сына посылалъ есми звать, и онъ не поехалъ и тотъ минять съ меня шелъ».

Стр. 260. Онъ же писалъ: «И какъ онъ (Казый) съ съ того промежка ²⁾ соидетъ, и Крымской минять мнѣ». Вѣроятно: на мнѣ. Далѣе, стр. 267: «И какъ Казый съ промежка соидетъ, и Крымской минять намъ не буди». Полагаю: на мнѣ буди.

Часть XI. Стр. 47. Толко бы Казый съ промежка шелъ и Крымской бы минять на насъ былъ».

¹⁾ Очевидно, въ смыслѣ *увѣдомлю*.

²⁾ Перекопскій перешеекъ.

Стр. 51. «И нынешней минять на тебѣ ¹⁾ вѣрь тому, что еси отъ тебя не отступень».

Стр. 162—3. «И какъ мое челобитье сстанетца, и потомъ минять намъ нѣбуди ²⁾, другу твоему другъ буду, а недругу твоему недругъ буду».

Стр. 215. «А тѣ два мирзы тебя учнутъ чтити. А тотъ миньятъ язъ на себя взялъ».

Стр. 229. «А только мое челобитье выслушаешь, и пожалуешь пословъ моихъ ко мнѣ на борзе отпустишь, и тотъ минять и шертъ на мнѣ будетъ».

Перехожу къ крымскимъ документамъ, изданнымъ Г. О. Карповымъ подъ заглавіемъ: «Сношенія съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей» ³⁾.

Томъ 41-й. Менгли Гирей писалъ в. кн. Ивану Васильевичу (1493 г.): «И ты, Кады-Бердею моему служѣ силы и помочь давши, съ Абды-Летифомъ царевичемъ отпустишь, мнѣ брату твоему много миньяты» (стр. 174).

Онъ же просилъ великаго князя отпустить въ Крымъ племянника его Адея: «какъ пожаловавъ его отпустишь, мнѣ брату твоему великой миньятъ» (тамъ же). Менгли Гирей просилъ в. князя (1494 г.) приставить къ Абдыль-Летифу царевичу, находившемуся въ Россіи, добраго чело-вѣка Баарынъ Мамыша: «А тотъ Абдыль-Летифъ, къ которому веремени будетъ надобенъ ажъ будетъ счастливъ, и слышети и видѣти и миньятъ бы отъ тебя отошла, а отъ многихъ бы людей тебѣ было исполать» (стр. 211).

Это слово миньятъ иногда произносилось съ мягкимъ окончаніемъ, случалось, что такъ и писалось, оттого и считалось женскаго рода.

Посылая къ в. князю пословъ Лаимбердея и Кайсыма въ 1495 г. съ разными просьбами, Менгли Гирей въ гра-

¹⁾ Должно быть не *на тебѣ*, а *на мнѣ*, иначе не будетъ смысла.

²⁾ Здѣсь опять приходится сдѣлать поправку: вмѣсто *намъ нѣбуди* надо читать: *на мнѣ буди*.

³⁾ «Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества». Т. 41 (Спб. 1884) и т. 95 (Спб. 1895).

мотѣ писалъ: «тому прошенью нашему и слову борзо бы отвѣтъ увѣдали мнѣ брату твоему въ великой миньядъ» (стр. 219).

Сынъ султана Баязида, султанъ Ахмедъ, изъ Токата обратился въ 1498 г. къ посредничеству Менгли Гирея исходотайствовать отпускъ задержанному въ Москвѣ гостю Ахмедову Кортемирю. Менгли Гирей ходатайствовалъ о томъ передъ великимъ княземъ и писалъ: «дасть Богъ здѣ прїѣдутъ, и мои къ салтанъ Агметю многи миньятные слова будутъ, такъ вѣдай» (стр. 269).

Меңгли Гирей просилъ (1498 г.) у в. князя отпустить въ Крымъ Хозя Ахмета: «нынѣ мнѣ, брату своему, Хозя Ахмета со всѣмъ животомъ сему Давыду кошевавъ, пришлѣшь, какъ казну мнѣ дашь, ино болѣ того миньяты мнѣ брату своему» (стр. 271).

Томъ 95-й. Мухаммедъ Гирей извѣщалъ великаго князя (1509 г.), что велѣлъ своимъ ближнимъ людямъ дать шерть: «И нынѣча еси тебѣ тѣхъ переписавъ, послалъ еси, чтобы еси тѣхъ миняты отъ моего лица очистилъ» (стр. 33).

Богатырь - царевичъ просилъ у в. князя кунъ, за что обѣщался стоять противъ недруга его, а если «будеть не такъ», т. е. великій князь кунъ не пошлетъ, «ино бы минята на мнѣ не было»—писалъ царевичъ (стр. 241).

Онъ же писалъ: «И только тѣ два прошенья отцу нашему учинишь, и сколько твоихъ недруговъ ни буди, и отецъ нашъ на всѣхъ твоихъ недруговъ съ тобою будетъ заодинъ, а то миняты на мнѣ буди» (стр. 306).

Мухаммедъ Гирей просилъ у в. князя поминковъ и говорилъ: «наборзѣ бы еси къ намъ прислалъ, а инаково бы еси не учинилъ: братству и дружбѣ примѣта то и великой мѣняты» (стр. 445).

Князь Аппакъ, излагая великому князю, какъ онъ старается на пользу Москвы и какъ ханъ Мухаммедъ Гирей дѣйствовалъ противъ недруга в. князя, польскаго короля, добавлялъ: «восе государь мой царь на твоего дѣла сстатокъ сдѣлалъ, и послѣ нынѣ уже миняты на тебѣ остался» (стр. 519).

Мухаммедъ Гирей ханъ писалъ великому князю: «А ты толко братъ мой на моего недруга на Астрахань не пой-дешь, сколько ни есть миняту и шерть на тебѣ на братѣ моемъ останется» (стр. 635).

Ни къ одному изъ приведенныхъ случаевъ переводъ слова минятъ, какъ «милость» или «одолженіе» не подходитъ. Нельзя милость отъ лица очистить; не могъ вассальный крымскій ханъ писать къ сыну своего сюзерена, къ султану Ахмету «милостивыя» слова. И дѣйствительно тутъ что-то не то.

Изъ сопоставленія сдѣланныхъ выписокъ становится очевиднымъ, что въ словѣ минятъ заключается понятіе о какихъ-то договорныхъ отношеніяхъ между двумя владѣльцами: «а нынече миняты ихъ ни на комъ не остался», объ отношеніяхъ съ какимъ то обязательствомъ: «и тотъ миняты на мнѣ» пишетъ обыкновенно татарскій ханъ, и обратите вниманіе: никогда этого выраженія не примѣняетъ русскій государь, потому что въ посольскомъ приказѣ отчетливо понимали, что нашему государю нельзя брать на себя миняты.

Теперь мы подошли къ развязкѣ задачи. Слово *миннетъ* означаетъ не только милость и одолженіе, но и *обязательство за милость, за одолженіе*. Этимъ все объясняется безъ всякаго недоразумѣнія. Великій князь, посылая подарки хану, тѣмъ самымъ оказываетъ ему милость, а ханъ за эту милость принимаетъ на себя обязательство помогать великому князю по соглашенію съ нимъ. Такъ, нагайскій князь обязывается удерживать своихъ родственниковъ отъ грабежей въ предѣлахъ Россіи, а когда удержать не сможетъ, то долженъ предупредить черезъ гонца о замышляемомъ набѣгѣ, и если онъ это исполнилъ, то обязательство съ него сходитъ. Если крымскій ханъ перейдетъ Перекопскій перешеекъ, чтобы идти на Украину, князь нагайскій долженъ ему препятствовать; а какъ вернется ханъ крымскій за Перекопъ, обязательство съ нагайскаго князя отпадаетъ, и нельзя требовать, чтобы онъ самъ двинулся

въ Крымъ противъ крымцевъ, за это онъ по договору не брался.

Просить ногайскій князь у государя подарковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязывается принять русскаго посла честно, но не по этикету, не по требованію международнаго права, а за государеву милость.

Передать этотъ арабскій юридическій терминъ подходящимъ русскимъ немногословнымъ выраженіемъ наши предки не сумѣли, еще труднѣе было для нихъ передать прилагательное миньятный; думаю, однако, что и въ настоящее время это сдѣлать не легко.

Н. Веселовскій.

Ниль Сорскій и Паисій Величковскій.

«Въ лѣто 7016-ое, мѣсяца маіа въ 7 день, по пасцѣ въ третію недѣлю, святыхъ женъ мѣроносицъ, отъиде къ любящему его Христу» великій старецъ Ниль Сорскій, оставивъ завѣты «умнаго дѣланія», а въ 1722 г., т. е. болѣе, чѣмъ черезъ двѣсти лѣтъ появляется на свѣтъ будущій архимандритъ Свято-Вознесенскаго Нямецкаго и Предтечева Секулскаго Молдовлахійскихъ монастырей, Паисій Величковскій, какъ онъ самъ подписывается, «родимецъ Полтавскій», которому далеко не чужды были эти завѣты. Воспринявъ ихъ такъ же, какъ и Майко (Сорскій), подъ влияніемъ Аѳона, онъ является насадителемъ «умнаго дѣланія» въ Молдавіи, имѣя подъ своимъ вѣдѣніемъ два главнѣйшихъ монастыря.

Этихъ двухъ иноковъ, обоихъ уроженцевъ Россіи, которымъ суждено было сыграть большую роль въ дѣлѣ обновленія монашества, одному въ 15-мъ вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, другому—внѣ предѣловъ ея, но никогда не терявшему связи съ ней, интересно и сопоставить вмѣстѣ, и прослѣдить отношеніе послѣдняго къ первому.

Прежде всего обратимся къ той небольшой литературѣ, которая имѣется о Паисіи, и сдѣлаемъ обзоръ ея.

За исключеніемъ нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ Кишин. Епарх. Вѣд., Христ. Чт. и друг., и свѣдѣній, очень немногочисленныхъ, разбросанныхъ по отдѣльнымъ работамъ, мы не имѣемъ изслѣдованія о житіи и дѣятельности Паисія; если не считать небольшую статью А. И. Яцимирскаго, помѣщенную въ Сборн. Отд. Русск. яз. и Словесности за 1905 г., гдѣ, описывая рукописи Румынскихъ библиотекъ, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ и Паисію. Но и въ

этой ограниченной литературѣ о Паисіи есть указанія на тотъ его интересъ, который онъ обнаружилъ къ «умному дѣланію». Такъ авторъ статьи, помѣщенной въ Кишин. Епарх. Вѣд. за 1898 г. говоритъ: «Онъ отыскиваетъ здѣсь (на Аѳонѣ) болѣе исправныя рукописи святоотеческихъ твореній, изучаетъ ихъ со всею внимательностью, присматривается къ жизни Аѳонской, собираетъ преданія доброй старины, которыя хотя не выполнялись, но и не заглохли—и въ концѣ концовъ окончательно формируется великій Паисій, воскресившій древнее умное дѣланье, умное трезвѣніе». Далѣе тотъ же авторъ неоднократно ¹⁾ указываетъ, что Паисіемъ возобновлено было «умное дѣланье», что это умное дѣланье стояло на первомъ планѣ, отодвигая внѣшнее поведеніе братіи; отмѣчаетъ защиту Паисіемъ «умной молитвы» отъ хулителей ея. Другой авторъ ²⁾ пишетъ о томъ, что ученики Паисія, возвращаясь въ Россію, передавали другимъ «усвоенныя ими правила монашеской жизни и приобрѣтенные навыки общежитія и умной молитвы». Онъ же сообщаетъ, что всѣ наставленія Паисія сводились къ одной цѣли «побудить братію хранить всѣмъ сердцемъ и всею душою заповѣди Божіи и читать святоотеческую литературу». А. И. Яцимирскій въ своей статьѣ устанавливаетъ связь Паисія съ исихастами XIV в. и проводитъ даже параллель между отношеніями Паисія къ Аѳанасію Молдаванину, передъ которымъ первый явился защитникомъ «умной молитвы», и Григоріемъ Синаитомъ и его отношеніями къ калабрійскому монаху; вотъ тѣ небольшія данныя, которыя характеризуютъ однако Паисія, какъ чловѣка съ извѣстнымъ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ.

Возможно, что это стремленіе къ «умному дѣланію» Паисій заимствовалъ непосредственно съ Аѳона,—тѣмъ не менѣе интересно прослѣдить, зналъ ли онъ о томъ, что это умное дѣланіе является leit-motiv'омъ устава Сорскаго, въ какой степени проявлялъ онъ свой интересъ къ вели-

¹⁾ Стр. 584, 704, 710, 779.

²⁾ Свящ. Мих. Ганицкій.

кому старцу Нилу, не искалъ ли онъ для обновленія монашества тѣхъ же путей, по которымъ шелъ Сорскій?

Обращаясь къ библіотекѣ Паисія, видимъ нѣсколько экземпляровъ Преданія Сорскаго ученикамъ—18 в., увидимъ и сборники, въ составъ которыхъ входитъ Преданіе. На одной изъ Волоколамскихъ рукописей ¹⁾, заключающей въ себѣ Уставъ Сорскаго, читаемъ слѣдующую запись: «Блаженныя памяти покойной старецъ Паисій нямецкій. Скончался 1794 года, ноября 15-го дня». Очевидно, Паисій былъ знакомъ съ сочиненіями своего предшественника. Болѣе того, мы можемъ сказать, что Паисій не только зналъ о существованіи Устава, но и принималъ въ немъ живѣйшее участіе, заботясь объ его распространеніи; такъ, въ Воскресенской рукописи (нынѣ Москов. Синод. Библ.) 18 в. имѣющей въ себѣ *Уставъ Нила*, находимъ запись: «Преписана сія книга изъ второго вѣрнѣйшаго перевода старца Паисія, въ Монастре Нямцѣ, монахомъ Платономъ». Вотъ тѣ, такъ сказать, внѣшнія данныя, которыя могутъ указать нѣкоторый интересъ и знакомство Паисія съ Ниломъ.

Посмотримъ теперь произведенія Паисія, его Уставъ для монастырскаго обихода, и его сочиненіе объ умной или внутренней молитвѣ. Попробуемъ сопоставить ихъ съ твореніями Сорскаго и найти въ нихъ что-либо общее. Уставъ Паисія представляетъ изъ себя просто статью, состоящую изъ 18 пунктовъ, очень небольшихъ. Приведемъ только нѣкоторые отрывки и паралельно возьмемъ Уставъ Сорскаго.

У Паисія

У Нила

III) «Настоятель долженъ есть, всеприлѣжно священное писаніе и ученіе богоносныхъ и духоносныхъ отецъ испытующихъ, и кромѣ свидѣтельства писанія и ученія ни

«Слово Божіе да не утаеваемъ, но да явѣ возвѣщаемъ. Ибо божественная писанія и словеса святыхъ отецъ суть множайшая: тыя убо испытующе нелѣнностнѣ, предаемъ

¹⁾ Москва, Епарх. Библ. № 438.

ученіе отъ себя братіи при-
носити, ниже заповѣди пре-
даяти, или что уставляти, но
по силѣ священнаго писанія
и ученія святыхъ отецъ дол-
женъ есть частѣ братію нау-
чати и наставляти и волю
Божію открывати».

Далѣ у Паисія

«Безвременнаго же изъ-
келліи происхожденія и бе-
сѣдъ неполезныхъ, яко яда
смертоносна бѣгати и отвра-
щатися».

«Памяти же смерти и грѣ-
ховъ своихъ, страшнаго же
суда Божія, и муки вѣчнаго
должно всякому по силѣ своей
имѣти».

Обращаясь къ сочиненію Величковскаго объ «умной
или внутренней молитвѣ», мы видимъ, что онъ беретъ для
подкрѣпленія своихъ мыслей тѣхъ же писателей, которыми
пользуется Сорскій. У обоихъ приводятся изреченія Нила
Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Семіона Новаго Богослова,
Григорія Синаита и др. Болѣе того, Величковскій беретъ
изъ нихъ *тѣ же самыя тексты*, которые находимъ и у
Нила...

Такъ напр. Паисій на стр. 15 своего сочиненія приво-
дитъ слова Нила Синаита «Помолившись, какъ должно,
ожидай того, чего не должно, и стань мужественно, храня

приходящымъ къ намъ и
требующимъ сихъ, паче же
не мы, но блаженніи святіи
отцы отъ божественныхъ пи-
саній, и тщатися пребываю-
щымъ у насъ, опасно сія
сохранити» ¹⁾).

И у Нила

«Безвременно бо и небла-
гословно исходити намъ изъ
келлій нашихъ не подо-
баеть» ²⁾).

«въ дѣланіи нашемъ зѣло
потребно и полезно память
смертнующую имѣти всячески и
суда страшнаго» ³⁾).

¹⁾ Стр. 46—Синод. Изд.

²⁾ Стр. 50—Синод. Изд.

³⁾ Стр. 124—Синод. Изд.

плодъ свой». Этотъ же текстъ взятъ Сорскимъ на стр. 145 его Устава. Далѣе Паисіемъ приведено ученіе Григорія Синаита, подтверждающаго свои слова Священнаго Писанія: «Аще молюся языкомъ (т. е. устами), духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть: молюся убо духомъ, помолюся же и умомъ» и «хочу рещи пять словесъ моимъ умомъ» и т. д.— тоже у Сорскаго (стр. 54).

Нѣтъ возможности приводить здѣсь, взятыхъ обоими писателями, ту массу общихъ текстовъ, которыми пестрятъ ихъ сочиненія; упомянемъ лишь, что Паисій иногда беретъ по цѣлымъ страницамъ изъ твореній того или другого святого отца и то же самое буквально, съ разницею лишь языка 15-го и 18-го в. ¹⁾, находимъ у великаго старца Нила. Намъ остается еще отмѣтить то, что, полагаемъ, писалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ Сорскаго. Удержимся отъ воспроизведенія точныхъ словъ Паисія и Нила и для краткости просто укажемъ на стр. 31 сочиненія объ умной молитвѣ Величковскаго, гдѣ онъ говоритъ объ оскудѣніи наставниковъ Божественной умной молитвы и предложеніи замѣны ихъ ученіемъ преподобныхъ отецъ, и отмѣтимъ, что это не что иное, какъ точное повтореніе указаній Сорскаго, рекомендуемыхъ имъ на 57 стр. и др. его Устава. Прибавимъ, что этотъ примѣръ не единственный. Наконецъ мы встрѣчаемъ неоднократное упоминаніе Паисіемъ Сорскаго, котораго онъ называетъ «Россійскимъ свѣтиломъ, просіявшимъ въ великой Россіи умнымъ дѣланіемъ», и отмѣчаетъ свое знакомство съ нимъ: «святой Ниль Сорскій, говоритъ онъ, составившій свою книгу о мысленномъ храненіи».

Итакъ въ библиотекѣ Паисія далеко не единственный экземпляръ Устава Сорскаго, а самъ Паисій, какъ видно по записямъ, принимаетъ живѣйшее участіе въ распространеніи Устава. Въ житіи Паисія находимъ указаніе, что онъ хотѣлъ установить тотъ царскій средній путь, который

¹⁾ Объ умной молитвѣ Паисія Величковскаго, стр. 37 и Преданіе ученикомъ Сорскаго, стр. 67, 68.

былъ принять Сорскимъ, и что только независія отъ Паисія обстоятельства помѣшали ему сдѣлать это. Уставъ Паисія, такъ близко подходящій къ Уставу Сорскаго, сочиненія перваго, указывающаго одинаковыхъ съ Сорскимъ писателей, приводящаго одинаковые тексты, просто повторяющаго мысли и слова Сорскаго, упоминаніе о немъ—вся совокупность этихъ данныхъ наводитъ насъ на мысль, что вліяніе Сорскаго продолжилось не только на ближайшихъ его послѣдователей, но перекинулось черезъ двѣсти лѣтъ и тысячи верстъ на человѣка такъ же, какъ и онъ, стремившагося къ обновленію монашества. Повторяемъ, что мы не имѣемъ цѣлью отвергать совершенно непосредственное вліяніе Аѳона на Величковскаго, но полагаемъ, что такое удивительное сходство въ сочиненіяхъ обоихъ, близкое знакомство младшаго со старшимъ и интересъ перваго къ послѣднему даютъ право думать, что вліяніе Сорскаго было едва ли не большимъ, чѣмъ вліяніе Аѳона. Наконецъ, «родимцу Полтавскому», который, судя уже по подписи, никогда не забывалъ объ этомъ, былъ ближе и понятнѣе сорскій пустынникъ, чѣмъ какъ-ни-какъ, но все же чуждый Аѳонъ... Думаемъ, не безъ вліянія Паисія, его другъ и сопостникъ Василиій интересуется Ниломъ. Такъ въ рукописи Воскресенскаго монастыря, нынѣ Москов. Синод. Библ. (19 в.), заключающей въ себѣ оба Устава Сорскаго, посланія и надсловіе съ пристиженіемъ, находимъ слѣдующую запись: «Здѣ конецъ книги преподобнаго Нила Сорскаго. Предисловіе же на книгу сію и пристиженіе творенія суть блаженныя памяти старца Василия, которое сложилъ въ своемъ ему скиту въ унговлахискомъ княженіи, преставися 1767 года въ апрелѣ мѣсяце». Эта запись, помимо того, что является показателемъ интереса къ Сорскому въ Молдавіи, ставитъ любопытный вопросъ объ авторѣ надсловія на книгу Сорскаго, обыкновенно приписываемаго изслѣдователями ученику его Иннокентію.

Если же принять во вниманіе эту запись, которая положительно говоритъ о Василии, какъ объ авторѣ надсло-

вія, подтвержденіе чому мы имѣемъ въ одной рукописи 18 в. И. П. Б. ¹⁾, гдѣ идетъ то же самое надсловіе (съ нѣкоторыми пропусками), подѣ такимъ заглавіемъ «Отъ предисловія на книгу блаженнаго Нила Сорскаго. Сочинено старцемъ Василиемъ монастыря Поляномерлуй въ Монтянщинѣ»,—гдѣ уже прямо и вторично указывается на автора—Василія, мы можемъ во 1) видѣть несомнѣнно большой интересъ въ Молдавіи къ Сорскому, если черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ пишется надсловіе на его книгу, 2) установить данту написанія надсловія на 200 лѣтъ позднѣе, и наконецъ 3) указать другого автора ея.

Паисій ждетъ своего изслѣдователя—мы же хотимъ лишь отмѣтить его связь съ Сорскимъ и констатировать фактъ несомнѣннаго вліянія великаго старца Нила на «родимца Полтавскаго».

М. Боровкова-Майкова.

¹⁾ О. I. № 274, л. 145.

Поморскій Торжественникъ.

Торжественники, или собранія словъ на праздники, издавна появились на Руси; ихъ списки восходятъ къ XV вѣку. Они употребляются и понынѣ при праздничномъ богослуженіи православными, но исключительно въ монастыряхъ, а старообрядцами, вообще въ церквахъ и модельняхъ.

Вопросъ о составѣ торжественниковъ едва затронуть въ литературѣ. Авторъ описанія рукописей Соловецкой бібліотеки ¹⁾ опредѣлилъ дѣленіе торжественниковъ по расположенію въ нихъ словъ на Тріодные и Минейные, при чемъ въ первыхъ слова расположены примѣнительно къ Тріодямъ, а въ послѣднихъ къ Минеямъ мѣсячнымъ.

А. С. Орловъ въ своей работѣ о Торжественникахъ ²⁾ интересовался главнымъ образомъ торжественникомъ, написаннымъ виршами, и почти не коснулся состава обыкновенныхъ торжественниковъ.

Мы можемъ лишь добавить, что существуютъ торжественники, совмѣщающіе въ себѣ тріодныя и минейныя слова. Такой экземпляръ поступилъ въ 1909 г. въ Имп. Публичную бібліотеку.

По видимому, не было опредѣленнаго типа торжественника по составу словъ, а каждый вносилъ слова по своему выбору.

Это соображеніе подтверждается еще и тѣмъ, что старообрядцы - Поморцы сами составляли торжественники изъ словъ св. отцовъ и слѣдовательно, не усматривали въ этомъ

¹⁾ Т. I, Казань 1881 г. стр. въ 62—695.

²⁾ Памятники Древн. Письменности в. 156, Спб. 1905.

противорѣчія съ точки зрѣнія церковной литературной практики. Таковъ напр. принадлежащій библиотекѣ Имп. Академіи Наукъ Торжественникъ Сѣв. № 512 (по описанію В. И. Срезневскаго № 91 стр. 75), составленный епископомъ Петромъ Прокопьевичемъ и оконченный паписаніемъ въ 1720 г., и другой, той же библиотеки, Сѣв. № 513.

Кромѣ православныхъ торжественниковъ было однако отмѣчено также существованіе особаго торжественника, состоящаго исключительно изъ словъ, написанныхъ Поморскими отцами. Первое описаніе такого сборника принадлежитъ А. Н. Попову, и напечатано въ его описаніи рукописей библиотеки А. И. Хлудова, нынѣ находящейся въ Московскомъ Никольскомъ Единонѣрческомъ монастырѣ, гдѣ эта рукопись значится подъ № 274 ¹⁾. До настоящаго времени это самый полный по числу словъ торжественникъ.

Слова написанныя Поморскими отцами, начинаются обыкновенно съ описанія праздника, на который написано слово, затѣмъ слѣдуетъ объясненіе символическаго значенія праздника, въ концѣ поученіе, обращенное къ слушателямъ. Изложены слова чрезвычайно витіевато по правиламъ риторики. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ на поляхъ сохранились наименованія риторическихъ фигуръ и схемы, по которымъ составлялось слово. Въ началѣ словъ нѣтъ обычнаго въ отеческихъ словахъ: Благослови отче; онѣ замѣнены обращеніемъ къ «слушателямъ благочестивымъ», или къ «благочестивому собранію». Большинство словъ начинается текстомъ изъ священнаго писанія или церковнаго пѣснопѣнія, который и опредѣляетъ тему слова.

Въ настоящей замѣткѣ мы не будемъ изслѣдовать ни редакцій словъ, ни пытаться опредѣлять ихъ авторовъ: то и другое изслѣдованіе можетъ имѣть мѣсто лишь со временемъ, когда будутъ обнаружены и приведены въ извѣ-

¹⁾ Въ описаніи А. Н. Попова стр. 540, рукопись ошибочно отнесена къ XVIII вѣку: на бумагѣ имѣются водяные знаки «1805, 1809 и 1810». Описана она по оглавленію, т. к. пропущены тексты въ началѣ словъ.

стность новые списки словъ и торжественниковъ и выяснены литературные приемы каждаго изъ Поморскихъ отцовъ. А теперь для такой работы слишкомъ мало матеріаловъ. Мы изложимъ лишь имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія о Поморскомъ торжественникѣ, которыхъ пока не находили въ литературѣ.

Обратимся теперь къ обзорѣ рукописей, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи: иныхъ, содержащихъ Поморскіе торжественники, намъ не удалось найти, а начнемъ его съ Хлудовскаго торжественника какъ наиболѣе полнаго.

Приведемъ здѣсь его описаніе, составленное А. Н. Поповымъ, но сдѣлавъ къ этому описанію надлежащія дополненія и поправки. Послѣ каждаго слова мы приводимъ списки въ которыхъ оно встрѣчается, какъ въ другихъ торжественникахъ, такъ и отдѣльно. Объясненія обозначенія списковъ читатель найдетъ ниже при описаніи ихъ: тамъ, во избѣжаніи повтореній, мы будемъ обозначать слова, встрѣчающіяся въ Хлудовскомъ списокѣ по номерамъ стоящимъ впереди слова. Обозначаемъ этотъ списокъ литерою X.

1) *Торжественникъ*, или слова на праздники, составленный настоятелями безпоповцами Выгорѣцкой обители, въ 4-ку, Поморскаго письма XIX вѣка ¹⁾, на 4 и 522 листахъ. На поляхъ слова названы главами и отмѣчены номерами.

Передъ текстомъ на 4-хъ листахъ: Оглавленіе настоящія книги сея торжественника.

1) Л. 1. Мѣсяца сентября въ 8 день. На Рождество пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи. Слово похвальное.

Нач: Небо небесь радуется днесь, слышателіе благочестивіи.

Встрѣчается и отдѣльно: ИПБ. Q. XVII, № 199, л. 44; здѣсь въ заглавіи сказано, что слово это сочинено въ 7239 (т. е. 1731 году). См. Бычковъ. Описаніе собранія Богданова стр. 122.

¹⁾ Описаніе рукописей М. 1872, стр. 540.

2) л. 16. Слово на Рождество пресвятыя Богородицы. (Текстъ) ¹⁾: Гряди отъ Ливана, Невѣсто, гряди отъ Ливана. Пѣсни пѣсней, глава IV.

Нач: Рожество Владычицы нашея преблагословенныя Богоматере есть всечестный и божественный праздникъ.

В. л. 1; Д. II л. 1; Д. III л. 10; Д. IV л. 4; С; Я.

3) л. 34 об. Слово на Рожество пресвятыя Богородицы. (Текстъ): Благословена ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего. Лука, глава I, зачало 4.

Нач: О новыхъ и преславныхъ вещей, содѣявшихся нынѣ.

Д. I л. 170; Д. II л. 11 об.; Д. III л. 20; С.

4) л. 43. Слово на Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста Господня. (Текстъ): Аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ. Слова Самаго Владыки нашего Христа Ісуса во евангеліи Іоанновомъ во главѣ XII, стихъ 32.

Нач: Любовь Божія къ человѣческому стеству.

В. 23; Д. II л. 16; Д. IV л. 28; С; Я.

5) л. 61 об. Слово на Воздвиженіе честнаго креста. (Текстъ): Господи, яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ. Дивная слова, дивнаго Давыда въ предивнѣй книзѣ псаломстѣй предивнѣ духовозбръцанная.

Нач: Преславно во истинну и зѣло преславно намъ днесъ свѣтоносіе возсіяваетъ.

Единственный списокъ; заглавіе слова взято изъ оглавленія.

6) л. 68. Слово на Введеніе пресвятыя Богородицы. (Текстъ): Приведутся царю дѣвы вслѣдъ ея, и искренняя Ея приведутся Тебѣ. Слова сія суть священнаго пѣснопѣвца Давыда во псалмѣ XLIV.

Нач.: Превысокое и пребожественное настоящаго дне таинство.

Д. II л. 25; Д. III л. 45; Д. IV л. 45; С; Я.

7) л. 85. Слово на Введеніе Пресвятыя Богородицы.

¹⁾ Поставленное въ скобки вставлено нами.

(Текстъ) Откуда мнѣ се, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ. Словеса сія суть святаго апостола и евангелиста Луки въ книзѣ благовѣстія его во главѣ I, стихъ 43.

Нач.: Что сія всесладчайшая радость.

Заглавіе изъ оглавленія. В. л. 36 об.; Д. II л. 33; Д. IV л. 60 об.; С.

8) л. 93 об. Слово на Введеніе пресвятыя Богородицы. Нач.: Красный сей и пресвѣтлый настоящи праздника день.

Единственный списокъ.

9) л. 96. Слово на Рождество Господа нашего Ісуса Христа. (Текстъ) Рождество Твое, Христе Боже нашъ, во сія мiрови свѣтъ разумный. Словеса сія суть всекраснаго церковнаго пѣснопѣнія, яже въ тропарѣ настоящаго всерадостнаго праздника всерадостно воспѣвается.

Нач.: Нынѣшняго всепресвѣтлаго торжества.

Заглавіе изъ оглавленія. Д. I л. 8; Д. II л. 48; Д. IV л. 68; С.

10) л. 104. Слово на Рождество Господа нашего Ісуса Христа. (Текстъ) Въ немъ бо звѣздамъ служащіе звѣздою поучахуся Тебѣ кланяться, солнцу праведному. Тропарь Рождеству Христову.

Нач.: Вчерашнія многоцѣнныя трапезы.

Заглавіе изъ оглавленія. Д. I л. 15; Д. II л. 56 об.; Д. IV л. 75 об.; С.

11) л. 115. Слово на Рождество Христово. (Текстъ) Христось раждается, славите. Григорій Богословъ.

Нач.: Виолеемъ градъ Давидовъ собираетъ днесь.

Д. II л. 69 об.; С; Я.

12) л. 127. Слово на Рождество Господа нашего Ісуса Христа.

Нач.: Все убо праздницы Христовы и Богородицы.

В. л. 47.

13) 139 об. На Рождество Христово. (Текстъ) Се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христось Господь. Лука, глава II, стихъ 10—11.

Нач.: Что настоящее всекрасное торжество.

Единственный списокъ; на поляхъ приведены названія риторическихъ фигуръ, по которымъ писано слово.

14) л. 143 об. Слово на Рожество Господа нашего Ісуса Христа.

Нач.: Рожество Господа нашего.

На поляхъ приведены названія риторическихъ фигуръ, по которымъ писано слово. Я.

15) л. 159. На Рожество Христово.

Нач.: Всекрасное Ваше стеченіе.

Единственный списокъ.

16) л. 162. Слово на Богоявленіе Господне. (Текстъ) Во Іорданѣ крещающутися Господи, тройческое явися поклоняніе. Словеса сія суть церковнаго всекраснаго пѣсно-словія, яже въ настоящій пресвѣтлый праздникъ всерадастно воспѣваются.

Нач. Пречюдная настоящаго всекраснаго торжества сладость.

Заглавіе изъ оглавленія: В. л. 61 об.; Д. I л. 26; Д. II л. 68; Д. IV л. 85 об. С.

17) л. 176. Слово на Богоявленіе Господа нашего Ісуса Христа.

Нач.: Вся убо яже отъ вѣковъ.

На поляхъ: Т. П. т. е. Трифона Петрова; затѣмъ приведены названія, риторическихъ фигуръ, по которымъ писано слово; единственный списокъ.

18) л. 187 об. Слово на Срѣтеніе Господа нашего Ісуса Христа. (Текстъ) Введоста родителя отроча Ісуса въ церковь сотворити има по обычаю законному о немъ.

Нач.: Царское всерадостное торжество.

В. л. 78 об.; Д. I л. 39; Д. II л. 78; Д. IV л. 98 об. С; Я.

19) л. 197 об. Слово на Срѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа.

Нач.: Днесъ происходитъ Царь небеси.

На поляхъ названія риторическихъ фигуръ, по которымъ написано слово. Единственный списокъ.

20) л. 208 об. Слово на Благовѣщеніе Господне. (Текстъ) Днесъ спасенію нашему начатокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе, Сынъ Божій, сынъ дѣвичъ бываетъ, и Гавріиль радость благовѣствуетъ. Словеса святяя церкве въ настоящій всечестный праздникъ въ тропарѣ глаголаемая.

Нач.: Аще кая всесладчайшая радость проуготована бяше.

Заглавіе изъ оглавленія, гдѣ слово ошибочно приурочено ко Срѣтенію Господню.

В. л. 92; Д. I л. 49; Д. II л. 86; Д. IV л. 152; С; Я.

21) л. 219 об. Слово въ недѣлю Цвѣтную. (Текстъ) Рцыте дшери Сіоновѣ: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ влѣднъ осля и жребя, сына яремнича. Матѣй, глава XI, зачало 9.

Нач.: Всекрасное настоящее торжество есть всего міра сладкая радость.

В. л. 106; Д. I л. 94; Д. II л. 94; Д. IV л. 161; С; Я.

22) л. 233. Слово на Воскресеніе Господне. (Текстъ) Видѣхомъ славу Его, яко единороднаго отъ Отца. Словеса сія суть святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ первой его евангелія главѣ, стихъ 14.

Нач.: Христось воскресе, радуйтеся людіе.

В. л. 123; Д. I л. 137 об.; Д. II л. 103; Д. IV л. 172; С.

23) л. 249. На Воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа. Слово торжественно, сочинено въ лѣта 7240.

Нач.: Пасхи свѣтлоносіе свидѣтельствуесть.

Д. III л. 34 об., гдѣ это слово озаглавлено: На святую Пасху слово торжественное, сочиненное символически отъ созданія міра 7242 (т. е. 1734 г.). Стихъ: Воскресеніи день, просвѣтимся людіе, Пасха Господня. Ирмосъ, гласъ 1, пѣснь 1; С.

24) л. 262. Слово на Воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа. (Текстъ) Сей день, иже сотвори Господь, возрадуемъ и возвеселимся въ оны. Священная Давыдова возглашаетъ цѣвница во псалмѣ XVII.

Нач.: Что се есть всепрекрасное и пресвѣтлое настоящее торжество.

Встрѣчается и отдѣльно: И.П.Б. О. I, № 355 л. 205; Друж. ¹⁾ № 304, л. 109 об. Оба Поморскаго письма XVIII в.

25) л. 271. Во вторникъ свѣтлыя недѣли. Слово похвальное пресвятѣй Богородицы. (Текстъ) Лицу Твоему молятся богатіи людстии. Всеселадостно духоносная Давыдова глашаетъ цѣвница во псаломстѣй книзѣ.

Нач.: Время намъ всепредивныя радости днесь всепредивно возблиста.

В. л. 144 об.; Д. I л. 151 об. Встрѣчается и отдѣльно: И.П.Б. Q. XVII, № 199 л. 34; здѣсь оно приписано С. Денисову. Въ В. оно названо: Слово пресвятыя Владычицы нашея Богородицы; по страницамъ сверху: слово пр. Богородицы Одигитрии.

26) 282 об. Слово въ Новую недѣлю. (Текстъ) Тѣмже аще кая о Христѣ нова тварь древняя мимо идоша се быша вся нова.

Нач.: Новая недѣля нарицается настоящій день.

В. л. 160; Д. II л. 113; С.

27) л. 308. Слово на Вознесеніе Господне. (Текстъ) Господь же убо по глаголаніи Его къ нимъ, вознеся на небо и сѣдѣ одесную Бога. Евангеліе отъ Марка глава XVI, стихъ 19.

Нач.: Радуйтесь людіе радостію сугубою.

В. л. 194 об.; Д. III л. 369 об.; С.

28) л. 317. Слово на шествіе Святаго Духа. (Текстъ) И будетъ по семъ излію отъ Духа Моего на всяку плотъ. Іоиль, III.

Нач.: Да возвеселятся небеса и радуется земля.

В. л. 206 об.; Д. III л. 377 об.; С.

29) л. 329. Слово на шествіе Святаго Духа. (Текстъ) Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву. Псаломъ CXLI.

Нач.: Нынѣ вся тварь свѣтло радуется.

¹⁾ Такъ будемъ обозначать рукописи нашего собранія.

Заглавіе изъ оглавленія. Д. I л. 197; Д. III л. 389 (безъ текста); С.

30) л. 334. Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ. (Текстъ) Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ. Псаломъ LXVII.

Нач.: Въ настоящій святой и всекрасный день.

В. л. 223; С.

31) л. 343. Слово на Преображеніе Господа нашего Ісуса Христа.

Нач.: Преображенія всекрасное торжество.

В. л. 297; С; Я.

32) л. 352 об. Слово на Успѣніе Пресвятыя Богородицы. (Текстъ) Въ рожествѣ дѣвство сохранила еси и во успѣніи мира не оставила еси, Богородице. Тропарь, гласъ I.

Нач.: Праздникъ свѣтлый и всерадостный восія намъ днесь.

Заглавіе изъ оглавленія. В. л. 310; С; Я.

33) л. 365. Мѣсяца сентября въ 26 день, на праздникъ святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, слово поучительное. (Текстъ) Сей есть ученикъ свидѣтельствуй о сихъ, иже и написа сія, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его. Іоанна, глава XXII.

Нач.: Всеи убо святіи апостоли велицы суть.

Единственный списокъ.

34) л. 378. Слово на память святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

Нач.: Красный и всечестный восія намъ праздникъ днесь.

В. л. 345 об.; Я.

35) л. 387. Святому апостолу и евангелисту Іоанну Богослову. (Текстъ) Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Слова сія пророческая въ книзѣ псаломстѣй написанная суть.

Нач.: Якоже звѣзды пресвѣтлыя на тверди небѣснѣй.

Единственный списокъ.

36) л. 394. Мѣсяца сентября въ 27 день. Преподобнаго отца нашего Савватія Соловецкаго чудотворца. (Текстъ)

Увѣдите, яко удиви Господь преподобнаго своего. Словеса сія священнаго Давыда глаголанная во псалмѣ IV-мъ.

Нач.: Что ваше всекрасное днесь празднолюбное собраніе.

Встрѣчается и отдѣльно Друж. № 30 л. 59 XIX в. Здѣсь приписано А. Денисову; безъ заглавія.

37) л. 405. Мѣсяца декабря въ 6 день. Слово на память святаго Николы.

Нач.: Се возлюбленніи приспѣ всечестное торжество.

В. л. 326 об.; Д. II л. 38; С; Я.

38) л. 419. Мѣсяца апрѣля въ 17 день. Слово на память преподобнаго отца нашего Зосимы игумена Соловецкаго чудотворца. (Текстъ) Увѣдите, яко удиви Господь преподобнаго своего. Псаломъ IV, стихъ 4.

Нач.: Свѣтоносная память настоитъ здѣсь Зосимы преблаженнаго.

С.

39) л. 427. Мѣсяца іюня въ 24 день. Слово на рожество святаго Іоанна Предтечи. (Текстъ) Елисаветѣ же исполнися время родити ей и роди сына. Лука, глава I.

Нач.: Іоаннъ днесь раждается и кто возрадуется.

В. л. 235; С; Я.

40) л. 441. Мѣсяца іюня въ 29 день. Слово на память Святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла. (Текстъ) Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Псаломъ XVIII.

Нач.: Восія намъ прекрасное свѣтозарное торжество.

В. л. 255 об.; Д. I л. 163; С; Я.

41) л. 447. Мѣсяца августа въ 8 день. Слово вспоминательное вкупѣ и похвалительное о пренесеніи честныхъ мощей Зосимы и Саватія всепреподобною отцу Соловецкою чудотворцу.

Нач.: Радостна намъ и всерадостна настоящаго всекраснаго торжества.

Д. V л. 371 и отдѣльно Друж. № 30 л. 20 XIX в.

42) л. 466. О житіи преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы

и Саватія вкратцѣ собранное, колико и въ кая лѣта бысть пренесеніе мощей ихъ.

Нач.: Преподобный отецъ нашъ Саватій поживе.

И отдѣльно Друж. № 30 л. 43 об. XIX в.

43) л. 468 об. Слово на память преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Саватія Соловецкихъ чудотворцовъ. (Текстъ) Праведницы во вѣки живутъ.

Нач.: Якоже на тверди небеснѣй два свѣтила великая солнце и луна.

В. л. 283; С; и отдѣльно Друж. № 30 л. 46 об. XIX в.; здѣсь названо: Похвала преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцовъ и приписано А. Денисову.

44) л. 478 об. На рожество великаго во пророцѣхъ Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Слово торжественное сочиненное символически. Стихъ. Подобаеть Іоанну благоуханіе: подобаеть Крестителю пѣніе и красота.

Нач.: Настоить десь великаго во пророцѣхъ Іоанна торжество.

Единственный списокъ.

45) л. 498. Мѣсяца іюля въ 20 день. Святому и славному пророку Іліи. (Текстъ) Взять бысть Ілія вихромъ яко на небо. Четвертыхъ Царствъ, глава II.

Нач.: Что днесъ шумъ празднующихъ бываетъ, о всечестное постническое собраніе.

В. л. 264.

46) л. 512. Слово благодарное, егда изъ Нова Града отъ заключенія свободися Симеонъ Д(іонисіевичъ) за усердныя молитвы къ Богу и попеченіе общебратственное, а наипаче за неусыпный трудъ и стараніе Андрея Д(іонисіевича) и просить и молить присоединить его общебратскому стаду.

Нач.: Предивнаго отеческаго о Христѣ сосословія.

Кромѣ этого, мы имѣли въ нашемъ распоряженіи слѣдующіе Торжественники:

2) Библиотеки Имп. Академіи Наукъ Сѣв. № 514 (АК.) ¹⁾.

3) Нашей библиотеки № 385 (Д. V).

4) Тоже № 2 (Д. I).

5) Тоже № 301 (Д. III).

6) Тоже № 384 (Д. IV).

7) Тоже № 300 (Д. II).

8) Библиотеки И. А. Вахромѣева № 51 (В).

9) Выписку изъ оглавленія Торжественника, принадлежащаго отцу А. Степановичу живущему на Двинѣ (С).

10) Выписку изъ оглавленія Торжественника, принадлежащаго одному молитвенному дому въ Ярославлѣ (Я).

Приведемъ здѣсь краткое описаніе этихъ торжественниковъ.

Библиотеки Имп. Академіи Наукъ изъ прибрѣтеній В. И. Срезневскаго, Сѣв. № 514, въ 4^о, писанъ старымъ Поморскимъ скорописнымъ почеркомъ разныхъ рукъ начала XVIII в. Въ немъ 45 отеческихъ словъ и одно, съ л. 295, С. Денисова: Слово воспоминательное о святыхъ чудотворцѣхъ въ Россіи восіавшихъ, яко о святости житія, тако и о преславныхъ чудесѣхъ ихъ. Нач.: Якоже самъ пресущественный ²⁾. Слова расположены въ минейномъ порядкѣ. Торжественникъ этотъ, по указанію В. И. Срезневскаго, находился ранѣе въ библиотекѣ Выговской пустыни. Обозначаемъ этотъ Торжественникъ литерами АК.

Нашей библиотеки № 385 въ 4^о, писанъ тѣми же старопоморскими скорописными почерками разныхъ рукъ, начала

¹⁾ Пользуемся случаемъ выразить В. И. Срезневскому, завѣдующему рукописнымъ отдѣленіемъ библиотеки, нашу искреннюю признательность за указаніе этой рукописи и двухъ ниже помянутыхъ (Сѣв. № 512 и 513) и за предоставленіе возможности воспользоваться ими для настоящей работы.

²⁾ Оно извѣстно еще въ слѣдующихъ спискахъ: нашей библиотеки № 385 л. 312, и № 212 л. 2 XVIII в., ИПБ. Q. I № 1080 л. 184 (Богд. № 41) и нашей библиотеки № 3 оба XIX в. и напечатано старообрядцами въ 1786 г., см. И. Бычкова, Описаніе ркп. Богданова, II стр. 103 и Ундольскій, Хронологическое описаніе славяно-русскихъ книгъ церковной печати М. 1871, № 2858.

XVIII в., что и предыдущій. Въ началѣ апокалипсисъ, а затѣмъ 39 словъ отеческихъ и житій святыхъ и двѣ выписки, одна изъ книгъ Маккавейскихъ, а другая изъ Маргарита. Слова расположены въ минейномъ порядкѣ. Въ числѣ словъ встрѣчаемъ два Поморскихъ: одно (л. 312) С. Денисова—это слово вспоминательное о св. чудотворцахъ, то же, что и въ предыдущемъ Торжественникѣ, и его же (л. 371). Слово вспоминательное и вкупѣ и похвалительное о пренесеніи мощей св. Зосимы и Саватія (по X. № 41). Оно извѣстно также въ спискѣ XIX в. въ нашемъ сборникѣ № 30 л. 21. Обозначаемъ эту рукопись Д. V.

То же № 2, въ малый листъ новѣйшаго плохого полууставнаго письма не Поморскаго; въ немъ Поморскія слова чередуются съ отеческими; изъ 26 словъ 11 Поморскихъ, а именно: по X. №№ 9, 19, 16, 18, 20, 21, 22, 25, 40, 3, 29; порядокъ словъ тріодный. Онъ обозначенъ литерою Д. I.

То же № 301 въ листъ новѣйшаго полуустава; въ немъ 36 словъ, расположенныхъ въ минейномъ порядкѣ; изъ нихъ 30 отеческихъ, а 6 Поморскихъ по X. №№ 2, 23, 27, 28, 29; съ л. 357 об. написано слово на Вознесеніе Господне на текстъ: Изведъ же ихъ вонъ до Вифаніи и воздвигъ руки свои, благослови ихъ, и бысть, егда благословяше ихъ, отступи отъ нихъ и возношашеся на небо. Нач.: Веліе и преславное есть праздника сего таинство. Слово извѣстно только въ этомъ спискѣ. Онъ обозначенъ литерою Д. III.

То же № 384 въ 4^о Поморскаго скорописнаго письма конца XVIII вѣка; онъ дѣлится на двѣ части; первая—до л. 195, заключаетъ поморскія слова, а вторая отеческія, житія и разсужденія. Порядокъ размѣщенія Поморскихъ словъ минейный съ нѣкоторыми отступленіями. Въ первой части 17 словъ по X. №№ 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 16, 18, 20, 21 и 22. Съ л. 131: Поученіе въ недѣлю Мясопустную (то же что ниже въ Д. II) А. Денисова, 20, 21, 22 и съ л. 188 слово на св. Пятидесятницу на текстъ: Кто

Богъ велій, яко Богъ нашъ. Словеса сія св. пророка Давыда въ псалмѣ LXXVI, писанная, нынѣ гласно въ настоящемъ прокимнѣ воспѣтая. Нач.: Естество Бога нашего. На полѣ отмѣчена форма и фигуры риторическія, по которымъ оно составлено, а литеры А. Б. свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ его А. Борисовъ. Единственный извѣстный списокъ этого слова. Обозначенъ литерою Д. IV.

Тоже № 300 въ листъ, писанъ скорописью конца XVIII в., бумага 1798—1799 гг.; составленъ исключительно изъ Поморскихъ словъ числомъ 16. Изъ нихъ 15 имѣются въ X. а именно: №№ 2, 3, 4, 6, 7, 37, 9, 10, 11, 16, 18, 20, 21, 22, 26 и послѣ нихъ: Поученіе въ недѣлю Мясопустную, о второмъ пришествіи Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа съ текстомъ во главѣ: Уподобися царство небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими (Евангеліе отъ Матѳея глава XVIII, зачало 77). Нач.: Преблагій и человѣколюбивый Богъ нашъ. Оно сочинено А. Денисовымъ и извѣстно еще по двумъ спискамъ Богд. (ИПБ.) № 46 л. 4 и № 49 л. 252 и С. Обозначается литерою Д. II.

Собранія И. А. Вахромѣва № 51, нынѣ Имп. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ № 45899; онъ описанъ А. А. Титовымъ въ томѣ I Описанія рукописей И. А. Вахромѣва ¹⁾, гдѣ ошибочно отнесенъ къ XVIII в. Списокъ этотъ написанъ, судя по бумагѣ, письму и заставкѣ въ серединѣ XIX в. Слова расположены въ немъ сначала въ тріодномъ, а цотомъ въ минейномъ порядкѣ, а именно: по X. №№ 2, 4, 7, 12, 16, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 30, 39, 40, 45, 43, 31, 32, 37, 34. Всего 22 слова и всѣ Поморскія; среди нихъ одно (№ 25) принадлежитъ перу С. Денисова. Обозначаемъ этотъ списокъ литерою В.

¹⁾ М. 1888, стр. 39. Къ сожалѣнію, описаніе составлено по оглавленію къ рукописи, а не по тексту ея, почему пропущены тексты въ началѣ словъ и измѣнены нѣкоторыя ихъ заглавія.

Кромѣ описанныхъ выше Торжественниковъ, благодаря иконописцу Ѳ. А. Каликину, мы получили составленные имъ, согласно указаніямъ нашимъ, перечни Поморскихъ словъ, заключающихся въ Торжественникѣ, принадлежащемъ отцу Акиму Степановичу, живущему на Двинѣ и въ Торжественникѣ, находящемся въ одномъ изъ молитвенныхъ домовъ въ Ярославлѣ. Первый, обозначаемый литерою С., писанъ въ XIX в., содержитъ по Х. №№ 2, 3, 4, 6, 7, 37, 9, 10, 11, 16, 18, 20, 21, 22, 23, 26, 38, 27, 24, 28, 29, 30, 39, 40, 43, 31, 32 и слова: А. Денисова въ недѣлю Мясопустную (ср. Д. II л. 128) и, другое на текстъ: Сребру покоряются всяческая (Еккл. гл. X). Нач.: Премудрый царь Соломонъ. Оно извѣстно по спискамъ ИПБ. Q. I № 1081, л. 276 и нашей библ. № 81, л. 275. Остальные слова святоотеческія.

Второй, обозначаемый литерою Я, конца XVIII в., кромѣ отеческихъ, заключаетъ слова Поморскія по Х. №№ 2, 4, 6, 37, 11, 14, 18, 20, 21, 34, 39, 40, 31, 32 т. е. всего 14 словъ. Повидимому, слова расположены въ минейномъ порядкѣ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно общее число словъ въ каждой изъ этихъ рукописей.

Изъ сравненія состава выше описанныхъ Торжественниковъ усматриваемъ, что, въ списокъ АК помѣщено лишь одно Поморское слово, въ Д. V имѣется два слова Поморскаго сочиненія.

Въ списки Д. I, Д. III, С и Я внесено уже значительное число Поморскихъ словъ, но всетаки имѣется достаточное число и отеческихъ.

Списки Д. II, В и X состоятъ исключительно изъ Поморскихъ словъ; изъ нихъ Д. II, менѣе полный, состоитъ изъ 16 словъ, а X наиболѣе полный изъ 45 словъ. Къ этой же категоріи можно было бы отнести и Д. IV, потому что первая часть его, до л. 195, состоитъ сплошь изъ Поморскихъ словъ, и по составу подходитъ къ Д. II, а вторая часть изъ житій, статей нравоучительныхъ и словъ отече-

скихъ: это какъ бы соединеніе двухъ совершенно разнородныхъ Торжественниковъ.

Итакъ, по числу помѣщенныхъ словъ и по составу послѣднихъ, Поморскіе Торжественники не однородны; даже самый полный изъ нихъ, списокъ X., не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ Поморскихъ словъ на праздники. Нужно замѣтить, что Поморцы написали значительное число такихъ словъ. Онѣ частію извѣстны по имѣющимся въ библіотекахъ спискамъ, а частію по сочиненію Григорія Яковлева: «Испытаніе о раскольническихъ мнѣніяхъ и исповѣданіе о единой соборной истинной и православной церкви, вкупѣ и извѣщеніе праведное о расколѣ безпоповщины, въ лѣто 1748-е, не лицемѣрное мое, а чистое передъ Господомъ Богомъ» ¹⁾, близко стоявшаго къ Поморскимъ отцамъ и хорошо освѣдомленнаго о писаніяхъ ихъ, впослѣдствіи же присоединившагося къ православной церкви, и, кромѣ того, по Каталогу Павла Любопытнаго.

Первый изъ нихъ сообщаетъ только кѣмъ, и на какіе праздники написаны слова; второй же, приводя въ списокѣ сочиненій авторовъ наименованіе праздниковъ, для прославленія коихъ написаны ими слова, даетъ иногда и начальную строку словъ. А такъ какъ на одни и тѣ же праздники написано разными отцами обыкновенно по нѣсколько словъ и притомъ иногда одинъ и тотъ же авторъ писалъ по нѣсколько словъ на тотъ же праздникъ, то приуроченіе существующихъ списковъ словъ къ показаніямъ Г. Яковлева и П. Любопытнаго довольно гадательно, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда извѣстно лишь одно слово, написанное на тотъ или иной праздникъ, или когда приводится начало слова, или наконецъ, когда имя автора обозначено.

Григорій Яковлевъ ²⁾ приписываетъ А. Денисову (1674—1730 г.) слѣдующія слова: Слова на праздники Господскія,

¹⁾ Издано пр. Субботинымъ въ Братскомъ Словѣ за 1888 г. и отдѣльно. Ссылаемся на отдѣльное изданіе.

²⁾ Стр. 106.

токмо не на всѣ. Слова на праздники св. Іоанна Богослова и Іоанна Предтечи краткія.

С. Денисову ¹⁾ (1682—1741 г.) слѣдующія: Слова на праздники Господскіе; но на всѣ же не успѣлъ написать, а на Пасху не одно есть. Два слова на праздникъ Іоанна Предтечи. Два слова преподобному Зосимѣ и преподобному Савватію на памяти ихъ. Слова на память свят. Николая чудотворца. А сіи слова пространныя и положены въ книгѣ церковной въ торжественникѣ, съ прочими на чтеніе всенародне, именно же: Слово на праздникъ пренесенія честныхъ мощей преподобныхъ Зосимы и Савватія и Слово на праздникъ всѣмъ россійскимъ чудотворцамъ, сочиненное по именомъ ихъ и новоявленнымъ, сколько могъ собрать воспоминательно изряднѣ.

Трифона Петрова (1670—1766 г.) сочиненія: Слова на всѣ праздники Господскіе ²⁾, Богородичны и Пасху. Слова на рождество св. Іоанна Предтечи, тезоименный свой день, на праздникъ св. Іоанна Богослова, преподобныхъ Зосимы и Савватія, преподобнаго Александра Свирскаго и св. Николая Чудотворца ³⁾.

По этимъ упоминаніямъ можно приурочить только слѣдующія два слова С. Денисова: Слово воспоминательное о св. чудотворцахъ Россіи просіявшихъ и на перенесеніе мощей св. Зосимы и Савватія. П. Любопытный тоже, какъ увидимъ ниже, считаетъ ихъ принадлежащими С. Денисову.

П. Любопытный ⁴⁾ приводя первыя слова текста, припи-

¹⁾ Неизвѣстный біографъ С. Денисова также сообщаетъ, что послѣдній во время заключенія въ Новгородѣ написалъ много словъ: Во оное время уединенное зѣло много потрудися во обысканіи конечномъ философскихъ наукъ и въ прочитаніи божественныхъ писаній, многія словеса на праздники торжественныя написа и Богоматерь и святыхъ Божіихъ угодниковъ тѣми почти. Друж. № 42 л. 29 об.

²⁾ Въ X. № 17.

³⁾ Стр. 106—109.

⁴⁾ №№ Словъ приводимъ по изданію Н. Попова въ Сборникѣ для исторіи старообрядчества вып. V, приложение, М. 1866.

сываетъ слѣдующія слова А. Денисову: Слово на Богоявление (Нач.: Понеже праздникъ всесвѣтлый, 77); на Воскресенье Христово (Нач.: Боголюбивый соборъ, 83); то же (Нач.: Всемирнаго благополучія, 84); на Преображение Господне (Нач.: Понеже убо ваше боголюбное сословіе, 80); похвальное св. Александру Свирскому (Нач.: Понеже убо многа ваша любовь и усердіе, 99); отцу Савватию Соловецкому (Нач.: Праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ, 79); на рождение св. Іоанна Предтечи (Нач.: Сего рождества съ рожденными, 87) то же (Нач.: Авраамъ праотець велику почестъ прія, 86); то же (Нач.: Великій сей нами празднуемый день Предтечи, 85).

Семену Денисову: Слово на Воскресение Христово (Нач.: Всемирнаго благополучія, 84).

Слова эти пока не извѣстны.

Слѣдующія слова упоминаются безъ обозначенія начальной строки.

Андрея Борисова (1734 — 1791): Слово на праздникъ св. Троицы (125) ¹⁾ и въ честь св. Іоанна Дамаскина (126).

Г. И. Корнаева, Романовскаго (1748—1796): Похвальное слово на Введение во храмъ, (230); св. Іоанну Златоусту, (231); св. Николѣ Мирликійскому, (233); св. Димитрію царевичу (234).

С. Денисова: Пять словъ на богородничные дни, празднуемые въ Выгорѣцкой киновіи отлично (506); Слово на Рождество Христово (509); похвальное слово Савватию Соловецкому чудотворцу (514) и похвальное слово Зосимѣ и Савватию (540).

Трифона Петрова (1670—1766): на Срѣтеніе Господне (564); на Рождество пр. Богородицы (565); на день св. Іліи пророка (568).

Семена Петрова (1715—1787): похвальное слово Божіей Матери (549); на день Знаменія пр. Богородицы (548); св. Александру Свирскому (552), на день св. ап. Ѳомы (550).

¹⁾ Оно извѣстно по Д. IV л. 188, см. выше стр. 46—47.

Тимоѣя Андреева (1745—1808): на Знаменіе пр. Богородицы (570).

Наконецъ, кромѣ списковъ торжественниковъ и извѣстій Г. Яковлева и П. Любопытнаго, мы имѣемъ списки словъ на праздники, встрѣчающіеся отдѣльно, а именно: А. Денисова—на Рождество Христово (текстъ: Придѣте, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе. Нач.: Рождества Христова праздникъ радости), находящіеся въ сборникѣ ИПБ. Q. I, № 1075 л. 66 ¹⁾ и С. Денисова—на Введение во храмъ пр. Богородицы (текстъ: Откуда мнѣ се, яко Мати Господа моего прииди ко мнѣ, священнаго Луки священное евангеліе священо возглашаетъ. Луки зач. 4. Нач.: Преславно намъ днесъ и всебогато открывається таинство, въ спискахъ ИПБ. O I, № 355 л. 213 и нашей бібліотеки № 304 л. 109 об. Это послѣднее слово, вѣроятно, подразумѣваетъ П. Любопытный подъ № 530 ²⁾).

Повидимому, сюда же относятся нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ № 88, описанномъ у Н. И. Петрова въ Описаніи рукописныхъ собраній находящихся въ г. Кіевѣ в. I, М 1892 г., на стр. 135: На недѣлю 23 (ѡема: Того бо есмы твореніе. Нач.: Величество души нашей разумной; л. 13 об.); въ недѣлю третью (ѡема: терпѣніемъ да течемъ на подлежащій намъ подвигъ. Нач.: Изволеніе нашего пути; л. 18 об.); въ недѣлю Воскресенія Христова (ѡема: Христось воскресе изъ мертвыхъ. Нач.: Общаго будущаго нашего воскресенія надежда; л. 25 об.); въ недѣлю двадцатьшестую (ѡема: блюдите убо опасно како ходите. Нач.: Мудрыхъ есть любомудрое качество; л. 33). Наше предположеніе основано на формѣ словъ: текстъ и по его поводу слово и указаніе на поляхъ той риторической формы, по которой сложено слово: это обычный способъ написанія Поморскихъ словъ.

Имѣется еще категорія словъ, которыя встрѣчаются въ Торжественникахъ и отдѣльно, а именно: Слово на Вос-

¹⁾ И. А. Бычковъ. Описаніе рукописей Богдановъ стр. 62.

²⁾ И. А. Бычковъ. Описаніе рукописей Богданова стр. 99.

кресеніе Господне (X. № 24), на рожество пр. Богородицы (X. № 1), во вторникъ Свѣтлыя недѣли, похвальное пр. Богородицѣ (X. № 25) на сентябрю 27, св. Савватія (X. № 36), на 8 августа, о перенесеніи мощей св. Зосимы и Савватія (X. № 41), о житіи тѣхъ же святыхъ (X. № 42), на память тѣхъ же святыхъ (X. № 43), А. Денисовъ поученіе въ недѣлю мясопустную (Д. II л. 128, Богд. № 46 л. 4 и № 49 л. 252).

Изъ обзора всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній о словахъ на праздники, написанныхъ Поморцами, усматривается, что далеко не всѣ онѣ вошли въ даже въ самый полный списокъ Торжественника, принадлежащій Хлудовскому собранію; нѣкоторыя встрѣчаются отдѣльно, а другіе въ Торжественникѣ и отдѣльно. Отсюда явствуетъ, что слова писались на праздники въ разное время не для Торжественника, а только впослѣдствіи были собраны въ особые сборники, описаніе коихъ мы привели выше и что Поморскій Торжественникъ, какъ и православный есть лишь позднѣйшій сборникъ ранѣе написанныхъ словъ на разные праздники.

Когда же и у кого возникла мысль о внесеніи въ Торжественникъ словъ Поморскихъ отцовъ? По свидѣтельству Г. Яковлева, С. Денисовъ написалъ два слова для включенія въ обыкновенный Торжественникъ ¹⁾: это слово о всѣхъ Россійскихъ чудотворцахъ, и на перенесеніе мощей св. Зосимы и Савватія. Это извѣтіе подтверждаютъ современные автору списки: АК, съ однимъ словомъ о Россійскихъ чудотворцахъ, и списокъ Д. V съ обоими словами. Въ послѣднемъ только эти два слова принадлежатъ перу Поморскаго отца, остальные слова отеческія. Если принять въ соображеніе, что С. Денисовъ умеръ въ 1741 г., то нужно признать, что попытка ввести слова въ текстъ Торжественника была сдѣлана имъ, конечно до

¹⁾ См. выше стр. 50.

этого года ¹⁾). Любопытно отмѣтить, что слова эти не попали въ Торжественникъ, составленный по приказанію Д. Викулина Петромъ Прокопьевымъ и А. Денисовымъ для Лексинской обители и оконченный писаніемъ, согласно записи, 24 іюня 7228 г. (т. е. 1720 г.). Этотъ обширный Торжественникъ заключаетъ въ себѣ 110 словъ, расположенныхъ въ минейномъ порядкѣ. Онъ принадлежитъ Библиотекѣ Имп. Академіи Наукъ ²⁾). Быть можетъ, слова С. Денисова не были еще тогда написаны, или же, ектесіархъ не рѣшился еще поставить ихъ рядомъ съ отеческими. Наконецъ, нужно еще имѣть въ виду, что Г. Яковлевъ писалъ свое «Извѣщеніе праведное» въ 1748 г. ³⁾ и что слѣдовательно составленіе Поморскихъ Торжественниковъ нужно отнести къ еще болѣе позднему времени.

Торжественникъ нашего собранія Д. II, представляющій болѣе краткую редакцію, писанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1798—1799 гг. и весьма къ нему близкій по содержанию Д. V, писанный скорописью XVIII в. даютъ поводъ отнести составленіе этой редакціи къ концу XVIII или самому началу XIX в.

Подтверженіемъ предположенію о болѣе позднемъ времени составленія Поморскаго Торжественника должно служить внесенное въ Д. V слово А. Борисова, жившаго съ 1734 по 1791 г.

Что касается В., то нужно полагать, что онъ списанъ съ болѣе ранняго списка, т. к. въ срединѣ XIX в. врядъ ли могъ найтись среди Поморцевъ составитель такого сборника.

Наиболѣе полная редакція Торжественника пока извѣстна въ одномъ Хлудовскомъ спискѣ, который судя по клеймамъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что почему то слово о Россійскихъ чудотворцахъ исчезло изъ Торжественника; не потому ли, что оно было напечатано старообрядцами въ Супраслѣ?

²⁾ Сѣв. № 512; 33—1—10. Онъ будетъ подробно описанъ въ отчетѣ В. И. Срезневскаго.

³⁾ Стр. 10.

бумаги, (1805, 1807 и 1810) писанъ въ первой четверти XIX в.

Такая хронологія списковъ можетъ быть даетъ основаніе для выясненія хронологіи составленія редакцій Поморскаго Торжественника; постепенное заполненіе его состава словами Поморскихъ отцовъ какъ бы отражаетъ теченіе жизни самой Выговской пустыни: Денисовы начали устроеніе пустыни,—С. Денисовъ первый внесъ свои слова въ Торжественникъ; она получила полное развитіе при ученикахъ ихъ въ теченіи XVIII вѣка—въ спискахъ этого періода число Поморскихъ словъ въ Торжественникѣ постепенно увеличивается; полный расцвѣтъ ея, вызвавшій ея разрушеніе, относится къ концу XVIII и первой трети XIX вѣка: отеческія слова пропадаютъ изъ списковъ Торжественника этого періода и замѣняются исключительно словами Поморскихъ отцовъ.

В. Дружининъ.

Изъ археологіи Кіевской земли.

Археологическія основы въ послѣднее время получаютъ все болѣе видное мѣсто въ исторіи начального періода всякой страны. Историческая жизнь Ю. Месопотаміи, Египта, Греціи и Италіи теперь извѣстна, хотя и плохо, задолго до того времени, о которомъ остались первыя письменныя свѣдѣнія. Конечно, начальная жизнь странъ, не привлекающихъ къ себѣ столь напряженнаго вниманія изслѣдователей со всѣхъ концовъ ученаго міра,—странъ съ болѣе молодой культурой, еще покрыта обыкновенно густымъ мракомъ, и далеко не всегда старанія доморощенныхъ изслѣдователей способствуютъ его разсвѣнію. Тамъ, гдѣ теперь нужно лишь тщательное собираніе матеріала и кропотливая работа надъ мелкими фактами, слишкомъ часто приходится встрѣчать цвѣтистыя теоріи, которыя лишь приводятъ въ веселое настроеніе изслѣдователей болѣе ясныхъ періодовъ народной жизни. Отсюда то пренебрежительное отношеніе, какое часто бываетъ въ ученомъ мірѣ къ такъ называемой до-исторической археологіи, этой скомпрометированной наукѣ. А между тѣмъ всякій, кто работалъ надъ обширнымъ этнографическимъ матеріаломъ, какой за послѣднія десятилѣтія собранъ для такъ называемыхъ доисторическихъ эпохъ, знаетъ, насколько трудно отказаться отъ предположеній и сопоставленій, совершенно очевидныхъ на первый взглядъ и совершенно сомнительныхъ на самомъ дѣлѣ. Тѣмъ болѣе цѣнными надо признать группы древностей столь типичныхъ, что внутренняя связь между ними не можетъ быть оспариваема, въ то время какъ область ихъ распростране-

нія достаточно обширна: иначе говоря, если онѣ характеризуютъ опредѣленную эпоху въ культурномъ развитіи той или иной страны. Для Россіи самыми ранними изъ такихъ группъ древностей надо въ настоящее время считать тѣ изъ нихъ, которыя объединяются названіемъ «Трипольской культуры». Впервые она была найдена въ Молдавіи (Кукутены) извѣстнымъ чешскимъ ученымъ проф. Пичемъ; затѣмъ ее обнаружили и стали изучать (надо сказать, совершенно самостоятельно) въ двухъ мѣстахъ: въ Вост. Галиціи (польскіе ученые, начиная съ Г. Оссовскаго), и въ Кіевской землѣ (В. В. Хвойка). Между этими мѣстами вскорѣ нашлись и соединенія: въ Бессарабіи (проф. Э. Р. фонъ-Штернъ), въ Подольской губ. и т. д.

Своеобразныя формы погребеній и построекъ, примитивная и не лишенная иногда художественности техника находимой въ нихъ керамики — придаютъ памятникамъ Трипольской культуры самостоятельный интересъ. Но въ настоящей статьѣ я на этомъ не буду останавливаться: моя цѣль — подчеркнуть значеніе ея въ исторіи культурнаго развитія земли, которую въ болѣе позднія времена занимали южныя русскія племена.

Какъ извѣстно, древнѣйшіе остатки человѣка въ Ю. Россіи относятся еще къ эпохѣ палеолита; но этотъ современникъ мамонта и носорога потомъ или удалился или погибъ: геологическія условія сдѣлали Приднѣпровье на долго необитаемымъ. Неолитическая культура, которую принесли съ собой новые поселенцы, развивается зато у Днѣпра замѣчательно спокойно, пока не достигаетъ высшаго своего расцвѣта въ культурѣ Триполья. Древнѣйшіе памятники — землянки въ изобиліи находятся по берегамъ впадающихъ въ Днѣпръ рѣчекъ. Находимые въ нихъ предметы домашняго обихода и остатки пищи указываютъ на существованіе довольно осѣдлаго населенія, занимавшагося охотой, скотоводствомъ и *земледѣліемъ*. Всякія теоріи о томъ, у кого научились земледѣлію обитатели Приднѣпровья, не имѣютъ подъ собою почвы: новые насельники

пришли въ Ю. Россію уже земледѣльцами, и земледѣліе съ того времени здѣсь не прекращалось, хотя и не имѣло въ теченіе долгаго времени столь первенствующаго значенія, какъ впослѣдствіи. Керамика, которая въ изобиліи находится въ остаткахъ землянокъ, имѣетъ примитивныя формы и примитивный вдавленный орнаментъ, роднящій ее вообще съ неолитической орнаментиціей Средней Европы; но есть и сосуды—правда, очень рѣдкіе—съ цвѣтной орнаментировкой (рядами красныхъ пятенъ). Особенно замѣчательна правильность и постепенность развитія орнамента на сосудахъ изъ землянокъ ¹⁾). Повидимому, въ теченіе долгаго времени неолитическая культура Ср. Приднѣпровья не испытывала сильныхъ постороннихъ вліяній или потрясеній, развиваясь самостоятельно и послѣдовательно.

Къ болѣе позднему періоду относятся мѣста погребеній—такъ называемыя площадки, довольно загадочныя до сихъ поръ остатки сооружений. Господствующій обрядъ погребенія въ нихъ—сожженіе, хотя въ единичныхъ случаяхъ встрѣчалось и простое положеніе въ землю. Керамика площадокъ весьма ясно дѣлится на 2 типа:

1. Простые, грубые сосуды совершенно явно продолжаютъ собою тѣ виды, которые существуютъ уже въ землянкахъ и, въ свою очередь, являются родоначальниками формъ, господствующихъ или повторяющихся въ керамикѣ болѣе позднихъ періодовъ, такъ называемаго «киммерійскаго» (крашенныхъ костяковъ) и «скиѣскаго» (хотя едва-ли это названіе примѣнимо къ обитателямъ Ср. Приднѣпровья въ какую бы то ни было эпоху ихъ исторіи). Имѣютъ они также связь съ керамикой Сѣверной Европы.

2. Сосуды гораздо болѣе тонкой выдѣлки, часто богато украшенные разноцвѣтной росписью, рѣзко отличаются отъ издѣлій первой категоріи, хотя тѣ и другіе находятся

¹⁾ Было бы очень желательно изданіе собранныхъ В. В. Хвойкой образцовъ, иллюстрирующихъ это развитіе совершенно наглядно.

вмѣстѣ ¹⁾. Формы и орнаментъ у нихъ очень разнообразны: въ однихъ мѣстахъ преобладаетъ одинъ типъ, въ другихъ—иной; есть сильныя различія и по времени. Такъ, Петренскіе сосуды проф. фонъ-Штерна почти тождественны съ Трипольскими типа «В», (по классификаціи В. В. Хвойки), тогда какъ керамика Подолья и Галиціи представляетъ иные, болѣе развитые типы, приближающіеся къ Трипольскимъ сосудамъ типа «А» (болѣе позднимъ).

Взаимоотношеніе высшей и низшей керамики площадокъ еще не вполне ясно. Съ одной стороны, несомнѣнно, что грубые сосуды—продукты мѣстнаго производства, которое существовало до площадокъ и продолжалось послѣ нихъ; съ другой, столь же несомнѣнно вліяніе на нихъ высшей керамики. Для этой послѣдней какъ будто нѣтъ начала въ области между Карпатами и Днѣпромъ, или, по крайней мѣрѣ, оно неизвѣстно. Отмѣчу также, что чѣмъ дальше къ юго-западу, тѣмъ больше преобладаютъ сосуды высшаго типа, тогда какъ около Кіева они сравнительно рѣдки. Итакъ, тѣ мѣста, откуда ихъ производство доходило до Днѣпра, надо искать гдѣ-нибудь у Карпатъ или на низовьяхъ Дуная. Въ курганахъ Эракіи, до сихъ поръ извѣстныхъ, къ сожалѣнію, только по единичнымъ раскопкамъ французскихъ археологовъ, была обнаружена керамика, имѣющая съ Трипольской разительное сходство, несмотря на то, что она сопровождается совершенно различными обрядами погребенія. Возможно, что и между Карпатами и Днѣпромъ, и во Эракіи господствовало когда-то сильное вліяніе того культурнаго центра, вліяніе котораго на югъ (Троя, Микены) такъ обстоятельно доказано Губертомъ Шмидтомъ. Дѣйствительно, близость Трипольской керамики къ Греческой настолько велика, что Г. Оссовскій счелъ ее подражаніемъ классической греческой, и лишь впоследствии стало ясно, что она стоитъ въ связи съ керамикой Трои

¹⁾ Это явленіе, постоянное въ Приднѣпровьѣ, отмѣчаетъ и Львовскій ученый, др. Гадачекъ (Hadaczek).

и Микенъ. Отсюда названіе «до-микенской», которое предлагаетъ для нея проф. фонъ-Штернъ; отсюда и тотъ интересъ, который проявили къ ней многіе археологи, занимающіеся Эгейской древностью ¹⁾. Связь съ Троей домикенскаго періода, замѣтная уже въ керамикѣ Триполья и Петренъ, становится еще гораздо яснѣе при разсмотрѣніи Галиційскихъ сосудовъ въ музеѣ имени гр. Дзѣдушицкихъ (во Львовѣ); особенно интересенъ одинъ изъ нихъ, и по формѣ очень близкій къ раннимъ Троянскимъ амфорамъ, и по орнаментировкѣ представляющей замѣчательный переходъ отъ типичной Трипольской спирали къ южному меандру ²⁾.

Признавая связь Трипольской керамики съ Троей и Балканами, мы не въ правѣ, однако, дѣлать изъ нея заключеній о какой бы то ни было племенной близости, переселеніяхъ и т. д., потому что здѣсь и тамъ при многомъ сходномъ есть еще больше совершенно несходнаго. Культурное взаимодействіе — это все, что мы можемъ констатировать. И въ этомъ отношеніи связь Триполья съ Греціей — не единственная связь. Есть и другой путь культурнаго вліянія, до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не указанный. Онъ связываетъ Трипольскую культуру съ Адриатикой. Въ Крайнѣ мы находимъ интересные образцы очень близкой къ Галиціи, хотя болѣе поздней, полихромной керамики, а въ Италиі есть цѣлый рядъ параллелей въ бронзовомъ вѣкѣ, а затѣмъ и въ развитой этрусской культурѣ. И далѣе къ югу можно

¹⁾ Я употребляю терминъ «Трипольская культура» за неимѣніемъ лучшаго, хотя у Триполья сдѣланы первыя находки ея лишь въ предѣлахъ Россіи. Терминъ, употребляемый проф. фонъ-Штерномъ, не кажется мнѣ достаточно опредѣленнымъ. На Черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ я предложилъ чисто географическое названіе «Карпато-днѣпровской культуры», но оно, можетъ быть, слишкомъ громоздко.

²⁾ Исторія происхожденія спирали и меандра — одинъ изъ большихъ вопросовъ исторіи орнамента, но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ Кіевскимъ и Львовскимъ музеями предохранило бы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ археологовъ отъ излишнихъ манипуляцій съ Перуанскими древностями.

указать на рядъ аналогій между культурой Триполья и Сициліей (неолитическаго періода) ¹⁾.

Въ Кіевской землѣ керамика высшаго типа появляется и исчезаетъ вмѣстѣ съ площадками, оставляя грубую посуду развиваться (не всегда совершенствуясь) самостоятельно или подъ иными вліяніями. Было бы очень важно прослѣдить исторію керамики Ю. Россіи до временъ великихъ князей: это была бы иллюстрація смѣны вліяній, какія испытывала съ юга кіевская земля; но рѣзкихъ переломовъ здѣсь не найдется, и часто можно узнать начало орнаментовъ, распространенныхъ во времена Владиміра, еще въ эпоху неолита. Въ Галиціи какъ будто можно установить болѣе продолжительное и полное развитіе керамики высшаго типа и переходъ къ формамъ, типичнымъ для бронзоваго вѣка, но и тамъ полихромная роспись сосудовъ продолжается недолго.

Итакъ, что же даютъ площадки для культурной исторіи Кіевской земли? Мнѣ кажется, что кромѣ фактовъ, опредѣляющихъ уровень ея развитія въ эпоху площадочныхъ погребеній, слѣдуетъ отмѣтить именно эту очень раннюю связь съ Западной и главнымъ образомъ съ Южн. Европой, связь, которая неизмѣримо ранѣе какихъ бы то ни было восточныхъ вліяній. Этотъ фактъ принадлежности Приднѣпровья въ самомъ началѣ его исторіи къ европейскому культурному міру становится тѣмъ болѣе интереснымъ, что въ археологическихъ памятникахъ этой земли въ эпоху неолита какъ бы сходятся двѣ первенствующія культурныя области: сѣверная, тяготящая къ Сѣверному и Балтійскому морямъ, и южная, такъ пышно расцвѣтшая на берегахъ Средиземнаго моря.

К. Хилинскій.

¹⁾ Я сужу по матеріалу, собранному въ музеяхъ въ Болоньѣ, Флоренціи, Римѣ, Палермо, Сиракузахъ, и въ итальянскихъ публикаціяхъ. Въ частности, типичные для Виллановской и предшествующей ей культуры сосуды изъ бронзы и глины кажутся естественнымъ развитіемъ тѣхъ прототиповъ, какіе можно видѣть въ Русскихъ и Австрійскихъ музеяхъ.

Замѣтки къ Никоновскому (Академическому) списку Степенной Книги.

I.

Настоящая замѣтка посвящена одному любопытному списку Степенной съ дополненіями, а именно рукописи Имп. Ак. Наукъ № 38,8,1 (печатнаго каталога № 25). Изъ этой рукописи удалось уже извлечь интересную Отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена, а также извѣстное заклятіе патріарха Никона, келейной книгой котораго былъ занимающій насъ списокъ, подаренный имъ въ 1660—1661 годахъ Новоіерусалимскому монастырю ¹⁾. Но до сихъ поръ остается ненапечатанной одна приписка, находящаяся въ Академической рукописи и сообщающая довольно любопытное извѣстіе. Помѣщена приписка, сдѣланная скорописью второй половины XVII вѣка, на 358 стр. ²⁾ интересующаго насъ списка, на полѣ, въ видѣ примѣчанія къ слѣдующему разсказу. Когда въ Новгородѣ во времена крещенія Руси бросили кумирь Перуна въ Волховъ, то бѣсъ, вселившійся «въ того бездушнаго идола» «пловяше сквозѣ великій мостъ и вверже на мостъ палицу свою и рече: «Симъ тѣ-

¹⁾ См. «Новыя данныя для характеристики патріарха Гермогена» (Ж. М. Н. Пр. 1901 г., отд. II, стр. 138—145) и «Обстоятельный каталогъ россійскимъ рукописнымъ книгамъ къ Россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библиотекѣ находящихся», составленный Ив. Соколовымъ (см. № 25 катал.).

²⁾ Рукопись перемѣчена по страницамъ.

шитесь людіе Новгородстіи, поминающе мене». Съ тѣхъ поръ, какъ замѣчаетъ авторъ разсказа, это «творяху безумніи людіе во многа лѣта. Въ нѣкія праздники сходящеса, и, яко позоры дѣюще, бои творяху: деревянымъ ослопїемъ біяхуся и убивахуся, утѣху бѣсамъ содѣваху. О таковыхъ же дѣлехъ много многожды возбраняху имъ святителіе, и помалу таковая нынѣ прелесть упражнящеса»¹⁾ Послѣ слова «упражнящеса» въ рукописи поставленъ знакъ ⊗, подъ которымъ²⁾ на полѣ читается: последи же || во 7160 году послѣднія || палицы у святаго Бориса и Глѣба вземъ Ни || конь митрополитъ Новгородскій³⁾ || передъ собою || сожже, и тако преста⁴⁾ бесовское || то позорище || оттоле. Со оловя || ными ми⁵⁾ наконецъ || ники тяжкими».

Приведенная переписка сообщаетъ, какъ мы видимъ, что въ 1651—2 г. Никонъ вооружился противъ кровопролитныхъ боевъ, которые несмотря на старанія и увѣщанія святителей новгородскихъ, продолжались до его времени, при чемъ участники этихъ кровавыхъ потѣхъ бились далеко не шуточно, тяжелыми дубинками. По своему характеру митрополитъ рѣшилъ, не ограничиваясь уговариваніями, пресѣчь зло въ корнѣ, для чего и приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи «палицы» «со оловянными наконечники тяжкими». Принимая во вниманіе, что приписка была создана въ келейной книгѣ Никона и, повидимому, до его патріаршества, мы готовы счесть ее за запись автобіографическаго характера, хотя и не собственноручную.

1) См. Полное собраніе Р. Л. т. XXI, стр. 110, приписка идетъ параллельно словамъ: «многа лѣта. Въ нѣкія... И видѣ Перуна, приплывша ко бреғу».

2) На полѣ знака въ настоящее время нѣтъ. Онъ срѣзанъ при переплетѣ рукописи. Отъ срѣзки пострадали и начальныя буквы нѣкоторыхъ строкъ записи. Послѣдняя приводится съ раздѣленіемъ ея на строки ||.

3) Буквы *городскій* помѣщены среди текста рукописи между строками.

4) Сверху полустерты буквы *та*.

5) Такъ въ текстѣ, по явной опискѣ: буквы *ми* излишни.

II.

Вторая наша замѣтка имѣетъ въ виду конецъ Академической рукописи, содержащей въ себѣ выписки изъ Хронографа 1617 года. Начинаясь извѣстіемъ о первомъ бракѣ Грознаго, выписки эти доходятъ до самаго окончанія названнаго Хронографа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Никоновскаго (или Академическаго) списка Степенной. Въ общемъ онѣ воспроизводятъ текстъ Хронографа, начиная съ фразы: «Егда же убо царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи въ возрастъ мужества своего достиже», съ нѣкоторыми измѣненіями. Съ одной стороны, пропущены: статья о взятіи Казани, замѣтки о разныхъ событіяхъ царствованія Грознаго, извѣстіе объ его кончинѣ, а также отрывки изъ Хожденія Трифона Коробейникова. Съ другой стороны, вставлена Отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена, выванная непріязненнымъ отзывомъ автора Хронографа о святителѣ, отзывомъ, помѣщеннымъ въ статьѣ «О Гермогепѣ патріарсѣ и кончинѣ его». Что касается вышеотмѣченныхъ сокращеній, то они обусловлены желаніемъ неизвѣстнаго компилятора или «писателя» выписокъ приспособить конецъ Хронографа къ Степенной, дать дополненіе къ ней. Поэтому, снабдивъ свою первую выписку изъ Хронографа кинноварнымъ заглавіемъ *«Хошу же воспомянути о первомъ брацѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича»*, писатель выписываетъ изъ статей Хронографа о царствованіи Грознаго лишь характеристики Анастасіи Романовны и царя Ивана, извѣстіе объ опричинѣ и сообщеніе о смерти царевича Іоанна. «О прочемъ же о всемъ», т. е. объ остальныхъ событіяхъ эпохи Іоанна IV, замѣчаетъ далѣе писатель, «впереди писано»¹⁾. Послѣдними словами указывается Степенная. И въ заглавіи статьи о царствованіи Θεодора Іоанновича опять таки видно желаніе приспособить Хронографъ къ Степенной. Оно читается: *«Цар-*

¹⁾ Никон. Степенная, стр. 2241.

ство государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русіи. Степень осмыйнадесять. Грань 18 ¹⁾).

Пополняя Степенную Хронографомъ 1617 г., писатель, повидимому, не имѣеть другихъ пособій подъ руками. Онъ положился на свой источникъ и даже допустилъ хронологическую ошибку въ сообщеніи года перваго брака Грознаго, неловко выбросивъ одну фразу изъ Хронографа. А именно изъ сообщенія: «Въ лѣто 7050, сентября, приходили Казанскіе Татарове къ Нижнему Новуграду и убили подъ посадомъ Нижегородскихъ бояръ 36 человекъ, а иныхъ живыхъ плѣниша и отъидоша паки въ Казань», сообщенія, за которымъ въ Хронографѣ слѣдовало: «Егда же убо царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи въ возрастъ мужества своего достиже, тогда сочетается...» писатель составилъ слѣдующее извѣстіе: «Въ лѣто убо 7050 царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи въ возрастъ мужества своего достиже, тогда сочетается...» ²⁾). Въ другомъ случаѣ, добросовѣстно слѣдуя тексту Хронографа, писатель говоритъ: «о преждереченномъ благовѣрномъ бояринѣ Никитѣ Романовичѣ», забывъ, что извѣстіе объ этомъ лицѣ находилось въ пропущенномъ имъ сообщеніи о смерти Грознаго. Характерно, что писатель, пропустивъ по недосмотру слово «благовѣрный», вписываетъ его на полѣ подъ киноварнымъ крестикомъ ³⁾).

Но несмотря на такую точность въ передачѣ текста Хронографа, въ Никон. Степенной есть рядъ чтеній несходныхъ съ напечатаннымъ въ Изборникѣ текстомъ ⁴⁾).

¹⁾ Ibid. стр. 2244; на стр. 2345, 2249, 2251 на верху находятся киноварью обозначенія: «18 степень».

²⁾ Ibid. стр. 2241; ср. Синод. Хрон. № 135, листь 420. Изборникъ, стр. 182.

³⁾ Никон. (Акад.) Степ., стр. 2246.

⁴⁾ Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что покойный А. Н. Поповъ, издатель Изборника Хронографовъ, при изданіи Хрон. 1617 года не вполне слѣдовалъ своему основному списку, исправляя и поправляя его на основаніи другихъ рукописей и не всегда при этомъ оговариваясь; такъ въ Син. Хрон. на л. 421 читается: «и

Нѣкоторыя изъ этихъ чтеній являются результатомъ невольныхъ при перепискѣ искаженій, пропусковъ, описокъ. Къ числу подобныхъ мѣстъ относится указаніе на 3 іюля, какъ день перенесенія мощей царевича Димитрія; фраза: «Воздасть бо ся воздаяніе ихъ имъ, рекше врагомъ, по вражденіи ихъ гоняху, потомъ тогда сами въ пагубу течаху» является, очевидно, искаженіемъ правильнаго чтенія: «Воздасть бо ся воздаяніе ихъ имъ, рекше врагомъ, по вражде ихъ и по рвенію ихъ, зане прежде многихъ гоняху, потомъ тогда сами въ пагубу течаху» ¹⁾ и т. д.

Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ такими различіями, которыя позволяютъ говорить о различіяхъ текстовъ, бывшихъ прототипами, какъ Никон. Степенной, такъ и Синод. Хроногр., послужившаго для изданія Изборника. Различія эти можно раздѣлить на два разряда. Одни изъ нихъ даютъ рвзсказы, равноцѣнные по извѣстіямъ и отличающіеся, главнымъ образомъ, подробностями изложенія. Таковы, напримѣръ, сообщенія о Ростригѣ.

Другія различія указываютъ на большую исправность протографа Никон. Степенной. Такъ въ Синод. Хрон., а за нимъ и въ Изборникѣ Димитрій Шуйскій и послѣдствія его воеводство характеризуются слѣдующимъ образомъ: «Богъ... далъ воеводу сердце (сердца Изборн.) нехрабраго, но женствующими обложена (облажена Изб.) вещми, иже красоту и пищу любящаго. И сего ради паки мятежницы приспѣвають, паки вся страны Русьскія плѣняютъ, и паки на царствующій градъ тяжко облажаху и вся люди, въ градѣ живущія, нуждами утѣсняхуся». Въ Ник.

прочая отприченны нарече, другія собьствены себѣ учини»; въ печатномъ текстѣ (Изборникъ, 183 стр.) добавлено: «земщиною нарече»; въ Син. Хр. на л. 430 помѣщено: «и толико множество помроша людей»; въ Изборникѣ (190 стр.) далѣ прибавлено: «елико и погребати ихъ не успѣваху» и т. д.

¹⁾ Ник. Степ., стр. 2311; Изборникъ, стр. 202. Такія же случайныя описки и искаженія есть и въ Хронографѣ; Заруцкій характеризуется какъ «нехрабръ», надо «не нехрабръ» и т. п.

Степ. соотвѣтствующее мѣсто читается съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, а именно: «Богъ... даль воеводу сердцемъ нехраброго, но женствующими обложена вещи, иже красоту и пищу любящаго, а не луки притязати и копія приправляти хотящаго. И сего ради паки мятежницы приспѣвають, паки супостаты ся возвращаютъ, паки крови многія проливаютъ паки вся страны Русскія земли плѣняютъ, и паки царствующій градъ тяжко облежаху и вся люди, во градѣ живущія, нуждами утѣсняху». Разумѣется, второе чтеніе предпочтительнѣе перваго въ виду несомнѣннаго поэтическаго дарованія автора Хронографа 1617 г. и его склонности къ риёмованной рѣчи ¹⁾).

Если вышеприведенное мѣсто даетъ новые штрихи въ характеристикѣ Дм. Шуйскаго ²⁾, не прибавляя новыхъ извѣстій и не исправляя старыхъ, то надо имѣть въ виду, что въ Никон. Ст. есть чтенія, вносящія фактическія поправки въ текстъ Хронографа. Отмѣтимъ три изъ нихъ, наиболѣе видныя. Сюда относится, во первыхъ, сообщеніе о посылкѣ князя Мстиславскаго противъ татаръ въ 1591 г. «Въ лѣто 7099, іюля 20 день», читается въ Никон. Степ., «приходилъ подъ Москву Крымской царь со многими людьми и стоялъ на Котлѣ два дѣни. Государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи послалъ воеводу своего боярина князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго да шурина своего Бориса Ѳеодоровича Годунова и съ ними воеводъ и людей многихъ». Соотвѣтственное мѣсто Син. Хрон. гласитъ слѣдующее: «Въ лѣто... два дни. Государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи послалъ воеводу своего шурина Бориса Ѳеодоровича Годунова, и съ нимъ воеводъ и людей многихъ» ³⁾. Изъ двухъ приведенныхъ

¹⁾ Син. Хр., л. 438 и об., Изборн., стр. 198; Никон. Степ. стр. 2287—2288.

²⁾ Кстати отмѣтимъ, что и въ характеристикѣ Мих. Скопина Ник. Степ. даетъ кое-что новое по сравненію съ Изборн. и Синод. Хр.; такъ въ ней читаемъ: «и стремленіемъ зѣло искусенъ».

³⁾ Никон. Степ., стр. 2250. Синод. Хр., л. 4271 об.

извѣстій исторически вѣрнымъ является первое. Правда, здѣсь, можетъ быть, произошелъ простой пропускъ, хотя это и маловѣроятно.

Остальные два случая не допускаютъ подобнаго толкованія. Въ первомъ рѣчь идетъ о построеніи при царѣ Борисѣ города на южной окраинѣ Московскаго государства; Никон. Степенная излагаетъ дѣло такимъ образомъ: «Въ лѣто 7107 повеленіемъ государя царя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русіи поставленъ бысть градъ въ полѣ близъ Крыму на Татарской границѣ; а ставилъ его Богданъ Бѣльской; и нарекоша имя ему Новый Царевъ градъ Борисовъ» ¹⁾).

Конецъ этого извѣстія Синод. Хрон. передаетъ такъ: «и нарекоша ему имя Бѣлъ градъ». Опять таки надо признать правильность перваго чтенія.

Наконецъ крупное фактическое разногласіе встрѣчается въ рассказѣ о перенесеніи мощей св. царевича Димитрія въ Москву. По словамъ Никон. Степ., царь Василій Шуйскій «посылаетъ на Угличъ по святыхъ Христова мученика мощи пресвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, и Арсенія, архіепископа Астраханскаго. Съ нимъ же иныя мнози, священныя и честныя ереи и діаконы». Синод. Хрон. рассказываетъ, что Шуйскій «посылаетъ... по... мощи пресвященнаго Геласія, Сарскаго и Подонскаго митрополита, иже на Крутицахъ, съ нимъ же и иныхъ многи священъныя и честныя іереи и діаконы» ²⁾. Первое извѣстіе гораздо вѣрнѣе, чѣмъ второе. Въ немъ ошибочно лишь названъ Арсеніемъ архіепископъ Астраханскій Θεодосій, участвовавшій въ перенесеніи мощей. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что писатель, дѣлавшій дополненія къ Никон. Степ., опять таки и въ данномъ случаѣ слѣдовалъ своему источнику, а не исправлялъ его; поэтому, пе-

¹⁾ Никон. Степ., стр. 2255. Синод. Хр., л. 429.

²⁾ Никон. Степ., стр. 2278—2279; Синод. Хрон., л. 435 (об). Любопытно, что «съ нимъ» передѣлано въ послѣдней рукописи изъ «съ ними».

реписавъ ошибочно нѣкоторыя слова, не въ томъ порядкѣ, а именно написавъ: «Филарета Ростовскаго и Ярославскаго митрополита», онъ поспѣшилъ исправить свою ошибку, разставивъ въ надлежащихъ мѣстахъ киноварныя цифры. Впрочемъ, и тотъ способъ, которымъ писатель внесъ свою Отповѣдь въ защиту Гермогена въ переписанный имъ текстъ, тѣ оговорки, которыя онъ при этомъ счелъ нужнымъ сдѣлать, не даютъ намъ права заключать, чтобы болѣе исправныя чтенія Никон. Степ. были слѣдствіемъ его работы и исторической освѣдомленности.

Въ результатѣ наблюдений надъ окончаніемъ Никон. Степенной можно установить: 1) оно представляетъ собою выписки изъ Хронографа редакціи 1617 года и воспроизводитъ за нѣкоторыми сокращеніями въ разсказѣ о царствованіи Грознаго конецъ этого произведенія, въ который вставлена Отповѣдь въ защиту Гермогена; 2) цѣлью «писателя» выписокъ было дать дополненіе, тѣсно примыкающее къ Степенной; 3) писатель стремился точно воспроизвести свой оригиналъ; 4) Хронографъ, который писатель имѣлъ въ рукахъ, отличался рядомъ чтеній отъ Синод. Хрон. и ему подобныхъ; 5) эти чтенія часто болѣе исправны, чѣмъ чтенія Синод. Хроногр.

Платонъ Васенко.

Гравированные портреты Нестора лѣтописца.

Въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго (т. II, стр. 1351—1352) указаны четыре гравированные портрета Нестора лѣтописца. Первый описанъ такъ: «фантастическое изображеніе, очень живописно исполненное по заказу кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, грав. рѣзц., поясн., $\frac{3}{4}$ вправо. *Александръ кн. Бѣлосельскій Избр. С. Несторъ монахъ Кіево-Печерской Лавры. Родился на Бѣлѣ Озерѣ 1056 года, скончался въ Кіевѣ. Выш. 11.9, ширина 9.4*». Слова, напечатанныя курсивомъ, точно повторяютъ подпись, находящуюся на гравюрѣ; цифры обозначаютъ размѣръ ея въ дюймахъ; слово «избр.» есть неудачная замѣна употребительнаго въ дѣлѣ печатанія гравюръ термина—*exc.*, т. е. *excudit*, печаталь, издалъ. О второмъ портретѣ Нестора, гравированномъ Н. Соколовымъ и приложенномъ къ 6-й тетради «Пантеона русскихъ авторовъ», М. 1801, Ровинскій говоритъ, что онъ «съ того же оригинала»; третій, исполненный Д. Степановымъ и приложенный къ «Пантеону» Кропотова изд. 1821 г., по словамъ Ровинскаго, представляетъ копію съ гравюры Н. Соколова; о четвертомъ у Ровинскаго сказано только: «Въ Плутархѣ на 1821 г.». По условному знаку въ «Словарѣ» видно, что Ровинскій самъ не имѣлъ этой гравюры, и мы склонны думать, что такого портрета въ дѣйствительности и не существовало и что Ровинскій повторилъ какое нибудь ошибочное указаніе, имѣвшее въ виду, вѣроятно, уже упомянутый выше Пантеонъ на 1821 г.,—по крайней мѣрѣ ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни по разнымъ указателямъ намъ

не удалось найти изданія, которое можно было бы отождествить съ упоминаемымъ у Ровинскаго «Плутархомъ на 1821 годъ».

«Изображеніе монаха Нестора», говоритъ Ровинскій (II, 1352), «послужившее мотивомъ для предыдущихъ (нами вышеописанныхъ), находится на картинѣ, приложенной къ Патерику Печерскому, изд. 1703 г., гравированной монахомъ Леонтіемъ Тарасевичемъ»,—снимокъ съ этой картины помѣщенъ у Ровинскаго же, въ его «Подробномъ словарѣ русскихъ гравировъ», т. I, стр. 65 и т. II, стр. 990. Замѣчаніе относительно сходства портретовъ Нестора, исполненныхъ Н. Соколовымъ и Д. Степановымъ, съ картинкою Тарасевича, справедливо: хотя полнаго тождества лицъ нѣтъ, но, дѣйствительно, и у Тарасевича и на несомнѣнно одинаковыхъ изображеніяхъ Соколова и Степанова представленъ старикъ, въ кlobукѣ и мантии, съ небольшою бородой, похожій лицомъ и позою на картину Тарасевича; весьма вѣроятно, что Соколовъ взялъ за образецъ изображеніе Тарасевича, но въ такомъ случаѣ трактовалъ его довольно свободно. Конечно, утверждать, что въ этихъ портретахъ есть сходство съ самимъ Несторомъ, было бы весьма рискованно; но изображенія Тарасевича, Семенова и Степанова между собою схожи,—зато несомнѣнно, что первый, описанный у Ровинскаго, портретъ Нестора ничего общаго съ ними, кромѣ имени, не имѣетъ: онъ вовсе не похожъ на тѣ три, да для него существуетъ и другой оригиналъ.

Въ нашемъ собраніи находится и портретъ Нестора, изданный кн. Бѣлосельскимъ, и гравюра со слѣдующею подписью въ трехъ строкахъ: *Josephus a Ribera pinx: Alt. ped: 3. unc: 5 Lat. ped: 2. unc: 7 Bartol: Follin sc: || Archetypus est apud Electorem Saxoniae || Dresdae apud Laurentium Zucchi, et Lipsiae apud Дуск ||*—перевести это можно такъ: «Писалъ I. Рибейра; оригиналъ, высотой 3 фут. 5 дюйм., шириною 2 ф. 7 дюйм., въ собраніи курфирста Саксонскаго. Грав. Б. Фоллино. Продается у Л. Цукки въ Дрезденѣ и у Дика въ Лейпцигѣ».

Бартоломей Фоллинъ или Фоллино—одинъ изъ малоизвѣстныхъ граверовъ XVIII вѣка; его листы отмѣчены печатью таланта, но, кажется, онъ рано умеръ или рано пересталъ работать: особенно выдающихся гравюръ онъ не оставилъ, въ наиболѣе полномъ изъ существующихъ указателей гравюръ: Ch. Le Blanc. Manuel de l'amateur d'estampes. Paris 1850—1889, во II т., на стр. 242, перечислено 4 гравюры Фоллино и въ ихъ числѣ, подъ № 4: «Le Philosophe. José de Ribera. Galerie de Dresde»—это и есть та гравюра, о которой у насъ теперь рѣчь.

Сравненіе этой гравюры съ «портретомъ Нестора», изданнымъ кн. Бѣлосельскимъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «портретъ Нестора» отпечатанъ именно съ этой самой доски Фоллино, съ нѣкоторыми только передѣлками на ней.

Сходство обѣихъ гравюръ бросается въ глаза съ перваго же взгляда; рассматривая ихъ внимательно, можно замѣтить, что въ рамкѣ, окружающей ихъ, а также на изображеніи стола на самомъ первомъ планѣ—всѣ точки, всѣ мельчайшіе штрихи, образовавшіеся отъ случайно сорвавшагося рѣзца или отъ неровностей доски—абсолютно тождественны на обѣихъ гравюрахъ, причемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отпечатались они на обѣихъ гравюрахъ не одинаково—они всегда слабѣе на «портретѣ Нестора»—какъ и должно было быть, потому что онъ является уже позднѣйшею переработкою доски, а такіе мелкіе, слабые штрихи, если и остаются не счищенными, то по мѣрѣ употребленія доски всегда сглаживаются, испечатаются.

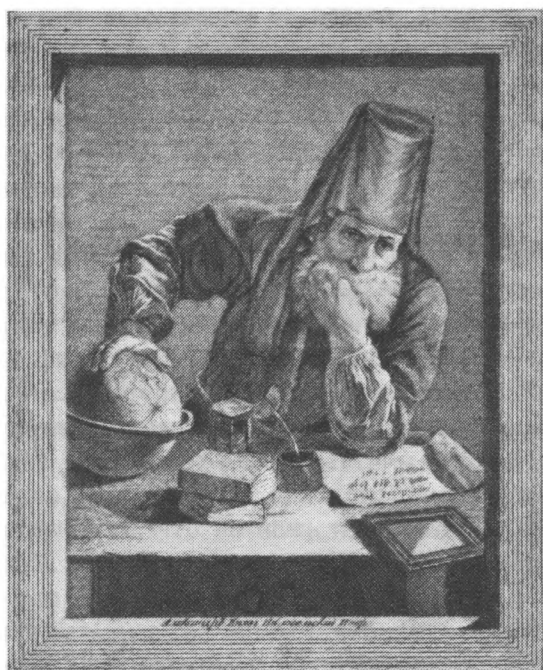
Затѣмъ, на «портретѣ Нестора» могутъ быть обнаружены слѣды переработки доски. Прежде всего—сдѣлана новая подпись; это, по техническимъ условіямъ, не представляетъ никакихъ затрудненій и измѣненіе подписи на доскахъ—случай очень не рѣдкій. Затѣмъ, измѣнены нѣкоторые аксессуары: на портретѣ «философа» на столѣ лежатъ циркуль и угольникъ—они счищены и мѣсто ихъ заштриховано вновь—но недостаточно сильно, такъ что по-

лучилось ничѣмъ необъяснимое свѣтлое пятно; на листѣ бумаги, лежащемъ предъ «философомъ», изображены геометрическія фигуры—онѣ тоже счищены и вмѣсто нихъ написано: «россійская лѣтопись съ 858 года»—далѣе нѣсколько буквъ (12—13) неразборчивыхъ; остальные аксессуары—глобусъ, чернильница съ перомъ, двѣ книги и зеркало—сохранены: передѣлка ихъ потребовала бы большой работы и вызвала бы необходимость измѣнить всю фигуру, несоотвѣтствіе же ихъ съ эпохою Нестора, быть можетъ, не особенно чувствовалось: заставлялъ же Державинъ Іоанна Грознаго разсматривать Казань въ зрительную трубу.

Лицо измѣнено радикально. На картинѣ Рибейры «философъ» въ лавровомъ вѣнкѣ и смотритъ внизъ, на бумагу съ чертежами, такъ что глазъ совершенно не видно; правую руку онъ свободно положилъ на глобусъ, а лѣвою, опершись на локоть, онъ поддерживаетъ себя за подбородокъ, причѣмъ борода захвачена въ кулакъ и отведена влѣво. На «портретѣ Нестора» глаза открыты и задумчиво глядятъ на зрителя; въ очертаніи ихъ, однако, далеко уже не тотъ мастерской и вѣрный рисунокъ, который видимъ на гравюрѣ Фоллино до передѣлки. У «Нестора» на головѣ уже не лавровый вѣнокъ, а клобукъ съ широкими складками; матерія, покрывающая клобукъ, спускается по правому плечу лѣтописца—и совершенно ясно видно, что по этой матеріи идутъ тѣ самые штрихи, которыми изображена матерія платья: они начинаются на платьѣ, проходятъ по матеріи, падающей съ клобука, и на платьѣ же кончаются; прежде, когда «философъ» не имѣлъ чего то особаго поверхъ платья, такіе штрихи были совершенно на мѣстѣ, теперъ же они остались, очевидно, только потому, что проложены были слишкомъ сильно, глубоко, такъ что совсѣмъ загладить ихъ было невозможно. Они попали—что уже совершенно неправильно—даже на бороду «Нестора»: повидимому, признано было для монаха неподходящимъ такъ отвести бороду въ сторону, какъ изобразилъ Рибейра своего «философа», и у «Нестора» пририсована бо-

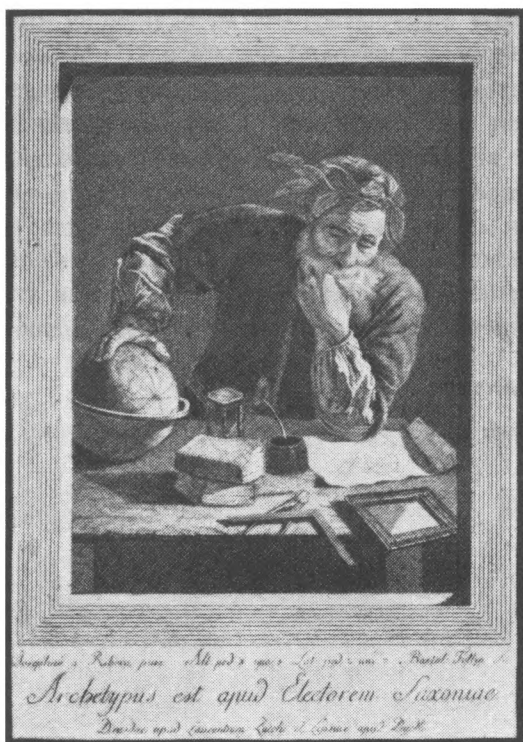
рода и справа отъ руки; но такъ какъ пришлось рисовать ее по тому мѣсту, которое прежде занято было платьемъ, по мѣсту, глубоко затушеванному, то на бородѣ «Нестора» и оказались штрихи, отчасти закрытые рисункомъ волосъ, но все таки ясно видные и на бородѣ столь же неумѣстные, сколь были они естественны на платьѣ. Наконецъ, совершенно измѣненъ фонъ гравюры: для уничтоженія лавроваго вѣнка и для изображенія клубука онъ долженъ былъ быть на значительномъ пространствѣ счищенъ; для того, чтобы сохранить его ровность, онъ счищенъ былъ весь и заштрихованъ потомъ заново,—но теперь уже, когда это мѣсто доски нѣсколько понизилось сравнительно съ остальными частями ея поверхности, невозможно было придать фону ту глубину и силу тѣни, какую сохранилъ Фоллино, передавая картину Рибейры; у Фоллино фонъ совершенно темный и ровный и фигура выдается какъ болѣе свѣтлая—на «портретѣ Нестора» фигура, столь же затушеванная, какъ она была затушевана и ранѣе, выдѣляется уже на фонѣ какъ нѣчто болѣе темное; эффектъ картины отъ этого ослабѣлъ, помимо того уже, что при фонѣ очень темномъ не кажется страннымъ, что на немъ не выдѣляется никакихъ подробностей, а при фонѣ столь свѣтломъ, какъ на «портретѣ Нестора», это является уже непонятнымъ.

Все вышесказанное дѣлаетъ несомнѣннымъ, что изданный кн. Бѣлосельскимъ «портретъ Нестора» не имѣетъ ничего общаго съ картиной, гравированной Тарасевичемъ: онъ есть измѣненная гравюра съ картины Рибейры, а эта картина ничѣмъ не сходна съ работою Тарасевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы устанавливаемъ новый, не крупный, но любопытный фактъ изъ исторіи русской иконографіи XVIII столѣтія, допускавшей нерѣдко фантастическіе приемы при изображеніи тѣхъ лицъ, портреты которыхъ почему либо представлялось желательнымъ имѣть, найти же ихъ не удавалось. Кн. Алек. Мих. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ любителей искусства во второй половинѣ XVIII ст.; его собраніе кар-

Гравюра на дереве из собрания Имп.

С Несторъ
Монахъ Киевопечерской Лавры
Рисуетъ на Псалтѣ Очеркъ 1830 года. Сводъ исл. оск. Крестъ

Angelus s. Ruben. pinx. Alt. ped. x. qu. s. Lat. ped. v. unc. s. Basili. 1674.

Archetypus est apud Electorem Saxoniae

Dresden apud Laurentium Luchel. et Carolum apud Dreyk.

тинъ почиталось первымъ послѣ Строгановскаго; изъ Дрездена, гдѣ онъ былъ около 10 лѣтъ посланникомъ, онъ вывезъ довольно большое количество досокъ: гравюры съ надписью «Александръ кн. Бѣлосельскій избр.», встрѣчаются очень нерѣдко; Б. Фоллино былъ ученикомъ того Л. Цукки, имя котораго упомянуто на его гравюрѣ; по всей вѣроятности, кн. А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій купилъ доску молодого гравера—быть можетъ съ цѣлью оказать ему нѣкоторую поддержку; затѣмъ, эта доска была передѣлана и отпечатана съ совершенно другими подписями, такъ что раскрыть ея происхожденіе представилось возможнымъ только благодаря случайности. И отношеніе къ чужой работѣ, допущенное меценатомъ въ рассказанномъ случаѣ, и рѣшимость выдать картину Рибейра за портретъ русскаго лѣтописца—все это характерно для своей эпохи.

Н. Чечулинъ.

Г е д в и г а.

(Легенда).

Не долго монахинь толпа расходилась;
 Была бы капелла пуста,
Когда бы Гедвига еще не молилась,
 Приникнувъ къ подножью креста.

На каменныхъ плитахъ горитъ отраженье
 Отъ пестрыхъ узоръ окна;
Доносится пташки вечернее пѣнье;
 Не видитъ, не слышитъ она.

«Дай, Боже, мнѣ силу свое испытанье
 Покорно снести до конца!
Все то промѣняла я здѣсь на страданье,
 Что сладко волнуетъ сердца.

«Покинула мужа я безъ сожалѣнья,
 Покинула малыхъ дѣтей,
Покинула мѣръ, цѣлый мѣръ для спасенья
 Души одинокой своей.

«Да будетъ онъ проклятъ на вѣки, коварный!
 Нѣтъ чувства пощады въ груди...
Отверзи мнѣ, Боже, чертогъ свѣтозарный,
 На пиръ свой Гедвигу введи!»

Отъ пола чело отдаливъ молодое,
Гедвига замолкла на мигъ,
Очами впила въ Распятъе святое,
Въ знакомый, безжизненный ликъ.

Безжизненъ попрежнему ликъ деревянный
И словно суровѣ сталь...
Въ саду за стѣной, отъ заката багряной,
Опять соловей засвисталъ.

Оттуда чуть слышно свирѣль доносилась,
Съ полей возвращались стада...
И снова Гедвига какъ прежде склонилась,
Припавши къ подножью креста.

«Смущаетъ меня сатана, но напрасно...
Я вспомнила, какъ я жила...
Грѣшно все, грѣшно все, что было прекрасно...
Избави мя, Боже, отъ зла!

«Не знаю, что случилось съ дѣтьми... Можетъ, живы,
А можетъ, на свѣтѣ ихъ нѣтъ...
Коль живы, да будутъ здоровы, счастливы...
Имъ мать посылаетъ привѣтъ.

«Но что-же со мною? Не въ силахъ понять я
Того, что творится во мнѣ...
Я словно опять простираю объятъя
Къ тому, что прошло какъ во снѣ.

«Все—мысли о мѣрѣ, молитвы ни слова...
Возможно-ли? Грѣхъ и позоръ!»
И съ мыслью тяжелой въ Распятаго снова
Вперила Гедвига свой взоръ.

Ждала она гнѣва, грозы беспощадной...
Но что-же свершилось въ тотъ мигъ?
Не вѣришь, Гедвига? Улыбкой отрадной
Отвѣтилъ Божественный ликъ.

Не вѣритъ она воспаленному взору.
«Глаза обманули меня...
Бывало и прежде—въ такую же пору
Страдала отъ дьявола я.

«То—дьяволь смущаетъ... Ему подчинилась...
Разгадка, конечно, проста»...
И снова Гедвига какъ прежде молилась,
Прильнувши къ подножью креста.

Но пѣснь соловья до нея долетала,
И слышалась ближе свирѣль,
И въ стекла окна, чуть шумя, ударяла
Красивою вѣткою ель.

Вся жизнь человѣка предъ нею предстала,
Раскрылись и тайны души,
Души, что любила, души, что алкала,
Души, что страдала въ тиши.

И сердце забилося, и слышны рыданья:
Постигла Гедвига въ тотъ мигъ
Всѣ горести жизни, весь трудъ, всѣ страданья,
Всю мощь перенесшаго ихъ.

«Не въ кельѣ одной лишь возможно спасенье...
Въ міру потруднѣ оно»...
Изъ сада несло то же сладкое пѣнье,
И ель ударяла въ окно,

«Угодень Тебѣ, кто дорогой тернистой
Безъ ропота, бодро идетъ
И смотритъ на міръ Твой съ улыбкою чистой,
И гимнъ Тебѣ, Боже, поетъ...

«Онъ выше, чѣмъ я, за высокой стѣною
Обрѣтшая миръ... За него,
За всѣхъ, кто подавленъ жестокой нуждою,
Кто въ потѣ лица своего

«Себѣ добывать осужденъ пропитанье,
Молюсь я, Страдалецъ, Тебѣ...
Услыши, Страдалецъ, Гедвиги рыданье,
Внемли ея жаркой мольбѣ!

«Пошли имъ отраду, Своею Десницей
Терновый ихъ путь осѣни!
Пусть въ Царствѣ Небесномъ получаютъ сторицей
Награду за это они!

«За міръ, за людей предъ Тобой я склонилась,
На мнѣ Ты къ нимъ милость яви!
О, Боже! какъ все въ головѣ помутилось,
Какое волненье въ крови!

«А если меня сатана соблазняетъ,
Покончи Ты съ жизнью моею!»
Со страхомъ Гедвига свой взоръ обращаетъ
Къ Распятю, и—чудо надъ ней!

Какъ будто живая, Десница Страдальца
Простерлась надъ нею съ креста...
Ты видишь, Гедвига? Подъяты два пальца—
Молитва Твоя принята!

К. А. Ивановъ.

1906—1910.

Предчувствіе.

Закрѣтъ туманомъ сводъ небесъ;
Поля—подъ бѣлой пеленою;
На горизонтѣ мутномъ лѣсъ
Чернѣтъ траурной каймою.

Но какъ-то дышется легко,
И сердце трепетное чуешь,
Что солнце здѣсь, не далеко,
За этимъ сумракомъ кочуетъ.

Кругомъ и сонъ, и тишина,
Но самый воздухъ шепчетъ, млѣя:
«Близка весна! близка она,
Все оживляющая фея!»

К. А. Ивановъ.

1909.
Царское Село.

Французская генеалогія XVI—XVII вв. о русскихъ государяхъ.

Въ свое время было замѣчено своеобразно-субъективное отношеніе западно-европейскихъ ученыхъ и писателей къ исторіи славянскаго міра, оцѣнены въ должной мѣрѣ философскія разсужденія объ исторической жизнеспособности и правоспособности славянства. Но если въ XVIII и XIX вв. въ западно-европейской литературѣ сложилась та точка зрѣнія на славянскій міръ, съ которой находили нужнымъ бороться наши мыслители-славянофилы и продолжали это дѣлать въ наше время во всеоружіи науки слависты, то раньше Западная Европа проявляла интересъ чисто случайный — интересъ необходимости или простого любопытства, и располагала знаніями о славянствѣ очень скудными.

Интересоваться Русью, Московіей Западная Европа усиленнѣе начала тогда, когда съ нею пришлось считаться, когда на нее можно было имѣть тѣ или другіе виды. Отдаленность и отчасти обособленность края, своеобразная культура и исторія народа, впечатлѣніе отъ загадочной силы государства и смутныя предположенія о скрытыхъ богатствахъ придавали Московіи въ XVI и XVII вв. заманчивый обликъ для пытливаго путешественника и бойкаго авантюриста. Отъ XVI и XVII вв. имѣемъ достаточное число записокъ о Московіи, имѣемъ дипломатическіе документы, но въ меньшей степени извѣстны намъ свѣдѣнія научно-публицистическаго характера, обработка писателями имѣющагося матеріала для широкаго распространенія.

Однимъ изъ такихъ сочиненій является въ XVII в.

«Theatrum Europaeum», гдѣ есть статьи, касающіяся исторіи Россіи. Отчасти исполняли задачу ознакомленія зап. европейскаго общества съ Московіей сборники, составлявшіеся изъ ряда статей и выдержекъ путешествій, какъ, напр., сборникъ начала XVII в. Marci Voxhorni Zveri, заключающій въ себѣ генеалогію русскихъ государей, часть географическую, этнографическую, выдержки изъ Guagnin'a, Possevin'a, письма московскихъ царей и т. п., или сборникъ 1630 г. «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria*». — [Не иначе какъ своеобразнымъ интересомъ объясняется и составленіе родословныхъ (генеалогій) государей Европы, среди которыхъ имѣются и родословныя русскихъ князей и царей. Таковы Della casa di Moscovia (съ родословной отъ Іоанна III до Петра В., библиотеки Angelica); схожая съ нею, судя по заглавію, Genealogie des czaar bis 1722 иезуита Burlamacchi (библиотеки Мюнхенской); такова Genealogia plurimorum regum, гдѣ есть Magni Principes Moscoviae конца XVII в. — родословная Романовыхъ (библ. Бамбергской) ¹⁾. Составленіемъ генеалогій занимались и во Франціи, гдѣ въ XVI и XVII вв. не было крупныхъ историческихъ работъ за исключеніемъ д'Обиньи и Де-Ту.

Свѣдѣнія же о Московіи были скудны, и потому считаю небезынтереснымъ и то небольшое, что встрѣчается подъ перомъ французскихъ писателей этого времени.

Въ Парижской Національной Библиотекѣ есть цѣлый рядъ собраній документовъ, поступившихъ отъ разныхъ лицъ. Среди рукописей изъ St. Magloire есть нѣсколько томовъ бумагъ, принадлежавшихъ братьямъ-историографамъ St. Marthes. Два брата-близнеца, Scévole II и Louis, были сыновьями одного изъ нотаблей Генриха IV; отецъ былъ придворнымъ поэтомъ и сподвижникомъ въ бояхъ короля Наваррскаго. Братья (р. 1571 г., † 1630 и 1656), занимались исторіей, гл. обр. составленіемъ генеалогій,

¹⁾ См. Шмурло. Отчетъ о двухъ командировкахъ. Юрьевъ 1895 г. Шляпкинь. Библиограф. разысканія (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1908 г. кн. 3-я).

были назначены въ 1620 г. историографами, оставили рядъ трудовъ, изъ которыхъ славились Gallia Christiana и Généalogie, оставили и громадное число всякаго рода манускриптовъ. Въ нѣсколькихъ томахъ, доставшихся отъ братьевъ (provenant des frères St. Marthes), собраны и печатныя брошюрки, и документы, и копіи съ нихъ, и личныя рукописи и черновики. Сынъ одного изъ историографовъ († 1690) наслѣдовалъ званіе отца и продолжалъ кое гдѣ его генеалогіи, передѣлывая и дополняя иногда труды отца и дяди. Въ собраніи St. Marthes находятся, между прочимъ, Relation de tumulte arrivé à Moscou le 12 Juin 1648; переводъ на франц. языкъ письма ц. Михаила Ѳеодоровича Людовику XIII, съ жалобами на Владислава; переводъ на франц. языкъ сочиненія Олеарія; переводъ на лат. языкъ хроники съ 1591 — 1645 г. «de Piasecius evêque de Primisla», гдѣ есть о Ливонской войнѣ, о событіяхъ до 1616 г. Для событій болѣе ранняго времени ничего не имѣется. Между тѣмъ, историографы въ своихъ трудахъ не обошли своимъ вниманіемъ Московіи и посвятили въ своей генеалогіи нѣсколько страницъ родословію русскихъ государей. Не безъинтересно посмотрѣть, что они знали и какъ работали, тѣмъ болѣе, что у насъ передъ глазами есть и черновики.

Трудъ братьевъ Sf. Marthes ¹⁾, снабженный портретомъ Генриха IV, носить слѣдующее посвященіе: «Généalogie des empereurs, roys, et princes plus illustres de la Chrestienté, au très chrestien Roy de France et de Navarre Henry III du nom». 1-й отдѣлъ посвященъ императорамъ Востока и Запада, 2-й—королямъ, начиная съ королей Франціи, и среди нихъ Roys ou grands ducs de Moscovie... Эта родословная начинается съ перваго князя Рюрика «Ruric» и кончается смертью Ѳеодора Іоанновича и избраніемъ Бориса Годунова. Изъ посвященія труда Генриху IV, изъ словъ о немъ въ Генеалогіи франц. королей «à présent roy de

¹⁾ Національная Библіотека въ Парижѣ. Recueil de pièces.. provenant des frères St. Marthes. № 20231, № 20264, Recueil de genealogies... par les frères St. Marthes.

France et de Navarre», изъ того, что Генеалогія кончается во Франціи Генрихомъ IV, въ Германіи — Рудольфомъ, въ Польшѣ—избраніемъ Стефана Баторія, въ Московіи 1598, можемъ заключить о времени составленія историографами своего труда. Они писали его въ концѣ XVI в. и не знали еще тѣхъ извѣстій, какія дошли во Францію о Московіи и Польшѣ, не знали записокъ Маржерета, вернувшагося въ 1605 г. и посвятившаго свой трудъ тому же Генриху IV. Но мы можемъ еще точнѣе опредѣлить время работы: историографы начали много раньше 1598 г., многое измѣняли, повидимому, по различнымъ соображеніямъ, многое дополняли. Это можно доказать, благодаря сохранившемуся черновику послѣдней части родословной Московскихъ государей (начиная съ Димитрія Донского). Этотъ черновикъ, писанный небрежно, съ поправками, пропусками, зачерками, кончается словами: «*Θεοδωρ, теперь великій князь Московіи*», «*Theodore à présent grand duc de Moscovie*», причемъ эти слова слѣдуютъ за зачеркнутыми словами: «*Jean grand duc de Moscovie*» (сынъ Іоанна Грознаго). Любопытна еще помятка объ Іоаннѣ Грозномъ «*il regnoit encore l'an 1573*». Почему этотъ годъ привлекъ особенное вниманіе автора? не потому ли, что въ 1573 г. Генрихъ III былъ избранъ въ короли Польши. Объ этомъ событіи нашъ авторъ распространяется въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Генеалогіи, говоря, что Генрихъ III стяжалъ въ молодости громкую извѣстность, былъ избранъ за благородство въ короли Польши, будучи предпочтенъ многимъ знатымъ принцамъ, встрѣченъ съ великолѣпіемъ, но покинулъ Польшу для своей Франціи, нося до смерти титулъ Польскаго короля. Черновикъ вообще гораздо сжатѣе по содержанію: напр., онъ даетъ очень мало объ Іоаннѣ Грозномъ: «*вел. кн. Іоаннъ женился на Анастасіи, дочери Московита, именемъ Романовича, умеръ въ 1584 г., царствовалъ еще въ 1573 г.*». Мало, какъ видѣли выше, сказано и о сыновьяхъ царя. Въ Генеалогіи же свѣдѣнія пополнены. «*Jean Basile*, говорится тамъ, не только наслѣдовалъ громадныя владѣнія своихъ предшественниковъ, но

еще прибавилъ къ нимъ многія, въ томъ числѣ и царство Казанское и Астраханское, и расширилъ свои владѣнія вплоть до Персіи. У него была война съ ливонцами и съ королями Швеціи: Густавомъ, Генрихомъ (т. е. Эрикомъ) и Іоанномъ и съ другими сосѣдями. Процарствовавъ съ жестокостью 41 г., онъ умеръ 46 (1) лѣтъ въ 1584 г. Незадолго до смерти его Стефанъ, король Польши, нанесъ ему такое пораженіе, что онъ вынужденъ былъ наконецъ просить папу Григорія XIII устроить миръ между ними. Онъ былъ женатъ на Анастасіи, дочери Романа и сестрѣ Никиты Романовича; кромѣ нея, имѣлъ 4 женъ (1), отъ которыхъ дѣтей не имѣлъ». Такъ разрослись свѣдѣнія исторіографа, отличающіяся, надо сказать, точностью. По поводу побѣдъ Стефана Баторія надо отмѣтить, что взятіе имъ Полоцка вызвало въ свое время рядъ брошюръ и похвальныхъ словъ, какъ, напр., *Novina o dobytí Połocka, Praha 1579*, *Moscovitischer Niederlag, Nürnberg 1579* и т. п., *De expugnatione Polottei 1580*, поэта Кохановскаго.

«Jean, продолжается въ Генеалогіи, старшій сынъ царя, будучи назначенъ наслѣдникомъ своего отца, былъ имъ же убитъ по неосмотрительности». Послѣднее слово затѣмъ зачеркнуто. «Феодоръ, великій князь Московіи послѣ отца своего, женился на одной дамѣ изъ народа (это слово также зачеркнуто) по имени *Gernia*, очень умной и добродѣтельной. Она сдѣлалась монахиней послѣ смерти своего мужа, умершаго въ 1598 г. 15 (1) января. Онъ не оставилъ дѣтей, дабы ему наслѣдовали. Дворянство (*noblesse*) и народъ (*peuple*) *esleurent pour leur Prince et Seigneur Boris Theodorovith frère de la mesme princesse*, который и былъ коронованъ 13 сентября того же года въ г. *Mosco* патриархомъ своимъ Іовомъ (*Job.*)». Нельзя не признать характернымъ мѣсто объ избраніи Бориса Годунова. Маржеретъ, напр., передаетъ иначе въ зависимости отъ русскихъ слуховъ.

Какъ ни незначительны только что приведенныя свѣдѣнія о послѣднихъ государяхъ дома Рюрика, они все же интересны, какъ слѣды работы, современной излагаемымъ

фактамъ. Генеалогія бр. St. Marthes даетъ не одно родословіе, но и снабжаетъ краткими фактическими данными въ противоположность другимъ трудамъ такого же рода, напр., родословной Романовыхъ Бамбергской бібліотеки. Поправки, зачеркнутыя мѣста, дополненія свидѣлствуютъ о появленіи новыхъ данныхъ или новыхъ слуховъ. И свѣдѣнія St. Marthes разнятся отъ работы историка Де-Ту, писавшаго во время Михаила Ѳеодоровича и имѣвшаго подъ руками труды различныхъ путешественниковъ.

Но чѣмъ дальше отъ современности отходитъ Генеалогія, тѣмъ меньше слѣдовъ поправокъ, тѣмъ тверже чувствуютъ себя авторы, располагая, видно, какимъ то опредѣленнымъ матеріаломъ. Первый листъ Генеалогіи московскихъ государей отъ Рюрика до князей московскихъ меньше доставлялъ хлопотъ, чѣмъ 2-й отъ Юрія Долгорукаго до Ѳеодора Іоанновича.

Достаточно просмотрѣть первую часть, чтобы поразиться: 1) массой именъ (не всегда снабженныхъ какими либо свѣдѣніями); 2) постояннымъ упоминаніемъ русско-польскихъ отношеній съ уклономъ въ сторону польскихъ якобы побѣдъ; 3) точнымъ указаніемъ брачныхъ связей кievскихъ князей. Если вспомнить отношенія Франціи и Польши въ XVI в., связи культурныя, когда въ Парижѣ проживалъ польскій поэтъ Кохановскій, то обстоятельство, что большинство польскихъ сочиненій писалось по латыни, ясно станеть, какую роль польскіе источники играли для полученія французскими писателями свѣдѣній о Руси.

Нѣтъ надобности входить въ подробный разборъ извѣстій Генеалогіи въ ея, такъ сказать, до-московской части, но не безынтересны нѣкоторыя черты и выборъ ихъ исторіографами. Авторъ выводитъ «Ruric» изъ «Varagions», знаетъ о Ладогѣ, Бѣлоозерѣ и Плесковѣ (для Трувора), но не знаетъ теоріи происхожденія его отъ Августа, какъ другія генеалогіи. Игорю приписана побѣда надъ Bulgariens, почему и былъ избранъ въ Roy des Russiens ou Moscovites. Хотя въ заглавіи говорится о Roys et Grands Ducs de Moscovie, но

въ текстѣ вплоть до Данила Московскаго употребляется слово *Russie, Russiens*. Владиміръ Св. беретъ власть надъ Русью и Московіей, остальные же князья—князья Руси, или именуются по отдѣльнымъ городамъ княженія. Извѣстно объ опекѣ *Olech'a* надъ *Igor'emъ*, о походѣ на Константинополь, о женитьбѣ Игоря на Ольгѣ, о смерти его отъ *Maladitto*, князя Древлянскаго. «*Sventoslavs*» беретъ 70 крѣпостей у болгаръ, ведетъ борьбу съ *Jean Zimiscus*, разбитъ имъ и убитъ при возращеніи. На чашѣ изъ черепа его приводится изреченіе «*En ayant voulu ravoir le bien d'autruy il perdit le sien avec la vie*». «*Volodimire, fils bastard*» побѣждаетъ брата, бѣжитъ къ варягамъ, беретъ власть надъ Русью и Московіей, побѣждаетъ «*Croatiens, Bulgariens, Dulepiens, Jaziges et autres peuples*», строитъ г. Владиміръ, долго бывший столицей. Онъ ходилъ походомъ на Константинополь, заключилъ миръ, крестился и женился на царевнѣ Аннѣ, погибъ въ борьбѣ съ «*Jean de Bulgarie*» въ 1016 г. Знаютъ историографы о Рогнѣдѣ (*Rochmida*), о ссорѣ сыновей Владиміра, о побѣдѣ *Jaroslavs'a*, о вмѣшательствѣ «*Boleslas Csobry*». Имена сыновей Владиміра частью тѣ же, что встрѣчаются у Кромера и Длугоша, частью неизвѣстны имъ (напр., *Stopole, Visseslavs* и *Sevvold*). «*Anne de Russie*» выходитъ за *Henry II l'an 1044..*, и затѣмъ за Рауля. Марія, сестра Святополка, отмѣчена женою Казиміра I, какъ первый брачный союзъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Извѣстны сыновья Ярослава, говорится о борьбѣ Изяслава съ братьями и бѣгствѣ въ Польшу. Но затѣмъ оказывается, что «*Vsewold de Pereaslovie*» велъ неудачную войну съ Польшей, и Русь стала ея «*tributaire*» въ 1075 г. «*Vicseslavs*» же Ярославичъ, плѣненный братьями, освобожденъ, захватилъ Кіевъ и въ 1065 г. выдалъ дочь свою *Viceslav'u* за Болеслава II, который потомъ и счелъ Русь своею данницей. И изъ приводимыхъ извѣстій можно видѣть, какъ переплетаются въ свѣдѣніяхъ историографовъ правда и ложь, но надо отдать справедливость, первая преобладаетъ.

Заимствовали историографы эти извѣстія изъ разнооб-

разныхъ источниковъ. Врядъ ли Длугошъ (первое изданіе его было въ 1614) могъ быть однимъ изъ нихъ; онъ вѣдь не былъ особенно распространенъ и среди самихъ поляковъ, предпочитавшихъ Кромера. Кромерьъ уже въ XVI в. имѣлъ три изданія, имъ восхищался, между прочимъ, вышеупомянутый поэтъ Кохановскій.

Съ Кромеромъ совпадаетъ цѣлый рядъ мѣстъ, напр., побѣда Владиміра надъ Croatiens... и т. д., совпадаетъ орографія именъ Ruric, Volodimire, извѣстіе о бракѣ Маріи-Доброгнѣвы (но только у Кромера есть имя Доброгнѣвы, а въ Генеалогіи оно отсутствуетъ), о бракѣ Вышеславы; при этомъ надо замѣтить, что въ то время, какъ Длугошъ не знаетъ, чья она дочь, а Кромерьъ признаетъ дочерью князя Visseslai, историографъ называетъ ее Vieseslav'ой и признаетъ дочерью Вячеслава, подобно Густынской лѣтописи. Изреченіе на чашѣ изъ черепа Святослава можно сравнить съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ хроники Стрыйковскаго. Конечно, ни Кромерьъ, ни Длугошъ не знаютъ о побѣдахъ и смерти Владиміра въ Болгаріи, о побѣдахъ надъ нею Рюрика; этотъ домыселъ можно лишь объяснить впечатлѣніемъ отъ походовъ Святослава и м. б. смѣшеніемъ Болгарь.

Характеристикѣ Владиміра Мономаха нельзя отказать въ силѣ и яркости. «Volodimire, князь Клевскій, овладѣвъ землями многихъ своихъ родственниковъ, сталъ «Monarque de la Russie» и послѣ нѣсколькихъ войнъ съ имп. Константинополя Константиномъ заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ; умеръ въ 1116 (!)». Здѣсь нѣтъ разказа о регаліяхъ, но отношенія къ Византіи сильно подчеркнуты; годъ 1116, ошибочно взятый за годъ смерти Мономаха, въ дѣйствительности былъ временемъ побѣдъ на Дунаѣ («посажа посадники по Дунаю»). И какъ ни скудны свѣдѣнія Генеалогіи, ихъ тонъ невольно заставляетъ вспомнить блестящія строки Ипатьевской лѣтописи и Слова о погибели земли Русской о томъ же Владимірѣ Мономахѣ.

Съ XII в. все вниманіе привлекаютъ князья Галицкіе;

не мало и путаницы въ родословіи. Здѣсь должно было бы сказаться особенно сильно знакомство съ польскими источниками. И однако, въ важномъ вопросѣ о Даниилѣ Романовичѣ «гоу» авторъ, говоря о побѣдахъ его, прибавляетъ неувѣренно: «Aucuns tiennent, что онъ желалъ «se joindre à l'église Romaine».

2-я страница Генеалогіи посвящена московскимъ Даниловичамъ и, какъ говорено выше, доведена до Федора Іоанновича и воцаренія Бориса Годунова. Начинается потомствомъ Юрія Долгорукаго, названнаго сыномъ Всеволода; полна извѣстій, подобныхъ тому, что Андрей Юрьевичъ убитъ татарами, что Юрій, погибшій въ 1236 г., сынъ Димитрія (?); что сынъ Ярослава, Александръ, взялъ городъ Псковъ въ 1244 г.; но наряду съ такими извѣстіями передается, что Russie, ставъ данницей и подвластной татарамъ съ Юрія, освободилась отъ ига при Jean Basile. Даниилъ, князь «Moscovie» утвердился первый въ этомъ городѣ. Ему приписаны сыновья Юрій, «duc des Belsiens», Александръ, котораго «aucuns estiment estre fils Demetre, duc de Twerie» и «Jean Kalita». Съ этого момента Генеалогія становится подробнѣе. «Demetre» въ 1378 г. въ кровопролитной битвѣ разбилъ хана Мамай, который, желая отбиться, былъ снова разбитъ имъ въ 1380 г. Какія точныя извѣстія о битвѣ на р. Вождъ и на полѣ Куликовомъ! Сказано затѣмъ о Тохтамышѣ и заканчивается словами: «Aucuns ont laissé par escript», что въ томъ-же году 1381 Димитрій съ войскомъ въ 300 т. воиновъ осадилъ замокъ Nienhusies въ Ливоніи, гдѣ и былъ убитъ. Изъ этихъ словъ ясно, что историографы это извѣстіе гдѣ то вычитали?! Отмѣтивъ смѣшеніе въ одно потомство князей московскихъ и тверскихъ, остановимся на рассказѣ о подозрѣніи въ невѣрности Василиемъ I жены своей Софіи Витовтовны и непризнаніи Василія II, отчего междоусобія при послѣднемъ. Только по смерти дяди Василій II возведенъ на престолъ seigneur'ами страны. Подобный же слухъ передаетъ въ генеалогіи своей Marcus Zverius. Іоанну III посвящено не мало строкъ. «Jean Basile,

побѣдивъ Новгородъ въ 1477 г., подчинивъ многихъ князей и ихъ владѣнія, принялъ титулъ вел. князя Владиміра, Московіи и Новгорода и государя Руси (Monarque de Russie); хотя онъ и бѣжалъ отъ татаръ, но сбросилъ ихъ иго и сталъ очень грозенъ послѣ многихъ побѣдъ надъ сосѣдями: поляками, татарами и другими, будучи всегда счастливъ въ войнѣ съ ливонцами. Процарствовалъ (avoir régné) 28 лѣтъ и увѣковѣчивъ (éternisé) свое имя громкими дѣлами, умеръ въ 1505 г. Былъ женатъ на Маріи Тверской, княжество коей присоединилъ къ своей имперіи (à son Empire), а вторымъ бракомъ на Софіи, дочери Ѳомы Палеолога, брата послѣдняго императора Константинопольскаго». По силѣ выраженной характеристика Іоанна III выдѣляется и ей уступаетъ сказанное про Іоанна IV. Дѣти Іоанна Васильевича всѣ перечислены и отмѣченъ бракъ Елены Іоанновны съ Александромъ литовскимъ и смерть ея въ 1513 г.

Если посравнить работу французскаго исторіографа конца XVI в. съ подобными же другихъ авторовъ, напр., съ работой Marcus'a Zverius'a или Даниіла Принтца, то увидимъ большую разницу. Французскіе авторы стремятся передать реальные факты изъ дѣятельности того или другого лица, пользуются различными данными... У вторыхъ замѣтна большая зависимость отъ русскихъ источниковъ или вѣрнѣе отъ слуховъ, есть повтореніе легендарныхъ подробностей.

Во французской генеалогіи нѣтъ разказа объ Августѣ, Пруссѣ, о происхожденіи Рюрикова дома, чѣмъ начинаются всѣ родословныя съ легкой руки переведенной въ 1576 г. «Magni Moscoviae ducis genealogiae brevis epitome ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta».

Остановилась ли работа исторіографовъ на 1598 г.?

Кто-то, м. б., сынъ исторіографа, сдѣлалъ приписки. Другимъ почеркомъ внесены французскіе короли Людовикъ XIII и Людовикъ XIV (Dieu donné roy de France), польскіе Сигизмундъ III и Владиславъ, и московскій государь «Michel Fedorowitz». Никакихъ свѣдѣній о немъ, никакихъ попытокъ объяснить появленіе этого имени на стра-

ницѣ Генеалогіи не имѣется. Крупный почеркъ, особая орѳографія, отсутствіе связи съ предыдущими говорятъ за то, что имя внесено не самими авторами Генеалогіи. Незнакомство или нежеланіе объяснить родословіе Михаила Ѳедоровича тѣмъ удивительнѣе, что многія изъ бумагъ собранія St. Marthes относятся къ этому царствованію.

Именемъ Михаила Ѳедоровича кончается Генеалогія московскихъ государей, но среди черновиковъ есть страничка изъ времени Алексѣя Михайловича, представляющая крупницу интереса.

Черновикъ писался наскоро, съ поправками, мелкимъ почеркомъ, на листѣ въ четвертушку. Время написанія можно опредѣлить изъ текста: о Потемкинѣ, извѣстномъ послѣ во Францію въ 1668 г., сказано, что онъ былъ «ambassadeur en Espagne et en France 1668 г.», о Шереметевѣ, что онъ «maintenant» въ плѣну у татаръ (что въ дѣйствительности случилось въ 1660 г.) Авторъ отмѣчаетъ цар. Ивана р. 1666, цар. Алексѣя—1670, царицу Марію Ильинишну—1669 г., упоминаетъ соборъ 1667 г. Т. о. время писанія отрывка можно опредѣлить 1669—1670 г.

Начинается текстъ съ титула Московскаго Государя, который интересно сличить съ документальнымъ.

«Par la Grâce de Dieu Grand Seigneur, Car et grand duc Alexis Michalowicz des toutes les Russies grande, petife et blanche, Authocrateur, de Moscovie, Klowie, Vladimirie, Novogradie, Car de Casanie, Car d'Astracanie, Car de Sibérie, Seigneur de Plescowie ou Pskousky et Grand Duc de Smolensko, de Tversky, de Johory ¹⁾ (sic), de Perm, de Viatki, de Bolgarie et d'autres plusieurs. Seigneur et Grand Duc de Novogorod inferieure, de Czernihovle, de Rézanie, de Rostov, de Jaroslavie, de Bieloyezioro, d'Udorie, d'Obdorie, de Condiné et des toutes les autres parties septentrionales Dominateur, Seigneur d'Jverie, des Careis Kartalinsky et Cruzinsky, de Cabardiné et des Ducs Czerkasky et Horskiy et des plusieurs

¹⁾ Югорской.

autres seigneuries et terres orientales, occidentales et septentrionales Caternel (sic) et grand Caternes héritier successeur, seigneur et Dominateur»—этотъ титулъ есть точный переводъ титула, принятаго Алексѣемъ Михайловичемъ послѣ 1667 г. ¹⁾, въ немъ отсутствуетъ вел. кн. Литовскій, Полоцкій, Волинскій, Подольскій, какъ то видимъ въ другихъ титулахъ. Слова Отчичъ и Дѣдичъ переведены «Caternel et Grand Caternes, а слова «всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи» «des toutes les Russies grande, petite et blanche». «Ce seigneur, хотѣлъ продолжать авторъ, но затѣмъ остановился и сдѣлалъ вставку о годѣ рожденія Алексѣя Михайловича 14 марта 1630 г., наслѣдованіи Michel'у Fedorowitz'у съ 1645 г. 12 іюля (онъ де умеръ 49 лѣтъ, а черезъ 8 дней умерли его жена Eudoxe Лукановна), коронованіи 13 іюля на другой день по смерти отца, женитьбѣ въ 1647 г. на «M. Miloslawsky», дочери «Elye Danilowiz». Отъ этой жены царь имѣетъ 4 сыновей: Алексѣя 1653, Fiedor 1657, Michel и Juan и 4 дочерей: «Marina, Sophia et j'au oublié les noms d'autres deux», кончаетъ авторъ.

Сообщенныя даты не вполнѣ точны, какъ, напр., 12 іюля вм. 18—кончина Михаила Ѳед., 1657 г.—вм. 1661 г. годъ рожденія Ѳеодора Алекс. Годъ рожденія Алексѣя Алекс. 1653 г. вм. 1657, равно какъ и годъ свадьбы царя 1647 вм. 1648, можно объяснить древнимъ лѣточисленіемъ съ сентября. Авторъ называетъ младшихъ царевичей Ивана, род. 1666 г., и Михаила вм. Симеона, знаетъ не всѣхъ дочерей, и при этомъ сознается, что пишетъ по памяти. Кромѣ неточностей въ датахъ и неточности нѣкоторыхъ именъ, нельзя не признать свѣдѣнія о царствующемъ домѣ Москвы довольно точными.

Далѣе же слѣдуетъ очень слабая попытка представить и картину московскаго правительства.

Патріархомъ, съ котораго сняли санъ, былъ Antoine Sielanua, митрополитъ всея Руси, архіепископъ Кіева, Галича,

¹⁾ См. титулы 7175, 7164 г. въ Древн. Росс. Вивліюв. т. XVI.

Полоцка, епископъ Витебска и Гродны, архимандритъ ордена св. Василя. При этомъ интересная вставка, къ концу совершенно неразборчивая, говоритъ, что «въ 1667 г. онъ былъ низложенъ на «Synode général» въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ патріарховъ Алексадрійскаго и Антиохійскаго, чтобы придать больше авторитета передъ москвичами, послѣдствія чего...» но тутъ рукопись разобрать невозможно.

Почему Никонъ получилъ такое странное имя? Трудно сказать, но рядъ епархій, приданныхъ патріарху, какъ Витебскъ, Кіевъ, Гродно, надо поставить въ связь съ побѣдами и приобрѣтеніями Алексѣя Михайловича. За патріархомъ слѣдуетъ Jean Valaban, епископъ Кіева, но это слово зачеркнуто и поставлено Valachie. Здѣсь вм. Діонисія Балабана поставлено имя Ивана Балабана, а Валахию можно объяснить б. м. отъѣздомъ Балабана изъ Кіева и пребываніемъ въ Корсуні, гдѣ онъ скончался въ 1663 г.

За духовенствомъ авторъ претендуетъ дать перечень знатныхъ лицъ московскаго правительства: «Les familles», замѣчая, что московское дворянство не имѣетъ и не носитъ гербовъ. Перечень этотъ исполненъ однако чрезвычайно слабо.

Начинается онъ съ «Basile Naszczokin généralissime d'armées Moscovites présentement; Juan Vasilevicz Naszczokin son fils, ambassadeur en Pologne pour l'élection». Ордыну-Нащокину, вмѣсто Аѳанасія, дано имя Василя и словомъ généralissime передается званіе воеводы; сынъ его Воинъ дѣйствительно бѣжалъ въ Польшу въ 1661 г.; въ 1661 г. дѣйствительно было московское посольство въ Варшавѣ съ апрѣля по іюль и были толки объ избраніи преемника Яну Казиміру. Въ одномъ отрывкѣ, находящемся среди того же собранія бумагъ, нѣкоего fr. Bouilleau, пребывавшаго въ Варшавѣ въ 1661 г. рассказываетъ объ этомъ московскомъ посольствѣ и упоминается о М. Naczokin «gentilhomme Moscovite, fils d'un g'nas du Czar», какъ о бѣжавшемъ въ Польшу, чтобы избѣгнуть «servitude, barbarie et ignorance». Между тѣмъ, у нашего автора Воинъ Нащокинъ оказы-

вается посломъ въ 1661 г. Но за то о Потемкинѣ свѣдѣнія весьма точны; автору извѣстно, что онъ стольникъ и намѣстникъ Боровскій «Pierre Iwanovitz Potenkingénéral d'armée, après cela estant fait Escuyer (нельзя требовать точнаго перевода чиновъ) et gouverneur Borovsky, il estoit Ambassadeur en Espagne et en France 1668 à nostre invincible Monarque Louys Quatorze». Также вѣрно сообщеніе о Шереметевѣ, бывшемъ въ плѣну у крымцевъ до 7177 г. «Szeremet généralissime d'armée, qui est maintenant en Tartarie Prisonnier».

Кромѣ этихъ указаній на дѣйствительно существовавшихъ лицъ московскаго правительства, авторъ перечисляетъ затѣмъ фантастическія имена и должности. Balaban, Urbapowsky, Dubieniecky, Grotaszewitz выдаются за воеводъ Астрахани, Смоленска, за конюшихъ, лейтенантовъ и т. п.

Итакъ генеалогическая работа исторіографовъ St. Marthes, начатая въ концѣ XVI в., преемственно дошла до конца XVII, и эти страницы французскихъ придворныхъ писателей, не заслуживающія вниманія по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, интересны тѣмъ не менѣе, какъ любопытный примѣръ того, какія свѣдѣнія могли проникать путемъ популяризаціи въ широкую публику, хотя бы придворнаго круга, и какія то были данныя о далекой Московіи во Франціи, современной Борису Годунову и Алексѣю Михайловичу.

Е. Тураева-Церетели.

Нѣсколько словъ по поводу двухъ неизданныхъ рукописей, касающихся гуманиста Заноби да Страда.

Жизнь и произведенія «вѣнчаннаго» поэта Заноби да Страда, современника Петрарки и Боккаччіо, до сихъ поръ настолько мало изучены, что всякія новыя данныя въ этой области, мнѣ кажется, должны представлять нѣкоторый научный интересъ. Настоящая замѣтка и имѣетъ цѣлью, на основаніи двухъ, до сихъ поръ еще неизданныхъ, рукописей, сообщить нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся Заноби. Изъ этихъ рукописей одна проливаетъ свѣтъ на годъ рожденія Заноби, другая же даетъ италіанскій сонетъ, принадлежащій перу упомянутаго гуманиста и тоже до сихъ поръ неизвѣстный въ литературѣ.

1. Что касается вопроса о годѣ рожденія Заноби да Страда, то до сихъ поръ не было достигнуто по этому поводу согласія въ научной литературѣ. Одинъ изъ самыхъ старыхъ біографовъ Заноби XV вѣка, а именно, Filippo Villani (являющійся источникомъ для позднѣйшихъ біографовъ) сообщаетъ слѣдующую дату смерти Заноби и числа лѣтъ его жизни: «mori a Vignone nell'anno della grazia MCCCLXIII, e della sua età XLVIII e fu onorevolmente seppellito» ¹⁾. Слѣдовательно, годъ рожденія—1315 (1364 — 49 = 1315). Другой изъ старѣйшихъ біографовъ тоже XV вѣка, а именно Domenico di Bandino d'Arezzo въ своей книгѣ *De Viris Claris* ²⁾ сообщаетъ лишь, что Заноби жилъ

¹⁾ Цитировано по италіанскому изданію: *F. Villani. Le vite d'uomini illustri Fiorentini Venezia. MDCCXLVII.*

²⁾ Рукопись во Флоренціи, въ Национальной Библиотекѣ, подъ

49 лѣтъ (*Moritur tandem Avignoni in 49 Anno aetatis suae*). Есть еще извѣстiе о годѣ смерти Заноби и числѣ лѣтъ его жизни, относящееся уже къ XVI вѣку. Это—извѣстiе «Каталога флорентійскихъ писателей» ¹⁾ «*Claruit 1355 et annum quadragesimum pondum agens interiit*». Слѣдовательно, 1355 — 40 = 1315. Получается тотъ же 1315-ый годъ. Таковы древнѣйшiя извѣстiя относительно года рожденiя Заноби. Подъ влiянiемъ этихъ сообщенiй (и, главнымъ образомъ, *Filippo Villani*, такъ какъ «Каталогъ» болѣе позднего происхожденiя) и установилась было дата: *1315 годъ*. Она проникла, между прочимъ, и въ единственную книжку въ позднѣйшей литературѣ XIX вѣка, посвященную цѣликомъ Заноби, но не имѣющую, впрочемъ, большого научнаго значенiя. Книжка эта: *Zanobi da Strada. Notizie istoriche raccolte dal P. S. M. C. P. Firenze 1878* (Типография Bonducciana di A. Alessandri Piazza del Duomo). Авторъ этихъ *Notizie* устанавливаетъ дату 1315, впрочемъ, со словъ *Pelli* ²⁾, а *Pelli* принимаетъ ее со словъ того же *Виллани*.

Однако, въ этой датѣ (1315) позволительно усумниться. *Fracassetti* ³⁾, издавшiй письма *Петрарки*, доказалъ неопровержимо, что въ концѣ 1361 года Заноби уже не могъ быть въ живыхъ. 10 Юля 1361 года *Петрарка* пишетъ письмо по поводу смерти сына своего *Giovanni* и въ немъ упоминаетъ о Заноби, какъ объ умершемъ. На этомъ основанiи *Hortis* ⁴⁾ заключилъ, что Заноби родился, вѣроятно,

шифрой: † В. 1269. IX. Band. (новая шифра IX. 127). Заглавiе: *Ex libro de Viris Claris Mag.-i Domenici M-gi Bandini de Arezzo*. Стр. 38—биографiя Заноби (издана *Mehus*'омъ въ *ero Vita Ambrosii Traversarii Florentiae MDCCLIX*).

¹⁾ *Catalogus scriptorum florentinorum omnis generis, quorum et memoria extat atque lucubrationes in literas relatae sunt ad nostra usque tempora. 1589. Auctore reverendo patre magistro Michaelae Pocciantio Florentino. Florentiae 1589.*

²⁾ *Pelli. Gli illustri Toscani. Lucca. 1771—1774.*

³⁾ *Fracassetti. Familiar. nota alla lett. III del libro XII.*

⁴⁾ *Hortis. Studi sulle opere latine del Boccaccio. Trieste. 1879.*

не въ 1315 г., а въ 1312 году (1361 — 49 = 1312), такъ какъ въ числѣ лѣтъ его жизни (49) онъ не сомнѣвался. Да и трудно было бы оспаривать цифру 49. И Виллани, и Доменико ее даютъ вполне опредѣленно. Что же касается «Каталога», то его извѣстію о 40 лѣтъ жизни Заноби ни въ какомъ случаѣ нельзя довѣрять, такъ какъ достоверно извѣстно, что еще въ 1359 году Заноби былъ въ живыхъ, служа въ Авиньонѣ. И вотъ, эта новая цифра (1312) стала вытѣснять старую (1315). Въ сочиненіи А. Н. Веселовскаго: («Боккаччіо, его среда и сверстники». Спб. 1894), гдѣ дается блестящая и яркая, хотя и черезчуръ стремительная и рѣзкая въ своихъ выводахъ, характеристика Заноби, тоже принимается за годъ его рожденія 1312 годъ. Однако, точно-ли эта дата? Она, вѣдь, возникла на основаніи предположенія, что Заноби умеръ въ 1361 году (1361 — 49 = 1312). Между тѣмъ, достоверно извѣстно (какъ было указано выше) лишь то, что въ Іюль 1361 года его уже не было въ живыхъ, а въ 1359 году онъ былъ еще живъ. Отчего же предполагать, что онъ умеръ именно въ 1361 году, а не въ 1360 или даже не въ концѣ 1359 года. Между тѣмъ, доказать, что онъ умеръ именно въ 1361 году, пока совершенно невозможно. Зато возможно доказать, что въ 1360 году онъ былъ еще живъ, по крайней мѣрѣ, до августа этого года. Это доказывается бывшимъ у меня въ рукахъ во Флоренціи письмомъ къ нему флорентійцевъ, отправленнымъ въ Авиньонъ въ августѣ 1360 года и находящимся въ рукописи во Флорентійскомъ госуд. архивѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, рамки очень суживаются: несомнѣнно, что смерть Заноби послѣдовала между августомъ 1360 года и іюлемъ 1361 года. (Вышеупомянутое письмо Петрарки относится, вѣдь, къ 10 Іюля 1361 года). Характерно и то-что послѣ 1360 года пока не найдено писемъ флорентійской республики къ Заноби да Страда. Все это вмѣстѣ

¹⁾ Письмо это вмѣстѣ съ другими, тоже еще неизданными, посланіями флорентійцевъ къ Заноби въ Авиньонъ, находится въ Archivio di Stato (Carteggio Missive. Стр. 146 на оборотѣ).

взятое заставляетъ предполагать, что Заноби скончался, вѣроятно, въ концѣ 1360 года. Если вычестъ отсюда цифру лѣтъ его жизни (49), то получится *1311-ый годъ*, какъ годъ его рожденія. Мнѣ думается и надо принять именно этотъ годъ. Характерно, между прочимъ, что въ источникахъ, которые были до сихъ поръ извѣстны, находятся, какъ мы видѣли, упоминанія о числѣ лѣтъ жизни Заноби и о годѣ его смерти, но нигдѣ прямо не называется годъ рожденія нашего гуманиста. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ манускриптъ XVI вѣка, до сихъ поръ неизданный и бывший у меня въ рукахъ во Флоренціи, который даетъ вполнѣ точную дату рожденія Заноби, и эта дата какъ разъ—*1311 годъ*.

Манускриптъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ Национальной Библиотекѣ во Флоренціи подъ слѣдующей шифрой: Magliab. cl. VII, n. 195 стараго каталога или II, IV, 1—новаго. Заглавіе таково: Capitoli, Composizioni et Leggi dell'Accademia degli Umidi (Provenienza Marmi). Заноби помѣщенъ здѣсь среди «3 флорентійскихъ вѣнчанниковъ», а именно: на стр. 6 находятся изображенія во весь ростъ фигуръ Данте, Петрарки, Заноби и Боккаччіо, сдѣланныя не особенно искусной рукой, всѣ четверо—съ книгами въ рукахъ и всѣ четверо—въ лавровыхъ вѣнкахъ на головахъ. Подъ фигурами—какія-то изображенія (подъ Данте—крестъ, подъ Петраркой—пустое мѣсто, подъ Заноби—скрещенные молотки, подъ Боккаччіо—лѣстница). Внизу—краткія свѣдѣнія о жизни поэтовъ, а именно: *Dante Alighieri, elisei infrangi pani Poeta e cittadino Fiorentino nacque nel MCCLXV, visse anni LVI. Mori nel MCCCXXI.*

Messer Francesco Petrarca dall'Ancisa Poeta et cittadino Fiorentino nacque nel MCCCIIIJ, visse anni LXXIIIJ, mori nel MCCCCLXXIIIJ.

Messer Zanobi da Strata, Poeta et cittadino Fiorentino nacque nel MCCCXI visse anni XVIIJ mesi sei et di venti, mori nel MCCCXX9 (sicl).

Messer Giovanni Boccaccio da certaldo. Poeta, oratore et

cittadino Fiorentino nacque nel MCCCXIIJ, visse anni LXIJ mori nel MCCCLXXV.

Весь кодексъ XVI вѣка. Таковъ манускриптъ II, IV, 1 Bibl. Naz. Въ немъ, какъ видно, точно указывается годъ рожденія Заноби—1311 годъ. Правда, остальные свѣдѣнія о немъ болѣе, чѣмъ странны. Выходитъ такъ, что Заноби жилъ всего 18 лѣтъ, а умеръ въ 1329 году! При этомъ очень странна транскрипція 1329 года: MCCCXX9 (въ концѣ почему то арабская цифра). Это послѣднее обстоятельство въ связи еще съ тѣмъ, что число лѣтъ жизни въ рукописи замазано чернилами и разбирается лишь съ большимъ трудомъ, даетъ возможность, какъ мнѣ кажется, придти къ тому выводу, что мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ небрежностью или опиской кописта XVI вѣка. Зато годъ рожденія Заноби совершенно ясенъ и не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Зачѣмъ же его отвергать? Тѣмъ болѣе что, какъ я пытался установить, къ тому же году можно придти и другимъ путемъ. Не забудемъ еще и то обстоятельство, что рукопись II, IV, 1 Нац. Библ. представляетъ собою Capitoli, Composizioni et Leggi «dell Accademia degli Umidi», а эта самая Академія была основана какъ разъ въ домѣ отца Заноби Giovanni Mazzuoli, грамматика, которому помогалъ въ занятяхъ сынъ, нашъ Заноби. Кому же, казалось бы, и знать лучше всего годъ рожденія его, какъ не документу, сообщающему Capitoli, Composizioni et Leggi Академіи, основанной и находившейся въ домѣ отца Заноби? Важно также для опредѣленія степени достовѣрности рукописи II, IV, 1 Нац. Библ. то, что годы рожденія и смерти Данте, Петрарки, и Боккаччіо показаны совершенно правильно. Почему же подозрѣвать неправильность вполне яснаго указанія относительно года рожденія Заноби?

Итакъ, всѣ высказанныя выше соображенія заставляютъ придти къ выводу, что годомъ рожденія Заноби должно считать 1311 годъ; что же касается смерти его, то, вѣроятно, она послѣдовала въ концѣ 1360 года.

II. Что касается второй рукописи, бывшей у меня въ

рукахъ во Флоренціи, то она даетъ слѣдующее неизданное и неизвѣстное до сихъ поръ италіанское стихотвореніе Заноби:

Sonetto di Mess. Zanobi Strata.

O chacciato di ciel da michael
O ruina del solglio d aquilon
O velenoso serpente gion
O crudele ucciditor del giusto abel
O mal commettitor achithefel
O sucesor d inchanti d erichon (или ierichon?)
Maladichati l alto iddio sion
Che benedisce i figli d israel
Contro ti sia la fede d abraam
Ell oration di melchisedecch
Ell angelo che die storpio ab alam
Per te rinascha unnuovo amecch
Chel sangue vendicho delfil d adam
Falsia tuofin qual fu quel d abimelecch
En contro ti sia la gratia di Jacob
Poche procacci crescer pene a Job.

Находится этотъ сонетъ въ Библиотекѣ Marcelliana во Флоренціи въ кодексѣ: Petrarca il Canzoniere. Весь кодексъ написанъ одною рукой до стр. 161, начиная съ которой до конца (166 стр.)—другой рукой, но той же эпохи, а именно, вся рукопись принадлежитъ первой половинѣ XV вѣка. На деревянной обложкѣ кодекса съ внутренней стороны (на оборотѣ)—печатная надпись: curae sed deliciae. Ex bibl. A. F. Gori; на корешкѣ—клеймо библиотеки Marcelliana, шифра—C. 152. Въ кодексѣ находятся произведенія различныхъ гуманистовъ (на первомъ мѣстѣ—Петрарки), а на стр. 147 старой нумераціи, или 121-й — новой (счетъ страницъ—двойкій) имѣется надпись: Poesie di Zanobi da Strada, гдѣ подъ названіемъ Sonetto di Mess. Zanobi Strata дается стихотвореніе, только-что приведенное. Данное стихотвореніе, будучи очень характернымъ для эпохи ранняго италіанскаго гуманизма, является пока *единственнымъ* принадлежащимъ

Заноби сонетомъ на италіанскомъ языкѣ и въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ новинки.

Произведенія Заноби, извѣстныя и изданныя до сихъ поръ, суть слѣдующія. Кромѣ *писемъ*, не собранныхъ пока воедино и опубликованныхъ (въ очень небольшомъ числѣ) цѣликомъ или въ отрывкахъ въ различныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ эпохѣ ранняго гуманизма, были извѣстны до сихъ поръ: 1) большая рѣчь de Fama на лат. яз., произнесенная Заноби по случаю коронованія его вѣнкомъ поэта ¹⁾, 2) отрывокъ латинской рѣчи, опубликованный Ciampi ²⁾, 3) три латинскихъ стихотворенія, приводимыя Hortis'омъ ³⁾, 4) отрывки латинскихъ стихотвореній, приводимые Mehus'омъ ⁴⁾ и Ciampi ⁵⁾ и наконецъ 5) Registrum litterarum apost. Innocentii papae sexti, редактированныхъ Заноби, въ качествѣ папскаго секретаря ⁶⁾.—Таковы всѣ произведенія Заноби на латинскомъ языкѣ. Что касается *италіанскихъ*, то пока были извѣстны слѣдующія: 1) переводъ «Сна Сципіона» Цицерона, опубликованный Ciampi ⁷⁾,

¹⁾ Имѣется въ рукописи въ трехъ спискахъ: 1) вѣнскомъ (Cod. Vindob. 4498 fol. 112); 2) лейпцигскомъ (Cod. Ms. 1269) и 3) флорентійскомъ (Cod. Laur. XC inf. 14 c. 151). Напечатана Веселовскимъ: Боккаччо. Спб. 1894. II т. Приложение I стр. 639—660.

²⁾ Monumenti d'un MS. autografo di Messer Giovanni Boccaccio da Certaldo, trovati ed illustrati da Sebastiano Ciampi. Firenze 1827. p. 95. Ciampi упоминаетъ еще объ одной рѣчи Заноби: Audite me, о которой пишетъ Боккаччю (Cod. Laur.n. VIII Plut. XXIX).

³⁾ Hortis. Studj sulle opere latine del Boccaccio Trieste 1879. p. 343 ss.

⁴⁾ Mehus. Vita Ambr. Trav. Florentiae MDCCLIX.

⁵⁾ Ciampi. Monumenti. p. 34.

⁶⁾ Registrum litterarum apost. Innocentii papae sexti anno sui pontificatus nono editarum et compilatarum per magistrum Zenobium (см. Marténe et Durand. Thesaurus novus anecdotorum. Lutet. Paris. 1717 pp. 843.-1072).

⁷⁾ Sogno di Scipione, voltato in greco per Massimo Planude e fatto volgare per M. Zanobi da Strada, coronato Poeta Fiorentino, Pisa presso il Prospero 1816. 8°, найденный Ciampi, о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ Monumenti p. 51 nota 17.

2) переводъ отрывковъ изъ Саллюстія, изданныхъ Ciampi 1) и 3) переводъ части *Moralia* Григорія Великаго (глава XVIII книги XIX), сдѣланный въ 1360 году, причемъ смерть помѣшала Заноби продолжить эту работу, какъ указывается въ концѣ XVIII гл. XIX книги въ изданіи *Incunabile* въ Ватиканѣ 2). Этотъ переводъ Ciampi считаетъ почти единственной выдающейся вещью Заноби 3) Вотъ и всѣ произведенія Заноби, которыя могутъ быть приписаны ему съ достовѣрностью.

Какъ видно, среди всѣхъ произведеній, извѣстныхъ до сихъ поръ, не было ни одного самостоятельнаго италіанскаго стихотворенія. Найденный мною сонетъ является, такимъ образомъ, первымъ въ этой области, и невольно хочется высказать надежду, что не будетъ послѣднимъ. Можетъ быть, италіанскіе архивы и библіотеки хранятъ еще и не одно изъ произведеній Заноби, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, но которыя увидятъ, можетъ быть, наконецъ свѣтъ и помогутъ намъ лучше уяснить себѣ, почему современники ставили Заноби да Страда наряду съ Данте, Петраркой, Боккачіо.

П. Фридолинъ.

1) Sallustio. Volgarizzamento d'alcuni squarci di Sallustio. S. Data (Pisa. 1816 in 8°) изд. Ciampi въ 50 экземплярахъ.

2) Рукопись Cod. 110. fol. Bibliothecae quondam Gaddianae, nunc Magliabech Cl. XXXIX, cod. 36. *Incunabile*, которымъ я пользовался въ Ватиканѣ, имѣетъ шифру. Inc. II, 117, 118, 119 и назыв. S. Gregor. *Moralia italice edita* An. 1486. Тамъ въ концѣ 18-й главы 19-й книги говорится: *Finito e il capitolo XVIII dellibro XIX de morali di Sancto gregorio papa sopra Job uulgarizzati per Messer Zanobi da Strata poeta eloquentissimo: Al quale sopravvenendo la morte non pote la decta opera piu innazi seguitare.*

3) Ciampi. Monum. p. 34: *Se ora Zanobi da Strata é qualche cosa, non lo debbe nè a suoi versi, nè alla corona poetica, nè alla protezione dell' Acciajuoli, ma solo a qualcuna delle sue prose volgari ed in particolare alla traduzione d'una parte de' Morali di san Gregorio.*

Евгемеръ и евгемеризмъ.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одной работы ни самостоятельной, ни компилятивной, которая была бы посвящена Евгемеру, оказавшему немалую услугу христіанскимъ апологетамъ въ ихъ нападкахъ на языческій Олимпъ. Несмотря на то, что до насъ сохранились только отрывки сочиненія Евгемера въ писаніяхъ Евсевія, Лактанція, Діодора и Еннія ¹⁾, въ общихъ чертахъ содержаніе его труда настолько извѣстно, что позволяетъ разсѣяныя у разныхъ писателей мысли объединять подъ общимъ названіемъ евгемеризма.

Что же такое евгемеризмъ? Обычно понимаютъ это выраженіе въ смыслѣ проповѣди безбожія, такъ какъ еще древность называла Евгемера *ἄθεος*. Но анализъ отрывковъ, сохранившихся до нашего времени отъ сочиненія Евгемера, убѣждаетъ въ томъ, что евгемеризмъ—не отрицаніе боговъ или божественнаго начала, а теорія происхожденія олимпійскихъ боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытка прагматическаго истолкованія мифовъ ²⁾.

Задолго до Евгемера критическая мысль грековъ частью внесла нѣкоторыя поправки въ мифы, противорѣчившіе

¹⁾ Енній, по словамъ Цицерона, истолковалъ и слѣдовалъ (*interpretatus et secutus est*) Евгемеру, по словамъ же Варрона—перевелъ его.

²⁾ Прагматическое или историческое истолкованіе противоплагается аллегорическому, въ которомъ боги и ихъ дѣянія разсматриваются, какъ олицетворенія или силъ и явленій природы, или нравственныхъ свойствъ. *Chantepie de la Saussaye, Religionsgeschichte, II B, 1889, p. 154.*

нравственному сознанию лучших людей, частью отвергла совсѣмъ пестрыя созданія народной фантазіи и индивидуальнаго поэтического настроенія.

Частичныя поправки баснословныхъ сказаній мы встрѣчаемъ у Ферекида, Гекатея, Геродота, Фукидида и др.; совершенное отверженіе выдумокъ древнихъ (*πλάσματα τῶν προτέρων*) у Ксенофонта ¹⁾).

Чисто рационалистическое объясненіе мифовъ, независимо отъ нравственныхъ побужденій, но съ единственной цѣлью разъяснить все, казавшееся неправдоподобнымъ среднему человѣку, мы находимъ только у Палефата, жившаго, по всей вѣроятности, уже позже Евгемера, во II в. до Р. Х. ²⁾. Насколько Палефатъ отличается отъ Евгемера, приближаясь къ рационалистамъ XVIII вѣка, будетъ показано ниже (См. гл. IV).

Во всякомъ случаѣ, Евгемеру, и никому другому, принадлежитъ попытка объяснить происхожденіе олимпійцевъ изъ общества людей: въ его толкованіи сквозь ихъ небесный нимбъ виденъ земной ореолъ сильныхъ, великихъ людей.

I.

Всякая теорія происхожденія боговъ есть не что иное какъ теорія происхожденія религіи, которая, говоря философскимъ языкомъ, должна отвѣтить на вопросъ: изъ какихъ причинъ или силъ возникаетъ въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ религіозное сознание.

¹⁾ Основательно разработанъ вопросъ о толкованіи мифовъ у грековъ до Евгемера въ работахъ Wipprecht'a, *Zur Entwicklung der rationalistischen Mythendeutung bei den Griechen* Tübingen, 1—1902, 2—1908.

²⁾ Относительно времени жизни Палефата существуютъ до сихъ поръ значительныя разногласія (см. Wipprecht'a, *Quaestiones Palaeph.* Dissert. 1892); издатель сочиненія Палефата N. Festa относитъ его къ IV в. до Р. Х., Wipprecht же ко II в.

За долгій періодъ исторической жизни человѣчества на этотъ вопросъ накопилось не мало отвѣтовъ. Но если углубиться въ разсмотрѣніе ихъ, то они почти всѣ могли бы быть сведены къ двумъ большимъ группамъ, въ зависимости отъ того, какому изъ чувствъ отдается предпочтеніе, какъ двигателю духовной природы человѣка: страху или умиленію и благодарности. Рибо, изслѣдуя природу религиозныхъ идей, говоритъ о чувствахъ, вызывающихъ появленіе ихъ, слѣдующее: они идутъ по двумъ гаммамъ: «одна, въ тонѣ страха, слагается изъ тяжелыхъ, подавленныхъ состояній: страха, ужаса, боязни, почитанія, уваженія... Другая, въ тонѣ нѣжнаго волненія, слагается изъ состояній пріятныхъ и экспансивныхъ: восхищенія, довѣрія, любви, восторга» ¹⁾).

До этихъ обобщеній современнаго философскаго ума не доходила древность, но она внесла свою долю истины, въ разрѣшеніе этой важной проблемы, и въ этомъ смыслѣ вполне правильно утвержденіе Цицерона: *antiquitas proxime accedit ad Deos*.

Стацію принадлежитъ указаніе на чувство страха, какъ на первоисточникъ богопочитанія: «*Primus in orbe Deos fecit timor*» ²⁾); а Евгемеру—указаніе на чувство уваженія и почета, вызываемаго могущественными людьми, какъ на причину созданія религиозныхъ образовъ и культа боговъ.

Мнѣ кажется, если смотрѣть на Евгемера, какъ на писателя и мыслителя, стремившагося найти психологическія основанія богопочитанія, то къ нему необходимо будетъ отнести съ тѣмъ вниманіемъ, которое приличествуетъ оказывать всѣмъ искателямъ истины.

Признавая за Евгемеромъ заслугу теоретическаго обоснованія культа боговъ съ опредѣленной точки зрѣнія, я затрудняюсь понять ту строгую оцѣнку, которая дается Евгемеру нѣкоторыми историками религій. Такъ, Шантепи де ла Соссэ говоритъ, что толкованія сторонниковъ тео-

¹⁾ Th. Ribot. *Psychologie des sentiments*. Paris. 1896, p. 307.

²⁾ Statius Thebais, III, 661.

риі Евгемера нелѣпы, вздорны, (abgeschmackt); Преллеръ называетъ евгемеризмъ чумою; Дешармъ ¹⁾ сомнѣвается, чтобы могло выйти что-нибудь хорошее «изъ мозговъ посредственнаго софиста» (du cerveau du médiocre sophiste qui s'appelle Evhémère).

Суровое отношеніе къ Евгемеру со стороны названныхъ историковъ объясняется тѣмъ, что они осуждаютъ его толкованіе мифовъ, при которомъ исчезаетъ красота, непосредственность и свѣжесть этихъ поэтическихъ сказаній. Но если мѣрять этою мѣркою, то нельзя иначе, какъ съ негодованіемъ отнестись ко всякому анализу, ко всѣмъ научнымъ теоріямъ, съ помощью которыхъ новѣйшіе ученые пытаются вложить разумный смыслъ въ древнія преданія о богахъ и герояхъ, какъ, на примѣръ, теоріи филологической, устанавливающей связь между *potina* и *pumina* ²⁾ или теоріи лунарно-солярной, все сводящей къ фазамъ луны смѣнѣ дня и ночи, затменіямъ и т. п. ³⁾.

Мнѣ представляется, что рѣзко осуждаемы могутъ быть только тѣ теоретическія предположенія, которыя поражаютъ своей легкомысленностью, въ которыхъ, на примѣръ, игнорируются законы жизни человѣческаго духа или общіе законы природы.

¹⁾ Preller dans le commentaire qui accompagne son édition de Polémon le Périégète, parlait de Mnaséas avec une indignation éloquente: «Pessimi generis est unus ex insolenti ista et fastidiosa qui Euhemerum profitebantur secta, ridicule credulus, aniliter loquax... in Mnasea, veluti vivo exemplo, judicare licet pestem illam Euhemerismi, quae tot Graecorum ingenia affecit». Nous ne pouvons partager qu'à demi cette colère, qui devrait, en bonne justice, retomber sur Evhémère lui-même, Decharme, La critique des traditions religieuses chez les Grecs, Paris. 1904, p. 389.

²⁾ Критика этой теоріи у Герберта Спенсера, въ приложеніяхъ В. и С. ко II ч. Основаній Соціологіи, Спб. 1898 и у Paul Regnaud, Max Müller et les origines de la mythologie (Extrait des Annales du musée Guimet. 1889).

³⁾ Однимъ изъ видныхъ представителей этой теоріи былъ Н. Usener, умершій въ концѣ 1905 г.,—авторъ многихъ изслѣдованій въ области исторіи религіи; замѣчательны его Religionsgeschichtliche Untersuchungen.

Когда намъ говорятъ, что религія—выдумка жрецовъ и повелителей, имѣющая цѣлью держать въ рабствѣ народную массу, то мы чувствуемъ всю бездоказательность, всю легковѣсность этого утвержденія, совершенно не считающагося съ фактами.

Но если намъ предлагаютъ, хотя и одностороннюю, но на фактахъ и законахъ дѣйствительности основанную теорію, мы не можемъ къ ней отнестись иначе, какъ со вниманіемъ и съ серьезной критикой. Современная наука богата односторонними взглядами почти на всѣ крупные вопросы, а исторія религій въ особенности. Въ ней до сихъ поръ существуетъ большое разнообразіе мнѣній по вопросу о первоначальной формѣ религіознаго сознанія, которой считается то монотеизмъ, то политеизмъ, то фетишизмъ, то натуразмъ, то анимизмъ, то культъ предковъ.

Въ той же степени, въ какой не установлена начальная стадія религіи, колеблются взгляды и относительно причинъ, вызывающихъ въ человѣкѣ религіозное чувство.

Олтмаръ утверждаетъ: «Отъ столкновенія человѣка со всѣмъ тѣмъ, что его въ мірѣ удивляетъ, печалитъ и подавляетъ, родилась религія» ¹⁾).

Немного отличается отъ него Гюйо, полагающій, что въ основѣ религій лежитъ «изумленіе сознанія передъ извѣстными явленіями, ощущеніе страха... и волевая реакція, слѣдующая за ними» ²⁾).

Мнѣ кажется, что въ существѣ своемъ взгляды Олтмара и Гюйо не далеко отошли отъ формулы Стація: страхъ первый создалъ боговъ.

Ренану представляется, что «религія у человѣчества есть то же, что и строительство гнѣздъ у птицъ; какой-то инстинктъ сразу, таинственно, поднимается въ душѣ у существа, которое раньше и не чувствовало его совер-

¹⁾ C'est du heurt de l'homme contre tout ce qui, dans le monde. l'étonne, l'afflige et l'écrase, qu'est née la religion, Paul Oltmare, L'évolutionisme et l'histoire des religions (Annales du musée Guimet. 1901).

²⁾ Гюйо, Иррелигіозность будущаго, 1909, стр. 70.

шенно... Рожденіе религиозной идеи въ чловѣкѣ происходитъ подобнымъ же образомъ. Чловѣкъ идетъ невнимательнымъ, разсѣяннымъ. Вдругъ, сразу наступаетъ какое то молчаніе, какъ будто время остановилось въ своемъ теченіи, образуется какое-то пустое мѣсто въ его чувствованіяхъ! О, Боже, восклицаетъ онъ тогда, какъ странна моя судьба! Вѣрно ли, что я существую? Что такое представляетъ собою міръ? Не я ли это солнце? Не мое ли сердце посылаетъ лучи. Отецъ, тебя вижу тамъ, за облаками. Затѣмъ снова начинается шумъ внѣшняго міра; порывъ проходитъ; но, начиная съ этого момента, существо, повидимому эгоистичное, станетъ совершать непонятныя дѣйствія, будетъ поступать противъ своей очевидной пользы, будетъ подчиняться назначенію, котораго не знаетъ, будетъ испытывать потребность склоняться и обожать» 1).

Теорія религиознаго инстинкта или откровенія идеала Ренана базируется также на изумленіи и вытекающемъ изъ него восхищеніи. Максъ Мюллеръ начало религіи полагаетъ въ идеѣ безконечнаго, которая, по его мнѣнію, была всегда присуща чловѣческому уму; идея эта не имѣетъ ничего мистическаго—*nihil in fide quod non antea fuerit in sensu*. У дикаря уже существуетъ предчувствіе безконечности, связанное съ идеей безпредѣльности, возникающей вслѣдствіе ограниченности силы зрѣнія 2).

Мнѣ кажется не надо слишкомъ подчеркивать неосновательность предположенія о доступности идеи безконеч-

1) E. Renan. *Dialogues philosophiques* Paris. 1876, pp. 38—39.

2) Въ слѣдующихъ словахъ авторъ объясняетъ, почему онъ предпочитаетъ терминъ «безконечный», какъ ясно обозначающій границу нашихъ чувствъ и ума, всякимъ другимъ терминамъ «сверхчувственный», «сверхестественный», «абсолютный» и др.: I thought infinite the least objectionable term for all that transcends our senses and our reason... I thought it preferable to indefinite invisible, supernatural, absolute or divine, as the characteristic qualification of the objects of that large class of knowledge which constitutes what we call religion. Max Müller, *Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religions of India*. London. 1878, p. 28.

ности первобытному человѣку, когда это понятіе и въ настоящее время входитъ лишь въ область философскаго умозрѣнія.

Пфлейдереръ, указавъ на то, что въ основѣ всѣхъ почти религій лежитъ анимизмъ, такъ объясняетъ его появленіе: «Первымъ источникомъ его является вѣра въ одушевленность природы, до сихъ поръ еще принимаемая безсознательно поэтами. Она объясняется свойственной человѣку склонностью истолковывать внѣшнія явленія по аналогіи со своими внутренними состояніями, переносить въ нихъ свои чувства и аффекты, а особенно стремленіемъ видѣть въ дѣйствіяхъ, исходящихъ отъ вещей, волевые акты, свидѣтельствующіе о дружественныхъ или враждебныхъ намѣреніяхъ» ¹⁾.

Нѣсколько полнѣе, чѣмъ Пфлейдереръ опредѣляетъ природу религіознаго чувства Фукаръ ²⁾: естественныя (въ противоположность откровеннымъ) религіи появлялись какъ результатъ впечатлѣній, которыя испытывалъ человѣкъ при соприкосновеніи съ чувственнымъ міромъ. Онѣ суть выраженіе его первыхъ усилій установить съ нимъ отношенія и постигнуть его въ мѣру своихъ знаній. Инстинктивно онъ считалъ его населеннымъ безконечнымъ количествомъ существъ, живущихъ и дѣйствующихъ какъ человѣкъ, но превосходящихъ его силой. Онъ всюду находилъ ихъ—въ деревьяхъ, въ животныхъ, въ неодушевленныхъ для насъ предметахъ—въ горной вершинѣ, въ скалѣ, въ катящихся водахъ рѣки. Онъ считалъ ихъ невидимыми большую часть времени для обыкновеннаго глаза, но всегда могущими появиться; всегда также, если не зловредными, то, по крайней мѣрѣ, страшными своей силой, ловкостью и высшимъ разумѣніемъ. Религія, на этой ступени, является попыткой обезпечить себѣ поддержку этихъ существъ или держать ихъ въ отдаленіи. Она—продуктъ усиленныхъ размышлений

¹⁾ О. Пфлейдереръ. О религіи и религіяхъ. Спб. 1909, стр. 56.

²⁾ George Foucart, La méthode comparative dans l'histoire des religions. Paris. 1909, p. 16.

и опытовъ челоѣчества. Челоѣкъ создаетъ ее медленно. Онъ же, впослѣдствіи, видоизмѣняетъ ее, развиваетъ согласно стремленіямъ расы,—ея вкусамъ, ея разсужденіямъ,—и сообразно съ мѣстными условіями, которыя диктуются природой... Въ религіяхъ естественныхъ все является дѣломъ челоѣка».

На основѣ аналогичныхъ взглядовъ Менаръ устанавливаетъ «семейства религій, соотвѣтствующія семействамъ народовъ» ¹⁾. «Міръ», по его мнѣнію, «можетъ быть представляемъ, какъ машина, какъ животное, какъ поле битвы и какъ концертъ. Этимъ четыремъ представленіямъ соотвѣтствуютъ четыре вида религіи въ древности. Монотеизмъ разсматриваетъ природу, какъ инертную матерію, приводимую въ движеніе внѣшной волей; пантеизмъ представляетъ ее себѣ, какъ живое единство, въ себѣ самомъ заключающее основу дѣятельности; дуализмъ видитъ въ ней вѣчную борьбу противоположныхъ началъ; политеизмъ—равновѣсіе многообразныхъ энергій, совмѣстное дѣйствіе которыхъ производитъ всеобщую гармонію».

Какъ видно изъ приведенныхъ взглядовъ новѣйшихъ ученыхъ, въ вопросѣ о началѣ религіи, а равно и въ проблемѣ относительно ея психической основы, царитъ по сіе время большое разнообразіе мнѣній, и нельзя не согласиться съ Фукаромъ, что прочные результаты въ этой области будутъ получены лишь тогда, когда къ исторіи религій будетъ примѣненъ тотъ методъ изученія, который давно употребляется въ естественныхъ наукахъ, но съ замѣной опыта сравненіемъ (*la comparaison est l'instrument nécessaire qui remplacera ici l'expérience*).

Имѣя въ виду все вышесказанное, я полагаю, что Еггеръ съ его односторонней теоріей заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что, въ сущности, съ его взглядами согласны такіе авторитетные ученые, какъ Гербертъ Спенсеръ, считающій культъ мертвыхъ первоисточникомъ богочитанія.

¹⁾ Louis Ménard, *Symbolique des religions anciennes et modernes*, Paris 1896, p. 7.

II.

Кто же такой Евгемеръ, что онъ написалъ и чему собственно училъ? Евгемеръ, уроженецъ Мессены, былъ другомъ царя Кассандра (316—297) и, по его приказанію, исполнялъ отвѣтственныя государственныя порученія. Имъ написано около 280 г. до Р. Х. сочиненіе, озаглавленное 'Ιερὰ ἀναγραφή. Это названіе переводится разнo: то священная надпись, то священный документъ, то священная исторія ¹⁾ или хроника.

Наиболѣе значительныя извлеченія изъ подлиннаго сочиненія Евгемера сохранились у Діодора (кн. V, 41—46 и кн. VI, 1); у послѣдняго заимствовалъ Евсевій (во 2-й книгѣ Praeparatio evangelica). Изъ латинскаго перевода Эннія извлекъ значительныя отрывки Лактанцій (I кн. Divinae Institutiones—De falsa religione). Небольшіе отрывки встрѣчаются у Атенея, Арнобія, Климента, Секста Эмпірика, Фирмика Матерна и др. ²⁾ По вопросу о томъ, къ какому виду литературныхъ произведеній слѣдуетъ отнести «Священную исторію» Евгемера, существуютъ любопытныя разногласія.

Пельманъ рѣшительно относитъ ее къ политическимъ романамъ-утопіямъ (Staatsroman), называя 'Ιερὰ ἀναγραφή первымъ произведеніемъ древности этого рода; въ ней онъ находитъ ясную картину хозяйственнаго и соціального правопорядка ³⁾.

Якоби, указывая на то, что еще Эратосѣенъ ставилъ

¹⁾ Sacra historia названа Энніемъ.

²⁾ Всѣ сохранившіеся отрывки изъ 'Ιερὰ ἀναγραφή собралъ и издалъ Geuzs Némethy — Euhemeri reliquiae, Budapest, 1889. Вопросъ объ извлеченіяхъ изъ Евгемера у церковныхъ писателей трактуется въ статьѣ Zucker'a, Euhemerus und seine 'Ιερὰ ἀναγραφή bei den christlichen Schriftstellern (Philologus, B. LXIV, 1905, ss. 465—472).

³⁾ R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, II B. München. 1901, ss. 55—56.

Ἐρὰ ἀναγκρῆ наряду съ *Μερόπις γῆ Θεοπομπα* и *Κιμμερὶς πόλις* Гекатея, считаетъ произведение Евгемера отличающимся отъ политическихъ романовъ тѣмъ, что въ немъ описаніе утопическаго государства образуетъ не собственное содержаніе, а лишь рамку для философской мысли. Здѣсь, по его мнѣнію, не политической, а философскій романъ ¹⁾.

Дешармъ называетъ сочиненіе Евгемера мифологическимъ романомъ, положившимъ начало серіи подобныхъ произведеній, извлеченія изъ которыхъ приведены Діодоромъ въ его Библиотекѣ ²⁾. Совершенно иначе, чѣмъ названные ученые, опредѣляетъ характеръ труда Евгемера О. Группе. Онъ полагаетъ, что это—сатира, которая была написана авторомъ въ цѣляхъ борьбы съ тенденціей его времени воздавать божескія почести государямъ распавшейся монархіи Александра В.

«Зевсомъ, родившимся въ Греціи», говоритъ Группе, «въ юношескіе годы отправившимся къ варварамъ, всюду позволявшимъ величать себя богомъ и погребеннымъ на дальнемъ востокѣ, обозначенъ, безъ всякаго прикрытія, Александръ» ³⁾. Группе представляется вѣроятнымъ, что Евгемеръ остроумно высмѣивалъ (*witzig verspottet hat*) обоготвореніе. Въ подтвержденіе этой мысли имъ приводятся нѣкоторые факты, доказывающіе существованіе оппозиции противъ апоѳеоза государей въ Греціи и Македоніи.

Такъ, спартанцы на требованіе Александра В. признать его богомъ отвѣтили: «если Александръ хочетъ быть богомъ, пусть будетъ богомъ» (*ἐπειδὴ Ἀλέξανδρος βούλεται θεὸς εἶναι, ἔστω θεός*); въ Аѳинахъ же Демадъ, проведеній постановленіе объ обоготвореніи Александра, затѣмъ былъ обвиненъ въ безбожіи.

¹⁾ Jacoby, статья *Euemerος* въ *Pauly's Real-Encyclopädie*, XI B. 1907, ss. 952—972.

²⁾ Decharme, уже цитированное сочиненіе, p. 382.

³⁾ O. Gruppe. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München 2. Hälfte 1906, s. 1515.

Предположеніе Группе, что Евгемеръ написалъ сатиру на обоготвореніе государей, врядъ ли можетъ считаться основательнымъ.

Прежде всего, чтобы рѣшиться открыто подвергнуть сомнѣнію неземное происхожденіе олимпійскихъ боговъ, Евгемеръ уже долженъ былъ дойти до невѣрія, иначе говоря, въ немъ уже должна была произойти перемѣна міросозерцанія, которую онъ, не задаваясь преходящими практическими цѣлями, могъ считать полезнымъ повѣдать міру, какъ это бываетъ со всякимъ философомъ и ученымъ, имѣющимъ сказать что-либо новое.

Затѣмъ, когда является намѣреніе что-либо осмѣять, то для этого выбирается соотвѣтствующій матеріалъ и подходящая форма. Въ сочиненіи Евгемера, даже въ передачѣ церковныхъ историковъ, не замѣтно насмѣшливаго отношенія ни къ личностямъ боговъ, ни къ причинамъ ихъ обоготворенія. За что, дѣйствительно, по Евгемеру, обоготворялись люди? За то, что возвышались надъ другими — силой и разумомъ—*ισχύι τε καὶ συνέσει*. Зевсъ былъ почтенъ безсмертной славой и памятью за то, что оставилъ людямъ законы, установилъ добрые нравы, заготовилъ хлѣбъ и много другого добра сдѣлалъ (*reliquitque hominibus leges, mores, frumenta que paravit, multa que alia bona fecit*).

Объ Уранѣ тотъ же Евгемеръ говоритъ, что онъ былъ справедливымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ (*ἐπιεικῆ τινα ἄνδρα καὶ εὐεργετικόν...*).

Мнѣ кажется, что Лактанцій подъ вліяніемъ Евгемера причинами обоготворенія людей считаетъ, кромѣ льстиваго преклоненія предъ могуществомъ, удивленіе передъ добродѣтелью (*ob miraculum virtutis*), признательность за благодѣянія (*ob beneficia*) и глубокую жалость къ умершимъ царямъ-устроителямъ людской жизни (*magnum sui desiderium mortui reliquerunt*) ¹⁾.

¹⁾ Lactant., *Divinae Institutiones*. I De falsa religione, c. XV.

Можетъ ли быть рѣчь, при такомъ объясненіи причинъ обоготворенія, даже о самой отдаленной насмѣшкѣ надъ подобнымъ явленіемъ?

Нѣтъ также достаточныхъ основаній считать вмѣстѣ съ Пельманомъ сочиненіе Евгемера политическимъ романомъ, такъ какъ вопросамъ государственнаго, общественнаго и хозяйственнаго устройства, судя по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, въ немъ было отведено совершенно второстепенное мѣсто. Это лишь канва, нѣкоторая обстановка для главнаго предмета повѣствованія. Изъ дальнѣйшаго изложенія эта точка зрѣнія выяснится вполне. Рассказывая о своей поѣздкѣ изъ счастливой Аравіи, Евгемеръ говоритъ о прибытіи къ группѣ острововъ, лежавшихъ противъ материка Индіи. На одномъ изъ нихъ—Панхеѣ (*Παρχαία*),—среди богатой природы, онъ нашелъ счастливый народъ, управляемый жреческой аристократіей.

Весь народъ былъ раздѣленъ, по занятіямъ, на три главныхъ класса—жрецовъ, земледѣльцевъ и воиновъ; къ нимъ, какъ подраздѣленія, примыкали: къ первому—художники и ремесленники, къ третьему пастухи ¹⁾. Въ Панхеѣ вся пахотная земля и виноградники была общей собственностью, но обработка земли совершалась отдѣльными небольшими хозяйствами, получаемые же продукты считались принадлежащими всему народу. То, что собиралось съ полей, помѣщалось въ общественныя хранилища ²⁾; то же происходило и съ домашнимъ скотомъ; весь убойный скотъ, по точномъ исчисленіи и взвѣшиваніи, передавался въ распоряженіе государства ³⁾.

¹⁾ Τὴν δ' ὅλην πολιτείαν ἔχουσι τριμερῆ, καὶ πρῶτον ὑπάρχει μέρος παρ' αὐτοῖς τὸ τῶν ἱερέων, προσκειμένων αὐτοῖς τῶν τεχνιτῶν, δευτέρα δὲ μέρος ὑπάρχει τῶν γεωργῶν, τρίτη δὲ τῶν στρατιωτῶν, προστιθεμένων τῶν νομέων, Diodor. V. 45, Némethy, p. 50.

²⁾ Οἱ δὲ γεωργοὶ τὴν γῆν ἐργαζόμενοι τοὺς καρποὺς ἀναφέρουσιν εἰς τὸ κοινόν, *Ibidem*.

³⁾ Παραπλησίως δὲ τούτοις καὶ οἱ νομεῖς τὰ τε ἱερεῖα καὶ τἄλλα παραδιδόασιν εἰς τὸ δημόσιον τὰ μὲν ἀριθμῶ, τὰ δὲ σταθμῶ μετὰ πάσης ἀκριβείας, *Ibidem*.

Всѣ продукты раздѣлялись жрецами между населеніемъ острова, при чемъ каждому давалось надлежащее по справедливости (τὸ ἐπιβάλλον ἑκάστῳ δικαίως ἀπονέμουσιν); сами же жрецы получали двойное количество продуктовъ сравнительно съ лицами другихъ общественныхъ классовъ. Массѣ народа предметы потребленія раздавались поровну, исключеніе дѣлалось только для наиболѣе старательныхъ хозяевъ, изъ которыхъ десяти первымъ выдавались особая награды для возбужденія рвенія въ остальныхъ ¹⁾.

Въ Панхеѣ существовала частная собственность на домъ и садъ, весь же приростъ и доходъ передавался жрецамъ ²⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что и продукты ремесленнаго труда или весь промышленный капиталъ являлся государственной собственностью.

На вопросъ объ организациіи семьи и формахъ брака Евгемеръ не отвѣчаетъ.

Мною приведено все существенное, что служить Пельману основаніемъ называть *Ἰερὰ ἀναγραφή* политическимъ романомъ; въ количественномъ отношеніи этотъ матеріалъ является незначительной частью сохранившихся отрывковъ сочиненія Евгемера, такъ какъ изъ шести страницъ (62—69) текста Діодора изданія Теубнер'а лишь на одной (66) помѣщаются всѣ относящіяся къ соціально-экономическому порядку цитаты, на остальныхъ же содержатся географическія и миѳологическія свѣдѣнія. Такимъ образомъ, если бы можно было дѣлать заключенія на основаніи эксегр'овъ Діодора, то скорѣе пришлось бы склониться къ предположенію, что Евгемеръ написалъ географическій романъ.

Самъ Пельманъ, кромѣ того, колеблясь, очевидно,

¹⁾ Καὶ ὅστις ἀν αὐτῶν δοχῇ μάλιστα γεγεωργημένοι, λαμβάνει γέρας ἐξαιρετόν ἐν τῇ διαιρέσει τῶν καρπῶν, κριθεὶς ὑπὸ τῶν ἱερέων ὁ πρῶτος καὶ ὁ δεύτερος καὶ οἱ λοιποὶ μέχρι δέκα προτροπῆς ἕνεκα τῶν ἄλλων, Diodor, V, 45, Némethy, p. 50.

²⁾ Καθόλου γὰρ οὐδὲν ἐστὶν ἰδίᾳ κτήσασθαι πλὴν οἰκίας καὶ κήπου, πάντα δὲ τὰ γεννήματα καὶ τὰς προσόδους οἱ ἱερεῖς παραλαμβάνοντες τὸ ἐπιβάλλον ἑκάστῳ δικαίως ἀπονέμουσιν, Ibidem.

утвердить за сочиненіемъ Евгемера наименование утопіи, ставить слѣдующіе вопросы: «Серьезно ли относился Евгемеръ къ своей соціальной утопіи? Былъ ли онъ, дѣйствительно, заинтересованъ въ критикѣ существующихъ общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній и въ защитѣ идеала? Или это коммунистическое государство только фантастическая игра преходящей минуты, продуктъ остроумія изобрѣтательной головы, которая платитъ дань господствующей модѣ?» 1).

Отвѣчая на поставленные вопросы, Пельманъ предположительно высказывается въ томъ смыслѣ, что въ намѣренія Евгемера входило показать государямъ, какъ они должны управлять, и что его соціальная утопія не была обычнымъ украшеніемъ романовъ-путешествій. Болѣе естественнымъ представляется, какъ мнѣ кажется, считать соціально-экономическій порядокъ, изображенный Евгемеромъ, не идеальнымъ строемъ, къ осуществленію котораго призываются новые владыки земли, а архаическимъ укладомъ—золотымъ вѣкомъ, въ которомъ, по господствовавшему въ древности представленію, людямъ жило счастливо, между прочимъ и потому, что не было частной собственности, и корысть не губила людей 2).

Лактанцій подтверждаетъ мое предположеніе, сопоставляя данныя о первыхъ земныхъ царяхъ, заимствованныя у Евгемера, съ цитатами изъ Виргилія о царствованіи золотого Сатурна-Крона, который, правя въ глубокомъ мирѣ, создалъ золотой вѣкъ 3).

Царь Зевсъ, осчастливившій народъ своими гражданскими установленіями, увѣковѣчилъ память о своихъ дѣяніяхъ и

1) Pölmann, SS. 65—66.

2) А потомъ—*ἔνδρας τὸ κέρδος πολλάκις διώλεσεν*, Soph. Ant. 222

3) Aureaque, ut perhibent, illo sub rege fuere.

Saecula: sic placida populos in pace regebat.

Другое мѣсто: Aurea condet

Saecula, quae rursus Latio regnata perarva. Saturno quondam. Lact., De falsareligione, c. XIII.

дѣянiя ихъ своихъ предшественниковъ—Урана и Крона—египетскими или панхейскими письменами на золотомъ столбѣ (στήλη χρυσῆ) въ храмѣ ¹⁾).

По пересказу Евсевiя, Уранъ былъ первымъ царемъ на островѣ, отличался справедливостью и добротой, зналъ движенiя звѣздъ и первый сталъ чтить жервами небесныхъ боговъ (τοὺς οὐρανίους θεούς), за что и получилъ прозвище Урана.

Дальнѣйшая запись великихъ дѣлъ продолжалась Гермесомъ, описавшимъ дѣянiя Артемиды и Аполлона.

Разсказъ Евгемера объ увѣковѣченiи Зевсомъ памяти о дѣлахъ своего царствованiя ²⁾ напоминаетъ широко распространенный нѣкогда обычай восточныхъ владыкъ передавать потомству исторiю своихъ подвиговъ. Этотъ обычай былъ усвоенъ и въ эллинистическихъ государствахъ, и онъ, конечно, далъ поводъ Евгемеру ввести эту подробность въ свое философско-миѳологическое построение. Такимъ же образомъ должно быть объяснено и происхождение главной мысли Евгемеровой теорiи—обоготворенiя государей.

Евгемеръ жилъ въ то время, когда у всѣхъ было на памяти возведенiе Филиппа и его сына Александра В. въ сонмъ боговъ, при чемъ основанiемъ для обоготворенiя послѣдняго оракулъ Аммона выставилъ величiе совершенныхъ имъ дѣянiй (τὸ μέγεθος τῶν ἐν πράξει κατηρθωμάτων).

По словамъ одного гимнософиста, для того, чтобы быть признаннымъ богомъ, подобно Александру В., надо совершить то, что для человѣка невозможно ³⁾.

Поэтъ Каллимахъ къ Птолемеямъ относился какъ къ

¹⁾ Ἐν τούτῳ τῇ ἱερῇ (Διὸς Τριφυλίου) στήλῃν εἶναι χρυσῆν, ἐν ἣ τοῖς Παγχαίοις γράμμασιν ὑπάρχειν γεγραμμένας τὰς τοῦ Οὐρανοῦ καὶ Κρόνου Διὸς πράξεις κεφαλαίως, Diodor, V, 46; Euseb. Praep. Evang. II, 2—Némethy. p. 46.

²⁾ Gesta sua perscripsit, ut monumentum esset posteris rerum suarum, Laetant, De falsa religione, c. XI. Némethy, p. 58.

³⁾ Εἰ τι πράξειεν ὃ πράξει δυνατόν ἀνθρώπῳ μὴ ἔστιν, Plut. Alex, 64.

богамъ: Веренику называлъ четвертой Харитой, Арсиною—Кипридой, Филадельфа—*θεὸς ἄλλος*.

Художники времени діадоховъ изображали властителей и ихъ любимцевъ въ видѣ и съ атрибутами боговъ.

Антиохъ и Птолемей Сотеры называются Зевсомъ; Птолемей II на монетахъ изображается съ короной изъ молніи. Филиппу Македонскому былъ устроенъ храмъ Филиппейонъ, Селевку Никатору—Никаторейонъ.

Культь воздавался не только умершему государю, но и живущему, то по приказанію, то добровольно.

Обоготвореніе шло какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ общинъ и городовъ. Аѳины, признавъ, не безъ борьбы, Александра В. богомъ, не отказали въ божескихъ почестяхъ Антигону и его сыну Димитрію Полиоркету. Сиціонъ приносилъ послѣднему жертвы и праздновалъ праздникъ въ честь Антигона. Народное собраніе на Самоѳракіи постановило воздвигнуть алтарь въ честь Лизимаха и приносить ему ежегодныя жертвы.

Въ тѣхъ прозвищахъ, которыя получали преемники Александра, ярко выдвигается ихъ божественный характеръ: спасители, благодѣтели, преславные (*Σωτῆρες, Εὐεργέται, Ἐπιφανεῖς*).

Живя въ обстановкѣ, проникнутой культомъ царствующихъ и умершихъ государей, когда нерѣдко олимпійцы въ глазахъ народной массы казались второстепенными боже-ствами по сравненію съ новоявленными ¹⁾, Евгемеръ сдѣлалъ попытку объяснить происхождение старыхъ, вѣками чтимыхъ, боговъ по аналогіи съ появленіемъ новыхъ.

III.

Главная мысль Евгемера выражена слѣдующимъ образомъ однимъ изъ его истолкователей: «Когда человѣческая

¹⁾ Das Volk hat diese Apotheosen so aufgefasst, als sollten die alten Götter durch die Herrscher ersetzt werden und sie zu Local- und Provinzialgottheiten zu degradieren scheint in der That.. Gruppe, Griech. Mythologie, S. 1513.

жизнь была неустроенной, люди, превосходившіе другихъ силой и разумомъ настолько, что принуждали всѣхъ исполнять свои приказанія, становясь предметомъ глубокаго удивленія и почитанія, присваивали себѣ чрезвычайную, какъ бы божественную, мощь, отъ этого и считались многими за боговъ» ¹⁾).

Любопытно, что приведенный текстъ указываетъ на два пути обоготворенія могущественныхъ людей: первый—присваиваніе себѣ божественнаго могущества, т. е. самообоготвореніе, второй обоготвореніе другими—почитаніе за боговъ.

Подобное теоретическое положеніе вполнѣ оправдывается фактами изъ исторіи обоготворенія Александра В. и его преемниковъ.

Какъ пользовался своей теоріей Евгемеръ въ приложеніи къ отдѣльнымъ богамъ, лучше всего можно видѣть на примѣрѣ истолкованія мифовъ, относящихся къ Зевсу.

У Урана было два сына—Титанъ и Кронъ; старшій за свою отвратительную наружность былъ ненавидимъ матерью—вдовой (Гестіей) и сестрами (Реей и Деметрой). Онѣ убѣдили его отказаться отъ престола въ пользу своего младшаго брата Крона, причемъ послѣдній обязывался убивать свое мужское потомство для того, чтобы престолъ могъ затѣмъ перейти къ сыновьямъ Титана.

Такимъ образомъ возникло преданіе, будто Кронъ пожираетъ своихъ дѣтей; преданіе, имѣвшее подкладку въ томъ, что тогда существовало людоедство, уничтоженное только Зевсомъ. Отмѣна этого ужаснаго обычая была одной изъ заслугъ Зевса, давшей ему право на обоготвореніе. Отъ Реи—супруги и сестры Крона—у послѣдняго родились близнецы Зевсъ и Гера; но только дочь была по-

¹⁾ Εὐήμερος δὲ ὁ ἐπικληθεὶς ἄθεός φησιν. 'Ὅτ' ἦν ἀτακτος ἀνθρώπων βίος, οἱ περιγεγόμενοι τῶν ἄλλων ἰσχύι τε καὶ συνέσει, ὥστε πρὸς τα ὑπ' αὐτῶν κελεύόμενα πάντα βιοῦν, σπουδάζοντες μείζονος θαυμασμοῦ καὶ σεμνότητος τυχεῖν, ἀνέπλασαν περὶ αὐτοὺς ὑπερβάλλουσαν τινα καὶ θεῖαν δύναμιν, ἐνθεν καὶ τοῖς πολλοῖς ἐνομιώθησαν θεοί. Sextus Empiricus, IX, 17, p. 552, ed. Bekker; Nemethy, p. 45.

казана жестокому отцу; сынъ же былъ спасенъ матерью на Критѣ, гдѣ онъ росъ подъ наблюдениемъ своей бабки Гестіи. Такимъ же способомъ были избавлены отъ смерти Посейдонъ и Аидъ. Но Титанъ, узнавъ, что Кронъ не сдержалъ своего обѣщанія, поднялъ противъ него возстаніе и, при помощи своихъ сыновей, захватилъ царственнаго брата и заключилъ его въ темницу. Когда же выросъ Зевсъ, онъ собралъ критянъ и пошелъ съ ними на освобожденіе отца. Однажды, во время жертвоприношенія, орелъ сѣлъ на голову Зевса; это было истолковано имъ въ смыслѣ добраго предзнаменованія, онъ приручилъ птицу, и она стала его священнымъ животнымъ. Послѣ благополучнаго окончанія борьбы съ Титанами, Зевсъ освободилъ отца изъ оковъ и возвратилъ ему престолъ. Но когда Зевсу стало извѣстно, что отецъ замышляетъ ему погибель, онъ вернулся съ Крита, прогналъ отца и воцарился въ Панхеѣ, поселившись, какъ и его предшественники, во дворцѣ, на горѣ Олимпѣ. Живя въ Панхеѣ, Зевсъ женился на Герѣ, Деметрѣ и Фемидѣ, и отъ каждой изъ нихъ имѣлъ дѣтей: отъ первой—Куретовъ, отъ второй—Персефону и отъ третьей—Аѳину. Какъ правитель, онъ заботился о смягченіи грубыхъ нравовъ народа путемъ изданія хорошихъ законовъ и распространялъ среди него новыя изобрѣтенія. Приобрѣвъ, такимъ образомъ, право на благодарность и подготовивъ себѣ обоготвореніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень искусно принималъ мѣры къ тому, чтобы распространить и упрочить свой культъ. Онъ объѣхалъ всю землю пять разъ и, останавливаясь у гостепріимныхъ хозяевъ, побуждалъ послѣднихъ воздвигать себѣ храмы. Эти храмы назывались двойнымъ именемъ — именемъ Зевса и того лица, которое его устраивало; они становились памятниками союза и дружбы между гостемъ и хозяиномъ. Такъ, когда Зевсъ пожилъ у Атабурія, онъ сталъ почитаемъ на родинѣ послѣдняго въ качествѣ Зевса Атабурія; поживъ у Лабрандея, сталъ именоваться Зевсомъ Лабрандеемъ и т. л. Въ виду этого хозяева, принимавшіе Зевса, и ихъ сограждане имѣли побу-

ждение поддерживать культъ, который имъ самимъ приносилъ почетъ 1). Этимъ путемъ Зевсъ получилъ разныя прозвища, подъ которыми чтился въ различныхъ странахъ. Умеръ Зевсъ на Критѣ и былъ похороненъ въ Кноссѣ, гдѣ долго показывали его могилу 2).

Въ приведенномъ истолкованіи мифовъ, относящихся къ Зевсу, можно видѣть, съ какой послѣдовательностью Евгемеръ устранялъ изъ нихъ все баснословное, замѣняя простымъ, человѣческимъ. Если къ этому истолкованію Зевсовой легенды отнести безъ предвзятаго осужденія, то найдется ли основаніе обвинять Евгемера въ уничтоженіи красотъ древняго преданія о богахъ. Истолковывать легенду не значитъ ее уничтожать, объяснять метафору не значитъ мѣшать ею пользоваться. Поэтическій языкъ, полный образовъ, сосуществуетъ съ прозаическимъ, называющимъ вещи именами неприкрашенной дѣйствительности. И каждый разъ, когда желаютъ спуститься съ заоблачныхъ высотъ на землю, обращаются къ простой земной рѣчи. Такъ и Евгемеръ только переводилъ, какъ ему казалось, условную и красивую рѣчь на ясную и простую. И въ этомъ его научная заслуга.

Къ анализу и критикѣ религіознаго преданія Евгемеръ, какъ было уже выше указано, приступилъ не первый: за столѣтіе до него въ кругахъ софистовъ уже встрѣчались попытки отрицанія личности, дѣятельности, а иногда и самого существованія боговъ. Во время Евгемера стоики стали вводить свое объясненіе происхожденія боговъ, какъ олицетворенныхъ и обоготворенныхъ силъ природы и нравственныхъ свойствъ. Но, тѣмъ не менѣе, Евгемеру принадлежитъ честь установленія новой, и притомъ совершенно опредѣленной, точки зрѣнія на происхожденіе боговъ —

1) Quod ille astutissime excogitavit ut et sibi honorem divinum et hospitibus suis perpetuum nomen acquireret cum religione coniunctum Lact., De falsa religione, c. XXII. Némethy, p. 60.

2) Пересказъ исторіи Зевса у Otto Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, III B. Berlin. 1909. SS. 78—80.

исторической или прагматической, которую онъ и изложилъ на фонѣ историческаго повѣствованія.

IV.

Насколько отличенъ методъ Палефата въ истолкованіи мифовъ о богахъ и герояхъ отъ пріемовъ Евгемера, а равно и насколько различны цѣли у обоихъ авторовъ, можно видѣть изъ предисловія къ сочиненію Палефата *Περὶ ἀπίστων* ¹⁾. «Я записалъ свои соображенія», говоритъ Палефатъ, «о невѣроятныхъ вещахъ. Не мало людей принимаютъ настолько довѣрчиво преданія, что кажутся лишенными мудрости и знанія. Другіе, наоборотъ, считая себя болѣе просвѣщенными и освѣдомленными относительно порядка, господствующаго въ природѣ, сомнѣваются въ томъ, чтобы когда-либо эти чрезвычайные факты имѣли мѣсто. Мнѣ же кажется, что все, о чемъ разсказывается, существовало (такъ какъ, если бы это были только имена—слова, то объ этомъ бы не сохранилось преданія; но, конечно, раньше нѣчто случилось, и это дало основаніе возникновенію разсказа). Что касается видовъ и формъ, которыя, по преданію, тогда существовали, но которыхъ теперь нѣтъ, то надо полагать, что ихъ и не было; чтò когда-либо и гдѣ-либо существовало, то существуетъ и теперь и будетъ существовать» ²⁾. Послѣдняя мысль Палефата является руководящей во всѣхъ его толкованіяхъ: онъ прямолинеенъ и послѣдователенъ; чего не было, того нѣтъ и теперь; чего нѣтъ въ настоящее время, того и не было.

Въ этомъ его наиболѣе рѣзкое расхожденіе съ Евгемеромъ, который, наоборотъ, утверждаетъ, что были нѣкогда люди, настолько отличавшіеся отъ обыкновенныхъ, что своими дѣлами и подвигами заслужили божескихъ почестей.

Возвращаясь къ Палефату, остановимся на наиболѣе часто практикуемыхъ имъ пріемахъ толкованія.

¹⁾ *Mythographi graeci*, Vol. III, fasc. II, ed. N. Festa, Lipsiae. 1902.

²⁾ *Εἰ γάρ (τί) ποτε καὶ ἄλλοτε ἐγένετο, καὶ νῦν τε γίνεται καὶ αὔρις ἔσται*: p.p. 1—2 ed Festa.

Прежде всего, онъ говоритъ о неточномъ словоупотребленіи, подавшемъ поводъ къ возникновенію чудеснаго разсказа. Такъ, Актэонъ не былъ съѣденъ собственными собаками, а раззорился на нихъ, какъ страстный охотникъ ¹⁾. Такимъ же образомъ надо понимать не буквально выраженіе «окаменѣвшая Ніоба», «мраморный Гермесь» и т. п. Какъ ошибочно понимались нѣкоторые обороты рѣчи, такъ же неправильно видѣли въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ нарицательныя. Пазифая была влюблена не въ быка (ταῦρος), а юношу Тавра; Кадмъ съѣтъ не зубы дракона, а бросаетъ цѣнные слоновые клыки, принадлежавшіе ѳивскому царю Дракону.

Палефатъ не останавливается надъ придумываніемъ новыхъ географическихъ названій, чтобы объяснить представленія о нѣкоторыхъ чудовищахъ: такъ, сторукие (ἑκατόγχερες) великаны получили невѣроятный эпитетъ отъ мѣстности Гекатонхейрія; трехголовый (τρικέφαλος) Керберъ — отъ горы Трикаренія у Чернаго моря и т. п.

Во многихъ случаяхъ свои объясненія Палефатъ строитъ на гипотезѣ первобытныхъ культурныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ понятными нѣкоторыя миѳическія извѣстія. Такъ, превращенія Местры, дочери Эрисихтона, въ быка, собаку и другихъ животныхъ, Палефатъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что она зарабатывала своей красотой для бѣдняка-отца все, чѣмъ люди тогда, за неимѣніемъ денегъ, расплачивались; поэтому ѳессалійцы и стали говорить, что «изъ Местры» у Эрисихтона являются и лошадь, и быкъ, и другое подобное ²⁾. Разсказъ о постройкѣ ѳиванскихъ стѣнъ Амфіономъ, при помощи кивары (λύρα τό τεῖχος ἐτεῖχε(σθη) объясняется тѣмъ, что желавшіе слушать игру Амфіона должны были работать надъ кладкой стѣнъ: игра была наградой (μισθῶ) за трудъ.

¹⁾ Ὅτε δὲ οὐκέτι εἶχεν οὐδέν, ἔλεγον οἱ ἄνθρωποι «δειλαῖος Ἀκταίων ὃς ὑπὸ τῶν ἰδίων κυνῶν καταβρώθη», p. 15.

²⁾ «Ἐγένετο ἐκ Μήστρας αὐτῶ καὶ ἵππος καὶ βοῦς καὶ τᾶλλα», p. 32

Острое зрѣніе Линкея, проникавшее, по преданію, внутрь земли есть не что иное, какъ проникновеніе въ нѣдра земли перваго рудокопа ¹⁾. Медея, которой преданіе приписываетъ способъ молодить людей посредствомъ варки ихъ въ котлѣ, на самомъ дѣлѣ, по Палефату, была изобрѣтательницей паровой бани (πυρία) и красокъ для волосъ; если Пелиасъ и погибъ отъ этой бани, то лишь потому, что былъ и старъ, и слабъ (ἀνδρωπὸς γέρων καὶ ἀσθενής).

Не останавливается Палефатъ ни передъ какими трудностями преданія: у дочерей Форкиса единственный глазъ, это—ихъ вѣрный слуга; Горгона—это золотая статуя Аѳины, которую похищаетъ морской разбойникъ Персей; при этомъ онъ убиваетъ за противодѣйствіе Медузу, одну изъ дочерей Форкиса.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ Палефатъ, увлекаясь недалекимъ здравымъ смысломъ, уничтожаетъ всю прелесть преданія; объясненія Палефата слишкомъ грубы и не столько приближаютъ, сколько удаляютъ отъ истины. Евгемеръ же, какъ мы видѣли выше, ограничивается опредѣленной темой—вопросомъ о происхожденіи олимпійцевъ и старается связать теоретическій вопросъ съ историческимъ преданіемъ, несомнѣнно существовавшимъ въ его время, а, слѣдовательно, и допускаяшимъ провѣрку.

V.

Какъ уже было показано выше, до сихъ поръ ученые не рѣшили вопроса о первоначальной формѣ религіи и основной причинѣ ея возникновенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до сихъ поръ среди указываемыхъ причинъ встрѣчается или культъ предковъ, или культъ великихъ людей, иными словами, таже теорія Евгемера ²⁾.

¹⁾ Πρῶτος ἤρξατο μεταλλεύειν χαλκὸν καὶ ἄργυρον καὶ τὰ λοιπά, p. 17.

²⁾ Евгемеризмъ не чуждъ былъ и среднимъ вѣкамъ, какъ это ясно видно изъ сочиненій Боккачіо—«Генеалогіи боговъ» и «О знаменитыхъ женщинахъ». По объясненію Боккачіо, Юпитеръ (третій)

Мнѣ представляется, что первоначальнымъ возбудителемъ религіознаго чувства не могло быть изумленіе передъ человѣческими добродѣтелями и подвигами; гораздо первоначальнѣе дѣйствіе страха, испытываемаго человѣкомъ передъ великими и грозными явленіями природы; не могло также появиться до почитанія внѣшнихъ міровыхъ силъ и самообоготворенія, ибо оно уже предполагаетъ существованіе представленія о божествѣ, такъ какъ иначе не чему было бы себя уподоблять человѣку, желающему божественныхъ почестей: и по Евгемеру выходитъ, что небесные боги (звѣзды) почитались уже Ураномъ, а самообоготвореніе началось лишь при Зевсѣ, внукѣ Урана.

На это послѣднее явленіе, т. е. на присваиваніе себѣ божественныхъ свойствъ ловкими людьми, которые становились государями, обращаетъ вниманіе Фразеръ ¹⁾. Онъ утверждаетъ, что царская власть появилась, благодаря вѣрѣ въ могущество «продувныхъ колдуновъ», которые пользовались знаніемъ связи между явленіями природы для того, чтобы внушать народу мысль, что они, обладая сверхъестественной силой ²⁾, въ состояніи воздѣйствовать на

царствовалъ въ началѣ или въ пору расцвѣта героическаго поколѣнія и языческихъ поэтовъ-богослововъ. Онъ возвышался надъ другими людьми, самъ искалъ божескихъ почестей; его имя издавна было славно, присвоено истинному богу; наконецъ, онъ и жилъ на Олимпѣ (гора на о. Панхеѣ). Юнона, Минерва, Венера—смертныя женщины, чѣмъ-нибудь прославленныя, увѣковѣченныя воспоминаніемъ, введенныя въ сонмъ божествъ; миѳъ есть результатъ забвенія, поэтической аллегоріи; его символы толкуются рационалистически. Веселовскій, Боккачіо, его среда и сверстники, II т. Спб. 1894, стр. 385 и 220.

¹⁾ Frazer, Lectures on the Early History of the Kingship. London. 1905. Содержаніе книги разсказано Gruppe въ его Die mythologische Literatur aus den Jahren 1898—1905. Leipzig. 1908. SS. 39—41.

²⁾ And in general there is no doubt that in early society kings have been often thought to be not merely descendants of divinities, but themselves divine and invested with supernatural powers. Frazer, p. 34.

явленія, которыя предвидятъ. Эти цари-вѣдуны подражали грому и молніи, какъ рассказываютъ саги о Салмонеѣ, албанскомъ царѣ Аллодіи и Амуліи; кромѣ того, они утверждали, что находятся въ супружествѣ съ божествомъ (Нума—Эгерія); брачный союзъ, въ который они отъ поры до времени вступали, долженъ былъ усиливать плодородіе земли. Такъ какъ, по мнѣнію Фразера, царская власть была единственной силой, способной вывести человѣчество изъ состоянія некультурности, то въ силу этого магія или колдовство было важнымъ и необходимымъ факторомъ на пути человѣка къ прогрессу. Положеніе царя въ эту пору было неустойчивое: онъ долженъ былъ постоянно обладать такою силою—физической и духовной, чтобы быть въ состояніи побѣждать въ нерѣдко возобновлявшейся борьбѣ за власть. Сила, такимъ образомъ, и создавала и поддерживала прерогативы царя.

Какъ видно изъ приведенныхъ взглядовъ Фразера, его задача нѣсколько отличается отъ задачъ историковъ религіи; онъ хочетъ объяснить происхожденіе царской власти, какъ агента цивилизаціи, изъ того же начала, изъ котораго возникало и обоготвореніе—изъ особой одаренности нѣкоторыхъ людей. Попутно онъ признаетъ, что исключительное положеніе въ обществѣ первобытныхъ людей вело и къ самообоготворенію и къ введенію въ сонмъ боговъ

Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о первопричинѣ богопочитанія, несомнѣнно, что среди разныхъ причинъ, возбуждавшихъ религіозное чувство въ человѣчествѣ, всегда найдется мѣсто человѣкобогу.

С. Степановъ.

Манифестъ 1797 года о трехдневной барщинѣ.

I.

Манифестъ 5 апрѣля 1797 года, относящійся къ крестьянамъ, въ Полномъ Собраніи Законовъ озаглавленъ такъ: «О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и о непринужденіи къ работамъ въ дни воскресные» ¹⁾. Это оглавленіе перешло и въ историческую литературу съ тѣмъ однако отличіемъ, что обычно удерживалась первая мысль и отбрасывалась вторая, благодаря чему манифестъ 5 апрѣля прослылъ подъ именемъ закона о трехдневной барщинѣ. Такое пониманіе манифеста стало господствующимъ.

Наиболѣе яркое указаніе на подобный смыслъ манифеста находимъ у проф. С. Θ. Платонова. Въ его печатномъ курсѣ читаемъ: «Павель установилъ закономъ 1797 г. высшую норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщиковъ (три дня барщины въ недѣлю) и такимъ образомъ положилъ первое ограниченіе помѣщичьей власти» ²⁾. Съ нѣкоторыми оговорками, но такое же значеніе придаютъ манифесту извѣстные ученые специалисты по крестьянскому

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17909.

²⁾ Платоновъ, Лекціи по рус. исторіи, изд. 5-ое, СПб., 1907 г., стр. 603.

вопросу—В. И. Семевскій и А. С. Лаппо-Данилевскій. Первый изъ нихъ называетъ манифестъ «закономъ о трехдневной барщинѣ», и хотя отмѣчаетъ, что онъ «написанъ былъ весьма неопредѣленно», добавляетъ: «но тѣмъ не менѣе имѣлъ большое значеніе: это была первая попытка ограниченія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, и наше правительство смотрѣло на него, какъ на положительный законъ, несмотря на то, что онъ не исполнялся»¹⁾. Съ большей осторожностью къ манифесту относится А. С. Лаппо-Данилевскій, но и онъ признаетъ, что указъ 1797 г. «упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями»²⁾.

Болѣе рѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о манифестѣ 5 апрѣля историки-юристы. Такъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ о немъ говоритъ: «по указу 1797 г. число рабочихъ дней въ недѣлю на помѣщика ограничено тремя днями», впрочемъ, къ этому добавляетъ, что законъ этотъ въ практику не вошелъ³⁾. А. Н. Филипповъ полнѣе и точнѣе передаетъ содержаніе манифеста; въ его курсѣ читаемъ: «Только 5 апрѣля 1797 г. Императоръ Павелъ I, подтверждая запрещеніе не принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, установилъ, что крестьяне обязаны работать на помѣщика лишь 3 дня въ недѣлю и имѣютъ право остальные 3 дня недѣли употреблять на работу по своему собственному хозяйству»⁴⁾. Въ такомъ же родѣ объясняетъ манифестъ и В. Н. Латкинъ, въ книгѣ котораго сообщается: «Императоръ Павелъ Петровичъ... предписалъ указомъ 1797 г. требовать отъ крестьянъ исполненія бар-

1) Семевскій В. И., Крестьянскій вопросъ, т. I, стр. 232, 493 ср. также, 233 примѣчаніе 1-е, 307, 478 и Крестьянскій строй (сборникъ статей), т. I, 168.

2) См. ст. А. С. Лаппо-Данилевскаго въ сборникѣ «Крестьян. строй», т. I, 115, 133.

3) Владимірскій-Будановъ, «Обзоръ исторіи рус. права», 4-е изд., 1905 г., стр. 246.

4) Филипповъ, «Исторія рус. права», ч. I, вып. 3-ій, Юрьевъ, 1906 г., стр. 233.

щины только въ теченіе трехъ дней въ недѣлю и освободить ихъ отъ всякихъ работъ по праздникамъ»¹⁾).

Изъ приведенныхъ выдержекъ можно видѣть, что какъ историками, такъ и юристами при передачѣ смысла манифеста 5 апрѣля подчеркивается, что имъ была установлена трехдневная барщина, и такое мнѣніе въ настоящее время является господствующимъ въ исторической литературѣ²⁾).

Переходя къ самому манифесту и обстоятельствамъ, среди которыхъ онъ возникъ, нужно имѣть въ виду, что Павелъ Петровичъ съ давнихъ поръ весьма благосклонно относился къ крестьянамъ. Еще въ перепискѣ съ гр. П. И. Панинымъ, относящейся къ 1778 г., великій князь Павелъ Петровичъ тепло отзывался о народѣ, говоря: «нашъ народъ таковъ, что малѣйшее удовлетвореніе заставитъ его забыть цѣлые годы неудовольствія и бѣдствія самыя», и предлагалъ разныя мѣры, которыми, по его словамъ, «пре-

¹⁾ Латкинъ, «Учебникъ исторіи рус. права», 2-ое изд., Спб., 1909 г., стр. 217. Подобный же взглядъ проводился и В. И. Сергѣевичемъ въ его «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ», изданныхъ въ 1883 г., гдѣ говорилось: Павелъ I «опредѣлилъ число рабочихъ дней въ пользу помѣщиковъ указомъ 1797 г.», «крестьяне должны были работать три дня на помѣщика, а остальное время на себя, праздники оставались свободными» (стр. 654).

²⁾ Вопросомъ о манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. занимался въ недавнее время г. Трифильевъ въ своей работѣ «Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи», Харьковъ, 1904 г., 291 — 303. Эта книга встрѣтила строгую, но вполне заслуженную, насколько я могъ убѣдиться, критику со стороны Н. П. Павлова-Сильванскаго (см. его двѣ статьи въ «Очеркахъ по рус. исторіи XVIII — XIX вв., Спб., 1910 г., 154 — 205; первоначально въ Ж. М. Н. П., 1905, февр. и декабрь); и хотя Павловъ-Сильванскій какъ будто съ нѣкоторымъ одобреніемъ отнесся къ той части книги, которая говоритъ о манифестѣ 5 апрѣля, но я, послѣ ознакомленія съ документами, не рѣшился пользоваться изложеніемъ книги въ виду пропусковъ, неточностей, а иногда и прямыхъ извращеній, допущенныхъ въ ней г. Трифильевымъ при обработкѣ матеріала. А потому, воспользовавшись изъ его книги только нѣсколькими указаніями на архивные документы, я въ послѣдующемъ изложеніи никакихъ ссылокъ на его книгу дѣлать не буду.

сѣдутся всѣ народныя неудовольствія»¹⁾. Въ особомъ наказѣ относительно управленія, составленномъ имъ въ январѣ 1788 г., о крестьянствѣ сообщается, что оно «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его». Павелъ Петровичъ приходилъ къ мысли, что «надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить. Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу»²⁾. Къ своимъ крестьянамъ Павелъ, какъ «гатчинскій помѣщикъ», относился весьма внимательно и облегчилъ ихъ повинности³⁾.

Съ вступленіемъ Павла I на престолъ помѣщичьи крестьяне, устранимые отъ вѣрноподданнической присяги съ воцаренія Елизаветы Петровны, снова были допущены къ присягѣ⁴⁾. 10 ноября 1796 г. послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набора, установленнаго сентябрьскимъ указомъ того же года⁵⁾. А черезъ мѣсяць была отмѣнена собиравшаяся съ поселянъ хлѣбная подать, а вмѣсто нея

¹⁾ «Рус. Старина», 1882 г., т. XXXIII, стр. 741.

²⁾ Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», 2-ое изд., Спб., 1883, стр. 314; «Наказъ» напечатанъ Семевскимъ («Вѣст. Европы», 1867 г., № 1, стр. 316—322).

³⁾ Кобеко, Цесар. Павелъ Петровичъ, 280 стр.; сообщаютъ, что облегченіе повинностей не имѣло благихъ послѣдствій—см. Семевского, «Крестьяне въ царств. Екатерины II», Спб., 1901 г., т. II, 146.

⁴⁾ По манифесту 6 ноября 1796 г. о кончинѣ Императрицы Екатерины II и о вступленіи на престолъ Павла I (П. С. З., XXIV, № 17530), по которому крестьяне не были исключены изъ числа «вѣрноподданныхъ», приводимыхъ къ присягѣ, тогда какъ раньше, начиная съ воцаренія Елизаветы Петровны, въ манифестахъ оговаривалось, что должно приводить къ присягѣ всѣхъ, «кромѣ пашенныхъ крестьянъ» (П. С. З., XI, № 8474; XV, № 11403; XVI, № 11.591—при воцареніи Екатерины II).

⁵⁾ П. С. З., XXIV, № 17538.

велѣно было взимать въ казну деньгами по 15 коп. за четверикъ ¹⁾).

Хотя тотчасъ же по воцареніи Павла I во многихъ мѣстахъ среди крестьянъ проносились невѣрные слухи то о томъ, что они отпускаются на волю, то, что они становятся государевыми, такъ какъ они Государю присягали, и даже вспыхнули волненія, переходившія въ открытый бунтъ, однако Императоръ не ожесточился противъ крестьянъ и прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости лишь въ крайнихъ случаяхъ. Роль справедливаго судьи, не склоняющагося ни на ту, ни на другую сторону и желающаго примирить крестьянъ съ помѣщиками, какую нерѣдко игралъ Павелъ, въ особенности замѣтна въ первый годъ его царствованія. Онъ разрѣшилъ крестьянамъ подавать ему жалобы на своихъ помѣщиковъ, что было строжайше запрещено въ предшествовавшія царствованія, хотя бы жалобы были и справедливы ²⁾. Въ Гатчинѣ, С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, во время бытности тамъ Государя, были поставлены особые ящики, куда бросались челобитныя на высочайшее имя ³⁾. Подавались ли они въ пер-

¹⁾ П. С. З., XXIV, № 17628.

²⁾ Цѣлымъ рядомъ указовъ, начиная съ Петра В., было строго запрещено подавать челобитныя въ руки самого Государя, минуя «надлежащія мѣста и учрежденія». Екатерина II, принимавшая было челобитныя (Сборн. И. О—а, XXVII, 181), указомъ 12 іюля 1762 г. подтвердила прежнее запрещеніе (П. С. З., XVI, № 11.606; ср. сенатскій указъ 2 декабря того же года — № 11.718; указъ 19 янв. 1765 г. — № 12.316), а по указу 22 авг. 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать жалобы на своихъ помѣщиковъ куда бы то ни было (П. С. З., XVII, № 12.996). Павелъ I сталъ принимать челобитныя, установивъ лишь указомъ 12 декабря 1796 г., «дабы тѣ, кои имѣютъ нужду подавать какія-либо жалобы или прошенія, не инако то дѣлали, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человекѣ» (тамъ же, XXIV, № 17.636).

³⁾ По сообщенію Шумигорскаго, Павелъ I, желая «открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабого, угнетеннаго былъ услышанъ, приказалъ поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца желѣзныи желтый ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои прошенія» (Шумигорскій, Императоръ Павелъ I, Спб., 1907, стр. 109).

вые мѣсяцы царствованія Павла, мнѣ неизвѣстно, но изъ дѣла ¹⁾, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, подъ заголовкомъ: «По жалобамъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ», видно, что самыя начальныя жалобы относятся къ концу марта мѣсяца 1797 г. Очевидно, онѣ поданы были Государю въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ для коронованія. Такихъ жалобъ имѣется шесть; въ нихъ крестьяне жалуются на обремененіе работами и оброками, на безчеловѣчныя наказанія, чинимыя имъ помѣщиками. Остановлюсь на нѣкоторыхъ характерныхъ строкахъ этихъ жалобъ.

Такъ крестьяне кап. А. Зыкова черезъ своего повѣреннаго крестьянина Ф. Екимова жаловались, что помѣщикъ отнял у нихъ пашенную и сѣнокосную землю со всѣми угодьями, «а ихъ не щадя, (всѣхъ) до единого и малолѣтнихъ употребляетъ денно и ночно на обрабатываніе оной, сверхъ того собираетъ неумѣренныя оброки деньгами и разными крестьянскими продуктами» ²⁾.

Крестьяне села Туробьева въ челобитной на имя Государя, указывая на то, что помѣщикъ ихъ крѣгсъ-комисарь П. И. Демидовъ сверхъ оброка заставляетъ исправлять тяжелыя работы, писали: «Августѣйшій монархъ, удостой нашу слезную просьбу своимъ вниманіемъ, благоволи Демидову, дабы онъ въ работы насъ употреблялъ съ произвожденіемъ платы, буде оныя тягостны, потому что не имѣемъ ни въ воскресные, праздничные, высокаторжественные, а также дождливые и ненастные дни покою и отдыху отъ трудовъ и заботъ» ³⁾. Крестьяне и дворовые люди сельца Берестинки Александровской округи владѣнія помѣщика

¹⁾ Это дѣло было хорошо подобрано и зарегистрировано еще въ канцеляріи ген.-прокурора кн. Куракина, который докладывалъ Государю о крестьянскихъ волненіяхъ и жалобахъ; въ Госуд. Архивѣ оно значитсѣ—VII, № 2985, ч. I и II.

²⁾ Изъ экстракта жалобы, представленнаго Государю кн. Куракинымъ (Г. А., VII, № 2985, ч. II, л. 5).

³⁾ Челобитная за подписью И. Ф. Асерцова, отъ 2 марта 1797 г., помѣщена рядомъ съ другими при высочайшемъ повелѣніи отъ 31 марта (тамъ же, л. 17—18).

поручика Николая Соленикова, отъ имени всѣхъ, съ мірскаго согласія въ своей жалобѣ сообщаютъ: а мы «всегда находимся денно и ночью на его (помѣщика) работѣ, даже и воскресныхъ и праздничныхъ дней не имѣемъ, и всегда поголовно въ работѣ». Нѣсколько ниже жалобщики снова повторяютъ то же съ указаніемъ на свое крайнее разореніе: у насъ помѣщикомъ «заведена фабрика бумажная, денно и ночью въ работѣ, и кормимся мірскимъ подаяніемъ, а работу его (помѣщика) не оставляемъ, только намъ, бѣднымъ, никакой выгоды отъ него себѣ не имѣемъ, даже и праздничныхъ дней свободы не бываетъ»¹⁾.

Въ приведенныхъ выдержкахъ изъ жалобъ достойно вниманія слѣдующее обстоятельство: крестьяне, говоря о производимыхъ ими «денно и ночью» работахъ, подчеркиваютъ, что они «даже и воскресныхъ и праздничныхъ дней не имѣютъ».

Отвѣтомъ на жалобы крестьянъ, по докладу кн. Куракина, было слѣдующее высочайшее повелѣніе (отъ 31 марта): «призвавъ²⁾ сихъ крестьянъ, стараться непримѣтными образами узнавать отъ нихъ, гдѣ помѣщики ихъ пребываютъ, и при томъ кроткимъ образомъ внушить имъ дерзость поступка ихъ противу помѣщиковъ своихъ, коимъ они прежде были послушны и таковыми быть должны, представлять имъ жестокость справедливаго наказанія по законамъ, если они въ чемъ либо доносятъ несправедливость или сами противу помѣщиковъ виновны, а между тѣмъ снисхо-

¹⁾ Челобитная писана янв. 19-го 1797 г. (Г. А., VII, № 2985, ч. II, л. 21—22).

²⁾ Начало этого высочайшаго повелѣнія таково: «Государь Императоръ высочайше повелѣлъ по влагаемымъ при семъ прошеніямъ отъ крестьянъ въ чинимомъ имъ помѣщиками притѣсненіи, а именно Дмитровской округи отъ крестьянина Трофимова на помѣщика Андреева, крестьянина Екимова на помѣщика Зыкова, крестьянина Монова на помѣщицу Баранову (Воронову—ср. л. 26 об.), крестьянина Тимофѣева на помѣщика Серебрянникова, крестьянина Данилова на помѣщика кн. Гундорова, крестьянина Карцева на помѣщика Демидова, призвавъ... (Г. А., VII № 2985, ч. II, л. 1).

дительно наклонять ихъ къ раскаянію и должному повиновенію помѣщикамъ.

Въ разсужденіи жъ самихъ помѣщиковъ отписать ко онымъ письмами и между изысканіями истребованіемъ отъ нихъ увѣдомленія о томъ, на нихъ доносимомъ, представлять имъ, что или собственная неумѣренность въ образѣ ихъ домоправленія или слабый присмотръ за прикащиками суть слѣдствія какъ для ихъ, такъ и для правительства къ заботѣ и безпокойствамъ, и что единая умѣренность въ поступкахъ противу ихъ крестьянъ и собственную ихъ пользу и успокоеніе правительству доставать можетъ, о чемъ всемѣрно стараться должны ¹⁾). Исполненіе всего вышеописаннаго препоручается Александру Семеновичу Макарову ²⁾).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ этомъ высочайшемъ повелѣніи Павелъ I, поставивши помѣщикамъ на видъ жалобы крестьянъ, происшедшія, по его указанію, такъ или иначе по винѣ помѣщиковъ и доставившія правительству «заботы и безпокойства», обращается къ благоразумію самихъ помѣщиковъ и настоятельно рекомендуетъ имъ «единую умѣренность въ поступкахъ противу ихъ крестьянъ». Дальше замѣчанія и настоятельнаго совѣта высочайшее повелѣніе нейдетъ.

Указанныя выше жалобы крестьянъ были поданы Госу-

¹⁾ На основаніи этого высочайшаго повелѣнія помѣщикамъ были посланы отъ 9 апрѣля письма за подписью кн. Куракина, гдѣ указавъ на высочайшее повелѣніе, кн. Куракинъ сообщалъ: «Нужно мнѣ имѣть отъ васъ увѣдомленіе о доносимомъ на васъ, а сверхъ того не могу я оставить безъ замѣчанія и того, что или собственная неумѣренность... (дальше, какъ въ повелѣніи 31 марта—тамъ же, л. 26).

²⁾ А. С. Макаровъ, колл. сов., находился при дѣлахъ тайной экспедиціи, въ вѣдѣніи ген.-прокурора кн. Куракина; 5 апр. 1797 г. былъ пожалованъ въ ст. сов., 29 авг. 1798 г. въ дѣйств. ст. сов. за «усердную службу»; 26 окт. 1800 г. награждается чиномъ тайн. сов., съ назначеніемъ его въ сенаторы (Сен. Арх., сборн., I, 146, 433, 665).

дарю, надо полагать, въ концѣ марта мѣсяца, такъ сказать, наканунѣ коронаванія Императора Павла I. Возможно, что онѣ были ближайшимъ поводомъ къ обнародованію манифеста 5 апрѣля. Коронаваніе происходило въ первый день Пасхи. Оно ознаменовалось цѣлымъ рядомъ высочайшихъ милостей: въ этотъ день дано было 135 именныхъ указовъ о пожалованіи разнымъ лицамъ чиновнаго и придворнаго міра земель и угодій съ крестьянами, чиновъ и титуловъ княжескаго, графскаго и баронскаго достоинства ¹⁾). Среди такихъ милостей не забыты были и крестьяне, для нихъ предназначался особый манифестъ, текстъ котораго гласитъ слѣдующее:

«Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданымъ. Законъ Божій, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмой день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное миропомазаніе и царское на прародительскомъ престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ».

Въ словахъ этого манифеста двѣ главныя мысли, касающіяся крестьянскихъ работъ: первая—о непринужденіи крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, вторая—о раздѣленіи недѣли поровну между помѣщиками и крестьянами, короче—о трехдневной барщинѣ.

¹⁾ См. Сен. Арх., т. I, стр. 141—169.

Что касается первой, то она не представляет изъ себя новости. Еще въ Уложеніи Алексѣя Михайловича (въ X гл., статья 25) было сказано: «А работы никакіе въ воскресной день никому не работати, да и въ господскіе праздники быти по тому жъ, какъ и въ воскресные дни ¹⁾». Правило это не оставалось мертвой буквой ни въ XVII вѣкѣ, ни въ XVIII. Объ его выполненіи и наказаніи за нарушенія, извѣстно изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ. Такъ въ 1669 г. «Великій государь указалъ, какъ то узнаемъ изъ именного указа ²⁾, стольника кн. Григорія княжъ Венедиктова сына Оболенского послать въ тюрьму за то, что у него іюня въ 6 числѣ, въ воскресенье недѣли всѣхъ святыхъ, на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же князь Григорій говорилъ скверныя слова».

Въ записи (1676 г.) попъ Власъ да дьячекъ Степанъ Ивановъ с. Березниковъ Юрьевского уѣзда Польскаго обязываются монастырскимъ властямъ «къ церкви Божіи въ воскресные дни и въ господскіе праздники и великихъ святыхъ къ заутренямъ и къ вечернямъ и къ обѣднямъ крестьянамъ съ дѣтьми велѣтъ приходить безъ лѣности» ³⁾. Въ указѣ 17 февраля 1718 г. читаемъ: «Великому Государю вѣдомо учинилось, что многіе разночинцы и посадскіе и поселяне обыкли жить праздны, и не токмо что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе господскіе праздники николи въ церковь ко службѣ Божіей не ходятъ и не исповѣдываются», для того Великій Государь указалъ «подтвердить указомъ и прибить въ городахъ и по селамъ и деревнямъ печатные листы, дабы всѣ вышеписанные люди въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ церковь Божію», также въ лавкахъ и на площадяхъ никакимъ товаромъ въ помянутые дни не торговать, «и того

¹⁾ О томъ же говорилъ законъ 1647 г. (см. А. И., IV, № 6; А. Э., IV, № 19, 324).

²⁾ Отъ 7 іюня 1669 г. (П. С. З., т. I, № 453).

³⁾ Акты Переяславскаго Данилова монастыря (Архивъ ист. и практ. свѣд. Калачова, 1860—1861 г., кн. IV, стр. 31).

всего командующимъ смотрѣть накрѣпко подъ опасеніемъ взятыя немалаго штрафа» ¹⁾).

Изъ инструкцій помѣщиковъ знаемъ, что помѣщики предписывали крестьянамъ въ праздничные и воскресные дни не оставаться въ праздности, а посѣщать аккуратно церковь Божию. Такъ А. Волинскій въ инструкціи 1724 г. приказывалъ «накрѣпко смотрѣть, чтобы дворовые люди, крестьяне и жены ихъ и дѣти ихъ всегда въ воскресные и въ праздничные дни ходили въ церковь и по прошествіи того дни, чтобы всякій десятскій объявлялъ о своемъ десяткѣ, кто былъ и кто не былъ — и которые не будутъ, тѣмъ чинить наказанье» ²⁾. Также Бестужевъ-Рюминъ (въ инструкціи 1736—1738 г.г.) предписывалъ, «чтобы крестьяне всѣ съ женами и дѣтьми въ господскіе праздники и богородичны, Императорскаго Величества и въ воскресные дни къ вечерни и утрени и къ обѣдни приходили въ церковь». «А кто не будетъ въ церковь, брать по одной копѣйкѣ съ человѣка» ³⁾. Татищевъ въ своихъ «Экономическихъ Запискахъ» предлагаетъ: крестьянамъ, «кромѣ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работъ, не торжествовать», а работать ⁴⁾.

Хотя законъ, запрещавшій принуждать крестьянъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, имѣлъ обязательную силу, но онъ въ силу своей давности забывался, и потерялъ почти всякое значеніе, благодаря усилению крѣпостного права. Неудивительно, что Павелъ I, въ день своего коронаванія и въ первый день Пасхи, рѣшилъ «подтвердить» старинное правило, распорядившись «о точномъ и непремѣнномъ исполненіи» закона, «дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ».

Этотъ законъ былъ не разъ подтверждаемъ и въ послѣ-

¹⁾ П. С. З., т. V, № 3169.

²⁾ Москвитянинъ, 1854 г., кн. I, отд. IV, 12.

³⁾ Рус. Арх., 1904, кн. 1, стр. 28.

⁴⁾ Временникъ М. Общ. Ист., VII, смѣсь, 20.

дующее время. Такъ въ 1818 г. былъ изданъ указъ такого содержанія: «Дошло до свѣдѣнія Е. И. В-а, что въ воскресные дни употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскіе жители на господскія работы, и чрезъ то лишаются возможности бывать въ церквахъ и слушать слово Божіе. Государь Императоръ высочайше указать соизволил: сдѣлать предписанія отъ министра церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по его части, дабы духовныя лица о всѣхъ таковыхъ случаяхъ доносили каждый разъ по своему начальству министру, а онъ доводилъ бы о томъ до свѣдѣнія комитета г. министровъ».

На основаніи этого высочайшаго повелѣнія сенатомъ былъ разосланъ указъ (отъ 14 февраля) всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и губернскимъ властямъ съ прописаніемъ въ немъ высочайшей воли ¹⁾).

Значитъ, новымъ указомъ не только подтверждалось прежнее правило, но еще поручалось духовенству внимательно наблюдать за его выполненіемъ и доносить начальству «о всѣхъ случаяхъ» нарушенія «каждый разъ», а министръ обязывался доводить о томъ до свѣдѣнія комитета министровъ.

Впрочемъ, этотъ указъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ признанъ неудобнымъ: въ томъ же году, по представленію св. синода, новымъ указомъ ²⁾ духовенство было освобождено отъ обязанности доносить начальству о нарушеніяхъ закона, а наблюденіе (чрезъ полицію) «за исполненіемъ монаршей воли о неупотребленіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни» было поручено «губернскимъ властямъ», причемъ высочайшее повелѣніе было распространено «сверхъ воскресныхъ дней на двенадцатые и храмовые праздники, на день верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, 9 мая и 6 декабря на дни святителя и чудотворца Николая».

Въ наказѣ 1837 г. (3 іюня) чинамъ и служителямъ

¹⁾ П. С. З., т. XXXV, № 27270.

²⁾ Отъ 30 сент. 1818 г. (П. С. З., т. XXXV, № 27549).

земской полиціи было поручено наблюдать, «чтобы помѣщики и волостные начальники несвоевременнымъ требованіемъ работъ не препятствовали поселянамъ ходить въ церковь по воскреснымъ днямъ и въ дни большихъ, церковью и правительствомъ особенно установленныхъ, праздниковъ» ¹⁾. По наказу (того же 3 іюня 1877 г.) гражданскіе губернаторы «имѣютъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ постановленій о должномъ уваженіи въ народѣ воскресныхъ дней, а особенно торжествуемыхъ церковью праздниковъ, наблюдая, чтобъ въ сіи дни, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ... нигдѣ не производилось казенныхъ и публичныхъ работъ ни вольными, ни казенными мастеровыми и чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ работать въ своихъ поляхъ, садахъ или на заводахъ» ²⁾.

Въ послѣднемъ узаконеніи распространенно излагается то же, что въ манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. выражено кратко: «дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзаль въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ». Этотъ законъ, столь часто подтверждаемый, внесенъ и въ «Сводъ Законовъ»; здѣсь, согласно указу 30 сентября 1718 г., сверхъ воскресныхъ дней, перечислены праздники, въ которые не должны производиться работы, съ указаніемъ, что «строжайшее наблюденіе» за исполненіемъ «возлагается на губернскія начальства чрезъ посредство мѣстной полиціи» ³⁾.

Изъ предыдущаго, полагаю, ясно, что правило манифеста 1797 г. о воскресныхъ дняхъ, подтверждая старинное узаконеніе, нашло себѣ въ послѣдующемъ законодательствѣ дальнѣйшее развитіе и закрѣпленіе; мало того, правительство предпринимало разныя мѣры для того, чтобы это правило не оставалось мертвой буквой, а выполнялось на практикѣ.

¹⁾ П. С. З., 2-ое собраніе, т. XII, № 10306, § 7 п. 2.

²⁾ Тамъ же, № 10303, § 34.

³⁾ Сводъ Законовъ, изд. 1832 г., т. IX, ст. 590; изд. 1857 г., IX же т., ст. 1046.

Что касается второй мысли манифеста 1797 г., указанія на трехдневную барщину, то здѣсь далеко нѣтъ той ясности и опредѣленности, какая отмѣчена выше относительно воскресныхъ дней. До этого манифеста ни въ XVII в., ни въ XVIII ни разу не было издаваемо закона, который регулировалъ бы барщину: крестьянскія работы въ пользу помѣщика опредѣлялись практикой, а практика была весьма разнообразна. Крестьяне во второй половинѣ XVIII в. работали на барщинѣ и два, и три, и четыре дня въ недѣлю, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и воли помѣщика; бывали случаи, что барщина доходила до пятидневной и шестидневной работы, и наконецъ рѣдко, но случалось, что крестьяне принуждаемы были къ барщинѣ повседневной, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Однако, «наиболѣе обычной была трехдневная барщина» 1).

Трехдневную барщину возводятъ къ древнему половничеству. Въ Екатерининской комиссіи депутатъ угличскаго дворянства Опочининъ упоминалъ «о положенной издревле половинной работѣ» 2). Ораніенбаумскіе и ябургскіе дворяне въ своемъ «мнѣніи о единообразномъ употребленіи рабочихъ дней» (1780 г.) сообщаютъ о существующемъ издавна по всей Россіи такомъ обычаѣ, что «крестьянинъ съ женою работаютъ круглый годъ половину на господина и половину на себя» 3). Такой обычай далъ возможность И. Болтину сказать о крестьянахъ слѣдующее: «пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ работать на помѣщика въ каждой недѣле три дня чрезъ весь годъ»; впрочемъ, Бол-

1) Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», т. I, 2-ое изд., стр. 63 и сл.

2) Сб. Ист. О-ва, т. XXXII, стр. 417.

3) Семевскій, «Крестьяне», т. I, стр. 62; «Крестьянскій вопросъ», т. I, стр. 185—187. Эти дворяне сами, по соглашенію между собой, установили правила, опредѣлявшія работы крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, которыя не шли дальше трехъ дней барщины въ недѣлю.

тинъ къ этому добавилъ: «таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренной; другіе заставляютъ работать 4 дня въ недѣлю, но таковыхъ меньше» 1).

Обычай трехдневной барщины былъ настолько общераспространенный, что помѣщики, которымъ правительство ставило на видъ обремененіе крестьянъ работами, когда хотѣли оправдаться, прямо указывали на существованіе и у нихъ трехдневной барщины. Такъ помѣщикъ Н. Солениковъ въ отвѣтъ на письмо кн. Куракина сообщалъ: «сельскимъ издѣльемъ они (крестьяне) и по показаніямъ ихъ не отягощаются, а во всѣхъ лѣтнихъ работахъ на меня употребляются они въ недѣлѣ три дня, но и то прежде начинаютъ всѣ работы для себя». Другой помѣщикъ Д. Евлашевъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ, а именно: «крестьяне мои,—писалъ онъ кн. Куракину,—работу для меня отправляютъ въ недѣлю только три дня, а прочіе дни работаютъ всѣ для своего продовольствія» 2).

Но обычай, опредѣлявшій работу крестьянъ на помѣщиковъ въ размѣрѣ половины его труда, колеблясь въ ту и другую сторону, не нашелъ для себя закрѣпленія въ законодательствѣ. До конца XVIII вѣка не было издано, выражаясь словами ораніенбаумскихъ и ябургскихъ дворянъ, «нигдѣ никакого акта или установленія государственнаго, какимъ образомъ дворяне могутъ управлять своими крестьянами, т. е. сколько времени крестьянинъ повиненъ работать на своего господина и сколько на себя; слѣдовательно, былъ и есть на то одинъ токмо общій естественный законъ, называемый человѣчествомъ» 3). Въ указахъ же наоборотъ довольно часто повторялась мысль о томъ, чтобы крестьяне помѣщикамъ своимъ «были послушны», исполняли всякія работы и платили оброкъ без-

1) Болтинъ, Примѣчанія на Леклерка, II, 217.

2) Гос. Арх., VII, № 2985, ч. II, л. 28 и сл.; л. 38. Здѣсь приведены отвѣты помѣщиковъ на письма Куракина отъ 9 апрѣля (см. объ этомъ выше).

3) Семевскій, Крестьянскій вопросъ, I, 185.

прекословно ¹⁾). Эта же мысль была подтверждена и въ началѣ царствованія Павла I (манифестомъ 29 января 1797 г.), когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскіе бунты, въ другихъ же крестьяне глухо волновались. «Повелѣваемъ,—сообщалось въ манифестѣ,—чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія» ²⁾). Одно только существовало въ законѣ общее ограниченіе относительно крестьянскихъ работъ и повинностей, а именно такого рода, чтобы работы и поборы не отягощали крестьянъ свыше мѣры и не разоряли ихъ ³⁾; у помѣщиковъ, нарушающихъ это правило, крестьяне отбирались и отдавались въ опеку.

Однако, многими лицами, начиная съ Посошкова, высказывалась мысль о необходимости точнѣе опредѣлить кругъ обязанностей крестьянъ, въ томъ числѣ, конечно, ограничить и барщину опредѣленнымъ количествомъ дней. Не было бы ничего удивительнаго, если бы Павелъ I рѣшилъ узаконить наиболѣе распространенный порядокъ, «издревле» существующій, который при добромъ хозяйственномъ распорядкѣ, предохранялъ бы крестьянъ отъ крайняго обремененія и разоренія. Манифестъ 5 апрѣля 1797 г. и говоритъ, что за исключеніемъ воскресныхъ дней, въ которые работать воспрещается, «остающіеся въ недѣлю шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ, въ пользу

¹⁾ П. С. З., V, № 2668; XVI, № 11678; о «безпрекословномъ во всемъ послушаніи», говоритъ указъ 1767 г.—XVIII, № 12966.

²⁾ П. С. З., XXIV, № 17769.

³⁾ Наказъ воеводамъ 1719 г.—П. С. З., V, № 3294 п. 31; Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., П. С. З., XX, № 14392, гл. IV ст. 84; а также ст. 216, 222; ср. Сб. Ист. Общ., XXVII, 122 (письмо Екатерины II къ Сиверсу).

помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ».

Въ этихъ словахъ, казалось, опредѣленно узаконяется трехдневная барщина. Но внимательный разборъ текста манифеста вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. «Законъ Божій, читаемъ въ манифестѣ, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмой день посвящать Ему»; «почему въ день настоящій... почитаемъ долгомъ... подтвердить» «о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи», «дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ». Послѣднія строки—центральное мѣсто манифеста; ими по религиознымъ мотивамъ строжайше запрещается принуждать крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ. А дальше въ манифестѣ прибавлено: «тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые» (между помѣщиками и крестьянами) «при добромъ распоряженіи, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ».

Это мѣсто, съ характернымъ выраженіемъ: «тѣмъ болѣе, что», въ манифестѣ играетъ подчиненную роль; имъ выдвигается второй мотивъ къ запрещенію работъ по днямъ воскреснымъ, мотивъ хозяйственный. На первый взглядъ можетъ показаться, что правило о раздѣленіи шести дней недѣли поровну въ законодательствѣ имѣется и на него законодатель ссылается въ подкрѣпленіе своего новаго разъясненія и подтвержденія о томъ, чтобы седьмой день помѣщикъ не бралъ себѣ, а предоставлялъ посвящать Богу. На самомъ дѣлѣ, какъ то показано выше, этого не было, и тонъ манифеста можно понять, какъ указаніе на обычный порядокъ трехдневной барщины, имѣвшій наибольшее распространеніе.

Затѣмъ нельзя не отмѣтить той мягкой формы ¹⁾, въ ко-

¹⁾ Въ связи съ этимъ не могу не привести замѣчанія А. С. Лаппо-Данилевскаго по поводу формы манифеста; по его словамъ,

торую облечено въ манифестѣ указаніе на трехдневную барщину. Въ то время какъ по поводу воскресныхъ дней раздается внушительная рѣчь: «дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзаль», по поводу трехдневной барщины слышатся слабыя, «совѣтомъ сказанныя» слова: шесть дней, поровну раздѣляемые, «при добромъ распоряженіи», «достаточны будутъ» на удовлетвореніе хозяйственнымъ надобностямъ. Здѣсь нѣтъ категорическаго приказанія раздѣлять рабочіе дни поровну, а высказано какъ бы пожеланіе.

Это мѣсто можно сопоставить съ высочайшимъ повелѣніемъ 31 марта, въ которомъ еще ярче выступаетъ его характерная черта, присущая и манифесту 5 апрѣля; въ томъ повелѣніи не было никакой законодательной нормы, а лишь излагается настойчивый совѣтъ Государя, его пожеланіе, чтобы помѣщики поступали съ крестьянами умѣренно и осмотрительно.

Я полагаю, послѣ анализа текста манифеста 5 апрѣля, слѣдуетъ придти къ выводу, что главное мѣсто манифеста въ категорической формѣ говоритъ о непринужденіи крестьянъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, трехдневная же барщина только указывается въ качествѣ мотива къ этому

манифестъ «слишкомъ вскользь упомянулъ объ ограниченіи барщины тремя днями и былъ лишенъ какой-либо санкціи» (Крестьян. строй, I, 115). Н. К. Шильдеръ о томъ же говоритъ слѣдующее: «Манифестъ, имѣвшій въ виду несомнѣнной цѣлю облегчить крѣпостную зависимость сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе представляетъ собой необдуманное и скороспѣлое произведеніе, вполне соотвѣтствовавшее духу тогдашняго времени; манифестъ вызвалъ въ жизни множество недоумѣній и неправильныхъ толкованій. Неудовлетворительность его редакціи позволяла помѣщикамъ толковать его въ свою пользу, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій», такъ «въ великороссійскихъ губерніяхъ склонны были усмотрѣть въ манифестѣ не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого не обязательный, данный землевладѣльцамъ» (См. его книгу «Императоръ Павелъ I», Спб., 1901, стр. 344 — 345). Тѣ же мысли проводятся и въ книгѣ о Павлѣ I—Шумигорскаго, отмѣчающаго «дурную редакцію закона» (стр. 124—125).

запрещенію, поставленнаго при томъ на второмъ мѣстѣ. Отсюда возникла возможность и необходимость толкованія манифеста: 1) можно было его понимать широко въ смыслѣ установленія, сверхъ празднованія и отдыха въ воскресные дни, трехдневной барщины, считая упоминаніе манифеста требованіемъ закона; 2) можно было понимать его узко, какъ запрещеніе принуждать крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ и только, не придавая никакого значенія упоминанію о распредѣленіи рабочаго времени. Эта двойственность, а отсюда и неопредѣленность сыграли любопытную роль въ судьбѣ манифеста 5 апрѣля 1797 г.

Широкаго пониманія манифеста держался самъ Государь. Это прямо и косвенно видно изъ многихъ его указовъ. Такъ 10 января 1798 г. въ именномъ указѣ на имя ген.-прокурора кн. Куракина относительно вологодскаго помѣщика Башмакова говорится, что «онъ (Башмаковъ) разоряетъ крестьянъ работами безъ наблюденія опредѣленныхъ дней» ¹⁾; разореніе крестьянъ работами сверхъ «опредѣленныхъ дней» и «неистовые поступки» были поставлены Башмакову въ вину и надъ его имѣніемъ была учреждена опека. Въ указѣ 16 марта того же 1798 г. относительно покупки крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ читаемъ: «Въ распредѣленіи крестьянамъ при заводахъ и фабрикахъ поступать согласно манифесту Нашему, въ 5 день апрѣля 1797 года о раздѣленіи вообще крестьянскихъ работъ изданному, то есть, чтобы изъ количества годныхъ въ работу половина всегда въ работѣ заводской находилась» ²⁾. Резолюціи Павла I и высочайшія повелѣнія относительно крестьянскихъ жалобъ, проходившія чрезъ кн. Куракина, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Павелъ I былъ увѣренъ, что манифестомъ 5 апрѣля установлены дни для крестьянскихъ работъ, раздѣлена недѣля поровну между помѣщикомъ и крестьяниномъ, короче говоря, манифестомъ введена трехдневная барщина.

¹⁾ Этотъ указъ аналогиченъ указу сената (Сен. Арх., сборн., т. I, стр. 340).

²⁾ П. С. З., XXIV, № 18442.

Такого же пониманія манифеста держались высшіе сановники, представители правительственной власти, ген.-прокуроръ кн. Куракинъ, кн. Безбородко, позднѣ Сперанскій ¹⁾, Киселевъ. Неудивительно, что правительственная точка зрѣнія получила въ Сводѣ Законовъ категорическое признаніе. Статья 589 IX тома гласитъ: «Владѣлецъ можетъ налагать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобъ положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ работъ». Что это за «положенное закономъ число дней», разъясняетъ слѣдующая 590 статья, въ которой сказано: «Крестьяне обязаны работать на своего помѣщика три дня въ недѣлю» ²⁾, при этомъ сдѣлана одна совершенно опредѣленная ссылка на указъ 5 апрѣля 1797 года.

Отсюда ясно видно, что самъ законодатель, ближайшіе его сотрудники, послѣдующіе государственные дѣятели и составители Свода Законовъ вложили и во вторую часть

¹⁾ Сперанскій придавалъ очень большое значеніе манифесту, онъ считалъ манифестъ замѣчательнымъ для того времени и полагалъ, что въ его смыслѣ скрыта цѣлая система постепеннаго улучшенія быта крестьянъ (См. его «Планъ государственнаго преобразованія», изд. «Рус. Мысли», 1905, стр. 24, 309 и сл.).

Изъ видныхъ дѣятелей предшествовавшихъ царствованію укажу еще на Я. Сиверса, который въ манифестѣ 5 апрѣля видѣлъ законъ о трехдневной барщинѣ; въ его запискахъ сообщалось: императоръ Павелъ I «bestimte dem Herrn drei Arbeitstage und liess dem Bauer die drei andern» (Blum, Ein russischer Staatsmann, Leipzig, 1857 г., т. II, 97 стр.).

Современникъ Сперанскаго Мирковичъ считалъ, что Павелъ— «первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю» (Рус. Арх., 1890, № 3, 397 стр.). Подобный же взглядъ проводится и въ запискахъ М. Фонвизина, который, впрочемъ, не достаточно твердо знаетъ дату и содержаніе указа 1797 г. и смѣшиваетъ его съ указомъ 1818 г. (Рус. Стар., 1884, апр., т. XLII, стр. 66).

²⁾ Сводъ Законовъ Р. И., т. IX, изд. 1832 г.; этимъ статья въ Сводѣ же Зак. изд. 1857 г. соотвѣтствуютъ статьи: 1045 и 1046.

манифеста, говорящую о распредѣленіи времени, тотъ смыслъ, что ея вводится трехдневная барщина. Такова оффиціальная точка зрѣнія, получившая наибольшую опредѣленность и выразительность впервые въ Сводѣ Законовъ. Казалось, при такомъ положеніи всякія сомнѣнія относительно смысла манифеста должны исчезнуть: разъясненія и категорическія указанія послѣдующаго времени какъ будто устраняютъ возможность иного толкованія. На манифестъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ взглянуть широко и примкнуть къ тому направленію, которое видитъ въ немъ первое серьезное ограниченіе крѣпостного права.

Но совсѣмъ другого пониманія держался сенатъ, которому былъ присланъ манифестъ 5 апрѣля для всенароднаго опубликованія. 6 апрѣля манифестъ былъ заслушанъ въ общемъ собраніи перваго, пятаго и шестого департаментовъ сената и составленъ приговоръ о принятіи мѣръ къ опубликованію его. Какой смыслъ сенатъ вложилъ въ манифестъ, ясно видно изъ этого приговора, текстъ котораго вошелъ въ указъ сената, разосланный по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Указъ сената отъ 6 апрѣля гласитъ слѣдующее: «Прав. сенатъ, выслушавъ высочайшій Е. И. В. манифестъ, состоявшійся апрѣля въ 5 день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, приказали: сей высочайшій Е. И. В. манифестъ разослать для объявленія какъ помѣщикамъ, такъ и всенародно во всѣ губерніи и намѣстническія правленія, а для свѣдѣнія и въ потребномъ случаѣ, до кого касаться можетъ, исполненія и во всѣ присутственныя мѣста при указахъ; въ св. прав. синодъ и въ с.-петербургскіе сената департаменты сообщить при вѣдѣніяхъ»¹⁾.

¹⁾ Указъ сената—печатный, на имя военной коллегіи. Въ концѣ указа прибавлено: «Во исполненіе чего онаго манифеста при семъ печатныхъ 300 экземпляровъ» (Сен. Арх., дѣла общаго собранія, 1797 г., № 6, л. 252; краткое указаніе на это дѣло см. въ «Описи документовъ и дѣлъ», хранящ. въ Сен. Арх., отд. II, т. I, № 6, Спб., 1909 г.).

Въ сенатскомъ указѣ мысль манифеста передана словами: «чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ», и только, объ установленіи трехдневной барщины не говорится ни слова.

Въ такомъ видѣ сенатскій указъ былъ разосланъ вмѣстѣ съ манифестомъ 5 апрѣля по всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ «для свѣдѣнія» и «исполненія», разосланъ 100 учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ ¹⁾, отъ кото-

¹⁾ Въ виду того, что способъ опубликованія манифеста 5 апрѣля имѣетъ общее значеніе, такой же порядокъ соблюдался при обнаруженіи и другихъ указовъ, имѣвшихъ общее значеніе, привожу выписку изъ подлиннаго дѣла (л. 252 и сл.), относящагося къ разсылкѣ манифеста, съ перечнемъ учреждений и должностныхъ лицъ, которымъ указы посылались.

«Таковыя жъ посланы того жъ числа нижеписаннымъ присутственнымъ мѣстамъ, губернскимъ и намѣстническимъ правленіямъ и при нихъ помянутыхъ манифестовъ по нижеписанному количеству:

Санктъ-Петербургскимъ:

адмиралтейской коллегіи—200, военной—300, иностранной—200, коммерцъ—75, медицинской—5, юстицъ-коллегіи лифл., эстл. и финл. дѣль—5, бергъ-коллегіи—10, мануфактуръ коллегіи—5;

кадетскимъ корпусамъ:

сухопутному шляхетскому—5, артиллерійскому инженерному—5; академіямъ:

наукъ—5, художествъ—5; монетному департаменту—5, придворной канцеляріи— ;

конторамъ:

егермейстерской—5, гофъ-интендантской—5; камеръ лифл., эстл. и финл. дѣль—5, шпалерной мануфактуры—5, придворной—5, придворной конюшенной—5, царскосельской—5;

комиссіямъ:

воинской*—5, объ установленіи народныхъ училищъ—5, правленію заемнаго банка—5, заемному банку—5, правленію ассигнаціоннаго банка—5, ассигнаціонному банку—5;

казначействамъ:

штатному—5, остаточному—5, гатчинскому городовому правленію—5, архиву старыхъ дѣль—5, конторѣ о покупкѣ металловъ—

Московскимъ:

вотчинному департаменту—5, камеръ-коллегіи—5, ревизионъ-коллегіи департаменту—5, университету—5, межевой канцеляріи—5;

рыхъ имѣются въ количествѣ 91 отвѣты въ видѣ рапортовъ о полученіи указовъ.

Въ каждомъ отвѣтѣ обычно кратко прописывается со-

конторамъ:

мастерской оружейной—5, медицинской—5, ассигнаціоннаго банка московскому отдѣленію—5;

экспедиціямъ:

главной соляной конторы—5; монетному (sic) департамента—5, учрежденной въ Москвѣ для строенія новаго Кремлевскаго дворца—5, придворной конторы—5;

казначействамъ:

штатному—5, остаточному—5, архиву старыхъ дѣлъ—5, черножорскому адмиралтейскому правленію—5.

Губернскимъ правленіямъ:

Московскому—800, С.-Петербургскому—800, Новгородскому—500, Тверскому—500, Калужскому—500, Псковскому—500, Смоленскому—500, Тульскому—(цифры не проставлено), Ярославскому—500, Костромскому*—, Владимірскому—500, Нижегородскому—500, Вологодскому*—, Архангельскому—500, Вятскому—500, Казанскому—500, Пермскому—, Тобольскому—500, Иркутскому—500, Симбирскому—500, Пензенскому*—, Астраханскому—500, Воронежскому—500, Тамбовскому—500, Рязанскому—500, Курскому—500, Орловскому—500, Слободскому-Украинскому—500, Лифляндскому—, Оренбургскому—500, Новороссійскому—500, Малороссійскому—500, Эстляндскому—300, Выборгскому—300, Курляндскому—300, Минскому—500, Волынскому—, Подольскому—, Кіевскому—500, Литовскому* Верховному—.

Намѣстническимъ правленіямъ:

Полоцкому—500, Могилевскому—500, Олонецкому*—, Колыванскому*—, Саратовскому—500, Брацлавскому—300.

Г. дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., сен. и кавалеру гр. А. А. Безбородку—150.

Г. государственному казначею и кавалеру А. И. Васильеву*—150.

Г. генералу-фельдм., ген.-губ. и кав. кн. Н. В. Репнину*—1.

Г. дѣйств. ст. сов. Колывано-Воскресенскихъ заводовъ начальнику и кавалеру Качки—300.

Вѣденія:

св. синоду*—100; въ с.-петерб. сената департаменты—100.

Гдѣ поставлена звѣздочка, тамъ на поляхъ противъ поставлена буква «н», означающая, надо полагать, «нѣтъ», т. е. нѣтъ отвѣта на посланный указъ, такъ какъ въ дѣлѣ отвѣтныхъ рапортовъ и вѣдѣній этихъ именно учреждений и лицъ не имѣется.

держаніе полученнаго манифеста. Такъ адмиралтейская коллегія отъ 16 апрѣля сообщаетъ, что ею полученъ манифестъ, «чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ» ¹⁾. Изъ Академіи Наукъ: «5 экземпляровъ высочайшаго манифеста о непринужденіи помѣщикамъ крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ» получены ²⁾. Еще яснѣе говорится въ рапортѣ конторы И. шпалерной мануфактуры: указъ сената съ приложеніемъ «манифеста, коимъ повелѣно, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ», полученъ ³⁾. Въ рапортѣ Вятскаго губернскаго правленія сообщается о полученіи «манифеста повелѣвающаго, чтобъ помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ» ⁴⁾. Тамбовское губернское правленіе рапортуетъ о полученіи «манифеста о неработаніи крестьянъ въ воскресные дни» ⁵⁾.

Вообще говоря, ни въ одномъ изъ 91 рапорта не встрѣчается даже намекъ на то, чтобы учрежденія и мѣстныя власти поняли бы манифестъ 5 апрѣля нѣсколько иначе, чѣмъ понялъ его сенатъ. Вездѣ въ разныхъ варьянтахъ повторяется одна и та же мысль, что это законъ о непринужденіи крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни; ни о чемъ другомъ нѣтъ ни одного слова, несмотря на пространность нѣкоторыхъ отвѣтовъ, занимающихъ иногда двѣ страницы большого формата, указанія въ манифестѣ на трехдневную барщину какъ бы не существуетъ.

Въ такомъ же смыслѣ, вѣроятно, манифестъ объяснялся при его разсылкахъ въ низшія инстанціи и при опубликованіи. А что манифестъ становился извѣстенъ населенію, на это есть опредѣленные данныя въ тѣхъ же самыхъ

¹⁾ Сен. Арх., дѣла общ. собр., 1797, № 6, л. 256.

²⁾ Тамъ же, л. 265.

³⁾ Тамъ же, л. 272.

⁴⁾ Тамъ же, л. 316.

⁵⁾ Тамъ же, л. 324.

рапортахъ изъ губернскихъ учреждений. Владимірское губернское правленіе въ своемъ отвѣтѣ отъ 9 апрѣля сообщаетъ, что, по полученіи сенатскаго указа, имъ опредѣлено: манифестъ «разослать во всѣ присутственныя мѣста при указахъ... и нижнимъ земскимъ судамъ приказать оный манифестъ тотчасъ публиковать всенародно, а особенно земскіе суды должны объявить его всѣмъ помѣщикамъ, въ деревняхъ своихъ живущимъ, а въ небытность ихъ управляющимъ вотчинами, и наблюдать, дабы сія высокомонаршая воля исполнялась всегда непремѣнно» 1). Въ такомъ же родѣ имѣются сообщенія въ цѣломъ рядѣ другихъ рапортовъ 2).

1) Тамъ же, л. 313.

2) Считаю нужнымъ привести выдержки изъ нѣкоторыхъ рапортовъ.

Такъ Новороссійское губернское правленіе отъ 18 апрѣля сообщало, что оно постановило манифестъ 5 апрѣля «объявить во всенародное извѣстіе и особенно помѣщикамъ къ точному и непремѣнному исполненію» (л. 331).

Тверское губернское правленіе отъ 10 апрѣля увѣдомляло, что манифестъ разосланъ «съ предписаніемъ о объявленіи и съ подтвержденіемъ о непремѣнномъ и точномъ исполненіи и наблюденіи сего высочайшаго Е. И. В. повелѣнія» (л. 307).

Брацлавское намѣстническое правленіе (отъ 26 апрѣля): имъ было опредѣлено разослать указы во всѣ присутственныя мѣста, «къ городничимъ и въ нижніе земскіе суды», «съ предписаніемъ послѣднимъ, дабы они сіи манифесты вѣдомства ихъ въ городахъ и уѣздахъ повсемѣстно, а также во всѣхъ церквахъ и на публичныхъ мѣстахъ обнародовали, и за дѣйствительнымъ того выполненіемъ имѣли всегдашнее наблюденіе» (л. 344).

Рязанское губернское правленіе отъ 13 апрѣля сообщало, что имъ опредѣлено: «съ прописаніемъ онаго указа и съ приложеніемъ надлежащаго числа экземпляровъ для свѣдѣнія, а въ потребномъ случаѣ, до кого касаться можетъ, и исполненія, въ палаты суда и расправы, казенную и въ приказъ общественнаго призрѣнія, сообщить, а ко всѣмъ здѣшней губерніи городничимъ и въ нижніе земскіе суды послать указы съ таковымъ предписаніемъ, чтобы первые въ городахъ, послѣдніе въ округахъ учинили распубликованіе, а помѣщикамъ, имѣющимъ своихъ крестьянъ, оный высо-

По существу та же точка зрѣнія, на которой стоялъ сенатъ въ пониманіи манифеста 5 апрѣля, скрыто проводилась и въ дальнѣйшемъ законодательствѣ. Въ то время какъ законъ о воскресныхъ дняхъ много разъ подтверждался

чайшей Е. И. В. манифестъ къ должному выполнению объявили съ подписками, потомъ городничимъ къ таковому-жъ свѣдѣнію, а въ потребномъ случаѣ исполненію въ состоящія въ тѣхъ городахъ всѣ присутственныя мѣста со оныхъ указовъ съ приложеніемъ экземпляровъ препроводить копии» (л. 325).

Волинское губернское правленіе (отъ 19 мая): указы опредѣлено разослать, «дабы манифестъ повсемѣстно опубликовали, чтобъ помѣщики и ихъ управители, бывъ о высочайшемъ Е. И. В. соизволеніи извѣстны, не могли отважиться и понуждать крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ и за точнымъ и непремѣннымъ того исполненіемъ прилежно нижніе земскіе суды и городничіе наблюдали бы и въ случаѣ къмъ либо сего высочайшаго указа нарушенія, по изслѣдованіи, отсылать виновныхъ къ сужденію по всей строгости законовъ» (л. 337).

Московское губернское правленіе рапортомъ отъ 6 апрѣля доносило: указъ, «чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ своихъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, для объявленія какъ помѣщикамъ, такъ и всенародно, въ губернскомъ правленіи полученъ». «И по оному Е. И. В. указу въ губернскомъ правленіи опредѣлено: изъ сихъ присланныхъ экземпляровъ отослать въ Московскую управу благочинія при указѣ и велѣть съ полученія ихъ въ тотъ же часъ оный высочайшій манифестъ во всѣхъ знатныхъ частяхъ города надлежащимъ порядкомъ обнародовать, а также и всѣмъ живущимъ здѣсь въ Москвѣ помѣщикамъ объявить и сверхъ того по всѣмъ частямъ и кварталамъ въ пристойныхъ мѣстахъ прибить по одному экземпляру, а къ равномерному исполненію здѣшной губерніи въ городахъ и уѣздахъ препроводить по потребному числу экземпляровъ помянутаго манифеста при указахъ къ городничимъ и въ нижніе земскіе суды и подтвердить имъ, чтобъ они съ полученія ихъ тотчасъ каждый по вѣдомству своему оный манифестъ какъ помѣщикамъ объявили, такъ и повсемѣстно обнародовали для свѣдѣнія же о семъ и должнаго въ потребномъ случаѣ, до кого относится будетъ, исполненія разослать по одному экземпляру здѣшной губерніи въ палаты и въ приказъ общественнаго призрѣнія при сообщеніяхъ, а въ подчиненныя правленію присутственныя мѣста при указахъ, и въ прав. сенатъ о полученіи оныхъ, указа и экземпляровъ, отрапортовать» (л. 302).

и правительствомъ принимались мѣры къ его дѣйствительному осуществленію, особаго указа о трехдневной барщинѣ ни разу не было издано до самаго освобожденія крестьянъ, несмотря на неоднократные совѣты, говорившіе о томъ, что необходимо «разъяснить» и «подтвердить» правило о трехдневной работѣ крестьянъ; законодатели старательно обходили этотъ вопросъ и даже тогда, когда официально признали толкованіе манифеста 5 апрѣля въ смыслѣ установленія трехдневной барщины, не принимали никакихъ опредѣленныхъ мѣръ къ выполненію этой нормы. Такъ въ обширномъ «Наказѣ гражданскимъ губернаторамъ» 1837 г., состоящемъ изъ 346 параграфовъ, въ которомъ внимательно и подробно оговариваются заботы губернатора о цѣлости зданій, здоровьѣ скота, объ исправности мостиковъ въ селеніяхъ, гдѣ губернаторамъ предписано, какъ на то указано выше, имѣть надзоръ за «точнымъ исполненіемъ постановленій» относительно праздниковъ и воскресныхъ дней, нѣтъ и помину о томъ, чтобы они наблюдали за выполненіемъ правила о трехдневной барщинѣ. Тамъ же, гдѣ по смыслу объ этомъ должна идти рѣчь, «Наказъ» глухо говоритъ: гражданскіе губернаторы наблюдаютъ, «чтобы поселяне не были подвергаемы какимъ либо противозаконнымъ наказаніямъ, поборамъ и неуравнительному или излишнему отягощенію въ отправленіи повинностей» 1).

Значить, строго говоря, по той формѣ, въ какую вылился манифестъ 5 апрѣля 1797 года, по тому смыслу, какой былъ вложенъ въ него первоначально сенатомъ и правительственными учрежденіями и какой скрыто проводился и послѣдующимъ законодательствомъ, манифестъ слѣдуетъ понимать, какъ законъ о непринужденіи крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, толкованіе же его въ смыслѣ установленія имъ трехдневной барщины, на

1) П. С. З., 2-ое собр., т. XII, № 10303, § 48.

словахъ официально признаваемое, внесенное какъ въ Полное Собрание Законовъ (оглавление манифеста), такъ и въ Сводъ Законовъ, слѣдуетъ понять, какъ пожеланіе правительства, которымъ оно хотѣло распространить среди общества идею необходимости ограниченія барщинныхъ работъ.

II.

Хотя и были приняты мѣры къ опубликованію манифеста 5 апрѣля, но онъ не вездѣ сразу сталъ извѣстенъ. Нѣкоторыя указанія на это имѣемъ въ жалобахъ крестьянъ на помѣщиковъ. Такъ въ февралѣ 1798 г. крестьянинъ Нижегородской губ. Ѳедоровъ подалъ Государю на свою помѣщицу Дружинину жалобу, въ которой сообщалъ, что помѣщица разорила ихъ вовсе какъ всеневными работами, такъ оброкомъ по 20 руб. съ вѣнца и другими поборами. Никакихъ ссылокъ на законъ 5 апрѣля въ прошеніи не было сдѣлано, а потому Ѳедорову этотъ манифестъ былъ прочитанъ и тотъ «отвѣтствовалъ, будто оной не исполняется» ¹⁾. Бѣлорусской губерніи крестьяне кол. сов. Рысинскаго Прохоръ Трофимовъ и Степанъ Осиповъ подали жалобу Государю на своего помѣщика «въ отягощеніи ихъ неспособными работами и налогами», а потомъ (въ октябрѣ 1797 г.) явились къ кн. Куракину (ген.-прокурору, докладывавшему Государю о крестьянскихъ жалобахъ) и, «подтверждая неумѣренные свои работы и налоги, объявили, что они отъ домовъ отлучились еще въ январѣ мѣсяцѣ безъ всякаго вида, и о изданномъ отъ Вашего И. В-ва указѣ о работахъ на помѣщика не знали, теперь же, по объявленіи имъ

¹⁾ Объ этомъ въ экстрактѣ челобитной, представленномъ Государю, говорится такъ: «При объявленіи же ему (Ѳедорову) всемиловѣйшаго Е-го И. В-ва отъ 5 апрѣля прошлаго года указа о дняхъ для крестьянскихъ работъ, отвѣтствовалъ онъ, будто оной не исполняется» (Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 31, л. 2). Жалоба по сообщенію (отъ 4 марта 1798 г.) Нижегород. губернатора Львова оказалась ложной и Ѳедоровъ былъ отданъ подъ судъ.

о томъ, соглашаются идти въ дома, прося помилованія въ ихъ дерзости» ¹⁾).

Арендаторъ Кумоловской мызы (С.-Петербургской губ.) кап. Теренберхъ по дѣлу о притѣсненіи имъ крестьянъ показывалъ, что указъ 5 апрѣля болѣе двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ его изданія «ему объявленъ не былъ» ²⁾).

Какъ же былъ понятъ людьми того времени указъ 5 апрѣля?

1. Этому указу придавали смыслъ запрещенія работать по воскреснымъ днямъ. Такъ изъ рапорта Рязанскаго губернатора М. Коваленскаго отъ 4 сентября 1797 г. кн. Куракину узнаемъ, что крестьянинъ прапорщика М. К. Фролова Маркъ Тихоновъ «показалъ на означеннаго помѣщика своего, что онъ посылалъ его, Тихонова, на работу въ воскресный день, и когда онъ, не послушавъ, объявилъ ему, Фролову, что въ воскресные дни работать запрещено, то онъ, Фроловъ, порочилъ якобы указъ бранными словами» ³⁾. Показаніе Тихонова, по разслѣдованію губернатора, не подтвердилось, но изъ этого рапорта видно, что крестьянинъ хорошо зналъ объ изданіи закона, запрещавашаго работать по воскреснымъ днямъ. Крестьянинъ Смоленской губ. (дер. Тарасовской Аршадской округи), принадлежавшій бригадиру В. В. Артемьеву, Леонъ Фроловъ, въ своей второй челобитной (отъ 6 апрѣля 1799 г.) на имя Государя пишетъ: «А какъ есть отъ Вашего И. В-ва

¹⁾ 11 окт. на это послѣдовала резолюція Государя: отпустить крестьянъ въ дома ихъ съ листомъ и подтвердить имъ о должномъ повиновеніи своему помѣщику (Гос. Арх., VII., № 2985, ч. I, № 19, л. 6).

²⁾ Впрочемъ, такое показаніе 1-мъ департаментомъ С.-Петербургской палаты суда и расправы было призвано простой отговоркой, «п. ч. высоч. указъ непремѣнно извѣстенъ каждому, ибо оной тогда же распубликованъ всенародно, а потому и невѣдѣніемъ онаго закона никто отговариваться не долженъ» (Сен. Арх., 1-ое отд. V деп., дѣло 1798 г., № 184, л. 435).

³⁾ Гос. Арх., VII, № 2953, л. 1.

запрещено воскресные дни работать и почитать ихъ праздниками, а мы ни единого дня не проминуемъ безъ господской работы» ¹⁾).

А Н. Радищевъ идетъ нѣсколько дальше и утверждаетъ, что запрещеніе работъ по воскреснымъ днямъ есть единственное требованіе манифеста. Въ своей статьѣ «Описаніе моего владѣнія» онъ говоритъ: «Господинъ можетъ его (земледѣльца-крестьянина) заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено» ²⁾).

2. Манифестъ понимался и въ смыслѣ установленія трехдневной барщины. Такъ крестьяне Кумоловской мызы С.-Петербургской губ., толкуя по своему манифестъ, на что будетъ указано ниже, считали, что манифестъ установилъ «тридневную работу» на помѣщика ³⁾). Крестьянинъ Котельской мызы дер. Большого Конца (С.-Петербургской губ.) Андрей Исаковъ былъ увѣренъ, что «указомъ повелѣно крестьянамъ на господской работѣ быть» три дня въ недѣлю ⁴⁾).

Такого же пониманія держался Вологодскій губернаторъ Шетневъ, какъ-то видно изъ его рапорта къ кн. Куракину, гдѣ сообщалось: «во исполненіе высочайшаго манифеста о раздѣленіи работъ предписано было г. губернскому предводителю приказать уѣзднымъ предводителямъ, дабы они имѣли наблюденіе въ своихъ округахъ, чтобы между помѣ-

¹⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, л. 25, л. 10.

²⁾ Семевскій, Крест. вопр., I, 232, 307; см. «Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева», подъ ред. Бороздина, Лапшина и Щеголева, изд. Акинфіева. Спб., 1907 г., т. II, 265.

³⁾ Сен. Арх., 1-ое отд. V деп., дѣло 1798 г., № 184, 438.

⁴⁾ Гос. Арх., VII, № 2918, ч. II, № 24, л. 4.

щиками и крестьянами, по силѣ того манифеста, въ работахъ шесть дней раздѣлялись» ¹⁾).

На почвѣ послѣдняго пониманія манифеста со стороны крестьянъ возникли толкованія, далеко нежелательныя ни для помѣщиковъ, ни для властей. Такъ упомянутый мною выше крестьянинъ Андрей Исаковъ, «первый изъ всѣхъ крестьянъ, по словамъ помѣщика ихъ полк. Альбрехта, возмутитель къ непослушанію и неповиновенію», въ іюнѣ и началъ іюля мѣсяца 1797 г., появившись послѣ отлучки въ своей деревнѣ, между крестьянами «разглашалъ, якобы указомъ повелѣно крестьянамъ на господской работѣ быть отъ всего дома, сколько бѣ оныхъ во ономъ ни находилось, мужска полу одному только въ недѣлю два, а женска одной же одинъ день» ²⁾).

Еще дальше въ своемъ толкованіи манифеста пошли крестьяне Кумоловской мызы, пустившись въ филологическія тонкости: они считали, что «та тридневная работа относится только для мужского пола, а женамъ ихъ производить не должно» (въ манифестѣ въ самомъ дѣлѣ было сказано: «крестьянамъ», но не было прибавлено: и крестьянкамъ). Когда же земскій исправникъ Крузъ, узнавъ о «такомъ вредномъ всему обществу дѣлѣ», приѣхалъ въ ту мызу и, собравши крестьянъ, сталъ спрашивать ихъ, то они

¹⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 22—23, л. 20 об.

Не могу не отмѣтить того обстоятельства, что среди рапортовъ (въ сенатѣ) о полученіи манифеста 5 апрѣля какъ разъ нѣтъ отвѣта отъ Вологодскаго губернскаго правленія.

²⁾ Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что «возмутитель» Исаковъ былъ пойманъ, но бѣжалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по сообщенію нижняго земскаго суда (?) и «небольшое число людей, виновныхъ въ своевольствѣ, какъ видно отъ страха наказанія за учиненную дерзость, разбѣжались, безъ сомнѣнія, въ лѣса и сосѣднія околичности, всѣ же другіе крестьяне не только при узаконенныхъ на помѣщика работахъ остаются спокойны, но и малѣйшаго неудовольствія предъ нижнимъ земскимъ судомъ не объявили».—Изъ рапорта Е. И. Высочеству отъ 5 іюля 1797 г. (Гос. Арх., VII, № 2918, ч. II, № 24 л. 3—5).

«отозвались, что тяжела для нихъ господская работа, а что принадлежитъ до женъ, то сего и въ манифестѣ не сказано». Напрасно исправникъ «хотѣлъ истолковать имъ силу того манифеста», крестьяне оказали ему «пренебреженіе» и, не внимая его словамъ, разошлись по домамъ ¹⁾.

Извѣстенъ также случай, когда дворовые люди считали, что манифестъ 5 апрѣля относится и къ нимъ и «просили» своего помѣщика (Башмакова) «по силѣ высочайшаго Е. И. В. манифеста раздѣлить между ими время для работъ» ²⁾. Дворовый человѣкъ прапорщика П. Гулякова Н. Алексѣевъ (изъ Ярославской губ.) въ іюлѣ 1797 г. подавалъ жалобу Государю на своего помѣщика, что тотъ изнуряетъ его «безотлучной работой» ³⁾; возможно, что Алексѣевъ полагалъ, что послѣ изданія манифеста онъ работать на помѣщика постоянно не долженъ.

3. Наконецъ манифесту 5 апрѣля придавали общее значеніе, понимая его, какъ запрещеніе обременять крестьянъ работами и поборами сверхъ силъ и возможности. Какъ на примѣръ, можно указать на слѣдующее дѣло. Крестьяне С.-Петербургской губ. въ поданномъ (въ 1797 г.) Государю прошеніи писали, что госпожа ихъ, ген.-майерша Будкевичева, «принявъ ихъ во владѣніе, положила оброку съ каждой ревизской души (у нея было 300 ревизскихъ душъ) по 10 руб., а потомъ наложено сверхъ оброка лѣсомъ къ построенію амбаровъ и при томъ также собраніемъ хлѣба, кирпича и прочаго, и всего доходу ей при-

¹⁾ Въ подкрѣпленіе исправнику былъ посланъ эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка, и крестьяне были приведены въ должное послушаніе. Приговоромъ суда было постановлено: крестьянамъ «истолковать манифестъ о ихъ работахъ, что онъ имѣетъ равную силу какъ на мужскій, такъ и на женскій полъ», а потомъ истребовать отъ нихъ подписку въ непремѣнномъ исполненіи того манифеста и въ повиновеніи властямъ.—Изъ копій приговора Спбургской палаты суда и расправы 1-го департамента, отъ 23 дек. 1797 г. (Сен-Арх., 1-ое отд. V деп. сената, 1798 г. № 184, л. 446 об.).

²⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, №№ 22—23, л. 20.

³⁾ Тамъ же, № 10, л. 2.

ходитъ 5000 руб., и что помѣщицею не соблюдено повелѣніе Е. И. В., чтобъ помѣщичы крестьяне работали только половину недѣли, а другую бы на себя, почему и просили излишне положенный на нихъ оброкъ отмѣнить, ибо нѣтъ силъ и возможности столь налагаемыхъ оброковъ платить» ¹⁾).

Дѣло было передано сначала на разсмотрѣніе Лугскаго суда, а затѣмъ оно перешло въ С.-Петербургскую палату суда и расправы въ 1-й департаментъ, который опредѣленіемъ 24 мая 1798 г. постановилъ: 1) крестьянъ зачинщиковъ наказать въ виду неправильности ихъ жалобы, старосту смѣнить, а всѣмъ остальнымъ подтвердить о томъ, чтобы они «оставались въ должномъ помѣщицѣ своей послушаніи», «съ объявленіемъ манифеста 797 г. генв. 29 д. и съ обязаніемъ ихъ подписками, и при томъ растолковать имъ силу законовъ, наказывающихъ непослушливыхъ и противящихся начальству»; 2) г-жѣ Буткевичевой «объявить съ подпискою, дабы она съ крестьянами въ работахъ ихъ не иначе поступала, какъ по волѣ монаршей, отъявленной въ изданномъ 797 г. апрѣля 5 числа манифестѣ и прочихъ узаконеніяхъ, не причиняя имъ притѣсненія» ²⁾).

Крестьяне оброчные жалуются на нарушеніе манифеста, хотя ихъ къ какимъ либо работамъ постояннымъ, превышавшимъ трехдневную барщину, не принуждали; судъ постановляетъ обязать помѣщицу подпиской, чтобы она съ крестьянами поступала по силѣ того манифеста, «не причиняя имъ (крестьянамъ) притѣсненія»; видимо, и крестьяне

¹⁾ Сен. Арх., 1-ое отд. V департ., дѣло 1798 г., № 168, л. 149 об.

²⁾ Тамъ-же, л. 154—155. Основаніемъ для приговора послужило заявленіе управителя вотчины бриг. Татищева, который показалъ, что «отъ него приказано было старостѣ Галактіонову на покупку для госпожи его провизіи собрать съ крестьянъ *въ счетъ* годового ихъ оброку по 1½ руб. съ души; строевой лѣсъ такъ они приговорили, что былъ уже ими изготовленъ, то нынѣ велѣно его отвести на назначенное мѣсто» (л. 148).

и судъ придавали манифесту болѣе общее и болѣе широкое значеніе, чѣмъ прямое и точное указаніе на трехдневную барщину ¹⁾).

¹⁾ Не могу не указать на дальнѣйшую любопытную исторію этого дѣла. Изъ палаты оно было внесено «на соглашеніе» къ С.-Петербургскому гражданскому губернатору Ивану Ильичу Гревенцу. Однако губернаторъ согласія на постановленіе палаты не далъ, а истребовавъ «подлинное дѣло съ рѣшительнымъ опредѣленіемъ», представилъ его въ сенатъ при особомъ рапортѣ (отъ 12 іюня 1798 г.), въ которомъ писалъ: «Усмотрѣлъ я, что помянутая ген.-майорша налагаетъ на крестьянъ сверхъ другихъ повинностей еще на 10 руб. съ каждой души; поелику же въ разсужденіи налоговъ отъ помѣщиковъ на крестьянъ своихъ точнаго закона мнѣ неизвѣстно, а чинимое ген.-майоршей Буткевичевой кажется мнѣ весьма неумѣреннымъ, то по симъ причинамъ на сдѣланное департаментомъ положеніе касательно однихъ только крестьянъ самъ собою согласія моего дать я не могу, тѣмъ болѣе, что дѣло сіе извѣстно и Е. И. В.—ву» (л. 145).

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ сенатомъ 7 іюля, того же 1798 г. было постановлено: «Какъ по разсмотрѣніи сего дѣла сенатъ находитъ, что ген.-майорши Б—ой крестьяне тягостью себѣ считаютъ не 10-ти рублевый оброкъ, на нихъ положенный и, повидимому, соотвѣтствующій выгодамъ владѣемыхъ ими земель, но сборъ денегъ для покупки хлѣба и нарядъ работниковъ для привозу лѣса, что все помѣщица ихъ располагала поставить имъ въ счетъ оброка, но они сами, по однимъ только словамъ, будто отъ старосты сказаннымъ, заключая, что сей налогъ происходитъ сверхъ оброка, не отнесясь съ просьбой къ помѣщицѣ своей, вдругъ возмутились и дерзновенно утруждали высокомонаршую Е. И. В. Особу въ противность многихъ запретительныхъ публичныхъ указовъ, по силѣ коихъ и подлежали жестокому наказанію, но тѣ изъ нихъ, кои принесли раскаяніе въ своемъ преступленіи, освобождаются отъ онаго, а оставшіяся въ неповиновеніи и писавшія мірской приговоръ подвергаются оному рѣшенію суда и расправы правильно и съ законами согласно, а для того рѣшеніе сіе утвердить въ его силѣ, и о исполненіи по оному палатѣ предписать указомъ, препроводя при немъ и подлинное дѣло.

А таковымъ же и г. губернатору дать знать, замѣтя при томъ, что отзывъ его о неумѣренности г-жи Буткевичевой въ наложеніи на крестьянъ сверхъ другихъ повинностей оброка и о неизвѣстности ему точнаго закона о налогахъ отъ помѣщиковъ на крестьянъ

Какъ видно, манифестъ 5 апрѣля далеко не отличался такой ясностью и опредѣленностью, чтобы сразу же былъ понятъ всѣми одинаково: онъ воздубилъ рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, которые такъ или иначе должны быть рѣшены.

Посмотримъ, каково было дѣйствіе манифеста на практикѣ: считались ли съ нимъ судебныя учрежденія, администрація, помѣщики. Имѣется рядъ случаевъ, когда судебныя установленія примѣняли манифестъ 5 апрѣля и присуждали къ наказанію виновныхъ въ нарушеніи его. Такъ, въ концѣ 1797 г. производилась въ С.-Петербургской палатѣ суда и расправы (въ первомъ департаментѣ) ревизія дѣла, начавшагося въ нижнемъ земскомъ судѣ о крестьянахъ Кумоловской мызы С.-Петербургскаго уѣзда помѣщика майора Опица, «находившихся въ арендномъ содержаніи» капитана Теренберга. Изъ приговора этой палаты (отъ 23 декабря) узнаемъ, что «означенные Кумоловской мызы крестьяне напредъ сего приносили жалобу на арендатора ихъ кап. Теренберга о чинимыхъ имъ отягощеніяхъ излишними работами и поборами, за что и преданъ онъ былъ, Теренбергъ, палатѣ сужденію, въ чемъ и найденъ виновнымъ» ¹⁾.

своихъ несомнѣстень съ обстоятельствами настоящаго дѣла потому, что изъ представленнаго ему отъ палаты приговора могъ онъ видѣть съ одной стороны, что Б—а на крестьянъ своихъ положила не работу, а оброкъ, въ коемъ они и претензіи не имѣютъ, жалуются же безъ всякихъ доказательствъ, считая, будто сверхъ онаго требуются съ нихъ и другія повинности, ими однако не исполненныя, съ другой стороны, палата изъясняла приличные на сей случай законы (палата ссылалась: на ст. 13 глава II Уложения, 129 артикулъ воин. устава и на указы—762 г. окт. 8, 767 г. авг. 22, 797 г. генв. 29, апр. 5 и сент. 13, п. 1 указа того же 797 г.), по которымъ какъ присутственныя мѣста, такъ и начальники губерніи судить должны и которыхъ къ рѣшенію дѣла сего достаточно, слѣдовательно, и заключать о неизвѣстности оныхъ было не должно» (л. 157—158).

¹⁾ Сен. Арх., дѣло 1-го отдѣл. V деп. сената, 1798 г., № 184, л. 438.

«Сужденіе» надъ Теренбергомъ началось въ уѣздномъ судѣ, откуда дѣло августа 20 дня «внесено было на ревизію» въ палату. Теренбергъ обвинялся «во употребленіи имъ той мызы крестьянъ въ работу въ противность именного Е. И. В. высочайшаго указа, изданнаго 1797 г. апрѣля въ 5-е число». По рѣшенію палаты (отъ 5 ноября) Теренбергу было поставлено въ вину то обстоятельство, что, по его требованію, крестьяне «работаютъ ему 4 дни въ недѣлю», «что онъ (Теренбергъ) въ противность публикованнаго сего 797 г. апрѣля въ 5 день указа и по состояніи онаго держалъ крестьянъ на работѣ во недѣлю болѣе трехъ дней» ¹⁾. Хотя Теренбергъ и отговаривался тѣмъ, что «указъ апрѣля 5-го дня 797 г.» ему «объявленъ не былъ», все же, по мнѣнію палаты, такая отговорка «къ оправданію ему служить не можетъ, ибо оный тогда же распубликованъ всенародно». «Итакъ, читаемъ въ приговорѣ палаты, изъ всѣхъ дѣяній его видно, что онъ, Теренбергъ, для своей выгоды держался болѣе заключеннаго имъ съ помѣщикомъ той мызы контракта, а не силы высочайшаго именного указа, ибо онъ, Теренбергъ, къ облегченію тѣхъ крестьянъ работою съ публикованія о томъ указа никакой отмѣны не сдѣлалъ, а продолжалъ отягощеніе тѣмъ крестьянамъ съ состоянія того указа болѣе 2-хъ мѣсяцевъ» ²⁾.

А потому палата, находя Теренберга «неисполнителемъ» высочайшаго указа, «мнѣніемъ своимъ полагала»: 1) кап. Теренберга лишить чиновъ и, какъ виновнаго въ притѣсненіи крестьянъ, ни до какой аренды впредь не допускать, о чемъ публиковать въ вѣдомостяхъ; 2) контрактъ объ арендѣ уничтожить и тѣхъ крестьянъ «оставить во владѣніи ихъ настоящихъ владѣльцевъ»; 3) владѣльцевъ «обязать подпиской», чтобы они «не принуждали означенныхъ крестьянъ къ работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней».

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что несоблюденіе

¹⁾ Тамъ же, л. 434

²⁾ Тамъ же, л. 435

манифеста 5 апрѣля не было единственнымъ основаніемъ для постановленія такого приговора палаты. Въ немъ, сверхъ сообщенія о разныхъ тягостныхъ работахъ, читаемъ: «Изъ показанія арендатора и прикащика его Зейдлица видно, что съ тѣхъ крестьянъ сверхъ запашки и трудныхъ работъ ежегодно положено было къ платежу денегъ съ каждой четвертушки по 75 коп., а также хлѣбъ, сѣно, солома и мѣшки, да тѣ-жъ крестьяне наряжаются и ѣздятъ въ Петербургъ, Ораніенбаумъ и въ прочія мѣста, куда потребно, отъ 70 до 100 верстъ съ cadaго тягла, т. е. мужъ съ женою въ годъ по 5 подводъ съ зачетомъ за каждую поѣздку изъ господскихъ дней только по два дни, и еще крестьяне съ cadaго тягла ходятъ по 3¹/₂ недѣли въ годъ, и зачитается имъ за каждую недѣлю по два жъ дни». «По его же арендаторскому показанію, съ обращающихся мужска полу 180 работниковъ платится отъ него, арендатора, помѣщикамъ той мызы Кумоловской въ каждой годъ по 9000 руб., а къ тому принужденною работою и другими способами домогаются и себѣ немалой прибыли, почему объявленное число душъ крестьянъ удовлетворитъ столь великою суммою въ пользу ихъ помѣщиковъ и еще арендатора должны не иначе, какъ съ крайнимъ себѣ разореніемъ и отягощеніемъ» ¹).

¹) Въ дополненіе приведу небезинтересную дальнѣйшую часть приговора палаты: «А къ тому, когда самъ же онъ (Теренбергъ) показываетъ, что тѣ крестьяне полныхъ четырехъ дней не вырабатываютъ, то ихъ сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать, а колыми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и прочимъ было не должно, что самое и бывший г. губернаторъ и кавалеръ Алексѣевъ, будучи въ той мызѣ, изъ поданной отъ Теренбергова прикащика записи усмотрѣлъ, что тѣ крестьяне обременены работою несравненно болѣе, чѣмъ закономъ дозволено» (л. 434 и сл.). Наблюденіе губернатора, конечно, правильно: законъ не дозволялъ отягощать и разорять крестьянъ, въ чемъ былъ повиненъ Теренбергъ, но съ подобнымъ мнѣніемъ палаты, что сверхъ трехъ дней «никакими поборами отягощать, а колыми паче брать съ нихъ (крестьянъ) деньгами хлѣбомъ и прочимъ было не должно», не согласится, какъ увидимъ ниже, самъ Государь.

Надо полагать, что это «крайнее разореніе и отягощеніе» крестьянъ, запрещаемое указами со времени Петра В., и было существеннымъ основаніемъ къ постановленію вышеуказаннаго приговора палаты.

Кромѣ этого случая по дѣлу крестьянъ Кумоловской мызы, можно указать не одинъ случай, когда судебныя власти при разборѣ дѣла о притѣсненіи и разореніи крестьянъ ссылаются на манифестъ 5 апрѣля, ставя въ вину помѣщику нарушеніе этого закона. Изъ подобныхъ случаевъ не могу не привести одного дѣла, по которому судебныя инстанции разошлись по вопросу о примѣненіи манифеста. Въ 1799 г. крестьяне села Ординецъ Махновскаго повѣта подали жалобу въ земскій повѣтовый судъ на своего помѣщика полковника Игнатія Комарницкаго «о чинимыхъ имъ притѣсненіяхъ и обидахъ». При разслѣдованіи этого дѣла сосѣди шляхтичи жалобу подтвердили, сообщивши, что кромѣ слуховъ они знаютъ, что «Комарницкаго подданные села Ординецъ неносными и безпрестанными работами угнетаются; изъ нихъ (шляхтичей) Витвицкій, будучи 799 г. Комарницкаго экономомъ, и чтобъ тѣ подданные во время жнивъ и сѣнокосу работали денно и ночью, имѣль и диспозицію, которую и представилъ, а изъ нихъ Гофманъ, Пироговскій и Витвицкій и происходимыя подданнымъ наказанія видѣли, особо чего Левандовскій видѣль 799 г. августа, въ день Преображенія Господня въ с. Сопинѣ, что подданные выгнаты были жать господскаго хлѣба» ¹⁾.

Въ своемъ постановленіи (отъ 12 мая 1800 г.) Махновскій повѣтовый судъ, основываясь на «реверсѣ», данномъ Комарницкимъ въ ноябрѣ 1794 г. Брацловскому губернатору Берхману, которымъ (реверсомъ) онъ «обязался съ подданными обходиться снисходительно, милосердно и человѣколюбиво, убѣгая всемѣрно жестокихъ имъ и мучительныхъ наказаній, а въ противномъ случаѣ подвергаетъ себя всей строгости законовъ, безъ всякаго помилованія», «мнѣніемъ

¹⁾ Арх. Сената, 1-е отд. V департ., дѣло 1814 г., № 922, л. 256.

«своимъ положилъ»: «за угнетенія подданныхъ денными и ночными работами и тѣмъ приведеніе ихъ въ бѣдность безчеловѣчно, въ противность реверса, взыскать (съ Комарницкаго) въ пользу приказа общественнаго призрѣнія 500 гривенъ польскихъ», а «чтобъ Комарницкій излишними работами и податями не угнеталъ, означить ему число работы и податей по общему въ порядочныхъ экономіяхъ въ томъ Махновскомъ уѣздѣ обыкновенію» ¹⁾).

Въ этомъ постановленіи суда нѣтъ и помину о манифестѣ 5 апрѣля 1797 г., приводится въ основаніе приговора «реверсъ» 1794 г., тогда какъ, казалось, сослаться на манифестъ было бы умѣстнѣе всего. Затѣмъ впредь устонавливается не трехдневная барщина, а «общее въ порядочныхъ экономіяхъ въ томъ Махновскомъ уѣздѣ обыкновеніе», которымъ слѣдуетъ руководиться при опредѣленіи «числа работы и податей». Очевидно, Махновскій повѣтовый судъ въ манифестѣ 5 апрѣля не видѣлъ установленія трехдневной барщины.

Когда же дѣло о Комарницкомъ было прислано на ревизію въ «департаментъ уголовныхъ дѣлъ Кіевскаго главнаго суда», то послѣдній въ приговорѣ отъ 25 января 1801 г., установивши, что Комарницкій «точно бьетъ подданныхъ и угнетаетъ ихъ ежечасными работами въ лѣтнее время», указалъ, что этимъ Комарницкій «не соблюдаетъ высочайшаго именнаго указа, состоявшагося 797 г. апрѣля 5-го, которымъ повелѣно въ недѣли три дня подданнымъ работать на господина», «особливо же», отмѣчаетъ Кіевскій главный судъ уже въ согласіи съ постановленіемъ Махновскаго повѣтоваго суда, онъ «не исполнилъ обязательства», даннаго имъ въ реверсѣ 1794 г.

Итакъ, здѣсь Кіевскій главный судъ, не по примѣру первой инстанціи, въ основаніе своего приговора ставитъ прежде всего манифестъ 5 апрѣля. Однако, въ дальнѣйшемъ и этотъ судъ, чувствуя недостаточность манифеста, при-

¹⁾ Тамъ же, л. 259 об.

бѣгаетъ для опредѣленія размѣра работъ и повинностей крестьянъ къ тѣмъ же мѣрамъ, какія были указаны въ постановленіи повѣтоваго суда. «Утвердить, читаемъ въ приговорѣ 25 января 1801 г., повѣтоваго суда мнѣніе и въ томъ, чтобъ обоюдные его, Комарницкаго, съ подданными споры въ сборахъ хлѣба, денегъ и прочаго разсчесть и число панщины по общему въ повѣтѣ обыкновенію; такожь и податей постановить съ тѣмъ, чтобъ сіи разсчеты и постановленія учинилъ повѣтовый маршалъ съ двумя, имѣющими въ повѣтѣ осѣдлость, достаточными помѣщиками» 1).

Приведу въ примѣръ еще слѣдующій любопытный случай. Крестьяне Софійскаго уѣзда С.-Петербургской губ. вотчины подпоручика Д. Некрасова дер. Калли, находившіеся «въ управленіи по довѣренности того Некрасова у здѣшняго (с.-петербургскаго) 2-й гильдіи купца Павла Усольцова», жаловались въ 1804 г. на обремененіе ихъ работами со стороны управителя. Разслѣдовать дѣло было поручено Софійскому уѣздному предводителю дворянства, который потомъ доносилъ: «опредѣленныхъ дней на работы, какъ обыкновенно помѣщичьи крестьяне три раза въ недѣлю, они не отправляютъ, а за то должны быть всегда въ непремѣнной готовности, когда потребуется къ назначеннымъ отъ него (Усольцова) вышеупомянутымъ работамъ (при ломкѣ и возкѣ плитъ), за которую получаютъ отъ него,

1) Весь приговоръ вкратцѣ таковъ: 1—взыскать съ Комарницкаго за умершихъ послѣ побоевъ; 2—за жестокость его, «а особливо за неисполненіе реверса и за прочіе доказуемые ему противные чести и благонаравію поступки» выдержать четверть года въ Кіевѣ при полиціи подъ карауломъ, «а при выпускѣ еще обязать подпискою, чтобъ съ подданными своими обходился такъ, какъ прежде реверсомъ обязался»; 3—размѣръ повинностей и работъ опредѣлить по общему въ повѣтѣ обыкновенію; 4—подданнымъ внушить, чтобы повиновались помѣщику и отбывали должныя повинности; 5—взыскать штрафъ въ 500 гривенъ съ Комарницкаго въ пользу приказа общественнаго призрѣнія (л. 265 и сл.).

Усольцова, плату, но только не противъ вольнонаемныхъ, а гораздо съ уменьшеніемъ»; «сверхъ же того исправляютъ они имѣющійся у него сѣнокосъ, до окончанія коего держитъ ихъ непрерывно при ономъ, и по симъ обстоятельствамъ чувствуютъ отягощеніе, что таковыми почти безпрерывными, при томъ въ неизвѣстное для нихъ время, работами отвлекаются тѣмъ во время способствующихъ для полевыхъ работъ погодъ для земледѣлія, которое единымъ основаніемъ состоянію ихъ служить, и чрезъ то должны бывають приступить къ оной тогда, когда отъ неблагоприятствующей ненастной погоды полевые ихъ труды остаются безплодны, и тѣмъ лишаются къ пропитанію своихъ семействъ» ¹⁾).

По опредѣленіямъ сената (отъ 29 ноября 1810 г.) и государственнаго совѣта (1814 г.) купецъ Усольцовъ въ притѣсненіи крестьянъ признанъ невиновнымъ на слѣдующемъ основаніи: «Обстоятельства дѣла нисколько вины его въ семь случаѣ не открываютъ. Крестьяне притѣсненіемъ называли то, что Усольцовъ употреблялъ ихъ въ работу, но онъ дѣлалъ сіе по дозволенію помѣщика, тѣмъ еще съ большей для нихъ выгодой, что платилъ имъ за то деньги, предоставляя въ собственную ихъ же пользу и пахотную землю, Усольцову принадлежащую» ²⁾).

Высшія государственныя учрежденія не поставили Усольцову въ вину его поступковъ по отношенію къ крестьянамъ, хотя предводитель дворянства и сообщалъ, что крестьяне должны быть, по приказу Усольцова, «всегда въ непремѣнной готовности», нужныя работы при ломкѣ камня выполняютъ, сѣнокосъ исправляютъ «непрерывно», до окончанія онаго, иначе говоря, правило манифеста 5 апрѣля о трехъ дняхъ работы не выполнялось. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что указанный манифестъ фигурируетъ среди узаконеній, выписанныхъ для доклада по дѣлу. Отсюда

¹⁾ Арх. сената, 1 отд. V департ., дѣло 1814 г., № 921, л. 272 и сл.

²⁾ Тамъ же, л. 328, 395.

можно заключить, что правило о трехдневной барщинѣ въ недѣлю не считалось непремѣннымъ требованіемъ закона, и нарушеніе этого правила, не сопровождавшееся «обремененіемъ» и «разореніемъ» крестьянъ ¹⁾, разсматривалось, какъ дѣяніе не наказуемое.

Умѣренность въ работахъ и поборахъ, а отсюда вытекавшее запрещеніе разорять и обременять крестьянъ и послѣ манифеста 5 апрѣля, видимо, были, хотя и неопредѣленнымъ, но основнымъ правиломъ, регулировавшимъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Даже трехдневная барщина не исключала поборовъ въ пользу помѣщика и считалась самимъ Государемъ допустимой, лишь бы поборы были умѣренные. Это видно изъ нѣсколькихъ случаевъ, подобныхъ слѣдующему. Въ февралѣ 1798 г. крестьянинъ Федоровъ изъ Нижегородской губерни (Горбатовскаго у. села Кубаева) подалъ отъ лица всѣхъ крестьянъ Государю жалобу на свою помѣщицу секундъ-майоршу Дружинину, будто она «въ десятилѣтнее владѣніе разорила ихъ вовсе какъ вседневыми работами, такъ оброкомъ по 20 руб. съ вѣнца и другими поборами». По высочайшему повелѣнію (отъ 15 февраля) обстоятельства дѣла поручено было «изслѣдовать» нижегородскому губернатору Львову, который вскорѣ (4 марта 1798 г.) сообщилъ кн. Куракину слѣдующее: «Дни работныя прежде никакого не имѣли раздѣленія, такъ что для работы собственной крестьянской и господской никакого опредѣленнаго времени не назначалось, нынѣ же работаютъ три дня въ недѣлю на помѣщицу и столько же крестьяне на себя», да сверхъ того, каждое тягло даетъ помѣщицѣ 2 фунта масла, 20 яицъ, за барана деньгами 1 руб. 20 коп., за холстъ—по 2 руб. съ каждой женщины. Оброчные платятъ по 20 руб. съ тягла, да по 3 руб. 20 коп. за барана и за холстъ. Кн. Куракинъ нашель, что Дру-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ Усольцовъ съ крестьянъ «оброку никакого не собиралъ»; Софійскій уѣздный судъ въ 1805 г. изслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ — и обремененія крестьянъ работами и поборами не нашель.

жинина крестьянъ не разоряетъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи писалъ: Нижегородскій гражданскій губернаторъ Львовъ «увѣдомляетъ меня, что по обыску дворянскаго предводителя разоренья крестьянамъ не оказалось... дни какъ для помѣщицы, такъ и крестьянскіе наблюдаются, да сверхъ работы каждое тягло даетъ небольшое число провизіи».

2 апрѣля того же года объ этомъ доложено было Государю, который «повелѣлъ: дѣло сіе оставить, ложно доносившаго отдать въ судъ» ¹⁾. Значитъ, позволительно было даже съ точки зрѣнія самого императора Павла I облагать крестьянъ поборами и сверхъ трехдневной барщины, лишь бы этими поборами крестьяне не приводились къ «разоренію». Въ этомъ пунктѣ Государь разошелся съ мнѣніемъ С.-Петербургской палаты, которая находила, что «сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать (крестьянъ), а кольми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и прочимъ было не должно» ²⁾.

Что касается дворовыхъ, а также крестьянъ, получающихъ мѣсячину, то манифестъ къ нимъ и при самомъ благопріятномъ толкованіи его не примѣнялся. Такъ, напр., дворовый челоувѣкъ прапорщика Петра Гулякова (изъ Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда) Николай Алексѣевъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1797 г. подалъ Государю жалобу «на господина своего въ изнуреніи крѣпостныхъ людей работами («безотлучной работой»—какъ сообщается въ другомъ мѣстѣ побоями, голодомъ и содержаніемъ». По высочайшему повелѣнію (отъ 25 іюня) дано было знать губернатору, дабы онъ о обстоятельствахъ, просителемъ описываемыхъ, развѣдалъ секретнѣйше, а въ случаѣ ложнаго показанія поступилъ съ нимъ по закону. Какъ видно изъ рапорта Ярославскаго губернатора (отъ 18 августа 1797 г.), доносъ не подтвердился и Алексѣевъ былъ преданъ суду за ложное

¹⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 31, л. 2, 7 и 8; ср. тамъ же № 25, л. 5.

²⁾ См. объ этомъ выше — изложеніе дѣла о кап. Теренбергѣ.

обвиненіе своего помѣщика. Но вотъ что губернаторъ пишетъ относительно работъ: «Отъ работъ освобождаются они (крѣпостные люди) всегда по воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ, въ другое же время и самъ помѣщикъ помогаетъ имъ въ оныхъ» ¹⁾. Приведу еще примѣръ. Пензенской губ. сельца Каменки «крестьянинъ Михайла Ларіоновъ приносилъ» Государю «жалобу на помѣщицу свою госпожу Обалдуеву, которая, державъ его безсмѣнно (въ прошеніи прибавлено: 4 года) на своей работѣ и выдавая ему только на мѣсяць по 1½ четверика ржи и то пополамъ съ овсомъ, обязанъ еще платить съ прочими черноборныя деньги; а семейство, лишась его и не имѣя другихъ способовъ, питается мірскимъ подаваніемъ». Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовала высочайшая резолюція: «прошеніе сіе оставить безъ всякаго вниманія и уваженія» ²⁾.

Здѣсь указано только два случая, но можно было бы привести еще не одинъ подобный примѣръ. Приведенные же примѣры показываютъ, что правило о трехдневной барщинѣ, указанное въ манифестѣ 5 апрѣля, не прилагалось ни къ дворовымъ людямъ, ни къ крестьянамъ-мѣсячникамъ. Въ связи съ этимъ не могу не отмѣтить того обстоятельства, что позднѣе, при Николаѣ I, когда правительство серьезно было озабочено вопросомъ о крѣпостныхъ, комитетъ 1840 г. довольно широко толковалъ 589 и 590 ст. IX тома Свода Законовъ, отмѣчая, что дворовые въ ст. 589 не отдѣлены отъ крестьянъ, тамъ обще говорится о «крѣпостныхъ людяхъ», а потому правило о 3-дневной работѣ одинаково относится ко всѣмъ крѣпостнымъ, въ томъ число и дворовымъ, въ особенности же къ тѣмъ, которые

¹⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 10, л. 5 и 6.

²⁾ Резолюція отъ 25 іюня 1797 г.; 27 іюня кн. Куракинъ послалъ Саратовскому губернатору Ланскому письмо съ предложеніемъ—дѣло разслѣдовать; если сообщеніе жалобы ложно, то челобитчика предать суду. Посылка такого письма, очевидно, имѣетъ ту цѣль, чтобы дерзнувшій напрасно утруждать Государя не остался безъ наказанія (Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 7, л. 11 и сл.).

взяты во дворъ для личныхъ услугъ владѣльца изъ крестьянъ ¹⁾).

Какъ бы ни понимать манифестъ 5 апрѣля, въ смыслѣ ли закона о трехдневной барщинѣ или настоятельнаго пожеланія со стороны Государя, важно выяснить, исполнялось ли на практикѣ правило о трехдневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ. Оказывается, многочисленныя свидѣтельства говорятъ о томъ, что это правило не выполнялось. Въ томъ же 1797 г., послѣ изданія манифеста, крестьяне подавали императору Павлу жалобы, въ которыхъ сообщали, что они (1) работаютъ на помѣщика «ежедневно», (2) доведены «до крайнѣйшаго состоянія тяжкими разнаго рода сборами, ежедневными работами»; что (3) помѣщикъ ихъ «какъ загонитъ на барщину съ понедѣльника, то до воскресенья самого продержитъ»; (4) что хотя и назначено крестьянамъ быть на господской работѣ по три дня, но сверхъ того помѣщикъ выгоняетъ ихъ «на загонъ вново, сколько есть душъ наголо и до тѣхъ поръ не пустить, покуда той работы не приработаютъ», хотя бы на это потребовалось «недѣля или двѣ» ²⁾).

Подобныя жалобы могли быть преувеличены и при разслѣдованіи не подтвердиться, но кромѣ этого есть другія указанія, которыя говорятъ о томъ же, что манифестъ 5 апрѣля былъ недостаточенъ для установленія трехдневной барщины, что послѣдняя далеко не вездѣ имѣла мѣсто.

Еще кн. Безбородко въ своей «Запискѣ о потребностяхъ имперіи российской» (отъ 1799 года.) находилъ нужнымъ «повторить и нѣсколько объяснить манифестъ Павла I о

¹⁾ Семевскій, Крест. вопросъ, II, 114 стр.

²⁾ Гос. Арх., VII, № 2985, ч. I, № 4, л. 1; № 8, л. 2; № 17, л. 6; № 17, л. 2.

Я привелъ выдержки изъ четырехъ жалобъ и экстрактовъ изъ челобитенъ только въ качествѣ иллюстраціи; такихъ жалобъ имѣется гораздо больше; ихъ навѣрно было бы сотни, если бы суровыя наказанія, которыя стали примѣняться, въ силу прежнихъ узаконеній, къ жалобщикамъ, не остановили крестьянъ отъ подачи челобитенъ Государю.

крестьянской работѣ 5 апрѣля 1797 г.»¹⁾ Радищевъ былъ увѣренъ, что «на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе»²⁾. В. Малиновскій въ неизданной запискѣ 1802 г. «О освобожденіи рабовъ» пишетъ: «Въ самое трепетное царствованіе императора Павла I» «въ окружностяхъ столицы крестьяне работали на господина не по три дня, какъ онъ указать соизволилъ, а по цѣлой недѣли; мужику съ бояриномъ далеко тягаться». Пересылая свою записку гр. Кочубею, Малиновскій въ особомъ письмѣ сообщаетъ, что онъ во время службы въ Яссахъ (генеральнымъ консуломъ) «препроводилъ въ отечество болѣе 3000 человекъ бѣглыхъ, большею частью помѣщичьихъ крестьянъ», онъ «испытывалъ каждого о причинахъ бѣгства и нашелъ оныя общими и съ состояніемъ рабства въ Россіи неразлучными, какъ-то: тягостныя работы сверхъ опредѣленнаго число дней, большіе оброки, недостатки угодьевъ, побои и другіе самовольные поступки помѣщиковъ или прикащиковъ»³⁾.

Если въ «самое трепетное царствованіе» правило о трехдневной барщинѣ не соблюдалось, то не было ничего удивительнаго въ томъ, что оно не исполнялось и въ послѣдующее время. На это имѣются слѣдующія указанія. Одинъ изъ авторовъ сочиненія, представленнаго Вольному Экономическому Обществу на тему о причинахъ дороговизны сѣстныхъ припасовъ, объявленную обществомъ въ 1804 г., отмѣчаетъ, что «дороговизна возросла и возрастаетъ отъ отягощенія помѣщичьихъ крестьянъ работами»; нѣкоторые крестьяне лѣтомъ, а особенно во время жатвы не работаютъ на себя и одного дня. Джунковскій въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ 1805 г. относительно работъ и повинностей крестьянъ, сообщаетъ, что крестьяне работаютъ на господина обыкновенно отъ двухъ до четырехъ дней въ

1) Сборн. Ист. Общ., т. XXIX, стр. 633 и сл.

2) Взято у Семевского, Крестьян. вопр., I, 232.

3) См. Семевского, Крестьян. вопр., I, 233, прим. 1-е и 430 стр.

недѣлю; многіе и ходятъ на барщину и платятъ оброкъ ¹⁾). И. В. Лопухинъ, назначенный въ 1806 г. для наблюденія тишины и спокойствія во время сбора земской милиціи, въ своемъ донесеніи Государю просилъ его не возобновлять «указа, раздѣляющаго время работъ крестьянскихъ», «который, смѣю сказать, писалъ Лопухинъ, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія» ²⁾). Въ «Духѣ журналовъ» за 1818 г. въ письмѣ Правдина къ издателю указывалось, что во многихъ губерніяхъ не мало вотчинъ, гдѣ крестьянамъ дозволяютъ работать на себя только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ или еще сверхъ того по одному дню въ недѣлю ³⁾).

Въ «Запискѣ» Н. И. Тургенева, поданной Александру I въ 1819 г. сообщается: «не всѣ помѣщики довольствуются тремя днями работы крестьянъ своихъ»; «многіе сверхъ 3 дней работы, берутъ съ крестьянъ другія подати въ натурѣ и деньгами»; «нѣкоторые заставляютъ работать не три, а четыре, пять и даже шесть дней въ недѣлю, и въ семь послѣднемъ случаѣ даютъ крестьянамъ такъ называемую мѣсячину» ⁴⁾).

Не только при Александрѣ I, но и въ слѣдующее царствованіе, когда правило о трехдневной барщинѣ, очевидно, подъ вліяніемъ Сперанскаго, было внесено въ Сводъ Законовъ (дѣйствующихъ), оно на практикѣ не исполнялось.

Такъ въ «Запискѣ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи»

¹⁾ Семейскій, Крестьянскій вопросъ, I, 310 и 311 стр.

²⁾ Тамъ же, стр. 361; Записка Лопухина—Чтенія Моск. О. И. и Д. Р., 1860, т. III, 137—162.

³⁾ Письмо напечатано за 1818 г., ч. XXV, стр. 181—192. Обремененіе крестьянъ работами и повинностями дало поводъ кн. Трубецкому въ своихъ «Запискахъ» сказать: «Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ» повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, которые, по его словамъ, предоставлены всецѣло «необузданной волѣ помѣщиковъ» (Семейскій, Крест. вопросъ, I, 503 и сл.).

⁴⁾ «Записка» Н. И. Тургенева напечатана въ Сборн. историч. матеріаловъ, извлеч. изъ Арх. собств. Е. И. В. канцеляріи. Спб., 1901, вып. IV, 445; см. также 450.

(1841 г.) сообщается, что «крестьяне не могут имѣть для себя и третьей части времени»; что кромѣ трехдневной барщины «одинъ поголовный день въ недѣлю существуетъ во всѣхъ и хорошо управляемыхъ имѣніяхъ»; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ крестьяне мелкопомѣстныхъ дворянъ «работаютъ почти непрерывно на барщинѣ», или имъ дается «работать на себя только въ воскресенье» ¹⁾. Любопытно, что въ дальнѣйшемъ авторъ «Записки,» указывая на «разныя другія повинности крестьянъ», спрашиваетъ: «На какомъ основаніи, кромѣ трехдневной съ крестьянъ работы, помѣщики взимаютъ сей оброкъ?—На основаніи обычая, отвѣчаетъ, и права, предоставленнаго помѣщику, накладывать на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали разоренія» ²⁾.

Въ 1841 г. кн. Воронцовъ въ перепискѣ съ гр. Киселевымъ отмѣчаетъ: «Законъ императора Павла не довольно ясенъ и рѣдко гдѣ исполняется по намѣренію законодателя»; «теперь почти вездѣ дѣлается въ Россіи, что, вмѣсто трехъ дней каждую недѣлю, помѣщикъ или его управляющій заставляеть крестьянъ работать на господской землѣ въ хорошую погоду и въ самое нужное для земледѣльческихъ работъ время 6, 9, 10 и болѣе сряду дней, позволяя имъ работать послѣ того для себя равное число дней, или когда лучшее для работъ время прошло, или при неблагоприятной погодѣ; такимъ образомъ благодѣтельный законъ остается безъ всякой пользы». «Одно подтвержденіе, продолжаетъ кн. Воронцовъ, чтобы въ одной недѣлѣ крестьяне не были принуждены работать болѣе трехъ дней, все это дѣло поправить» ³⁾. Нѣсколько позднѣе (отъ 24 апрѣля

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, СПб., 1882 г., т. IV, стр. 278 и сл., 328, 341.

²⁾ Тамъ же, 281.

³⁾ Заблоцкій-Десятовскій, Графъ П. Д. Киселевъ, т. IV, 249 и сл. Относительно подтвержденія закона Павла I авторъ тамъ же замѣчаетъ: «Не нужно новаго узаконенія, одно подтвержденіе

1853 г.) кн. Воронцовъ о томъ же вопросѣ писалъ тому же гр. Киселеву: «Обыкновенно люди могутъ, но вы не можете утверждать, что пока у насъ существуетъ крѣпостное право, нельзя ввести въ дѣйствіе и строго исполнять законъ о трехдневной барщинѣ, изданный императоромъ Павломъ». Не смотря на признаніе въ манифестѣ 5 апрѣля закона о трехдневной барщинѣ, въ томъ же письмѣ ниже Воронцовъ, указавъ на злоупотребленія помѣщиковъ и вспомнивъ одинъ частный случай, добавляетъ: «Эта послѣдняя катастрофа не совершилась бы, если бы помѣщики не имѣли права заставлять крестьянъ работать не только безъ справедливаго распредѣленія барщинныхъ дней, но даже за сто верстъ отъ ихъ жилищъ» 1).

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Рязанской губ. у многихъ помѣщиковъ правило о трехдневной въ недѣлю работѣ не выполнялось, крестьяне работали на господской землѣ «лишніе дни», обременены были барщиной, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ превращалась въ повседневную работу на помѣщика 2).

Послѣ разбора судебной и житейской практики я снова прихожу къ тому же самому выводу, какой высказанъ былъ мной и раньше, а именно, что манифестъ 5 апрѣля 1797 г. строго установилъ только одно требованіе о непринужденіи крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, трехдневная же барщина, не всегда защищавшаяся въ судѣ, не поддерживаемая мѣрами администраціи и нарушаемая повседневной практикой, оставалась благимъ пожеланіемъ правительства, исполненіе котораго предоставлено было доброй волѣ помѣщика.

М. Клочковъ.

указомъ изъ сената, а когда этого не хотятъ, то и одинъ циркуляръ съ высочайшаго соизволенія, отъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ бы достаточенъ, чтобы привести это важное дѣло въ порядокъ».

1) Заблоцкій-Десятовскій, т. II, 328 и сл.

2) Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные, Рязань, 1903 г., стр. 62, 67, 84, 102, 121, 141, 147 и 150.

Дѣла Греческія.

Личность патріарха Константинопольскаго Кирилла Лукариса заслуживаетъ особаго вниманія, какъ современника событіямъ въ Россіи въ концѣ царствованія Бориса Годунова, равно и по личной его дѣятельности на Вольни, какъ архіепископа Критскаго, посланнаго съ опредѣленною цѣлію знаменитымъ Александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ.

Кириллъ Лукарисъ жилъ въ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго и былъ его духовникомъ.

Особое значеніе по сему получаютъ «Дѣла Греческія», далеко еще не вполнѣ обнародованныя и хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отрывокъ изъ которыхъ при семъ прилагается.

Г. С. Шереметевъ.

Михайловское.

25 апр. 1910.

Пріѣздъ Греческихъ духовныхъ властей за милостыней, а именно: а) Терновскаго митрополита Діонисія съ грамотою отъ Цесаря, б) Маглинскаго епископа Іосифа, в) Синайской горы архимандрита Іасафа, г) Аѳонскаго Ксенофа монастыря архимандрита Іакова, д) Цареградскаго архимандрита Митрофана, е) Аѳонскаго Саввинскаго архимандрита Логина и пр. ¹⁾

Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи холопи твои Ивашко Татевъ, да Петрушка Ше-

¹⁾ Московскій Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Греческія дѣла 7112 г. (1604). Окт. 19, № 1.

ховской, да Васька Федоровъ челомъ бьютъ. Октября, Государь, въ 19 день писали къ намъ холопьямъ Алексѣй Зиновьевъ да Іовъ Потресовъ, что пріѣхали къ нимъ на заставу изъ Любеча митрополитъ Терновскій Діонисій, съ нимъ дьяконъ Макарій да три слуги; да отъ Синайскія горы архимандритъ Іасафъ, да келарь Григорій да старецъ Мелентій, да два слуги; да святяя горы Ксеного (sic) монастыря святого мученика Георгія архимандритъ Іаковъ, да съ нимъ паробокъ Иванъ; да Сербской земли Строчиць монастыря отъ Николы Чудотворца дьяконъ Оксентій, да Греческія земли Архангельскаго монастыря старецъ Филовей да полоняникъ Мирской земли; а въ роспросѣ, Государь, имъ сказалъ митрополитъ, что онъ прежь сего у тебя, Государь, бывалъ на Москвѣ, а нынѣ де идетъ къ тебѣ, Государю, съ грамотами съ тайными отъ Цысаря, а сказалися, что они всѣ идутъ къ тебѣ къ Государю, а извощики ихъ изъ Ливны везли и изъ Любеча, а повѣтрія, Государь, имъ тѣ греческіе старцы и любецкіе извощики не сказываютъ нигдѣ, а о иномъ де, Государь, они не знаютъ, потому что они, греческіе старцы, говорятъ по своему, и по твоему Государеву наказу мы холопи твои тѣхъ греческихъ старцовъ и полоняниковъ по всякія вѣсти и про повѣтріе роспрося, велѣли воротить назадъ въ Литву и проводить ихъ до рубежа со всѣмъ съ тѣмъ, съ чѣмъ они пріѣхали, а грамоту тайную, что писалъ Цысарь къ тебѣ Государю, велѣли мы холопи твои у митрополита взяти и велѣли имъ ту грамоту держать у себя до твоего Государева указа, а полоняника роспрося, велѣли поставитъ за заставою съ иными выходы (sic). И октября, Государь, въ 20 день писалъ къ намъ Алексѣй да Іовъ, что митрополитъ имъ той грамоты не далъ, а сказалъ: велѣлъ де ему ту грамоту Цысарь отдать тебѣ, Государю, а что въ ней писано и онъ митрополитъ того не вѣдаетъ, а идетъ де онъ къ тебѣ, Государю, не для милостыни, и того Государь митрополита и старцевъ и полоняника воротили назадъ въ Литву, и Октября, Государь, въ 25 день писали

къ намъ Алексѣй же да ювъ, что прїѣхали къ нимъ на заставу изъ Любеча архимандритъ Іасафъ да дьяконъ Макарій, которые были съ митрополитомъ Діонисіемъ, а сказали архимандритъ и дьяконъ, что прислалъ ихъ митрополитъ Діонисій съ грамотой къ тебѣ Государю, а писалъ ту грамоту митрополитъ отъ себя, да къ намъ холопемъ твоимъ двѣ грамоты; да грамоту отъ любецкого подстаросты отъ Томаша Щедровскаго. Да архимандритъ же и дьяконъ прошали толмача, а которые извошки любецкіе сказывали, что у нихъ въ околныхъ городахъ морового повѣтрія на людей и на животину нѣтъ, а изъ Смоленска де пришли въ Могилевъ гости, а съ ними товару 50 телѣгъ съ мягкою рухлядью, а того, Государь, Алексѣй и ювъ не пишутъ, какіе люди въ Могилевъ пришли, твоего ль государства гости или иноземцы и въ какову пору пришли, а повѣтріе де отъ нихъ далече въ Литвѣ есть въ Оршѣ, въ Копыси, въ Шкловѣ и оттолѣ де стоятъ заставы, да и тамъ де унимается. И мы, холопы твои, посылали на заставу къ тому архимандриту и къ дьякону ихъ сына боярскаго и велѣли ихъ распросить и они Государь говорятъ по гречески, а у насъ толмача нѣтъ и грамоты писаны по гречески жъ и прочестъ ихъ и списать некому жъ и тѣ двѣ грамоты отданы имъ назадъ, а въ третей грамотѣ написано, что митрополитъ и старцы ѣдутъ къ тебѣ Государю для милостыни; а подстароста, Государь, писалъ о томъ же, чтобъ тѣхъ старцовъ пропустить къ тебѣ Государю и мы холопы твои и того архимандрита и дьякона съ тѣми со всѣми грамотами велѣли воротить назадъ въ Литву и проводить до рубежа, а для письма, Государь, на заставу къ Алексѣю и къ юву посылаемъ дьячка и бумагу для выходцовъ распросныхъ рѣчей.

Митрополитъ Діонисій сказалъ: шель онъ отъ Цысарскаго города отъ Браги (sic), гдѣ Цысарь живетъ, на Краковъ; Король Литовскій въ Краковѣ; изъ Кракова пошолъ Сентября въ 8-й день на Лоевъ да на Остръ; князь Василій Островской въ Острѣ; да на Брагинъ, да на Любень,

а Цысарской Король съ Турскимъ воюется и бой де у нихъ великій и Цысарской де у Турского побилъ людей многихъ сего лѣта въ августѣ, а въ Литвѣ де сбору нигдѣ никакимъ людямъ не вѣдаютъ, а паны де радные живутъ по своимъ имѣнямъ, а мору де ни гдѣ не слыхалъ, а про вора про Гришку Ростригу не слыхалъ. Архимандритъ Синайскія горы сказалъ: шель на Египетъ да на Царь-городъ, а Турскій де Царь во Царѣ-городѣ, а отъ Царь-города шель на Волоскую землю да на Остръ, изъ Острогу шель съ митрополитомъ вмѣстѣ, а вѣсти за нимъ тѣжъ, что митрополитъ сказывалъ, а идетъ къ Государю для милостыни.

Архимандритъ Іаковъ шель на Царь-городъ да на Острогъ, изъ Острога шель съ митрополитомъ вмѣстѣ и вѣсти за нимъ тѣжъ, а идетъ къ Государю для милостыни.

Дьяконъ Аксентій шель на Дунай да на городъ на Венемъ да на Острогъ, изъ Острога шель съ митрополитомъ, а вѣсти за нимъ тѣжъ, а идетъ къ Государю для милостыни. Полоняникъ Морейской земли Григорій былъ въ полону въ Туркахъ, шель онъ на Венецію да на Брагу, и гдѣ живетъ Цысарь, да на Краковъ да на Острогъ, изъ Острогу шель съ митрополитомъ, а вѣсти за нимъ тѣжъ, а идетъ къ Государю для милостыни, а сказалъ: въ полонѣ де у него два брата да сестра въ Туркахъ и онъ идетъ къ Государю на откупъ просить милостыни.

Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу все Русіи холопи твои Иванка Татевъ да Петрушка Шеховской да Васька Ѳедоровъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ Государь въ 112 году ноября въ 17 день писали намъ холопемъ твоимъ съ заставы головы Алексѣй Зиновьевъ да Ювъ Потресовъ, что пріѣхали къ нимъ на заставу Терновскій митрополитъ Діонисій, который прежь сего былъ въ октябрѣ въ 20-мъ числѣ, а просить толмача, а сказывалъ за собою твое Государево Царево и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи великое тайное дѣло отъ Цысаря, а сказываетъ, что посылалъ онъ отъ себя къ нимъ на за-

ставу изъ Любеча архимандрита Іосифа да дьякона Макарія, а велѣлъ сказать, съ чѣмъ онъ митрополить идетъ къ тебѣ ко Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи; и архимандрить и дьяконъ Турецкому языку не умѣютъ, а говорятъ по гречески, а въ Черниговѣ, Государь, толмача нѣтъ, ктобъ умѣлъ по греческому, а послали мы холопи твои къ нимъ для роспросу черниговца сына боярскаго Юшку Войтова, а тотъ Юшка бывалъ въ полону, а умѣеть говорить немножко по турецки, и онъ митрополить для того самъ пріѣхалъ сказать къ тебѣ ко Государю Царю и великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи Цысарской приказъ, а по турецкому языку онъ митрополить умѣеть, а просить толмача и мы холопи твои тотчасъ посылали на заставу къ головамъ къ Алексѣю Зиновьеву да къ Іову Потресову того жъ Юшку Войтова, а толмача, Государь, въ Черниговѣ никакого нѣтъ; и ноября, Государь, въ 20 день писали къ намъ холопомъ твоимъ головы Алексѣй Зиновьевъ да Іовъ Потресовъ, что тотъ Юшка передъ ними головами митрополита Діонисія по турецки спрашивалъ и тому Юшкѣ митрополить Діонисій сказалъ, что онъ митрополить идетъ къ тебѣ, ко Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, а послалъ де его Цысарь къ тебѣ, ко Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, для твоего Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи великаго тайнаго дѣла, о чемъ ты Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи писалъ и посылалъ къ Цысарю; да листы де къ тебѣ ко Государю Царю и Великому князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи отъ Цысаря есть: да въ тѣхъ же де листахъ къ тебѣ ко Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи писалъ Цысарь, а къ нему де къ Цысарю писалъ Царь Крымскій, а къ нему де Крымскому Царю писалъ ты Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи и ему бѣ де Цысарю къ тебѣ ко Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи отписать отъ

себя, станется ль то дѣло, какъ ты Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи писалъ къ Крымскому Царю; и что де ты Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи отпишешь къ нему къ Цысарю и онъ бы Цысарь къ нему въ Крымъ отписалъ; а того де онъ не вѣдаетъ, о какомъ дѣлѣ межъ себя у нихъ ссылка; а про вора про Ростригу про Гришку Отрепьева сказалъ митрополить, что того Гришку король и паны поймали и сидить окованъ и книги де еретическія у него выняли. А митрополить, Государь, поѣхалъ опять въ Любечъ, а то онъ тому Юшкѣ сказывалъ, что онъ митрополить въ Любечѣ хотѣлъ дожидаться твоего Государева Царева и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу.

Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи холопи твой Иванко Татевъ, да Петрушка Шеховской да Васька Ѳедоровъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ Государь въ 112 году декабря въ 20 день писали къ намъ холопомъ твоимъ съ заставы головы Алексѣй Зиновьевъ да Іовъ Потресовъ, что декабря въ 19 день пріѣхали де къ нимъ на заставу отъ Терновскаго митрополита Діонисія старецъ Ксенофонтъ, а привезъ къ нимъ отъ Діонисія митрополита листь и они тотъ листь, списавъ слово въ слово, прислали въ Черниговъ къ намъ холопомъ твоимъ, а въ роспросѣ де Государь тотъ старецъ имъ сказывалъ: звалъ де его старца Ксенофонта декабря въ 18 день подстароста любецкой Томашъ Цебровскій къ себѣ обѣдать и говорилъ де съ нимъ подстароста въ разговорѣ, что пришли де къ Любечу отъ короля листы, а велѣлъ де король всѣхъ Запорожскихъ казаковъ изо всѣхъ городовъ выслать за пороги, а которые де казаки не пойдутъ изъ городовъ и король де тѣхъ казаковъ велѣлъ вѣшать, а говорилъ де тотъ Томашъ, что ты Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи съ королемъ помирился на двадцать лѣтъ и король де для того велѣлъ выслать казаковъ, чтобъ де казаки какой задоръ не учинили,

а у короля де будетъ рада Рождество Христово; а на князя де Адама Вишневецкаго король кручиновать, что де онъ у себя держалъ по ся мѣста вора, который называется царевичемъ, а хочеть де король того вора съ рады послать къ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, сковавъ. А повѣтріе моровое на людей въ Литвѣ было въ дальнихъ городахъ се лѣто давно, а нынче де повѣтрія нѣтъ нигдѣ. Да того же дни пріѣхалъ къ намъ на заставу отъ Цареградскаго патріарха Раѳаила архіепископъ Ѳеодосій, да архимандритъ Митрофанъ, да дьяконъ Геннадій, да келарь Варламъ, да старецъ Арсеній да съ ними братъ Ѳеодосьевъ Трояндафилъ, да служба Родіонко, да Волошской земли полоняникъ Ивашко, а въ роспросѣ сказалъ, что де послалъ патріархъ Раѳаилъ къ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи бити челомъ для милостыни; а повѣтріе де моровое на людей было въ литовскихъ дальнихъ городахъ лѣтомъ давно и то повѣтріе унялося, а нынче де повѣтрія въ литовскихъ городкахъ нигдѣ нѣтъ, да прислали Государь къ намъ холопомъ твоимъ отъ нихъ листъ же, списавъ на новую бумагу, и по твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу мы холопи твои тѣхъ греческихъ старцевъ всѣхъ велѣли головамъ съ заставы воротить назадъ въ Литву и проводить ихъ велѣли до рубежа, а съ тѣхъ Государь ихъ листовъ списавъ на новую бумагу, мы холопи твои послали къ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи, подклея подъ сію отписку.

Переводъ съ греческой грамоты Александрійскаго патріарха Кирила къ Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи.

Кирилъ милостію Божіею папа и патріархъ великаго града Александриіи и судія вселенскій.

Благочестивому и Боговѣнчанному Царю и Самодержцу великія Москвы, Сибирскому, Астраханскому, Великаго Новгорода и всея высшія Росіи, Смоленскому, Чернигов-

скому и прочихъ Борису Ѳедоровичу о Святѣмъ Дусѣ сыну Возлюбленному нашего смиренія благодать буди тебѣ и миръ и милость отъ Бога Вседержителя и молитва и благословеніе отъ нашего смиренія, что безъ престани молимъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да утвердитъ царствіе твое и державу твою и подастъ ти здравіе и долгоденствіе и побѣду на враги, какъ прославляется пресвятое имя великаго Бога и воплощеннаго Сына Спаса нашего въ концѣ страны сея, и не успѣхомъ первѣе писати ко царствію твоему и возвѣстимъ о святѣйшемъ нашемъ престолѣ, зане жъ Богъ восхотѣ и позва къ себѣ къ небесному царствію перваго блаженнѣйшаго и святѣйшаго господина Мелентія, и благословеніемъ Божиимъ да будемъ мы наслѣдницы и воспримемъ правило святѣйшія великія сія церкви и о томъ Господь вѣсть, что какими нуждами и какими тѣснотами исправляемъ, да утвердится православная вѣра христіанская и некотораго утѣшенія и помощи ни откуда не имѣемъ, токмо отъ Бога и отъ высочайшаго и отъ благочестиваго твоего царствія, о томъ творимъ во дни и въ нощи моленія къ Богу, да подастъ ти многолѣтіе, да поможешь святѣйшему патриаршескому престолу и святымъ монастырямъ на строеніе, и нынѣ отцы Святыя горы Синайскія послали къ собору ихъ къ царствію твоему да попросятъ милостыни на обрѣтеніе монастыря, что въ великомъ дому и въ частыхъ нахожденіяхъ аравлянь и иныхъ многихъ скорбей къ нимъ, и ты Богомъ вѣнчанный Царю покажи милосердіе и щедроты по обычаю своему, да обрящется во святомъ монастырѣ и пребудетъ неподвижно въ память вашу и аще дастъ Господь къ благочестивому твоему царствію послати людей своихъ, тогда напишемъ и отъ себя должное и благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да соблюдетъ и сохранитъ державу твою свыше всегда со всѣмъ воинствомъ твоимъ и многолѣтствовати бѣ царствію твоему на многія лѣта. Аминь. Лѣта 7111-го декабря въ 27 день.

Іюня въ 26 день Государь Царь и Великій Князь Борисъ

Федоровичъ всеа Русіи Терновскому митрополиту Діонисію велѣлъ быти у своихъ государевыхъ боярь на Казенномъ дворѣ у Боярина у князя Федора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, а быти митрополиту велѣлъ Государь у боярь у Благовѣщенія въ паперти.

И того дни Терновскій митрополитъ Діонисій у боярь былъ, а посыланъ по него его приставъ Михайло Молчановъ, а какъ митрополитъ ѣхалъ въ городъ и въ городѣ на площади и до Фроловскихъ воротъ и на площади къ Никольскому крестцу и Никольскимъ крестцомъ до того двора, гдѣ митрополитъ стоитъ, стояли стрѣльцы въ чистомъ въ смирномъ платьѣ, а на Казенномъ дворѣ и по крыльцу у Благовѣщенія стояли дѣти боярскіе изъ городовъ, а въ паперти, гдѣ бояре сидѣли, были дворяне и дѣти боярскіе въ чистомъ жъ смирномъ платьѣ. И какъ митрополитъ въ городъ пріѣхалъ и съ лошади сшелъ на мостку противъ воротъ Казеннаго двора и шелъ митрополитъ Казеннымъ дворомъ къ Благовѣщенью въ паперть и какъ митрополитъ вшелъ въ паперть и бояре вставъ приняли отъ митрополита благословеніе и велѣли митрополиту сѣсти, а бояре сидѣли жъ. И бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій говорилъ митрополиту рѣчь, а молвилъ: Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи и иныхъ государствъ Государь и Обладатель, и Его Царскаго Величества сынъ Великій Государь Царевичъ Князь Федоръ Борисовичъ всеа Русіи велѣли тебѣ говорити. Говорилъ еси нашему Царскому Величеству, будучи на посольствѣ, что приказывалъ съ тобою къ нашему Царскому Величеству, Нашего Царскаго Величества братъ дражайшій и любезнѣйшій Великій Государь Рудельфъ Цесарь Римскій о нашихъ государскихъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ и наше бы Царское Величество тѣ рѣчи у тебя велѣли выслушать. И Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и нашего Царскаго Величества сынъ Великій Государь Царевичъ Князь Федоръ Борисовичъ всеа Русіи прислали своя ближнія

Думы бояръ: меня боярина князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, да боярина князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, да бояръ же Степана Васильевича да Семена Никитича Годуновыхъ, да посольскаго дьяка Аѳонасыя Власьева, а велѣли тебя о тѣхъ дѣлѣхъ выслушати и о которыхъ дѣлѣхъ къ Нашему Царскому Величеству....

И Терновскій митрополитъ Діонисій, выслушавъ у бояръ рѣчи, говорилъ: какъ есми былъ у Цесарскаго Величества и со мною Цесарское Величество къ Великому Государю брату своему Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи Самодержцу и Его Царскаго Величества сыну къ Великому Государю Царевичу Князю Ѳедору Борисовичу всеа Русіи послалъ грамоту.

А отпускаючи меня къ брату своему Великому Государю къ Его Царскому Величеству приказывалъ говорити о ихъ Царскихъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ тайно, а приказывалъ со мною о тѣхъ дѣлѣхъ Царскому Величеству извѣстить, а первое: Руделфъ Цесарь утвердился и заклѣлся самъ, а потомъ и меня къ вѣрѣ и къ клятвѣ привелъ, что мнѣ о тѣхъ о великихъ тайныхъ дѣлѣхъ мимо Его Царскаго Величества никому не объявити и я вамъ нынѣ великаго Государя его Царскаго Величества ближней Думы бояромъ не объявлю, потому что учинилось за клятвою.

А нѣчто будетъ Великому Государю Его Царскому Величеству недоволь и о тѣхъ дѣлѣхъ у меня богомольца своего самъ за нѣкоторыми случаи выслушати не похочеть, а велить о тѣхъ о тайныхъ о великихъ дѣлѣхъ у меня выслушать вамъ своимъ боярамъ ближнія Думы и язъ про тѣ дѣла по Его Царскаго Величества повелѣнью извѣщу и объявлю.

И бояре шедъ про то сказали Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи.

И Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи послалъ къ митрополиту посольскаго дьяка Аѳонасыя Власьева, а велѣлъ Государь про то митрополиту сказать, что Царское Величество о томъ помыслить да о

томъ ему вѣдомо велить Государь учинить инымъ временемъ.

И по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи приказу Аѳонасій митрополиту про то сказалъ и отпустилъ митрополита на подворье.

Іюля въ 1 день Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи велѣлъ Терновскому митрополиту Діонисію быть у себя у Государя на дворѣ. И того дни Терновскій митрополитъ Діонисій у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи на дворѣ былъ, а посыланъ по него приставъ Михайло Молчановъ и ѣхалъ съ нимъ къ Государю на дворъ, а лошадь подъ митрополита посылалъ посольскій дьякъ Аѳонасій Власьевъ, а передъ митрополитомъ ѣхали 10 человекъ сотниковъ да 10 человекъ конюховъ.

А пріѣхавъ митрополитъ въ городъ, сшелъ съ лошади у Казеннаго двора на мостки и шелъ на Казенный дворъ въ паперть.

А Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи и Государь Царевичъ Князь Ѳедоръ Борисовичъ всеа Русіи въ тѣ поры были у Благовѣщенія у обѣдни.

А какъ митрополитъ пришелъ къ Государю и явилъ его Государю и Государю Царевичу челомъ ударити окольничій Михайло Михайловъ Салтыковъ.

Переводъ съ челобитныя Терновскаго митрополита Діонисія.

Благочестивому, Святѣйшему и Самодержцу Царю Великому многихъ царствъ Государю. Язъ Діонисій митрополитъ Терновскій, богомолецъ святаго твоего царствія, челомъ бью до лица земнаго и молю Господа Бога, чтобъ здравствовать и многолѣтствовать святому твоему царствію во вѣки вѣковъ съ благочестивымъ и святѣйшимъ Царевичемъ съ наслѣдникомъ великаго твоего царствія съ Ѳедоромъ Борисовичемъ; потомъ благодарю великому и святому ти царю на неизреченной твоей милости, что показалъ ко мнѣ рабу и богомольцу своему и Господь Богъ да укрѣпитъ

свыше величество царствія твоего; потомъ благочестивый царь смѣя и не смѣя молю и извѣщаю святому твоему царствію симъ писаніемъ, что по Богу и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и по святительскому чину, что есмь ношу, и по душѣ моей, отъ ста рублевъ не осталось у меня рублевъ съ полтретьятцать, что есми былъ долженъ тѣмъ старцомъ, что здѣся, и язъ нынѣ роздалъ все и нынѣ царствіе твое разумѣши, чѣмъ подняться на такой дальній путь; а братъ твой Руделфъ Цесарь какъ меня послалъ къ тебѣ Государю и онъ мнѣ далъ тысячу четыреста ефимковъ и мнѣ того не стало и нынѣ какъ подняться и о томъ молю царствію твоему, понеже ѣду для твоего царскаго дѣла и ты Государь помози мнѣ еще на подмогу, да поѣду скорѣе о твоємъ царскомъ дѣлѣ, а только мнѣ живучи въ Литвѣ продавать соболи и мнѣ мѣсяцевъ восемь затѣмъ мѣшкать и только такъ и мнѣ коли доѣхать до тѣхъ мѣстъ и сюда коли пріѣхать. Язъ есмь клялся, что надѣясь на Бога, въ ноябрѣ мѣсяцѣ хотѣлъ поспѣть суды, а тѣ полтретьятцать рублевъ, что у меня осталось отъ долги и на тѣ мнѣ купить поминокъ кое кому подарить и о томъ молю святому твоему царствію (конца нѣтъ).

Митрополитъ Иларіонъ—въ схимѣ Никонъ,— какъ борецъ за независимую русскую церковь.

(Эпизодъ изъ начальной исторіи Кіево-Печерскаго монастыря).:

I.

Тотъ перерывъ въ нашемъ начальномъ лѣтописаніи, который установилъ А. А. Шахматовъ между Древнѣйшимъ сводомъ 1039 г. и т. наз. Первымъ Печерскимъ 1073 г., нельзя не поставить въ связь съ замѣшательствами по замѣщенію Кіевской митрополичьей кафедръ, о которыхъ г. ухъ говоритъ лѣтопись. Начатое греческою рукою м. Θεοπέμπτα лѣтописное дѣло заглохло послѣ 1039 г. при кафедрѣ и возродилось въ совсѣмъ другой обстановкѣ и съ другимъ настроеніемъ—въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ около 1073 г.

Событія той поры на митрополичьей кафедрѣ крайне загадочны. Подъ 1051 г. (6559) сказано кратко: «Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина въ святѣй Софѣи, собравъ епископы». Событіе это обычно ставятъ въ связь съ событіями 1043 г.—войною Ярослава съ греками: политическій разрывъ повелъ за собою разрывъ церковный.

Никоновскій сводъ освѣщаетъ фактъ иначе. Указавъ на послѣдовавшій чрезъ три года послѣ 1043 г. миръ съ греками, подъ 1051 г. Сводъ сообщаетъ о какихъ-то новыхъ столкновеніяхъ съ греками: «Ярославу... со греки брани и нестроенія быша; и сице Ерославъ съ епископы своими рускими свещавше, умыслиша по свящ. правилу и

уставу Апостольскому сице. Правило св. Апостоль А. е.: Два или три епископы да поставляют единого епископа. И по сему священному правилу и уставу божественныхъ Апостоль, сошедшея рустіи епископы, поставиша Иларіона русина митрополита Кіеву и всей рустей земли, не отлучающеся от православныхъ патріархъ и благочестія греческаго закона, ни гордящесе от нихъ поставлятися, но соблюдающесе отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда» (по изд. 1767 г. ч. I, 139—40).

Е. Е. Голубинскій, какъ извѣстно, считаетъ поставленіе Иларіона за фактъ случайный, вызванный симпатіей Ярослава къ своему священнику и непривычкой Ярослава стѣсняться съ греками. Если мы не согласимся съ этимъ мнѣніемъ, то изъ соображеній Е. Е. Голубинскаго одно останавливаетъ, однако, вниманіе. Это—извѣстіе лѣтописи подъ 1053 г.: «отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ Грькынѣ». Фактъ бракосочетанія сына Ярослава съ греческою царевною страненъ при извѣстіи Никонова свода о враждѣ и лукавствѣ съ греками.

Судьба Иларіона—неизвѣстна. Подъ 1054 г. находимъ: «преставился в. к. Ярославъ... Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложыше на сани везоша ѿ и Кіеву, *попове* поуще обычныя пѣсни»... Отсюда выводятъ, что Иларіонъ умеръ когда-то до смерти Ярослава. Новгородская лѣтопись подъ 1055 г. сообщаетъ уже имя новаго митрополита—Ефремъ.

Объ Иларіонѣ забываютъ сказать одно наблюдение. Поставилъ ли его Ярославъ по капризу, какъ думаетъ Е. Е. Голубинскій, или въ силу крайности, вызванной враждою и лукавствомъ грековъ, какъ объясняетъ Никоновскій сводъ,—въ этомъ дѣлѣ остается другая сторона—Иларіонъ и епископы. Иларіонъ выдвигается лѣтописью и «Словомъ о законѣ и благодати» (если считать это его произведеніемъ), какъ человѣкъ широкаго образованія, большого таланта, высокой подвижнической жизни. Если онъ согла-

сился на самочинное ставленіе на кафедру, намъ непременно нужно видѣть въ этомъ ясное свидѣтельство, что и самъ Иларіонъ, и ставившіе его епископы были убѣждены въ возможности и нужности такого шага, что они были поборниками независимой русской церкви.

Лѣтописное дѣло заглохло при св. Софьи послѣ 1039 г. Понятно, почему. Фактъ разрыва съ греками на-лицо. На митрополичій столъ сѣлъ русскій митрополитъ. По образованію и таланту онъ вполне могъ заняться лѣтописнымъ дѣломъ, но онъ занималъ кафедру не долго. Смерть или устраненіе Иларіона, поставленіе на митрополию Ефрема— послѣдовали между 1051—54—55 гг. Но почему лѣтописание не наладилось при кафедрѣ послѣ этихъ годовъ? Почему только чрезъ 15—18 л. возникаетъ продолженіе свода 1039 г., и возникаетъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ? Какъ попалъ туда сводъ м. Θεοπεμπта 1039 г.?

II.

Редакторомъ свода 1073 г. былъ Никонъ, одинъ изъ старѣйшихъ братьевъ Печерской обители. Что мы знаемъ о немъ? Никонъ пользовался въ м-ѣ большимъ вліяніемъ и выдѣлялся изъ окружающей среды несомнѣнно. Пришедши въ пещеру къ Антонію раньше Θεодосія, Никонъ постригъ Θεодосія по волѣ Антонія. Онъ долгое время единственный пресвитеръ и искусный черноризецъ, что ведетъ къ предположенію, что именно онъ былъ въ м-ѣ «восприемникомъ» при постриженіи новыхъ братьевъ («старцемъ») и, конечно, духовникомъ. Имя Никона окружено уваженіемъ: оно постоянно сопоставляется съ именами Антонія и Θεодосія; это—три свѣтлыхъ звѣзды праведнаго неба. Никонъ выдается своимъ образованіемъ; онъ говоритъ поученія братіи «изъ книгъ почитающе», тогда какъ Θεодосій поучалъ «духовными словесы». Къ имени Никона всегда прибавляется «великій». Жизнь его въ м-ѣ складывалась странно безпокойно. Ему приходится отвѣчать предъ Изяславомъ за постриженіе Варлаама и Ефрема, гдѣ онъ выказалъ спо-

койную независимость духа. Въ силу какихъ-то осложненій Никонъ долженъ былъ вскорѣ послѣ столкновенія съ княземъ (февр. 1061 г.) уйти изъ м-я въ Тмуторокань, гдѣ у него завязываются какія-то связи съ населеніемъ, далеко выходящія за стѣны имъ основаннаго тамъ м-я. 1061—67 гг. Никонъ провелъ въ Тмуторокани. По просьбѣ жителей въ 1067 г. онъ отправляется въ Черниговъ къ Свято-славу съ просьбою отпустить сына на княженъе. Въ это время онъ посѣтилъ Печерскій м-ь, гдѣ игуменомъ былъ Феодосій. Между ними существовала тѣсная дружба. На усиленную просьбу Феодосія вернуться въ Кіевъ и не разлучаться до смерти, Никонъ отвѣтилъ согласіемъ сдѣлать это послѣ поѣздки съ новымъ княземъ въ Тмуторокань и послѣ устроенія дѣлъ основаннаго имъ тамъ м-я. Въ сент. 1068 г. Никонъ былъ уже въ Печерскомъ м-ѣ, сдѣлавъ свой Богородичный Тмутороканскій «прикладнымъ» Печерскому. Здѣсь съ 1069 до 1073 г. Никонъ средактировалъ лѣтописный сводъ, взявъ въ основу его лѣтопись Феопемпта 1039 г. Онъ едва ли закончилъ этотъ трудъ, какъ хотѣлъ. Въ 1073 г. онъ опять бѣжитъ изъ м-я въ Тмуторокань, имѣя какое-то отношеніе къ распрѣ между Ярославичами, возникшей въ этомъ году. Онъ вернулся въ Печерскій м-ь уже по смерти Феодосія (май 1074 г.), въ игуменство Стефана. Около 1077—78 гг. послѣдовало насильственное удаленіе Стефана, и игуменство принялъ Никонъ. Онъ умеръ въ 1088 г.

Роль Никона въ нашемъ лѣтописаніи еще не вполне выяснена, но и то, что мы знаемъ, указываетъ на ярко выраженную національную тенденцію въ его работахъ. Мало выяснена и роль Никона въ жизни Печерскаго м-я, но намъ еще придется встрѣтиться съ данными за то, что своимъ протестомъ противъ грековъ и греческой зависимости, своей опредѣленной политической программой и той непримиримой позиціей въ этомъ вопросѣ, какую занялъ м-ь во имя обще-русскихъ интересовъ,—всѣмъ этимъ м-ь обязанъ Никону. Роль Никона въ послѣднемъ смыслѣ уже

опредѣлена А. А. Шахматовымъ. Но, кажется, этимъ еще не исчерпана работа Никона въ м-ѣ. Какъ бы ни относиться къ опредѣленію размѣровъ и исторіи тѣхъ лѣтописныхъ сводовъ, которые названы А. А. Шахматовымъ сводами 1073 и 1093 г., можно остановиться на слѣдующемъ наблюденіи. Лѣтописное дѣло въ м-ѣ началось Никономъ, съ его уходомъ наблюдается перерывъ до самаго конца XI в. Но Никонъ вернулся въ м-ь скоро послѣ мая 1074. Не ему ли принадлежитъ новый толчокъ лѣтописнаго дѣла въ м-ѣ послѣ 1073 г.? Во всякомъ случаѣ при немъ, въ его игуменство начинается свою литературную работу Несторъ, и нѣтъ основаній устранять вліяніе игумена Никона на Нестора.

Попытка очертить личность и значеніе Никона приводитъ къ положительному результату. Передъ нами дѣятельный, образованный, вліятельный человѣкъ съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ и широтою мысли, поднимающеюся до сознанія обще-русскихъ интересовъ и дѣлъ.

Остановимся еще на вопросѣ о личности Никона. Въ Печерскомъ м-ѣ, послѣ введенія Студійскаго устава, Θεодосій «вся приходящая пріимаше съ радостью, но не ту абіе постригаше его, но повелѣваше ему въ своей одежи ходити, дондѣже извыкаше весь устрой монастырскій, таче по сихъ облачашеть ѥ въ мнишескую одежу, и тако паки во всѣхъ службахъ искушашеть ѥ, ти тогда остригій оболчашеть ѥ въ мантию, дондѣже паки будяше чернецъ искуснъ житіемъ чистъ си, ти тогда сподобляшеть и *пріяти святую схиму*». Изъ этого мѣста можно усматривать иное отношеніе къ схимѣ въ Печерскомъ м-ѣ въ XI в., чѣмъ было вскорѣ послѣ (уже въ XII в.), т. к. схима считалась едва ли не обязательною для всѣхъ монаховъ. Отсюда ясно, что и Θεодосій, и Антоній—были схимники. Никонъ—«старецъ» и духовникъ братіи—былъ, конечно, тоже схимникъ. Именно этимъ надо объяснить, что только къ нимъ прибавляется эпитетъ «великій»—какъ намекъ на «великій образъ».

Обратимъ вниманіе еще на одно наблюденіе. Лѣтопись,

житіе Феодосія, Патерикъ сообщаютъ намъ много свѣдѣній о первыхъ братіяхъ м-я (Феодосій, Антоній, Варлаамъ, Ефремъ), и только о Никонѣ мы ничего не имѣемъ. Все, приведенное выше, собрано путемъ догадокъ, вычисленій, случайныхъ упоминаній, но специально ему посвященныхъ рассказовъ нѣтъ. А Никонъ былъ «духовникъ», «старецъ», одна изъ трехъ звѣздъ первой величины! Отчего это?

III.

Отвѣтитъ удовлетворительно на послѣдній вопросъ, а также и на тотъ рядъ вопросовъ, какой возникъ у насъ при разсмотрѣннн лѣтописанія въ связи съ событіями на митрополичьей кафедрѣ, можно, какъ кажется, путемъ одной догадки: въ лицѣ великаго Никона мы встрѣчаемся съ Иларіономъ, оставившимъ кафедру когда-то до 1054 г. и принявшимъ въ схимѣ имя Никона. Священникъ Берестовской церкви, потомъ митрополитъ Иларіонъ, борецъ за независимую русскую церковь — это первая половина жизни. Между 1052—54 гг.—схимникъ Никонъ, создатель и направитель той общерусской политики, какую велъ Печерскій м-ь съ самага начала своей жизни,—это вторая половина жизни. Обѣ связаны тѣсно внутреннимъ единствомъ, общимъ содержаніемъ.

Но какъ это могло произойти и есть ли какія нибудь за то данныя?

Иларіонъ былъ поставленъ на митрополию въ 1051 г. Въ 1053 г. у Всеволода родился сынъ отъ «царицѣ Грекынѣ». Значить, разрывъ нашей церкви съ греческою прекратился и закончился бракомъ молодыхъ представителей царствующихъ домовъ. Но трудно допустить, чтобы греки, отдавая свою царевну за Всеволода, не покрывали этимъ какихъ-то серьезныхъ уступокъ со стороны Ярослава. Бракъ этотъ съ ихъ точки зрѣнія былъ несомнѣнно страшно неравный. О возстановленіи добрыхъ отношеній нашей церкви съ греческою послѣ 1051 г. у насъ нѣтъ свѣдѣній. Естественно предположить, что уступка Ярослава сводилась къ тому, что

наша церковь вновь стала подчиненною греческой. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что безъ согласія патріаршей каѳедры событія 1051 г. обращали разрывъ въ схизму. Если принудить грековъ къ согласію не удалось, то нужно было ликвидировать дѣло Иларіона. Выходъ былъ простой: Иларіонъ принимаетъ схиму и становится пресвитеромъ Никономъ. Обычно всѣ монашескія постриженія происходили тогда въ воскресенье, и постригаемый получалъ имя того святого, память котораго падала на день постриженія. Подсчитавъ, когда же могъ быть постриженъ въ схиму Иларіонъ, видимъ, что память Никона падала на воскресенье между 1051—1054 г. *одинъ* разъ: это—воскресенье 7 ноября 1053 г. Неожиданно, это совпадаетъ съ извѣстіемъ о рожденіи у Всеволода сына и подтверждаетъ мысль Е. Е. Голубинскаго, что нѣсколько ранѣе 1053 г. уже былъ миръ съ греками.

Тождество Иларіона и Никона подтверждается и тѣмъ, что допущеніе его объясняетъ намъ появленіе и содержаніе двухъ памятниковъ той эпохи—житій Θεодосія и Антонія. Честь возстановленія послѣдняго памятника принадлежитъ А. А. Шахматову.

Житіе Θεодосія принадлежитъ перу Нестора. Но едва ли оно принадлежитъ ему цѣликомъ. Зерно житія могло быть взято изъ свода Никона 1073 г., гдѣ непременно читались подвиги Θεодосія, выкинутые въ сводѣ 1093 г., какъ указалъ А. А. Шахматовъ. Ставлю себѣ вопросъ, почему и когда Несторъ занялся составленіемъ житія?

Вопросъ о канонизаціи святыхъ въ русской церкви до ея самостоятельнаго отъ Константинопольской существованія—едва ли не самая лучшая иллюстрація тѣхъ отношеній, какія создалась между греками—митрополитами и русскою церковью. Греки, въ силу понятныхъ соображеній, дѣлали все возможное, чтобы не пропускать обще-русскихъ канонизацій, и едва ли не каждая такая попытка нашихъ князей и духовенства разбивалась объ ихъ нежеланіе. Канонизацію допускали при одномъ условіи—случаяхъ чудо-

твореній. Это вызывало протестъ. Монахъ Іаковъ пишетъ о св. Владимірѣ: «не дивимся, възлюбленнѣи, аще чудесь не творить по смерти: мнози бо святѣи праведнѣи не сътвориша чудесь, но святѣи суть». И Іаковъ правъ. Въ греческой церкви были цѣлые классы подвижниковъ, для причисленія которыхъ къ лику святыхъ служили инья основанія кромѣ или помимо прославленія даромъ чудотворенія. Первые святые нашей церкви—Борись и Глѣбъ—были причислены за чудотворенія. Не отвлекаясь подробностями, вспомнимъ, что несмотря на волю Ярослава вопросъ объ ихъ канонизаціи встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны архіепископа Іоанна, невѣрившаго въ чудеса при могилахъ братьевъ и согласившагося только на открытіе ихъ мощей изъ земли. Новыя чудеса при мощахъ заставили, однако, канонизовать святыхъ. Второю канонизаціею, и то лишь частичною, была канонизація Θεодосія. Въ лѣтописи подъ 1108 г. читаемъ: «Въ семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Θεоклисту игумену Печерскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Θεодосья въ сѣнаникъ; и радъ бывъ, обѣщася и створити, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ, и повелѣ вписывати по всѣмъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати ѣ на всѣхъ сборѣхъ». Здѣсь радуются всѣ—и князь, и епископы, кромѣ митрополита. Самый ходъ этой любопытной канонизаціи прямо указываетъ на то, что проведена она была княземъ при вынужденномъ согласіи митрополита.

Когда скончался Θεодосій и при гробѣ его начались чудеса, среди братіи возникла мысль о канонизаціи преподобнаго. Увѣренность въ возможности ея была такова, что было составлено житіе. Эту работу взялъ на себя Несторъ. Въ основу своего труда онъ могъ положить свѣдѣнія о жизни Θεодосія въ сводѣ Никона, пополнивъ и обработавъ ихъ по извѣстнымъ ему житійнымъ образцамъ. Но канонизаціи не послѣдовало. Трудно указать, какъ былъ отведенъ этотъ вопросъ каедрой, но дѣло не пошло, кажется, дальше простого открытія мощей, да и то едва ли съ раз-

рѣшенія митрополита (1091 г.). Несомнѣнно, однако, что каѳедра подняла вопросъ о канонизаціи другого преподобнаго, первоначальника монашескаго житія—Антонія. Эта инициатива каѳедры можетъ казаться прямымъ противорѣчіемъ указанному противодѣйствию митрополитовъ въ канонизаціи нашихъ святыхъ. Но, какъ сейчасъ увидимъ, каѳедра преслѣдовала этою канонизаціею опредѣленную и важную для себя цѣль. При каѳедрѣ въ ту пору (90-е годы XI в.), кажется, явилась возможность развить литературную дѣятельность, вырванъ ее изъ рукъ Печерскаго м-я. Первымъ шагомъ на этомъ пути было составленіе житія Антонія, вторымъ—изъятіе лѣтописнаго свода Никона (1073 г.), пополняемаго Несторомъ, и его переработка въ тотъ сводъ, который названъ А. А. Шахматовымъ Начальнымъ (1093 г.). Каѳедра желала по-своему истолковать факты прошлаго и—главное—разбить ту налаживающуюся русскую традицію, которая проглядывала въ жизни Печерскаго м-я и пугала своимъ быстрымъ ростомъ и общимъ къ ней сочувствіемъ. Греческая рука не остановилась, какъ увидимъ, предъ искаженіемъ фактовъ, отодвигая все къ какому-то отдаленному году.

Такъ передъ нами двѣ редакціи разсказа о первыхъ годахъ Печерскаго м-я. Одна изъ нихъ изложена въ житіи Антонія и сводѣ 1093 г. Это греческая редакція. Другая—русская—въ житіи Феодосія и сводѣ 1073 г.

Изложеніе этихъ редакцій откроетъ предъ нами картину любопытной борьбы.

IV.

Русская редакція принадлежитъ Никону, составителю свода 1073 г., игумену м-я во время работы Нестора. Если это Иларіонъ, принявшій схиму, то русская редакція разсказа о первыхъ годахъ жизни Печерскаго м-я пріобрѣтаетъ особый интересъ. Вотъ основная нить разсказа.

Священникъ Берестовской княжеской церкви любилъ уединяться для молитвы въ выкопанную имъ пещерку въ

лѣсу. Его полюбилъ Ярославъ и поставилъ въ 1051 г. на митрополию. Пещерка не осталась пустою,—въ ней поселился Антоній. Значить, когда Иларіонъ былъ сведенъ съ митрополию и постриженъ въ схиму, онъ—естественно—вернулся въ свою пещеру. Тамъ онъ нашель Антонія. Они стали жить вмѣстѣ. Около 1058 г. пришелъ къ нимъ Ѳеодосій, котораго Иларіонъ-Никонъ постригъ по желанію Антонія. Самъ Антоній не былъ пресвитеромъ. Не безъ умысла подготовить знатныхъ лицъ для занятія епископскихъ кафедръ русскими, Иларіонъ привлекъ въ пещеру Варлаама и Ефрема. Братіи прибывало. Антоній удалился въ другую пещеру въ затворъ. Игуменомъ сталъ Варлаамъ, который вынесъ церковь изъ-подъ земли. Варлаамъ скоро былъ взятъ княземъ на игуменство въ свой княжой монастырь. Игуменомъ сталъ Ѳеодосій. Онъ и устроилъ монастырь, собравъ братію и введя Студійскій уставъ, присланный изъ Константинополя братомъ Ефремомъ по порученію Ѳеодосія. Введеніе устава подняло монастырь высоко надъ греческими м-ями той поры, гдѣ монастырская жизнь была въ страшномъ упадкѣ, а уставъ Студійскій—забытъ. Ѳеодосій обстроилъ м-ь, перенесъ его на новое мѣсто, недалеко отъ старой пещерки Иларіона. Естественно, что въ монастырѣ оказалась лѣтопись 1039 г. м. Ѳеопемпта, обработку которой и продолженіе могъ Иларіонъ начать еще на кафедрѣ и унести съ собою въ пещеру. Мы знаемъ отношенія Ѳеодосія къ Никону и не сомнѣваемся, что всѣ эти реформы Ѳеодосія подсказаны Никономъ, пожелавшимъ встать въ тѣнь. У Никона была опредѣленная программа: сдѣлать Печерскій м-ь примѣромъ для самихъ грековъ, святымъ мѣстомъ и мѣстомъ подготовки будущихъ русскихъ іерарховъ. Едва ли Никонъ пересталъ мечтать объ автокефаліи для русской церкви. Но для этого нужно показать грекамъ, что русская церковь достойна ея. Печерскій м-ь и бралъ на себя задачу подготовки для этой цѣли лицъ и средствъ. Конечно, греки добровольно намъ не уступятъ. Автокефалію можно только вырвать силой. Для этого князьямъ

нужно копить силы, твердо соблюдать старшинство, жить дружно, не нести землю розно. Борьба князей—залогъ силы грековъ.

Вотъ исторія Печерскаго м-я и его тенденція въ освѣщеніи самого Иларіона. Въ этомъ смыслѣ она была опасна для вліянія и власти Константинопольскаго патріарха, почему и вызвала живое противодѣйствіе. Предложеніе канонизовать Θεодосія могло возникнуть еще въ игуменство Никона, какъ послѣдній камень, положенный его дряхлѣющею рукою въ фундаментъ автокефальной русской церкви. При немъ подготовлялось и житіе новаго святого. Каѳедра отстранила эту канонизацію. Ею бы пришлось расписаться въ собственной слабости и признать русскую церковь достойною самостоятельности: вѣдь чрезъ Печерскій м-ь, а не чрезъ каѳедру прошла реформа монашества и возрожденіе забытаго Студійскаго устава; вѣдь Θεодосій выставялся «житіемъ», какъ реформаторъ, поднявшій русское монашество выше тогдашняго греческаго. Естественно, что церковь, имѣющая такую силу и высоту духа для самостоятельныхъ реформъ, имѣющая такихъ великихъ подвижниковъ и святыхъ,—достойна автокефалии.

Смерть Никона (1088 г.) во многомъ развязала каѳедрѣ руки. Съ нимъ умиралъ основатель и двигатель Печерской жизни, съ нимъ угасала послѣдняя звѣзда изъ созвѣздія трехъ великихъ свѣтилъ первыхъ годовъ жизни м-я. Вѣроятно, послѣ смерти Никона каѳедра рѣшила покончить съ вопросомъ о канонизаціи Θεодосія, все еще волновавшимъ братію, ловкимъ и энергичнымъ ходомъ: было предложено канонизовать Антонія, какъ настоящаго первоначальника Печерскаго м-я. Во всѣхъ этихъ острыхъ вопросахъ Антоній былъ нейтральною фігурою, безобидною для каѳедры: пещерный затворникъ. Святость жизни его была у всѣхъ въ памяти, по времени онъ былъ первымъ Печерскимъ монахомъ. Каѳедра ничего не теряла съ этою канонизаціею, а выигрывала многое. Прежде всего этимъ удовлетворялась завѣтная мечта братіи имѣть въ стѣнахъ м-я

святого изъ числа братіи, а потомъ (что самое главное) изготовленное каедрою «житіе» Антонія должно было разбить русскую традицію Печерской жизни, освѣтить и разскать о первыхъ годахъ м-я съ удобной для каедрой точки зрѣнія. Авторитетъ святого и его «житія», радость братіи по случаю канонизаціи—прикрыли бы всѣ искаженія фактовъ, безъ которыхъ нельзя было ликвидировать наслѣдства Никона.

Вотъ, что разсказывала каедра о первыхъ годахъ и основаніи Печерскаго м-я.

Антоній, послѣ пещернаго подвига въ Любечѣ, отправился странствовать на востокъ. Вѣроятно, слишкомъ хорошо было извѣстно у насъ о паденіи монашества въ Греціи, п. ч. «житіе» отправило Антонія на Аѳонъ. Здѣсь онъ былъ постриженъ и получилъ пресвитерство. Игумень послалъ его на Русь съ опредѣленною цѣлью насадить здѣсь благодатную Аѳонскую жизнь. Антоній пришелъ къ Берестовскому лѣсу и здѣсь поселился въ пещерѣ. Это было задолго до Иларіона, и пещера была — варяжская. М. б. въ этомъ было извѣстное остроуміе—вывести самое святое мѣсто на Руси изъ разбойничьей пещеры, а м. б. это нужно было для другихъ, намъ неясныхъ, цѣлей. Къ Антонію стала стекаться братія: Моисей Угринъ, Иларіонъ, котораго Антоній постригъ самъ, потомъ Феодосій. Первоначальное устройство м-я—дѣло рукъ Антонія при благодатной помощи греческой церкви. Помощь эта была чудесна: пришли три пѣвца изъ Греціи и установили въ м-ѣ пѣніе. Между ними былъ чернецъ Студійскаго м-я, у котораго нашелся Студійскій уставъ. Антоній ввелъ этотъ уставъ. По годамъ приходилось все отодвинуть въ древность, чтобы Иларіонъ успѣлъ получить постриженіе отъ Антонія и, вѣроятно, чтобы связать весь разсказъ съ основаніемъ митрополіи въ Кіевѣ при м. Феопемптѣ.

Такъ разбивалась та ось, на которой вращалась жизнь Печерскаго м-я. Все оказывалось не русскимъ великимъ національнымъ дѣломъ, а греческою благодатью, благословеніемъ и помощью.

Легко понять, какую бурю вызвало это «Житіе» въ м-ѣ. Братія могла съ лѣтописью въ рукахъ—если не вѣрить ничему другому—доказать всѣ извращенія «житія» Антонія. Не безъ поддержки, вѣроятно, князя, дѣло кончилось въ ничью. Антоній и Феодосій канонизованы не были. Но борьба для обители не прошла даромъ. Каѳедра изъяла изъ рукъ братіи лѣтопись, какъ свидѣтеля все той же традиціи Никона, и занялась переработкой свода по «житію» Антонія. Такъ созданъ начальный сводъ. Само же «житіе» затерялось скоро, п. ч. не встрѣтило сочувствія въ русскомъ обществѣ, проникнутомъ тѣмъ же духомъ Никона.

V.

Все изложенное, думаю, объясняетъ, почему литературная традиція не сообщаетъ намъ о тождествѣ Никона съ Иларіономъ. Это могло, какъ кажется съ перваго взгляда, сохраниться въ лѣтописи или въ «житіи» Феодосія. Но и тотъ и другой памятники составлялись подъ наблюденіемъ Никона и основанія ихъ—его работа. А Никонъ могъ не желать сообщать объ этомъ, ставя себя вездѣ въ тѣнь отъ фигуръ Антонія и Феодосія. Ихъ, этихъ двухъ великихъ подвижниковъ, можно было легко канонизовать и тѣмъ освятить все дѣло Печерскаго м-я. Самъ же Никонъ, схимникъ по нуждѣ, самочинный митрополитъ, былъ слишкомъ спорною фигурой, чтобы выдвигаться на первый планъ.

Замалчивало объ Иларіонѣ—Никонѣ и «житіе» Антонія, т. к. разрывъ съ греками въ 1051 г. не былъ такимъ событіемъ, о которомъ нужно было постоянно напоминать. «Житіе» считало достаточнымъ дать монашество Иларіону прямо съ Аѳона чрезъ Антонія, дипломатично умалчивая о прочемъ.

Всѣ остальные памятники—позднѣйшіе той поры—писались тогда, когда о первыхъ годахъ Печерскаго м-я не вспоминали, а вычитывали изъ выше указанныхъ источниковъ.

Не будемъ удивляться, наконецъ, тому, что въ м-ѣ Печерскомъ не создали «житія» Никона. Объясненіе нужно видѣть въ томъ гнетѣ, который установился надъ Печерскою обителью послѣ разгрома 90-хъ годовъ, когда была изъята лѣтопись, и литературная дѣятельность м-я оборвалась. Вспомнимъ, что и Антоній остался безъ «житія» отъ руки братіи. Была ли надежда серьезно думать о канонизаціи мятежной жизни Иларіона—Никона?

Настало крутое время и нависла тяжелая цензура, что, вмѣстѣ съ отсутствіемъ энергичныхъ и авторитетныхъ лицъ среди братіи, надолго подорвало наладившуюся было русскую національную традицію въ жизни и дѣятельности Печерскаго монастыря.

М. Приселковъ.

Къ исторіи масонства въ Россіи.

Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ.

(По неизданнымъ документамъ).

Въ концѣ XVIII вѣка въ московскомъ обществѣ, очевидно, подъ вліяніемъ основаннаго въ Москвѣ университета, зародилось умственное движеніе, замѣчательное по своимъ результатамъ. Мы имѣемъ въ виду новиковскій кружокъ масоновъ, который, задавшись просвѣтительными и филантропическими цѣлями, оказалъ и Москвѣ и всей Россіи величайшія услуги. Кружокъ Новикова возникъ въ средѣ масоновъ, но лица, его составлявшія, были недовольны тѣмъ легкомысленнымъ искаженіемъ, которому подверглось въ то время масонство, и выдѣлились въ особую секту — розенкрейцеровъ, или, какъ они сами говорили, въ орденъ златорозоваго креста. Впрочемъ, въ Москвѣ они были извѣстны болѣе подъ именемъ мартинистовъ за то, что у нихъ особымъ уваженіемъ пользовалась книга С.-Мартена «О заблужденіяхъ и истинѣ» (*Des erreurs et de la vérité. Paris 1775*). Мартинистовъ было немного, всего какихъ нибудь двадцать человекъ; но они ворочали миллионнымъ дѣломъ, издали и пустили въ обращеніе по всей Россіи необычайно большое число книгъ и этимъ сильно способствовали пробужденію русскаго общества. Именно отъ нихъ начинается увлеченіе нѣмецкой философіей и то общественное движеніе въ Москвѣ, изъ котораго вышли западники и славянофилы. Наиболѣе видными мартинистами были: Н. И. Новиковъ, И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, А. М. Кутузовъ, братья Н. и Ю. Трубецкіе, С. И. Гамалѣя, Ѳ. П.

Ключаревъ, В. В. Чулковъ, А. Ладыженскій, Г. М. Походяшинъ и другіе. Свой подвигъ мартинисты запечатлѣли настоящимъ мученичествомъ, такъ какъ правительство заподозрѣло ихъ въ революціонныхъ замыслахъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергло жестокой карѣ. Разсѣянные, заточенные и сосланные, они сошли со сцены и были надолго забыты: о нихъ нельзя было ни говорить, ни писать публично. Только въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, въ дни сравнительной свободы печати, Лонгиновъ обнародовалъ свою замѣчательную книгу: «Новиковъ и московскіе мартинисты» (М. 1867 г.). Онъ прекрасно изложилъ внѣшнюю исторію образованія кружка, расцвѣтъ и упадокъ Типографической компаніи, а также рассказалъ и о гоненіяхъ, которымъ подверглись Новиковъ и его друзья. Но, отводя главное мѣсто Новикову, Лонгиновъ по необходимости, а также и по недостатку данныхъ былъ скупъ на подробности относительно другихъ членовъ кружка. Вслѣдствіе этого вышло такъ, что фигура Новикова закрыла собою всѣхъ его сотрудниковъ и несправедливо уменьшила ихъ значеніе. Правда, Новиковъ пострадалъ болѣе всѣхъ, но изъ близкаго знакомства съ дѣломъ нельзя не замѣтить, что въ общественномъ и умственномъ движеніи онъ не игралъ такой исключительной роли, какъ это можетъ казаться; что его окружала цѣлая кучка талантливыхъ и *болѣе образованныхъ*, чѣмъ онъ, сотрудниковъ, безъ которыхъ не могло бы дѣйствовать «Дружеское ученое общество».

Послѣ книги Лонгинова напечатано много новыхъ матеріаловъ, отчасти не бывшихъ въ рукахъ Лонгинова, хотя бы, напримѣръ, переписка А. М. Кутузова изъ Берлина съ московскими друзьями-единомышленниками. И если для полной картины ихъ интимной жизни недостаетъ многихъ подробностей, за то является полная возможность объяснить происхожденіе идей московскихъ мартинистовъ, а также и вполне характеризовать ихъ міросозерцаніе. Эта возможность увеличивается еще благодаря тому обстоятельству, что намъ удалось открыть въ рукописномъ отдѣ-

леніи Академіи Наукъ доселѣ никому неизвѣстныя письма одного изъ видныхъ мартинистовъ, именно Алексѣя Михайловича Кутузова. Письма эти, числомъ двѣнадцать, находятся въ архивѣ Тургеневыхъ, подаренномъ Академіи сыномъ декабриста, П. Н. Тургеневымъ. По архивному каталогу письма эти приписывались П. В. Кутузову, ген.-адъютанту времянъ имп. Николая. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ этими письмами мы убѣдились, что они принадлежатъ не кому другому, какъ упомянутому мартинисту, А. М. Кутузову. Всѣ эти письма адресованы къ извѣстному масону-мартинисту, Ивану Петровичу Тургеневу, отцу декабриста Н. И. Тургенева, бывшему потомъ (1797—1803) директоромъ Московскаго университета. Судя по нумераціи, можно думать, что писемъ Кутузова было болѣе пятнадцати, но сохранилось только 12. Изъ нихъ девять писаны въ 1782—1783 гг. изъ южной Россіи (14 августа, 13 сентября, 1 и 4 октября, 5, 9 и 29 декабря 1782; 13 и 23 января 1783 года) и три—въ 1788 году изъ Берлина (20 мая, августа и 4 ноября). Эти письма являются цѣннымъ дополненіемъ къ той перепискѣ Кутузова съ московскими друзьями, которая путемъ перлюстраціи сдѣлалась извѣстна правительству и впослѣдствіи, будучи извлечена изъ полицейскихъ архивовъ, напечатана была въ «Русской Старинѣ» (1874 и 1896 гг.). Вся эта переписка (включая сюда и новооткрытыя) содержитъ 31 письмо Кутузова. Онъ любилъ писать и много писалъ; поэтому ясно, какой богатый матеріалъ заключается въ нихъ, во-первыхъ, для характеристики этого мартиниста, во-вторыхъ, для внутренней исторіи новиковскаго кружка и, въ третьихъ, для характеристики того круга идей, среди котораго вращался Кутузовъ.

Что касается этой статьи, то мы избрали скромную задачу, а именно: кладя въ основу, главнымъ образомъ, письма Кутузова, а затѣмъ и другіе матеріалы, мы старались обрисовать личность этого масона и выяснить его біографію, которая до сихъ поръ крайне не разработана,

бѣдна подробностями и изобилуетъ разными неточностями. Достаточно сказать, что біографическія свѣдѣнія о Кутузовѣ имѣются только въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона и въ Словарѣ Импер. Русскаго Историч. Общества, но и эти коротенькія біографіи Кутузова, составленныя, по книгѣ Лонгинова, изобилуютъ, не взирая на краткость, многими неточностями. Отдѣльной же работы о Кутузовѣ еще не было. Рукописный матеріалъ, использованный нами для этой работы, состоитъ изъ *двѣнадцати* писемъ Кутузова къ И. П. Тургеневу, хранящихся въ рук. отд. биб. И. Академіи Наукъ.

Изъ печатной литературы для А. М. Кутузова важны слѣдующія книги и изданія: 1) «Переписка его и его друзей» (Рус. Старина 1874, I—III и 1896, XI); 2) «Сборникъ И. Рус. Ист. Общества», т. X; 3) Радищевъ. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Изд. Щеголева и П. Сильванскаго. 4) Бартеневъ. «Восемнадцатый вѣкъ», т. I.; 5) Карамзинъ. «Письма русскаго путешественника»; 6) Тихонравовъ. «Лѣтописи рус. литературы». 1863, т. V; 7) Логиновъ. «Новиковъ и московскіе мартинисты». М. 1867; 8) Е. Бобровъ. «Философія въ Россіи». (Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки и т. д., вып. III); 9) Мякотинъ. «На зарѣ рус. общественности» (въ книгѣ: «Изъ Исторіи рус. общества». 2-е изд. 1906); 10) Сухомлиновъ. «Изслѣдованія и статьи по исторіи литературы и просвѣщенія», т. I (Спб. 1889 г.), и другія.

I.

Годъ рожденія Кутузова намъ неизвѣстенъ, но, какъ товарищъ и другъ Радищева и Тургенева, онъ могъ быть ихъ сверстникомъ, и тогда годъ его рожденія падаетъ на 1749—1752 гг. Учился ли онъ въ Московскомъ университетѣ, какъ принято думать, достовѣрно неизвѣстно. Только изъ письма его къ Е. И. Голенищевой-Кутузовой и къ И. В. Лопухину ¹⁾ можно сдѣлать положительный выводъ,

¹⁾ Письмо отъ 24 нояб.—4 дек. 1790 г. (Рус. Стар. 1896, XI, 324).

что до 1766 г. Кутузовъ нѣсколько лѣтъ находился пажемъ при особѣ имп. Екатерины II. Въ виду важности для его біографіи указаннаго письма къ Кутузовой, мы приводимъ здѣсь изъ него нѣсколько строкъ: «Вы, думаю, слышались отъ меня о Радищевѣ, который былъ *со мною вмѣстѣ пажемъ, въ Лейпцигѣ и въ Сенатѣ, съ которыми былъ я 14 лѣтъ въ одной комнатѣ* ¹⁾... Послѣ 14 лѣтъ онъ женился. Покойная жена его смотрѣла на меня другими глазами; дружба моя къ ея мужу казалась ей непріятною, а и того менѣе мое присутствіе приносило ей удовольствіе. Немудрено было мнѣ примѣтить сіе, равно какъ и непріятное положеніе моего друга; и для того, для сохраненія ихъ домашняго спокойствія и согласія, рѣшился я разстаться съ ними. Отъѣздъ мой въ армію подалъ мнѣ пристойный къ тому случай» ²⁾. Изъ приведеннаго письма можно сдѣлать нѣсколько заключеній, важныхъ для выясненія біографіи Кутузова. Во-первыхъ, зная годъ женитьбы Радищева (1775) и отсчитывая отъ него назадъ 14 лѣтъ, мы увидимъ, что совмѣстная жизнь Кутузова съ Радищевымъ началась съ 1762 года. Но въ этомъ году, именно во время коронаціи имп. Екатерины II въ Москвѣ, Радищевъ былъ сдѣланъ пажемъ при ея особѣ ³⁾. Отсюда, во-вторыхъ, мы имѣемъ право сдѣлать выводъ, что Кутузовъ былъ пожалованъ въ то же званіе въ Москвѣ, въ одно время съ Радищевымъ, т. е. во время коронаціи,—и что оба они оставались въ этой должности до 1766 года, когда были посланы для изученія юридическихъ наукъ въ лейпцигскій университетъ и оставались въ немъ до конца 1771 года.

Изъ «наставленія» имп. Екатерины II видно, что лейпцигскіе студенты должны были обучаться латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Рус. Старина 1896, XI, 329 (письмо 6 декаб. 1790 г.).

³⁾ Рус. Старина 1872, т. VI, 574 (изъ записокъ сына Радищева).

языкамъ; изъ наукъ же должны были обучаться «моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву» 1). Біографъ Радищева, Сухомлиновъ, справедливо говоритъ, что обиліе предметовъ и нравственное наблюденіе надъ лейпцигскими студентами существовали только на бумагѣ, а въ дѣйствительности было совсѣмъ другое: иные изъ нихъ учились, а другіе ничего не дѣлали. Мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, какъ и чему учился Кутузовъ; знаемъ только, что въ отзвѣ профессоровъ о русскихъ студентахъ (черезъ полтора года послѣ ихъ пріѣзда въ Лейпцигъ) среди трехъ «отмѣнно искусныхъ» (Ушаковъ, Яновъ и Радищевъ) имени Кутузова нѣтъ 2). Но это не значитъ однако, что онъ былъ студентомъ незанимающимся. По словамъ Карамзина (въ «Письмахъ рус. путеш.»), Платтнеръ изъ всѣхъ своихъ русскихъ учениковъ особенно помнилъ двухъ,—Радищева и Кутузова. Знаменитый Платтнеръ, медикъ и философъ, приближавшійся въ своемъ философскомъ направленіи къ Лейбницу и отчасти къ Канту, съ наклономъ въ сторону скептицизма,—читалъ фізіологію и философію 3). Изъ всѣхъ профессоровъ, которыхъ слушали русскіе студенты, онъ несомнѣнно былъ самымъ выдающимся и, по нашему мнѣнію, оказалъ наибольшее вліяніе не только на Радищева (мнѣніе Е. Боброва), но и на Кутузова, который впоследствии проявлялъ интересъ къ медицинѣ и метафизикѣ. Послѣ Платтнера наибольшее повидимому вліяніе оказалъ на него также Христіанъ Гарве, моралистъ, психологъ и историкъ философіи, послѣдователь Локка 4). Недаромъ Кутузовъ въ своихъ письмахъ постоянно морализируетъ и касается во-

1) Сборникъ И. Р. И. Общ., X, 107.

2) Бобровъ, Философія Радищева (Учен. Записки Казан. Унив. 1900, II, 364).

3) Бобровъ, Философія въ Россіи (Учен. Зап. Казан. Ун. 1900, II, 374).

4) Ibid.

просовъ психологіи, въ которой онъ разбирается недурно. Есть основаніе думать, судя по письмамъ Кутузова (особенно неотпечатаннымъ), что онъ вообще съ пользою провелъ годы ученія въ лейпцигскомъ университетѣ. Однако нельзя не видѣть и отрицательнаго вліянія, оказаннаго заграничною жизнью, какъ на Радищева, такъ и на Кутузова: безъ сомнѣнія, тяжелая обстановка этой жизни порядочно искалѣчила эти благородныя натуры. Изъ «Житія Ѳ. В. Ушакова», написаннаго Радищевымъ, видно, что они всего понатерпѣлись подѣ надзоромъ Бокума, грубаго и жаднаго человѣка, содержавшаго ихъ очень дурно,—что они много вынесли непріятностей—и это на чужбинѣ, вдали отъ родины, по которой они несомнѣнно скучали. Къ этому присоединился еще и душевный кризисъ, неизбѣжный при усвоеніи новой науки, при знакомствѣ съ культурой, чуждой русской жизни и всей родной обстановки. Вѣдь они, на примѣръ, читали да еще съ большимъ увлеченіемъ книгу Гельвеція (*De l'ésprit*), «читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научилися», говоритъ Радищевъ въ упомянутомъ «Житіи». А эта глубоко матеріалистическая книжка совершенно отрицала тѣ религіозно-нравственные устои, которые они усвоили на родинѣ. Наконецъ еще одно обстоятельство надломило ихъ души, сдѣлало обоихъ друзей наклонными къ меланхоліи и «ипохондріи», это—смерть старшаго товарища Ушакова, котораго они очень любили. Онъ угасалъ на ихъ глазахъ и за нѣсколько дней до смерти такъ страдалъ, что просилъ товарищей—и именно Кутузова—дать ему яду. Посовѣтовавшись съ Радищевымъ, Кутузовъ отказалъ ему въ этомъ. Но что они тогда чувствовали, что пережили,—видно, изъ слѣдующихъ словъ Радищева въ «Житіи Ѳ. В. Ушакова»: «Сердце мое толико было уязвлено тогда скорбію, что впослѣдствіи ни изступленія радости и утѣхъ, ни потеря супруги не истребили чувство прежней печали» 1).

1) Барятинскій, XVIII вѣкъ, I, 213.

Въ концѣ 1771 г. Кутузовъ и Радищевъ возвратились въ Петербургъ и поступили на службу въ сенатъ протоколитами, причемъ жили вмѣстѣ на одной квартирѣ. Изъ приведеннаго выше письма Кутузова ясно, что въ сенатѣ онъ оставался до 1775 года, т. е. до женитьбы Радищева, или даже до 1776 года, послѣ чего онъ уѣхалъ въ армію. Очевидно, въ эту эпоху своей жизни Кутузовъ сблизился съ Новиковымъ и его друзьями, какъ В. В. Чулковъ, И. П. Тургеневъ и другіе. Потомъ, служа въ арміи, онъ считался членомъ ихъ масонской ложи; а когда они переселились въ Москву (1779 г.), то онъ и тамъ не прерывалъ съ ними связи и, кажется, не одинъ разъ навѣщалъ ихъ, какъ это можно догадываться по письмамъ, открытымъ нами въ Тургеневскомъ архивѣ Академіи Наукъ. Также скоро возобновилась у него связь и съ Радищевымъ: черезъ нѣсколько лѣтъ они вступили въ переписку, и дружба ихъ стала еще тѣснѣе, не взирая на то, что во время разлуки образъ ихъ мыслей сдѣлался «весьма различенъ»; но они, хотя и спорили, а любили другъ друга, «ибо видѣли ясно, что разность находилась въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ»¹⁾.

Въ какой полкъ арміи уѣхалъ Кутузовъ въ 1775—1776 годахъ, мы не знаемъ, но приблизительно съ 1780 г. онъ находится въ Луганскомъ полку М. Ил. Голенищева-Кутузова, знаменитаго впослѣдствіи князя Смоленскаго; стало-быть принимаетъ участіе въ подавленіи возстанія крымскихъ татаръ (1782—1783) и оттуда пишетъ тѣ письма къ Тургеневу, которыя найдены нами въ архивѣ Академіи. Но въ январѣ 1783 г. онъ выходитъ въ отставку, поселяется въ Москвѣ, въ переводческой семинаріи новиковскаго кружка и дѣлается членомъ «Дружескаго ученаго общества» и участникомъ всѣхъ предприятий Типографической компаніи, внеся въ складочный капиталъ 3000 рублей. Однако, прежде чѣмъ излагать дѣятельность Кутузова

¹⁾ Изъ письма Лопухина (Рус. Старина 1896, XI, 324).

въ Москвѣ и потомъ за границую, мы познакомимся съ содержаніемъ его писемъ къ Тургеневу изъ Луганскаго полка; они дають несомнѣнно богатый матеріалъ для характеристики самого Кутузова и его отношеній къ новиковскому кружку. Есть въ этихъ письмахъ не мало и другихъ данныхъ, важныхъ для исторіи эпохи. Такъ, на примѣръ, мы кое что узнаемъ изъ семейной жизни Голенищева-Кутузова, тогда еще незнаменитаго генерала.

Итакъ изъ новооткрытыхъ писемъ мы видимъ, что Кутузовъ въ 1782 году находится въ Луганскомъ полку, подъ начальствомъ М. И. Голенищева-Кутузова. Онъ недоволенъ своимъ положеніемъ, тѣмъ, что со своимъ полкомъ «таскается» по степямъ «обоихъ здѣшнихъ губерній», т. е. Екатеринославской и Таврической. Кутузовъ негодуетъ на бессмысленные переходы и передвиженія полка и замѣчаетъ, что онъ привыкъ видѣть, какъ играютъ ими точно бирюльками. Въ пустынной степи, среди полуварварскихъ обитателей и въ обществѣ военныхъ, гдѣ мало умственныхъ интересовъ,— ему не по себѣ. «Я вижу,— говоритъ онъ,— различіе между жизнію, истинѣ и наукамъ посвященною, и между тою, которую проводятъ, скитаясь по степямъ, претерпѣвають жары, холода, голодь, жажду и всякія безпокойства — для чего? чтобы лишить жизни нѣсколькихъ людей, никогда и никакого зла мнѣ не сдѣлавшихъ; или самому отъ нихъ быть убиту» (письмо 29 дек. 1782). «Сердечныя движенія» волнуютъ его; Кутузовъ сравниваетъ себя съ кораблемъ безъ кормила, который носится по морю «по изволенію вѣтровъ». Безъ друзей и искреннихъ пріятелей онъ чувствуетъ себя одинокимъ, будто затеряннымъ въ пустынѣ, особенно во время болѣзни, недавно посѣтившей его (письмо 14 авг. 1782 г.). Не получая долго писемъ отъ друзей, онъ начинаетъ сомнѣваться въ ихъ дружбѣ: друзья—рѣдкое явленіе, они—«феномены въ природѣ человѣческой». Кутузовъ жалуется на дурное настроеніе духа; по собственному признанію, нравъ у него тихій, молчаливый и отъ природы склонный

къ меланхолии, а воображеніе склонно къ «пасмурнымъ представленіямъ»; оттого уныніе у него часто переходитъ въ отчаяніе ¹⁾). Что онъ былъ человѣкомъ молчаливымъ, видно изъ его словъ: «языкъ мой весьма щастливый членъ; у весьма малыхъ людей его братья бываютъ такъ покойны; безъ сомнѣнія ему покойнѣе, нежели бѣдному языку Чулкова» (письмо 29 дек. 1782). Итакъ Кутузовъ жалуется Тургеневу на хандру и старается объяснить ея происхожденіе. Различныя причины произвели ее: во-первыхъ, смерть многихъ особъ, весьма ему драгоцѣнныхъ, умершихъ одна вслѣдъ за другою; во-вторыхъ, въ послѣднее время онъ былъ «обманутъ многими особами», которыхъ онъ не считалъ на то способными. «Все сіе совокупилось и составило цѣлое, которое обременяетъ душу мою». Третья причина его «гипохондріи» вытекала изъ выполненія совѣта, даннаго ему другомъ (т. е. Тургеневымъ)—познавать самого себя. «Начавъ прилежнѣе упражняться въ сей священной наукѣ», онъ къ своему изумленію нашель въ себѣ такія гнусности, о коихъ ему прежде и на умъ не приходило, и это его огорчило еще болѣе. Но онъ не отчаивается и постепенными упражненіями въ самопознаніи надѣется себя исправить, укротить свои страсти и уничтожить пороки. Отъ своей хандры онъ находитъ облегченіе въ Эпиктетовомъ правилѣ: *глупо прилѣпляться къ вещамъ, отъ насъ независящимъ*. Всѣ его мысли въ Москвѣ, въ кругу его друзей, и Кутузовъ буквально осаждаетъ одного изъ нихъ, Тургенева (да и другихъ тоже), просьбами—поскорѣе устроить его положеніе въ Переводческой семинаріи. Онъ думаетъ скоро «преселиться» къ друзьямъ въ Москву. «Отъ васъ зависитъ,—пишетъ онъ 13 сентября,—ускорить дѣло симъ, поспѣшайте съ раздѣломъ и естли можно продажею деревень

¹⁾ Кромѣ неиздан. писемъ въ архивѣ Тургеневыхъ см. отрывокъ письма Кутузова въ «Письмахъ рус. путеш.» Карамзина (30 іюня 1789 г.). Послѣдній называетъ его «меланхоликомъ», но добродушнымъ и любезнымъ человѣкомъ.

моихъ. Устройте мнѣ жилище мое, я не желаю многова (sic), одну комнату особливую, чтобы никто и ни въ какое время не мѣшалъ мнѣ. Я думаю, что... Новиковъ не забылъ и прочія условія наши». Изъ писемъ Кутузова можно заключить, что до этого года онъ нѣсколько разъ заглядывалъ въ Москву и поддерживалъ съ членами кружка дружескія отношенія. Онъ рѣшается бросить военную службу, переменить шпагу и лошадь на «чернилицу съ приборомъ», сдѣлаться сотрудникомъ и переводчикомъ въ «Дружескомъ обществѣ». «Ежели окаянные татары не отрубятъ башки моей, то зима сія соединить [насъ], дабы никогда уже до смерти моей не разлучаться съ вами». (Письмо 13 сент.). Новикову онъ остерегается писать «запоемъ», ибо опасается «недобѣсть ему своимъ вздоромъ и оторвать его отъ важныхъ дѣлъ, которыя такъ его обремениаютъ, что не остается ему и минуты помыслить о друзьяхъ своихъ». Кутузовъ—человѣкъ привязчивый, онъ беззавѣтно любитъ своихъ друзей, но «въ разсужденіи дружбы» онъ очень чувствителенъ, и «малѣйшее нерадѣніе» со стороны друзей трогаетъ его до безконечности. (Письмо 4 окт.). Онъ очень интересуется дѣлами новиковскаго кружка, радуется его успѣхамъ и горюетъ о его неудачахъ. Кутузова очевидно увѣдомили о дѣлахъ масонскихъ, можетъ быть объ основаніи ордена «Златорозоваго Креста» (1782); и на это онъ пишетъ, что все, сдѣланное ими, онъ одобряетъ, будучи увѣренъ, что они, его товарищи, не предпримутъ «ничего противнаго чести и религіи». Онъ спрашиваетъ объ ученомъ (Дружескомъ) обществѣ, которое какъ разъ въ то время готовилось выступить къ офиціальному существованію (съ ноября 1782 г.). Не получая долго письма отъ Новикова, Кутузовъ озабоченно спрашиваетъ, не сердитъ ли онъ на него. «Нельзя стать, чтобы въ три мѣсяца не нашелъ онъ времени написать нѣсколько строчекъ; тѣмъ мудренѣе мнѣ сіе кажется. что самъ онъ обѣщаль увѣдомить меня о чемъ-то важномъ; признаюсь, что таковой поступокъ его чувстви-

тельно трогаетъ меня и огорчаетъ». (Письмо 1 окт. 1782). Изъ этого и другихъ писемъ можно заключить, что Кутузовъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, можетъ быть въ маѣ—іюнѣ былъ въ Москвѣ и видѣлся съ Новиковымъ, который очевидно облюбовалъ его, какъ полезнаго переводчика, можетъ быть также думалъ о складочномъ капиталѣ для образованія «компанейской» типографіи и, прощаясь съ Кутузовымъ, кажется это имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что напишетъ ему о чемъ-то важномъ. Въ концѣ того же письма Кутузовъ еще разъ проситъ Тургенева хорошенько посовѣтоваться съ Новиковымъ «о устроеніи жизни» его: «онъ (Новиковъ) обѣщалъ мнѣ одну горницу; болѣе я не требую, но только чтобы я былъ одинъ и à ton aise». Прося поскорѣе увѣдомить его обо всемъ, Кутузовъ, въ видѣ оправданія своей нетерпѣливости, замѣчаетъ, что вѣдь онъ дѣлаетъ «можетъ быть важнѣйшій шагъ въ жизни». Его такъ сильно мучатъ ожиданіе и неизвѣстность, что онъ черезъ три дня пишетъ новое письмо (4 октября), упрекая Тургенева и всѣхъ друзей въ томъ, что они совсѣмъ не пишутъ ему; ихъ молчаніе становится несноснымъ и усиливаетъ его «гипохондрию». Слѣдующее письмо Кутузовъ пишетъ только 5 декабря и по видимому за эти два мѣсяца (4 окт.—5 декаб.) онъ или совсѣмъ не писалъ своимъ друзьямъ, или же его письма, писанныя въ этотъ промежутокъ времени, потеряны, что вполнѣ возможно, такъ какъ, судя по нумераціи, всѣхъ писемъ, полученныхъ Тургеновымъ изъ Луганскаго полка, должно быть 13, а въ нашей пачкѣ ихъ только 9. Въ это время онъ стоитъ съ своимъ полкомъ (очевидно на зимнихъ квартирахъ) въ Луганской слободѣ; у него много свободнаго времени, и онъ имѣетъ возможность заниматься любимымъ дѣломъ—читать и переводить. Онъ уже не удивляется, что Новиковъ не пишетъ ему ни одной строчки, хотя въ двухъ своихъ письмахъ, со времени его (Кутузова) отъѣзда онъ въ каждомъ изъ нихъ обѣщалъ «писать на будущей почтѣ о дѣлѣ очень важномъ». Но

онъ удивляется, что и Тургеневъ ему пишетъ тоже мало; и вотъ, огорченный всѣмъ этимъ и другими обстоятельствоми, сидѣлъ Кутузовъ у камина въ великой задумчивости. Въ рукахъ у него было два полѣнца дровъ, и онъ, погрузившись въ забвеніе, теръ ихъ такъ долго, что они задымались, и дымъ полѣзъ ему въ глаза. Бросилъ онъ полѣнца, и они тотчасъ остыли. Это привело его къ слѣдующимъ мыслямъ. «Происшествіе сіе какъ будто нарочно изобразило мнѣ дружбу нашу. Бывъ вмѣстѣ, бесѣдовали часто другъ съ другомъ, и сердца наши такъ сказать терлись одно объ другое и сіе то производило оный жаръ, который мы дружбою называли; но послѣ разлуки нашей уподобились мы онымъ полѣнамъ, на полъ положеннымъ: жаръ нашъ началъ простывать и наконецъ въ совершенную холодность претворился. Такъ, мой другъ, теперь я вижу ясно, что большая часть изъ васъ имѣли ко мнѣ дружбу не истинную..., ибо истинная дружба никогда не премѣняется». Кутузовъ приходитъ къ заключенію, что они всѣ еще не довольно созрѣли для истинной дружбы. Себя же онъ начинаетъ презирать и боится сдѣлаться «человѣконенавистнымъ», тѣмъ болѣе, что онъ отъ природы склоненъ къ мрачнымъ мыслямъ. Молчаніе друзей, особенно Новикова и Тургенева, въ столь критическій моментъ его жизни было ему очень обидно и оставило такой глубокой слѣдъ въ его душѣ, что онъ вспоминаетъ о немъ шесть лѣтъ спустя, находясь уже въ Берлинѣ (см. письмо 20/31 мая 1788),—и вспоминаетъ даже два раза.

Оставаясь на зимнихъ квартирахъ и имѣя свободное время, Кутузовъ начинаетъ переводить сочиненіе Юнга: «Плачь или ночныя мысли»; въ письмѣ 5 декабря онъ сообщаетъ, что уже оканчиваетъ послѣднюю «ночь». «По окончаніи всего перевода намѣренъ его вычистить, сколько силъ моихъ достанетъ, и, снабдивъ примѣчаніями, отдамъ вамъ для напечатанія». За эту работу онъ взялся не изъ честолюбія: плѣнившись глубокими мыслями «истиннаго стихотворца сего и бывъ совершенно увѣренъ въ пользѣ,

которую всякій добросердечный человѣкъ изъ книгъ его почерпнуть можетъ, съ охотою подвергаю себя критикѣ и злословію зоиловъ россійскихъ; пусть меня ругаютъ! Сіи люди подобны собакамъ, которыя лежатъ на сѣнѣ и не питаются сами онымъ и никого къ нему не допускаютъ». Этотъ переводъ былъ отправленъ въ Москву съ письмомъ 23 января 1783 г., а увидѣлъ онъ свѣтъ, кажется, только въ 1785 году (см. энц. сл. Брокгауза, пол. 33-й, стр. 140). Кутузовъ напоминаетъ также Тургеневу, что ихъ молчаніе на его письма можетъ оказаться причиною, что онъ останется на службѣ еще цѣлый годъ, потому что на дняхъ полученъ былъ въ полку указъ, въ которомъ послѣдній срокъ назначенъ къ 1-му числу января; «послѣ же сего времени не велѣно принимать челобитенъ въ отставку». Вотъ почему Кутузовъ торопитъ друзей поспѣшить отвѣтомъ. Узнавъ, что въ типографіи Новикова отпечатаны «Бесѣды Василя Великаго», онъ проситъ прислать ихъ.

Наконецъ 9 декабря онъ получилъ желанное письмо отъ Тургенева, очевидно съ приглашеніемъ поселиться у Новикова въ качествѣ постоянного переводчика Дѣйствительно, какъ разъ въ этомъ году Новиковскій кружокъ развертываетъ свои силы на поприщѣ масонской пропаганды и просвѣтительной дѣятельности. У кружка явились средства: съ легкой руки извѣстнаго богача П. А. Татищева образовался «складочный» капиталъ; и вотъ «Дружескому Обществу», для достиженія своихъ цѣлей, нужны были переводчики, а они въ то время были крайне рѣдки ¹⁾). Понятно, Кутузовъ являлся для кружка необходимымъ человѣкомъ, и онъ былъ приглашенъ. Письмо друзей его очень обрадовало; онъ уже раскаивается въ своей рѣзкости и оправдывается тѣмъ, что источникъ преступленія его есть горячая и искренняя къ нимъ дружба.

«Съ великимъ удовольствіемъ или, лучше сказать, съ восхищеніемъ читалъ я успѣхи дѣлъ нашихъ»,—говоритъ

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, 180.

онъ, узнавъ очевидно объ открытіи (въ ноябрѣ этого года) Дружескаго ученаго общества. Но въ своемъ письмѣ Тургеневъ что-то сообщалъ ему о дѣлахъ Новикова, что сильно опечалило Кутузова. «Увѣдомь пожалуйста,—пишетъ послѣдній: что разумѣешь ты подъ разстроенными его обстоятельствами? Недостатокъ въ деньгахъ? — стыдно и гнусно намъ будетъ оставить его въ состояніи семъ. Я человѣкъ небогатый, однако же все, что имѣю, жертвую для облегченія обстоятельства его». Тутъ онъ проситъ поскорѣе хлопотать о раздѣлѣ его съ братомъ, продать хотя бы съ небольшою уступкою доставшееся на его долю и деньги отдать Новикову. «Стыдно, стыдно намъ подражать Татищеву ¹⁾, пусть онъ тщеславить богатствомъ своимъ». Кутузовъ радуется также и тому, что петербургскій другъ его Чулковъ сталъ сочленомъ ихъ общества: «я давно хотѣлъ о семъ просить, но не смѣлъ, ибо имѣю привычку въ самомъ себѣ сомнѣваться. Но если не ошибаюсь, онъ одинъ изъ достойнѣйшихъ сочленовъ нашихъ, твердъ, искрененъ, чистосердеченъ, здравомыслящій, постояненъ и вѣренъ въ дружбѣ» (9 декабря 1782 г.).

28 декабря Кутузовъ подаетъ челобитную объ отставкѣ и на другой день пишетъ Тургеневу, какой душевной борьбы стоилъ ему этотъ шагъ жизни: «я не въ состояніи описать тебѣ чувствованій моихъ въ жестокою сію минуту. Я былъ внѣ себя и не зналъ, что дѣлать». «Ахъ, другъ мой, если бы ты видѣлъ меня въ ту минуту, какъ сраженіе сихъ противныхъ страстей приходило къ окончанію, и разумъ мой начиналъ уже одерживать верхъ, когда наконецъ одержалъ онъ совершенную побѣду, и я, повинувшись ему, подавалъ мою челобитную: я увѣренъ, что ты, глядя на меня, пролилъ бы слезы». Катерина Ильинишна Голенищева-Кутузова, увидавъ его, ужаснулась и подумала, что онъ очень боленъ. Даже впоследствии, въ 1791 г., находясь

¹⁾ Кутузовъ очевидно еще не зналъ о пожертвованіяхъ Татищева, переданныхъ черезъ Шварца въ распоряженіе Дружескаго ученаго общества.

въ Берлинѣ, Кутузовъ вспоминаетъ, что службу покинулъ онъ «съ великимъ неудовольствіемъ». Изъ этого письма мы можемъ заключить, что съ М. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ, знаменитымъ впоследствии княземъ Смоленскимъ, и его семьею Кутузовъ прожилъ три года и былъ очень къ нимъ привязанъ; только подавши челобитную, почувствовалъ онъ, какъ Голенищевы-Кутузовы ему дороги и какъ тяжела для него будетъ съ ними разлука. Другая причина его душевной борьбы была та, что онъ, оказывается, уже привыкъ къ безпокойной цыганской жизни. Въ этомъ и двухъ остальныхъ письмахъ изъ Луганскаго полка (13 и 23 января 1783 г.) мысли Кутузова вращаются въ Москвѣ: онъ поглощенъ устроениемъ будущей тамъ жизни, напоминаетъ свою просьбу устроить его «келію»—все равно какую, лишь бы не была проходная. «Кушанья, братецъ, бери мнѣ побольше, да чернилицу съ приборомъ; видно, что пришло дѣло мѣнять на нихъ шпагу мою и лошадь». Въ слѣдующемъ письмѣ (13 января) Кутузовъ проситъ Тургенева поторопиться относительно раздѣла его съ братомъ; ему хочется, чтобы этотъ вопросъ былъ поконченъ къ его пріѣзду. Та же просьба повторяется и въ письмѣ 23 января. Брату онъ не довѣряетъ, будучи увѣренъ, что скупость ослѣпляетъ его. Но въ этомъ письмѣ есть прелюбопытное мѣсто, показывающее, что даже такіе несомнѣнно гуманные люди, какъ Лопухинъ, Кутузовъ и Тургеневъ, готовые придти на пользу страждущему и творившіе щедрую милостыню,—даже эти люди не задумывались надъ участью крѣпостныхъ и дворовыхъ, этихъ страждущихъ жертвъ крѣпостной неволи. «Побликуя въ Вѣдомостяхъ ¹⁾»,—пишетъ Кутузовъ:—надобно выговарить нѣкоторыхъ дворовыхъ людей; я и самъ еще не знаю, которые мнѣ достанутся; когда станутъ дѣлить, то постарайтесь, чтобы и дворовые люди раздѣлены были поровну. Тутъ есть два парикмахера, одинъ Сергѣй Смирной, другой Федулъ Григоріевъ; и такъ смотри,

¹⁾ Т. е. о продажѣ деревень.

чтобы оба на одну сторону не достались». Вотъ какъ даже гуманные люди дѣлили дворовыхъ поровну, точно какихъ-нибудь коровъ или лошадей! Что Кутузовъ повидимому ни разу не задумывался надъ положеніемъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, въ этомъ мы безусловно убѣждены, такъ какъ ни въ одномъ изъ тридцати съ лишкомъ его писемъ ни разу не высказывается онъ за улучшеніе ихъ быта, и это поразить насъ еще болѣе, когда мы вспомнимъ о его дружбѣ съ Радищевымъ, этимъ благороднымъ защитникомъ крестьянъ. Очевидно всѣ думы и чувства Кутузова были направлены совершенно въ другую сторону, въ сторону ма-сонскихъ идеаловъ отвлеченнаго спасенія и индивидуальнаго совершенствованія.

II.

На этомъ и обрывается переписка Кутузова съ Тургеневымъ изъ Луганскаго полка, вѣроятно потому, что онъ скоро пріѣхалъ въ Москву и поселился въ Переводческой семинаріи, которая вмѣстѣ съ Педагогической помѣщалась близъ Меншиковой башни, въ домѣ, купленномъ «Дружескимъ обществомъ» на имя Шварца ¹⁾. Здѣсь около 1785—1786 гг. жили неразлучные пріятели, поэтъ А. А. Петровъ и Карамзинъ; и вѣроятно съ этихъ поръ возникла та привязанность Карамзина къ Кутузову, которая чувствуется въ «Письмахъ русскаго путешественника». Въ лицѣ Кутузова «Дружеское общество» приобрѣло крупную силу; можно сказать незамѣнимую, потому что послѣ смерти Шварца (1784) онъ являлся единственнымъ европейски образованнымъ членомъ, знающимъ иностранные языки. Не преувеличивая можно сказать, что онъ да Тургеневъ были главными переводчиками, подъ редакціей которыхъ выходили и переводы другихъ молодыхъ переводчиковъ, какъ Петровъ, Д. И. Дмитревскій, Карамзинъ и другіе. Къ сожалѣнію, въ открытыхъ нами письмахъ нѣтъ прямыхъ указаній на ли-

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, 181.

тературную и масонскую дѣятельность Кутузова за московскій періодъ его жизни (1783—1787 гг.); они даютъ кое-что новое для внутренней исторіи «Дружескаго общества». Поэтому намъ придется ограничиться тѣми скудными свѣдѣніями, которыя извѣстны намъ изъ печатныхъ матеріаловъ. Въ 1784 г. Кутузовъ состоялъ въ чинѣ маіора и былъ въ числѣ членовъ, управлявшихъ дѣлами «Типографической компаніи» (Новиковъ, Гамалѣя, Лопухинъ, Кутузовъ, бар. Шредеръ и братья Н. и Ю. Трубецкіе ¹⁾). Въ одномъ письмѣ изъ Берлина (4/15 ноября 1788 г.) Кутузовъ вспоминаетъ о дѣлахъ «Типографической компаніи» и въ неясныхъ выраженіяхъ даетъ понять, что дѣла ея были запутаны и плохи уже до 1787 г., т. е. до его отъѣзда за границу. «Извѣстно тебѣ, — пишетъ онъ Тургеневу, — что большая часть изъ насъ не имѣла чистаго о ней (компаніи) понятія. Изъясненія, дѣлаемая намъ о сихъ дѣлахъ, были весьма недостаточны и такъ сказать единые токмо отрывки, которыхъ я не могъ связать». Каждый изъ участниковъ (пайщиковъ) компаніи смотрѣлъ на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія: «всѣ наши споры поддерживались и отвергались съ жаромъ и досадою; главное же дѣло состояло въ томъ: я слышалъ многократно, что все сіе дѣло представляли намъ частію *главнаго нашего дѣла*. Признаюсь, сіе представлялось мнѣ всегда непонятнымъ» ²⁾). Кутузовъ увѣряетъ даже, что съ самаго его пріѣзда (изъ арміи въ Москву) къ нему относились съ недоувѣріемъ и скрытностью, что произвело въ немъ досаду и возбудило его гордость. По его словамъ, въ кружкѣ не доставало духа согласія и единодушія. Кого здѣсь обвиняетъ Кутузовъ: одного ли Новикова или и другихъ членовъ «Дружескаго общества» — рѣшить трудно.

За время своей московской жизни Кутузовъ перевелъ съ нѣмецкаго слѣдующія книги: 1) «Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ, соч. Пара-

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и т. д.

²⁾ Архивъ Тургеневыхъ въ Академіи Наукъ, № 98.

цельса» (по алхиміи); 2) «Страшный судъ и торжество вѣры», сочиненіе Эдуарда Юнга, и 3) «Мессіада» Клопштока въ прозаическомъ переводѣ. Всѣ эти переводы Кутузова напечатаны въ 1785 г. Какъ мы видѣли выше изъ его писемъ, онъ перевелъ также «Плачь или ночныя мысли» Юнга; онѣ тоже были напечатаны въ 1785 г. Вотъ и все, что намъ извѣстно о литературной дѣятельности Кутузова.

Въ началѣ 1787 г. онъ по дѣламъ ордена розенкрейцеровъ былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Онъ получалъ содержаніе отъ своихъ товарищей по ордену, т. е. отъ Лопухина и братьевъ Трубецкихъ. Онъ писалъ имъ (какъ и они ему, особенно Лопухинъ) довольно часто. Часть этой переписки сохранилась, вслѣдствіе тайной перлюстраціи со стороны московской полиціи, и напечатана въ «Русской Старинѣ» (1874 и 1896 гг.). Кромѣ того, сохранилось еще, какъ упомянуто выше, три письма Кутузова къ Тургеневу. Всѣ эти письма даютъ прекрасный матеріалъ для характеристики Кутузова, его настроенія и взглядовъ; но, къ сожалѣнію, очень мало даютъ для его біографіи, такъ какъ Кутузовъ, по своему обыкновенію, весьма мало говоритъ о томъ, какъ и съ кѣмъ онъ проводитъ время, и весьма много о томъ, что и какъ онъ думаетъ или чувствуетъ.

Первое письмо даетъ намъ понять, что Тургеневъ писалъ Кутузову очень часто, между тѣмъ какъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросные пункты по дѣлу Новикова (1792 г., августъ) Тургеневъ говорилъ, что писалъ Кутузову рѣдко, всего раза три ¹⁾. Значитъ какъ осторожно должны мы относиться къ показаніямъ Тургенева, Новикова и другихъ членовъ ордена, привлеченныхъ къ допросу въ 1792 году! Вотъ какъ Кутузовъ начинаетъ свое первое (изъ дошедшихъ до насъ) письмо къ Тургеневу. «Сколь переменчивъ и непостояненъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ! Sie

¹⁾ Лонгиновъ. Новиковъ, приложение, 145.

доказываетъ и наша съ тобою переписка. Пройдемъ только послѣднія шесть лѣтъ нашего знакомства—какая разница! Ты всегда бывалъ моимъ должникомъ, то нынѣ сколько уже твоихъ писемъ, на которыя не отвѣчалъ я... и т. д. Кутузовъ проситъ прощенія и объясняетъ свою неаккуратность не только лѣнностью, но и особымъ настроеніемъ, въ которомъ онъ находится: «Голова моя бываетъ почти всегда пуста; мысли рождаются и исчезаютъ мгновенно... Нѣтъ между ними никакой связи; всѣ мои понятія суть единныя токмо обрывки—суди же о дѣйствіяхъ». Однимъ словомъ его мысли—мыльные пузыри, игралище случая и дѣтскаго каприза, скоро возникающіе и еще скорѣе исчезающіе. При этомъ Кутузовъ, какъ здѣсь, такъ и въ другомъ письмѣ, дѣлаетъ загадочный намекъ на то, что онъ намѣревается стать на какую-то «новую точку»; «кто знаетъ, что намъ предстоитъ? Можетъ быть должно тебѣ приготовиться къ новымъ о мнѣ заключеніямъ» (августъ 1788 г.).

Послѣднія два письма Кутузова изъ найденныхъ нами въ архивѣ довольно велики по размѣру—около печатнаго листа въ обоихъ вмѣстѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ, во-первыхъ, что Кутузовъ былъ въ какомъ-то путешествіи (годъ спустя онъ тоже ѣздилъ во Франкфуртъ и Парижъ); во-вторыхъ, что между нимъ и Тургеневымъ во время его московской жизни не разъ происходили ссоры, которыя по-видимому и привели къ взаимному охлажденію. «Было множество между нами недоразумѣній,—пишетъ Кутузовъ:—которыя пригнетали огонь, начинавшій нѣкогда горѣть въ насъ; такъ, дражайшій мой братъ, сей огонь начиналъ горѣть и можетъ быть недалеко былъ отъ пламени, но съ послѣднимъ моимъ изъ арміи пріѣздомъ многія капли, а иногда и малые ручейки хладныя и гасящія воды излились на бѣдныя сердца наши, и вотъ истинная причина, что сей огонь умалился... Твой пылкій, а мой хладноватый огонь подавалъ къ сему много пищи... Признайся самъ, что одни наши переводы повредили много нашей дружбѣ, преобразивъ оную въ дружбу единныя токмо должности». Турге-

невъ очевидно возражалъ на это, но Кутузовъ настаиваетъ на своемъ и замѣчаетъ въ своемъ письмѣ (отъ 4/15 ноября 1788 г.): «Ты говоришь, что наши переводы производили токмо часовыя или суточные неудовольствія... Но позволю сказать: мнѣ кажется, всѣ мы судимъ о таковыхъ часовыхъ неудовольствіяхъ весьма легко, забывая, что всякое дѣйствіе содѣлывается паки причиною и что хотя оно проходитъ, но не прежде, какъ оставивъ по себѣ слѣды. Се суть залѣченныя раны». Ссорилъ ихъ также какой-то «апостоль, дышашій любовью, твердящій безпрестанно о любви»: онъ былъ «одною изъ первѣйшихъ причинъ нашему нестройству». Кутузовъ сожалѣетъ, что онъ «не былъ хладнокровнѣе и не имѣлъ надлежащей твердости». Вторая половина письма посвящена чисто логическимъ разсужденіямъ о различіи понятій: чувствованія, ощущенія и мысли. Здѣсь такъ и чувствуется ученикъ германской философіи. Характеръ разсужденія приводитъ насъ къ предположенію, что въ Москвѣ оба пріятели, занимаясь своими переводами, нерѣдко разсуждали на отвлеченныя философскія темы, горячо спорили и, какъ это всегда водится, можетъ быть изъ-за этого и ссорились. О философскихъ спорахъ на московскихъ вечерахъ того времени вспоминаетъ и Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» (письмо 30 іюня 1789 г.). Вотъ, стало-быть, съ какихъ временъ завелись въ Москвѣ философскіе споры, создавшіе потомъ школы западниковъ и славянофиловъ! Указанная связь явленій изъ разныхъ эпохъ становится еще правдоподобнѣе, когда видишь, какъ Кутузовъ весь занятъ самоанализомъ и страдаетъ отъ рефлексіи, которая заѣдаетъ его какъ какого-нибудь представителя 30—40-хъ годовъ XIX в. Кутузовъ недоволенъ собою и становится все недовѣрчивѣе къ самому себѣ, о чемъ и пишетъ своему другу нѣсколько разъ. Всмотриваясь въ свой внутренній міръ, Кутузовъ находитъ, что онъ принадлежитъ къ тому типу людей, которые въ процессѣ мышленія полагаютъ всѣ матеріалы безъ разбору въ одну безпорядочную груду, такъ что матеріалы

эти лежать безъ всякой связи между собою. Въ головѣ такихъ людей находится множество *отвлеченій*, о которыхъ они забыли; они вспоминаютъ ихъ не прежде, какъ при разговорѣ или при чтеніи. Сознаніе такого недостатка въ мышленіи вызываетъ у Кутузова «жалобы и воздыханія», потому что человѣкъ, начинающій думать только во время бесѣды, думаетъ всегда подъ вліяніемъ собесѣдника, значитъ пристрастно; «слѣдовательно сей образъ думать не есть братской, каменщической, ибо каменщикъ удаляется отъ лицепрїятія и ненавидитъ оно» ¹⁾). Кутузовъ считаетъ себя хорошимъ «каменщикомъ», т. е. масономъ, но только не архитекторомъ, ибо онъ умѣетъ хорошо разсуждать и готовить матеріалы, а строить не умѣетъ.

Что онъ умѣлъ разсуждать, доказываютъ его письма, а особенно послѣднее изъ найденныхъ нами, довольно большое (отъ 4/15 ноября 1788 г.). Самые обыкновенные предметы, какъ перо, или дѣйствія, какъ очинка пера,— приводятъ его къ отвлеченнымъ и всегда поучительнымъ размысленіямъ о душѣ, о человѣческой жизни. Свои размысленія Кутузовъ немедленно записывалъ (вѣроятно) въ дневникъ и чаще всего заканчивалъ ихъ обращеніемъ къ Богу: «О Боже мой! коликою благодарностію я обязанъ тебѣ! И самыми нечувствительными вещами соизволяешь ты наставлять насъ и показывать намъ наши должности, а нѣкоторымъ образомъ и самое будущее наше положеніе. Даруй же намъ и желаніе и силу воспользоваться симъ дѣйствительнѣйшимъ и сильнѣйшимъ твоимъ ученіемъ». Любопытно между прочимъ разсужденіе Кутузова о «Натурѣ»: напрасно де они во всемъ обвиняли «Натуру», внѣшность; вѣдь «Богъ проклялъ Натуру ради человѣка, а не человѣка ради Натуры... Натура не была никогда на такой высокой степени, не пользовалась никогда сею первѣйшею и величайшею милостію, т. е. способностію грѣшить, слѣдовательно и не могла подвергаться наказанію, а

¹⁾ Письмо отъ августа 1788 г.

еще того менѣ проклятію... Проклятіе ея всегда бываетъ соразмѣрно проклятію человѣка вообще и cadaго почастно. Человѣкъ преимущественно всѣмъ своимъ сотварямъ, онъ единъ одаренъ способностію грѣшати—способность, составляющая истинное наше величество! и слѣдовательно увеличивать или уменьшать носимое нами проклятіе; Натура же, повинная слѣдовать дѣйствіямъ своего владыки, бываетъ во всякое время сообразна ему». Но это не значить, что человѣкъ можетъ «премѣнить существо Натуры»: каждое существо получило приличныя ему свойства, которыхъ никто не можетъ перемѣнить. «Еще менѣ думаю я, будто человѣкъ можетъ управлять свѣтилами и звѣздами небесными: они всегда дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать согласно тѣмъ свойствамъ, которыми одарило ихъ существо, все сотворшее. То же думаю и о духовныхъ существахъ, которыя насъ окружаютъ». Каковъ человѣкъ, такое и дѣйствіе производитъ на него Натура. Для подкрѣпленія своихъ разсужденій Кутузовъ ссылается на Якова Беме, мистика, столь любимаго нашими масонами, и еще на какого-то «великаго писателя», который называетъ наши чувства совѣтниками. «Каждый изъ нихъ по своей экспедиціи приноситъ предложенія свои въ общій совѣтъ, въ голову; предсѣдатель ихъ есть *духъ сердца*; ежели совѣтъ сей найдетъ предложеніе для всѣхъ полезнымъ, то оно пріемлется; ежели нѣтъ, то отметется. Сіе заставляеть меня думать, что внѣшніе предметы ни мало не виноваты въ нашихъ проступкахъ, но истинная причина ихъ лежитъ въ самомъ человѣкѣ». Но Кутузовъ старается доказать также, что и чувства наши неповинны въ грѣхахъ, совершаемыхъ нами, и защищаетъ полезность, годность чувствъ. «Ежели мы не хотимъ употреблять нашихъ чувствъ,—пишетъ онъ,—то чѣмъ же, какими же орудіями будутъ разсматривать и читать великую книгу творенія? По крайней мѣрѣ я признаю здѣсь мое глубокое невѣжество. Согласившись въ семъ (не думаю, чтобы ты сталъ противу сего спорить), пойдѣмъ далѣе. Чтобы внѣш-

нія чувства не дѣйствовали на насъ, сего не можетъ быть,—и такъ они дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать. Здѣсь напомнимъ вышесказанный совѣтъ: впечатлѣнія приносятся предъ судилище разума; сіе, приложивъ свое мнѣніе, препровождаетъ выше къ уму и *совѣсти*; сіе, учинивъ то же, отправляетъ въ судилище *сердца и воли*, здѣсь уже полагается окончательное рѣшеніе, и для произведенія въ дѣйство препоручается оно *разуму*. Но христіанинъ не довольствуется симъ рѣшеніемъ, ибо знаетъ, что долговременное наше закоснѣніе въ мерзостяхъ было причиною тому, что всемилосердный нашъ Создатель далъ намъ *письменный законъ*, котораго вторая часть преподана намъ возлюбленнымъ Его сыномъ. И для того, прежде нежели что исполнять, справляются съ сими законами, и ежели, не взирая на единодушное трехъ судилищъ рѣшеніе, найдетъ оное противнымъ начертанному слову, то оставляетъ оное безъ всякаго исполненія. Изъ сего, кажется мнѣ, слѣдуетъ, что для правильнаго употребленія чувствъ и внѣшности надлежитъ воспитывать помянутыхъ судей *въ училищѣ слова*. Но чѣмъ же понимаемъ мы *Слово*? *Разумомъ*. Итакъ надлежитъ намъ употреблять всѣ наши силы для приведенія его въ настоящее, въ желаемое состояніе; и сего ради каждый разъ предъ вступленіемъ и по вступленіи въ сіе училище надлежитъ преклонять сердечныя колѣна и, повергнувшись долу, молить источника всякаго разумѣнія, да *самъ онъ* благоволитъ вразумить насъ и наставить. И тогда воля наша очистится и покорится *высочайшей волѣ*, а самимъ тѣмъ прійдемъ въ состояніе употреблять и избирать внѣшніе предметы; а изъ сего послѣдуетъ то, что мы будемъ владыками, а не рабами надъ внѣшностію. Вотъ кормило, не имѣя котораго мы не плывемъ, но носимся по пространному морю жизни».

Въ заключеніе письма Кутузовъ проситъ Тургенева помнить, что, считая чувства и внѣшніе предметы невинными въ нашихъ грѣхахъ, онъ не пишетъ ихъ апологію, но считаетъ ихъ простымъ орудіемъ чловѣка, наводящимъ

его на дурное и хорошее. Чувствамъ все-таки довѣрять нельзя,—главное—воля: «мы должны здѣсь сражаться и пробиваться тѣснымъ путемъ: побѣдителю токмо назначенъ вѣнецъ». А далѣе слѣдуетъ любопытное признаніе: «Не довѣряю также и моему разуму; знаю, что онъ часто обманываетъ; но не смѣю и презирать его: онъ есть даръ Божій; покоря его *вѣрѣ, любви, надеждѣ*, найду въ немъ споспѣшника на моемъ пути, по которому желаю идти по стопамъ моего *Учителя*». Кутузовъ считаетъ необходимымъ воспитывать и усовершенствовать свой разумъ и въ доказательство ссылается на слова апостола Павла. Въ этомъ письмѣ ссылается онъ еще, какъ мы видѣли, на Якова Беме и еще на Юнга, котораго онъ перевелъ на русскій языкъ.

Мы нарочно привели всѣ эти длинныя разсужденія Кутузова, чтобы познакомить съ содержаніемъ ихъ. Подобныя разсужденія отлично характеризуютъ исходную точку нашихъ масоновъ-мистиковъ XVIII вѣка и матеріаль ихъ разсужденій. Несомнѣнно, всѣ эти мысли заимствованы ими изъ западныхъ книгъ, отъ тѣхъ же Якова Беме, Юнга Штиллинга и другихъ. Но, какъ можно заключать изъ записокъ Лопухина, масоны вполнѣ искренно и, такъ сказать, самобытно стали въ оппозицію атеистическому рационализму эпохи просвѣщенія, противъ «волтерьянства», спасая родное православіе, какъ основаніе русской культуры и жизни. Если Кутузовъ когда-то находилъ удовольствіе читать книжку Гельвеція «*de l'esprit*», то теперь онъ конечно стоитъ на другомъ противоположномъ полюсѣ, и его философія вполнѣ проникнута христіанскимъ духомъ; для него самымъ послѣднимъ и наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ является евангеліе и вообще новый завѣтъ, на который онъ часто ссылается. Такъ, онъ говоритъ: «Согласимся съ священнымъ писаніемъ, что все сотворенное Богомъ *добро и красно*». То есть вмѣстѣ съ другими масонами Кутузовъ придерживается той теоріи оптимизма, которая была разработана еще въ XVII и

первой половинѣ XVIII вѣка Попомъ, Болингброкомъ и Шефтсбери, а потомъ разрушена и отвергнута Вольтеромъ и энциклопедистами.

Изъ того же письма можно подмѣтить нѣкоторыя черты, дающія нѣчто для характеристики лично Кутузова. Любимымъ своимъ правиломъ онъ выставляетъ слѣдующее: «Быть просто и не казаться простымъ; но доколѣ я самъ не буду простъ, дотолѣ и всѣ мои дѣянія будутъ не просты». Онъ также совѣтуетъ Тургеневу держаться во всемъ середины: «кто преступитъ 9, тотъ ниспадаетъ глубочѣе, нежели гдѣ былъ онъ прежде»,—таковы заключительныя слова его второго (ненапечатаннаго) письма изъ Берлина. Онъ повидимому любилъ уснащать свою рѣчь терминами, которыхъ не терпѣлъ Тургеневъ; и Кутузовъ доказываетъ ихъ необходимость такимъ оригинальнымъ способомъ: онъ хочетъ, чтобы «единое слово изъясняло цѣлую книгу», и ему кажется, что «таковъ точно былъ языкъ первыхъ челоувѣковъ», т. е. они говорили терминами; и слѣды этого онъ видитъ въ св. писаніи, напр., въ томъ, что Адамъ, давая животнымъ имена, въ одномъ словѣ выражалъ особенность каждаго изъ нихъ. Остатокъ такого языка онъ видитъ и въ языкѣ «братьевъ» (масоновъ).

Хотя Кутузовъ, какъ замѣтно, читаетъ все такія произведенія, въ которыхъ трактуются религіозно-нравственныя темы, но онъ уважаетъ математику и имѣетъ свѣдѣнія въ химіи. Онъ часто говоритъ о какихъ-то «принципяхъ» (элементахъ) и соединеніяхъ ихъ, но къ сожалѣнію обозначаетъ эти принципы и соединенія особыми значками, намъ непонятными. Есть основаніе догадываться, что цѣль его поѣздки была двоякая: не только вступить въ непосредственныя сношенія съ начальниками ордена розенкрейцеровъ, но также и для изученія алхиміи, въ силу которой наши масоны очевидно вполнѣ вѣрили. Если они можетъ быть и не считали возможнымъ открытіе секрета приготавливать золото, то во всякомъ случаѣ вѣрили въ возможность существованія жизненнаго элексира.

Послѣднее письмо Кутузова изъ Берлина имѣетъ дату 4 (15) Іюля 1791 года; къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Но мы можемъ судить по содержанію его письма къ князю Н. Н. Трубецкому, что онъ находился въ затруднительномъ положеніи, что онъ наконецъ созналъ и понялъ угрожающую ему опасность въ виду банкротства Типографической компаніи. Высказывается онъ по поводу барона Шредера, который будто бы былъ пораженъ дурными сообщеніями изъ Москвы «якобы громовою стрѣлою; не менѣе и я почувствовалъ морозъ, ліющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно, и вотъ истинная причина моей меланхоліи. Вы сами знаете, что я нынѣ стою на самой той степени, гдѣ былъ Сацердосъ (Шредеръ), и слѣдовательно подверженъ той же участи». То есть Кутузовъ, жившій въ Берлинѣ на средства своихъ друзей - масоновъ, почувствовалъ всю свою необезпеченность въ матеріальномъ положеніи, зная, что и его приведетъ къ разоренію банкротство Типографической компаніи. Затруднительность его положенія состояла въ томъ, что Лопухинъ и кн. Н. Трубецкой, содержавшіе его въ Берлинѣ, сами разорились, были въ долгахъ и стали неаккуратно высылать ему деньги; а вернуться въ Россію Кутузовъ опасался, боясь ссылки за дружбу съ Радищевымъ. Разгромъ новиковскаго кружка въ августѣ 1792 года могъ еще болѣе усилить меланхолію Кутузова, и не это ли обстоятельство ускорило его кончину, одинокаго, бѣднаго изгнанника, лишенаго поддержки друзей и боявшагося возвратиться въ свое отечество? Если такъ, то едва ли онъ пережилъ 1792 годъ. Зная неуравновѣшенность его характера, его склонность къ мрачнымъ мыслямъ, и видя, въ какомъ ужасномъ положеніи оказался онъ, мы можемъ предположить, что онъ прервалъ нить своей жизни такъ же насильственно, какъ и другъ его Радищевъ. Изъ неизданныхъ писемъ Ал. И. Тургенева къ отцу своему въ 1803 г. видно, что послѣ смерти Кутузова въ Берлинѣ остались долги въ 80 талеровъ. Очевидно онъ умеръ въ Берлинѣ и въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Литературная заслуга Кутузова состоитъ въ томъ, что онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе англійскаго поэта Юнга «Ночныя думы» (The complaint or nightthoughts), которыя содѣйствовали распространенію сентиментализма въ русской литературѣ. Какъ старшій другъ Карамзина онъ оказалъ въ этомъ направленіи неоспоримое вліяніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ, какъ старшій товарищъ и какъ образованный человѣкъ, знавшій нѣсколько языковъ, долженъ былъ оказать—и оказалъ на Карамзина большое вліяніе; такое же вліяніе оказалъ онъ и на Тургенева, Лопухина, братьевъ Трубецкихъ и другихъ членовъ новиковскаго кружка. Это чувствуется изъ всей его переписки съ московскими друзьями.

III.

Подведемъ итогъ и дсполнимъ характеристику Кутузова въ одномъ краткомъ резюме. Это былъ несомнѣнно образованный человѣкъ, какихъ на Руси въ то время было очень мало; онъ кромѣ обычныхъ нѣмецкаго и французскаго зналъ еще и англійскій языкъ, на которомъ не одинъ разъ цитируетъ стихи въ своихъ письмахъ. Кутузовъ былъ способенъ весь отдаваться служенію какой-либо идеѣ, и это видно изъ того, что онъ пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ и карьерой, можетъ быть даже семейнымъ счастьемъ, для масонскихъ предпріятій. При этомъ служеніе идеѣ онъ связывалъ съ служеніемъ обществу; это ясно изъ того, что онъ всякихъ пустынниковъ и анахоретовъ, удаляющихся отъ міра и не служащихъ обществу, считалъ тунеядцами («Р. Ст.», 1874, II, 275).

Много однако вредили Кутузову его слабыхарактерность и неуравновѣшенность, заставлявшія его часто колебаться и быть неувѣреннымъ въ своихъ силахъ. Сюда присоединяется также и его непрактичность, плохое знаніе людей. Такъ, напримѣръ, его легко провелъ и до конца пользовался его расположеніемъ такой подозрительный господинъ,

какъ баронъ Шредеръ, личность несомнѣнно темная, втершаяся въ дружбу къ московскимъ масонамъ. Новиковъ скоро раскусилъ его и относился къ нему очень холодно, а Кутузовъ принимаетъ его подъ свою защиту и совершенно довѣряетъ этому плуту; онъ клянется живымъ Богомъ, что Шредеръ «преисполненъ чести и богобоязненности», что самъ онъ, Кутузовъ, не можетъ равняться съ нимъ ни въ какомъ отношеніи, будучи въ сравненіи съ нимъ «мерзокъ и гнусень». Такое нѣжное отношеніе къ человѣку довольно подозрительному можетъ быть объяснено отчасти его сердечностью; сердечность и искренность были отличительными чертами Кутузова. Онъ любилъ говорить друзьямъ голую правду, не умѣлъ «ласкательствовать» и былъ врагомъ всякой политики въ дружескихъ отношеніяхъ. И за это онъ пользовался любовью многихъ изъ тѣхъ, кто сталкивался съ нимъ въ жизни. Это видно по письмамъ его друзей къ нему въ Берлинъ ¹⁾. Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» называетъ его добродушнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Кутузова нѣжно любятъ Плещеевы, Трубецкіе, Тургеневы и проф. Шварцъ, этотъ яркій свѣтильникъ московскихъ розенкрейцеровъ. Карамзинъ въ «Письмахъ русск. путешественника» нѣсколько разъ съ любовью упоминаетъ «любезнаго А.», т. е. Алексѣя Мих. Кутузова, — и приходитъ въ отчаяніе, когда убѣждается (во время путешествія), что не увидитъ его ни въ Берлинѣ, ни во Франкфуртѣ. Но особенно трогательна привязанность и дружба къ Кутузову его товарища по ученію, знаменитаго А. Н. Радищева, дружба, сохранившаяся до конца ихъ жизни, не смотря на ихъ разлуку и даже на различіе въ политическихъ взглядахъ. Радищевъ посвятилъ Кутузову оба свои сочиненія: «Житіе Ѳ. В. Ушакова» и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». «Любезнѣйшаго друга» своего сердца, Кутузова, хочетъ онъ оставить послѣ своей кончины «въ вожди» своимъ дѣ-

¹⁾ «Русск. Старина», 1874 и 1896 гг.

тямъ; дружба Кутузова составляетъ для него утѣшеніе въ дни скорби и «надѣяніе... для дней успокоенія», «если услышишь еще гласъ...»,—такъ говоритъ Радищевъ, обращаясь къ другу въ 1789 г. съ своей книгою «Житіе Ѳ. В. Ушакова» ¹⁾. И Кутузовъ платилъ ему горячей, неизмѣнной дружбой. Узнавъ о его несчастіи, онъ былъ такъ пораженъ этимъ, что долго не могъ писать писемъ въ Москву; и потомъ онъ много разъ, почти постоянно спрашиваетъ друзей о судьбѣ Радищева, проситъ сообщить о «дѣйствиіи» его книги, которая, какъ онъ слышалъ, приписывалась также и ему, Кутузову. Это обстоятельство беспокоитъ его тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ Радищева могли найти его письмо, посланное въ отвѣтъ на присылку и посвященіе ему книги «Житіе Ѳ. В. Ушакова». Хотя Кутузовъ прибавляетъ при этомъ, что изъ его письма можно понять о его несочувствіи идеямъ Радищева, но онъ все-таки боится подозрительности русскихъ властей и не рѣшается возвратиться въ Россію.

Однако, не смотря на тѣсную дружбу, Радищевъ и Кутузовъ сильно расходились въ своихъ взглядахъ; по словамъ Лопухина, «сентименты» ихъ «въ разсужденіи религіи и политики совсѣмъ не сходятся». Самъ Кутузовъ говоритъ въ одномъ письмѣ, что большую часть положеній Радищева касательно религіи и государственнаго правленія нашель онъ противоположною своей системѣ; особенно не нравилось ему то, что Радищевъ коснулся «нѣкоторыхъ пунктовъ, которые не подлежатъ литературѣ», и онъ объяснилъ это ему въ «пространномъ письмѣ» ²⁾. Кутузовъ и его товарищи-масоны, выходя изъ словъ апостола Павла: «нѣсть власти аще не отъ Бога» и «всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется» ³⁾, относились ко всякой

¹⁾ Бартеневъ, XVIII вѣкъ, II, 297 и 328.

²⁾ «Русск. Старина», 1874, III, 262.

³⁾ «Русск. Старина», 1896, XI, 329 (6 декабря 1790 г.).

⁴⁾ Это буквально приведено въ письмѣ кн. Н. Трубецкого. («Русск. Старина», 1896, XI, 360).

власти со смиреніемъ и покорностью; они не смѣли осуждать и критиковать ее, а тѣмъ болѣе имъ и въ голову не могло придти устранить «предержавшую власть» революціоннымъ путемъ или пытаться измѣнить государственный строй насильственнымъ образомъ. «Смѣло можно сказать, — пишетъ Кутузовъ изъ Берлина — что изъ среды насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе» 1). Разумѣется съ этимъ не могъ согласиться Радищевъ, приходившій въ негодованіе отъ злоупотребленій власти и считавшій совершенно ненормальнымъ соціальнымъ и политическій строй Россіи; а такое негодованіе было близко къ возмущенію. Другой разъ Кутузовъ писалъ Н. Н. Трубецкому, что онъ, Кутузовъ, великій врагъ всякаго возмущенія и что онъ никогда не перестанетъ твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ («Русск. Старина», 1874, III, 466). Лопухину онъ писалъ: «я ненавижу возмутительныхъ гражданъ, — они суть враги отечества, слѣдовательно и мои» (Ibid.). Но и масоны иногда негодовали, только не противъ существующаго порядка вещей и не противъ самой власти, а лишь противъ единичныхъ исполнителей. Напримѣръ, Кутузовъ ни разу не высказываетъ осужденія существующему строю; конечно зло есть, но оно происходитъ отъ того, что «господа-бояре» предаются непомѣрному властолюбію, что окружающіе монархиню не доводятъ правды до ея свѣдѣнія» 2). Узнавъ о притѣсненіяхъ, которыя чинилъ мартинистамъ (розенкрейцерамъ) кн. Прозоровскій, Кутузовъ говоритъ въ письмѣ къ Лопухину: «Горе землѣ, въ которой подданные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами» («Русск. Стар.», 1874, II, 264). Мало этого: Кутузовъ даже поклонникъ свободы, но съ извѣстными ограниченіями.

1) «Русск. Старина», 1874, III, 264.

2) «Русск. Старина», 1896, XI, 329 (мартъ 1791 г.).

«Признаюсь, — пишетъ онъ тому же Лопухину изъ Берлина—я люблю вольность; сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ; но при всемъ томъ увѣренъ, что истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не въ нарушеніи оныхъ, и что неимѣющіе чистаго понятія о вольности неудобны наслаждаться симъ сокровищемъ» («Русск. Старина», 1874, III, 467). Такія слова вызвали бы несомнѣнно одобреніе всѣхъ масоновъ; но когда заходила рѣчь о личной безопасности, то Кутузовъ, равно какъ и прочіе масоны, забывалъ о «повиновеніи законамъ».

Извѣстно, что въ 1790 году правительство зорко слѣдило въ Москвѣ за «мартинистами» (розенкрейцерами), и до Кутузова дошелъ слухъ (можетъ быть и правдоподобный), будто его по пріѣздѣ изъ-за границы немедленно арестуютъ, такъ какъ подозрѣваютъ въ соучастіи съ Радищевымъ. Узнавъ это, Кутузовъ пишетъ Лопухину: «Люблю мое отечество, люблю до безконечности, но не желаю быть бесполезною жертвою неправосудія» (Ibid.). Такъ онъ и не вернулся въ Россію.

Мысли Кутузова всегда имѣютъ серьезное направленіе, а настроеніе часто бываетъ мрачнымъ; вотъ почему ему не удаются остроты и вообще шуточный тонъ. Онъ человѣкъ вдумчивый, онъ несомнѣнно мыслитель, обращенный къ мистическому созерцанію самого себя, своего внутренняго міра. Онъ вѣчно роется въ своихъ мысляхъ, ища тамъ сорныя травы и плевелы. Совершенствованіе себя, своего духа путемъ самопознанія—вотъ цѣль его стремленій, вотъ постоянный предметъ его заботъ: чтó бы онъ ни дѣлалъ, ни говорилъ, а всегда возвращается къ этому предмету. Вотъ почему письма его бѣдны фактическимъ содержаніемъ, свѣдѣніями объ окружающей обстановкѣ, и зато богаты размышленіями или разсужденіями. Это свойство истиннаго масона, занимающагося самопознаніемъ. Весьма понятно, что онъ является врагомъ тѣхъ, кто забываетъ эту главнѣйшую цѣль жизни и стремится къ общественной, шумной, хлопотливой дѣятельности; онъ даже врагъ журналовъ.

Узнавъ, что Карамзинъ собирается издавать журналъ, Кутузовъ такъ отзывается по этому поводу въ письмѣ къ А. А. Плещееву (отъ 17 декабря 1790 г.): «Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысяча журналовъ, подобныхъ берлинскому и Виляндову, то ни одинъ россиянинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ. Напротивъ того боюсь, чтобъ тысяча таковыхъ журналовъ не положили миллионвъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога» ¹⁾). Вотъ до какого обскурантизма могли договариваться масоны, даже такіе хорошіе и благонамѣренные! Кутузовъ находитъ также, что модное направленіе умовъ не ведетъ къ спасенію. «Ученіе Спасителя повелѣваетъ быть челогѣками, а модное мудрованіе старается превратить насъ въ скотовъ. Большая часть нынѣшнихъ остроумцевъ суть проповѣдники богини Цирцеи, и не безъ успѣха: хлѣвы ея довольно уже наполнены» ²⁾). Такимъ образомъ Кутузовъ не понялъ движенія «на встрѣчу солнцу и свободѣ», которое совершалось такъ близко и вокругъ него, того движенія, которое разбило вѣковыя цѣпи и вывело человѣчество изъ средне-вѣковыхъ закоулковъ на новую дорогу.

Е. Тарасовъ.

¹⁾ Рус. Ст. 1896, XI, 333.

²⁾ Ibid, 353.

Торговые пути Кіевской Руси.

Въ древнѣйшее время обитатели южной Россіи, повидимому, жили замкнуто въ границахъ степного пространства и довольствовались услугами торговыхъ чужеземныхъ факторій, расположенныхъ по берегу Чернаго моря; только временами они входили въ непосредственное общеніе съ востокомъ чрезъ Дербентъ или мимо Аральскаго моря. Сѣверъ и западъ, видимо, ихъ не прельщали. Міровая торговая политика Юстиніана, кажется, не ввела никакихъ существенныхъ измѣненій въ этотъ порядокъ. За то первое же возникшее здѣсь самостоятельное государство съ торговымъ инстинктомъ значительно расширило область коммерческихъ интересовъ: хозары вовлекли въ круговоротъ міровой торговли сперва приволжскихъ финновъ, а затѣмъ и славянъ, уже оправившихся послѣ нашествій готовъ и гунновъ и несмѣло выступившихъ на Днѣпръ вдоль Полѣсья. Итилъ сталъ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Восточной Европы. Онъ имѣлъ и морскія гавани для сношеній съ Греціей и Малой Азіей, хотя, быть можетъ, и не очень въ нихъ нуждался, поддерживая постоянное и живое непосредственное сообщеніе съ востокомъ сухимъ путемъ.

Отъ хозаръ, не устоявшихъ въ борьбѣ съ новымъ властелиномъ востока, судьбы міровой торговли въ южной Россіи переходятъ къ ставшему въ тылу степей Русскому государству, молодому и свѣжему. Русь съумѣла использовать свое превосходное географическое положеніе и свои силы. Она не только удержала установившіяся связи края

съ ближнимъ востокомъ и югомъ, но еще болѣе развила сношенія съ финскимъ міромъ и вошла въ тѣсное общеніе съ средней Европой. Въ X—XIII в. Кіевъ замѣнялъ собой Итиль и превзошелъ его какъ обширностью торговыхъ операций, такъ и разнообразіемъ ихъ. Въ это время чрезъ Кіевъ установился крупный обмѣнъ произведеній между югомъ, востокомъ, западомъ и сѣверомъ. Ясно выдѣляются пять магистральныхъ путей: западный (лядскій), южный (греческій), юго-восточный (Тмутараканскій), сѣверо-восточный (Муромскій) и сѣверный (Новгородскій и Суздальскій). Западъ давалъ серебро, желѣзо, коней, соль, оружіе, Греція—предметы цареградской роскоши, Тмутаракань—произведенія далекаго востока, Муромъ—мѣха. Кіевъ передавалъ богатства каждой страны туда, гдѣ въ нихъ нуждались и, почти ничего самъ не производя, имѣлъ хорошій избытокъ; онъ продолжалъ расти и процвѣтать вплоть до татаръ на Руси, сарацинъ въ Малой Азіи и италіанцевъ на Черномъ морѣ. Кіеву могъ быть соперникомъ любой торговый городъ на Черноморскомъ побережьи, но онъ имѣлъ великое преимущество въ томъ отношеніи, что, стоя за предѣлами степи и защищенный со всѣхъ сторонъ городами, не подвергался опасности внезапнаго разграбленія.

Западный путь. Сношенія прикарпатскихъ славянъ со среднею Европою и древни, и прочны. Ихъ первоначальная основа—соль. Галичане сбывали этотъ продуктъ въ Полѣсье, получая взаменъ мѣха, по Бугу въ Поморье и Литву, мѣняя его также на мѣха, янтарь, можетъ быть, желѣзо и другіе товары, наконецъ по Сану и Вислѣ (или же сухимъ путемъ) въ Краковъ, первый западно-европейскій важный торговый пунктъ, гдѣ соль и мѣха мѣнялись главнымъ образомъ на издѣлія изъ желѣза ¹⁾. Можетъ быть, уже

¹⁾ Величковскія соляныя копи (близъ Кракова) открыты, повидимому, позднѣе, приблизительно въ XI в. Устройство каплицы у Велички около 1058 г. упоминается въ буллѣ папы Григорія IX (1226 г.); первыя свѣдѣнія о добываніи здѣсь соли относятся къ 1124 г. Первое упоминаніе о Бохніи относится къ 1198 г. (Slovní.

нѣсколько позднѣе въ средней Европѣ обнаружился продуктъ несравненно большей притягательной силы—серебро. Когда славяне придвинулись къ Днѣпру, то съ этого пункта они очень усилили и оразнообразили свою торговлю съ западомъ, начавъ получать отъ аланъ и хозаръ произведенія восточной роскоши, а отъ волжскихъ и камскихъ финновъ — драгоценныя мѣха, равнымъ образомъ — вводя (или допустивъ) въ Кіевѣ торговлю рабами. Сперва иноземные, а затѣмъ кіевскіе купцы не только съ успѣхомъ поддерживали уже установившуюся торговлю съ Прагою, но и расширили ее, продвинувшись до Регенсбурга.

Древнѣйшее свидѣтельство о западномъ пути—знаменитое извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей подъ 839 г. Извѣстій о магистрالی Кіевъ - Регенсбургъ мы имѣемъ мало, но все же въ достаточномъ количествѣ, чтобы видѣть, какъ этотъ путь былъ оживленъ и важенъ.

По западнымъ извѣстіямъ, уже Ольга входила въ какія-то сношенія съ германскимъ императоромъ, безъ сомнѣнія, культурнаго характера; скорѣе всего, они имѣли цѣлю упроченіе торговыхъ связей. Святославъ очень зналъ о существованіи чешскихъ серебряныхъ рудниковъ. По Татищеву, въ 992 г. къ Владиміру приходили послы отъ чешскаго князя Андроника, въ 1000 г. приходили въ Кіевъ послы чешскіе и угорскіе; въ 1014 г. чешскіе послы прибыли въ Кіевъ сватами за дочерью Владиміра (Тат.). Самъ онъ былъ женатъ на чехинѣ. Первымъ важнымъ дѣломъ Владиміра было завоеваніе и упроченіе за Русью Червенскихъ городовъ; эту землю Русь держала всегда за собою, иногда путемъ отчаянныхъ усилій, безъ сомнѣнія, потому, что здѣсь были ворота наши на западъ. Польша могла поддерживать добрыя отношенія къ намъ, столь ей необходимая, лишь цѣною отказа своего отъ Червена. По драгоценному извѣстію Ибнъ-Якуба (973 г.) торговцы русскіе и

geograph. I, 269; XIII, 323). Въ средней Европѣ древнія соляныя копи извѣстны были, кажется, лишь въ Вестфалии и, вѣроятно, въ Гальштадтѣ (Западная Австрія).

славянскіе доставляли въ X в. въ Прагу изъ Кракова (черезъ Краковъ) мѣха, а также, быть можетъ, невольниковъ; отсюда эти товары, между прочимъ, шли въ Венгрію (и далѣе?). Сама Прага въ это время славилась выдѣлкою оружія. По словамъ Мартина Галла (до 1113 г.) Польша въ прежнее время только выдѣляла торговцевъ, отправляющихся въ Россію, сама же не принимала въ этой торговлѣ участія ¹⁾. Не очень дорожа торговлей, Польша позволяла себѣ иногда и грабить купцовъ. Такъ, по Татищеву, въ 1129 г. ляхи ограбили русскихъ купцовъ, возвращавшихся изъ Моравіи. Въ 1192 г. въ Регенсбургѣ упоминается классъ купцовъ, торгующихъ спеціально съ Русью, *rusarii*. Въ XII в. Регенсбургскій монахъ Маріанъ приходилъ, трудными дорогами, въ Кіевъ для сбора пожертвованій и получилъ тамъ богатые подарки мѣхами; назадъ онъ возвращался въ купеческомъ караванѣ. Записано извѣстіе о регенсбургскомъ купцѣ Гартвихѣ, жившемъ въ то же время въ Кіевѣ, который пожертвовалъ на монастырь св. Еммерана въ Регенсбургѣ 18 фунтовъ серебра, переводомъ на Регенсбургъ. Отъ того же времени имѣется извѣстіе о повозкахъ, идущихъ въ Русь и обратно, изъ Регенсбурга черезъ Эннисъ-Эмсъ. Путь изъ средней Европы на Кіевъ былъ столь извѣстенъ и торень, что имъ на западѣ пользуются для сношеній съ востокомъ. Отъ XII в. есть извѣстіе о пилигримахъ, возвращавшихся домой чрезъ Россію (*peregrinantes de Ruzia*), на которыхъ въ пустынномъ мѣстѣ совершенно было нападеніе разбойниками ²⁾. Пилигримы съ нѣмецкимъ караваномъ могли дойти до Кіева, отсюда съ русскимъ до Константинополя, а далѣе съ греческимъ или венеціанскимъ добратся до Палестины. Кратчайшій и болѣе удобный

¹⁾ *Regio polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota.* Едва ли, впрочемъ, слова эти не преувеличены, въ цѣляхъ возвеличенія героя разсказа Мартина, князя Болеслава.

²⁾ Васильевскій В., Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ. Ж. М. Н. П. 1888, VII.

путь папскаго миссіонера Брунона къ печенѣгамъ въ 1006 г. шелъ чрезъ Кіевъ, а не по Дунаю и не чрезъ Венгрію. Отъ XII и XIII в. имѣются свѣдѣнія о торговлѣ съ Кіевомъ нѣмецкихъ городовъ Бреславля и Ратибора ¹⁾).

Партіи купцовъ, выйдя изъ Кіева, могли слѣдовать на западъ двумя путями, горнымъ или лѣснымъ, но оба они сходились на Вислѣ въ Судомирѣ. Южный путь, горный, шелъ на Василевъ, Житомиръ, Полонне, Заславъ, Дубно, Белзъ, Червень; сѣверный, лѣсной,—чрезъ Бѣлгородъ, Воздвиженъ, Взвягль (Новградъ-Волинскій), Пересопницу, Луцкъ, Владиміръ, Холмъ. Верхній путь имѣлъ лучшее полотно, нижній—былъ болѣе обезпеченъ водою, травою и дровами, «въ конскихъ кормахъ и дровами способнѣе». Степнымъ путемъ, такъ называемымъ Чернымъ шляхомъ, торговцамъ не было нужды пользоваться; онъ былъ длиннѣе и менѣе безопасенъ. Отъ Судомира шли на Краковъ, далѣе верховьями Вислы, по верховьямъ Одера переходили горы, выходили на верховья Эльбы до Праги, а отсюда чрезъ Богемскія горы въ Регенсбургъ. Регенсбургцы, кажется, охотнѣе шли верховьями Дуная, а затѣмъ чрезъ Эннисъ (Эмсъ) и сѣверный проходъ на Краковъ. Пользовались ли регенсбургскіе купцы болѣе короткою дорогою чрезъ Вѣну и Венгрію (Мункачъ) на Синеводе и Львовъ, неизвѣстно. Быть можетъ, необходимость заставляла иногда прибѣгать купцовъ и къ этому пути, хотя вообще дорога чрезъ Польшу считалась болѣе безопасною, такъ какъ за венгерцами на долгое время упрочилась репутація грубаго и дикаго племени. По нѣкоторымъ указаніямъ, проходъ въ горахъ на пути изъ Венгріи въ Галичъ назывался «Русскими воротами» (вѣроятно, Яблунка),—доказательство довольно хорошей его извѣстности ²⁾).

¹⁾ Н e y d, Histoire du commerce du Levant, t. II, 730.

²⁾ Начальный источникъ этого свѣдѣнія намъ неизвѣстенъ. Если это даже измышленіе позднѣйшаго автора, то все же оно слѣдуетъ вѣрному инстинкту.

Для торговли съ западомъ Русь имѣла мѣха, различные восточные товары изъ предметовъ роскоши, главнымъ же образомъ ткани, а также рабовъ и воскъ. Западъ могъ въ обмѣнъ предложить желѣзные издѣлія и серебро, послѣднее въ слиткахъ, а можетъ быть и въ издѣліяхъ. Превосходные чешскіе серебряные рудники извѣстны были и на востокъ. Перевѣсъ товаровъ былъ на сторонѣ Руси, чѣмъ и объясняется большое количество серебра, до сихъ поръ попадающагося значительными кладами по Днѣпру.

Такъ какъ искусство крупнаго торговца зависитъ главнымъ образомъ отъ умѣнья дешево и хорошо пріобрѣсть, то ясно, что нѣмецъ и чехъ не станетъ ждать случайнаго товара, который могли привезти ему на мѣсто русскіе купцы, а непременно поѣдетъ въ самый Кіевъ, гдѣ былъ и выборъ товаровъ лучше, и цѣна ихъ сходнѣе. Въ Кіевѣ свѣжій запасъ мѣховъ получался весною, а запасъ восточныхъ товаровъ лѣтомъ. Нѣмцы съ своими издѣліями и серебромъ должны были поспѣвать предъ приходомъ гречниковъ и залозниковъ, или же имѣть въ Кіевѣ постоянные склады своихъ товаровъ и довѣренныхъ лицъ; послѣднее грозило накладнымъ расходомъ на помѣщеніе и наемъ приказчиковъ. Равнымъ образомъ русскіе купцы, торгующіе издѣліями запада, отправлялись въ Прагу и Регенсбургъ самостоятельно и спеціально, не ожидая нужныхъ товаровъ въ Кіевѣ, съ запасомъ свѣжихъ кіевскихъ товаровъ, не безъ риска сбыть ихъ дешево или же быть вынужденнымъ оставить на комиссію.

По мѣсту пріобрѣтенія западные товары у насъ были извѣстны подъ названіемъ «латинскихъ», а наши на западѣ подъ именемъ «русскихъ». Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» упоминаются латинскіе шлемы и сулицы лядскія, а въ западныхъ источникахъ *русскіе*: шелковыя и шерстяныя восточныя ткани (напр., зендень), издѣлія подъ чернью, золото, коробочки изъ кости. Въ глазахъ француза XII в., автора «Александріи», чуть не всѣ предметы роскоши про-

исходятъ изъ Россіи. Онъ упоминаетъ русскіе: зендень (cendaus), паволоку (pale и paille), сукно или другую какую-то плотную ткань (drap), шелковыя туники русской работы (li cote de soie de l'uevre de Rousie) 1).

Въ русскихъ курганахъ и на городищахъ нашихъ X—XIII в. непременно должны оказаться вещи западнаго происхожденія, какъ изъ желѣза, такъ и изъ другихъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, мы пока не въ состояніи ихъ выдѣлить изъ общаго археологическаго инвентаря. Возможно, что съ запада идутъ предметы вооруженія, въ видѣ топоровъ, дротиковъ, стрѣлъ, шлемовъ, мечей, а также замки, удила, шпоры, ящики, ведра. Допустимо, что изъ украшеній къ намъ съ запада шли серебряныя подѣлки изъ проволоки, скани и зерни (лунницы, серьги, разнообразныя бусы), сердоликовыя бусы, височныя кольца съ завиткомъ, нѣкоторые виды крестиковъ. Но и эти вещи нами перечисляются, впрочемъ, безъ увѣренности.

Къ западному пути примыкалъ путь въ Венгрію, въ которую также шли кіевскіе товары, а оттуда получались главнымъ образомъ кони, а кромѣ того быть можетъ, предметы конскаго снаряженія и оружія. Галичъ имѣлъ съ Венгрією довольно оживленныя политическія сношенія. Сообщеніе шло чрезъ сѣверный проходъ у Ратибора, какъ и позднѣе, а также и чрезъ всѣ восточныя проходы. Въ XII в. упоминаются русскіе купцы, приходящіе въ Пешть, Остриголь и другія мѣста; между прочимъ они приносятъ дорогіе мѣха. Въ 1211 г. въ одномъ документѣ упоминается о грабительскомъ нападеніи въ Лелешѣ на купцовъ, приходящихъ изъ Руси 2). Ранѣе крещенія угровъ (995 г.) никто не рѣшался ходить въ Венгрію.

Галичъ никогда не принималъ сколько-нибудь значи-

1) Michel Fr., Recherches sur le commerce, la fabricat et l'usage des étoffes de soie. Paris, 1852, t. I, 314. Переводомъ текста мы обязаны проф. Д. К. Петрову.

2) Васильевскій В., та же статья.

тельнаго участія въ торговлѣ Руси съ западомъ, такъ какъ географическое положеніе его мало тому способствовало. Даже торговля солью не могла развиваться, вслѣдствіе конкуренціи Велички.

Вся южная Русь свою соль долгое время получала изъ Галича, самое имя котораго означаетъ соль. Этотъ важный продуктъ шель или воднымъ путемъ по Припяти и Днѣпру чрезъ г. Перемиль ¹⁾, расположенный на притокѣ Припяти Стырѣ, или же сухимъ путемъ, носящимъ специальное названіе «Соляного», о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1170 г. Это—прямая дорога съ Галича на Кіевъ, совпадающая въ своей средней части съ позднѣйшимъ Чернымъ шляхомъ; она шла на Теревовль, Межибожіе и въ Котельницѣ выходила къ горному тракту, идущему изъ Кіева на Сандомиръ. Позднѣ главная торговля солью сосредоточивается во Львовѣ, куда ведетъ тотъ же Соленый путь, сворачивая въ концѣ, у Теревовля, направо. Путь этотъ былъ менѣе безопасенъ, чѣмъ сѣверный, вслѣдствіе сосѣдства съ половцами, которые, по желанію, могли легко «изотымать» его. Въ XIII в., какъ извѣстно изъ свидѣтельства Рубруквиса, соль получалась въ Россіи и изъ Крыма.

Кіевъ долгое время безраздѣльно сосредоточивалъ всѣ сношенія съ западомъ въ своихъ рукахъ. Мы видѣли, что даже Галичъ никогда не былъ ему соперникомъ, хотя могъ бы перенять, напр., сношенія съ Константинополемъ. У галичанъ даже налаживались собственные пути на низовья Дуная, къ устью Днѣстра и Днѣпра (на Олешье), были собственные морскія ладьи. Но Галичъ такъ и не додумался до своего пути въ Херсонесъ и далѣе. Важность Днѣстровскаго пути поняли генуэзцы, позднѣе основавшіеся въ Аккерманѣ и открывшіе широкій путь восточнымъ товарамъ отсюда на Львовъ, и далѣе въ среднюю Европу.

¹⁾ «Не попустиша гостей изъ Галича, ни людей изъ Перемышля, и не бысть соли во всей Роуской землѣ». Патерикъ въ изданіи Яковлева, стр. CLIV.

Кіевъ, надо думать, вплоть до татаръ продолжалъ свою торговлю съ западомъ мѣхами, а съ Новгородомъ, Суздалемъ и Болгарами греческими и черноморскими товарами, но на западъ отпускъ этихъ товаровъ уже постепенно сокращался. Позднѣе они и въ самой Россіи получаютъ названіе сурожскихъ, опредѣляя своимъ именемъ ихъ новый основной источникъ и зависимость отъ той же генуэзской торговли. Другой терминъ для товаровъ этого времени «фряжскіе».

Какое общее названіе носилъ путь на западъ? Можетъ быть, одного ходячаго имени онъ не имѣлъ. Говорили: идти въ ляхи, чехи, нѣмцы, угры. Такъ какъ первоначальнымъ былъ путь въ ляхи, да и въ политическомъ отношеніи Кіевъ имѣлъ болѣе тѣсныя сношенія съ ляхами, то условно можно бы его именовать «Лядскимъ», въ древней формѣ, сохранившейся въ названіяхъ Кіевской Лядской божницы и Лядскихъ воротъ.

Греческій путь. Это былъ непосредственный путь между Кіевомъ и Царьградомъ, установившійся еще при первыхъ русскихъ князьяхъ, а можетъ быть и ранѣе. Въ началѣ онъ подвергался разнаго рода колебаніямъ и иногда совершенно прекращался, напр., при Святославѣ, но затѣмъ упрочился съ принятіемъ русскими крещенія и держался, съ перерывомъ, долгое время, можно сказать до паденія Константинополя.

Кіевъ посылалъ въ Царьградъ мѣха, воскъ и рабовъ, а взамѣнъ получалъ греческія шелковыя и парчевыя ткани, готовыя одежды и украшенія, а также все необходимое для церквей.

Путь все время совершался порядкомъ, описаннымъ еще у Константина Порфиророднаго. Гости грузились въ лодкахъ, переходили пороги, переснащивались въ Олешѣ въ низовьяхъ Днѣпра и шли моремъ до Царьградскаго рынка. Возвращались тѣмъ же путемъ чрезъ Олешье, поднимаясь до Протолчей у Хортицы и затѣмъ шли на заранѣе доставленныхъ подводкахъ чрезъ степь къ устью Ворсклы и

далѣе правымъ берегомъ Днѣпра до Кіева. Путь по лѣвой сторонѣ Днѣпра былъ бы неудобенъ, вслѣдствіе очень пересѣченной мѣстности и обилію переправъ. Олешье всегда числилось за кіевскими князьями и ими защищалось. Кромѣ русскихъ здѣсь жили или бывали, повидимому и греки (можетъ быть, и херсонесскіе).

Въ 1084 г. «зая греки въ Олешьѣ и зая въ нихъ все имѣніе» Давидъ Ростиславичъ, изгнанный предъ тѣмъ изъ Тмутаракани Олегомъ Рязанскимъ. Это заставило Всеволода дать ему другой городъ (Дорогобужъ). Въ 1153 и 1154 г. кіевскій князь Изяславъ посылалъ сына на встрѣчу своей невѣстѣ, дочери царя обезовъ, шедшей, надо думать, изъ Матрахи. Мстиславъ ходилъ до Олешья и вернулся, не дождавшись; въ слѣдующемъ году онъ встрѣтилъ ее въ порогахъ. Въ 1160 г. Олешье было взято берладниками. Кіевскій князь Ростиславъ послалъ на нихъ насады, которые настигли берладниковъ у Дциня ¹⁾ и отняли полонъ. Въ 1164 г. чрезъ Олешье прошелъ изъ Царьграда въ Галичъ митрополитъ Климентъ, можетъ быть, примкнувшій къ русскимъ судамъ или каравану. Въ 1166 г. половцы «шедше въ пороги и начаша пакостити гречникамъ», т. е. не давать пути до хорошаго вознагражденія, угрожать цѣлости каравана или же не пропускать къ нимъ кіевскихъ подводъ. Тотъ же Ростиславъ отправилъ туда ляха Владислава съ отрядомъ, который и «возведоша гречники». Въ XII в. чрезъ Олешье и Кіевъ, какъ мы уже видѣли, иногда возвращаются домой нѣмецкіе пилигримы.

Кіевъ имѣлъ непосредственное сообщеніе и съ Корсунью, скорѣе всего тѣмъ же греческимъ путемъ и въ меньшей мѣрѣ сухопутьемъ отъ Кичкаса, Берислава или Олешья. Морской путь въ восточномъ направленіи ярче всего выступаетъ изъ разсказа Патерика о пути преп. Никона, вышедшаго изъ Кіева съ другимъ чернецомъ «хотяще особѣ сѣсти». «И пришедъше морю, разлучишася.

¹⁾ По Ласкину р. Буюкъ-Кемчикъ за Варной.

Болгаринъ убо идыи къ Константинъ граду, обрѣте островъ среди моря и вселися въ немъ. Великій же сей Никонъ отъиде въ островъ Тмутараканскій и вселися тамо» 1). Нѣтъ сомнѣнія, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ оба монаха примкнули къ гостямъ, изъ которыхъ большая часть отправилась къ Царьграду, а нѣкоторые въ Херсонесъ, а затѣмъ далѣе въ Тмутаракань, которая такимъ образомъ, кромѣ основного сообщенія степью, могла поддерживать связь съ Кіевомъ и моремъ. Что касается Корсуни, то она для Руси никогда не могла быть сколько нибудь серьезнымъ конкурентомъ Царьграду, по бѣдности своего рынка.

Греческій путь былъ прерванъ татарами. Въ 1250 г. галицкій митрополитъ Кириллъ идетъ въ Константинополь чрезъ угровъ, хотя еще въ 1213 г. въ лѣтописи отмѣчается торговое сообщеніе Галича съ Олешьемъ. Вѣроятно, что позднѣе греческій путь восстанавливается, хотя далеко не въ прежнихъ размѣрахъ, однако мы о томъ не имѣемъ прямыхъ извѣстій. Главнымъ врагомъ Руси стали и здѣсь не татары, а генуезцы.

Не можемъ сказать, какой изъ двухъ путей, греческій или залозный, имѣлъ большее значеніе для Кіева. Вполнѣ можетъ быть, что греческій былъ важнѣе, но это мы поймемъ лишь тогда, когда будемъ имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, что именно и въ какомъ количествѣ кіевская Русь могла получать изъ Царьграда и что изъ Малой Азіи.

Отъ цареградскихъ грековъ православная Русь переняла нѣкоторыя формы ежедневной жизни, одежды, жилищъ, храмы, украшенія. Кіевляне невольно складывали свою жизнь по образцу обывателей царственнаго города. Многочисленные клады, зарытые въ Кіевѣ предъ приходомъ татаръ, а отчасти рисунки наглядно опредѣляютъ ихъ вкусы. Не имѣемъ въ виду (да и не могли бы) дать здѣсь общую характеристику греческихъ вещей, проникавшихъ въ Русь.

1) Патерикъ въ изданіи Яковлева, стр. XVIII.

Константинъ Багрянородный въ 934 г. перечисляетъ слѣдующіе разряды товаровъ, шедшихъ отъ грековъ къ печенѣгамъ изъ Херсонеса: пурпуръ, закуски, рѣдкія сукна, перецъ, пурпуровыя кожи барсовъ и пр. (О народахъ, глава 6).

Залозный путь. Вопросъ о пути на Ю.-В. отъ Кіева, къ Азовскому морю, очень труденъ, вслѣдствіе недостаточности о немъ свѣдѣній и пересѣченности географическаго рельефа между Днѣпромъ и Дономъ, а также отъ недостаточной ясности отношеній между русскими и половцами. Это путь въ загадочную Тмутаракань. Полагаемъ, что именно его можно бы называть Залознымъ, на основаніи напр. лѣтописнаго извѣстія 1170 г. По разсказу лѣтописи русскіе, совершивъ предъ тѣмъ удачный набѣгъ на Орельскихъ половцевъ, стали бояться, что тѣ легко могутъ отомстить «гречнику и залознику», и вышли навстрѣчу купцамъ къ Каневу. Видимо, и тотъ, и другой путь были не такъ далеко отъ бассейна Орели и Снопороди. Одинъ, какъ мы знаемъ, проходилъ вблизи мимо пороговъ, другой, скорѣе всего, шелъ или чрезъ самую Орель, или же близъ ея верховьевъ. Во всякомъ случаѣ, это не будетъ ни путь изъ Кіева къ низовьямъ Дуная, кажется, тогда вовсе не существовавшій, ни путь на сѣверовостокъ, въ первой половинѣ проходившій заселенными и укрѣпленными Русью мѣстами. Въ Каневѣ князья стали, конечно, потому, что Залозный путь былъ не очень далеко оттуда; чѣмъ далѣе князья стали бы уходить на югъ, тѣмъ больше отходила бы залозная дорога въ сторону.

Естественно предполагать, что Залозный путь выходилъ въ Тмутаракани и служилъ для передачи ея товаровъ въ Кіевъ. Какіе это были товары, прямыхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ, а косвенныя имѣются достаточно опредѣленныя. Сюда шли всѣ товары, доставляемые въ Матарху и Тмутаракань изъ Трапезунда, а также изъ Синопа. Трапезундъ съ давней и до поздней поры былъ гаванью Средней Азіи на западѣ; здѣсь можно было имѣть всѣ нужныя произведенія Персіи, Китая и Индіи, а равнымъ обра-

зомъ и мѣстныя. Товары Трапезунда шли на огромныя ярмарки въ Синопъ (въ интересахъ Константинополя и Херсонеса) и въ Матархѣ (интересы сѣвернаго Кавказа, Херсонеса и Тмутаракани на устьѣ Дона). Русскіе запасались въ Матархѣ этими товарами для потребностей обитателей Дона и Донца, а главное—для транзита въ Русь и на Западъ ¹⁾. Русь пріобрѣтала въ Матархѣ всевозможныя ткани и пряности, а платила за нихъ мѣхами и донскою рыбою. Мѣха получались отчасти изъ Кіева, главнымъ же образомъ, надо думать, болѣе прямымъ путемъ изъ Мурома чрезъ Рязань, а быть можетъ, и по Волгѣ. Если перевѣсъ торговаго баланса былъ на сторонѣ грековъ, онъ могъ пополняться съ русской стороны серебромъ.

Письменныхъ извѣстій о Залозномъ пути имѣется очень мало. Въ 1166 г. Кіевскій князь Ростиславъ съ 12 иными князьями стоялъ въ Каневѣ «дондеже взиде гречникъ и залозникъ»; конечно, далеко впереди по обоимъ путямъ были высланы сторожи. То же повторилось въ 1168 г. Годъ или два спустя преемникъ Ростислава Мстиславъ назначаетъ походъ на половцевъ, къ Орели и Снопороду. Походъ очень удался, но князь изъ осторожности снова выходитъ подъ Каневъ, для защиты гречниковъ и залозниковъ. Въ 1184 г. князья, вышедшіе навстрѣчу Кончаку, «усрѣтоста гости идуць противу себѣ изъ половець, и повѣдоша имъ, яко половеци стоятъ на Хоролѣ». «Гости изъ половець» скорѣе всего, залозники, хотя, конечно, это могли быть купцы, торговавшіе съ Шаруканемъ и другими Донецкими городами. Впрочемъ это одна и та же дорога, такъ какъ путь изъ Кіева на устье Дона не могъ миновать этихъ родовъ: они стояли въ верховьяхъ Донца, примыкающихъ къ верховьямъ Орели. Залозный шляхъ долженъ былъ проходить мимо Изюма и въ верховьяхъ Снопорода и Орели на Полтаву, Хоролъ, Переяславль (въ виду Канева) и Кіева, или же Донецъ—Сенжаровъ на Ворсклѣ—Голтовъ на

¹⁾ Объ ярмаркѣ въ Матархѣ знаемъ лишь по Савельеву. Мухамеданская нумизматика, Спб., 1847 г., стр. CXLVI.

Пслѣ—Горошинъ на Сулѣ—Переяславль. Прямой путь съ устьевъ Дона, на перерѣзъ Самарѣ и Орели, съ возами крайне затруднителенъ, вслѣдствіе весьма пересѣченной мѣстности. Равнымъ образомъ путь сѣверный, въ обходъ Донца, былъ бы затруднителенъ по географическимъ условіямъ мѣстности, его удаленности и небезопасности отъ отдѣльныхъ воровскихъ шаекъ. Безъ согласія владѣтелей края, половцевъ, невозможно было никакое движеніе въ степяхъ, а при соглашеніи удобнѣе было выбрать путь на виду у всѣхъ. Гости, видимо, вообще двигались въ степяхъ вполнѣ спокойно и пользовались общимъ покровительствомъ; опасность наступала лишь въ случаѣ опасенія мести за недавній набѣгъ, но мы видѣли, что и въ этихъ случаяхъ гости проходили вообще свободно.

Возможенъ и еще путь съ устьевъ Дона въ Кіевъ: берегомъ моря до Кадки, а далѣе по Конскимъ водамъ къ Хортицѣ, на перерѣзъ пути гречниковъ. Этотъ путь со-всѣмъ не упоминается въ лѣтописяхъ, хотя если имѣть въ виду удобства сообщенія съ Кіевомъ, то онъ былъ бы едва ли не лучшимъ.

Неудивительно, что всякое замѣшательство въ южной Россіи сильно отражалось на торговыхъ дѣлахъ восточныхъ и трапезундскихъ купцовъ. По Ибнъ-эль-Атиру, когда въ 1223 г. «пресѣкъся путь сообщенія» съ Россіей, то на время пріостановился привозъ мѣховъ лисицъ, бѣлокъ, бобровъ и другихъ товаровъ на востокъ (*Тизенгаузенъ*, 28). Во время похода одного изъ сельджукскихъ султановъ на Трапезундъ пріостановка торговли съ Греціей и Россіей причинила большой убытокъ мусульманскимъ купцамъ ¹⁾.

Названіе пути Залознымъ идетъ, можетъ быть, отъ лозъ, росшихъ въ Кіевѣ по ту сторону Днѣпра, по дорогѣ въ Переяславль ²⁾.

¹⁾ Бартольдъ В., Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія Спб. 1900, стр. 425, съ ссылкой на тотъ же источникъ.

²⁾ «Лозіе» по сѣверной окраинѣ Кіева не можетъ быть здѣсь принимаемо во вниманіе.

Залозный путь сталъ утрачивать свое значеніе съ той поры, какъ венеціанцы и генуэзцы начали забирать въ свои руки торговлю Трапезунда и направили ее на западъ иными путями. Рѣшительный ударъ непосредственной торговлѣ Руси съ востокомъ нанесло завоеваніе Сирии Саладиномъ (1187 г.), направившее итальянскую торговлю къ портамъ Чернаго моря. Позднѣе сами кievляне должны были покупать товары у нихъ, сперва въ Сурожѣ и Херсонесѣ, а позднѣе въ Кафѣ и близъ стараго русскаго гнѣзда на устьѣ Дона, въ Танѣ. Тѣ же товары можно было получать и ближе, въ Аккерманѣ и Львовѣ, но по болѣе дорогой цѣнѣ.

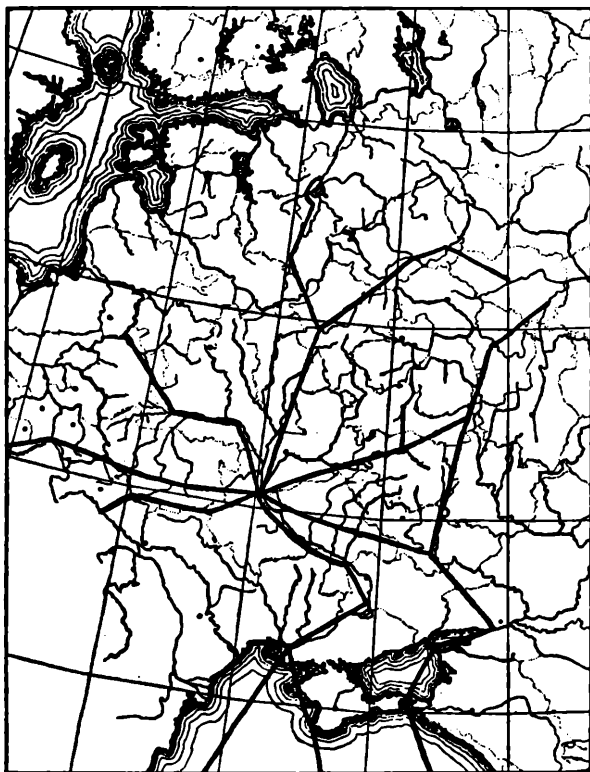

Схема торговыхъ путей Кіевской Руси X—XIII в.

Русскіе продолжали по прежнему доставляеть мѣха и въ Тану, и въ Кафу, но эти русскіе были уже не кievляне и шли они едва ли Залознымъ шляхомъ.

Путь на сѣверо-востокъ. Это путь къ финнамъ за мѣхами. Онъ, какъ и путь Залозный, упрочень былъ за Русью еще Владиміромъ Св., пославшимъ сюда для этой цѣли одного изъ своихъ сыновей, Глѣба. Торговая столица всѣхъ окскихъ финновъ—Муромъ; надо думать, что финскіе обитатели Цны и Мокши привозили свои мѣха, медь и воскъ также сюда. Первоначально Муромъ входилъ въ систему болгарской торговли и получалъ нужныя финскому міру желѣзныя издѣлія и другія вещи этимъ путемъ. Владиміръ сѣумѣлъ не только перенять для Кіева мѣховую торговлю Муромъ, но и привлечь сюда мѣха и товары изъ самой Болгаріи. Неудивительно, что даже въ XII в. Муромъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ Рязань. Можетъ быть, старѣйшій путь въ Муромъ шелъ черезъ Курскъ или Путивль и верховьями Оки. Святославъ могъ пройти на Оку и какою-либо иною дорогой, но путь къ Мурому болѣе естественный и короткій шелъ всегда чрезъ Курскъ, Елецъ, Дубокъ и Рязань. Этотъ путь былъ удобенъ еще въ томъ отношеніи, что по нему удобно проплыть водою прямо до Тмутаракани, минуя Кіевъ, или пройти туда же прямо степною дорогой отъ Ельца. Позднѣ могла быть избираема и дорога «сквозь вятичи», т. е. чрезъ центры ихъ земли. Такихъ дорогъ было три: 1) Путивль—Глуховъ—Мценскъ—Дѣдиловъ (Тула)—Рязань; 2) Черниговъ—Новгородъ Сѣверскій—Трубчевскъ—Мценскъ (или Брянскъ); 3) Черниговъ—Стародубъ—Брянскъ—Козельскъ—Дѣдиловъ. Какія бы дороги ни выбралъ кievскій купецъ на Муромъ, онъ долженъ былъ выйти въ Рязань, чѣмъ и опредѣляется особенное значеніе этого города. Кіевъ былъ крупнымъ покупателемъ на мѣха, и близкій Суздаль не могъ быть ему серьезнымъ конкурентомъ. Равнымъ образомъ Новгородъ едва-ли имѣлъ здѣсь свои интересы, получая лучшіе и болѣе дешевые мѣха изъ Холмогоръ. Сами болгары торговали не только въ Муромѣ, но и выше по Волгѣ.

Путь изъ Муромъ въ Кіевъ чрезъ Суздаль, отмѣчаемый лѣтописью въ исторіи убіенія князя Глѣба, слѣдуетъ оставить подъ сомнѣніемъ, какъ позднѣйшую вставку въ лѣтопись ¹⁾.

По Татищеву, въ 1006 г. болгары просили у Владиміра права свободной (безпошлинной) торговли. Имъ дано было торговать по городамъ на Окѣ и Волгѣ, для чего выданы были какія-то печати. Русскіе взамѣнъ получили право свободного доступа въ Болгарію (II, 89). Тотъ же источникъ сообщаетъ, что въ 1185 г. болгарскіе купцы были ограблены на Волгѣ. Болгары просили защиты (вознагражденія) у Всеволода, и когда не получили, то сдѣлали нападеніе на Городецъ и Муромъ до Рязани (III, 248). Брали болгары Муромъ и въ иное время, напр. въ 1087 г. Определенно путь въ Муромъ чрезъ Курскъ отмѣчается лѣтописью подъ 1095 г., когда чрезъ него прошелъ Изяславъ. Въ 1146 г. изъ Рязани чрезъ Курскъ прошелъ князь Глѣбъ. Составитель географическаго обзора въ древней лѣтописи знаетъ, что изъ Руси можно идти по Волгѣ въ Болгары и въ Хвалисы. Въ легенду о крещеніи Руси включены и волжскіе болгары, въ качествѣ представителей мусульманства.

Мѣха сосредоточивались въ Муромѣ весною, быть можетъ, ко времени особой ярмарки. Трудно догадаться, что именно ввозили кіевляне въ страну финновъ въ обмѣнъ на мѣха. Съ увѣренностью можно сказать, что здѣсь кіевское желѣзо, по дороговизнѣ своей, не могло имѣть сбыта; на Окѣ и Волгѣ было въ ходу болѣе дешевое желѣзо шведское, идущее чрезъ Новгородъ, а можетъ быть и чрезъ Двину и Смоленскъ. Кіевляне могли ввозить въ Муромъ свои греческіе товары, а также издѣлія изъ серебра, золота и мѣди и серебряные слитки. Среди камскихъ древностей извѣстны кіевскіе широкіе наручники съ чернью, поясныя

¹⁾ Шахматовъ А., Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, Спб. 1908, стр. 76—97, 574.

пряжки, замки и шестиугольныя гривны ¹⁾. Отсюда же идутъ многочисленныя шиферныя пряслицы, бусы, мелкія мѣдныя вещи, извѣстныя болгарскія бармы ²⁾ и пр. Конечно, такія вещи могли проникать и изъ Суздаля (черезъ Городецъ), но кіевскіе купцы въ Муромѣ имѣли возможность предложить ихъ сходнѣе.

Сѣверный путь изъ Кіева на Новгородъ и Суздаль шель Смоленскомъ, черезъ Великія Луки и верховья Волги. Позднѣе Суздаль установилъ болѣе прямое сообщеніе съ Кіевомъ черезъ вятичей. Едва ли кіевскіе купцы имѣли въ этихъ областяхъ спеціальныя интересы и что-либо получали отсюда въ значительныхъ количествахъ. За то новгородцы и суздальцы должны были неизбѣжно пріѣзжать въ Кіевъ за греческими и мѣстными товарами. Несомнѣнно, что Кіевъ имѣлъ и своихъ разнообразныхъ ремесленниковъ. Торговый балансъ пополнялся серебромъ, поступающимъ въ Новгородъ отъ готовъ за мѣха и воскъ. Почти всѣ предметы роскоши, находимые въ Суздальской области, особенно болѣе поздніе, происходятъ изъ Кіева. Въ Новгородѣ вещи кіевского происхожденія мѣшаются съ готскими, при чемъ русскія между ними, вѣроятно, значительно преобладаютъ.

Былъ у Кіева и свой *путь въ Полѣсье*, откуда получались русскіе и литовскіе мѣха, черезъ Припять. Однако едва ли онъ былъ значителенъ, такъ какъ литва имѣла большее тяготѣніе къ Бугу, Вислѣ и Балтійскому побережью.

Международная торговля древней Руси имѣла исключительно мѣновой и оптовый характеръ, весьма привлекательный и удобный для купцовъ. Но этотъ же характеръ требовалъ, чтобы торговля не прерывалась ни на одномъ пути, входящемъ въ данный торговый узелъ.

¹⁾ Спицынъ А., Древности Пермской чуди по коллекціи Теплоуховыхъ. Спб. 1902 г., табл. XV, 17; XVIII, 21; XIX; XXVIII, 13, XXXIX, 19 и 29.

²⁾ Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. V, стр. 129.

Въ силу своего исключительнаго положенія, Кіевъ всегда процвѣталъ и былъ красотою русскихъ городовъ; благодаря присутствію митрополита и обширныхъ монастырей, онъ былъ и центромъ русской образованности. Титмаръ († 1019 г.) признаетъ Кіевъ самымъ обширнымъ городомъ Европы. Адамъ Бременскій называетъ его соперникомъ Царьграду. Величественъ онъ былъ и предъ приходомъ татаръ, сокрушившихъ его въ корень. Послѣ Кіевъ уже никогда не могъ поправиться и навсегда утратилъ свою самостоятельность. Онъ уступилъ и татарамъ, и генуэзцамъ, и литвъ, не онъ освободилъ Россію отъ татаръ, литвы, поляковъ и крымцевъ. Центромъ политическимъ и узломъ основныхъ торговыхъ путей послѣ сверженія татарскаго ига стала Москва, впрочемъ едва ли когда либо имѣвшая столь исключительный блескъ, какъ нѣкогда Кіевъ ¹⁾.

А. Спицынъ.

¹⁾ Составитель предлагаемаго, къ сожалѣнію, слишкомъ схематическаго и, можетъ быть, мѣстами не вполне убѣдительнаго очерка, помѣщаетъ его въ настоящемъ изданіи какъ приношеніе ученика автору лучшаго въ методическомъ отношеніи нашего трактата по русской исторической географіи.

М. М. Сперанскій и комитетъ 1837 года о степени обученія крѣпостныхъ людей.

Исторія нашего школьнаго образованія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ тѣсно связана съ исторіей общественнаго строя. Созданныя въ эпоху преобразованій Петра Великаго профессиональныя школы служили однимъ изъ средствъ сословной организациі общества. Когда затѣмъ въ срединѣ XVIII вѣка профессиональное образованіе стало смѣняться образованіемъ общимъ, то одна изъ главныхъ задачъ политики просвѣщенія заключалась въ согласованіи идеаловъ этого общаго образованія съ реальными интересами разныхъ сословій. Утвержденная уставами 5 ноября 1804 года система народнаго просвѣщенія стояла, повидимому, внѣ прямой зависимости отъ сословнаго строя. Эта система признавала принципъ безсословной школы. Лицамъ всѣхъ состояній, при извѣстныхъ условіяхъ, былъ равно открытъ доступъ въ школы всѣхъ степеней, приходскія и уѣздныя училища, гимназіи, университеты. Въ прохожденіи лицами разныхъ сословій учебнаго курса, въ полученіи правъ по образованію система 1804 года не вносила рѣзкихъ сословныхъ различій, столь характерныхъ для законодательства XVIII вѣка. Если при практическомъ осуществленіи уставовъ 5 ноября 1804 года и создавались нѣкоторыя частныя ограниченія для лицъ низшихъ сословій, то эти частныя ограниченія не колебали самаго принципа безсословности общаго образованія; они носили характеръ

уступокъ проникнутой сословными интересами традиціи минувшаго столѣтія, которая, какъ всякая глубокая традиція, живуча и не могла быть прервана сразу, силою законодательнаго акта.

Въ 1820-хъ годахъ, въ эпоху реакціи противъ системы просвѣщенія по уставамъ 5 ноября 1804 года, сословныя ограниченія въ народномъ образованіи выступаютъ въ перспективѣ новыхъ политическихъ задачъ. Реакція противъ системы 1804 года, начавшаяся съ учрежденія Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, первое время всецѣло направлена была на борьбу «съ духомъ нечестія и вольномыслія» и не трогала принципа бессословной школы. Этотъ основной мотивъ реакціи при А. С. Шишковѣ осложненъ былъ требованіемъ «употреблять и преподавать науки въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣеть... обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное число онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ реторикѣ было бы приуготовлять его быть худымъ и бесполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ». Въ этомъ взглядѣ уже заключался тотъ политическій принципъ, который съ полною опредѣленностью поставленъ съ начала царствованія Николая I, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней охранительной политики ¹⁾).

Въ іюнѣ 1830 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ свою записку, посвященную разбору составленнаго комитетомъ 6 декабря 1826 года закона о состояніяхъ, началъ словами: «сохраненіе древняго порядка въ раздѣленіи на главныя состоянія подданныхъ государства есть, конечно, однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ сохраненію для отдаленнѣйшихъ родовъ твердости самаго существованія Имперіи и прочнаго благосостоянія ея по всѣмъ отношеніямъ

¹⁾ *И. Алешинцевъ*. Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX в. Спб. 1908 г., стр. 20.

политической и гражданской жизни»¹⁾. Это была довольно точная формулировка общего принципа внутренней политики, который сообщалъ опредѣленную политическую цѣнность мысли Шишкова о необходимости распространять просвѣщеніе «въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣеть».

Такъ опредѣлился политическій принципъ, изъ котораго съ необходимостью вытекало отрицательное отношеніе къ безусловности образованія. Оно проходитъ, какъ извѣстно, болѣе или менѣе яркой чертой черезъ все законодательство николаевской эпохи о народномъ просвѣщеніи. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ въ исторіи этого законодательства было появленіе рескрипта на имя министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова 9 мая 1837 года съ повелѣніемъ о точномъ наблюденіи правилъ о приѣмѣ въ учебныя заведенія людей различныхъ состояній²⁾. Рескриптъ этотъ былъ выработанъ особымъ комитетомъ, дѣлопроизводство котораго сохранилось среди бумагъ М. М. Сперанскаго, переданныхъ графомъ Корфомъ въ министерство народнаго просвѣщенія³⁾.

Уже съ 1808—1809 годовъ Сперанскій принималъ видное участіе въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ по народному просвѣщенію. Состоя въ тѣ годы членомъ «Комитета объ усовершеніи духовныхъ училищъ» и «Главнаго правленія училищъ» при министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ представлялъ непосредственно государю свои предположенія и проекты по принципиальнымъ вопросамъ и объ отдѣльныхъ училищахъ; таковы, на примѣръ, были записка «Объ усовершеніи общаго народнаго воспитанія», оправдывавшая извѣстный указъ объ экзаменахъ на чины, и «Первоначальное начертаніе особеннаго Лицея». Съ 1826 года Сперанскій состоялъ членомъ Комитета устрой-

¹⁾ Сборн. И. Рус. Ист. Общ., т. ХС, стр. 467.

²⁾ Сборн. постановл. по Мин. нар. проsv., т. II, стр. 1 (изд. 2-е), № 549.

³⁾ Арх. Мин. нар. проsv., карт. 149. Также карт. 2699, д. № 69093.

ства учебныхъ заведеній и работалъ преимущественно по вопросамъ, касавшимся учебной администраціи, высшихъ учебныхъ заведеній, реформы юридическаго образованія ¹⁾. Предсѣдательствованіе въ Комитетѣ, къ исторіи котораго мы сейчасъ обращаемся, было послѣднимъ важнымъ трудомъ Сперанскаго въ области народнаго просвѣщенія.

4 февраля 1837 года статсъ-секретарь Танѣевъ препроводилъ Сперанскому письмо слѣдующаго содержания:

«Милостивый Государь, Михайла Михайловичъ! Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ изволилъ: составить Комитетъ изъ Вашего Высокопревосходительства, Генераль-Адъютанта Графа Бенкендорфа, Министровъ: Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, для пересмотра существующихъ постановленій о приѣмѣ въ учебныя заведенія людей не свободнаго состоянія, а также и настоящихъ предметовъ преподаванія какъ въ сихъ заведеніяхъ, такъ и въ принадлежащихъ партикулярнымъ лицамъ, въ которыхъ воспитываются ихъ крѣпостные люди.

Правила же, на коихъ сему Комитету дѣйствовать, Его Величество лично изволитъ вамъ передать.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, такуюю Монаршую волю, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга А. Танѣевъ.»

Первое, предварительное засѣданіе Комитета состоялось безъ участія наиболѣе заинтересованнаго его члена, министра народнаго просвѣщенія. О принятомъ на этомъ засѣданіи рѣшеніи Сперанскій извѣстилъ С. С. Уварова слѣдующимъ письмомъ отъ 17 февраля: «М. Г. Сергѣй Семеновичъ! Въ бывшемъ въ минувшій понедѣльникъ послѣ засѣданія Государственнаго Совѣта предварительномъ совѣщаніи извѣстнаго Вашему Превосходительству Комитета о

¹⁾ Мой Историч. Обзоръ дѣятельности Мин. нар. проsv., по указателю *И. А. Чистовичъ*. Руководящіе дѣятели духовн. проsv. въ Россіи, гл. II. Лицейскій Журналъ, 1906—1907 г., № 3. Изданные мною Матеріалы для исторіи учебн. реформъ XVIII—XIX в., гл. IX.

степени обученія крѣпостныхъ людей, признано нужнымъ прежде всего имѣть предъ собою свѣдѣнія, въ прилагаемой при семъ запискѣ означенныя.

Члены сего Комитета (Графъ А. Х. Бенкендорфъ, Д. Н. Блудовъ и я), полагая, что и Ваше Превосходительство изволите признать сіи предварительныя свѣдѣнія необходимыми къ зрѣлому сужденію подлежащаго дѣла, нашли нужнымъ предоставить вамъ, М. Г., собрать оныя, откуда слѣдуетъ, и внести въ Комитетъ въ свое время.

Къ этому письму приложена была программа свѣдѣній, которая Комитетъ желалъ получить отъ министерства народнаго просвѣщенія, и намѣчены частныя вопросы, на которые расчленялась возложенная на Комитетъ задача. Вотъ эта программа:

«I. Нужно собрать свѣдѣнія:

1) О количествѣ *частныхъ реальныхъ школъ*¹⁾, нынѣ существующихъ.

2) О числѣ и происхожденіи ихъ воспитанниковъ и учениковъ внѣшнихъ.

3) О наукахъ и искусствахъ, въ нихъ преподаваемыхъ, съ означеніемъ относительно наукъ и степени ученія или курса.

4) О числѣ и происхожденіи воспитанниковъ и внѣшнихъ учениковъ въ *частныхъ учебныхъ не реальныхъ заведеніяхъ (пенсіонахъ)* съ подробнымъ означеніемъ:

а) Лицъ состоянія дворянскаго.

б) Состоянія мѣщанскаго или купеческаго.

в) Изъ крестьянъ государственныхъ.

г) Изъ людей отпущенныхъ на волю.

е) Изъ людей крѣпостныхъ, дворовыхъ или крестьянъ помѣщичьихъ.

¹⁾ «Подъ симъ именемъ разумѣются всѣ заведенія, для обученія молодыхъ людей въ предметахъ земледѣлія, межеванія, фабрикъ, искусствъ и художествъ, частными людьми устроенныя, въ коихъ словесныя науки составляютъ не главный, но вспомогательный предметъ ученія».

5) О наукахъ въ нихъ преподаваемыхъ и степени ученія ихъ курсовъ.

6) Справиться объ Академіи Художествъ по послѣднему уставу.

II: По собраніи сихъ свѣдѣній подлежатъ будутъ къ разсужденію Комитета слѣдующія мѣры:

1) Въ школахъ реальныхъ, гдѣ курсы наукъ будутъ найдены превышающими кругъ уѣздныхъ училищъ, или

а) привести ихъ въ мѣру сихъ училищъ по соглашенію съ ихъ учредителями, или

б) вовсе запретить пріемъ крѣпостныхъ людей какъ въ число воспитанниковъ, такъ и въ число учениковъ внѣшнихъ, или же

с) ограничить пріемъ только тѣми, кои представляютъ отъ помѣщиковъ свидѣтельства о намѣреніи ихъ дать ученикамъ свободу, какъ скоро они окончатъ курсъ наукъ и искусствъ съ успѣхомъ по экзамену.

2) Въ пенсіонахъ:

1) Всю запретить пріемъ воспитанниковъ и учениковъ въ тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ предметы ученія превышаютъ курсъ уѣздныхъ училищъ, дозволивъ принимать ихъ только тамъ, гдѣ курсъ наукъ равняется уѣзднымъ училищамъ на точномъ основаніи указа 1827 года.

5) Наблюдать, чтобъ въ сихъ послѣднихъ курсъ наукъ не былъ возвышаемъ безъ разрѣшенія начальства. Если же по сему разрѣшенію будетъ возвышенъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать ихъ запрещенію въ пріемъ крѣпостныхъ людей».

4 марта Уваровъ разослалъ попечителямъ учебникъ округовъ циркулярное предложеніе доставить свѣдѣнія о частныхъ школахъ по приведенной выше программѣ, а также просилъ министра финансовъ сообщить такія же свѣдѣнія о состоящихъ въ его вѣдѣніи реальныхъ училищахъ. Первымъ получено было донесеніе Петербургскаго попечителя (отъ 6 марта и дополнительно отъ 23 марта и 8 апрѣля); затѣмъ слѣдовали донесенія попечителей Дерпт-

скаго округа (отъ 10 марта и дополнительно отъ 9 іюня), Кіевскаго (отъ 16 марта), Одесскаго (отъ 7 апрѣля), отъ Иркутской дирекціи (отъ 10 апрѣля), Харьковскаго округа (отъ 24 апрѣля), отъ Закавказской дирекціи (отъ 29 апрѣля). Дѣятельность Комитета закончилась 30 апрѣля и уже послѣ того поступили донесенія отъ округовъ Московскаго (отъ 17 мая), Казанскаго (отъ 3 іюня), Бѣлорусскаго (отъ 11 іюня) и сообщеніе отъ министра финансовъ (отъ 26 мая).

Такой порядокъ поступленія затребованныхъ Комитетомъ свѣдѣній имѣетъ существенное значеніе для оцѣнки его дѣятельности. Какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ датъ, Комитетъ окончилъ свою работу раньше, чѣмъ передъ его глазами успѣла сложиться цѣльная картина возбудившаго политическую тревогу явленія, для борьбы съ которымъ долженъ былъ изыскать средства Комитетъ.

Въ общемъ доставленныя попечителями учебныхъ округовъ свѣдѣнія представляютъ весьма интересный матеріалъ для статистики частныхъ училищъ и профессиональнаго образованія въ царствованіе Императора Николая I. Въ настоящей статьѣ мы воспользуемся только тѣми данными, которыя непосредственно относятся къ вопросу о высотѣ распространеннаго на практикѣ образованія крестьянъ и крѣпостныхъ людей.

Оказалось, прежде всего, что изъ двухъ группъ частныхъ училищъ, различенныхъ въ программѣ Сперанскаго, реальныхъ (точнѣе—техническихъ) и не реальныхъ (общеобразовательныхъ), въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія нашлись училища исключительно второй группы. Во всѣхъ вѣдомостяхъ, полученныхъ изъ округовъ, эти училища раздѣлялись на *пансіоны*, приближавшіеся по курсу къ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, и на *школы*, не превышавшія приходскихъ училищъ. Въ нѣкоторыхъ пансіонахъ высшаго типа усилено было преподаваніе новыхъ языковъ сравнительно съ гимназіями.

Соотношеніе «пансіоновъ» и «школъ» по отдѣльнымъ округамъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Въ Петер-

бургскомъ округѣ изъ общаго числа 91 училища гимназіямъ соотвѣтствовали 6 пансіоновъ, уѣзднымъ училищамъ—32 пансіона и 15 школъ, приходскимъ—4 пансіона и 34 школы

Въ Дерптскомъ округѣ числилось 40 пансіоновъ и 97 школъ; изъ нихъ гимназіямъ равнялись 4 пансіона, уѣзднымъ училищамъ 28 пансіоновъ и 23 школы, приходскимъ училищамъ—8 пансіоновъ и 74 школы.

Въ Кіевскомъ округѣ было 3 мужскихъ пансіона, состоявшихъ на степени уѣздныхъ училищъ, при чемъ въ одномъ изъ нихъ преподаваніе было болѣе элементарно, чѣмъ въ двухъ остальныхъ. 14 женскихъ пансіоновъ имѣли также курсъ средней школы.

Въ Харьковѣ 3 мужскихъ пансіона равнялись гимназіямъ.

Въ Закавказьѣ курсъ всѣхъ пансіоновъ равнялся курсу уѣздныхъ училищъ—новые языки.

Въ Казанскомъ округѣ было три пансіона съ курсомъ 4-хъ классовъ гимназіи.

Въ Бѣлорусскомъ округѣ были только мужскія приходскія училища, по общему уставу, а женскіе пансіоны имѣли курсъ трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ, дополненный новыми языками.

Къ сожалѣнію, въ вѣдомости по Московскому округу свѣдѣнія о пансіонахъ и школахъ изложены такъ, что по нимъ нельзя сдѣлать точнаго цифрового подсчета. Но общій фактъ тотъ, что и въ этомъ округѣ большинство пансіоновъ равнялось полнымъ гимназіямъ, меньшинство младшимъ классамъ гимназій, школы—приходскимъ училищамъ.

Подъ понятіе частнаго «реальнаго» (техническаго) училища, о которыхъ въ первую голову упоминала программа Сперанскаго, во всемъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія можно было подвести только одну школу земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ, учрежденную въ Петербургѣ въ 1824 году графиней Строгановой.

По вѣдомости, доставленной уже 26 мая графомъ Канкринимъ, въ министерствѣ финансовъ состояло 12 техническихъ школъ: технологическій институтъ, 2 училища торговаго мореплаванія, Егерское училище въ Лисинѣ, Горыгорецкая земледѣльческая школа, училище при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, медальерная школа при монетномъ дворѣ, рисовальное отдѣленіе при московскомъ дворцовомъ архитекторскомъ училищѣ, Кяхтинское училище китайскаго языка, горныя училища въ Барнаулѣ, Нерчинскѣ, Екатеринодарѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ школъ преподавались въ разномъ объемѣ общеобразовательные предметы: Законъ Божій, русскій и иностранные языки, ариѳметика.

Кромѣ того въ вѣдомствѣ министерства финансовъ числилось еще 48 низшихъ частныхъ школъ съ элементарнымъ курсомъ (Законъ Божій, чтеніе и письмо, ариѳметика). Таковы же были 10 школъ на заводахъ графини Строгановой и Демидова. «Въ нѣкоторомъ отношеніи» къ министерству финансовъ состояли еще Московское земледѣльческое училище и Московская коммерческая Академія.

Такова была одна сторона дѣла, подлежавшаго разсмотрѣнію Комитета. Какъ и слѣдовало ожидать, частная инициатива проявлялась исключительно въ области общаго образованія. Реальныя или техническія училища всѣ были казеннаго происхожденія и служили практическимъ вѣдомственнымъ нуждамъ. Въ объемѣ образованія, доставляемаго частными школами, видно одно только стремленіе—приблизиться по возможности къ основнымъ типамъ государственныхъ школъ. Въ техническихъ училищахъ элементы общаго образованія фигурировали настолько, насколько они были необходимы для усвоенія профессиональныхъ знаній. Однимъ словомъ, по собраннымъ для Комитета свѣдѣніямъ о положеніи частныхъ и техническихъ училищъ не открывалось ни одной черты, которая противорѣчила бы требованію закона, что частныя учебныя заведенія должны «содѣйствовать видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія».

Обратимся къ даннымъ по другому вопросу, какое мѣсто занимали среди учащихся въ частныхъ общеобразовательныхъ и техническихъ школахъ крестьяне и крѣпостные люди. Свѣдѣнія по этому вопросу приведемъ для каждаго округа отдѣльно.

Свѣдѣнія по *С.-Петербургскому* округу могутъ быть представлены въ 2-хъ таблицахъ: первая показываетъ число учащихся изъ разныхъ сословій въ пансіонахъ и школахъ вообще, вторая—въ пансіонахъ и школахъ, раздѣленныхъ по высотѣ курса на три разряда.

Т а б л и ц а 1-я.

	Въ пансіонахъ.			Въ школахъ.		
	Муж.	Жен.	Всего.	Муж.	Жен.	Всего.
Дворянъ	249	506	755	187	225	412
Мѣщанъ и куп.	151	296	447	275	477	752
Крестьянъ государ. . .	—	—	—	35	19	54
Отпущенныхъ	—	—	—	21	12	33
Пом. крестьянъ и дворовыхъ	—	—	—	78	40	118
Всего 2571.						

Кромѣ того—иностранцевъ, дух. званія, солдат. жен. пола—всего 362.

Т а б л и ц а 2-я.

Училища I разряда:

	Пансіоновъ 6.		
	Муж.	Жен.	Всего.
Дворянъ	180	—	180
Купеч. и мѣщ.	106	—	106
Духов. и иностр.	47	—	47

Училища II разряда:

	Пансіоновъ 32.			Школъ 15.		
	Муж.	Жен.	Всего.	Муж.	Жен.	Всего.
Дворянъ	66	493	559	75	61	136
Куп. и мѣщ.	40	289	329	72	160	232
Дух. и иностр.	62	146	208	27	23	50
Отпущенн.	—	—	—	12	4	16
Помѣщ. крестьянъ и дворовыхъ	—	—	—	58	15	73

Училища Ш разряда:

	Пансіоновъ 4.			Школъ 34.		
	Муж.	Жен.	Всего.	Муж.	Жен.	Всего.
Дворянъ	3	13	16	112	164	276
Куп. и мѣщ.	5	7	12	203	317	520
Иностран.	1	3	4	—	—	—
Отпущен.	2	—	2	9	8	17
Государ. крестьянъ . .	—	—	—	35	19	54
Помѣщ. крестьянъ и дво- ровыхъ	—	—	—	20	25	45
Дух. званія, иностр., сол- дат. дѣтей.	—	—	—	26	25	51

Въ С.-Петербургской школѣ земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ училось 83 чел., изъ нихъ дѣтей чиновниковъ 8, купцовъ 7, дворовыхъ 50, прочихъ 18.

Въ *Московскомъ* округѣ всѣхъ учащихся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ было 736; изъ нихъ 535 въ пансіонахъ, 201 въ школахъ. По сословіямъ они распредѣлялись такъ:

	Пансіоны:	Школы:
Дворянъ	342	38
Мѣщ. и купц.	137	70
Иностран.	56	—
Крестьянъ госуд.	—	21
Отпущенныхъ	—	4
Крѣпостныхъ	—	68
	<hr/> 535	201

Въ *Харьковскихъ* пансіонахъ;

	Пансіо- неровъ.	«Внѣш- нихъ» уче- никовъ.	Всего.
Дворянъ.	172	14	186
Купц. и мѣщ.	14	5	19
Разноч.	2	1	3

Въ трехъ *Кіевскихъ* мужскихъ пансіонахъ было 71 дворянинъ и 4 разночинца; въ 14 женскихъ пансіонахъ 381 дѣвицъ, всѣ дворянки.

Въ *Казанскомъ* мужскомъ пансіонѣ 13 дворянъ и 2 купеч. званія; въ двухъ женскихъ—45 дворянокъ и 2 купеч. званія.

Въ *Дерптскомъ* округѣ число учащихся значительно разнится по обѣимъ вѣдомостямъ (10 марта и 9 июня). Беремъ послѣднюю вѣдомость, какъ болѣе, повидимому, полную и точную:

	Пансіоны:			Школы:		
	Муж.	Жен.	Всего.	Муж.	Жен.	Всего.
Дворянъ	560	288	848	144	284	428
Мѣщ. и куп.	340	325	665	658	779	1437
Отпущен.	20	9	29	164	97	261
Крестьянъ госуд.	—	—	—	—	6	6
Итого	920	622	1542	966	1166	2132

Въ приходскихъ училищахъ *Бѣлорусскаго* округа:

	Муж.	Жен.
Дворянъ и чиновн.	1836	69
Поч. и личн. гражд.	990	79
Купеч. мѣщ., духовн.	32	1
Приказныхъ	25	—
Крестьянъ госуд.	262	40
Отпущен.	36	3
Крѣпостн.	552	18
Иностран.	118	33
Евреевъ	88	61
Колонистовъ	2	—
Итого	3941	304

Въ женскихъ пансіонахъ.

Дочерей дворян. и чиновн.	1152 и 2 мальчика.
Почетн. и личн. гражд., купц. и мѣш.	51
Духовн.	15
Приказн.	3
Иностран.	7
Еврейск.	19
Итого	1249

Въ *Закавказьѣ* въ пансіонахъ мужскихъ было 11 дворянъ и 8 купцовъ, въ женскихъ 36 дворянскаго и 1 купеческаго званія.

Въ *Иркутской* частной школѣ обучалось об.-офицерскихъ дѣтей муж. пола 1 и жен. 2, почетныхъ гражданъ жен. пола 3 и мѣщанокъ 1.

Въ специальныхъ училищахъ вѣдомства министерства финансовъ учились дѣти самыхъ различныхъ званій и только въ Егерскомъ Лисинскомъ училищѣ и Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ нѣкоторая незначительная часть учащихся была изъ крѣпостныхъ людей. Въ горнозаводскихъ школахъ всѣ 3.567 учениковъ были дѣти «нижнихъ горныхъ чиновъ».

Такова была картина сословнаго состава учащихся въ частныхъ общеобразовательныхъ и въ специальныхъ низшихъ и среднихъ школахъ. Мѣсто, занимаемое въ этомъ составѣ крестьянами и крѣпостными людьми, оказалось весьма незначительнымъ и въ распредѣленіи ихъ по школамъ разныхъ типовъ ничто не показывало опасной съ правительственной точки зрѣнія тенденціи выводить образованіе крѣпостнаго населенія изъ предназначеннаго ему закономъ круга элементарнаго обученія.

Какъ было выше сказано, Комитетъ не дожидался собранія всѣхъ необходимыхъ ему свѣдѣній и окончилъ свою работу къ 30 апрѣля, когда еще не получены были донесенія изъ Москвы, Казани, Вильны, отъ министерства финансовъ.

Не сохранилось, къ сожалѣнію, также подробныхъ свѣдѣній о порядкѣ дальнѣйшей дѣятельности Комитета, о числѣ его засѣданій, о высказанныхъ отдѣльными членами мнѣніяхъ и предложеніяхъ. Отъ предварительнаго совѣщанія Комитета мы должны сразу обратиться къ заключительному журналу, резюмирующему сужденія Комитета въ общей формѣ и помѣченному 30-мъ апрѣля того же 1837 года. Этотъ журналъ носитъ характерный отпечатокъ редакторской работы самого многоопытнаго предсѣдателя Комитета, Сперанскаго. Можно предполагать, что Сперанскимъ же установлена и основная точка зрѣнія при разрѣшеніи Комитетомъ поставленной ему задачи. Подписанъ журналъ

30 апрѣля Сперанскимъ, Уваровымъ и Блудовымъ. Почему отсутствуетъ подпись графа Бенкендорфа, неизвѣстно. Приводимъ текстъ журнала цѣликомъ.

«Въ Комитетѣ, составленномъ по Высочайшему повелѣнію изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго и изъ министровъ просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, разсматриваемо было дѣло о распредѣленіи степеней ученія по состояніямъ. Существо сего дѣла состоитъ въ двухъ вопросахъ: 1) въ какой мѣрѣ и съ какими ограниченіями въ казенныя и частныя разныхъ степеней училища должно допускать учениковъ изъ разныхъ свободныхъ, т. е. не крѣпостныхъ состояній, 2) въ какія казенныя и частныя училища должно допускать учениковъ изъ крѣпостнаго состоянія.

Къ разрѣшенію сихъ вопросовъ Комитетъ призналъ нужнымъ: *во-первыхъ*, собрать свѣдѣнія о разныхъ родахъ училищъ, нынѣ существующихъ, по разнымъ ихъ вѣдомствамъ, исключая военнаго; *во-вторыхъ*, о законахъ, по коимъ въ настоящемъ порядкѣ допускаются въ нихъ ученики изъ разныхъ состояній.

I. О разныхъ родахъ училищъ.

Всѣ училища, нынѣ существующія, какъ казенныя, такъ и частныя, раздѣляются, *во-первыхъ*, по главной цѣли ихъ ученія, *во-вторыхъ*, по степени преподаваемаго въ нихъ ученія.

1) Раздѣленіе по главной цѣли.

Всѣ училища по главной ихъ цѣли раздѣляются на два рода: на словесныя и реальныя.

Къ словеснымъ принадлежатъ всѣ тѣ училища, въ коихъ словесныя, математическія и естественныя науки въ общемъ ихъ видѣ составляютъ главную цѣль. Таковы суть въ казенномъ разрядѣ: университеты, лицеи, гимназіи, уѣздныя и приходскія училища; сюда же можно отнести и меди-

цинскія академіи въ спеціальному ихъ видѣ; а въ частномъ разрядѣ сюда принадлежать разные пенсіоны и институты.

Къ реальнымъ принадлежать тѣ заведенія, въ коихъ главную цѣль ученія составляютъ предметы сельскаго хозяйства, садоводства, торговой, фабричной и ремесленной промышленности; сюда принадлежатъ всѣ агрономическія школы, училища садоводства, технологическіе институты, коммерческія академіи и училища. Сюда такъ же по главной ея цѣли можно отнести и академію художествъ.

2) Раздѣленіе по степени ученія.

Училища словесныя раздѣляются весьма явственно на три степени: на высшія, каковы суть университеты и лицей; на среднія, каковы суть гимназіи съ ихъ пенсіонами, и нижнія, т. е. училища уѣздныя и приходскія. Частныя словесныя заведенія имѣютъ только двѣ степени: нижнюю и среднюю.

Трудно и почти невозможно ввести то же раздѣленіе и въ училищахъ реальныхъ; каждое изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное предназначеніе и доводитъ преподаваемую ими науку до той степени совершенства, какой дозволяютъ ему достигнуть способы его установленія.

II. О законахъ, по коимъ допускаются ученики въ равныя училища.

1) О законахъ для училищъ словесныхъ.

По законамъ, нынѣ дѣйствующимъ, дѣти дворянъ и почетныхъ гражданъ допускаются во всѣ три степени сихъ училищъ; переходъ ихъ изъ низшихъ въ высшіе ограничивается только испытаніемъ способностей, испытаніемъ, впрочемъ, для университетовъ нынѣ довольно строгимъ.

Дѣти всѣхъ свободныхъ, т. е. не крѣпостныхъ состояній, допускаются невозбранно въ училища низшія и среднія; но

переходъ ихъ въ училища высшія затрудненъ не только испытаніемъ, но и тѣмъ еще условіемъ, что они, *во-первыхъ*, прежде вступленія обязаны представить увольненіе отъ ихъ обществъ. Сіе увольненіе, извѣстное подъ именемъ *дозволенія избрать другой родъ жизни*, означаетъ то, что общества приѣмлютъ на себя платежъ податей и отправленіе рекрутской повинности; *во-вторыхъ*, по окончаніи полного курса ученія, они обязаны просить объ исключеніи ихъ изъ оклада и податнаго состоянія, для вступленія въ военную или въ гражданскую и учебную службу.

Тому же правилу и тѣмъ же ограниченіямъ подлежатъ и вольноотпущенные люди, съ тѣмъ только различіемъ, что если они еще не приписаны ни къ какому сословію, то, какъ само собою разумѣется, и увольненія ни отъ кого просить не обязаны.

Крѣпостные люди могутъ по закону вступать въ одни низшія, т. е. приходскія и уѣздныя училища и въ тѣ частныя заведенія, въ коихъ степень преподаванія словесныхъ наукъ равняется низшимъ. Переходъ же ихъ въ средніе и высшіе вовсе имъ воспрещенъ (Указъ (рескриптъ) 1827, августа 19).

2) Законы объ училищахъ реальныхъ.

Въ законахъ нѣтъ никакого раздѣленія на степени для училищъ сего рода, да и ввести его, какъ выше было уже замѣчено, крайне было бы затруднительно. По сему путь въ сіи училища открытъ для всѣхъ свободныхъ, т. е. не крѣпостныхъ состояній, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ увольненія отъ ихъ обществъ на время ученія, и какъ училища сіи не даютъ никакихъ преимуществъ, то по окончаніи въ нихъ наукъ каждый возвращается въ свое состояніе.

Училища сіи по силѣ указа 1827 года открыты и для крѣпостныхъ людей безъ всякаго ограниченія, кромѣ, какъ само собою разумѣется, дозволенія ихъ помѣщиковъ. Одно изъятіе для сего существуетъ: въ академію художествъ, въ

технологическій институтъ и въ коммерческія училища крѣпостные люди не допускаются.

Обозрѣвъ симъ образомъ роды существующихъ нынѣ училищъ и законы, по коимъ допускаются въ нихъ ученики, Комитетъ приступилъ къ разрѣшенію предложенныхъ ему вопросовъ:

1. О порядкѣ допущенія въ училища словесныя лицъ свободнаго состоянія.

Комитетъ разсуждалъ, что относительно лицъ свободнаго состоянія законы, нынѣ дѣйствующіе, не требуютъ перемѣны по слѣдующимъ уваженіямъ:

1) Законы нынѣ дѣйствующіе объ образованіи юношества, суть послѣдствія коренныхъ нашихъ законовъ о состояніяхъ. Настоящее раздѣленіе состояній въ отечествѣ нашемъ окончательно образовано и утверждено Петромъ Великимъ. Мысль сего государя состояла въ томъ, чтобы каждое состояніе пользовалось присвоенными ему особенными правами и несло возложенныя на него обязанности; но при сей главной мысли, другая мысль, не менѣе существенная, состояла въ томъ, чтобъ ни одно состояніе не отдѣлялось отъ другихъ недоступною преградою, не было бы для всѣхъ вовсе и навсегда закрыто; напротивъ, если съ одной стороны состояніе каждаго опредѣляется его родомъ и происхожденіемъ, то съ другой каждому вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ и путь перехода изъ низшаго состоянія въ высшее, путь болѣе или менѣе дальній и затруднительный, но для способностей и службы всегда и всѣмъ отверстый. Нѣтъ нужды доказывать преимущества сего порядка; столѣтній опытъ оправдалъ его превосходство.

Но сей порядокъ не могъ бы устоять, если бы образованіе юношества утверждалось у насъ на другихъ правилахъ, если бы каждое состояніе отдѣлено было отъ всѣхъ другихъ въ степени его образованія такъ, чтобъ никакія способности, никакіе успѣхи не могли перейти сего предѣла: тогда самый переходъ изъ одного состоянія въ дру-

гое произвелъ бы болѣе вреда, нежели пользы; онъ произвелъ бы смѣшеніе состояній, а не стройное цѣлое, коего всѣ части не иначе нынѣ срастаются воедино, какъ по сродству, приобрѣтенному одинакимъ ихъ образованіемъ. Изъ сего видно, что законы, нынѣ дѣйствующіе о воспитаніи юношества, суть послѣдствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не-обходимое условіе настоящаго устройства нашихъ состояній.

2) Естли съ одной стороны переходъ изъ двухъ нижшихъ состояній въ два высшіе и особенно въ дворянство, по причинамъ весьма основательнымъ, окруженъ у насъ условіями довольно трудными: то съ другой переходъ изъ крестьянства въ мѣщанство и даже въ вышшія сословія городскія ничѣмъ существенно не стѣсняется. Государственный крестьянинъ, не состоящій на первой рекрутской очереди и заплатившій свои мірскія повинности, можетъ по желанію его перейти въ мѣщане, и на другой же день, объявивъ капиталъ, можетъ стать купцомъ 1-й гильдіи; и напротивъ, купецъ 1-й гильдіи, переставъ вносить гильдейскую подать, тотчасъ падаетъ въ простое мѣщанство. Слѣдовательно при семъ, такъ сказать, переливѣ одного состоянія въ другое, при сей подвижности ихъ, столь впрочемъ необходимой для поддержанія и разширенія общественной жизни въ нашемъ Государствѣ, нельзя положить предѣловъ и въ образованіи юношества сихъ двухъ состояній безъ крайняго имъ стѣсненія. Нельзя запретить сыну искать возвышенія въ наукахъ, когда законъ дозволяетъ отцу искать возвышенія въ его состояніи.

2) О порядкѣ допущенія въ училища лицъ крѣпостнаго состоянія.

Крѣпостные люди, хотя по рекрутству и подушной подати принадлежать къ состоянію сельскихъ обывателей; но они составляютъ въ немъ особое сословіе, отдѣляющееся отъ прочихъ тѣмъ, что люди сіи не имѣютъ свободы переходить изъ своего сословія въ другое, развѣ будутъ отпущены на волю. Сія неподвижность ихъ состоянія должна

была по необходимости ограничить и степень ихъ образованія. Какая могла быть цѣль расширять кругъ ихъ познаній, когда кругъ ихъ дѣйствія опредѣленъ неподвижными границами крѣпостнаго состоянія? Необходимымъ и весьма естественнымъ послѣдствіемъ сего противорѣчія между умственнымъ образованіемъ и личнымъ положеніемъ должно быть въ однихъ глубокое чувство огорченія, въ другихъ отчаянная предпріимчивость разорвать узы ихъ тяготящія.

Послѣдствія столь очевидныя и столь опасныя должны были обратить на себя особенное вниманіе правительства; по сему-то въ самыхъ первоначальныхъ постановленіяхъ Министерства Просвѣщенія являются уже нѣкоторые слѣды ограниченій; но слѣды неясвенные, правила не рѣшительныя и потому легко нарушаемыя.

Дабы положить конецъ симъ отступленіямъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было въ рескриптѣ 1827 года августа 19-го дня означить съ точностію предѣлы между вышшимъ и нижшимъ образованіемъ и рѣшительно воспретить допущеніе крѣпостныхъ людей не только въ университеты, но и въ гимназіи.

Съ того времени примѣры нарушенія сихъ ограниченій, въ училищахъ собственно въ вѣдомствѣ Министерства Просвѣщенія состоящихъ, могли встрѣтиться только случайно и произойти отъ мѣстнаго небреженія, нечаянно укрывшагося отъ общаго высшаго надзора. Но сей надзоръ не обнималъ и не дѣйствовалъ съ тою же достовѣрностію въ заведенія частныхъ, каковы суть пенсіоны и такъ называемыя реальныя училища. Пенсіоны не прежде какъ въ 1834 году по представленію настоящаго Министра Просвѣщенія подчинены стали ближайшему наблюденію учебнаго начальства наравнѣ съ училищами казенными; и вслѣдствіе того самое обученіе въ нихъ раздѣлено на степени сообразно вообще принятому порядку. Въ реальныхъ училищахъ, съ преподаваніемъ наукъ собственно техническихъ, при самомъ первоначальномъ ихъ учрежденіи, до-

пущено было преподаваніе и наукъ вышшей словесности; между тѣмъ какъ въ нихъ надлежало ограничиться одною необходимостью и отстранить все, что принадлежитъ къ кругу училищъ вышшихъ и среднихъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ Комитетъ находитъ, что въ настоящемъ положеніи вопросовъ, разсмотрѣнію его предложенныхъ, нужнымъ представляется:

1) Подтвердить главныя правила перехода изъ училищъ нижшихъ въ средніе, а изъ сихъ въ вышшіе, въ прежнихъ узаконеніяхъ и въ Рескриптѣ 1827 года содержащіяся.

2) Поручить особенному повсемѣстному и самому строгому наблюденію Министра Просвѣщенія:

а) Чтобъ лица крѣпостнаго состоянія тогда только были допускаемы въ училища средніе и вышшіе, когда по волѣ ихъ помѣщиковъ они получаютъ увольненіе отъ сего состоянія; въ противномъ же случаѣ мѣра ихъ обученія должна быть ограничена одними нижшими училищами приходскими и уѣздными.

б) Чтобы всѣ частныя пенсіоны, относительно круга ихъ наукъ, раздѣлены были на степени сообразно общему училищъ устройству, и чтобы въ тѣ изъ нихъ, коихъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы лица крѣпостнаго состоянія.

в) чтобъ въ училищахъ такъ называемыхъ реальныхъ, гдѣ допускаются лица всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ былъ приведенъ въ мѣру училищъ приходскихъ и уѣздныхъ, съ исключеніемъ всего, что принадлежитъ къ кругу училищъ высшихъ и среднихъ и не относится прямо и непосредственно къ наукамъ техническимъ.

На семъ основаніи составленный и Комитетомъ разсмотрѣнный проектъ Рескрипта поднести къ Высочайшему усмотрѣнію».

При подписаніи журнала Сперанскій сообщилъ Комитету о дополнительномъ Высочайшемъ повелѣніи, «чтобы сверхъ пансіоновъ и реальныхъ училищъ обращено было вниманіе и на тѣ частныя школы, кои, какъ извѣстно, су-

ществуютъ или вновь учреждаемы быть могутъ въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ для обученія собственныхъ крѣпостныхъ людей, и чтобъ обученіе и въ сихъ заведеніяхъ проведено и содержимо было въ тѣхъ же предѣлахъ, какіе вообще для крѣпостныхъ людей полагаются».

Во исполненіе Высочайшей воли Комитетъ дополнилъ свой проектъ новой статьей (5-й): «Чтобъ и въ тѣхъ училищахъ, кои нынѣ существуютъ или впредь заведены быть могутъ помѣщиками для обученія крѣпостныхъ ихъ людей въ собственныхъ ихъ селеніяхъ, сохраняемы были тѣ же самые предѣлы, какіе вообще постановлены для училищъ низшихъ. По непосредственнымъ сношеніямъ вашимъ (т. е. министра народнаго просвѣщенія) съ губернскими предводителями уѣздные предводители дворянства обязаны имѣть за симъ ближайшій и самый точный надзоръ, донося подъ собственною ихъ отвѣтственностью своевременно и по порядку о всякомъ отступленіи, какое ими будетъ замѣчено».

Съ этимъ дополненіемъ рескриптъ былъ подписанъ 9 мая Государемъ и распубликованъ при указѣ Сената отъ 28 мая ¹⁾. Въ іюнѣ Уваровъ разослалъ циркулярныя предложенія губернскимъ предводителямъ дворянства и попечителямъ учебныхъ округовъ съ указаніемъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ къ исполненію рескрипта 9 мая. Предводителямъ дворянства было разъяснено, что подъ низшими училищами, курсомъ которыхъ должно было отнынѣ ограничиваться образованіе крѣпостныхъ людей, слѣдовало разумѣть приходскія и уѣздныя училища по уставу 8 декабря 1828 года Попечители учебныхъ округовъ получили предписаніе раздѣлить всѣ частныя пансіоны и училища на три степени, «относительно круга ихъ наукъ», соотвѣтствующія гимназіямъ, уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ, и наблюдать, чтобы въ училища первой степени отнюдь не попадали дѣти крѣпостныхъ ²⁾. Одновременно Уваровъ

¹⁾ 2-е Пол. Собр. Зап., № 10217. Собрн. постан. по мин. нар. проsv., т. II, отд. 1-е, изд. 2-е, № 549.

²⁾ Собрн. распор. по мин. нар. проsv., т. II, № 166.

обратился къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, императорскаго двора по части удѣльной, а также къ генер.-адъютанту Киселеву съ предложеніемъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ исполненію 4 п. рескрипта 9 мая и съ просьбою доставить въ министерство народнаго просвѣщенія подробныя свѣдѣнія о состоящихъ въ ихъ вѣдомствахъ «реальныхъ» училищахъ: какъ о преподаваемыхъ въ нихъ предметахъ, такъ и о числѣ и состояніи учащихся. Обо всѣхъ этихъ своихъ распоряженіяхъ Уваровъ 4 іюня представилъ особый докладъ Государю ¹⁾).

Какіе практическіе результаты дало примѣненіе рескрипта 9 мая? Зная, что число учащихся изъ крѣпостныхъ людей въ частныхъ школахъ было вообще весьма незначительно, что распредѣлялись эти учащіеся исключительно по школамъ низшимъ, что по курсу обученія частныя училища согласовались съ соотвѣтствующими типами казенныхъ, что введеніе въ курсъ «реальныхъ», т. е. техническихъ, школъ общеобразовательныхъ предметовъ вызвалось дѣйствительной необходимостью послѣднихъ для тѣхъ или другихъ отраслей профессиональнаго образованія,—зная все это, мы можемъ сказать, что для какихъ либо существенныхъ измѣненій въ постановкѣ частныхъ училищъ, въ силу рескрипта 9 мая, просто не представлялось фактическихъ основаній.

Сохранилось свѣдѣніе лишь объ одномъ эпизодѣ, показывающемъ, что формальное исполненіе требованій рескрипта 9 мая могло приводить къ результату довольно курьезному. Какъ мы видѣли, собственно въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія нашлось одно только частное «реальное» училище—школа земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ, учрежденная гр. Строгановой. Немедленно по появленіи рескрипта 9 мая само начальство школы поспѣшило изъять изъ ея курса статистику и исторію и замѣнило русскую словесность усиленнымъ обученіемъ русской

¹⁾ Сборн. постан. по мин. нар. пр., т. II, отд. 1-е, № 558.

грамматикѣ. Вслѣдъ затѣмъ попечитель округа князь Дондуковъ-Корсаковъ поручилъ инспектору частныхъ учебныхъ заведеній Буняковскому изыскать мѣры къ распространенію на помянутую школу правилъ рескрипта 9 мая.

Представленныя Буняковскимъ соображенія сопровождались весьма характернымъ общимъ разсужденіемъ по вопросу объ образованіи крѣпостныхъ людей. При разрѣшеніи этого вопроса, по мнѣнію Буняковскаго, слѣдовало имѣть въ виду: 1) сущность преподаваемыхъ наукъ, 2) ихъ число и 3) объемъ ихъ изученія. «Вредное вліяніе нѣкоторыхъ предметовъ обученія на умы воспитанниковъ крѣпостнаго состоянія слишкомъ очевидно и нѣтъ надобности подтверждать эту истину какими либо доводами; къ этой категоріи должно отнести *иностранные языки*. Воспитанники, по выходѣ изъ школы, могутъ почерпнуть въ сочиненіяхъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, понятія или вовсе превратныя или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя дадутъ ихъ умамъ ложное направленіе и, можетъ быть, отклонять нѣкоторыхъ отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ родились». По этимъ соображеніямъ слѣдовало исключить изъ курса школы нѣмецкій языкъ.

Не менѣе вредной находилъ Будняковскій многопредметность обученія крѣпостныхъ людей. «Развивая понятія и умственныя способности, они (многіе предметы) распространяютъ кругъ дѣятельности ума, вызываютъ любознательность и не могутъ ли въ средѣ многочисленныхъ воспитанниковъ найтись такіе, которые удовлетворяютъ этой потребности ума и по своему образованію станутъ на ступень выше той, на которую поставлены своимъ происхожденіемъ? Скажу болѣе: можетъ быть иной, сознавая свое превосходство предъ тѣмъ, отъ кого находится въ полной зависимости, будетъ или томиться своею долею, покоряясь закону необходимости, или, что еще хуже, забудетъ долгъ повиновенія. Въ обоихъ случаяхъ образованіе не послужитъ ли къ его вреду и не будетъ ли онъ

вправѣ роптать на этотъ даръ, драгоценный для другаго, но содѣлавшійся для него источникомъ самыхъ тягостныхъ ощущеній»? Въ горнозаводской школѣ гр. Строгановой преподавалось 20 предметовъ: изъ нихъ Буняковскій предлагалъ исключить общую географію и физику или, по крайней мѣрѣ, сократить ихъ преподаваніе «для уменьшенія итога познаній, приобретаемыхъ учащимися крѣпостнаго состоянія». Наконецъ, относительно *объема* преподаванія отдѣльныхъ предметовъ въ школѣ Буняковскій не сдѣлалъ никакихъ возраженій.

Надо признать, что Буняковскій вѣрно попалъ въ тонъ политической тревоги, какую возбуждалъ въ данное время вопросъ о предѣлахъ образованія для крѣпостныхъ людей, и предложенія его объ исключеніи изъ курса земледѣльческой и горнозаводской школы нѣмецкаго языка и о сокращеніи преподаванія географіи и физики было утверждено попечителемъ округа и одобрено министромъ. Тщетно возражалъ протизъ этой мѣры начальникъ школы князь Голицынъ, резонно представлявшій, что исключеніе нѣмецкаго языка и ограниченіе преподаванія географіи и физики «ослабляетъ средства къ образованію учениковъ согласно съ осооенною цѣлью» школы и что существующій курсъ ея отнюдь «не выходитъ изъ порядка, законами предписаннаго». Доведенное до свѣдѣнія министра, это возраженіе оставлено было безъ послѣдствій.

Столь же незначительный непосредственный результатъ дало возложеніе на министра народнаго просвѣщенія обязанности наблюдать за точнымъ исполненіемъ въ училищахъ всѣхъ вѣдомствъ (кромѣ духовнаго и военнаго) предписанныхъ рескриптомъ 9 мая правилъ. Доставленныя послѣ довольно продолжительной переписки изъ разныхъ вѣдомствъ свѣдѣнія показали, что выполненіе этой обязанности ограничивается очень узкой сферой.

Такъ оказалось, что въ реальныхъ училищахъ вѣдомства Императорскаго Двора всѣ предметы преподаются согласно съ 4 п. рескрипта 9 мая. Состоявшіе въ вѣдѣніи

П. Д. Киселева лѣсной и межевой институты и межевая рота при V отдѣленіи собственной Е. И. В. Канцеляріи состояли на военномъ положеніи и по курсу наукъ относились къ высшимъ и среднимъ школамъ. Учрежденныя департаментомъ государственныхъ имуществъ въ Псковской губерніи 26 волостныхъ училищъ для крестьянскихъ мальчиковъ по курсу стояли значительно ниже приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ техническихъ училищахъ вѣдомства министерства финансовъ преподавались изъ словесныхъ наукъ новые языки (въ технологическомъ институтѣ, сверхъ того, пространная исторія Россійскаго государства и краткая статистика), но въ нихъ вовсе не было учащихся изъ крѣпостныхъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ не было «реальныхъ» школъ, если не считать фельдшерскихъ школъ, курсъ которыхъ былъ не выше уѣздныхъ.

Итакъ, въ положеніи школъ разныхъ вѣдомствъ, на которыя должно было простираться, по рескрипту 9 мая, наблюденіе министра народнаго просвѣщенія, не обнаруживалось ничего такого, что требовало бы какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Нѣкоторыя сомнѣнія вызвали горнозаводскія школы Пермской губерніи. По сообщенію попечителя Казанскаго округа, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ, вообще сходныхъ по курсу съ училищами приходскими и уѣздными, преподавались предметы, не положенные въ уѣздныхъ училищахъ, на прим., логика и латинскій языкъ; учились же въ горнозаводскихъ школахъ дѣти различныхъ сословій, въ томъ числѣ заводскихъ рабочихъ и крѣпостныхъ людей. Это обстоятельство давало основаніе къ вмѣшательству министра народнаго просвѣщенія. 9 января 1839 г. Уваровъ обратился къ министру финансовъ съ просьбой принять мѣры къ устраненію въ горнозаводскихъ школахъ учениковъ крѣпостнаго состоянія отъ изученія предметовъ, «не относящихся прямо и непосредственно къ наукамъ техническимъ». Министръ финансовъ долго не отвѣчалъ на это предложеніе и только въ февралѣ 1840 г.

сообщилъ, что требованіе министра народнаго просвѣщенія исполнено. Этой перепиской о горнозаводскихъ школахъ закончилось дѣло объ осуществленіи предписаній рескрипта 9 мая 1837 г.

Итакъ, работа Комитета о степени обученія крѣпостныхъ людей, руководимая Сперанскимъ, не дала крупнаго законодательнаго результата и не внесла какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ дѣло народнаго образованія. Но она осталась яркимъ эпизодомъ охранительной политики царствованія Николая I, давшимъ принципиальное освѣщеніе одному изъ наиболее острыхъ вопросовъ въ исторіи русской школы XVIII—XIX вѣковъ. «Законы, нынѣ дѣйствующіе о воспитаніи юношества, суть послѣдствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе настоящаго устройства нашихъ состояній». Съ этой точки зрѣнія, съ какой Комитетъ взглянулъ на поставленную ему задачу, замкнуть рѣшительными мѣрами образованіе крѣпостныхъ людей кругомъ элементарнаго обученія значило поддержать одинъ изъ устоевъ существующаго сословнаго строя.

С. Рождественскій.

Иванъ III на Угрѣ.

Послѣднія десятилѣтія XV вѣка для восточной Европы— моментъ крупнѣйшаго историческаго значенія. На обширныхъ ея пространствахъ рушится старая, слагается новая система международныхъ отношеній. На югѣ крымское ханство вышло изъ смуть начальной формации своей и сложилось въ энергичное боевое гнѣздо подъ властью Менгли-Гирея. На востокѣ быстро падаетъ значеніе Золотой Орды, потерявшей столько татарскихъ силъ съ образованіемъ царствъ крымскаго и казанскаго. На западѣ великое княжество литовское, объединившее заново земли литовско-русскаго государства и заново связанное личною уніей съ Польшей подъ властью Казимира Ягеллончика, казалось готовымъ къ дѣятельной политикѣ, къ возрожденію традицій Витовта. На сѣверо-западѣ завязывался сложный узелъ борьбы за Балтійское побережье, лишь черезъ два столѣтія разсѣченный мечемъ Петра. Основнымъ же факторомъ, опредѣлившимъ дальнѣйшія судьбы восточной Европы, выступило московское государство, преодолевшее удѣльную раздробленность, спаявъ великорусскія силы вокругъ одного политическаго центра. 1480 годъ— критическій моментъ въ этомъ выступленіи Москвы на болѣе широкое историческое поприще. Съ событіями этого года связаны въ развитіи политическихъ судебъ Москвы два явленія первостепенной важности. Москва становится сувереннымъ, самодержавнымъ— въ исконномъ смыслѣ этого слова— государствомъ, сметая послѣднія черты «улуса» татарскаго. Москва, выдержавъ послѣдній кризисъ своихъ

междукняжескихъ отношеній, постепенно отливаешь новый политическій строй въ форму государственнаго единодержавія. И пережитки побѣжденной старины въ XVI в.,—какъ «выходы» и прочіе проторы татарскіе, такъ и остатки «удѣльщины»—только подчеркивають свершившійся поворотъ на новые пути. Съ такой точки зрѣнія фактическая сторона событій 1480 г. приобретаетъ особый интересъ для историка. И тѣмъ досаднѣе, что состояніе источниковъ—не только русскихъ, но и польско-литовскихъ—не даетъ возможности возстановить ее во всѣхъ подробностяхъ, ясно и убѣдительно. Однако, представляется не лишней попытка сдѣлать кое-что въ этомъ направленіи. Разборъ взаимнаго отношенія разныхъ элементовъ исторической традиціи о событіяхъ 1480 г. поможетъ отдѣлать въ ней достовѣрное отъ цѣнныхъ по своему, но искажающихъ историческую дѣйствительность созданий литературнаго творчества московскихъ книжниковъ, а разсмотрѣніе этихъ событій въ ихъ связи дастъ настоящую мѣру ихъ характера, смысла и значенія.

Событія седьмого десятка лѣтъ XV в. сильно взволновали московское общество, какъ взволновали они и сосѣдей Москвы, и разныя настроенія, ими вызванныя, отразились въ нашихъ источникахъ, сохранившихъ не мало противорѣчивыхъ свидѣтельствъ, записанныхъ современниками. Основной нашъ источникъ—московскіе лѣтописные своды—своеобразно разрѣшилъ свою задачу объединенія раздробленныхъ элементовъ историческаго преданія, то механически соединяя разнородныя и противорѣчивыя записи въ мнимо-цѣльномъ разсказѣ, то создавая, въ дальнѣйшей переработкѣ матеріала, сглаженную редакцію описанія событій, въ которой литературная работа компилятора стремилась, по возможности, устранить слѣды первоначальныхъ разнорѣчій.

Яснѣе всего выступаетъ двойственность источниковъ, какими пользовались составители сводовъ, въ Софійской второй лѣтописи. Тутъ, подъ 6988 г., изложеніе идетъ въ

слѣдующемъ порядкѣ ¹⁾: 1) Великій князь, получивъ извѣстіе о наступленіи царя Ахмата въ «одной думѣ» съ королемъ Казимиромъ, идетъ на Коломну и, ставъ тутъ, посылаетъ сына Ивана въ Серпуховъ, брата Андрея меньшого въ Торусу, а прочихъ князей и воеводъ располагаетъ по берегу Оки; но Ахматъ проходитъ съ Дона къ литовской землѣ, на соединеніе съ Казимиромъ, считывая, для дальнѣйшаго наступленія, на переправу черезъ рѣку Угру; тогда великій князь передвигаетъ всѣ свои силы на Угру для защиты бродовъ и перевозовъ, а самъ ѣдетъ въ Москву на «совѣтъ и думу» къ митр. Геронтію и матери своей в. к. инокинѣ Марѣѣ, къ дядѣ Михаилу Андреевичу, духовному отцу своему Вассіану Ростовскому и всѣмъ боярамъ: «вси бо тогда быша въ осадѣ на Москвѣ»; совѣщаніе это умоляетъ великаго князя крѣпко стоять противъ бесерменъ, а также помириться съ братьями; великій князь принимаетъ оба совѣта—выступаетъ въ Кременецъ и, оставшись здѣсь, посылаетъ всѣ силы на Угру, а относительно братьевъ: «послушавъ моленія ихъ и повелѣ матери своей великой княгинѣ послати по нихъ, а рекся ихъ пожаловати»; и княгиня послала за ними, «веля имъ прямо итти къ великому князю на помощь вборзѣ»; царь же Ахматъ пока прошелъ по литовской украинѣ и сталъ у Воротынска, ожидая Казимира, который, однако, не пришелъ и войска не прислалъ; пока рѣка Угра не стала, тянулась бесплодная перестрѣлка, а затѣмъ къ Ивану пришли на Кременецъ съ Великихъ Лукъ на помощь его братья—Андрей большой и Борисъ; когда рѣка замерзла, великій князь велѣлъ сыну и брату Андрею меньшому со всѣми силами отступить отъ Угры къ Кременцу, «боящися татарскаго нахожденія, яко да совокупльшеся брань створятъ съ противными»; ожидалось наступленіе татаръ, и великій князь, соединивъ всѣ силы въ Кременцѣ и еще не зная, что татары тоже

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 223—224.

спѣшно отступили (русскіе приняли это движеніе за подготовку переправы и потому не преслѣдовали ихъ, а отошли къ Кременцу), передвинулъ войска на поля къ Боровску, «глаголюще, яко на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ»; этимъ, собственно, законченъ разсказъ о нашествіи Ахмата, и продолженія надо искать черезъ нѣсколько страницъ въ извѣстіяхъ, записанныхъ въ концѣ 6988 г. и началѣ 6989-го ¹⁾: о томъ, какъ выяснилось, что татары ушли, какъ великій князь закончилъ примиреніе съ братьями и возвратился изъ Боровска въ Москву. Однако, Софійская вторая даетъ еще рядъ извѣстій ²⁾: 2) Объясненіе отступленія великаго князя внушеніями злыхъ совѣтниковъ, при чемъ говорится, что великій князь «восхотѣ бѣжати отъ брегу» и «великую княгиню римлянку» отослалъ на Бѣлоозеро, что мать великаго князя «изволи въ осадѣ сидѣти»: все это явно не на мѣстѣ, какъ потому, что о сидѣннн въ осадѣ в. к. Марѣе сказано было выше, такъ и потому, что самый злой совѣтъ, за которымъ послѣдовалъ прїѣздъ Ивана въ Москву, ниже ³⁾ отнесенъ къ отъѣзду великаго князя не съ Угры, а съ Оки въ Москву на упомянутое ранѣе совѣщаніе; далѣе нашъ сводъ приводитъ знаменитое посланіе арх. Вассіана, которое само выдаетъ себя за слѣдствіе того же московскаго совѣщанія ⁴⁾; и написано въ подкрѣпленіе его рѣшеній, когда до Москвы дошли слухи о переговорахъ съ ханомъ, начатыхъ Ивановъ изъ Кременца. 3) За посланіемъ опять перебой въ порядкѣ изложенія ⁵⁾: идетъ рѣчь о злыхъ совѣтахъ бояръ Ощеры и Мамона, побудившихъ великаго князя, «оставя всю силу у Оки на березѣ» — ѣхать въ Москву, описывается негодованіе, съ какимъ встрѣтили его граждане,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 231—232.

²⁾ Стр. 224—231.

³⁾ Стр. 230.

⁴⁾ «Тебѣ убо.... прїѣхавшю въ царствующій ти градъ Москву»

и т. д.

⁵⁾ Стр. 230—231.

переносившіеся «въ градъ въ осаду», упреки арх. Вассіана; сообщается, что тщетно звалъ великій князь и сына въ Москву: Иванъ молодой не послушалъ отца и не покинулъ войска; упоминается, какъ бы внѣ связи изложенія, о переводѣ Дмитровцовъ въ осаду въ Переяславль, а съ Москвы строевъ въ Дмитровъ и о сожженіи посада Московскаго Иваномъ Юрьевичемъ, (который ранѣе ¹⁾ былъ упомянутъ, какъ оставленный в. княземъ въ Москвѣ для осады); далѣе идетъ рассказъ о движеніи татаръ съ Оки къ Угрѣ, о возвращеніи великаго князя по мольбѣ Вассіана къ войску и его остановкѣ въ Кременцѣ—съ укоризной: «за далеко отъ берега», о переговорахъ и соглашеніи Ивана съ братьями («во всю волю ихъ даяся»), наконецъ, о переговорахъ Ивана съ ханомъ, тѣхъ самыхъ, что вызвали негодованіе Вассіана и его посланіе, и о неожиданномъ бѣгствѣ татаръ, которое приписано «мразомъ великимъ», несноснымъ для нагихъ и босыхъ татаръ.

Передъ нами несомнѣнные слѣды двухъ параллельныхъ рассказовъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, рѣзко различныхъ по тону: во второмъ бросается въ глаза укоризненное отношеніе къ Ивану III, выдвинутая на первый планъ роль Вассіана, противопоставленіе поведенія в. княгини Марѣы—малодушію «римлянки» Софьи, сочувствіе домогательствамъ братьевъ великаго князя. Но оба рассказа, особенно второй, видимо сохранены даннымъ сводомъ лишь фрагментарно и подлежатъ возстановленію путемъ сравнительнаго изученія съ другими текстами, гдѣ они также отразились. Не вдаваясь въ такую попытку, отмѣчу лишь нѣкоторыя черты этихъ другихъ текстовъ, поскольку они дополняютъ наши свѣдѣнія о ходѣ событій или освѣщаютъ характеръ традиціи о нихъ.

Въ сводахъ такихъ, какъ Воскресенскій или Никоновскій, естественно ожидать исключенія элементовъ, враждебныхъ великому князю. Оно почти такъ и есть. Но Воскре-

¹⁾ Стр. 225.

сенская лѣтопись ¹⁾, повторивъ тотъ же разсказъ, который первымъ читаемъ въ Софійской второй, сохранила въ концѣ указаніе на внушенія Ивану «злыхъ человекъ сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ, предателей христіанскихъ», притомъ связавъ его съ отступленіемъ къ Кременцу и Боровску, какъ и Софійская вторая, но болѣе ловко, такъ какъ тутъ откинута указаніе на московское осадное сидѣнье, т. е. устранена улика относительно перебоя въ порядкѣ изложенія, сохраненная Соф. II-й ²⁾. Тутъ же находимъ и намекъ на причину, придавшую живучесть въ книжной традиціи той особой концепціи событій 1480 г., которая подсказана обличеніями в. к. Ивана въ трусости; книжниковъ, даже чуждыхъ этой обличительной тенденціи, прельстилъ образъ бѣгущихъ другъ отъ друга войскъ, ибо съ помощью этого образа узрѣли они въ «падении татарскаго ига» чудо Божіе: фраза, имѣвшая первоначально иронической отгѣнокъ, въ духѣ второго источника: «и бѣ дивно тогда, едины отъ другихъ бѣжаху и никтоже женяше» ³⁾, принимаетъ такую форму: «и бѣ дивно тогда съврѣшися Пречистые чудо, едины отъ другихъ бѣжаху и никтоже женяше». Далѣе кратко передаетъ Воскресенская извѣстіе о гибели Ахмата, упоминаетъ о набѣгѣ царевича на Украину, приводитъ поученіе объ оборонѣ русской земли отъ поганыхъ ⁴⁾ и заканчиваетъ посланіемъ Вассіана. Нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ другихъ сводахъ, отразился первый источникъ въ Новгородской IV и Никоновской ⁵⁾: тутъ полнѣе передана фактическая сторона событій съ сохраненіемъ и точныхъ датъ: 8 іюня для выступленія в. князя Ивана молодого въ Серпуховъ; 23 іюля—и до Покрова—для стоянія

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VIII, с. 205—213.

²⁾ Тамъ же, стр. 207: «и слушающе злыхъ человекъ... прелсти Адама и Евву»; ср. Соф. II, т. VI, стр. 224.

³⁾ Такъ читаемъ, напр., въ Новг. IV, П. С. Р. Л., стр. 154.

⁴⁾ Поученіе это, видимо, стояло въ концѣ второго источника (см. т. VI, стр. 232).

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 153—154; т. XIII, стр. 198—203.

самого Ивана III въ Коломнѣ; сентября 30 для прїѣзда его въ Москву, правильно ставя при этомъ и годовую дату — 6989, что упустили сдѣлать другіе своды, вплетая разсказъ источника въ лѣтописную схему; 3 октября для выступленія в. князя въ Кременецъ. А въ заключеніе Новгородская четвертая сохраняетъ ироническую фразу о взаимномъ бѣгствѣ и укоризну о подчиненіи злымъ совѣтникамъ, давая затѣмъ и навѣянное этой редакціей замѣчаніе о чудѣ, но опускаетъ поученіе и посланіе Вассіана; въ Никоновской все это опущено, а «чудо» дано уже въ той редакціи, какую находимъ и въ Степенной книгѣ: «тогда же бысть преславное чудо пресвятыя Богородици, и бѣ дивно тогда видѣти: едини отъ другихъ бѣжаху, а никтоже женьше; егда отступиша сынове Русстїи отъ берега, тогда Татарове, страхомъ одержими, побѣгоша, мняще, яко берегъ даютъ имъ Русь и хотятъ съ ними битися, а наши мняху Татаръ за собою рѣку перешедшихъ и побѣгоша на Кременецъ» ¹⁾. Такъ легкой перестановкой фразъ и небольшимъ измѣненіемъ ихъ редакціи сообщеніе о конкретномъ фактѣ обратилось въ то «чудо», которое, вѣроятно, умиляло московскихъ книжниковъ, а въ изложеніи событій 1480 г. у болѣе разсудочныхъ книжниковъ-историковъ XIX ст. придало всему эпизоду нѣсколько комической характеръ.

Упомяну еще объ одной редакціи разсказа: «о приходѣ безбожнаго царя Ахмата на Угру», которую читаемъ въ лѣтописныхъ текстахъ, еще не изданныхъ, но подготовленныхъ къ изданію Археографической Коммиссіей. Въ спискахъ Кирилло-Бѣлозерскомъ и Великопермскомъ (или Вологодско-Пермскомъ) находимъ связный разсказъ о столкновеніи съ Ахматомъ, ввидѣ отдѣльнаго сказанія,

¹⁾ Новгородская IV—механичнѣ строитъ текстъ; сохранивъ отдѣльно фразу о бѣгствѣ, она пишетъ: «тогда же бысть чудо пресвятыя Владычица наша Богородица: егда отступиша сыновѣ Русстїи отъ берега, тогда прииде на царя Ахмата страхъ отъ Бога и побѣже отъ Угры» (т. IV, стр. 154).

построеннаго довольно искусно. Весь онъ помѣщенъ подъ 6988 г. съ тою же хронологической неточностью, какую замѣчаемъ и въ Соф. II или Воскресенской. Его отличіе въ ббльшемъ вниманіи къ тѣсной связи событій на Угрѣ съ раздорами среди братьевъ-князей московскихъ и въ стремленіи слить показанія разныхъ источниковъ въ возможно стройную картину. Послѣднее не вполне удастся: швы компиляціи все-таки видны. Разсказъ начинается сообщеніемъ о замыслахъ Казимира литовскаго, который, узнавъ о «неустроеньи» Ивана III съ братьями, Андреемъ большимъ и Борисомъ, изъ-за отчины скончавшагося князя Юрія (сказаніе передаетъ подробности переговоровъ между князьями), послалъ служилаго ордынскаго князя Кирѣя къ хану Ахмату подымать его на Москву. Услышавъ о движеніи Ахмата, великій князь посылаетъ сына и младшаго брата на устье Угры, въ Москвѣ сажаетъ въ осадѣ дядю князя Михаила Андреевича и князя Ивана Юрьевича, съ митрополитомъ Геронтіемъ и арх. Васіаномъ, гостями московскими и чернью, а самъ идетъ подъ Кременецъ. Тогда и княгини великія, Марѳа и Софья, вышли изъ города, но духовные іерархи упростили княгиню-мать вернуться въ Москву, а Софья съ дѣтьми уѣхала черезъ Дмитровъ къ Бѣлоозеру. Тогда же послали в. князь и мать его къ князьямъ Андрею большому и Борису извѣщеніе, что Иванъ имъ уступаетъ, «въ докончаніе ихъ пріимаетъ и княжъ Юрьеву отчину съ ними дѣлитъ». Пока тѣ «скоро поидоша къ великому князю на помощь», московскимъ войскамъ съ трудомъ удавалось отбивать татаръ отъ перехода черезъ Угру. Великій князь, «одумавъ съ сыномъ своимъ в. к. Иваномъ Ивановичемъ и съ братомъ своимъ меньшимъ со княземъ Андреемъ Васильевичемъ», послалъ къ Ахмату боярина И. Ѳ. Товаркова, «чтобы государь смиловался и рядца его Темирь печаловался царю, а самъ бы жаловалъ», и подкрѣпилъ это посольство «тѣшью великой» хану и Темирю; но тѣ тѣшь отвергли, требуя, чтобы Иванъ самъ явился къ хану и былъ «у царева стре-

мени». Тогда Иванъ «пойде къ Москвѣ» (стало быть, вторично, изъ Кременца!) и тутъ его горячо уговаривали «положить душу свою за люди своя». И великій князь, снова взявъ благословеніе, сталъ крѣпко «на Окѣ рѣкѣ», а «ждучи къ себѣ братьи своей князя Андрея да князя Бориса». Далѣе опять говорится о попыткѣ татаръ перейти Угру «подъ Опаковымъ городищемъ», отбитой русскими, и о совѣтахъ людей, «не хотящихъ земли русской добра», которые «начаша великому князю думати не явно, чтобы отъ берегу отступилъ, а царю бы не грубилъ». Вѣсти объ этомъ пришли въ Москву, и тогда митр. Геронтій, владыка Вассіанъ и игумень Паисій Сергіевскій «начаша посылати свои грамоты» великому князю, отслуживъ молебны, чтобы Богъ послалъ ему «крѣпость» противъ царя Ахмата. Приводится грамота Вассіана (съ датой: «а писалъ на Москвѣ на Дорогомиловѣ лѣта 6989»), причемъ въ замѣткѣ о полученіи грамота эта названа «грамотой митрополичей Геронтіевой и архіепископлей Вассіановой и игуменовой Пасѣиной»; в. князь укрѣпился духомъ, и братья къ нему пришли, король же Казимиръ къ хану не пришелъ. «А река Угра уже нача ся ставити, и князь отступи со всею силою въ поля къ Боровску, какъ мощно бы стати противу безбожнаго царя Ахмата». Но царь бѣжалъ, отпустивъ заранѣе полонъ въ орду, раззорилъ нѣсколько городовъ литовскихъ, московской же земли «ни заялъ, развѣе прочь идучи приходилъ царевъ сынъ Амуртоза на Конинъ да на Нюхово», но Иванъ послалъ на него братьевъ, и татары, узнавъ отъ плѣнника объ ихъ движеніи, бѣжали. Заканчивается рассказъ упоминаніемъ о возвращеніи въ Москву и надѣленіи братьевъ великимъ княземъ.

И этотъ рассказъ — плодъ литературной работы, лишь внѣшне соглашающей источники. Составитель даже самъ себя затруднилъ, начавъ прямо съ московской «осады», выступленія великаго князя подъ Кременецъ, и примиренія его съ братьями: пришлось удвоить поѣздку Ивана въ Москву. Но достоинство данной редакціи—въ вѣрномъ по-

ниманіи вліяння на ходъ событій раздора между московскими князьями и значенія Вассіановой грамоты, какъ выраженія мнѣній всей группы сидѣвшихъ въ Москвѣ вліятельныхъ лицъ, наконецъ, въ томъ, что подчеркнутъ рѣшительный моментъ: Иванъ рѣшается на битву, когда пришли къ нему братья и выяснилось, что ханъ напрасно ждетъ литовской помощи.

Вѣрную оцѣнку дѣйствій великаго князя Ивана Васильевича находимъ у польскаго историка Фридерика Папэ—въ трудѣ: «Polska i Litwa na przełomie wieków średnich»: «Позиція самого Ивана подъ Кременецкимъ селомъ была превосходна, ибо не только служила резервомъ для корпусовъ надъ Угрой, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы. Ахматъ грозилъ надъ Угрой: «дастъ Богъ зиму на васъ, когда всѣ рѣки стануть, будетъ много дорогъ на Русь». Но когда рѣки замерзли, 26 октября, а Иванъ всѣ свои силы оттянулъ съ Угры подъ Кременецкое село—на мѣстѣ уже оказались отряды Андрея старшаго и Бориса. Теперь московскій князь былъ готовъ къ бою въ открытомъ полѣ, выбралъ даже мѣсто для нея на нѣсколько миль къ востоку отъ Кременецкаго села, подъ Боровскомъ, но татары предпочли не принимать битвы». Отмѣчая, что обстоятельства сложились весьма благоприятно для Ивана, Папэ считаетъ неизбѣжнымъ признаніе, что, все-таки, онъ мастерски провелъ оборону Москвы: «Иванъ отступалъ, чтобы выполнить соединеніе войскъ съ братьями, а татары отступили, потому что съ момента концентраціи московскихъ войскъ были *стратегически побиты*». Вѣрно оцѣниваетъ польскій историкъ и шумные укоры московскихъ политиковъ-іерарховъ, говоря, что они «съ преувеличенной риторикой требовали битвы въ самый неподходящій моментъ, а затѣмъ по своему окрасили изложеніе всей этой исторіи». Эта фальшивая окраска, сохраненная даже такими оффиціозными памятниками, какъ Никоновская лѣтопись, Степенная книга, Лицевой сводъ, вызвала во времена Грознаго своеобразную, но еще

болѣ фальшивую реакцію въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» ¹⁾: отъ этого любопытнаго, но мало изученнаго, несмотря на изслѣдованіе Г. З. Кунцевича, литературнаго памятника, полнаго реторики и вымысловъ, источники которыхъ остаются невыясненными, пошелъ столь популярный разсказъ о томъ, какъ пришли къ Ивану III послы за данью съ пресловутой «басмой» и какъ великій князь «примѣ басму лица его и плевавъ на ню и излама ея, на землю поверже и потопта ногама своима, а гордыхъ словъ его избити всѣхъ повеле». Тутъ Ивану III приписывается то поведеніе—да еще въ наивно-театральной формѣ,—какого отъ него требовали его хулители-современники; и отъ котораго онъ и по натурѣ и по обстоятельствамъ былъ весьма далекъ. Далѣе, тотъ же памятникъ объясняетъ бѣгство хана съ Угры диверсіей, какую будто бы произвели русскія войска подъ начальствомъ служилаго царя Урдовлета Городецкаго и князя Василія Ноздроватого Звенигородскаго; спустившись Волгою для нападенія на Золотую Орду, они нашли Орду пустой, оставались въ ней только женщины, старики и дѣти; казалось бы не избѣжать Ордѣ полнаго раззоренія: но раззорить ее было литературной невозможностью, такъ какъ дальше слѣдуетъ статья «Казанскаго лѣтописца» о конечномъ запусѣнніи златяя орды, и пришлось автору вплести новый мотивъ о томъ, какъ Урдовлетъ подъ вліяніемъ своего улана Обяза пожалѣлъ свою родину. Сообщенія «Казанскаго лѣтописца», рѣзко противорѣчащія даннымъ всѣхъ остальныхъ источниковъ, не имѣютъ никакой исторической цѣны, что, однако, не помѣшало сценѣ съ басмой оказаться весьма живучей въ нашей ученой и учебной литературѣ.

Мы же на предняя возвратимся. Нечего прибавить къ мѣткой оцѣнкѣ, какую нашла у польскаго историка стратегическая сторона событій 1480 г. Но еще важнѣе другія

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XIX, стр. 7—8, 200—203.

ихъ стороны—общія международныя условія, въ какихъ они протекали, и тѣ внутреннія политическія явленія, существенныя для исторіи московской государственности, съ которыми эти событія неразрывно связаны.

Международная обстановка, въ которой свершилось выступленіе на историческую сцену самодержавной Москвы, нашла себѣ внимательнаго изслѣдователя въ томъ-же Фр. Папэ. Когда великій князь московскій наложилъ руку на Новгородъ, это стало какъ бы «токомъ, который наэлектризоваль всѣ враждебныя Москвѣ элементы»—и Ливонскій Орденъ, увидѣвшій прямо передъ собой, вмѣсто Новгорода и Пскова, силы «всёя Руси», и Швецію, ставшую непосредственной сосѣдкой московскаго государства, и хана Ахмата, жадно расцѣнивавшего богатства непокорнаго ленника, и литовское правительство, почуявшее нарушение того относительнаго равновѣсія силъ на восточной границѣ, которое опредѣлилось еще въ договорѣ Казимира съ Москвой 1449 г. Мечта враговъ Москвы—свести ея положеніе и силы къ прежнему уровню, вырвать у Ивана результаты его необычнаго политическаго усиленія. И въ концѣ 70-хъ годовъ Казимиръ Ягеллончикъ пробуетъ собрать и связать въ одинъ крѣпкій узелъ всѣ враждебныя Москвѣ нити. Надъ Москвой собралась буря, казавшаяся очень грозной, особенно потому, что разразилась она въ связи съ серіозной внутренней смутой. Въ концѣ 1479 г. братья великаго князя московскаго, Андрей и Борисъ, обращаются къ Казимиру съ просьбой о вмѣшательствѣ въ ихъ ссору со старшимъ братомъ, а въ началѣ 1480-го поднимаются противъ него. Тогда же шведы напали на новгородскія волости, заволновался Новгородъ, ливонскіе нѣмцы возобновили враждебныя дѣйствія противъ Пскова, а лѣтомъ ихъ нападенія стали настойчивѣе; и позднѣе, въ тотъ моментъ, когда великій князь примирился съ братьями, Андрею большому и Борису пришлось раньше, чѣмъ итти къ Кременцу, двинуться на выручку Пскова, и только «слышавше нѣмецъ отступившихъ отъ Пскова, поидоша

они къ великому князю». Такъ неспокойно было въ теченіе всего 1480 г. на западной границѣ. Однако, врагамъ Москвы не удалось сорганизоваться въ сколько-нибудь внушительную коалицію. Тотъ, кто могъ бы ее построить, у кого и братья Ивана III искали поддержки, потянувшись со своими силами къ западной границѣ и найдя «избылице» для княгинь своихъ въ Витебскѣ, Казимиръ—оказался безпомощнымъ въ рѣшительный моментъ. Что парализовало его? Наши своды даютъ объясненіе, странное по способу выраженія, продуктъ все той же мозаики лѣтописнаго компиляторства: «быша ему свои усобицы, тогда бо воева Мингирей Перекопскій Волынскую землю»; выходитъ такъ, будто усобицами названо нападеніе Крымскихъ татаръ! Новгородская четвертая и тутъ даетъ лучшее чтеніе: «а король самъ (къ нему) не поишелъ, ни силы своя не посла, понеже быша ему свои усобицы», безъ упоминанія о Крымцахъ. И дѣйствительно, татарскій набѣгъ на южныя области литовскихъ владѣній осенью 1480 г. не былъ сколько-нибудь значителенъ, не вызвалъ Казимира на выступленіе въ походъ съ силами великаго княжества; оборона осталась, видимо, мѣстной, и 20 октября ханъ, лично также не выступавшій въ походъ, уже возобновилъ мирный договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ. Трудно поэтому не согласиться съ Папэ, что нельзя этотъ набѣгъ считать достаточной помѣхой выступленію Казимира къ Угрѣ. Остается, вмѣстѣ съ тѣмъ же изслѣдователемъ, понимать слово «усобицы», какъ указаніе не на внѣшнія, а на внутреннія обстоятельства литовско-русскаго государства. Папэ указываетъ на разыгравшійся въ слѣдующемъ, 1481 г., «заговоръ князей», о которомъ наши лѣтописи сообщаютъ такъ: «того-же лѣта бысть мятежъ въ литовской землѣ, восхотѣша вотчичи, Ольшанской да Оленьковичъ, да князь Ѳедоръ Бѣльской по Березыню рѣку отсѣсти на великаго князя Литовской земли» ¹⁾. Напряженіе внутреннихъ отношеній, приведшее

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 283.

къ этому разрыву Казимира съ крупнѣйшими представителями мѣстнаго княжья, не вспыхнуло сразу неожиданной грозой: оно должно было и ранѣе разрыва связывать энергію Казимира, особенно въ отношеніи къ Москвѣ, у которой обрусѣлые и русскіе недовольные элементы великаго княжества литовскаго искони искали опоры. Не даромъ Казимиръ, по свидѣтельству Длугоша, убѣждалъ свою литовскую раду не очень то надѣяться на русскихъ литовско-русскаго государства, такъ какъ они непріязненны литвинамъ изъ за различія въ вѣрѣ и готовы, въ случаѣ войны съ Москвой, скорѣе содѣйствовать гибели, чѣмъ побѣдѣ Литвы ¹⁾. Безъ опоры въ Польшѣ, чуждой интересамъ восточной политики, при разладѣ силъ и слабости литовско-русскихъ владѣній своихъ, Казимиръ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ: широкіе планы антимосковской политики оказались построенными на пескѣ.

Слабость и разъединеніе враждебныхъ силъ помогли Ивану III выйти съ крупнымъ успѣхомъ изъ временнаго, хотя и тяжелаго затрудненія. Эти условія содѣйствовали и преодолѣнію внутренней смуты, для которой событія 1480 г. оказались многозначительнымъ финаломъ. Напомню ходъ этой смуты. Ея корень въ тѣхъ владѣльческихъ отношеніяхъ московской княжеской семьи, которыя такъ отчетливо выступаютъ въ великокняжескихъ грамотахъ. «Даю рядъ своимъ дѣтемъ и своей княгинѣ, пишетъ Василій Темный въ духовной 1462 г.; приказываю свои дѣти своей княгинѣ, а вы, мои дѣти, живете за одинъ, а матери своеѣ слушайте во всемъ, въ мое мѣсто, своего отца». По смерти отца остается семья съ матерью-вдовой во главѣ. Благословивъ старшаго сына Ивана своею отчиною, великимъ княженіемъ, великій князь Василій опредѣляетъ удѣлы каждому изъ сыновей. Раздѣлъ этотъ не окончательный: возможны передѣлы. «А по грехомъ у котораго у моего сына, читаемъ въ духовной, вотчины отойметя, и княгини моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ

¹⁾ Длугошъ, «Орега», изд. Пшездѣцкаго, т. XIV, стр. 698.

удѣловъ, да тому вотчину исполнить, а дѣти мои изъ ее воли не вымутся». Духовная Василия Темнаго не предполагаетъ случая безнаслѣдной смерти одного изъ сыновей, но въ духовной его отца, Василия Дмитриевича (1389 г.) читаемъ: «А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отъиметь и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ, которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутся». Но наряду съ удѣлами князья владѣютъ собственными селами и деревнями, приобрѣтенными не по ряду отца, а по завѣщанію иныхъ членовъ семьи или по прикупу. Такъ Василій Темный подтверждаетъ за вторымъ сыномъ, Юріемъ, все, что тотъ получилъ отъ бабки, Софьи Витовтовны: «а чѣмъ его благословила мати моя, пишетъ онъ въ духовной, великая княгиня Софья, его баба, и въ душевной ему въ своей написала, ино то его и есть»; и самъ отецъ къ этой собинѣ Юрія придаетъ (внѣ удѣла) «свое село Шипиловское совсѣмъ». Только этими селами и деревнями, наравнѣ съ движимымъ имуществомъ, распоряжается князь Юрій въ своей духовной 1472 года: онъ раздаетъ роднѣ—матери и братьямъ, а также по монастырямъ то, чѣмъ его благословила баба его, великая княгиня Софья, и село Шипилово, чѣмъ его благословилъ отецъ. Владѣніе по удѣламъ, съ сохраненіемъ ихъ пропорціональнаго отношенія—основная черта этихъ отношеній, въ теоріи—основа единства и мира въ братской семьѣ. Отношенія эти, опредѣленные отцовской духовной, поставлены подъ особую опеку: «а приказываю свою княгиню, пишетъ Василій, и своего сына Ивана и Юрья и свои меншиѣ дѣти брату своему королю польскому и великому князю литовскому Казимиру по докончальной нашей грамотѣ ¹⁾, на Бозѣ и на немъ на моемъ

¹⁾ Въ договорѣ Василия Темнаго съ Казиміромъ читаемъ: «а учинить ли Богъ такъ, мене (Василія) возьметъ съ сего свѣта напередъ, а ты (Казиміръ) останешъ живъ, и тобѣ моимъ сыномъ княземъ Иваномъ печаловагися, какъ и своими дѣтми, и моими дѣтми меншими». А. З. Р., т. I, № 50.

братѣ, какъ ся учнетъ печаловати моею княгинею и моимъ сыномъ Иваномъ и моими дѣтьми», а дѣтей своихъ великій князь «приказалъ» княгинѣ матери: «а вы, дѣти мои, слушайте своеѣ матери во всемъ, а изъ еѣ воли не выступайте ни въ чемъ». Изъ этого послушанія не исключенъ и великій князь Иванъ, хотя ему поручено держать брата Юрья и братью меньшую «въ братствѣ безъ обиды», а имъ внушено чтить и слушать брата старѣйшаго Ивана въ отца мѣсто.

Внутреннее противорѣчїе между строемъ княжеской семьи съ ея владѣніемъ по удѣламъ, съ властной ролью матери-вдовы, и великокняжеской властью старшаго изъ князей братьевъ, съ ея государственными задачами, рѣзко вскрылось по смерти князя Юрія, послѣдовавшей 12 сентября 1473 г. Иванъ III взялъ на себя весь удѣлъ брата— и «разгнѣвахуся братія на великаго князя, что имъ не далъ въ удѣлѣ жеребіа въ братнѣ во князь Юрьевъ». Мать помирила сыновей на время, уступивъ Андрею большему свой городокъ, куплю свою, Романовъ, а Иванъ далъ Борису Вышегородъ, Андрею меньшому—Торусу (не изъ удѣла Юрьева). Но братья, вынужденные уступить Ивану наслѣдство Юрія ¹⁾, не были удовлетворены, и раздоръ вспыхнулъ снова черезъ нѣсколько лѣтъ, когда двое старшихъ поднялись въ началѣ 1480 г. противъ Ивана, обратившись къ Казимиру, чтобы онъ «ихъ управилъ въ ихъ обидахъ съ великимъ княземъ и помогаль». Искали недовольные князья опоры и у матери; великій князь готовъ былъ ей приписать все дѣло: «много нелюбіе поддержа на мать, мнѣвъ, яко та сдума братѣ его отъ него отступити».

Въ своихъ требованіяхъ князья-братья стояли на почвѣ старыхъ обычаевъ княжеской семьи, въ своемъ обращеніи къ королю Казимиру и къ великой княгинѣ матери опирались на отцовское завѣщаніе. Но ихъ старина и ихъ

¹⁾ См. договоры 1473 г.: С. Г. Г. и Д., I, №№ 97 и 99.

право стояли въ рѣзкомъ противорѣчии потребностямъ новаго національнаго государства, во главѣ котораго чувствовалъ себя великій князь Иванъ Васильевичъ. Нужда заставила уступить, принявъ посредничество матери, которую, видимо, поддерживало высшее духовенство. Княгиня-мать съ совѣщанія въ Москвѣ посылаетъ извѣстить сыновей, что великій князь «князь Юрьеву отчину съ ними дѣлитъ» и велитъ имъ «ити прямо къ великому князю въ помощь вборзѣ». Возстановленное такою цѣной воссоединеній боевыхъ силъ московскаго государства обезпечивало Ивану III возможность стратегической побѣды надъ Ахматомъ. Цѣной внутренняго пораженія великокняжеской власти? На первый взглядъ, да. Характерна та скупость, съ какой московскіе лѣтописные своды передаютъ реальныя условія примиренія князей. «Рекся ихъ пожаловати», говорятъ Соф. II и Воскр. о московскомъ рѣшеніи, а Никонская еще условнѣе: «жаловалъ братью свою по печалованію отца своего митр. Геронтія и матери своей великой княгини иноки Марѣы и архіепископа Ростовскаго Васіана и князя Михаила Андреевича». Непріятное выраженіе «Юрьеву отчину съ ними дѣлитъ», напоминавшее, какъ увидимъ, неисполненное обѣщаніе великаго князя, сохранили только Кирило-Бѣлозерскій и сходные съ нимъ списки. Эта же редакція такъ означаетъ, въ концѣ всего разсказа, уступки Ивана III братьямъ: Иванъ «поиде къ матери своей, и братью свою пріа въ любовь и въ докончаніе и вотчину имъ подѣли, князю Ондрею большому Можаяскъ со всѣми уѣзды, а князю Борису Суходолъ да села бабы его Марьи Голтяевы и съ судомъ, а князю Ондрею меньшому Серпуховъ съ волостями». Другіе своды и этого не даютъ, ограничиваясь краткой замѣткой: «князю Ондрею большому дасть Можаяскъ, а князю Борису отступися сель его» ¹⁾. Трудно сомнѣваться, что въ тяжелый моментъ дано было обѣщаніе подѣлиться съ бра-

¹⁾ Такъ Воскр. и Ник., а Соф. II: «и дасть князю Ондрѣю Можаяскъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ дѣлярные».

тѣми князь Юрьевой вотчиной. Но исполнено оно не было, когда гроза миновала. Только старшій Андрей получилъ часть Юрьевой отчины—Можайскъ, и то въ формѣ пожалованія со стороны старшаго брата, а не по раздѣлу выморочнаго удѣла матерью между сыновьями ¹⁾. Упоминаніе о Суходолѣ для Бориса, Серпуховѣ для Андрея меньшаго, повидимому, отражаетъ моментъ переговоровъ между братьями, не результатъ этихъ переговоровъ. Борису, видимо, пришлось удовлетвориться только возвращеніемъ тѣхъ селъ, которыя достались ему отъ бабы его, Марьи Голтяевой, еще при жизни отца ²⁾. Андрей же меньшей ничего не получилъ; во всякомъ случаѣ не получилъ Серпухова!

Въ договорахъ Ивана III съ братьями, Андреемъ большимъ и Борисомъ, 1481 года, они обязуются «не подыскивати никотороу хитростью» подъ великимъ княземъ

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, № 106, 1481 г.: «и что язъ, князь велики, пожаловалъ тебя (Андрея) Можайскомъ»... Характерно, что договоры 1481 г. заключены братьями только по благословенію митрополита, тогда какъ договоръ Ивана III съ Андреемъ 1472 г. (до ссоры изъ за Юрева удѣла) заключенъ «по слову матери нашее, великія княгини» (№ 95).

²⁾ Суходоль—уступленъ, какъ и Вышгородъ, Василиемъ Темнымъ Василию Ярославичу Боровскому по договору около 1448 г.—С. Г. Г. и Д., т. I, № 71; послѣ опалы князя Василія въ 1456 г., видимо, его владѣнія взяты на великаго князя: Вышгородъ и Суходоль въ его рукахъ. Мать князя Василія Марья Ѳедоровна Голтяева свои земельныя владѣнія передала князю Борису Васильевичу съ разрѣшенія отца его, великаго князя (тамъ-же №№ 86 и 110). Не такъ-ли слѣдуетъ понимать дальнѣйшее, что Борисъ стремится получить и то изъ владѣній Боровскихъ князей, что принадлежало Василию Ярославичу? Въ 1473 г. онъ получаетъ Вышгородъ, въ 1481—обѣщаніе Суходола; на дѣлѣ, повидимому, достаются ему только села Ярославичевы (по чтенію въ Соф. II), которыя не точно въ другихъ сводахъ отождествлены съ селами Марѣи Голтяевой. Иначе остается предположить, что эти села были захвачены великимъ княземъ во время усобицы и затѣмъ только возвращены Борису.

и его дѣтьми, между прочимъ, удѣла князя Юрьевского, въ составѣ котораго и упоминается и Серпуховъ ¹⁾).

Иванъ III такъ и не подчинился старинѣ, которую самъ онъ отмѣнить своей духовной: «а котораго моего сына не станеть, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь въ московской землѣ и въ тферьской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью, а братья его у него въ тотъ удѣлъ не вступаются». Пережитое Иваномъ III въ 70-хъ годахъ рѣзко выдвинуло несовмѣстимось боевого положенія, какое заняло молодое московское государство, съ княжескимъ многовластіемъ и семейно-вотчинными порядками княжого владѣнія. Рѣшительный поворотъ къ стремленію поставить младшихъ князей подъ власть воли государевой съ уничтоженіемъ ихъ значенія, какъ князей владѣтельныхъ, характерный для дальнѣйшей исторіи междукняжескихъ отношеній, можно разсматривать, какъ процессъ, получившій сильный толчокъ вслѣдствіе событій 1480 года.

А. Прѣсняковъ.

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 106 и 110.

Двѣ замѣтки о Боярской думѣ.

Значеніе различныхъ формулъ дѣлопроизводства Боярской думы уже выяснено въ исторической литературѣ. Можно только замѣтить, что мнѣніе о неопредѣленности ихъ и сбивчивости нѣсколько преувеличено. Повидимому, оно объясняется тѣмъ, что при изученіи вопроса брали безразлично, какъ подлинныя доклады съ помѣтами, такъ и другіе документы дѣлопроизводства приказовъ, въ которыхъ первоначальная резолюція подвергалась измѣненіямъ. Такъ, въ подлинныхъ докладахъ никогда не смѣшиваются формулы: «государь указалъ и бояре приговорили» и «по государеву указу бояре приговорили»; первая означаетъ постановленіе въ присутствіи государя, вторая—безъ него. Въ памятяхъ же приказовъ другъ къ другу и въ указныхъ грамотахъ изъ приказовъ въ города чаще всего употребляется первая формула, замѣняя вторую, а иногда о боярскомъ приговорѣ совершенно не упоминается.

Въ одномъ изъ подлинныхъ докладовъ Помѣстнаго приказа намъ встрѣтилась формула, которая, какъ кажется, неизвѣстна историкамъ. Иногда государь, выслушавъ челобитья или дѣла, указывалъ «поговорить о томъ съ бояры». Это выраженіе уже извѣстно. Представляется сомнительнымъ, означало ли оно передачу дѣла на рѣшеніе бояръ, или только предписаніе узнать ихъ мнѣніе, не предрѣшая вопроса о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Повидимому, оно могло означать и то, и другое; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дьякъ зналъ по ходу дѣла, что нужно

сдѣлать, но не опредѣлялъ порядка точнымъ терминомъ. Всякое сомнѣніе устраняется при болѣе точной формулѣ: «государь указалъ поговорить о томъ съ бояры, и доложить себя государя». Упомянутый докладъ Помѣстнаго приказа знакомить насъ съ послѣднимъ порядкомъ рѣшенія дѣла.

Когда въ 1626—27 годахъ правительство отправляло въ города валовыхъ писцовъ, то возникъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ писцовой практики. Между прочимъ, въ 1627 г. изъ Помѣстнаго приказа государямъ былъ представленъ очень важный и сложный докладъ, въ которомъ были поставлены слѣдующіе вопросы ¹⁾.

Въ наказахъ писцамъ велѣно «помѣстныя и вотчинныя земли писать за помѣщики и вотчинники по государевымъ жаловальнымъ вотчиннымъ и ввознымъ грамотамъ»; а въ этихъ грамотахъ четвертная пашня и всякія угодыя не росписаны. «И о томъ какъ государь... (п. т.) и отецъ его государевъ... (п. т.) укажутъ: велятъ ли тѣ земли писцамъ мѣрить, для тово что въ селахъ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ и въ пустошахъ въ ихъ государевыхъ грамотахъ четвертная пашня и всякое угодые порознь не росписано?»

Если помѣщики и вотчинники положатъ передъ писцами выписи изъ старыхъ и новыхъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ «за дьячьими приписьми», т. е. выданныя изъ приказовъ, то велятъ ли государи «тѣ земли мѣрить, или тѣ земли для крестьянъ, и бобылей и угодей велятъ дозировать» безъ обмѣра?

Если помѣщики и вотчинники положатъ выписи изъ книгъ за печатями писцовъ и за руками подьячихъ и будутъ просить писать за ними земли по тѣмъ выписямъ, то какъ укажутъ государи: «велятъ ли тѣ земли писцамъ мѣрить, или тѣ земли велятъ дозировать и писать писцамъ (въ свои книги) по тѣмъ выписямъ?»

Если помѣщики будутъ класть передъ писцами старыя

¹⁾ Излагаемъ докладъ подробно въ виду его важности. Указъ по нему не вошелъ въ Указную книгу Помѣстнаго приказа.

сотныя грамоты на земли, розданныя имъ изъ дворцовыхъ волостей, и тѣ сотныя были писаны лѣтъ за 10, 20, 40 и больше, и будутъ просить писать за ними земли по сотнымъ безъ новаго обмѣра то какъ поступать? Въ 1620 г., когда были посланы писцы на Вологду, то имъ такихъ земель мѣрить не велѣно. И о томъ какъ государи укажутъ: «велятъ ли тѣ земли писцамъ мѣрить, или тѣ земли велятъ дозировать и писать по тѣмъ сотнымъ грамотамъ по прежнему своему государеву указу, какъ указано писать на Вологдѣ»?

Далѣе поставлено 3 вопроса относительно вотчинныхъ грамотъ, данныхъ при царѣ Васильѣ и при Михаилѣ Федоровичѣ за Московскія осадныя сидѣнья и не переписанныхъ «по новому государеву уложению». Велятъ ли государи писать такія земли въ вотчинахъ, «или тѣ вотчины велятъ писцамъ писати особно себѣ статьею»?

Прежнимъ дозорщикамъ было велѣно въ наказахъ размежевывать помѣстныя и вотчинныя земли, но они тѣ земли, на которыя были представлены имъ грамоты и выписи, «писали по своему дозору, а не мѣрили», а спорныя земли и тѣ, на которыхъ не было представлено выписей и грамотъ, «писали и мѣрили, а не межевали». «И о томъ какъ государь... (п. т.) и отецъ его государевъ... (п. т.) укажутъ, велятъ ли тѣ земли писцамъ мѣрить, которыхъ прежніе дозорщики не мѣрили, или велятъ писать дозоромъ»?

Какъ можно видѣть, поставленные вопросы были очень важны въ нѣсколькихъ отношеніяхъ. Новый обмѣръ всѣхъ земель потребовалъ бы большого труда и сильно замедлил бы описаніе. Съ другой стороны, рискованно было довѣрять старымъ грамотамъ и выписямъ, часто весьма подозрительнымъ, полученнымъ въ тѣ времена, когда вниманіе правительства было сосредоточено на борьбѣ за цѣлость и независимость государства, а всякихъ чиновъ люди «воровали» по мѣрѣ своихъ силъ, расхватывали дворцовыя и черныя земли въ помѣстья и вотчины, завладѣвали «ве-

ликими мѣсты за малыя чети» и, взявъ «особныхъ дозорщиковъ», которыхъ легко было подкупить, «велѣли за собою тѣ земли въ помѣстья и въ вотчины писать такъ, какъ имъ годно» ¹⁾).

Это воровство могло увеличиться и остаться безнаказаннымъ послѣ пожара 1626 года, когда погибли едва ли не всѣ дѣла Помѣстнаго приказа.

Государи, выслушавъ статей доклада, указали: «о тѣхъ статьяхъ говорити боярамъ, а что поговорятъ о тѣхъ статьяхъ бояре, и они государи велѣли себя государей доложить».

Согласно этого указа государей, дѣло было доложено боярамъ 23 мая 1627 года. Бояре высказали свои мнѣнія на поставленные вопросы и прибавили кое что отъ себя. По первымъ вопросамъ бояре, предвидя воровство, «слушавъ сѣхъ статей *поговорили*: хотя де землѣ, всякимъ людемъ, будетъ и тяжело, только въ городѣхъ писцомъ всякія земли писати и мѣрити и въ живущее класть изнова; а старымъ выписямъ и сотнымъ грамотамъ вѣрить для приправки, для того что дозорныя книги погорѣли, съ которыхъ они (т. е. дозорщики) тѣ выписи давали, а нынѣ многіе стануть у дозорщиковъ и у подьячихъ, которые подьячіе съ съ дозорщиками были, промышлять новыми выписями и крестьянъ, и бобылей и угодня учнутъ воровски приписывать, и отъ того будетъ въ землѣ смута великая и бѣднымъ обида».

Затѣмъ, не представляя себѣ ясно медленности описанія, если обмѣрять всѣ земли сызнава, бояре предложили ускорить описаніе угрозами и наказаніями: «да и о томъ бояре *поговорили*, чтобъ государь... (п. т.) и отецъ его государевъ... (п. т.) велѣли писцамъ писать вскорѣ, не мѣшкая, не такъ бы что года по 2, и по 3». Если же писцы не обмѣрять и не размежуютъ всѣхъ земель и на на нихъ будутъ челобиться, «и бояре говорили, что тѣмъ

¹⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа. Изд. В. Сторожева, 54 стр.

писцамъ наказанье, что государь укажетъ, а ѣхати имъ въ тѣ города для межеванья на своихъ подводахъ и на своемъ корму; да и нынѣшнимъ писцамъ въ наказы ту статью *поговорили* написати».

Относительно вотчинъ, на которыя жалованныхъ грамотъ не переписано, «и тѣ вотчины бояре *приговорили* писцамъ въ книги письма своего писати себѣ статьею, пока-мѣста объ нихъ будетъ государевъ указъ».

Наконецъ бояре напомнили отъ себя объ одномъ вопросѣ, который постоянно безпокоилъ служилыхъ людей: «да бояре же *поговорили*, которые вотчичи пишутъ въ монастыри вотчины свои выслуженыя, и купленыя и родовыя, а по государеву указу вотчинъ никакихъ въ монастыри давати не велѣно, а тѣ монастыри тѣми вотчинами владѣютъ, а ныне у писцовъ учнутъ въ книги писати за монастыри, и впередъ, какъ застарѣютъ тѣ вотчины въ монастыряхъ, и тѣ вотчины станутъ называть впередъ монастырскими; и бояре *поговорили*, чтобъ въ наказъ написати, что писцамъ тѣхъ земель за монастыри не писати, потому что по прежнихъ государей и по нынѣшнему государеву уложению въ монастыри вотчинъ давать не велѣно, чтобъ у служилыхъ людей земель не убывало; а писать бы тѣ земли себѣ статьею, или о тѣхъ земляхъ что государь... (п. т.) и отецъ его государевъ... (п. т.) укажутъ».

Мнѣнія бояръ, повидимому въ тотъ же день, были доложены государямъ, и они «указали тѣ статьи писцамъ въ наказы писати по боярскому приговору, какъ о томъ о всемъ бояре *приговорили*». Интересно отмѣтить, что подьячій, писавшій докладъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по ошибкѣ писалъ: бояре «*приговорили*», но затѣмъ тщательно выскребалъ, заглаживалъ и поправлялъ: «бояре *поговорили*». Въ одномъ мѣстѣ онъ оставилъ «*приговорили*» (о вотчинахъ по непереписаннымъ грамотамъ), быть можетъ потому, что вопросъ былъ не важенъ, а бояре въ сущности его не рѣшали, а откладывали до указа государя. Употреблять привычный терминъ: «бояре *приговорили*» было бы

неправильно, такъ какъ не могло быть никакого приговора, т. е. постановленія, разъ государи велѣли доложить себя еще разъ.

Неизвѣстно, почему государи слушали доклады два раза порознь отъ бояръ. Быть можетъ, это объяснялось тѣмъ, что имъ было некогда, а боярамъ предстояло много подумать и поговорить о сложныхъ вопросахъ доклада. Несомнѣнно однако, что правительство сильно колебалось въ главномъ вопросѣ—въ вопросѣ о новомъ обмѣрѣ всѣхъ земель. Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого доклада, 4 іюля того же года, государи безъ бояръ приказали Як. М. Бобарыкину, вѣдавшему Помѣстный приказъ, велѣть написать писцамъ въ наказы, что если вотчинники и помѣщики будутъ класть выписи на земли, «которыя писаны и дозированы... со 127 года», а въ тѣхъ выписяхъ все будетъ указано порознь, то тѣ земли писать по выписямъ, «а писати, и мѣрити и дозировать тѣхъ земель не велѣли, для того что тѣ земли писаны и дозированы недавно, да и потому, чтобъ писцамъ за такими землями мотчанья не было и письму бы ихъ было спѣшнѣе». Этотъ указъ пошелъ гораздо дальше доклада, такъ какъ было велѣно такихъ земель даже не дозировать, а прямо писать по выписямъ.

Однако, есть указаніе на то, что этотъ указъ не получилъ примѣненія на практикѣ. По крайней мѣрѣ, въ наказѣ 20 іюля 1627 года Касимовскимъ писцамъ этого указа нѣтъ, а постановленія 23 мая 1627 года вписано почти слово въ слово такъ, какъ было въ подлинникѣ доклада ¹⁾.

Въ указной книгѣ Помѣстнаго приказа напечатанъ докладъ, который прошелъ черезъ думу тѣмъ же порядкомъ,

¹⁾ Всѣ документы взяты нами изъ указнаго столбца Помѣстнаго приказа 1626—1649 гг. и будутъ изданы въ актахъ писцовога дѣла, приготовленныхъ уже къ печати. Въ этомъ столбцѣ находятся подлинныя доклады, указы по которымъ довольно точно, но не всѣ, выписаны въ Указную книгу Помѣстнаго приказа.

какъ изложенный нами, это—докладъ 15—17 декабря 1636 г. По государеву указу боярамъ было предложено 14 вопросовъ, «а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя государя». Бояре высказали свои мнѣнія по 13 вопросамъ, а по одному сказали, что имъ «о томъ приговаривать не мочно, потому что за ними за самими такія вотчины» ¹⁾. Государь, выслушавъ доклада, утвердилъ мнѣнія бояръ по всѣмъ 13 вопросамъ, а на 14-й вопросъ далъ свой указъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ докладовъ, т. е. доклада 1627 и 1636 гг., можно, какъ будто, сдѣлать выводъ, что въ подобныхъ случаяхъ не было опредѣленныхъ терминовъ и что выраженія «бояре поговорили» и «приговорили» смѣшивались. Намъ кажется, что лучше воздержаться отъ такого вывода. Вѣдь, докладъ 1636 г. не подлинникъ, онъ былъ записанъ въ Указную книгу уже послѣ утвержденія мнѣній бояръ государемъ, когда мнѣнія ихъ стали дѣйствительно приговорами, т. е. постановленіями. Какъ было сказано въ подлинномъ докладѣ, этого мы не знаемъ. Этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ только изученіемъ подлинныхъ докладовъ государю и думѣ.

В. О. Ключевскимъ высказанъ взглядъ, что Разрядный приказъ сверхъ своего военно-административнаго значенія, «имѣлъ еще значеніе канцеляріи, стоявшей посредницей между высшимъ правительствомъ и прочими приказами. Онъ сообщалъ по принадлежности распоряженія государя, касавшіяся всѣхъ приказовъ; черезъ него восходили въ думу справки, которыхъ она требовала отъ всѣхъ приказовъ» ²⁾. Этотъ взглядъ, быть можетъ, вѣренъ для конца

¹⁾ Въ изданіи Указной книги В. Сторожева сказано вездѣ: «бояре приговорили», а у Владимірскаго-Буданова въ послѣднемъ случаѣ напечатано: «бояре говорили», что кажется намъ правильнѣе, такъ какъ бояре уклонились отъ постановленія и ничего не приговаривали.

²⁾ Боярская Дума, 3 изд. М. 1902, 414 стр.

XVII вѣка, но совершенно опровергается фактами середины его. Надъ приказами стоитъ только государь безъ всякихъ посредниковъ. Онъ одинъ объединяетъ дѣятельность приказовъ, какъ тѣхъ, въ которыхъ не было думныхъ людей и дьяковъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ они были. Дума стоитъ при государѣ и занимается только тѣми дѣлами и только тогда, когда это угодно государю. Правомъ доклада государю по разнымъ дѣламъ управленія пользовались не только судьи и дьяки приказовъ, но даже и подьячіе, когда они вѣдали какой нибудь приказъ «въ дьячье мѣсто». (Напр., подьячіе Аптекарскаго приказа и Мастерской палаты въ первой половинѣ XVII в.). Выслушавъ ихъ доклада, государь или самъ указывалъ по дѣлу или предписывалъ доложить боярамъ. Въ послѣднихъ случаяхъ недумный судья или дьякъ приказа точно такъ же могли быть докладчиками въ думѣ, какъ и думные дьяки. Недумный дьякъ въ такихъ случаяхъ записывалъ резолюцію— помѣту. Суть дѣла не измѣняется отъ того, что иногда въ особо важныхъ случаяхъ государь указывалъ помѣтить или только закрѣпить указъ одному изъ думныхъ дьяковъ, или даже всѣмъ. Точно также вовсе не всѣ доклады изъ тѣхъ приказовъ, въ которыхъ были думные люди или дьяки, шли въ думу. Значительное число докладовъ изъ повседневной дѣятельности Разряда, Посольскаго приказа, Новгородской чети и другихъ приказовъ, въ которыхъ обычно были думцы, рѣшаются либо въ приказахъ, либо докладываются государю, минуя думу.

Вслѣдствіе этого неправильно говорить, что Разрядъ и нѣкоторые другіе указы были канцеляріями думы. Правильнѣе сказать, что надъ приказами была только одна власть, власть государя, и что у государя было столько канцелярій, сколько было приказовъ. Думные люди были совѣтниками государя по тѣмъ вопросамъ, по которымъ онъ находилъ нужнымъ съ ними посовѣтоваться, и тотъ или иной приказъ не становился думской канцеляріей отъ того, что въ числѣ его дѣлъ иногда попадались такія, ко-

торыя были рѣшены государемъ съ боярами или одними боярами по полномочию государя.

Если нужно было сообщить какой либо государевъ указъ, съ приговоромъ бояръ или безъ него, другимъ приказамъ, то это обыкновенно дѣлалъ тотъ приказъ, по докладу котораго онъ состоялся. Этотъ порядокъ мы можемъ прослѣдить въ одной отрасли правительственной дѣятельности—въ управленіи кабацкимъ доходомъ.

Въ 1619 году былъ учрежденъ новый приказъ—Новая четверть ¹⁾. Въ немъ было сосредоточено управленіе кабаками Москвы и городовъ Владимірской, Костромской и Галицкой четей. Позже, въ серединѣ столѣтія, къ нимъ не на долгое время было присоединено нѣсколько кабаковъ изъ Устюжской чети. Такимъ образомъ возникъ значительный финансовый приказъ специально по кабацкому дѣлу. Послѣднее сдѣлало его авторитетомъ въ данномъ вопросѣ, и мы видимъ, что правительство черезъ него очень часто сообщаетъ свои указы другимъ приказамъ. Во второй четверти вѣка это еще мало замѣтно, такъ какъ вообще за это время было издано сравнительно мало общихъ указовъ, но когда въ 1652 году была предпринята крупная реформа всего кабацкаго строя, то Новая четь въ своей специальности заняла доминирующее положеніе.

Первый указъ 1652 г. въ полной редакціи ²⁾ до сихъ поръ не найденъ, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ разосланъ по приказамъ Новой четью. Такъ на черновикѣ грамоты съ этимъ указомъ, посланной изъ Разряда

¹⁾ «Въ прошломъ во 127 году, какъ велѣно устроить Новая четь, присланы изъ четей, изъ Володимерскія, и изъ Костромскія и изъ Галицкія, росписи за дьячьими приписьми... Память изъ Новой чети въ Печатный приказъ 1627 года. Арх. М. Юст., Преображенскаго прик. 11 ст-ць. Изъ дѣла видно, что реформа была произведена въ концѣ 127 г., т. е. въ 1619 году. Этимъ опровергается неправильное утвержденіе, что Новая четь существовала уже въ концѣ XVI в. Ср. статью о Приказахъ въ Вивлююикѣ, XX т., гдѣ реформа отнесена къ 1620 году.

²⁾ Отрывокъ указа—П. Собр. З. № 72.

по городамъ его вѣдомства, отмѣчено: «списана изъ Новой чети съ муромской грамоты за подписью дьяка Иг. Матвѣева» ¹⁾. Къ началу 7161 года, т. е. къ 1 сентября 1652 г., нужно было выяснитъ всѣ вопросы реформы и дополнитъ февральскій указъ. Это было сдѣлано 11 августа государемъ по совѣту съ новымъ патриархомъ, освященнымъ соборомъ и всѣми думными людьми. Этотъ важный указъ былъ сообщенъ приказамъ, въ томъ числѣ и Разряду, Новой четью ²⁾. Думному дьяку Разряда, несомнѣнно, была извѣстна сущность указа, въ выработкѣ котораго онъ, можетъ быть, принималъ активное участіе, однако Разрядъ въ августѣ спѣшилъ запроситъ Новую четъ: «какъ указано собирать со 161 года, быть ли кабакамъ, или кружечнымъ дворамъ, и на кружечныхъ дворахъ быть ли вѣрнымъ сборщикамъ, или откупщикамъ, и какъ указано держать на продажу питье на кружечныхъ дворахъ?» ³⁾. Далѣе, указъ 9 сентября 1652 г. объ уничтоженіи кабаковъ частныхъ лицъ ⁴⁾ былъ сообщенъ приказамъ опять Новою четью ⁵⁾. Когда въ концѣ 1652 г. въ Посольскомъ приказѣ возникло нѣсколько вопросовъ, то одинъ изъ дьяковъ его, чуть ли не думный, помѣтилъ на дѣлѣ — поступать «по памятямъ изъ Новой чети»..., «а о квасу о дрожжаномъ послать память въ Новую, спроситъ о томъ государева указа» ⁶⁾. Въ послѣдующіе годы Новая четъ неизмѣнно сообщаетъ при-

1) Арх. М. Ю., Бѣлогород. ст. 348 ст-ць, 168—172 лл. Относительно Устюжской чети см. Арх. М. ин. дѣлѣ, Прик. д. ст. л. 1653 г. № 12.

2) Въ прик. Больш. Дворца—А. А. Э. IV, № 59. Въ Разрядѣ—Арх. М. Ю., Денежн. ст. кн. № 98, 80 л. Въ Устюжскую четъ—Прик. д. ст. л., 1653 г. № 12. Въ Посольскій приказъ и Новгородскую четъ—тамъ же, 1652 г. №№ 92 и 73.

3) Арх. М. Ю., Бѣлогород. ст. 348 ст-ць, 322 л. Черновикъ памяти безъ числа.

4) П. С. З. № 82.

5) Въ Посольскій приказъ и Новгородскую четъ—Прик. д. ст. л., 1652 г. № 92.

6) Тамъ же—1652 г. № 73.

казамъ многочисленные указы этого времени. Въ указѣ 11 марта 1660 г. о повышеніи цѣнъ на вино прямо сказано: «и о томъ указалъ великій государь въ приказы послать памяти». Эти памяти, въ подлинникахъ или копіяхъ, мы находимъ въ дѣлахъ многихъ приказовъ, въ томъ числѣ и Разряда ¹⁾. 12 октября 1660 г. государь указалъ и бояре приговорили опять повысить цѣну на вино, пониженную указомъ 18 іюня того же года. и этотъ указъ опять былъ сообщенъ Разряду и другимъ приказамъ Новой четью ²⁾. Не будемъ перечислять другихъ многочисленныхъ указовъ этого времени, шедшихъ отъ государя тѣмъ же путемъ, и приведемъ одинъ характерный случай.

Въ архивѣ Разряда сохранилась черновая дьяческая запись извѣстнаго указа 15 іюня 1663 года объ отмѣнѣ мѣдныхъ денегъ. Въ ней кратко записана сущность указа и прибавлено: «и о томъ, справясь съ Большимъ Приходомъ (о деньгахъ) да съ Новою четвертью, послать грамоты во всѣ города, которые въ Разрядѣ вѣдомы пошлиною и кружечными дворами» ³⁾.

Съ отмѣной мѣдныхъ денегъ вся кабацкая реформа 1652 г. рухнула, откупа и кабаки были возстановлены, но авторитетъ Новой чети не упалъ, и она по прежнему доминируетъ надъ другими приказами въ кабацкомъ дѣлѣ. Такъ въ 1673 г. Разрядъ получилъ отъ нея государевъ указъ съ боярскимъ приговоромъ объ установленіи большого штрафа (25 р.) на тѣхъ людяхъ, которые подвозятъ въ Москву корчемное вино.

Итакъ мы видимъ, что на протяженіи болѣе чѣмъ 20 лѣтъ такіе приказы, какъ Разрядъ или Посольскій, въ

¹⁾ П. С. З. № 285. Въ Разрядъ—Арх. М. Ю., Бѣлогородск. ст. 417 ст-ць, 100—101 лл. Въ Посольскій приказъ, въ Новгородскую и Устюжскую чети—Арх. Мин. ин. дѣлъ, Посольскаго приказа кн. № 4, 316 л. и Прик. д. ст. л. 1659 г. № 101 и 1660 г. № 129.

²⁾ Арх. М. Ю., Бѣлогород. ст. 463 ст-ць, 80 л. П. С. З. № 285 и Прик. д. ст. л. 1660 г. № 129 и 1661 г. № 87.

³⁾ Арх. М. Ю., Бѣлогородск. ст., 496 ст-ць, 171 л.

составъ которыхъ всегда были думные дьяки, получаютъ государевы указы, съ приговорами бояръ и безъ нихъ, изъ Новой чети, въ составъ которой, какъ это достовѣрно извѣстно, съ 1652 г. по 1670 ни разу не было думнаго дьяка.

Очевидно, вопросъ объ отношеніяхъ приказовъ между собой и къ думѣ подлежитъ пересмотру. Детальное изслѣдованіе отдѣльныхъ отраслей управленія вѣроятно обнаружитъ, что характеръ отношеній Новой чети къ другимъ приказамъ не былъ исключеніемъ. При этой работѣ слѣдуетъ особенно опасаться сближенія и обобщенія фактовъ, раздѣленныхъ значительными промежутками времени.

С. Веселовскій.

11 апрѣля 1910 г.

Записки о церемоніяхъ, происходившихъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича по случаю объявленія похода противъ польскаго короля Яна-Казимира.

Печатаемая записка извлечена изъ дѣлъ Тайнаго приказа (Государственный Архивъ. Разрядъ XXVII, № 86) и находится въ числѣ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ первому походу царя Алексѣя Михайловича подъ Смоленскъ (1654—55 гг.).

Вниманіе наше остановлено на предлагаемыхъ запискахъ, главнымъ образомъ, потому, что онѣ почти сплошь писаны рукою самого царя. Въ нихъ мы встрѣчаемъ много любопытныхъ историческихъ деталей и замѣчаемъ отраженіе субъективныхъ чертъ автора, пожелавшаго облечь въ литературную форму воспоминанія недалекаго прошлаго. Царь, какъ извѣстно, вообще любилъ и умѣлъ писать; писалъ дома, писалъ и въ походѣ, по временамъ лично велъ свою корреспонденцію, дѣлалъ резолюціи на дѣлахъ и собственноручно измѣнялъ редакцію нѣкоторыхъ исходящихъ бумагъ. Критически относясь къ тому, что выходило изъ подъ пера дьяковъ, онъ легко могъ не удовольствоваться обычными краткими замѣтками, какія дѣлались въ Дворцовыхъ Разрядахъ по поводу разныхъ событій при дворѣ, и пожелалъ сохранить въ памяти потомства подробности церемоній (въ его глазахъ онѣ, несомнѣнно, казались очень важными), которыя сопровождали начало труднаго всенароднаго дѣла. Быть можетъ, и на

это есть даже нѣкоторыя указанія, задача царемъ была поставлена шире: у него явилась мысль написать исторію всего похода, для которой настоящія записки, вмѣстѣ съ свѣдѣніями объ объявленіи войны Яну-Казимиру, могли послужить первой главой. Такъ, вмѣстѣ съ настоящими записками сохранились въ дѣлахъ Тайнаго приказа и другія бумаги, отчасти столбцы, отчасти тетради, заключающія въ себѣ матеріалы для похода 1654—1655 г. Далѣе, есть указанія и на то, что такіе матеріалы были вытребованы царемъ лично изъ приказовъ. Въ собственноручной запискѣ царя мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: «Да изъ Розряду же взять смотренные списки коннымъ ратнымъ людямъ и росписку, сколько у которова воеводы числомъ конныхъ ратныхъ людей было и которыхъ городовъ, и изъ ройтарского ройтарскимъ полкомъ и солдатскимъ, и хто имяны полковниковъ и отписки, ли. Есть въ тѣхъ же годѣхъ о нячальныхъ людехъ о перемѣне». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Взять отписки первова походу нашего 162 и 163 г. по то число, какъ бояре и воеводы Трубецкой съ товарищи отпущены къ намъ въ Вязьму». Такихъ выдержекъ можно было бы привести еще нѣсколько. Наконецъ, кромѣ тѣхъ собственноручныхъ записокъ царя, которыя мы печатаемъ ниже, дошли до насъ и другія подобныя записки, уже сплошь писанныя подьячими, напр., записки о томъ же походѣ 1654—55 г., описаніе выступленія московскихъ войскъ противъ Яна-Казимира (съ небольшими поправками царя) и др. Соглашаемся, что этихъ данныхъ еще мало для утвержденія, что у царя было намѣреніе испытать свои силы въ историческомъ повѣствованіи; несомнѣнно только одно, что описаніе походовъ противъ Яна-Казимира его очень интересовало, чѣмъ объясняется и подробность изложенія при описаніи церемоніи выступленія изъ Москвы боярина Алексѣя Никитича Трубецкого, и тщательность литературной обработки печатаемыхъ нами записокъ.

Записки создались не сразу. Первоначально была напи-

сана царемъ только небольшая тетрадь въ 8 листовъ in 4⁰ (изъ нихъ послѣдній листъ чистый), содержаніе которой доведено до половины церковной церемоніи, происходившей въ Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ эта тетрадь была переписана подъячимъ. Въ этой второй по времени тетради (на 28 л.) описаніе церковной церемоніи продолжено и непосредственно къ царской редакціи примыкаетъ 7 листовъ, содержаніе которыхъ въ царскомъ подлинникѣ до насъ не дошло; быть можетъ, его и не существовало, что, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ значенія этой части изложенія, которая, какъ видно, была тщательно просмотрѣна царемъ, исправлена имъ и дополнена описаніемъ того, что происходило затѣмъ въ соборѣ и во дворцѣ въ памятный царю день 23 апрѣля. Любопытно, что на предпослѣдней страницѣ этой тетради сохранились собственноручныя замѣтки царя, не относящіяся къ тексту и сдѣланныя имъ, вѣроятно, въ походѣ ¹⁾. Такія же замѣтки мы находимъ и на поляхъ одной изъ позднѣйшихъ редакцій ²⁾. Это даетъ поводъ предполагать, что если не всѣ записки полностью, то по крайней мѣрѣ первыя редакціи ихъ были написаны царемъ во время похода ³⁾, когда и безъ того много было дѣла. Послѣднимъ обстоятельствомъ можно объяснить и тотъ фактъ, что слѣдующія редакціи (одна на 16, другая на 22 л.), представляющія, въ сущности, только

¹⁾ О подъячемъ къ Москвѣ грамоты послать. Послать дворянъ добрыхъ, наказы надобеть. Батьвиньву велѣтъ роспись написать въ Помѣстномъ при...Алмазу не порускій.

²⁾ Подводы. Стрельцовъ прибавливать въ приказы. Нарядъ. Хованскому бесчестье взять на Михайле Плещееве и Потоцкому. О придачяхъ всѣмъ. О шюбахъ 2000 людемъ и стру... мнѣ да князь Якову. Ис четверти Нижегородкой дворяномъ жялованья въ Новгородъ и драгуномъ. Къ Дацкому (х Корунѣ отпуски).

³⁾ Въ пользу такого предположенія говоритъ и то, что царь Алексѣй Михайловичъ въ запискахъ именуется самодержцемъ Великія и Малыя Русіи, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что уже съ 3 сентября 1655 г. къ царскому титулу были прибавлены слова «и Бѣлыя».

переписку въ исправленномъ видѣ предыдущихъ, съ новыми поправками царя, не доведены до конца. Допустимо и то, что царь самъ пріостанавливалъ переписку, желая внести измѣненія въ дальнѣйшее изложеніе; но возможно, что послѣдніе листы этихъ тетрадей и просто утрачены, какъ несомнѣнно утрачены, напр., два срединныхъ листа въ IV редакціи и начало V-ой. Послѣдняя сохранилась только въ отрывкѣ (на 8-ми листахъ, изъ коихъ 4 чистыхъ). За исключеніемъ первыхъ 6-ти строкъ, она вся писана рукою царя и содержитъ въ себѣ новый матеріалъ, внесенный переписчиками въ послѣдующія двѣ болѣе полныя тетради. Изъ нихъ одна (на 44 л.), повидимому, сличалась царемъ съ болѣе ранними редакціями, о чемъ свидѣлствуютъ надстрочныя примѣчанія его (а, в, пол., мал., мал. в), встрѣчающіяся на каждой страницѣ по нѣскольکو разъ, а другая (на 60 л.), представляя копію съ предыдущей, нѣскольکو передѣлана царемъ и имъ же дополнена одной страницей. Въ этой тетради описаніе церемоній доведено до конца угощенія бояръ во дворцѣ, до того момента, когда царь обратился къ присутствующимъ съ напутственной рѣчью. Повидимому, эта редакція уже удовлетворяла царя и онъ, предназначая ее для переписки набѣло, сдѣлалъ соотвѣтствующія отмѣтки на поляхъ, гдѣ писать «въ строку» (стр.) и гдѣ «отступя» (о). Въ сохранившихся затѣмъ отрывкахъ VIII тетради, бѣловой копіи (на 9-ти разрозненныхъ л.), новыхъ помѣтокъ и поправокъ уже не встрѣчается. Кромѣ восьми указанныхъ тетрадей (въ общей сложности на 195 л.), существовало еще нѣскольکو. Объ этомъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, три разрозненные листа, оказавшіеся между тетрадями, и то обстоятельство, что при сличеніи текстовъ сохранившихся тетрадей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно отсутствіе промежуточныхъ редакцій. Важность этой утраты въ значительной мѣрѣ, однако, уменьшается для изслѣдователя въ виду нахождения послѣдней редакціи, которой, видимо, былъ доволенъ авторъ. Обиліе поправокъ и передѣлокъ, встрѣчающихся во всѣхъ тетра-

дяхъ (кромѣ отрывковъ 8-й), какъ мы уже имѣли случай указать, вызвано было, до нѣкоторой степени, взглядомъ самого царя на описываемое имъ событіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и личными свойствами автора, пытливостью ума его, вездѣ доискивавшагося точности и обращающаго вниманіе даже на мелочи. Наряду съ существенными поправками, внесеніемъ новыхъ мыслей, вставкою цѣлыхъ предложеній, мы находимъ въ запискахъ и множество мелкихъ поправокъ: одно слово замѣнено другимъ, измѣнены времена глаголовъ, переставленъ порядокъ словъ, одно и то же слово, будучи внесено въ одну редакцію, зачеркнуто въ другой и опять возстановлено въ третьей; есть даже исправленныя буквы. О крайне внимательномъ отношеніи къ работѣ говорятъ и такія замѣтки на поляхъ, какъ: «справитца», «подумать». И много, видно, думалъ царь надъ своимъ произведеніемъ: старался припомнить строгій порядокъ, въ которомъ происходила церемонія, воспроизвелъ цѣлыя рѣчи, сказанныя имъ и патриархомъ къ отправлявшимся въ походъ, подобралъ тексты изъ священнаго писанія, къ которымъ прибѣгали говорившіе въ этихъ случаяхъ. Рѣчи эти настолько интересны, что Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи помѣстилъ ихъ полностью, какъ и многія характерныя подробности придворной церемоніи, заимствованныя имъ изъ этихъ же записокъ¹⁾. Давая любопытный матеріалъ для характеристики эпохи, записки эти представляютъ въ то же время интересъ для выясненія духовной личности автора. Вездѣ въ запискахъ передъ читателемъ выступаетъ глубоко религіозная натура царя и его полная убѣжденность въ правотѣ своихъ дѣйствій, вытекающая изъ такой же полной убѣжденности въ божественномъ происхожденіи его царской власти; отсюда и отождествленіе «дѣлъ государевыхъ» съ «дѣломъ Божиимъ» и увѣренность въ тяжелой отвѣтственности, которую несутъ слуги государя за послушаніе волѣ его, какъ бы волѣ Божіей. Вездѣ, гдѣ въ церемоніи говорится о царѣ, Алексѣй

¹⁾ Ист. Россіи, т. X, стр. 356—358, изд. 1860 г.

Михайловичъ какъ бы забываетъ, что рѣчь идетъ о немъ самомъ, что самъ онъ участникъ торжества; передъ его духовными очами встаетъ личность царя-самодержца, заставляющая его благоговѣть передъ своимъ величіемъ. Авторъ даже неохотно именуется себя «государемъ» и предпочитаетъ замѣнять это слово словомъ «царь».

Желая привести въ печати возможно полное содержаніе записокъ и сохранить особенности отдѣльныхъ редакцій въ томъ порядкѣ, какъ онѣ создавались, мы въ основномъ текстѣ собрали все, что вышло изъ-подъ руки царя въ послѣдней редакціи (сохранивъ въ скобкахъ слова, имъ зачеркнутыя), присоединили къ ней страницы, сохранившіяся только въ копіи подьячаго, съ поправками царя (которыя печатаются разрядкою), и помѣстили въ примѣчаніи тѣ мѣста, которыя въ болѣе раннихъ царскихъ редакціяхъ отличаются отъ послѣдней редакціи.

162 1) году, марта въ 17 день, въ пятокъ шестые недѣли великого поста 2) государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя Росіи самодержецъ 3) указалъ думному Ивану Аѳонасьеву сыну Гавреневу да д... (сказать) бояромъ и воеводамъ (боярину и воеводѣ) князю Алексѣю Никитичю Трубецкому 4) съ товарищи сказать свой государевъ указъ, чтобы были готовы на ево государеву службу по прежнему его государеву указу, какъ имъ бояромъ (онъ государь самъ изволилъ сказать въ соборной... какъ его государевъ) и воеводамъ сказано въ соборной и апостольской церкви, октября въ 23 день, въ недѣлю, а у руки имъ быти апрѣля 23 день, въ недѣли 5). И (апрѣля) того же мѣсяца въ 23 день, въ недѣлю

1) Въ IV тетради: 163.

2) Въ первой редакціи было: указалъ государь самодержецъ бояромъ и воеводамъ...

3) Царскій титулъ во всѣхъ тетрадяхъ вписанъ рукою подьячаго; во II-ой тетради нѣтъ словъ: «Великія и малыя».

4) Въ I-ой тетради фамиліи нѣтъ.

5) Въ VII-ой тетради отмѣчено: Листъ пропустить.

(государь) царь и велики князь слушяль (обѣдни) литургіи въ соборной и апостольской церкви ¹⁾. А литургію служиль великій государь святѣйшій Никонъ патриархъ Московскій и всея Великія и Малыя Россіи съ сынми своими и сослужебники, съ митрополиты и со архіепископы, и епископы, и со архимандриты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ (а служиль, а на...). А царь и великій князь стояль на своемъ царскомъ мѣсте (и съ своею государынею Ильичною, а съ нею государынею боярскіе честные жены; а стояла государыня на своемъ мѣсте, а боярыни стояли полѣву у мѣста); а царица и великая княгиня Марія Ильична ²⁾ (обѣдни) литургіи слушяла же, а стояла на своемъ мѣсте. А по лѣву: сторону ³⁾ у царицына мѣста стояли боярскіе; жены и прочіи честные жены. А платье на царѣ и великомъ князе было обычное цвѣтное: опошень съ круживомъ обьяриной съ ѳараузомъ, шапка съ околomъ лисьимъ горлотная ⁴⁾, обнизъ меньшая съ каменьи, а (ѳерези) каѳтанъ становой и зипунъ, и чедыги, и башмаки, каковы пригоже. А платье на государынѣ было обычное цвѣтное (а мѣсто стояло у лѣвова столпа). А за государевымъ мѣстомъ стояли ево бояре (по чину) и окольничіе и думные люди (и весь царь.... стояли) по чину за мѣстомъ, а по праву у государева мѣста стояли бояре и воеводы ⁵⁾ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи ⁶⁾. Первой бояринъ и воевода стояль ⁷⁾ мало поров-

¹⁾ Въ I-ой тетради: (литургію, а стояли) а стояль на своемъ царскомъ мѣсте... Редакція измѣнена съ III-й тетради.

²⁾ Тамъ же имя государыни зачеркнуто.

³⁾ Тамъ же: а полѣву.

⁴⁾ Тамъ же: шапка (бархатъ червчетъ съ околomъ лисьимъ) голротная, околъ лисей.

⁵⁾ ⁶⁾ Тамъ же: бояринъ и воевода и Казанской намѣстникъ князь Алексѣй Трубецкой съ товарищи; во II-ой тетради къ слову бояринъ прибавлено: первой, а къ слову Алексѣй—Никитичъ.

⁷⁾ Въ III-ей тетради слова, стояція послѣ точки, зачеркнуты, но возстановлены въ послѣдующихъ.

нявся съ переднимъ столпомъ государева мѣста ¹⁾, а товарищи за нимъ стояли; а дьяки ихъ стояли позади государева мѣста и бояръ, и окольныхихъ, и думныхъ людей (въ головахъ), возлѣ (образовъ) свѣчъ большихъ, а (подъ ними) отъ нихъ стояли (въ 10 рядовъ) столъники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и полковники, и головы стрелецкіе, и сотники, и подьячіе, которымъ быть съ бояры и съ воеводы, князь Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ съ товарищи. А стояли отъ дьяковъ (да) полчане ихъ на лѣвую сторону по государево патріарше мѣсто, а позади ихъ стояли въ 10 рядовъ до самыя западная (стран....) церковныя стѣны, а стояли пространно и благочинно; а платье на боярехъ и воеводахъ охобни объяринные съ круживы и съ обрасцы, а на дьякахъ сплетеньки зуевърыные ²⁾; а на полчанехъ, на столъникахъ ихъ (Московскихъ людехъ) и на стряпчихъ, и на дворянехъ Московскихъ, и на жильцахъ, и на полковникахъ, и на головахъ стрѣлецкихъ платье цвѣтное и чистое ³⁾. И начели (абѣдн...) литургію въ 4-мъ ⁴⁾ часу дни. И по замвоннѣй молитвѣ ⁵⁾ вышелъ государь патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ (на свое мѣ...) изъ олтаря и (стоялъ) сталъ на своемъ превысочайшемъ архіерейскомъ мѣсте, что стоитъ среди церкви, а митрополиты и весь освященный соборъ стояли по обѣ стороны государева патріарша мѣста

¹⁾ Во II-ой тетради было прибавлено: стоялъ, но затѣмъ въ IV-ой тетради зачеркнуто.

²⁾ Въ I-ой тетради: зуевърыные.

³⁾ Здѣсь въ I-ой тетради помѣщены были слова: А литургію служиль.... См. выше до словъ: со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

⁴⁾ Въ первыхъ четырехъ тетрадяхъ: въ 5-мъ часу.

⁵⁾ Въ первоначальной редакціи слѣдовали слова: а молебень (пѣль былъ среди церкви) пѣль самъ государь патріархъ среди церкви на своемъ мѣсте со всѣмъ освященнымъ соборомъ. А государь стоялъ у столпа (въ сере... у которова вполне), что досками и сукномъ обить, а патріар...

и пѣлъ молебень съ согласіемъ о побѣде на враги зѣло благолѣпно и (умильно) удивительно, а согласіе (конархали) и канунъ конархали на гласъ и на подобень по крылосомъ подъяконы, а запѣвы запѣвали (по крылосомъ) протопопы и священники тихими гласы и умиленными достойно слезамъ. А (государь) царь и великій князь сшелъ съ своего царского мѣста и стоялъ у столпа, что досками и сукномъ обить (у своего) среди церкви на своемъ царскомъ подножіи, а бояре, и окольничіе, и думные люди стояли у государя (по-праву) по правой сторонѣ рядомъ до ево государева мѣста, а бояре и воеводы (къ гд... противу столпа) стояли у стола противу государя; первой бояринъ и воевода стоялъ, поровнявся мало съ столпомъ, возле образа, что позади государева патріарша мѣста стоитъ, а товарищи его возле него стояли рядомъ полевую, а дьяки стояли за ними (а за дьяками стоя...). А за бояры и воеводы отъ государева патріарша мѣста и до государева мѣста, и отъ государева мѣста и до западныхъ дверей, позади бояръ и (воеводъ) окольничихъ и думныхъ людей, стояли полчане ихъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и полковники, и головы стрелецкіе, и сотники, и подьячіе, и слушали молебна со страхомъ и со слезами ¹⁾.

²⁾ А какъ прочелъ государь патріархъ на молебне святое евангеліе, и сходитъ съ мѣста своево со святымъ евангеліемъ къ государю, и царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя Росіи самодержецъ, подшедъ, цѣловаль * святое евангеліе и поклонялся * по обычаю и докладываль * государя пресвѣтлѣйшаго патріарха ³⁾,

¹⁾ *Въ I-й тетради далѣе слѣдуютъ слова:* И какъ прочелъ государь патріархъ на молебнѣ святое евангеліе (и патріа...) и царь и великій князь, подшедъ къ патріархову мѣсту, и благословляетца.

²⁾ *Съ этого мѣста начинается текстъ, не сохранившійся въ первоначальной царской редакціи.*

³⁾ *Отмѣченные звѣздочкою глаголы первоначально были употреблены въ настоящемъ времени и исправлены рукою царя.*

³⁾ *Первоначально было: чтобы благословиль.*

а (мольтъ) говорилъ такъ: «пресветлѣйшій нашъ отецъ и владыко, благослови бояръ нашихъ и воеводъ, князь Алексѣя Трубецкова съ товарищи, итить къ пречестнымъ иконамъ знаменатися и цѣловати святыя мощи Московскихъ чудотворцовъ ¹⁾ и ризу Господню». А изговоря рѣчь, царь и велики князь отступилъ на свое... И (государь) пресвѣтлѣйшій патріархъ, смотря на бояръ и воеводъ, (благословляетъ) осѣнялъ * рукою и повелѣвалъ * имъ итить къ образомъ. И бояре и воеводы поклонялися * по обычаю и (идуть) ходили къ образомъ и къ честнымъ мощемъ знаменатися, (и) а дьяковъ и полчанъ ихъ потому же осенялъ * и повелѣвалъ * итить знаменатися. И бояре, и воеводы, и дьяки знаменалися * вначале у образа пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Владимірскія иконы и у прочихъ образовъ (и) по всей церкви, и у честныхъ мощей, и у ризы Господни, а полчане ихъ знаменовалися * у образа Пресвятыя Богородицы Владимірскія и у прочихъ образовъ на десной стране, и у честныхъ мощей Филиппа митрополита, и у налойныхъ образовъ, а не по всей церкви. И бояре и воеводы, знаменався у образовъ, и пришедъ ставилися * на прежнихъ (своихъ) мѣstechъ (по прежнему). А какъ архидіаконъ проговорилъ ектенью, и пресветлѣйшій патріархъ сходилъ * съ мѣста своего (Пречистыя) Пресвятыя Богородицы Владимірскія, а царь и великій князь сходилъ * съ своего царского подножія и приходилъ * къ образу жъ Пресвятыя Богородицы. И пресветлѣйшій патріархъ (чететь) челъ молитву Пресвятѣй Богородицы и потомъ (чететь) челъ молитвы на рать идущимъ и (поминаетъ) прилагалъ имена бояръ и воеводъ и дьяковъ и прочихъ начальниковъ. И проговоря молитвы, (подносилъ *) поднесъ (къ... государь) царь и великій князь пресветлѣйшему патріарху

¹⁾ *Первоначально было: Московскихъ чудотворцовъ святыя мощи.*

наказъ; и пресветлѣйшій ¹⁾ патріархъ (кладеть),, принявъ у царя сій наказъ, положилъ (сій наказъ) въ кютъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія на пелену и (пресветлѣйшій патріархъ) призывалъ * бояръ и воеводъ. И подходилъ * первой бояринъ и воевода, а товарищи за нимъ же подходили *, а діяки не подходили. И пресветлѣйшій патріархъ, отдавъ наказъ бояромъ и воеводомъ, (речеть) рекъ къ нимъ сице: «Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и упованіе держите несумѣнно, Самъ бо (Онъ) рекъ во святомъ своемъ евангелии: «Имѣйте вѣру, яко^а зерно горушично и речете горѣ сей: двигнися и верзися въ море, и не размыслить въ сердцѣ своемъ, и еже просите, дастся вамъ». (Также и вы держите...) Также и васъ, бояръ и воеводъ, благословляю упованіе имѣти несумѣнно (и благословляю васъ и), идите радостно и дерзостно за святыя Божія церкви и за благочестиваго (нашего) государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя Россіи самодержца и за всѣхъ православныхъ христіянъ, и творите государево повелѣніе безо всякаго преткновенія со страхомъ и трепетомъ. (Аще не сотворите по сему государеву наказу). И аще дѣло Божіе и государево (станете дѣлать) совершите съ любовію и съ смиренною мудростію въ чистотѣ, и въ милости, и въ цѣломудріи, и въ храбрости, и въ мужествѣ (пребудете) дерзостнѣмъ, наипаче же пребудете въ несумѣнномъ упованіи (пребудете) на Господа Бога, подастъ вамъ вся благая не только ²⁾ въ семъ вѣце, но и въ будущемъ и отворятца вамъ двери породныя ³⁾.

¹⁾ Въ VI-ой тетради рукою царя было прибавлено слово: государь, но затѣмъ въ VII-ой оно имъ же зачеркнуто и написано чисто.

²⁾ Въ VII тетради подьячій переписалъ: токмо.

³⁾ Въ VI-ой тетради на полѣ рукою царя помѣчено: не въ

Писано бо есть (в): не въ силѣ констей восхоцеть ни въ лыстехъ мужескихъ благоволить, благоволить Господь на боящихся Его и на уповающихъ на милость Его. А будетъ дѣло Божіе и государево презрите, наипаче же будете во упованіи двоедушни и гордомысленни, неблагодарни, нелюбовни, немилостиви и начнете уповати на многолюдство и на своеуміе, на сребролюбіе и на сластолюбіе (и піан...) и убоитесь страху челоувѣческаго, идѣ же не бѣ страха, писано бо есть ¹⁾, яко Богъ разсыпа кости челоувѣкоугодникомъ, уста (и мышцы) неправедныхъ сокрыются и безъ памяти сотворятся, и не станете радѣть о его государеве дѣле всѣмъ сердцемъ, наипаче же свое безуміе исполните, и вы воспримете Ананинъ и Сапѣиринъ судъ и будете наслѣдники вѣчныя муки ²⁾ ³⁾. Богъ же всякія благодати, призывый васъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Исусѣ, мало пострадавшемъ, той да совершитъ вы, а утвердитъ, да укрѣпитъ, да оснаветъ, и тому слава и держава во вѣки вѣкомъ. Аминь». (И) А изговоря рѣчь, пресвѣтлѣйшій патріархъ осѣнялъ * рукою бояръ и воеводъ ⁴⁾, и (взявъ) подступя къ кіоту образа Пресвятыя Богородицы,

силѣ Богъ. Справитца. *Въ VII-ой тетради противъ этого мѣста помѣчено: 146.*

¹⁾ *Въ IV-ой тетради послѣ этихъ словъ слѣдовало: челоуеку чолкоугодника.*

²⁾ *Въ VI-ой тетради въ этомъ мѣстѣ помѣчено: Петрово 63. Богъ же...*

³⁾ *Въ IV тетради на полѣ было написано и затѣмъ зачеркнуто: И вамъ бы, бояромъ и воеводамъ, слышя благая и злая, творити правду, правда бо избавляетъ отъ смерти, и не будете лишени Царства Небеснаго.*

⁴⁾ *Въ IV-ой тетради далѣе было: и повелѣваетъ имати наказъ.*

пресветлѣйшій ¹⁾ патріархъ, поднявъ пелену, (емлетъ) взялъ наказъ (ис-подъ пелены ис кіота) и отдалъ при царѣ и великомъ князѣ бояромъ и воеводамъ ²⁾. И принялъ наказъ первой бояринъ и воевода и (целуетъ) поцѣловавъ въ руку пресвѣтлѣйшаго патріарха, и (поклоняется) поклонилися всѣ бояре и воеводы по обычаю. И (гд.) царь и великій князь (отходитъ) ступилъ къ патріархову мѣсту, что у столпа, а пресвѣтлѣйшій патріархъ всходилъ * на амбонъ, а митрополиты и весь освященный соборъ (станутъ) стояли * около амбона по обе стороны; и въ тоѣ пору говорили * (псаломъ): «Буди Имя Господне» и псаломъ: «Благословлю Господа». И какъ (кончаютъ) скончяли псаломъ, и пресвѣтлѣйшій патріархъ (творитъ) говорилъ отпустъ божественныя литоргіи, (и) а отпуста божественную литоргію, стоя на амбоне, осенялъ * обѣми руками царя и царицу и народы на всѣ страны ³⁾. И после осенянія сходилъ * со амбона пресветлѣйшій патріархъ и благословлялъ * царя и великого князя просвирую. И царь и великій князь (пріемлетъ) принялъ съ честію и, (целуетъ) целовавъ въ руку пресветлѣйшаго патріарха, поклонился по обычаю, (и) а потомъ (идеть) ходилъ пресвѣтлѣйшій патріархъ ⁴⁾ къ царицynu мѣсту и благословлялъ * царицу и великую княгиню ⁵⁾ тоже просвирую же (и благословя царя и царицу просвирами)... и (идеть) всходилъ паки на амбонъ и (чететь) чель поученіе,

¹⁾ Въ VI-ой тетради было написано: *государь, но царемъ зачеркнуто и написано: чисто.*

²⁾ Въ IV-той тетради далѣе слѣдовало: и (пріемлетъ) наказъ ис кіота первой бояринъ...

³⁾ Здѣсь заканчивается текстъ, не сохранившійся въ царскомъ подлинникѣ.

⁴⁾ Два послѣднихъ слова вписаны въ VII-ой тетради переписчикомъ.

⁵⁾ Два послѣднихъ слова вписаны въ VII-ой тетради переписчикомъ.

а царь и великій князь стоялъ * у омбона возле ¹⁾ патриарша мѣста. И прочетши поученіе, паки осѣнялъ * царя и царицу и народы на всѣ стороны обѣма руками, а пѣвчіе пѣли * въ тое пору: «Исполати деспота». И сходилъ * пресветлѣйшій патриархъ (на свое мѣсто, гдѣ облачатца) съ амбона въ царскіе двери ко престолу и розоблачался * передъ престоломъ; а царь и великій князь (паки, паки) паки (отходить) отступалъ * къ тому же столъпу и дожидался * пресветлѣйшаго патриарха. А какъ (придетъ) пришелъ пресвѣтлѣйшій патриархъ, и (ставъ) стоялъ у тово жя столпа, отъ своего патриарша (мѣста) рундука (кладеть), и паки творилъ обычныя поклоны и осѣнялъ * рукою царя и великаго князя и народъ весь на всѣ стороны; а царица и великая княгиня стояла * на своемъ мѣсте после литургіи за запоною; а бояре, и окольничіе, и думные люди стояли * по прежнему чину. А бояре и воеводы князь ²⁾ Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи, и дьяки ихъ, и полчане, стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и головы стрелецкіе, и сотники, и подьячіе ³⁾ стояли * по чину же (какъ о томъ и выше сего писано) и полчяне ихъ. И царь и велики князь призывалъ * къ себѣ розрядныхъ думныхъ ⁴⁾, дворенина Ивана Аванасьева сына Гавренева да діака Семена Иванова сына Заборовского, ⁵⁾ и приказалъ * объявить и къ рукѣ звать къ себѣ великому государю бояръ и воеводъ, князь Алексѣя Никитича Трубецкого ⁶⁾ съ товарищи. И думной дворенинъ, поотступя мало отъ царя и великаго князя, а

¹⁾ Въ IV-ой тетради рукою царя было прибавлено: государева, но въ VII-ой тетради это слово имъ же зачеркнуто и написано: чисто.

²⁾ ³⁾ Въ первоначальной редакціи вмѣсто этихъ словъ значится только: Але., все прочее приписано подьячимъ.

⁴⁾ Въ первоначальной редакціи было: думнова.

⁵⁾ Въ первоначальной редакціи было: Ива чя ва да ду Се чя ва.

⁶⁾ Въ первоначальной редакціи было: чя ва стощи.

молвилъ ¹⁾ свѣтлымъ и яснымъ гласомъ: «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя Росіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель ²⁾, на вашу государеву службу во Брянскъ противу вашего ³⁾ недруга Яна Казимера, короля Польского и Литовского, бояринъ и воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи» ⁴⁾. А изговоря рѣчь, звалъ * къ царской руцѣ бояръ и воеводъ и дьяковъ. (А) И бояре и воеводы и дѣяки поклонялися * до земли и (идуть) шли къ царской руцѣ по чину (единъ за единымъ) и цѣловали руку съ радостными слезами; и цѣловавъ царскую руку и отшетчи, паки поклонялися * до земли, и (идуть) подходили къ пресветлѣйшему патріарху къ благословенію. И пресветлѣйшій патріархъ благословлялъ * рукою бояръ и воеводъ. А для береженья (стовятца) и чину (стануть) стояли три окольничіе: первой противу (государя) царя и великого князя, другой противу пресветлѣйшаго патріарха, третей (у мѣста) у рундука патріарха ⁵⁾. И бывъши у благословенія, бояре и воеводы ставилися * (въ рядъ) съ бояры вмѣсте, и потомъ думные звали *) полчянъ ихъ по чину ⁶⁾: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, и жильцовъ и полковниковъ (новокрещены) новопросвещенныхъ, и головъ стрелецкихъ, и сотниковъ, и подъячихъ ⁷⁾. И шли (по тому чину же) единъ за единымъ, и цаловали * царскую руку со страхомъ и съ радостію.

¹⁾ *Въ первоначальной редакціи было: молыть, а въ IV-ой—молвить.*

²⁾ *Въ первоначальной редакціи было: Вели самообладатель.*

³⁾ ⁴⁾ *Вмѣсто этихъ словъ въ первоначальной редакціи было: Бояре и воево князь съ то...*

⁵⁾ *Въ позднѣйшихъ тетрадяхъ: патріархова.*

⁶⁾ ⁷⁾ *Въ первоначальной редакціи вмѣсто этихъ словъ было: сто. стря. дворянъ Московскихъ и жи. Между строкъ: Полное. Далѣ слѣдуетъ: И идутъ противъ того же, какъ и бояре и воеводы шли.*

И цѣловавъ (идуть) царскую руку и отшетчи поклоня-
лись * (по обычаю) до земли, и потомъ подходили къ
пресветлѣйшему патріарху къ благословенію; и бывъ (у
царской руки) у благословенія (государя патріарха и), околь-
ничіе пропускають (съ десныя сторо...) ихъ въ западныя
двери утесненія ради. (А иду... А царь и в...) И бывъ
бояре и воеводы и діяки и съ полчяны своими у царской
руки, а у пресветлѣйшаго патріарха у благословенія (идуть,
и царь и ве... князь...) ¹⁾, паки (ставилися *) стали на преж-
нихъ своихъ мѣстехъ возле образа, что позади государева
патріарша мѣста стоитъ ²⁾, а полчяне ихъ немногіе з го-
ловы лутчіе люди изо всѣхъ чиновъ оставалися * з бояры
и воеводы для провоженія царя и великого князя; а до-
стальныя, бывъ у царской руки и у благословенія пресвѣт-
лѣйшаго патріарха (тово жя выхо... идутъ, тово жя чясу
(вы) посылають) ³⁾, и дожидалися * царя и великого князя
(у церкви) за церковію на рундукъ у полуденныхъ дверей.

И царь и велики князь (идеть), сступя съ своего цар-
ского подножія (кладеть отходныя по...), и благословлялся *
у пресветлѣйшаго патріарха, и целовавъ ⁴⁾ его въ пре-
честную руку, и (благословяся) поклонялся * по обычаю.
И отступя (мало) царь и великій князь отъ пресвѣтлѣй-
шаго патріарха, (кладеть) твориль ⁵⁾ отходныя поклоны и
паки поклонялся * пресветлѣйшему патріарху, и ⁶⁾ шелъ *
въ свои царскіе полаты, а вели его, государя, бояре ⁷⁾ и
воеводы, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да князь
Григорей Семеновичъ Куракинъ ⁸⁾. А боярамъ и воеводамъ

^{1) 2)} *Въ первоначальной редакціи было:* мало отступають
къ прежнимъ своимъ мѣстамъ (а съ полчяны).

³⁾ *Въ позднѣйшихъ тетрадяхъ далѣе зачеркнуты слова:* вы-
ходятъ, идутъ вонъ ис церкви для тесноты и...

⁴⁾ *Въ первоначальной редакціи было:* (целуютъ) целуетъ;
въ VI-ой тетради: целоваль.

⁵⁾ *Надъ этимъ словомъ отмѣчено:* подумать.

⁶⁾ *Въ первоначальной редакціи дальше сдѣдовало:* идетъ,
а вели его, государя, подъ руки въ свои царскія
полаты бояре.

^{7) 8)} *Этихъ словъ въ царскомъ подлинникѣ не сохранилось.*

указалъ царь и великій князь себя, государя, подъ руки вестъ, жялюючи ихъ. (И вышетчи) А какъ вышелъ ис соборныя и апостольскія церкви (на) въ полуденныя двери (и царь) на рундукъ, (зоветь) жяловалъ къ себѣ, государю, боярь и воеводъ хлѣба ѣсть; также и полчянь ихъ жяловалъ, * звалъ * хлѣба ѣсть ¹⁾. А розрядные поднесли государю списки ²⁾ стольникомъ и стряпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ, и дворяномъ городовымъ, которымъ быть съ бояры и воеводы, сокнязь А. съ товарищи. И царь и великій князь (указалъ нять... пріимаетъ) принялъ (самъ и отдалъ * ихъ—чисто) кравчему, и стольнику и ближнему челоувѣку Петру Мих. Сал. велѣлъ * ихъ положить передъ себя, государя, на столъ, какъ скатерть настелеть. И отдавъ списки, царь и великій князь кравчему на рундукѣ, пошелъ въ свои царскіе полаты ³⁾. И пришетчи царь и великій князь въ свои царскіе полаты, сымалъ * съ себя, государя, платье (и кладеть), а изволилъ положить на себя, государя, столовое платье. (Изволилъ кушать въ передней). А столъ былъ по передней (просты, меньшей) писаной, бе сказакъ, меньшей. А какъ государь вышелъ ис комнаты въ переднюю избу ⁴⁾, и (сѣлъ) сидѣлъ за столомъ на своемъ царскомъ мѣсте ⁵⁾. А у стола стоялъ кравчей стольникъ и ближней челоувѣкъ Петръ Михайловъ сынъ Салтыковъ да товарищъ (его)

¹⁾ ²⁾ Этихъ словъ въ первоначальной редакціи не сохранилось.

³⁾ Въ VI-ой тетради было написано подъячимъ: списки стольничьи, и стряпчіе, и дворянскіе, и жилецкіе.

⁴⁾ Въ первоначальной редакціи было: и сѣлъ за столъ меньшей (а розрядные... положены на столъ погдиуказу передъ государевымъ выход...) А бояринъ Илья Даниловичъ принесъ списки рой. сал. стре. А Ярославцы ѣли, потому что послѣли на срокъ по послѣднему пути.

⁵⁾ Этихъ словъ до «А на правой»... въ первоначальной редакціи не сохранилось.

съ нимъ стольникъ князь Лаврентей князь Михайловъ сынъ Мещерской. А мало поноровя (приходитъ), пришелъ бояринъ Илья Даниловичъ Милославской и принесъ списки полковникомъ коннымъ рейтарскимъ, и рейтаромъ, и полковникомъ пѣшимъ, и салдатомъ ихъ полковъ, и головамъ стрѣлецкимъ, и стрѣльцомъ ихъ приказовъ, которымъ быти съ бояры и воеводы съ князь Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ съ товарищи. И царь и великій князь принялъ самъ и положилъ на столъ передъ себя, государя, а боярину Ильѣ Даниловичу отъ своего царскаго стола подалъ корку. И бояринъ (цѣлуеть) цѣло в а в ъ (въ) царскую руку (и), отшетчи, поклонялся* по обычаю (и отпустилъ и отходить) и, поклоняся, шелъ во свояси. А на правой сторонѣ ѣли (а на столѣ положены были) бояре и воеводы ¹⁾ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи, да думные, дворянинъ Иванъ Аванасъевъ сынъ Гавреневъ да дякъ Семень Ивановъ сынъ Заборовской. А кормили бояръ и воеводъ стольники 2 ч. А на лѣвой сторонѣ ѣли ²⁾ стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы съ головы, лутчіе люди, полковники крещеные (головы) да Ярославцы съ головы жя 30 ч. А кормили (ихъ) стольники же 2 ч.; а достальныя стольники ³⁾ и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и Ярославцы ѣли въ столовой избѣ. А (кормятъ) кормилъ по государеву указу ихъ (стольники) стольникъ (кому государь извоилъ * ⁴⁾ ⁵⁾ А Ярославцы ѣли аднѣ, потому что по государеву указу поспѣли на срокъ по послѣдному пути ⁶⁾. А иныхъ городовъ потому не было, велено по травѣ стать во Брянске для того, что близки ихъ города

¹⁾ Въ первоначальной редакціи далѣе слѣдовало: к. А. Н. Т. с вици да думные Иванъ Аво — чь да ди Сечева.

²⁾ Въ первоначальной редакціи далѣе слѣдовало: сто. стря. дво. жил. съ головы лутчіе люди. пол. кре.

³⁾ Въ первоначальной редакціи далѣе слѣдовало: и стря. и дворя. и жи и Яро...

⁴⁾ Въ VII-ой тетради помѣчено: Имяна стольникамъ.

⁵⁾ ⁶⁾ Этихъ словъ въ первоначальной редакціи не сохранилось.

ко Брянску, и велено имъ, не заходя къ Москвѣ, итить прямо во Брянскъ. А 1) бояромъ и воеводамъ князь Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищи 2) велѣлъ сѣсть за столъ, а 3) полчаномъ ихъ потому жъ велѣлъ сѣсть 4). И мало посидѣвъ, царь и великій князь говорилъ * рѣчь бояромъ и воеводамъ, а мольтъ: «Князь Алексѣй (Никитичъ) 5) съ товарищи! Заповѣдаю вамъ 6) заповѣди Божія соблюдать (со страхомъ и трепетомъ) и страхъ его всегда имѣти въ сердцахъ своихъ, еще же и покаянiе имѣти незабвенно, и дѣла наши съ радостію (и со страхомъ, первое имѣти страхъ Божій) исправляти 7), и творити судъ (правой) въ правду, не обинуватися лица (ни) человѣчя ни сильна, ни убога, судъ бо Божій есть, честь царева судъ любить, и будите милостиви (нищелюбцы), страннопріимцы, больнымъ питатели, ко всѣмъ любовни, примирительны, а враговъ Божіихъ и нашихъ не щадите, да не будутъ (правіи) ихъ ради правіи опорочени» 8). И положя свою царскую руку на списки, паки рекъ: «Еще же (примите) предаю вамъ списки сія полчаномъ вашимъ, стольникомъ, стряпчимъ, дворяномъ Московскимъ, и жильцомъ, и дворяномъ городовымъ, и дѣтемъ боярскимъ, полковникомъ рейтарскимъ и рейтаромъ ихъ полковъ, полковникомъ салдатскимъ, и

1) 2) Въ первоначальной редакціи было: бояр. и воев.

3) 4) Въ первоначальной редакціи было: а полчанъ ихъ потому жъ пож. велѣлъ сѣсть (И мало посидѣвъ, велѣлъ стольнику списки) рой. салда. стрел. положить на столъ; а какъ положили списки головы.

5) Въ VII-ой тетради это слово зачеркнуто и написано: чисто.

6) 7) Въ первоначальной редакціи было: (Христомъ Богомъ милостивымъ нашимъ и поминячи смертнѣй часъ) первое имѣти страхъ Божій и творити (и дѣла) заповѣди его и дѣла наши съ радостію.

8) Въ первоначальной редакціи два послѣднія слова зачеркнуты, точно такъ же какъ и слѣдующія слова: тако же столъ. и своихъ и городовыхъ берегите ихъ по ихъ отечеству.

салдатомъ ихъ полковъ, и головамъ стрелецкимъ и стрѣльцомъ ихъ приказовъ ¹⁾ и храните ихъ, яко зѣницу ока, и любите и берегите (ихъ) по ихъ отечеству, а къ салдатомъ, и къ стрѣльцомъ, и къ прочимъ мелкому чину будите милостиви къ добрымъ (добрыхъ жялуйте, а враговъ Божіихъ), а злыхъ не щадите; наипаче же въ совѣте пребудите и въ любѣви и (вѣруйте) упованіе держите несумѣнно, еще же клеветниковъ и ссорьшиковъ не припускайте къ себѣ ²⁾. Самъ бо Спасъ нашъ (рече) рекъ во святомъ своемъ евангеліи: «Сего ради глаголю вамъ, вся елика аще молящися просите, вѣруйте, яко пріимите, и будетъ вамъ». И како рекъ къ законнику: «Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею, сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророци висятъ». Что же и великое солнце и пресвѣтлый архіерей Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Любовь Божія небеси совокупи землю, любовь Божія челоуѣка на престолѣ царскомъ посади, любовь Божія Бога показа на земли, любовь Божія владыку раба сотвори, любовь Божія за враги возлюбленнаго за ненавидящихъ Сына, за рабы владыку, за челоуѣка Бога, за слуги свободнаго предана быти сотвори и даже до сего ста, но и на большая насъ призва, не токмо бо свободи насъ прежнихъ золь, но и много большая иная дати намъ обѣща» ³⁾. А будетъ (преслушаетесь вначале святаго евангелія, нашего государского сло...) презрите заповѣди Божія и преслушаетесь нашево государского

¹⁾ *Въ первоначальной редакціи было:* сто, стря, д. ж. рой. сал. стр.

²⁾ ³⁾ *Этой части въ царскомъ подлинникѣ не сохранилось, въ первоначальной редакціи было:* Писано бо есть во святомъ евангеліи, сами бо вѣдаете законъ Господень, какъ рекъ пресвятыми усты своими къ законнику: возлюб... (Потомъ же ка...) Что же и великое сонце и пресвѣтлый архіерей Іоанъ Златоустый пишетъ любо.

слова, и начнете ходити по своимъ волямъ и пребудете въ гордости, въ пѣнствѣ и во всякой нечистотѣ (и не станете попечени всѣмъ сердцемъ творити...) и о преданныхъ вамъ мною людехъ Божіихъ и нашихъ презрите и попеченія объ нихъ не сотворите всѣмъ сердцемъ, то азъ предъ Богомъ (чистъ, невиноватъ буду) за васъ не имамъ отвѣта дати, а вы въ томъ дадите отвѣтъ на страшномъ и нелицемѣрномъ судѣ Христовѣ». А изговоря рѣчь, царь и великій князь (подаль) * отдалъ первому боярину и воеводе (князь Алексѣю Никитичю) своими царскими руками списки: (а) и первой бояринъ и воевода у царя и великого князя принялъ со страхомъ и трепетомъ (трепетнымъ разумомъ) и, принявъ, отдалъ * товарищамъ своимъ, бояромъ и воеводамъ ¹⁾, а товарищи отдали * діякомъ, а діяки положили ихъ возле себя на лавку, докуль столъ отшелъ ²⁾. И мало (поноровя) посидѣвъ, царь и великій князь жяловалъ * ихъ, бояръ и воеводъ, по чярушниці вина ис своихъ царскихъ рукъ (и полчянъ ихъ, которые тутъ ѣли *, потому жя жяловалъ * виномъ ис своихъ царскихъ рукъ) (вина же). (А) ³⁾ Потомъ царь и великій князь говорилъ рѣчь полчаномъ ихъ, а мольтъ *: «Стольники и стряпчіе, дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне Ярославцы! При васъ заповѣдалъ бояромъ и воеводамъ заповѣди Божія соблюдать, также и наши дѣла исправляти со усердіемъ и судъ Божій творити въ правду, и васъ беречь по вашему отечеству и любить имъ, бояромъ и воеводамъ, васъ, добрыхъ, во всякомъ дѣлѣ Божіи и нашемъ, яко же самимъ себя, а злыхъ не щадити. И вамъ бы, слыша отъ насъ, великого государя, такой милостивой и (жестокой) грозной приказъ бояромъ и воеводамъ, во всемъ ихъ, бояръ и воеводъ,

^{1) 2)} *Въ первоначальной редакціи было: докуль столъ отойдетъ, а товарищи отдають діякомъ, а діяки кладуть ихъ возле себя на ла...*

³⁾ *Этой части въ царскомъ подлинникѣ до словъ: «И изговоря»... не сохранилось.*

почитати, и слушати, и бояться, яко же насъ, великаго государя, и на всякіе дѣла быти готовымъ безъ слова; а враговъ Божіихъ и нашихъ не таить и не покрывать и извѣщать на нихъ бояромъ и воеводамъ. Еще же заповѣдаю вамъ пребывати во всякой чистотѣ, и въ цѣломудріи, и въ покаяніи, кромѣ пріянства и всякого зла, занеже не вѣсте, въ кій часъ (смертнй часъ пріидеть) смерть постигнетъ. Чтобъ вамъ всѣмъ здѣсь и тамъ царствовать во вѣки». И изговоря, царь и великій князь милостивую и грозную рѣчь къ полчаномъ, ихъ жаловаль бояръ и воеводъ по второй чарушниці вина, и пожаловавъ бояръ и воеводъ (виномъ), повелѣлъ * имъ паки садитца за столъ. И бояре и воеводы покланялися * по обычаю и сядилися * за столъ попрежнему. И полчаномъ ихъ потому жъ жяловаль, * (повеливаетъ) велѣлъ * садитца за столъ ¹⁾. И онѣ (потому же) покланялися * (по обычаю) и сядилися * за столъ. А ключарь, и священники и діаконы втораго ²⁾ собору пресвятыя Богородицы ³⁾ честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, что у государя на Сѣнехъ ⁴⁾, вынимали * хлѣбъ Богородицынъ ⁵⁾ и говорили *: «Отче нашъ». А проговоря «Отче нашъ» (большой священникъ попъ или), клучарь Александръ благословлялъ * столъ государевъ и прочіе столы. И царь и великій князь, приподнявся (и повелѣваетъ), мало покланялся * (священнику) ключарю и сѣлъ * попрежнему на своемъ царскомъ мѣсте; а бояромъ и воеводамъ ⁶⁾ потому жъ пожаловаль велѣлъ сѣсть за столъ, и полчаномъ ихъ. И покланяся царю, (за пѣ сѣли) бояре и воеводы и польчане ихъ сѣли за столъ. (И повелѣваетъ) И царь и великій князь (при указы... къ себѣ)

¹⁾ *Въ первоначальной редакціи:* столъ. А какъ сядуть, и (крестовой д.) пѣвчей діакъ Микита Горчяковъ чель жертвеникъ.

²⁾ *Въ первоначальной редакціи это слово было зачеркнуто.*

³⁾ ⁴⁾ *Этихъ словъ въ царскомъ подлинникѣ не сохранилось.*

⁵⁾ *Этого слова въ царскомъ подлинникѣ не сохранилось.*

⁶⁾ *Въ первоначальной редакціи было:* а бояръ и воеводъ... *Въ V-ой и VI-ой тетради:* а бояромъ и воеводамъ потому жъ жалуетъ, велить садитса за столъ, и повелѣваетъ

призывалъ къ себѣ боярина и дворецкого Василия Васильевича Бутурлина (приказываетъ) и указалъ отпускать (ѣствы) про себя государя ѣствы, и чтобы все было стройно, также (повелѣваетъ) указалъ и въ столы отпускать ѣствы 1). А передъ царя и великого князя ѣсть ставили спальники да въ прибавку (емлетъ) ималъ дворецкой по государеву указу стольниковъ ч. 20 или сколько пригоже, а передъ бояръ и воеводъ ставили * стольники б человекъ, а передъ полчанъ боярскаго полку ставили * стольники же 4 ч. 2). А уставшикъ и пѣвчей дьякъ по станицы, пришедъ въ переднюю подписную избу, покланявсь образомъ и челомъ удара царю и великому князю, челъ жертвеникъ.

(Въ бесѣдахъ) Бесѣды на (14—чисто) 20 посланій святаго апостола Павла и пресвѣтлаго и великого архіерѣя Іоанна Златоустаго 6 (3) нравоченія на посланія. Первое (статья нравоченія) х къ Римлянѣмъ 18 о благодареніи, ему же начаю: «благодаримъ убо». (Второе) Вторая (статья) (х къ Римлянѣмъ же 15) х Коринѣомъ 10 о страшнѣмъ судѣ (Христовѣ), ему же начаю: «Услышимъ» прочее. (Третіе) Третья статья ко Евсеомъ 18, яко ставльшимъ дѣла лукавая достоитъ къ свѣту добродѣтели и приступити (и не презирати) согрѣшающихъ братій, ему же начаю: «Помыслите елика похитилъ еси». 4-ая статья къ Филиппіомъ 8 на роптаніе или о еже безъ роптанія творити вся поспешествующая, ему же начаю: «Зриши ли, яко наказуетъ я не роптати». 5 статья къ Римлянѣмъ 15 о любви

боярину и дворецкому Василию Васильевичю Бутурлину отпускать ѣствы про себя, государя, также повелѣваетъ и въ столы (отпущать) отпускать ѣствы про стольниковъ, передъ меня и въ столы приправлять. (А какъ сядутъ, ѣли, и подали первую ѣству и челъ) И повелѣваетъ жертвеникъ честь пѣвчему дьяку Миките Горчакову. (А у стола государева стоялъ кравчей Петръ Михайловъ сынъ Салтыковъ да (товарищъ) князь Лаврентей Михайловъ сынъ Мещерскій. А бояръ и воеводъ кормили стольники по 2 человекъ).

1) 2) *Въ первоначальной изъ сохранившихся редакцій эти слова были помѣщены послѣ «Бесѣдъ».*

во Христа и о милостыни и яко вся Христосъ за любовь, яже къ намъ творить, ему же начяло: «Чесого убо прочее (мы) достойни будемъ». 6-ая статья ко Евесеомъ 9, яко любовью къ другъ другу и міра союзъ соблюдается, ему же начяло: «Пожнѣмъ убо любовь».

И прочетши (6) сія нравоученія, челъ * (и) мученія страсотерпца Христова Георгія, потому-что въ (сіи) той день прилучилося ево память празновати (празновали ему). А промеже чтенія (поють) пѣли пѣвчии црк. и прочіе мудрые и краснопопѣвистые стихи (которые царь и великій князь укажетъ. А какъ при...).

А какъ передъ царя и великаго князя подали въ полы стола, и приходилъ * къ (государю) царю и великому князю бояринъ и дворецкой (Василій Васильевичъ Бутурлинъ) и докладывалъ * царя и в. к., какъ (повелить) укажетъ купки подавать. И царь (и великій князь повелеваетъ) указалъ купки (носить) подавать, и жяловалъ * бояръ и воеводъ (и полъчянъ ихъ, а потомъ понорова мало) ¹⁾, паки жяловалъ * виномъ бояръ и воеводъ. А (потомъ жя ото...) какъ учяли у царя и великаго князя издавать (стали) * столъ, и бояринъ и дворецкій (Василій Васильевичъ Бутурлинъ) паки приходилъ * къ царю великому князю и докладывалъ * о ковшяхъ краснова меду. И царь и в. к. указалъ краснова меду ковши подавать и жяловалъ бояръ и воеводъ ²⁾ и полчянъ ихъ жяловалъ виномъ и въ купкахъ романѣю и въ ковшяхъ краснымъ медомъ. А какъ у царя и великаго князя издали столъ, и бояринъ и дворецкой пришедъ докладывалъ царя и в. к., какъ укажетъ бѣлой медъ въ ковшяхъ подавать, и царь и указалъ подавать.

8 ноября 1910 г.

М. Курдюмовъ.

¹⁾ Въ VII-ой тетради эти слова зачеркнуты и написано: чисто.

²⁾ На полѣ отмѣчено: отличие отъ бояръ и воеводъ. Вверху. чере. сряду.

Ель характеристикѣ Московскои дипломатіи XVII вѣка.

I.

Съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича на царство для московскаго правительства открылась возможность приступить къ возстановленію порядка въ странѣ. Однако, было ясно, что надежныхъ результатовъ нельзя ждать, пока польскій король будетъ держаться своихъ претензій на московскій престолъ. Необходимо было, такъ или иначе, покончить съ нимъ счеты,—и это сознаніе заставило правительство, въ виду крайняго истощенія собственныхъ средствъ, прибѣгнуть къ дипломатическому искусству. Одинъ за другимъ направляются въ разныя стороны послы великаго государя, ища чужой помощи и предлагая отъ себя «дружбу и любовь»,—идутъ и къ турецкому султану, и къ хану крымскому, и къ персидскому шаху, и къ цесарю австрійскому, и къ англійскому королю. Непосредственный памятникъ этой, небывалой въ такихъ размѣрахъ на Руси, дипломатической дѣятельности остаются давашіеся посламъ указы, и одинъ изъ нихъ—указъ дворянину Алексѣю Ивановичу Зюзину и дяку Алексѣю Витовтову, отправлявшимся послами въ Англію, служитъ предметомъ настоящей замѣтки.

Рукописный экземпляръ указа, которымъ я пользуюсь, принадлежитъ Императорскому Русскому Археологическому Обществу. По нѣкоторымъ признакамъ, онъ представляетъ

изъ себя подлинникъ, вышедшій изъ посольскаго приказа, и есть возможность довольно точно опредѣлить время его составленія. На первомъ листѣ рукописи дается число для момента изданія указа о назначеніи посольства — 30 іюня 1613 г.; очевидно, та же приблизительно дата будетъ имѣть значеніе и для самой рукописи, если дѣйствительно послѣдняя—не копія, а оригиналь. Наказъ—дов. обширное произведеніе (190 л.), отличающееся обычными для оффиціальныхъ инструкцій педантичностью и формализмомъ. Составители совсѣмъ почти не оставляютъ посламъ инициативы; они стараются предусмотрѣть всѣ вопросы, какіе могутъ, по ихъ предположенію, явиться у англійскаго короля или его думныхъ людей, и точно формулируютъ отвѣты на нихъ. Усмотрѣнію пословъ не предоставленъ даже порядокъ, въ которомъ они будутъ говорить свои, уже готовыя, рѣчи: наказъ распредѣляетъ, гдѣ долженъ остановиттса одинъ и начинать другой, или — на какой вопросъ англичанъ долженъ отвѣчать дворянинъ Зюзинъ и на какой — дьякъ Витовтовъ. Все это даетъ право считать наказъ подлиннымъ выраженіемъ взглядовъ московскаго правительства, значить—документомъ, по которому можно непосредственно ознакомиться съ пріемами дипломатическаго мышленія Московской Руси и съ его сокровенными мотивами.

Таково, впрочемъ, значеніе всѣхъ документовъ этого рода: каждый пзъ нихъ важенъ прежде всего, какъ источникъ для изученія фактовъ внѣшней политики съ ихъ внутренней, психологической стороны. Но чѣмъ больше элементовъ входитъ въ психологическое содержаніе извѣстнаго момента политической жизни, тѣмъ, понятно, большую цѣнность пріобрѣтаютъ и относящіеся къ нему памятники, подобные наказамъ. Съ этой точки зрѣнія за наказомъ, о которомъ идетъ рѣчь, надо будетъ признать отчасти выдающійся интересъ, какъ скоро мы представимъ себѣ во всей сложности то положеніе, въ какое ставила русскую дипломатію специальная цѣль посольства въ Англію съ

одной стороны, и общій характеръ того момента въ русской жизни—съ другой.

Путь въ Англію за вторую половину 16-го вѣка успѣлъ стать наиболѣе, пожалуй, привычнымъ для русской дипломатіи. Въ Москвѣ, какъ видно изъ наказа, помнили, «любительныя ссылки» прежнихъ государей съ носителями англійской короны, и особенно хорошо тѣ, которыя бывали у Ивана IV съ королевой Елисаветой. Хотя, такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ встрѣчались старые знакомые,—все же задача посольства оставалась очень щекотливой. И вообще Москвѣ сношенія съ иностранцами давались не легко. Непомѣрно раздутое и потому слишкомъ щепетильное, національное самолюбіе дѣлало московскую тактику черезчуръ громоздкой, иногда же, переходя въ паѳосъ, неожиданнымъ и не всегда понятнымъ для другой стороны способомъ само по себѣ опредѣляло исходъ переговоровъ. Извѣстно, напр., какъ опалился царь Ивавъ Васильевичъ на «сестру свою Елисаветъ королевну», когда та, выразивъ готовность дать у себя пріютъ «своему любительному брату и другу» на случай, если онъ не поладитъ съ подданными, не нашла, однако, нужной такую предусмотрительность относительно себя лично и не отвѣтила царю такой же просьбой. Подобныя свойства національной дипломатіи, конечно, могли быть особенно неудобны, когда Москва становилась въ положеніе просящей стороны и отъ нея исходила инициатива переговоровъ. А такъ и было въ данномъ случаѣ. Послы должны были всякими способами «наговаривать» англійскому королю, чтобы онъ «сталъ за одинъ» съ московскимъ государемъ противъ недруга его—короля Сигизмунда и «помочь учинилъ бы» ему «казною деньгами» и «товары, и зельемъ, и свинцомъ, и сѣрою» (98 об.); имъ предписывалось настаивать, что если уже не можетъ король дать желательной суммы (100 т., или 80 т., или 70 т.), то «по самой нуже» далъ бы хоть 50 т. руб. (99 об.). Въ благодарность за помощь посламъ велѣно общать англичанамъ самыя широкія торговыя привиллегіи.

Эти подробности говорятъ о томъ, какъ сильно чувствовала- лась московскимъ правительствомъ нужда въ сторонней помощи и насколько важенъ былъ для него успѣхъ посольства. Понятно, что при такихъ условіяхъ посламъ не приходилось быть особенно спѣсивыми и давать волю темпераменту. И въ тоже время обстоятельства словно неврочно дѣлали неизбѣжными при переговорахъ очень чувствительныя испытанія для національнаго самолюбія. Здѣсь было бы достаточно указать уже на то, какимъ грубымъ нарушеніемъ величественныхъ перспективъ домашней идеологіи должно было казаться русскимъ людямъ положеніе ихъ государя въ роли просителя передъ англійскимъ королемъ. Но испытанія шли дальше. Рѣшаясь помогать Москвѣ, англичане тѣмъ самымъ признали бы «правду» ея въ распрѣ съ Польшей; отсюда обращеніе русскихъ за помощью ставило англійскаго короля какъ бы судьей по отношенію къ борющимся сторонамъ, и обязывало русскихъ ознакомить своего будущаго союзника хотя бы съ главными пунктами своего спора съ Сигизмундомъ. Такимъ образомъ, просьба о помощи приводила къ тому, что послы должны были рассказать англичанамъ о событіяхъ только что окончившейся смуты, а это, въ силу особаго характера послѣдней, значило — открыть передъ иностранцами ту область, которую Москва пуше всего берегла отъ чужого глаза,— область внутреннихъ отношеній. Вѣдь тамъ смута обнаружила столько неладнаго, и теперь такъ легко было, при всей осторожности, вынести соръ изъ избы!..

Стоило бы заглянуть въ наказъ ужъ для того только, чтобы видѣть, какъ выйдетъ русская дипломатія изъ столь затруднительнаго положенія. Но историческія особенности момента позволяютъ подойти къ наказу еще съ другимъ вопросомъ. Это было время, когда дѣлались первые шаги къ установленію порядка на мѣсто снесеннаго «великой разрухой», и какъ ни много неяснаго остается въ деталяхъ, все же общее направленіе правительственной работы показываетъ, что смута, на ряду съ разрушеніемъ, внесла

въ русскую жизнь и нѣкоторый творческій элементъ. Порядокъ, который начинается складываться въ московскомъ государствѣ теперь, не былъ простымъ воспроизведеніемъ старыхъ образцовъ; въ значительной степени онъ—результатъ новыхъ отношеній, созданныхъ смутой, и обозначаетъ собой тотъ новый путь, по которому пойдетъ развитіе Россіи въ дальнѣйшемъ. Такъ—во внутренней жизни; но мы въ правѣ ждать аналогичныхъ явленій и въ сферѣ внѣшнихъ отношеній. Вѣдь смута, можно сказать, наполовину была продуктомъ иностраннаго вмѣшательства; и никогда раньше русскія дѣла такъ тѣсно не переплетались съ иноземными интересами, какъ теперь. Можно ли допустить, чтобы пережитый тяжелый опытъ прошелъ совсѣмъ безслѣдно для московской дипломатіи? Но если вліяніе было, то слѣды его непременно должны сказаться и въ нашемъ наказѣ.

II.

Итакъ, по свойству самой задачи посольства, приходилось ввести стороннихъ людей въ домашнія дѣла. Конечно, англичане слышали о бѣдствіяхъ, постигшихъ русскую землю. Но они могли получить ложныя свѣдѣнія и составить себѣ превратныя представленія о состояніи московскаго государства и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Рѣчи пословъ должны были—и въ томъ и въ другомъ направленіи—внести нужныя поправки и сдѣлать соотвѣтствующее освѣщеніе, т. е. должны были поставить англичанъ на ту точку зрѣнія, на какой хотѣло стоять правительство.

Англичане не должны думать, что смута оставила государство въ слишкомъ разстроенномъ видѣ. Съ той поры, какъ «за моленьемъ и за прошеньемъ всякихъ чиновъ людей» «учинился на великихъ и преславныхъ государствахъ» Михаилъ Ѳеодоровичъ,—всякая «шатость въ людяхъ» миновала и порядокъ возстановленъ. «И нынѣ, должны были говорить послы, его царскаго величества счастьемъ и премудрымъ разумомъ въ російскихъ государствахъ строитца все

доброе; всѣ люди російскаго государства, видя великаго государя праведна, благочестива, разумна, дородна, храбра, а ко всему народу благодѣтельна и милостива, радуютца и об его многолѣтнемъ здоровье Бога молятъ» (137 л. и об.). Эта лестная аттестація Михаила Ѳеодоровича и изображеніе благотворнаго вліянія его личныхъ качествъ на настроеніе подданныхъ имѣютъ, думается, вполне определенную цѣль, и мы поймемъ ее, если вспомнимъ, что у молодого царя былъ въ то время соперникъ, все еще не хотѣвшій отказаться отъ претензій на московскій престолъ,—польскій королевичъ. Интересно, съ другой стороны, что избраніе Михаила Ѳеодоровича изображается въ наказѣ чисто бытовыми чертами: «обирали» его на царство всякихъ чиновъ люди «отъ мала и до велика, и до ссущихъ младенецъ» (136 л.). Конечно, участіе «младенецъ» должно было говорить о высокой степени единодушія, проявившагося въ актѣ избранія; за то вышелъ совершенно неяснымъ образъ земскаго собора, какъ учрежденія, и осталась затемненной его дѣйствительная роль: должно бытъ, морально-бытовую постановку въ вопросѣ о власти новаго царя правительство считало болѣе внушительной, чѣмъ юридическую... Какъ бы то ни было, наступившее съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича благополучіе скоро заставило русскихъ людей забыть пережитыя невзгоды: «а которая была в росіискомъ государстве до него государя смута и рознь и в людяхъ скорбь, того в радости забыли, кабы ничего не бывало» (138 л.). Можетъ быть, впрочемъ, англичане слышали что-нибудь о положеніи, занятомъ Заруцкимъ? Но онъ больше не опасенъ для спокойствія страны; «нынѣ онъ бѣгаетъ в украинныхъ городѣхъ, а дѣтца ему нѣгде, и людей при немъ никого нѣтъ» (158 об.), увѣряетъ наказъ, не желая помнить, что въ это время Заруцкій держалъ въ своихъ рукахъ Астрахань и готовился къ новымъ выступленіямъ. А то еще,—не вызываетъ ли въ Англии смущеніе настроеніе нѣкоторыхъ инородцевъ, захваченныхъ смутой, напр., заволжскихъ ногаевъ? Такъ

«ногаи были въ шатости», когда признавалась кандидатура Владислава: «и то имъ было нелюбо, что польскаго королевича на московское государство обрали» (152 л.). Теперь же, разъ на престолъ избранъ потомокъ «от древнево росииского корене», инородцы—«в государеве волѣ попрежнему». И въ боевомъ отношеніи московское государство вышло изъ смуты благополучно, сохраняя прежнюю силу: «людей в нем воинских многочисленное войско» (88 об.), такъ что, если бы король англійскій предложилъ государю московскому своихъ ратныхъ людей, то послы должны были отклонить предложеніе. Только вотъ смута разстроила матеріальныя средства страны; «многіе города и мѣста оскудѣли» и «служилые люди в скудости стали» (98 л.), а между тѣмъ изъ царской казны имъ «жалованья вдругъ дати вскоре не мочно» (91 л. и об.)... Недостатокъ средствъ, конечно, заставляетъ искать восполненія на сторонѣ; но ясно, что при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ онъ не можетъ мѣшать московскому государю держаться на равной ногѣ съ другими великими государями.

Такъ же ярко эта точка зрѣнія оффиціального оптимизма проведена и въ изображеніи самой смуты. Здѣсь, однако, фактическій матеріалъ былъ менѣе податливъ, съ большимъ сопротивленіемъ воспринималъ розовую окраску и нерѣдко вынуждалъ составителей наказа къ довольно фамиллярному обращенію съ фактами недавняго прошлаго. Прежде всего, нельзя было, при изложеніи событій смуты, хотя бы краткомъ, миновать нѣкоторыя непріятныя обстоятельства. Борьба противъ иноземцевъ, пріостановившаяся съ очищеніемъ Москвы, до послѣдняго момента шла крайне нерѣшительно, принося поражений въ общемъ больше, чѣмъ успѣховъ. Вполнѣ естественно, что англійскій король и его «думные люди» не услышали отъ русскихъ пословъ объективнаго изображенія ни тѣхъ, ни другихъ. Неудачи или замалчиваются, или уменьшаются ихъ значеніе; успѣхи, наоборотъ, выставляются слишкомъ выпукло, и часто принимаютъ фантастическіе размѣры (особенно въ

исчисленіи убитыхъ враговъ и плѣнныхъ). Иногда же факты вовсе искажаются подъ вліяніемъ національнаго тщеславія; неудачѣ, напр., Сигизмунда при осадѣ Волоколамска приданъ видъ полнаго пораженія, нанесеннаго ему въ открытомъ бою московскими воеводами (129 л. и об.). Но въ подобныхъ приемахъ едва ли можно находить что-нибудь характерное именно для русскихъ настроеній и для московской дипломатіи 17 в.: вѣроятно, на ея мѣстѣ тогда, а можетъ быть и не только тогда, поступала бы также и всякая другая. Интереснѣе для насъ и характернѣе для правительства новой династіи является отношеніе ея къ другимъ пробѣламъ русской жизни, вскрытымъ бурной эпохой.

Не одна только инокиня Марѳа могла корить русскихъ людей, что они «измалодушествовались» за время смуты. Извѣстна стала уже и чужеземцамъ неустойчивость политическаго настроенія московитовъ, такъ ярко проявившагося въ постоянныхъ переходахъ ихъ отъ одного кандидата на престоль къ другому. И посламъ слѣдовало, по возможности, сгладить дурное впечатлѣніе, какое могло у иностранцевъ получиться отъ этихъ наблюденій. Съ какой рѣшительностью и негодованіемъ опровергается въ наказѣ слухъ о приглашеніи на московскій престоль цесарева брата Максимилиана, дѣлавшемся будто бы черезъ князя Пожарскаго! Послы должны были, если англичане укажутъ имъ на такой слухъ, заявить, что, объ этомъ дѣлѣ они «никакъ не слыхали»; что если подобные переговоры связываются съ именемъ Пожарскаго, то въ худшемъ случаѣ послѣдній «затѣялъ ихъ самъ собой», «хотячи у цесаря жалованье какое выманить» (! 189 об.), но «бояре и воеводы и всякіе ратные люди»,—дойди до нихъ такія вѣсти,—«ему б никакъ ни кто в том не стѣрпелъ» (189 об.); что вообще объ этомъ и слушать, и говорить имъ «не пригоже». Сильно повышенный тонъ заявленія даетъ знать, что «разговоры» о Максимилианѣ своимъ общимъ смысломъ затрогивали, дѣйствительно, больное мѣсто, но конкретнымъ основаніемъ для упрека

въ легкомысленномъ отношеніи къ династическому вопросу они не могли служить,—и тѣмъ горячѣе правительство опровергаетъ эти «безлѣпичные смутные рѣчи» (190 л.). Но значительно стѣсненнѣе должны были чувствовать себя послы, говоря о Шуйскомъ. Съ точки зрѣнія политической солидности это—одинъ изъ наиболѣе щекотливыхъ моментовъ смуты: каковъ бы ни былъ Шуйскій,—все же непристойно было насильственно смѣщать законнаго русскаго царя, чтобы потомъ на опустѣвшее мѣсто выбирать иностранца. И усилія авторовъ наказа, естественно, направляются на то, чтобы реабилитировать подданныхъ великихъ московскихъ государей въ глазахъ англичанъ, устранивъ, по возможности, компрометирующее значеніе неприятнаго факта. Интересны приемы, съ помощью которыхъ московская дипломатія хочетъ достигнуть такого результата. Прежде всего, наказъ смягчаетъ насильственный характеръ переворота 17 іюля, вводя какъ бы моментъ согласія со стороны царя Василья. Послѣ разсказа о томъ, какъ всякихъ чиновъ люди били челомъ государю царю и великому князю... «чтобъ для покою крестьянства... государство свое оставилъ», дѣлается характерное сообщеніе: «и царь Василей государство свое *отставилъ*» (68 л.). Позволительно сомнѣваться, чтобы составители наказа могли вкладывать опредѣленный смыслъ въ это выраженіе—«отставилъ»; а между тѣмъ въ дальнѣйшемъ оно повторяется уже въ качествѣ исчерпывающаго объясненія факта, безъ упоминанія о предыдущемъ моментѣ—«челобитьѣ» всякихъ чиновъ людей (152 л.). Такимъ образомъ создается впечатлѣніе, какъ будто сведеніе Шуйскаго съ престола было въ извѣстной степени актомъ его добровольнаго отреченія... Еще любопытнѣе другой приемъ. По наказу оказывается, что въ то время, когда происходили эти событія, въ Москвѣ были только «немногіе» всякихъ чиновъ люди: «а бояре, и воеводы, и столники, и дворяне болшіе, и дворяне изъ городовъ и дети боярскіе, и стрелцы, и казаки, и всякіе служилые люди в то время были в

далнихъ мѣстехъ противъ свейскихъ людей, и въ Сибири, и в ѣныхъ далнихъ странахъ, а про то не вѣдали, что учинилось надъ государемъ на Москвѣ» (68 л. и об.). Было ли бы иначе, если бы всѣ перечисленные чины находились въ Москвѣ,—составители наказа не сказали, да и не могли, разумѣется, сказать; но цѣль придуманной комбинаціи все же достигается: отвѣтственность за политическій скандалъ перелagается на небольшую группу, и политическое благонаравіе большинства оказывается спасеннымъ. Послы не считаютъ событіе 17 іюля государственнымъ переворотомъ, продолжая усваивать Шуйскому и послѣ его низложенія титулъ великаго государя. Конечно, произвольно ограничивая кругъ дѣйствовавшихъ при этомъ лицъ небольшой группой, составители должны были также забыть на время, что руководителями ея во всякомъ случаѣ были такіе дѣятели, какъ В. В. Голицынъ и старецъ Филаретъ.

Самое важное, однако, дальше. Пусть происшедшая съ Шуйскимъ катастрофа—не болѣе, какъ случайность и не характерна для политическаго настроенія русскихъ людей. Остаются два имени, роковое значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи прямо било въ глаза,—Лже-Димитрій и Тушинскій воръ. Какъ могло случиться, что явные авантюристы рѣшились присвоить себѣ священный титулъ царскій, и первому изъ нихъ народъ позволилъ сѣсть на престолъ исконныхъ царей русскихъ, а второму, ие смотря на его почти неприкрытое самозванство,—подойти къ этому престолу такъ близко? Не важно, выскажутъ ли—и въ какой формѣ—вопросъ объ этомъ англичане; мысленно онъ долженъ явиться у нихъ неизбѣжно, и въ отвѣтъ на него—главный нервъ наказа.

Вопросъ о причинахъ успѣха самозванцевъ или — что тоже—о причинахъ смуты раньше Московской дипломатіи поставило народное самосознаніе. Изъ памятниковъ смутной эпохи мы знаемъ и данный имъ отвѣтъ: грѣхи русскихъ людей—вотъ одна причина смуты; взаимая рознь и сословный эгоизмъ, а съ ними — страхъ передъ «владущими» и

отсутствіе мужества гражданскаго — вотъ другая. Совсѣмъ иначе звучитъ оффиціальнй отвѣтъ пословъ. Правда и здѣсь есть ссылка на грѣхи, но центръ тяжести—не въ нихъ: «Жигимонтъ, король польскій»—вотъ настоящій виновникъ бѣдствій, постигшихъ московское государство, если не считать дѣйствующаго съ нимъ рядомъ общаго врага человѣческаго рода. Наказъ настойчиво проводитъ эту мысль, повторяя ее множество разъ на разные лады и въ концѣ давая слѣд. выразительное резюме преступныхъ дѣйствій польскаго короля: онъ «московское государство выжегъ и высекъ, и церкви Божіи и монастыри разорилъ, и многоцелебные мощи и многихъ стятыхъ обругалъ, и многое поруганье нашей православной вѣрѣ греческаго закона учинилъ, и многую безчисленную христіанскую кровь пролилъ» (187 об.). Въ частности, почти въ каждомъ моментѣ смуты наказъ готовъ видѣть «злохитрые умыслы» Сигизмунда, присоединяя къ тому, въ чемъ по справедливости его можно винить, не мало такого, за что отвѣтственность падаетъ только на воображеніе московской дипломатіи. Не достаточно того, что король помогъ первому самозванцу деньгами и людьми; но и то, если «незнающіе простые люди... поча быть въ смутѣ» и примкнули къ самозванцу,—его же дѣло: не смотря на предупрежденія со стороны московскаго правительства о самозванствѣ «того еретика», Сигизмундъ «сталъ больше прежнево московскаго государства людей прельщати... и грамоты учелъ отъ себя писати на смуту во всѣ города московскаго государства» (50 л.). Такъ и случилось, что «вражымъ дѣйствомъ, и умышленьемъ Жигимонта короля тотъ воръ дошелъ и до царствующаго града Москвы» (51 л. и об.). А въ Москвѣ вору уже легко было добраться до престола; неожиданно къ его услугамъ оказывается таже самая комбинація условій, что при низложеніи Шуйскаго: «служилые люди были въ отъѣзде», въ дальнихъ мѣстахъ (54 л.), и помѣшать вору съ его польскими «пріятелями» было некому. Подобная же упрощенная конструкція дается и слѣдующему періоду смуты,

когда выступает на сцену второй самозванецъ. Главный дѣятель опять—Жигимонтъ король. Это онъ послѣ гибели Лже-Димитрія велѣлъ «пустить славу» о спасеніи послѣдняго и «прислалъ другого вора» (56 об. и др.); по его «повелѣнію» снова стали разсылаться смутныя грамоты и снова «многіе малодушные сѣверскихъ и украинскихъ городовъ казаки и боярскіе люди холопы, худые люди, такимъ ихъ смутнымъ грамотамъ повѣрили» (57 об.); все онъ же, Жигимонтъ, направилъ и отпущенныхъ изъ Москвы пословъ съ воеводой Сендомирскимъ въ Тушино, а тотъ воевода, отдавъ вору свою дочь, «на всякое зло его поучалъ и обычаи всякіе прежево вора ростриги тому вору розказалъ» (15 об., 61-2 л.). И въ дальнѣйшихъ моментахъ смуты наказъ представляетъ тушинскаго вора и Сигизмунда, не смущаясь явнымъ антагонизмомъ ихъ интересовъ, дѣйствующими согласно, по взаимному уговору. Такъ путемъ своеобразнаго изложенія историческихъ фактовъ, московская дипломатія старалась снять то пятно, которое смута наложила на политическую репутацію русскихъ людей. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ придавать рѣшающее значеніе въ подобномъ вопросѣ дѣйствіямъ «незнающихъ» «худыхъ» людей, бывшихъ при томъ же слѣпыми орудіями въ рукахъ заклятаго врага Россіи — польскаго короля? Очевидно, національное самолюбіе, вдохновлявшее составителей наказа при объясненіи фактовъ тяжелаго прошлаго, не могло вложить въ нихъ того мужества, какое въ этомъ случаѣ проявило общество, руководимое совѣстью.

Таковы приемы, съ помощью которыхъ наказъ хочетъ придать смутѣ видъ достаточно приличный, чтобы можно было, безъ ущерба для національнаго достоинства, ознакомиться съ ней иностранцевъ. По существу эти приемы были хорошо извѣстны и московской дипломатіи прежнихъ временъ, и, пользуясь ими теперь, наказъ только остается вѣрнымъ дипломатической традиціи. Шагъ впередъ онъ дѣлаетъ въ другомъ.

III.

До сихъ поръ Сигизмундъ выступалъ передъ нами въ качествѣ фактора, дѣйствіемъ котораго объяснялось возникновеніе и развитіе смуты. Но этимъ его роль не ограничивается: по наказу, онъ является еще и средствомъ для достиженія дипломатической цѣли въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. привлеченія Англій кѣ союзу съ Москвой. Конечно, этой цѣли должно было служить обѣщаніе англичанамъ торговыхъ привилегій, — «повольной торговли съ московскимъ государствомъ, въ чемъ государь московскій отказывалъ» многимъ великимъ государямъ «для любви брата своего Якуба короля» (114 об.). Однако, Англія могла бы цѣнить дружбу съ Россіей не только по коммерческимъ соображеніямъ. Вотъ теперь королю англійскому надо, по обстоятельствамъ, выбирать между московскимъ государемъ и королемъ польскимъ: не говоря о выгодахъ, — съ которымъ изъ нихъ союзъ надежнѣе? Рѣшеніе вопроса должно подсказываться, главнымъ образомъ, личными свойствами предполагаемаго союзника, — такъ пусть англичане посмотрятъ, что за человѣкъ король польскій.

Наказъ дышитъ ненавистью къ Сигизмунду. Въ общемъ, съ литературной стороны, онъ — типичное произведеніе канцелярскаго творчества, тягучее и однообразное, въ которомъ сила убѣжденія и чувства замѣняется упрямымъ до назойливости повтореніемъ нѣсколькихъ излюбленныхъ выраженій. И только тамъ, гдѣ рѣчь касается личности Сигизмунда, вспыхиваетъ искра живой мысли и неподдѣльнаго негодованія, бросая неожиданный свѣтъ на одну изъ сторонъ душевной жизни составителей. Много темныхъ дѣлъ знаетъ наказъ за польскимъ королемъ, но, помня свою задачу, съ особенной энергіей выдвигаетъ ту черту его характера, которая представляетъ наибольшую важность съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, — его вѣроломство. Сколько разъ за время смуты и съ какой легкостью нарушалъ онъ крестное цѣлованье! Уже участие

Сигизмунда въ дѣлѣ перваго самозванца было нарушеніемъ заключеннаго между нимъ и Борисомъ «мирнаго постановленія»,—нарушеніемъ, по неожиданности своей сразу же создавшимъ для московскаго царя крайне опасное положеніе. Вѣдь въ силу договора Борисъ въ сѣверскихъ городахъ «прибыльныхъ ратныхъ людей не держалъ» (48 об.), и т. о. Украина оказалась совершенно открытой для врага. То же повторилось и потомъ, при царѣ Васильѣ. Вскорѣ по избраніи Шуйскаго на престолъ Сигизмундъ присылаетъ къ нему пословъ для переговоровъ «о всякихъ добрыхъ дѣлахъ», и въ то же время подставляетъ ему втораго самозванца (56 л. об.). Дальше — еще хуже: съ В. Шуйскимъ заключено перемиріе на 4 года, но Сигизмундъ и этого «новаго перемирья и крестоцѣлованья нимало не сдержалъ», и теперь уже открыто «на большее кроворозлитъе устремился», осадилъ Смоленскъ и «по городу изъ снаряду велѣлъ бить» (16 л. об.). Не было ли у польскаго короля помимо свойственнаго ему вѣроломства другихъ, болѣе уважительныхъ, побужденій къ нарушенію перемирья съ Шуйскимъ,—наказъ молчить. Та же судьба, наконецъ, постигла договоръ Москвы съ Сигизмундомъ относительно кандидатуры Владислава. Только что польскіе послы цѣловали въ Москвѣ крестъ на Владиславѣ, а Сигизмундъ ужъ выставляетъ свою кандидатуру нѣ престолъ Московскій; и вслѣдъ затѣмъ «польскіе и литовскіе люди учили, сообщаетъ наказъ въ другихъ памятникахъ смуты, кажется, не повторенное извѣстіе, приводитъ по нашей вѣре хъ крестному целованью на Москвѣ и въ городѣхъ на королевское на Жигимонтово имя» (25 л.). Такъ вся политика польскаго короля оказывается построенной на обманѣ и клятвопреступленіи. Неразборчивый на средства, онъ не останавливается въ своемъ стремленіи къ цѣли передъ нарушеніемъ и другихъ элементарныхъ правилъ международной этики. Какъ поступилъ король польскій съ царемъ В. И. Шуйскимъ? Взявши «таково великаго государя зъ государства оманомъ за крестнымъ цѣлованьемъ», Сигизмундъ

«учинилъ» по отношенію къ нему съ братомъ Димитріемъ то, «чего нигдѣ, не токмо во крестьянскихъ, ни въ мусульманскихъ государствахъ дѣлать не пригоже»: держалъ ихъ «въ великомъ утѣсненіи», такъ что обоихъ «отъ великіе королевскіе тѣсноты и нужи въ заточенье въ животѣ не стало» (130—131 л.). Столь же позорный съ дипломатической точки зрѣнія поступокъ допустилъ польскій король и по отношенію къ великимъ посламъ, отправленнымъ къ нему подъ Смоленскъ: «перековавъ, разослалъ ихъ въ заточенье въ Польшу и въ Прусы, чего николи... надъ послы не ведетца» (71 об.). Всѣ эти дѣйствія Сигизмунда позволяютъ московскимъ посламъ поставить передъ думными людьми Якова англійскаго вопросъ, резюмирующій основные мотивы ихъ дипломатическаго искусства: «и ту Жигимонта короля полскаго неправду..., должны были сказать они, можете вы, братья наши, сами разсудити, пригожелъ то дѣло Жигимонтъ король дѣлаеть... И передъ межъ великихъ государей нашихъ, oprичъ крестново целованья, какому укрепленью быть? И послы и посланники какъ ссылатца, коли посолское крестное целованье не крепко и не стоятельно?» (86 л. и об.).

Въ этихъ, разсѣянныхъ по всему наказу, замѣчаніяхъ о личныхъ свойствахъ Сигизмунда и о пріемахъ его политики мы наталкиваемся на порядокъ мыслей, уже значительно отличный отъ того, который характеризовался раньше. Тамъ дѣло шло о томъ, чтобы согласовать представленіе о событіяхъ смутной эпохи съ оффиціальнымъ пониманіемъ національнаго достоинства, и примѣнявшіяся для этого средства сводились къ болѣе или менѣе своеобразной интерпретаціи фактовъ въ рамкахъ пережитого прошлаго. Здѣсь московская дипломатія становится на другую и при томъ болѣе широкую точку зрѣнія: тотъ же по существу предметъ она хочетъ разсматривать въ свѣтѣ не національныхъ только, но общеевропейскихъ или лучше — международныхъ итересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя дѣйствіе польскаго короля на судъ европей-

скихъ государей, московское правительство обнаруживаетъ прямое желаніе войти въ ихъ среду и раскрываетъ передъ ними свою тактику и свою, если можно такъ сказать, программу.

Политика московскаго правительства совершенно противоположна вѣроломной, не знающей моральной сдержки, политикѣ короля польскаго. Наказъ даетъ почувствовать, что Москва всегда свято соблюдала права пословъ и иностранцевъ, столь беззащѣнно нарушаемая Сигизмундомъ. Даже въ такой трудный моментъ, какъ день 17-го мая, правительство постаралось, въ предѣлахъ возможности, обезпечить иноземцамъ и особенно посламъ безопасность. Правда, «земские черные люди побили» тогда «немногихъ» польскихъ людей, но только тѣхъ, которые за еретика «вступились». «А посламъ королевым ни в чемъ никоторо безчестья не учинено, и честь имъ была и кормъ довольной по посольскому обычею по прежнему, безъ убавки» (54 об.). Былъ, однако, фактъ, не согласовавшійся съ такой корректностью Москвы и къ тому же задѣвавшій именно англичанъ. Во время очищенія Москвы отъ поляковъ были убиты находившіеся тамъ англійскіе торговые люди—Марко «съ товарицы». Надо было дать объясненіе, и наказъ находить его, обнаруживая дов. грубую изворотливость московской дипломатіи и вмѣстѣ—тоже не очень высокую—разборчивость. Сначала послы должны были говорить, что «Марка агличенина съ товарицы захватили в Москвѣ» поляки; «и товары всѣ у нихъ поимали, и ихъ переграбили, и держали их за крѣпкіе приставы, а послѣ того их всѣхъ из животов побили не крестьянским обычаемъ» (75 л.). Но какъ быть, если англичанамъ окажется «доподлинно вѣдомо», что ихъ земляковъ убили русскіе люди? Тогда, по наказу, послы должны измѣнить показаніе: поляки, должны были сказать они, держали Марка съ товарицы «за приставы» въ Китай-городѣ «на их аглинскомъ дворѣ»; когда же Китай-городъ былъ взятъ, и «в то взятъе» русскіе многихъ поляковъ побили, «а Марка агли-

ченина с тѣхъ мѣсть без вести нѣтъ: не вѣдомо, его в то взятые полские и литовские люди убили, или чернь, не розсмотря, въ то ж взятые убили» (118 об.). Ссылка на чернь имѣеть здѣсь аналогичный смыслъ, какъ раньше—ссылка на «незнающихъ худыхъ людей»: она отводитъ отъ московскаго правительства возможный со стороны обиженныхъ англичанъ упрекъ. Конечно, эти уловки съ моральной стороны не приходится оцѣнивать высоко; но онѣ, на ряду съ разсужденіями о святости званія пословъ, свидѣтельствуютъ о стремленіи Москвы держаться въ междунаrodnыхъ отношеніяхъ на одномъ уровнѣ съ западными сосѣдями, въ данномъ случаѣ—на почвѣ признанія одинаковыхъ правовыхъ обычаевъ. И подобная же тенденція сказывается еще въ одной подробности наказа. При первомъ же представленіи англійскому королю послы должны были, между прочимъ, сообщить о вступленіи Михаила Ѳедоровича на престоль, «государство его обестити» (34 л.). Такое же порученіе одновременно дано было, какъ видно изъ наказа, и посламъ, отправлявшимся въ другія государства—къ персидскому шаху (142 об.), къ хану крымскому (144 л.) и къ римскому цесарю (145 л.). Этому сообщенію, совершенно естественному при тогдашнихъ обстоятельствахъ, придавался, однако, особый смыслъ: московское правительство разсматриваетъ его, какъ актъ обязательной международной вѣжливости, выполняя который, хочеть, чтобы и ему отвѣчали тѣмъ же. Наказъ предусматриваетъ возможность, что посольство, отправленное къ королю Якову, не застанеть его въ живыхъ,—въ такомъ случаѣ русскіе послы должны были говорить, чтобы новый король англійскій «слалъ пословъ» къ великому государю московскому—также «государство свое обестити» (161 об.). Очевидно, Москва хочеть быть связанной съ сосѣдями не только одинаковымъ кодексомъ права или морали (о строгомъ различеніи того и другой, конечно, еще не можетъ быть рѣчи), но и одинаковымъ кодексомъ приличій.

Отмѣченныя черты московской политики, поскольку

она выясняется изъ наказа, характеризуютъ ее собственно съ формальной стороны, показывая только на то, что Москва къ тому времени усвоила нѣкоторыя *правила* международнаго общенія. Но понимала ли она и учитывала ли *реальные интересы* и соотношенія силъ на Западѣ? Наказъ позволяетъ отвѣтить и на этотъ вопросъ, и отвѣтить—въ извѣстной мѣрѣ—положительно.

Большимъ мѣстомъ тогдашней Европы было сосѣдство съ турками. Усиленіе ислама, грозя насущнымъ интересамъ не одной европейской страны, дѣлало борьбу съ нимъ острымъ вопросомъ общеевропейской политики и вмѣстѣ—давало богатый матеріалъ для идейныхъ настроеній европейскаго общества. Отголоски движенія, вызваннаго мусульманской грозой, чувствовались и въ Московской Руси, и наказъ ясно показываетъ, что правительство московское понимало приблизительно, какая система отношеній диктовалась европейскимъ государствамъ общей бѣдой. Оно допускаетъ возможность, что «крестьянскіе государи», «оставя меж себя досады», придутъ «въ любовь и соединенье», и станутъ «противъ бусурманъ за одинъ» (109—110 л.). И въ согласіи съ такими перспективами послы должны были обрисовать передъ англійскимъ королемъ намѣренія московскаго государя. Оказывается, что и въ Москвѣ очень озабочены тѣмъ, чтобы «в несогласіи, и в розни, и в межусобствѣ крестьянскихъ государей бесерменская рука не высилась» (123 об.). Больше того: и великій государь Михаилъ Федоровичъ готовъ принять участіе въ борьбѣ съ общимъ врагомъ; онъ «свыше всего о томъ радѣет и промышляет, чтобъ православное христіанство... изъ рукъ бесерменскихъ высвободить» (122 л.), и для этого согласенъ вступить въ союзъ и съ папой, и съ цесаремъ, и съ «ишпанскимъ» королемъ, и съ «фронцовскимъ» королемъ, и съ княземъ «веницѣйскимъ» (123 л. и об.). Такимъ образомъ, Москва открыто заявляетъ о своемъ желаніи быть солидарной съ Европой въ дѣлахъ общей политики. Другой, конечно, вопросъ, насколько искренни были эти заявленія.

Уже то обстоятельство, что почти одновременно съ послами въ Англію отправлялось посольство къ «турскому султану» съ увѣреніями «въ дружбѣ и любви» заставляетъ сомнѣваться, чтобы Москва придавала идилліи общеевропейскаго союза серьезное значеніе. Это, однако, совсѣмъ не значитъ еще, что возвышенныя рѣчи говорились послами на вѣтеръ. Могъ ли англійскій король, слыша сдѣланныя послами заявленія, колебаться долѣе въ выборѣ между Сигизмундомъ и Московскимъ государемъ? Не долженъ ли, напротивъ, всякій европейскій государь рѣшительно стать на сторону послѣдняго хотя бы уже въ интересахъ общаго «покоя»? Безъ сомнѣнія, такой, а не иной ходъ мысли былъ у составителей наказа, когда они послѣ изъявленія готовности Москвы примкнуть къ союзу «крестьянскихъ государей» заставляютъ пословъ внести условіе, чтобы «папа, и цесарь», и «ишпанской» и «францовской» король, и виницѣйскій князь... к польскому Жигимонту королю и панамъ раде слали пословъ своих, обличаючи его въ его неправдахъ передъ московскимъ государствомъ, и чтобъ онъ отъ такого кровопролитья отстал и на великаго государя нашего и на его великіе государства всякіе злые умыслы отставилъ» (124 л.). Мы видимъ, такъ образомъ, что Москва уже умѣла стать въ уровень задачъ общеевропейской политики; но, поднявшись на эту высоту, она стремится использовать благопріятную позицію прежде всего для устройства своихъ частныхъ дѣлъ.

Въ тѣхъ же видахъ Москва хочетъ подойти къ Европѣ еще съ другой стороны. Она не довольствуется знаніемъ объ общемъ направленіи европейской политики: для нея важно проникнуть въ закулисную обстановку послѣдней. Посламъ вмѣнялось въ обязанность разузнать объ отношеніяхъ между англійскимъ королемъ и польскимъ, «да и объ иныхъ великихъ о всякихъ делахъ, которые надобно вѣдать в московскомъ государствѣ, провѣдывать себѣ тайно, а что какихъ вестей, будучи въ аглинской землѣ, провѣдаютъ,— и тѣ вѣсти записывать дьяку Алексѣю самому и держать

имъ то письмо у себя тайно с великимъ береженьемъ» (176—7 л.). Выяснивши себѣ взаимныя отношенія англійскаго и польскаго королей, послы должны были «всякими мѣрами» склонять перваго къ союзу съ московскимъ государемъ. Наказъ поручаетъ имъ также узнать, каковы отношенія англійскаго короля къ шведскому и датскому, и, въ случаѣ благопріятныхъ наблюдений, убѣждать Якова англійскаго, чтобы онъ «на свейскаго Адольфа короля за многие неправды и клятвопреступленіе съ государемъ нашимъ стоялъ за одинъ,... да и дацкому бѣ Крестьянусу королю... от себя отписаль, чтобы» онъ «на свейскаго короля стоялъ съ великимъ государемъ нашимъ за одинъ» (38—9 л.). Помимо того, русскіе послы должны были, встрѣчаясь въ Англии «на королевомъ дворѣ» съ послами другихъ земель, располагать чрезъ нихъ и остальныхъ европейскихъ государей, чтобы они «Жигимонта короля полскаго... отъ его кроворозлитья унимали» (121 л.). Передъ нами,—можно сказать, опредѣленные политическія комбинаціи, которыя Москва устраиваетъ въ своихъ интересахъ среди европейскихъ государей, основываясь на добытыхъ свѣдѣніяхъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Какое мѣсто должны занять эти факты въ исторіи развитія Московской дипломатіи? Конечно, сдѣланныя наблюденія не были бы совершенной новостью и для 16 вѣка; во внѣшней политикѣ хотя бы Грознаго легко можно найти аналогичныя черты. Но существенное отличіе останется въ томъ, что до смуты дипломатическія сношенія были большей или меньшей случайностью въ жизни московскаго государства, вызывались тѣми или другими обстоятельствами и не чувствовалось потребности систематически поддерживать дипломатическую связь съ Европой. Бѣдствія смутнаго времени, можно думать, заставили московское правительство глубже уяснить себѣ значеніе международной политики въ жизни отдѣльнаго государства, и привели къ сознанію необходимости правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Какъ видно изъ наказа, Москва

даже подыскала идеологическую основу для' возможнаго общеевропейскаго союза. Пусть эти шаги московской дипломатіи еще очень элементарны и постоянно выдаютъ слишкомъ конкретное пониманіе задачи, — все же они даютъ знать, что 17-й вѣкъ и въ области внѣшней политики принадлежитъ новой Россіи 1).

А. Заозерскій.

¹⁾ Эти выводы, какъ построенные на основаніи одного лишь наказа, могутъ показаться очень поспѣшными. Съ своей стороны авторъ, далеко не считая ихъ прочно обоснованными, долженъ сказать, что разсмотрѣнный наказъ является типическимъ для цѣлаго ряда наказовъ, относящихся къ данному моменту 1613—1615 гг. Всѣ они составлены по одному образцу и различаются только второстепенными чертами, обусловливаемыми обстоятельствами частнаго характера. Это сходство въ основномъ и сообщило автору увѣренность, что передъ нимъ — не случайное явленіе, а довольно твердо установившееся направленіе въ политической жизни московскаго государства.

Скиеія въ іероглифической надписи.

«Ο: Πέρσαι πάντας τοὺς Σκύθας καλέουσι Σάκας». Эти слова Геродота ¹⁾ наилучшимъ образомъ подтверждаются бехистунской и накши-рустемской надписями Дарія I. Въ послѣдней мы находимъ, какъ извѣстно, три вида народа «Сака», причемъ имя это передано въ эламскомъ изводѣ «Шакка», въ вавилонскомъ «Гим-мир-ри», т. е. Киммеріане, согласно ассирійскому словоупотребленію. Кромѣ «Сака» вообще ²⁾, списокъ подвластныхъ Дарію племенъ упоминаетъ «Сака съ остроконечными шапками» и «Сака, что по ту сторону моря», вѣроятно Чернаго, хотя не устранена и другая возможность ³⁾. Въ пояснительной надписи къ фигурѣ послѣдняго изъ «бунтовщиковъ» изображеннаго на Бехистунской скалѣ въ остроконечной шапкѣ читаемъ: «это Скунха—Сакъ». Произведенное въ недавнее время Кингомъ и Томпсономъ новое изслѣдованіе бахистунской надписи

¹⁾ VII, 64.

²⁾ По *Andreas* въ *Verhandl. d. XIII Orientalistenkongresses in Hamburg 1902*, 97; по другимъ «Сака Хаумаварка» (вм. «Сака, Хаумаварка» — какъ два самостоятельныхъ члена списка), т. е. Амирскіе скиеы. Подробнѣе см. *Hommel*, *Grundriss d. Geographie und Geschichte des Alten Orients*, § 67 (pp. 210—213), *Ed. Meyer*, *Geschichte des Altertums I*, II², § 578, p. 815 sq. *Prašek*, *Gesch. d. Meder und Perser*. (Gotha 1910); II, 56—57, 75 — 93. *Weisshach und Bang*, *Altpers. Keilinschr.* p. 37: «die amyrgischeu Scythen».

³⁾ Вавилонскій изводъ даетъ необычное имя для «моря»—Мар-рату. Такъ называлась сѣверная часть Персидскаго залива, въ которую раздѣльно впадали Тигръ и Евфратъ и которая уже тогда начинала превращаться въ болото, заполняемое аллювіальной почвой. Почему оно употреблено здѣсь вм. обычнаго *tamdu*, трудно сказать.

на мѣстѣ ¹⁾ обнаружило въ испорченной части и текстъ къ этому изображенію: «я пошелъ на землю Сака . . . Тигръ (?) . . . къ морю . . . Я переправился . . . Я перебилъ . . . Сака . . ., Другого они плѣнили и привели ко мнѣ связаннымъ; я поразилъ ихъ . . . Я плѣнилъ (ихъ вождя), по имени Скунха . . . и поставилъ другого вождя, согласно моей волѣ. Тогда страна стала моей» ²⁾. Эти плохо сохранившіяся строки помѣщены Даріемъ только въ одномъ персидскомъ изводѣ надписи, и въ самомъ ея концѣ, безъ связи съ обстоятельнымъ рассказомъ объ усмиреніяхъ бунтовъ. Думаютъ, что дѣло идетъ о знаменитомъ походѣ на Скиѳовъ, и краткость рассказа соотвѣтствуетъ неоправдавшему ожиданій исходу похода. Во всякомъ случаѣ, предпріятіе, упомянутое здѣсь, было серьезнымъ и имѣло въ виду какъ «Сака съ остроконечными шапками» (изображеніе Скунхи), такъ и «Сака, что по ту сторону моря» ³⁾.

Одной изъ наиболѣе крупныхъ заслугъ нашего знаменитаго египтолога *В. С. Голенищева* было открытіе въ 1889 году близъ Тель-эль-Масхута на бывшемъ Суэцкомъ перешейкѣ кусковъ большой іероглифической надписи, принадлежащей къ числу воздвигнутыхъ Даріемъ I для увѣковѣченія своего великаго культурнаго дѣла—прорытія здѣсь канала ⁴⁾. Уже давно была извѣстна одна надпись, т. наз. шалуфская стѣла, содержащая на трехъ клинописныхъ языкахъ краткое оповѣщеніе царя о каналѣ, и на обратной сторонѣ—болѣе обстоятельную, но, къ сожа-

¹⁾ The sculptures and inscription of Darius the Great on the rock of Behistun, 1907.

²⁾ См. *Weissbach und Bang*, Die altpersischen Keilinschriften. Lpz. 1908 (Assyriol. Bibl. X), p. XVI. *Tolman*, The Behistan inscription. (New-York, 1908), 35.

³⁾ Сообразно этому *Hoffman-Kutschke* восполняетъ лакуну въ текстѣ, вводя въ нее два вида Сака, но напрасно при этомъ имѣеть въ виду Хомаварговъ.

⁴⁾ Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhutah. Recueil de travaux relatifs à la philologie et archéologie égyptiennes et assyriennes. vol. XIII (1890), p. 27—37. Надпись воспроизведена на особой таблицѣ.

лѣнію, почти совсѣмъ разрушенную іероглифическую надпись 1). Найденные В. С. Голенищевымъ фрагменты принадлежали къ плитѣ, содержащей только одну іероглифическую надпись, на сколько позволяютъ судить жалкіе остатки шалуфской стѣлы, не тождественной съ послѣдней по редакціи, но дающей въ верхней части сходныя изображенія. Подъ крылатымъ солнечнымъ дискомъ божества двухъ половинъ Нила символически связываютъ подъ царскимъ оваломъ съ именемъ фараона «Интариуаша» (Дарія) обѣ половины Египта. Ниже слѣдуетъ горизонтальная полоса съ 24 зубчатыми овалами, содержащими внутри себя по одному изображенному іероглифами имени изъ числа подвластныхъ персидскому царю странъ. Надъ каждымъ оваломъ изображенъ колѣнопреклоненный представитель данной страны въ молитвенной позѣ 2). Эти своеобразные символическіе списки расположены такимъ образомъ, что всѣ колѣнопреклоненныя фигуры обращены къ помѣщенному надъ ними посрединѣ верхней части плиты царскому имени. Поэтому половины изъ 12 оваловъ идутъ отъ середины въ противоположныя стороны. Т. к. шалуфская надпись читается справа налѣво, а масхутская слѣва направо и т. к. сохранились куски только отъ правыхъ половинъ обѣихъ плитъ, то уцѣлѣвшія имена первой приходятся на конецъ списка, а второй—на начало. Къ сожалѣнію, обѣ эти надписи даже вмѣстѣ не даютъ цѣлаго списка. Эль-масхут-

1) См. м. нр. *Menant*, La stèle de Chalouf. Recueil etc. IX, 131—157. *Daressy*, Revision des textes de la stèle de Chalouf. Ibid XI, 160—171.

2) Т. обр. здѣсь своеобразно видоизмѣнена традиціонная египетская манера, помѣщавшая зубчатые овалы (символь укрѣпленныхъ городовъ), придѣланными къ пояснымъ изображеніямъ связанныхъ плѣнниковъ. Въ данномъ случаѣ это не столько списокъ воеванныхъ мѣстъ, сколько перечень подвластныхъ странъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ Персія, Мидія и другія иранскія области, изображать которыя въ видѣ связанныхъ враговъ было бы несообразностью. Интересенъ приемъ, къ которому прибѣгло здѣсь, и только здѣсь, египетское искусство.

ская даетъ возможность прочесть почти всю первую половину (11 именъ) и первыя два имени второй половины; шалуфская сохранила всего 6 именъ второй половины: два первыхъ, тождественныхъ съ уцѣлѣвшими въ масхутской, и 4 послѣднихъ. Т. обр., совершенно пропало 7 именъ. Въ общемъ, какъ доказалъ В. С. Голенищевъ, этотъ іероглифическій списокъ близокъ къ накши-рустемскому ¹⁾, допускающая, впрочемъ, и отступленія: напр., Индія въ послѣднемъ занимаетъ 13-е мѣсто, т. е. почти послѣднее въ первой половинѣ, въ іероглифической-самое послѣдне, 24-е.

По счастью, въ числѣ уцѣлѣвшихъ именъ на эль-масхутской стѣлѣ оказалось на 12-мъ мѣстѣ, т. е. послѣднимъ въ первой половинѣ «*Sk ph sk t'*, что можетъ быть переведено: «Страна Саковъ, достигающая предѣла земли», то есть граничащая съ краемъ свѣта. ²⁾ Такимъ образомъ, несомнѣнно, что египетскій авторъ заимствовалъ въ данномъ случаѣ для обозначенія Скивовъ персидскій этнографическій терминъ, не справляясь со своей туземной номенклатурой, если таковая слѣдила въ это время за этнографіей сѣвера ³⁾.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что содержимое скивскаго овала египетской надписи имѣетъ въ виду «Сака, что по ту сторону моря», хотя они и занимаютъ 24 мѣсто въ накши-рустемскомъ спискѣ, а мѣсто, соотвѣтствующее нашему овалу, приходится въ немъ на «остроконечныя шапки». Подобныя перестановки возможны и, какъ мы

¹⁾ Но онъ древнѣе. Очевидно, уже въ то время существовалъ официальный списокъ, сообщенный египетскому іерограммату, но почему то не помѣщенный въ клинописныхъ версияхъ. Или самимъ египтянамъ льстило видѣть своего «фараона» повелителемъ 24, б. ч. невѣдомыхъ дотолѣ странъ?

²⁾ Имѣется въ виду «страна Сака», т. к. изображенъ опредѣлительный знакъ страны, слѣд. «Скивія».

³⁾ Отсутствие историческаго текста о походѣ Псаметиха I въ Сирію и его столкновения со скивами лишаетъ насъ возможности рѣшить этотъ вопросъ; я склоненъ думать, что мы и здѣсь встрѣтили бы какой нибудь архивный традиціонный терминъ, вродѣ «Хетта» и т. п.

знаемъ, не единичны. Т. обр. въ іероглифической надписи Дарія I, увѣковѣчивающей прорытіе канала отъ Нила къ Черному морю, упомянута заморская Скиѳія, весьма вѣроятно, южная Россія.

Не считая здѣсь возможнымъ останавливаться на самой длинной и интересной, хотя и дошедшей въ обломкахъ, іероглифической надписи, какъ не относящейся къ нашей темѣ, не можемъ не задать себѣ вопроса, изъ какихъ круговъ она вышла и кто могъ быть ея авторомъ. Она не переводъ клинообразныхъ версій, ея стиль и фразеологія чисто египетскія. Очевидно, «фараона Интаріуаша» прославляетъ природный египетскій іерограмматъ и, конечно, наиболѣе искусный въ этомъ дѣлѣ. Надпись начинается цвѣтистымъ и столь характернымъ для египетской царской надписи славословіемъ царя и его божественнаго происхожденія: «Дарій, рожденный богиней Нейтъ, владычицей Саиса... владыка вселенной, обтекаемой солнцемъ. Когда онъ былъ во чревѣ матери, и еще не являлся на землѣ, Нейтъ признала его своимъ сыномъ..., простерла ему свою руку съ лукомъ для поверженія враговъ его, какъ это сдѣлала она для своего сына Ра»... Несомнѣнны саисскія традиціи и ясна рука саисскаго жречества. А если такъ, то кто же другой могъ быть авторомъ нашей надписи и единственнаго пока упоминанія Скиѳіи въ іероглифической письменности, какъ не знаменитый «египетскій Езра», саисскій верховный жрецъ и глава саисской медицинской школы, «духовникъ» Камбиза въ египетскихъ религіозныхъ дѣлахъ, Уджа-Гор-ресентъ, статуя съ автобіографіей котораго украшаетъ ватиканскій музей? Вѣдь онъ посвящалъ Камбиза въ мистеріи Нейтъ и составлялъ для него (конечно и для Дарія) фараоновскую титулатуру, онъ же былъ командированъ Даріемъ изъ Сузъ, гдѣ находился при его особѣ, для реставраціи саисской медицинской школы и храма, подъ сѣнью котораго она процвѣтала.

Б. Тураевъ.

Постановленія трехъ Виленскихъ сѣздовъ 1587 года.

Литовско-Русскій сѣздъ эпохи послѣ Люблинской Уни принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ явленій политической жизни Великаго Княжества Литовскаго. Въ немъ Княжество имѣло органъ, выражающій желанія, требованія и волю цѣлаго Литовско-Русскаго «панства». Великое Княжество Литовское времени послѣ 1569 года знало два вида Литовско-Русскихъ сѣздовъ. Первый изъ нихъ собирався передъ вальными сеймами и имѣлъ цѣлью сведеніе требованій отдѣльныхъ повѣтовъ, представляемыхъ ими со своихъ предсеймовыхъ сеймиковъ на «сполный» Польско-Литовскій сеймъ, и выработку общихъ требованій всего Литовско-Русскаго «панства» и общихъ дѣйствій его представителей на предстоящемъ сеймѣ. Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ остановиться на происхожденіи этого предсеймоваго сѣзда, или «головнаго сеймика», какъ онъ назывался въ отличіе отъ сеймиковъ повѣтовыхъ, и мы должны на настоящихъ страницахъ ограничиться лишь указаніемъ на его существованіе. Въ годы до введенія въ дѣйствіе статута 1588 года мѣстомъ собраній «головнаго сеймика» Княжества былъ Волковыйскъ, повѣтовый центръ одного изъ повѣтовъ Новгородскаго воеводства ¹⁾).

¹⁾ Такъ, въ артикулахъ III-го статута. представленныхъ Виленскимъ сѣздомъ 1584 года для сообщенія на предсеймовые повѣтовые сеймики, читаемъ: «... на вси тые речи, вышей описаные, яко будеть намовеньє въ поветехъ, абы передъ прышлымъ соймомъ

Статутъ 1588 года переноситъ «головный сеймикъ» въ Слонимъ ¹⁾, бывший центромъ другого повѣта того же Новгородскаго воеводства. Восьмой артикуль третьяго раздѣла статута 1588 года устанавливаетъ, что Слонимскій съѣздъ долженъ собираться за двѣ недѣли передъ каждымъ вальнымъ сеймомъ и продолжаться «водле часу и потребы», съ такимъ, однако, расчетомъ, чтобы его участники не опоздали на сеймъ. Составъ Слонимскаго предсеймоваго съѣзда: паны-рада и земскіе повѣтовые послы Великаго Княжества Литовскаго. Статутъ опредѣляетъ и цѣли, ради которыхъ Литовско-Русскіе представители на предстоящемъ сеймѣ съѣзжаются въ Слонимъ. Эти цѣли: выработка единства «умысловъ» и соглашеніе инструкцій ²⁾, которыя везутъ на Польско-Литовскій сеймъ земскіе послы сеймиковъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго.

Предсеймовый «головный сеймикъ» являлся, такимъ образомъ, съѣздомъ сеймовыхъ представителей Литовско-Русскихъ, обязаннымъ собираться, согласно закону, передъ

принесено до Волковыйска, кгдажь въ Слониме зъездъ новымъ статутомъ еще не есть ствержонный, а, тамъ намовившысе сполне и згодне, на съеймъ до его к[о]р[о]левско[е] милости ку стверженью принести се». Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. 135 об.

¹⁾ III ст., III, 8.

²⁾ »А догажаючи тому, абы послове земьскіе усихъ земель Великаго Князства Литовскаго въ справахъ и потребахъ земскихъ могли згодными намовами и умысла на сеймъ великій пріеждьчати, за чимъ бы сѣ и на сойме потребы речи посполитое безъ великаго затрудненья снадней и спешней отправовали, про то уставуемъ, ижъ передъ кождымъ соймомъ великимъ валнымъ за две недели мають вси станы того паньства Великаго Князства, такъ панове рада ихъ милость, яко и послове земьскіе, зъездъ свой волный мети у Слониме, и тамъ, знесши въ посродокъ себе инструкции всихъ земель и поветовъ, мають межы себе намовы спольные въ милости братерской о всихъ потребахъ земскихъ чинити, приводечи се до одного слушнаго зрозуменья и уваженья речей ку доброму речи посполитое, за чимъ бы вжо на великомъ вальномъ сойме порадней и спешней справы и потребы речи посполитое становити и отправовати се могли». III ст., III, 8.

каждымъ вальнымъ сеймомъ ¹⁾. Но рядомъ съ этимъ видомъ сѣздовъ, тѣсно связаннымъ съ Польско-Литовскимъ вальнымъ сеймомъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ существовалъ другой видъ Литовско-Русскихъ сѣздовъ, собиравшихся не въ качествѣ собраній подготовительныхъ для сейма, а въ значеніи собраній совершенно самостоятельныхъ. Въ богатое крупными событіями въ жизни Княжества царствованіе Стефана Баторія имѣемъ рядъ такихъ Литовско-Русскихъ сѣздовъ. Въ 1577 году былъ созванъ королемъ сѣздъ въ Волковыйскѣ, который, какъ и Польскіе главные сеймики ²⁾, долженъ былъ установить поборъ на военныя нужды: Польскіе главные сеймики сдѣлали это для Польши, Волковыйскій сѣздъ—для Великаго Княжества Литовскаго ³⁾. Такимъ образомъ, созывъ Литовско-Русскаго

¹⁾ По словамъ Скржетускаго (*X. Wincenty Skrzetuski S. P., Prawo polityczne narodu Polskiego. I. Warszawa 1782. Str. 239*), послѣдній генеральный сеймъ Великаго Княжества Литовскаго собрался въ 1685 году. Но уже въ инструкцію Берестейскаго сеймика посламъ на сеймъ 1666 года внесено порученіе стараться на предстоящемъ сеймѣ о томъ, чтобы Слонимскій сѣздъ былъ восстановленъ «lege et usu», такъ какъ онъ бывалъ «non sine fructu»— на немъ повѣтовые послы «miedzy sobą instructie in gravioribus, z wojewodztw y powiatów dane, zwykli byli confrontować, a oraz sensum suum de republica znosić, przez co tym łacniey sprawu rzczyzpospolitey na seymach swoje ułaczenie mieli» (А. Вил. III, стр. 381). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что уже въ шестидесятихъ годахъ XVII столѣтія Слонимскій главный сеймикъ не собирался.

²⁾ Великопольскій (въ Колѣ), Малопольскій (въ Корчинѣ), Мазовецкій (въ Варшавѣ).

³⁾ Объ этихъ сеймикахъ см. *И. И. Лаппо*, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія, томъ первый (СПБ. 1901), стр. 158—168. Постановленіе Волковыйскаго сѣзда, датированное 17-мъ іюля 1577 года,— А. Вил. III, стр. 271—277. Инструкція посламъ этого сѣзда къ королю—Лит. Метр. $\frac{1 \text{ A}}{60}$ л. л. 154 об.—163 об. («Инъструкцыя ихъ м[и]л[ос]ти пановъ радъ, врадниковъ столовыхъ дворъныхъ, князей, пановъ, маршалковъ, старость и всихъ пословъ з воеводства и поветовъ Великаго Князства Литовьскаго, на зезде Волковьскомъ будучыхъ, до короля его милости, г[оспо]д[а]ра нашего, по-

съѣзда въ 1577 году не былъ чѣмъ либо выдѣляющимъ Княжество въ ряду остальныхъ земель соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Король Стефанъ, нуждаясь въ деньгахъ на усмиреніе Гданска и на борьбу съ татарами и не созывая сейма для вотированія побора, обратился къ главнымъ сеймикамъ частей соединенной Речи Посполитой за постановленіемъ этого побора съ обывателей, которыхъ представители соберутся на этихъ съѣздахъ, сдѣлающихъ отдѣльныя постановленія о поборѣ для большихъ составныхъ частей государства вмѣсто одного общаго, которое принадлежало исключительно компетенціи вальнаго сейма.

Но, созданный для вотированія побора на общія нужды соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой, Волковый съѣздъ 1577 года отдѣлилъ свои постановленія отъ постановленій съѣздовъ Польши. Онъ «уфалилъ» податокъ съ земель Литовско-Русскихъ на наемъ войска исключительно «ку потребамъ того самого панства, Великаго Княжества Литовскаго, а не на што иного» ¹⁾. Послѣдующіе Литовско-Русскіе съѣзды, созданные Стефаномъ Баторіемъ, не только занимаютъ дѣлами и нуждами исключительно Великаго Княжества Литовскаго, но и созываются безъ одновременнаго созыва главныхъ сеймиковъ Польши. 18 іюля 1578 года изъ Львова были выданы Баторіемъ универсалы о созывѣ съѣзда Великаго Княжества Литовскаго въ Вильнѣ ²⁾, 16 марта 1580 года изъ Городны—о созывѣ Литовско-Русскаго съѣзда въ Вильнѣ же ³⁾. Въ январѣ 1582 года

слозь, ку его к[о]р[о]левской] милости отъ всихъ насъ выправленнымъ, то естъ ихъ м[и]л[о]сти] пану Войтеху Девилтовъскому, секретару его к[о]р[о]левское] м[и]л[о]сти], подкоморому Ковеньскому, а пану Мартину Стравинскому, тивуну и городничому Троцкому, даная». Дата: Волковыйскъ, 18 іюля 1577 года).

¹⁾ А. Вил. III. Стр. 273.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{60}$ л. л. 220 об.—221 об.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. л. 3—3 об.

засѣдалъ съѣздъ Княжества въ Волковыйскѣ ¹⁾, въ мартѣ 1584 года—въ Вильнѣ ²⁾. Два послѣднихъ съѣзда занимались дѣломъ составленія III-го статута. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года вмѣстѣ съ панами-радою, земскими урядниками и повѣтовыми послами Великаго Княжества Литовскаго находился и самъ король Стефанъ.

Таковы были виды съѣздовъ Литовско-Русскихъ, собиравшихся въ первыя два десятилѣтія послѣ заключенія Люблинской Уніи, въ тѣ годы, когда соединенная Польско-Литовская Речь Посполитая имѣла на своемъ престолѣ господаря. Въ эпохи безкоролевій, конечно, съѣзды Великаго Княжества Литовскаго получали особое значеніе: на нихъ выражали свою волю и дѣлали постановленія Литовско-Русскіе станы, не имѣя надъ собою «звирхности господарской». Созываемые въ эпохи безкоролевій съѣзды такъ же, какъ и съѣзды въ годы царствованій, собирались или въ связи съ Польско-Литовскими сеймами, или совершенно независимо отъ созыва послѣднихъ. Познакомить читателя съ постановленіями Литовско-Русскихъ съѣздовъ, собиравшихся въ 1587 году, въ эпоху безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Стефана Баторія, и имѣть свою задачу настоящая замѣтка.

12 декабря 1586 года въ Городнѣ умеръ король Стефанъ, застигнутый смертью на 54-мъ году своей славной жизни ³⁾. На 2-е февраля 1587 года былъ созванъ въ Варшаву сеймъ еще именемъ Стефана Баторія ⁴⁾, но за

¹⁾ А. Вил. VII. Стр. 179—182. Тотъ же документъ находится въ рукописной книгѣ Библиотеки Главнаго Штаба—Acta Historiczne № 2901, XI. Дата постановленія: Волковыйскъ, 21 января 1582 года.

²⁾ Пересказъ постановленія этого съѣзда—*И. И. Лаппо*, ор. с., стр. 199—205.

³⁾ Описаніе послѣднихъ часовъ жизни Стефана Баторія см. въ листѣ королевскаго секретаря Юрія Хякора—*Juliana Ursyna Niemcewicza Podróże Historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte* (Paryż i Petersburg 1858), стр. 351—356.

⁴⁾ Господарскіе листы по созыву этого сейма и сеймиковъ передъ нимъ, выданные въ Великое Княжество Литовское—Лит. Метр.

смертью короля онъ, конечно, не могъ состояться. Польско-Литовская Речь Посполитая вступила въ безъкоролье. Великое Княжество Литовское ожидало собранія обычныхъ предсеймовыхъ сеймиковъ, назначенныхъ, согласно II-му статуту ¹⁾, за четыре недѣли до предстоящаго сейма ²⁾, когда узнало о смерти своего господаря. Въ Польшѣ стали собираться Коронные съѣзды. Малая Польша поспѣшно устроила съѣздъ въ Краковѣ и уже 27 декабря 1586 года завязала каптуровую конфедерацию подъ предводительствомъ Краковскаго бискупа Петра Мышковскаго и Краковскаго воеводы Андрея Тенчинскаго ³⁾. Съѣзды обывателей другихъ Польскихъ частей соединеннаго государства не замедлили послѣдовать примѣру Малой Польши. Великое Княжество Литовское также должно было обсудить создавшееся положеніе дѣлъ и выработать постановленія, которыя должны были обезпечить Литовско-Русскія земли отъ опасностей безъкоролья, внутреннихъ и внѣшнихъ.

29 января 1587 года «до мѣста столечного Виленскаго» собрались «рады духовныя и свѣцкія, княжата, панята, вадники земскіе и дворные и послове земскіе зо всихъ воеводствъ и повѣтовъ, и все рыцарство, обыватели того панства, Великаго Князства Литовскаго и земли Жомоитское» ⁴⁾.

Этотъ съѣздъ сдѣлалъ рядъ постановленій, которыя «вси вобецъ, отъ вышшого ажъ до ни[з]шого стану, задержати и выполнити обѣцали и обовезали». Постановленія эти касаются четырехъ вопросовъ первостепеннаго государственнаго значенія: разновѣрства, суда, обороны и скарба. По первому изъ этихъ вопросовъ съѣздъ постановилъ, «съ своей моцы, водлугъ своея власности», сохранить въ полной силѣ «конфедерацию, черезъ короли» Генриха и Стефана «поприсежоную». Это извѣстный актъ Варшавской

¹⁾ II ст., III, 5.

²⁾ Сеймики въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ были назначены на 2 января 1587 года.

³⁾ *Józef Szujski. Dzieje Polski. Tom III (W Krakowie 1894). Str. 128.*

⁴⁾ Постановленія этого съѣзда—А. Вил. III, стр. 310—319.

конфедерации 28 января 1573 года, обезпечивающей свободу совѣсти разновѣрцамъ ¹⁾, внесенный и въ готовый уже къ концу царствованія Стефана Баторія текстъ III-го Литовскаго статута ²⁾. Что касается отправленія правосудія, то январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года установилъ чрезвычайные повѣтовые суды, которые должны были замѣнить собою обычные суды повѣтовъ, т. е. земскіи, градскій и подкоморскій. Послѣдніе не могли дѣйствовать въ години безкоролевій, такъ какъ для ихъ функционированія требовалась «звирхность господарская», которой не было уже со смертью господаря. Поэтому обычные повѣтовые суды въ эпохи безкоролевій должны были замѣняться во всѣхъ земляхъ Польско-Литовской Речи Посполитой судами чрезвычайными или каптуровыми, какъ они обычно назывались ³⁾. Виленскій съѣздъ устанавливаетъ такой составъ этихъ судовъ для Литовско-Русскихъ повѣтовъ: 1) составъ градскаго суда повѣта ⁴⁾, 2) повѣтовый подкоморій, 3) судья, подсудокъ и писарь земскаго повѣтоваго суда. Дѣятельность этого чрезвычайнаго суда, который сливается въ своемъ составѣ урядниковъ всѣхъ обычныхъ судовъ повѣта, должна начаться съ марта 1587 года, и каждый мѣсяцъ онъ долженъ отсуживать свои «рочки». Передъ началомъ своей дѣятельности весь составъ чрезвычайныхъ судовъ долженъ принести присягу по тексту присяги судей земскихъ. Если кто-либо изъ членовъ чрезвычайнаго суда не явится на первые «рочки» и не пожелаетъ присягнуть, то на его мѣсто шляхта повѣта избираетъ въ члены этого суда осѣлаго въ повѣтѣ шляхтича, который и приноситъ

¹⁾ Volumina Legum II (Petersburg 1859). Str. 124.

²⁾ III ст., III, 3.

³⁾ О каптуровыхъ судахъ Польши см. *Oswald Baizer, Początek sądów kapturowych (Studia nad prawem Polskiem. Poznań 1889. Str. 267—285).*

⁴⁾ Т. е. самъ воевода (въ центральныхъ повѣтахъ) или староста судовый (въ остальныхъ повѣтахъ), а въ ихъ отсутствіи ихъ градскіе урядники «присяглые».

требуемую присягу ¹⁾). Виленскій съѣздъ отдаетъ въ руки этого суда дѣла всѣхъ обычныхъ повѣтовыхъ судовъ ²⁾ и дѣлаетъ рядъ постановленій, обеспечивающихъ быстрое отправленіе правосудія и приведеніе въ исполненіе приговоровъ учрежденнаго чрезвычайнаго суда, который долженъ отправлять свои сессіи во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго за исключеніемъ Берестейскаго воеводства. Послы послѣдняго заявили на съѣздѣ, «иждъ при своемъ постановеніи порядку въ воеводствахъ своемъ, зъ стороны справедливости учиненного, зоставають». По отношенію къ Литовско-Русскому трибуналу январскій Виленскій съѣздъ 1587 года дѣлаетъ такое постановленіе: трибуналъ Княжества продолжаетъ свою дѣятельность, если и въ Польшѣ «теперь, въ небытности короля его милости, суды трибунальскіе сужоны будутъ»; если же въ Польшѣ трибуналъ прекратитъ свои засѣданія вплоть до начала новаго царствованія, то же самое должно быть сдѣлано и трибуналомъ Литовско-Русскимъ ³⁾).

Покончивъ съ двумя вопросами, которые особенно настойчиво требовали вниманія Литовско-Русскихъ становъ для охраны внутренняго спокойствія Княжества, т. е. разно-

¹⁾ Отъ присяги освобождаются лишь сенаторы. Ср. *И. И. Лаппо*, *op. cit.*, стр. 836.

²⁾ Съѣздъ говоритъ о передачѣ въ руки чрезвычайнаго суда дѣлъ, подлежащихъ какъ «суду кгородскому, яко и земскому». Этимъ передаются чрезвычайному суду и дѣла суда подкоморскаго, такъ какъ, согласно II-му статуту, подкоморій разсматриваетъ граничныя дѣла «за одосланьемъ отъ суду земскаго». II ст., IV, 70.

³⁾ Земля Жомойтская въ это время еще не присоединилась къ остальнымъ землямъ Великаго Княжества Литовскаго по подсудности Литовско-Русскому трибуналу, учрежденному въ 1581 году, и потому Виленскій съѣздъ по отношенію къ ней дѣлаетъ спеціальное постановленіе: «а иждъ земля Жомойтская, на тотъ часъ трибуналу не маючи, способъ отправованья судовъ собѣ тамъ въ земли Жомойтской постановили, при которомъ они зоставають, на томъ теперешнемъ зъѣздѣ то собѣ варовали, абы вмѣсто апелляціи до трибуналу шкрутинія имъ шла въ тыхъ рѣчахъ, въ которыхъ право посполитое и уфалы соймове позволяють».

вѣрствомъ и отправленіемъ правосудія, постановленія январьскаго Виленскаго сѣзда 1587 года переходятъ къ организациі обороны отъ внѣшнихъ враговъ и къ организациі сбора доходовъ земскаго скарба со столовыхъ земель. Въ общемъ на границахъ Литовско-Русскихъ серьезныхъ опасностей въ данную минуту не было, но необходимо было считаться съ возможностью ихъ возникновенія. Поэтому сѣздъ постановилъ позаботиться о боевой готовности украинскихъ (пограничной полосы) замковъ на случай опасности отъ Москвы. Въ этихъ замкахъ должны быть усилены гарнизоны наемныхъ войскъ, «водле зданья» польнаго гетмана Княжества, который ихъ вѣдаетъ по своему уряду. Если же во время безкоролья на Великое Княжество Литовское будетъ двинуто войско «отъ непріятеля котораго жъ кольвекъ заграничнаго», то всѣ обыватели Княжества, со всѣхъ имѣній и державъ, выставляютъ свои «почты» и сами лично становятся въ земскомъ военномъ рушеньѣ по призыву великаго Литовскаго гетмана ¹⁾. Съ обезпеченіемъ обороны связаны и заботы сѣзда о скарбовыхъ доходахъ—этими доходами оплачивается наемъ войска и приведеніе въ боевую готовность пограничныхъ укрѣплений. Всѣ «врадники добръ господарскихъ», постановляетъ сѣздъ, должны «до середыпостя пришлого» представить земскому подскарбію Княжества «вси провента и доходы, скарбу земскому належачіе», подъ страхомъ наказанія смертью и конфискаціи имущества. На тотъ же срокъ должны передать и повѣтовые поборцы не переданные еще депутатамъ «пѣнези поборовые земскіе», подъ страхомъ такого же наказанія. Отчетъ депутатовъ, принимающихъ поборовыя деньги отъ повѣтовыхъ поборцевъ, долженъ имѣть мѣсто на предстоящемъ передъ королевскою елекцію Литовско-Русскомъ сѣздѣ.

¹⁾ Въ землѣ Жомойтской призываетъ къ рушенью не великій гетманъ, а староста Жомойтскій. Жомойтъ и въ этомъ дѣлѣ подчеркнула сознаніе своего особаго положенія въ составѣ земель Великаго Княжества Литовскаго.

Таково содержаніе постановленій январьскаго Виленскаго сѣзда 1587 года. Скрѣпленныя печатями и подписями его участниковъ, эти постановленія должны получить силу и быть введены въ дѣйствіе немедленно. Для осуществленія этого, послѣ вписанія настоящихъ постановленій въ Виленскія городскія книги, «съ тыхъ книгъ выписы подъ печатью кгородскою Виленскою [въ] каждое воеводство и повѣтъ взято для отправанья тыхъ судовъ быти маеть». Январскій Виленскій сѣздъ закончилъ свои занятія, а событія стали быстро развиваться, выдвигая свои вопросы какъ для всей соединенной Речи Посполитой, такъ и для Великаго Княжества Литовскаго, въ его особыхъ стремленіяхъ и задачахъ. Мы не станемъ слѣдить за этими событіями. Наша задача лишь познакомить читателя съ постановленіями Литовско - Русскихъ сѣздовъ этого времени, собиравшихся въ Вильнѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1587 года. Эти постановленія сохранены государственнымъ архивомъ Княжества, т. е. Литовскою Метрикой.

2-го октября 1587 года въ Вильнѣ собрались «рады духовные и светскіе, такъ же и все рыцерство Великаго Князства Литовскаго, со всихъ воеводствъ и поветовъ». Сѣздъ собрался «за обвѣщенемъ и обосланемъ черезъ листы» Литовско-Русскихъ сенаторовъ и шляхты, бывшихъ на Варшавскомъ елекціонномъ сеймѣ. Октябрскій Виленскій сѣздъ 1587 года объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе о совершенномъ частью Поляковъ на елекціонномъ сеймѣ избраніи на престолъ двухъ господарей, съ нарушеніемъ договора Уніи и противъ воли представителей Княжества 1).

1) «Ознаймуемъ всимъ вобецъ, кому того ведати належить, ижъ што на прошломъ сойме елекции Варшавское въ року осмъдесять семомъ надъ право, волности и списы Унеи отъ многихъ пановъ радъ и части рыцерства Корунного, безъ зезволена и ведомости иныхъ пановъ радъ и рыцерства Короны Полское и всихъ становъ рыцерства Великаго Князства Литовскаго, двухъ пановъ меновано, обрано и публиковано, о чомъ всемъ шырей и достаточней есть описано и доложено на протестацци, которую некоторые панове рада и все рыцерство Великаго Князства Литовскаго а не-

Виленскій съѣздъ, видя нарушеннымъ договоръ Уніи съ Польшею и считая возможнымъ «въ речи посполитой кровопролите», озабоченъ сохраненіемъ единомыслія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, столь необходимаго для спасенія «милое отчизны». «Незгода и розерванье» грозятъ и Княжеству: въ землѣ Жомоитской и въ Берестейскомъ воеводствахъ нѣкоторые «панове-рада и тежъ особы» начинаютъ дѣйствовать, не считаясь съ выработкою общаго для цѣлаго Княжества отношенія къ происходящимъ событіямъ. Виленскій съѣздъ писалъ къ нимъ свои листы, призывая къ единенію. Писалъ онъ и «до пановъ Поляковъ», требуя соблюденія договора Уніи; если они коронуютъ новаго короля безъ согласія Княжества, «тогда бы то все противозвязку Уніи и присежене свое чинили, зачимъ бы ламане правъ и волностей нашихъ было, до чого нижли быхмо мели дочекать, мели бысмо горлъ и маетностей своихъ позбыть». Виленскій съѣздъ писалъ не только къ панамъ-радѣ Короннымъ, но и къ обоимъ «номинатамъ», т. е. избраннымъ господарямъ, прося, чтобы ни одинъ изъ послѣднихъ не пріѣзжалъ въ Польшу, а если пріѣдетъ, то «абы се короновать не далъ безъ позволенія» обывателей Великаго Княжества Литовскаго ¹⁾. Чтобы это «позволене» было дано по общему согласію всего Княжества, настоящій съѣздъ созываетъ новый съѣздъ въ Вильнѣ же на 8-е ноября. На этомъ послѣднемъ предположены слѣдующіе предметы занятій: 1) обсужденіе всѣхъ дѣлъ, «которые добраго речи посполитое належать», а также «и што се кольвекъ зъ волностей» Княжества «выступило и въ нихъ нарушило на править и, п[а]ну пришлому до присеги подавши, о выко-

которые тежъ панове рада и часть рыцарства Коронного учинили, што на универсалехъ до всихъ воеводствъ и поветовъ Великаго Князства Литовскаго зъ Варшавы зъ прошлаго сойму елекци отъ ихъ милости пановъ радъ Великаго Князства Литовскаго розослано».

¹⁾ Текстъ этихъ листовъ къ Сигизмунду и Максимилиану—Лит. Метр. $\frac{1 \text{ A}}{65}$ л. 238 об.

нане просить»; 2) обезпеченіе земскаго скарба Княжества такъ, чтобы впредь обывателей Княжества «не долежали для недостатку его серебъщизны и податки жадные»; 3) назначеніе на всѣ вакантные земскіе и дворные уряды Княжества заслуженныхъ Литовско-Русскихъ обывателей, которыхъ долженъ будетъ потомъ признать назначенными новый господарь; 4) обсужденіе «застановеня и змоцненя перемиря» съ Москвою, «черезъ ихъ милость пановъ радъ некоторыхъ у Варшаве зостановленого»,—это перемиріе должно быть закрѣплено присягою новаго господаря передъ его коронованіемъ; 5) отправленіе правосудія, о которомъ «многіе зъ стану шляхетского з розныхъ воеводствъ и поветовъ припоминане чинили». Всѣ эти свои постановленія октябрьскій Виленскій съѣздъ 1587 года изложилъ въ своемъ универсалѣ по Княжеству, датированномъ 11-мъ октября 1587 года ¹⁾).

Созванный этимъ съѣздомъ новый съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго собрался въ Вильнѣ 8 ноября 1587 года, въ день, который и былъ для него назначенъ. Главнымъ вопросомъ, на которомъ долженъ былъ остановиться этотъ съѣздъ, конечно, было положеніе дѣль, созданное избраніемъ на престолъ Речи Посполитой «двухъ пановъ», Австрійскаго эрцгерцога Максимилиана и Шведскаго королевича Сигизмунда. Къ этимъ кандидатамъ «именемъ всея речи посполитое Великаго Князства Литовскаго» выправлено посольство, состоящее изъ пяти сенаторовъ и двадцати представителей «кола рыцерскаго» Княжества, для переговоровъ съ кандидатами на престолъ по инструкціи, данной съѣздомъ. Посольство это получило право «становить то все именемъ Великаго Князства Литовскаго». На 30-е декабря 1587 года съѣздъ назначилъ собраніе сеймиковъ во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ для выбора повѣтовыхъ пословъ. Въ случаѣ извѣщенія отъ посольства,

¹⁾ Этотъ универсалъ, котораго содержаніе нами изложено въ текстѣ,—Лит. Метр. $\frac{1 \text{ A}}{65}$ л. л. об. 236—238.

посланнаго къ кандидатамъ въ Польшу, эти повѣтовые послы должны немедленно, съ неограниченными полномочіями, ѣхать въ Берестье ко дню, назначенному выше указаннымъ посольствомъ. Такимъ образомъ составится новый съѣздъ для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ избраніемъ новаго господаря. На случай надобности ноябрьскій Виленскій съѣздъ 1587 года постановляетъ военное рушенье всѣхъ обязанныхъ нести земскую службу обывателей Княжества, по призыву Литовскаго великаго гетмана. Собравшееся земское войско Княжества должно будетъ «рушитисе и тегнути» противъ всякаго врага «отчизны», а также «и на подпартье которога кандыдата, была бы того потреба». Съѣздъ далѣе подтверждаетъ извѣстное уже намъ постановление о каптуровыхъ судахъ, сдѣланное январскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года, и требуетъ приведенія его въ дѣйствіе тамъ, гдѣ эти суды еще не дѣйствуютъ. Конечно послы, отправленные въ Польшу Княжествомъ, и сопровождающіе ихъ слуги освобождены отъ суда на время своего путешествія. «На страву» этимъ посламъ Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу съѣздъ постановилъ податокъ «со всихъ подданныхъ всякихъ добръ господарскихъ» Княжества, и державцы этихъ «добръ» должны передать его до начала 1588 года земскому Литовскому подскарбію съ отчетомъ его сбора. За неуплату этого податка державцы подлежатъ строгой, опредѣленной съѣздомъ отвѣтственности. Но требуетъ заботы и обезпеченіе «мѣста столечнаго» Княжества, Вильны, какъ Литовско-Русскаго центра. Виленскій воевода Криштофъ Радивиль вошелъ въ составъ посольства, отправленнаго въ Польшу. На его «местцу воеводскомъ», въ виду возможныхъ осложненій, нужно оставить авторитетнаго замѣстителя. Таковымъ былъ избранъ съѣздомъ земскій подскарбій Княжества Теодоръ Скуминъ, которому и по его уряду подскарбія необходимо пребывать въ Вильнѣ; но, въ случаѣ появленія «небезпечности» для Княжества или Вильны, Виленскій воевода извѣщается Скуминымъ, и «волно его ми-

лости съ того поселства отехати», т. е. вернуться въ Вильну ¹⁾).

Таковы постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года. Содержаніе ихъ даетъ несомнѣнно цѣнный матеріаль для общей исторіи Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху безкоролья 1586—1588 годовъ. Оно еще важнѣе для изученія Литовско-Русскаго съѣзда, какъ явленія государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху послѣ заключенія Люблинской Уніи 1569 года.

И. Лаппо.

¹⁾ Постановленія ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года—
Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. л. 242 об.—244.

Герцогъ де-Лиріа и его проэктъ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи.

Посольскія донесенія «дюка Лирійскаго»—одинъ изъ общеизвѣстныхъ источниковъ по русской исторіи. Не разъ были использованы эти донесенія изслѣдователями преимущественно для бытовой и внутренней политической исторіи. Уже ихъ издатель, свящ. К. Кустодіевъ, однако, хорошо понималъ значеніе издаваемого имъ памятника и для исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи съ европейскими державами; его изданіе снабжено очень удачнымъ въ этомъ отношеніи введеніемъ и соотвѣтствующими примѣчаніями. Выясняя политическое значеніе миссіи герцога де-Лиріа, о. Кустодіевъ лишь мимоходомъ упомянулъ о тѣхъ переговорахъ торговаго характера, которые велись де-Лиріа во время его пребыванія въ Россіи, главнымъ образомъ съ Остерманомъ, хотя и указалъ, что главной цѣлью миссіи де-Лиріа при петербургскомъ дворѣ—было именно заключеніе «прямого торговаго трактата съ Россіей на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ таковой былъ заключенъ съ Австріей ¹⁾». О. Кустодіевъ не остановился на вопросѣ о томъ, въ какомъ соотношеніи между собою стояли двѣ стороны—политическая и торговая—миссіи представителя Испаніи въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Въ самихъ донесеніяхъ де-Лиріа извѣстія о его переговорахъ торговаго характера довольно отрывочны, что, впрочемъ, опять-таки,

¹⁾ «Осн. Вѣкъ» изд. П. Бартенева, т. II, стр. 6, прим. 7 и 13.

быть можетъ, результатъ того, что передъ нами—не цѣликомъ напечатанный источникъ, но лишь выдержки изъ него. Какъ бы то ни было, эти извѣстія обрываются на концѣ царствованія Петра II и не встрѣчаются уже въ тѣхъ донесеніяхъ, которыя писалъ де-Лиріа за время своего дальнѣйшаго, весьма кратковременнаго, пребыванія въ Россіи послѣ вступленія на престолъ Анны Іоанновны.

А между тѣмъ, эти переговоры—другая сторона дипломатической миссіи де-Лиріа, органически связанная съ его переговорами чисто политическаго характера, переговорами, имѣвшими какъ извѣстно, очень большое значеніе и привлекавшими къ себѣ вниманіе современнаго дипломатическаго міра. Работая въ свое время въ датскомъ Государственномъ Архивѣ въ Копенгагенѣ надъ вопросами, относящимися къ исторіи внѣшней политики Россіи въ началѣ XVIII вѣка, пишущему эти строки посчастливилось найти документъ, который, при сопоставленіи съ другими данными, помогаетъ, повидимому, уяснить себѣ ту связь, какая существовала между обѣими указанными сторонами миссіи де-Лиріа. А это, въ свою очередь, подводитъ къ вопросу—о взаимоотношеніи между внѣшней и торговой политикой Россіи за данное время.

Въ январѣ 1729 г. въ лейденскихъ газетахъ былъ опубликованъ текстъ торговаго договора, якобы заключеннаго между Россіей и Испаніей. Это извѣстіе обратило на себя вниманіе датскаго правительства, и, отвѣчая на его запросъ по этому поводу, датскій посолъ при русскомъ дворѣ Вестфаленъ сообщалъ, что подобный трактатъ еще не заключенъ, но что де-Лиріа, дѣйствительно, послалъ въ Мадридъ проэктъ, касающійся, главнымъ образомъ, учрежденія въ Россіи испанскаго консульства: если этотъ проэктъ осуществится, то это, конечно, вредно отразится на торговыхъ интересахъ Голландіи и Гамбурга. Со слѣдующей своей депешей отъ 24 (13) февр. 1729 г. Вестфаленъ посылаетъ въ копіи и самый текстъ проэкта. Это—доку-

ментъ по-французски, озаглавленный: «Project du duc de Liria pour établir un consulat espagnol en Russie, dont l'objet seroit d'entretenir la flotte espagnole à beaucoup moindre frais qu'elle n'a coutée jusqu'icy ¹⁾». Авторъ этого проэкта—вопросъ о принадлежности его самому де-Лирія оставляемъ пока открытымъ — задаваясь прежде всего вопросомъ о болѣе дешевой доставкѣ матеріаловъ для испанскаго флота, развиваетъ при этомъ цѣлый планъ установленія непосредственныхъ торговыхъ отношеній между Россіей и Испаніей путемъ учрежденія въ Россіи испанскаго консульства. Всѣ товары и припасы, необходимые для флота, какъ-то: строевой и мачтовый лѣсъ, холстъ, канаты, пенька, смола, и т. п., идутъ въ Испанію въ сыромъ видѣ изъ Россіи, но проходятъ черезъ руки голландскихъ и гамбургскихъ купцовъ. Въ силу цѣлага ряда накладныхъ расходовъ, главнымъ образомъ, таможенныхъ, не всегда добросовѣстно взимаемыхъ, въ чемъ повинны какъ чиновники, такъ и находящіеся часто въ стачкѣ съ ними сами представители фирмъ, цѣны всѣхъ названныхъ товаровъ, пока они дойдутъ до Испаніи, вздуваются вдвое («cent pour cent de plus, qu'elles ne coutent en Russie»). Этого можно было бы избѣжать учрежденіемъ должности особеннаго повѣреннаго—съ титуломъ консула, комиссара или агента все равно—и двухъ его помощниковъ: одного въ Петербургѣ, другого въ Архангельскѣ. Мѣстопробываніе самого «консула» зависѣло бы отъ того, гдѣ будутъ дѣлаться главныя закупки. Главное складочное мѣсто, во всякомъ случаѣ, удобнѣе устроить не въ Петербургѣ, но въ Архангельскѣ, несмотря на то, что вывозныя пошлины для этого порта на $2\frac{1}{2}$ % больше; тамъ за то дешевле нагрузка, тамъ легче зафрахтовать голландскія и гамбургскія суда для непосредственной доставки товаровъ въ Испанію ²⁾; плаваніе по Сѣверному

¹⁾ Копенгагенъ; Гос. Арх., Relat. aus Russland 1729—30. См. «Приложеніе».

²⁾ Въ концѣ авторъ, однако, оговаривается, что лучше, по возможности, обойтись безъ посредничества голландцевъ и гамбургцевъ, которые, конечно, постараются дискредитировать новое пред-
пріятіе

морю безопаснѣе Балтійскаго и, идя изъ Архангельска, суда избѣгаютъ необходимости уплачивать зундскую пошлину, Кредитъ консулу удобнѣе всего открыть на Амстердамъ. Далѣе авторъ проэкта перечисляетъ тѣ товары, закупка которыхъ въ Россіи и по ихъ дешевизнѣ, и по доброкачественности была бы для Испаніи выгодна. Это—мачтовый лѣсъ, пенька, ленъ, пеньковая и льняная пакля, щетина, холстъ, полотно, веревки, смола, сало, масло, доски и строевой лѣсъ и, наконецъ, сибирское желѣзо. Почти для всѣхъ этихъ товаровъ дается разцѣнка, и приводятся вывозныя таможенныя ставки. О качествѣ товаровъ авторъ проэкта отзывается съ большою похвалою и старается при этомъ разсвѣять у испанскаго правительства предубѣжденіе противъ русскихъ товаровъ, оставшееся послѣ того, какъ отправленные въ 1725 г. изъ Россіи товары въ Испанію оказались дурного качества ¹⁾). Адмиралъ Крюкъ, по его словамъ, норвежецъ по происхожденію, но голландецъ по крови («*norvegien de naissance, mais hollandois par le sang*»), которому была поручена отправка этихъ товаровъ, подкупленный голландцами, нарочно нагрузилъ будто бы суда старьемъ и бракомъ, на что тогда же негодовали иностранные купцы, бывшіе въ то время въ Москвѣ. Для осуществленія предлагаемаго проэкта лучше всего заключить контрактъ съ русскимъ адмиралтействомъ въ Петербургѣ, договорившись заранѣе о цѣнѣ и качествѣ товаровъ и о срокѣ ихъ доставки: голландцы, тѣмъ самымъ, будутъ лишены возможности вздуть цѣны по своимъ соображеніямъ, а адмиралтейство, конечно, при такихъ условіяхъ, создастъ цѣлый рядъ облегченій при снаряженіи судовъ.

Какое мѣсто занимаетъ этотъ проэктъ въ тѣхъ переговорахъ торговаго характера, которые велъ въ Россіи герцогъ де-Лирія? Кого можно считать авторомъ этого проэкта? Почему этотъ проэктъ не осуществился? Для отвѣта на всѣ эти вопросы вспомнимъ, при какихъ усло-

¹⁾ Объ этой отправкѣ см. В. А. Уляницкій. Русскія консульства за границей въ XVIII вѣкѣ. М. 1899, стр. 145—154.

віяхъ имѣло мѣсто посольство герцога де-Лирія въ Россію и въ какомъ отношеніи стояла его миссія къ тѣмъ переговорамъ торговаго характера, которые еще до этого велись между Россіей и Испаніей.

Международныя европейскія отношенія въ исходѣ 20 хъ гг. XVIII столѣтія обусловливались, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, тѣми вопросами, которые частью были выдвинуты съ новою силою на очередь, частью остались неразрѣшенными послѣ войны за Испанское наслѣдство и въ которыхъ были заинтересованы прежде всего Австрія, Испанія и Англія. Къ срединѣ 1725 года между двумя первыми изъ этихъ державъ былъ заключенъ мирный и союзный договоръ (30 апрѣля), скрѣпленный одновременно съ этимъ торговымъ трактатомъ (1-го мая), что и привело къ образованію между ними такъ называемаго «вѣнскаго союза». Сложившаяся довольно неожиданно, эта комбинація была, какъ извѣстно, результатомъ тѣхъ дипломатическихъ происковъ, душою которыхъ были супруга испанскаго короля Филиппа V, королева Елизавета изъ дома Фарнезе и испанскій представитель при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Риперда; стараніями названныхъ лицъ испанская политика временно была сведена съ пути сближенія съ Франціей и Англіей, какого она держалась до этого времени, и направилась по пути отдѣльнаго соглашенія съ ихъ противникомъ, Германскимъ Императоромъ. Торговая война съ Англіей и возстановленіе древняго права испанскихъ королевъ на исключительную торговлю въ Новомъ Свѣтѣ, изгнаніе англичанъ изъ Гибралтара, подготовка въ будущемъ соединенія Испаніи и Франціи, неосуществившаяся послѣ войны за Испанское наслѣдство, династическій переворотъ въ Англіи и реставрація династіи Стюартовъ, словомъ, возвращеніе къ грандіознымъ планамъ Карла V и традиціямъ Филиппа II, revanche новому англійскому могуществу со стороны Испаніи, не забывшей Великую Армаду и только что пережившей позоръ Утрехтскаго мира, таковъ былъ размахъ этихъ происковъ.

На встрѣчу имъ шла династическая политика императора Карла VI, видѣвшаго удобный случай лишній разъ заручиться признаніемъ прагматической санкціи. Признаніе послѣдней со стороны Испаніи, уступчивость со стороны Австріи въ вопросѣ объ итальянскихъ владѣніяхъ и создали почву для новаго австро-испанскаго соглашения, формально не выходившаго изъ предѣловъ оборонительнаго союза, но по существу сразу внесшаго въ международныя отношенія угрожающія ноты. Противовѣсомъ «вѣнскому союзу» явился заключенный вскорѣ послѣ этого такъ называемый «ганноверскій союзъ», въ который вошли Англія, Пруссія, Франція и, нѣсколько позднѣе, Голландія. Въ силу самого положенія вещей ганноверское соглашение должно было конечно, принять прежде всего анти-испанскую окраску. Не надо, однако, забывать, что вѣнскій союзъ покрывалъ собою не только испанскіе происки, осуществленіе которыхъ было еще очень гадательнымъ дѣломъ, но и такія вождельнія австрійской политики, которыя въ данный моментъ затрогивали непосредственные интересы морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, игравшихъ руководящую роль въ ганноверскомъ соглашеніи. И такимъ пунктомъ была прежде всего торговая политика габсбургской монархіи. Еще въ іюнѣ 1722 г. императоромъ Карломъ VI былъ подписанъ статутъ новой торговой компаніи въ австрійскихъ Нидерландахъ (въ Остенде), чѣмъ наносился серьезный ущербъ торговымъ интересамъ Англіи и Голландіи. Въ связи съ открытіемъ порто-франко въ Триестѣ и Фіуме, хлопотами о возстановленіи торговли черезъ Бреславль съ Украиною, перспективами установленія транзита черезъ Россію съ Китаемъ и среднеазіатскими владѣніями, этотъ фактъ получалъ далеко немаловажное значеніе, въ глазахъ Англіи и Голландіи, во всякомъ случаѣ не меньшее, чѣмъ вопросъ о прагматической санкціи. Реставраціонные планы Испаніи, осужденные на несбыточность и непрочность, какъ всякая реставрація, шли рука объ руку съ попыткой созданія цѣлой новой системы тор-

говыхъ путей и сношеній, выходящихъ далеко за предѣлы европейскаго міра, попыткою, исходъ которой предсказать заранѣе было нелегко. «Вѣнскій союзъ» былъ нуженъ не только Испаніи, но и самой Австріи ¹⁾; расширить объемъ этого соглашения было въ прямыхъ интересахъ габсбургской политики. И дѣйствительно, мы видимъ, что Австрія, по мѣрѣ того какъ готовится ея соглашеніе съ Испаніей, все внимательнѣе и внимательнѣе начинаетъ относиться къ предложеніемъ о союзѣ, шедшимъ въ это время со стороны Россіи.

Эти послѣднія предложенія обусловливались соображеніями, имѣющими весьма мало общаго съ происками испанской политики. Закрѣпивъ результаты Сѣверной войны и Ништадтскаго мира союзомъ со Швеціей, русское правительство къ 1724 г. переходитъ, какъ извѣстно, къ осуществленію въ всемъ ея объемѣ своей новой балтійской программы, намѣтившейся и опредѣлившейся въ значительной степени во вторую половину войны. Предъявляемое къ Даніи требованіе объ освобожденіи русскихъ судовъ отъ уплаты зундской пошлины и примиреніе съ Англіей, съ которой у насъ были прерваны съ 1720 г. дипломатическія сношенія, лежали въ основѣ этой программы; борьба съ англійскимъ вліяніемъ и стремленіе найти ему

¹⁾ § III союзнаго договора 30 апрѣля 1725 г. обезпечивалъ свободный входъ во всѣ испанскія гавани судамъ Германскаго Императора и его подданныхъ «*cujuscunqve Nationis Imperatori subjectae sint*», оговорка, въ которой нельзя не видѣть прямого намека на Остендскую компанію. По этому же § всѣ подданные Императора пользовались въ испанскихъ владѣніяхъ привилегіями наиболѣе дружественныхъ державъ «*uti Galli hacusque fuerunt et Angli adhuc sunt*». Торговый договоръ 1-го мая т. г. былъ ничѣмъ инымъ, какъ детальнымъ опредѣленіемъ этихъ привилегій. Наконецъ, по § IV союзнаго договора Австрія и Испанія обѣщали другъ другу помогать въ случаѣ, если бы корабли одной изъ нихъ подвергались враждебному нападенію. Текстъ обоихъ договоровъ—у *Dumont, Corps diplomatique universelle. (La-Haye, MDCCXXX, vol. VIII, p. 2).*

противовѣсъ входили въ нее скорѣе по тактическимъ соображеніямъ даннаго момента. Эти соображенія, наряду съ другими, заставляли теперь искать сближенія и съ Австріей. До анти-англійскихъ происковъ, во вкусѣ испанской дипломатіи, ставившей себѣ принципіальною цѣлью крушеніе англійскаго политическаго и торговаго могущества, отсюда было еще очень далеко ¹⁾). Вотъ почему, идя на встрѣчу другъ другу, Россія и Австрія въ своихъ переговорахъ о союзѣ во многихъ отношеніяхъ долго оставались на различныхъ точкахъ зрѣнія. Для Австріи—возможно тѣснѣе связать новое союзное соглашеніе съ своимъ союзнымъ и торговымъ договоромъ съ Испаніей; для Россіи—привлечь Австрію къ своей балтійской и восточной ²⁾ политикѣ, не впутываясь въ испанскія «дальности».

Вскорѣ послѣ заключенія австро-испанскаго договора, остававшійся въ то время, за отъездомъ гр. Кинскаго, австрійскій секретарь посольства Гохгольцеръ, продолжая начатые уже переговоры о союзѣ Россіи съ Австріей, заговорилъ теперь и о присоединеніи Россіи къ австро-испанскому союзу. Въ такомъ же духѣ были даны вскорѣ послѣ этого инструкціи вновь назначенному полномочнымъ посломъ въ Россію гр. Рабутину и находившемуся въ Стокгольмѣ гр. Фрейтагу. На состоявшейся же 1 февраля 1726 г. конференціи австрійскаго министерства, когда было приступлено къ выработкѣ текста будущаго договора, заранѣе подчеркивалась необходимость оговорить присоединеніе Россіи не только къ австро-испанскому союзу, но и торговому договору. Въ такомъ духѣ и былъ составленъ первоначальный австрійскій проектъ бу-

¹⁾ О всемъ этомъ подробнѣе въ изслѣдованіи автора настоящей статьи «Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ Ништадтскаго мира» (Спб. 1907).

²⁾ Интересы восточной политики играли, быть можетъ, еще большую роль въ рѣшеніи вопроса о союзѣ съ Австріей въ 1726 г., чѣмъ интересы политики балтійской. Этотъ вопросъ, какъ не входящій въ задачи настоящей статьи, оставляется здѣсь совершенно въ сторонѣ.

душаго союзнаго договора, представленный въ февралѣ 1726 г. Гохгольцеромъ русскому правительству ¹⁾. Ко всѣмъ этимъ «новымъ» австрійскимъ предложеніямъ въ С.-Петербургѣ отнеслись, однако, очень сдержанно. Сдержанно была встрѣчена уже самая мысль объ «акцессіи» Россіи къ австро-испанскому договору. Сдѣланное при этомъ указаніе на то, что подобная мысль не встрѣтитъ сочувствія въ Швеціи, не было, повидимому, простою отговоркою: въ Швеціи къ этому времени и безъ того уже было трудно бороться съ нарастающимъ англійскимъ вліяніемъ. Можно думать, вообще, что одною изъ причинъ подобной сдержанности была черезчуръ опредѣленная стюартистская окраска испанской политики. Еще менѣе встрѣчало сочувствія предложеніе присоединиться къ австро-испанскому торговому договору, что, очевидно, повлекло бы за собою защиту правъ Остендской компаніи и вообще поддержаніе австрійской и испанской торговой политики въ ея цѣломъ. И снова тутъ приходится вспомнить, какъ во время своего дипломатическаго разрыва съ Англіей русское правительство не разъ подчеркивало свое благожелательное отношеніе къ торговавшимъ въ Россіи англійскимъ фирмамъ. Всѣ эти колебанія и сомнѣнія русскаго правительства по поводу «новыхъ» австрійскихъ предложеній опредѣленно были формулированы Остерманомъ въ его мнѣніи, заслушанномъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 20 февраля 1726 г., которое являлось какъ бы отзывомъ на тѣ свѣдѣнія, которыя сообщалъ по этому вопросу изъ Вѣны Ланчинскій.

¹⁾ О «новомъ» въ предложеніяхъ Гохгольцера послѣ заключенія австро-испанскихъ договоровъ—въ рескриптѣ Ланчинскому въ Вѣну отъ 18 сент. 1725 г. (Москов. Арх. М. Ин. Д. Дѣла Австрійскія 1725 г. № 3). Инструкція гр. Рабутину и гр. Фрейтагу—Вѣна; Госуд. Арх., R. 12 в. 1725 г.—Протоколъ конференціи 1 февраля 1726 г. (участ. пр. Евгений Савойскій, Синцендорфъ, Шенборнъ, Штаренбергъ и Виндишгрець).—*ibid.* 13 в. 1726 г. Первоначальный австрійскій проектъ договора—въ Дѣлахъ Австрійскихъ 1726 г. № 12 (въ предложеніяхъ къ рескриптамъ Ланчинскому).

Указывая, что присоединеніе къ пунктамъ встро-испанскаго договора, касающимся торговли, можетъ создать затруднительное положеніе въ случаѣ, если англичане и голландцы будутъ захватывать корабли Остендской компаніи, Остерманъ совѣтовалъ избѣгать слова «акцессія», и предлагалъ ограничиться гарантіей всѣхъ цесарскихъ «владѣній» «по заключенному съ Гишпаніею миру». Мнѣніе это было принято, и въ такомъ духѣ 22 февраля былъ посланъ рескриптъ Ланчинскому ¹⁾.

Переговоры о союзѣ съ Австріей, дѣйствительно, закончились въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ компромиссомъ: 17 апр. 1726 г. Австрія, безъ своей союзницы Испаніи, присоединилась къ русско-шведскому договору 1724 г.; 6 авг. т. г. Россія, независимо отъ Швеціи, вступивъ въ союзъ съ Австріей, приступила по этому союзу къ австро-испанскому договору 30 апрѣля 1725 г. безъ упоминанія о торговомъ трактатѣ 1 мая. Самое упоминаніе объ «акцессіи» было редактировано при этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что гарантію Россіей стро-испанскаго договора

¹⁾ Мнѣніе Остермана, заслушанное въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 20 февраля—Москов. Ар. М. Ин. Д. Дѣла Австрійскія 1726 г. № 3. Рескриптъ 22 февраля Ланчинскому — тамъ же. Уже послѣ заключенія русско-австрійскаго договора Остерманъ въ совѣщаніи съ Рабутинымъ, происходившимъ у него на дому 25 мая 1726 г., настаивалъ на томъ, что Россіи никакъ нельзя гарантировать австро-испанскій торговый договоръ, такъ какъ этотъ послѣдній имѣетъ въ виду прежде всего Остендскую компанію, не признанную Голландіей: его гарантія сразу придастъ новому союзу наступательный характеръ, что вредно отразится на торговыхъ интересахъ Россіи (ibid. Дѣла Австрійскія 1726 г. № 10). 25 января Ланчинскому былъ посланъ рескриптъ, въ которомъ ему предписывалось не вступать ни въ какіе переговоры съ прибывшими въ Вѣну «якобитомъ» лордомъ Вартономъ: «понеже сіе дѣло—чужее» (тамъ же 1726 г. № 3). Какъ бы въ отвѣтъ на это австрійскіе министры указывали Ланчинскому, что Россія можетъ получать серебро непосредственно изъ Испаніи (сообщеніе о его конференціи 17 іюля съ пр. Евг. Савойскимъ, Штаренбергомъ, Синцендорфомъ и Шенборномъ—при его реляціи 25 іюля 1726 г.—Дѣла Австрійскія 1726 г. № 6).

можно было истолковывать прежде всего и главнымъ образомъ, какъ гарантію лишь цесарскихъ наслѣдственныхъ владѣній» ¹⁾). Свою задачу, поскольку эта задача касалась ея торговыхъ интересовъ, Австрія, такимъ образомъ, не могла считать вполне удачно выполненной. На подмогу ей выступаетъ теперь ея союзница, очагъ анти-англійскихъ происковъ, Испанія. Эта подмога и выразилась въ миссіи де-Лиріа.

Современные иностранные дипломаты, бывшіе въ это время въ Россіи, вполне опредѣленно смотрѣли на миссію де-Лиріа, какъ на продолженіе австрійской политики 1726 г., съ такой энергіей проводимой въ свое время гр. Рабутинымъ. Лефортъ и Вестфаленъ, Маньянъ и Кампредонъ въ одинъ голосъ говорятъ за-одно о де-Лиріа и преемникѣ Рабутина, гр. Вратиславѣ, выгодно оттѣняя дипломатическія способности перваго сравнительно съ его австрійскимъ colleg'ю. Такъ же смотритъ на это, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его донесенія, и самъ де-Лиріа. Съ этой точки зрѣнія уясняется и тотъ пунктъ его инструкции, которымъ ему предписывалось хлопотать о заключеніи торговаго договора съ Россіей. Этотъ договоръ долженъ былъ быть заключенъ «на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ таковой былъ заключенъ съ Австріей». Это заключеніе прямого торговаго договора съ Россіей было, очевидно, теперь какъ бы новымъ шагомъ все въ томъ же

¹⁾ «... Того ради Ея Всероссийское Величество приступаетъ къ мирному трактату, въ 30 день апрѣля 1725 года Его Цесарскимъ Католическимъ Величествомъ и Пресвѣтлѣйшимъ Католическимъ Величествомъ Филипомъ Пятымъ въ Вѣнѣ заключенному, и содержаніе онаго или гарантію во всѣхъ его артикулахъ или кондиціяхъ не иначе и съ тѣмъ же обязательствомъ, яко бы тотчасъ съ начала онаго трактата участницею и договаривающаяся была и оное въ разсужденіи всѣхъ государствъ и провинцій и отъ Его Цесарскаго Величества нынѣ владѣемыхъ Ему и Его Сукцесорамъ по содержанію 12 артикула чрезъ сей миръ подтвержденныхъ, приѣмлетъ и исполнять обѣщаетъ». § II (П. С. З. № 4946).

направленіи—добиться отъ С.-Петербургскаго двора принятія договора 1 мая 1726 г., о чемъ такъ безуспѣшно хлопотала въ 1726 г. сама Австрія, на невозможность чего указывалъ Остерманъ Рабутину уже послѣ заключенія русско-австрійскаго союза. Въ 1725—26 гг. Австрія восприняла въ свою политическую программу испанскіе реставраціонныя происки, посмотрѣла на нихъ, какъ на свое дѣло. Теперь Испанія радѣла на пользу монархіи Габсбурговъ и прежде всего ея коммерческихъ интересовъ.

Когда де-Лирія прибылъ въ Россію, общее положеніе дѣлъ въ Европѣ успѣло, однако, уже значительно измѣниться. Въ маѣ 1727 г. скончалась императрица Екатерина I, чьи голштинскія симпатіи придавали русской политикѣ такую сильную агрессивную окраску. Въ іюнѣ того же года послѣдовала и смерть англійскаго короля Георга I, и послѣ его смерти англійское правительство, видимо, стало податливѣе къ мысли о примиреніи съ Россіей. Съ другой стороны, еще въ мартѣ Швеція примкнула къ Ганноверскому союзу. Силы вѣнскаго союза начали слабѣть. Къ лѣту послѣдовало паденіе Риперды; испанская политика начала принимать новый курсъ, и не полагаясь по прежнему на цесаря, Мадридскій дворъ не прочь былъ, повидимому, мирнымъ образомъ столкнуться со своими противниками. Союзъ съ Россіей при такихъ условіяхъ терялъ для Испаніи свою прежнюю настоятельность. Такъ начинается смотрѣть на этотъ вопросъ мало по малу и самъ де-Лирія; относясь отрицательно къ мысли о политическомъ союзѣ съ Московскимъ царемъ, онъ, по прежнему, однако, и теперь отстаиваетъ мысль о заключеніи прямого торговаго договора. Въ его письмѣ отъ 13 іюня 1727 г. изъ Вѣны къ архіепископу Амида читаемъ: «Двѣ важныя новости получили мы здѣсь одна за другою: о смерти царицы и объ утвержденіи въ Парижѣ предварительныхъ условій мира.... Эти двѣ перемѣны утверждаютъ меня въ мысли, что въ Московіи вовсе не нуженъ посланникъ: говорю не потому, чтобы я не хотѣлъ ѣхать туда, но бесполезенъ расходъ, который для этого дѣлается»

королемъ нашимъ государемъ. Московія намъ нужна только въ войнѣ съ англичанами. Въ этомъ случаѣ московиты не только могутъ доставить намъ громадную помощь диверсіей, какую они могутъ сдѣлать въ Германіи, и слѣдовательно, отвлечь съ этой стороны наибольшую силу нашихъ враговъ, но они также достаточно сильны въ случаѣ нужды перенести войну внутрь самой Англій. Но во время мира союзъ ихъ бесполезенъ; *годится развѣ только относительно торговли, изъ которой мы можемъ извлечь большія выгоды. И для этой послѣдней цѣли, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, надо заключить торговый трактатъ, обдумавъ его зрѣло и съ людьми, знающими, какъ его сдѣлать, и какія выгоды можетъ извлечь изъ него наша монархія* ¹⁾. Мысль о торговомъ договорѣ съ Россіей не покидаетъ, такимъ образомъ, де-Лирія даже и теперь, послѣ того какъ онъ разстался уже въ значительной степени съ принципами политики «вѣнскаго союза». Взгляды, получившіе въ свое время выраженіе въ данной де-Лирія инструкціи, получаютъ теперь въ только что приведенныхъ его словахъ нѣкоторую оговорку. Вопросъ о торговомъ соглашеніи Россіи и Испаніи отдѣляется отъ непосредственныхъ задачъ общей австро-испанской политики. Вспомнимъ при этомъ, что вопросъ о заключеніи прямого торговаго договора между Россіей и Испаніей имѣлъ, какъ извѣстно, къ тому времени свои прецеденты, не имѣющіе ничего общаго съ австро-испанской политикой 1725—26 годовъ.

Исторія предшествующихъ переговоровъ, имѣвшихъ своею цѣлью установленіе непосредственныхъ торговыхъ отношеній между Россіей и Испаніей, въ достаточной степени освѣщена В. А. Уляницкимъ въ его трудѣ о русскихъ консульствахъ ²⁾. Къ этимъ переговорамъ сводилось, въ сущности говоря, все содержаніе русско-испанскихъ дипломатическихъ сношеній съ того момента, когда эти сно-

¹⁾ «Осм. Вѣкъ» кн. II стр. 18—19.

²⁾ В. А. Уляницкій. Русскія консульства за границею въ XVIII вѣкѣ. М. 1899 г. т. I, стр. 110 и слѣд.

шенія начали принимать мало-мальски правильный характеръ. Уже съ 1715 г. начинаютъ ходить слухи о установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между обѣими странами, что должно было создать какъ бы противовѣсъ тому исключительному значенію, какое играли въ русской внѣшней торговлѣ англичаніе и голландцы, при чемъ однимъ изъ лицъ, сочувствующихъ подобной мысли, называли Шафировъ. Та форма, въ какой въ 1717 г. кн. Борисъ Куракинъ попытался завязать непосредственныя дипломатическія сношенія между Россіей и Испаніей, какъ бы подтверждала эти слухи. Упомянувъ, въ разговорѣ съ испанскимъ посломъ въ Гаагѣ, что «донынѣ съ ихъ стороны переписка упущена», кн. Б. Куракинъ замѣтилъ, что установленіе подобной переписки будетъ пріятно царю и что «взаимное сихъ государствъ сношеніе не малый принесетъ плодъ обѣимъ націямъ *въ коммерціи*». При назначеніи въ Мадридъ перваго русскаго резидента (кн. С. Дм. Голицына) торговыя соображенія точно также играли видную роль, а одновременно съ этимъ было учреждено и русское консульство въ Кадиксѣ. Характерно и то, что когда въ февралѣ 1726 г. кн. С. Д. Голицынъ былъ отозванъ изъ Испаніи на его мѣсто былъ опредѣленъ коммерціи совѣтникъ кн. Ив. Андр. Щербатовъ, устраивавшій передъ этимъ кадикское консульство.

Въ связи со всѣми этими правительственными мѣропріятіями со стороны самого западно-европейскаго купечества замѣчаются попытки осуществить на дѣлѣ непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ Испаніей, что, въ свою очередь, подводитъ правительственныя сферы къ мысли о заключеніи между Россіей и Испаніей торговаго трактата. Въ сентябрѣ 1723 г. кадикскій купецъ Симонъ Bregante проситъ себѣ особыхъ привилегій, соглашаясь въ такомъ случаѣ отправить въ Россію 3 корабля съ товарами и уже въ ноябрѣ того же года испанскій уполномоченный Франческо Арчелли подаетъ Петру Великому записку о заключеніи торговаго договора. Въ январѣ 1724 г. вполнѣ разрабо-

танный проект подобнаго договора былъ представленъ Голицыну въ Мадридѣ статсъ-секретаремъ Франческо Перрата, и съ этого времени переговоры о заключеніи торговаго трактата идутъ не прерываясь вплоть до того момента, когда Испанія въ своихъ сношеніяхъ съ Россіей выступила поборницей интересовъ «вѣнскаго союза»¹⁾. Поручая герцогу де-Лиріа хлопотать какъ о политическомъ, такъ и о торговомъ союзѣ съ Россіей испанское правительство давало лишь новую постановку старому вопросу; теперь оно покрывало имъ агрессивныя цѣли какъ своей собственной политики, такъ и политики своей союзницы—Австріи.

Въ Мадридѣ, такимъ образомъ, тѣснѣ связывали теперь вопросъ о торговомъ союзѣ, съ вопросомъ о союзѣ политическомъ. Въ свою очередь самъ де-Лиріа, усумнившись къ срединѣ 1727 года въ желательности подобной постановки вопроса и возвращаясь къ мысли о необходимости заключенія съ Россіей одного лишь торговаго договора, возвращалъ тѣмъ самымъ русско-испанскіе переговоры на тотъ путь, съ какаго они временно уклонились въ силу общаго измѣненія въ направленіи испанской политики за это время. Мысль о заключеніи съ Россіей одного торговаго договора, помимо какихъ бы то ни было политическихъ соображеній, дѣйствительно, могла найти теперь себѣ почву въ тѣхъ общихъ надеждахъ, какія начали возлагаться на торговлю съ Россіей и черезъ Россію послѣ того, какъ эта послѣдняя вступила въ болѣе тѣсныя и правильныя сношенія со своими западными сосѣдями и въ особенности послѣ смерти Петра Великаго, когда, казалось, само русское правительство не прочь было создать для иностранной торговли въ предѣлахъ русскаго государства болѣе льготныя условія. Предшествующія русско-испанскіе переговоры подготовили детальную разработку вопроса о торговомъ трактатѣ какъ въ смыслѣ его содержанія, такъ и въ смыслѣ аргументаціи въ пользу его. Условія даннаго

¹⁾ Всѣ эти данныя—изъ В. А. Уляницкаго loc. cit.

момента благопріятствовали новому оживленію этого вопроса. Все это вмѣстѣ взятое и привело къ возникновенію того проэкта, который былъ посланъ де-Лиріа въ Испанію съ начала 1729 г., и о которомъ писалъ своему правительству Вестфаленъ. Мы знакомы съ содержаніемъ этого проэкта. Вспомнимъ то направленіе, какое принимаетъ русская торговая политика послѣ смерти Петра Великаго и сопоставимъ съ этимъ отдѣльныя данныя о торговыхъ переговорахъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ съ Россіей за это время. Это поможетъ намъ уяснить вопросъ о происхожденіи и возникновеніи интересующаго насъ проэкта.

Въ своихъ заботахъ о развитіи русской внѣшней торговли Петръ Великій старался, какъ извѣстно, привлечь къ этой торговлѣ само русское купечество, принимавшее въ ней до того времени болѣе, чѣмъ скромное участіе, и искусственно стягивалъ эту торговлю ко вновь приобретеннымъ гаванямъ на Балтійскомъ морѣ въ ущербъ Архангельску. Такова была, между прочимъ, и цѣль таможеннаго тарифа 1724 г., носившаго во многихъ отношеніяхъ почти запретительный характеръ, но создававшаго льготныя условія для русской фрахтовой торговли и устанавливавшаго болѣе высокія таможенныя ставки для Архангельска, что должно было окончательно убить вывозную торговлю, и безъ того уже значительно подорванную указами 1721 года. Какъ на характерную черту торговой политики Петра Великаго, надо указать, кромѣ того на его систему государственныхъ монополій, оставлявшую исключительно въ рукахъ правительства цѣлый рядъ отдѣльныхъ торговыхъ отраслей. Такъ на примѣръ, почти исключительно въ рукахъ самого правительства фактически сосредоточивалась при Петрѣ Великомъ вся наша торговля съ Китаемъ. Эта система государственныхъ монополій, очевидно, должна была во многихъ случаяхъ итти въ разрѣзъ съ только что указанными заботами правительства объ активномъ участіи во внѣшней торговлѣ русскаго купечества. Былъ ли тарифъ 1724 г. такимъ ужъ «ножомъ въ горло» (*eine coup-gorge*) для всего иностран-

наго купечества въ Россіи, какимъ его характеризуетъ Мардефельдъ ¹⁾, сказать трудно; главными скупщиками китайскихъ товаровъ привозимыхъ съ казеннымъ караваномъ въ Европейскую Россію до конца царствованія Петра Великаго оставались, повидимому, англійскія, голландскія и гамбургскія фирмы.

Послѣ смерти Петра Великаго въ нашей торгово-промышленной политикѣ начинается реакція противъ крайняго протекціонистическаго направленія и системы государственныхъ монополій; эта реакція нашла себѣ выраженіе въ дѣятельности учрежденной въ началѣ 1727 г. «комисіи о комерціи» подѣ предсѣдательствомъ Остермана. Убѣдившись, что отъ высокихъ тарифныхъ ставокъ, въ концѣ концовъ—«ни пошлинъ, ни народной пользы» ²⁾, комиссія внесла рядъ частичныхъ измѣненій въ тарифъ 1724 г., значительно понизившихъ отдѣльныя тарифныя ставки, что являлось какъ бы подготовкою къ новому, болѣе либеральному тарифу, который и былъ изданъ позднѣе въ 1733 г. Такъ пошлина съ вывозимой за-границу льняной и пакольной пряжи была понижена съ 37%₀ на 5%₀ ³⁾.

Одновременно съ этимъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ, отмѣнявшихъ ограничительныя постановленія относительно торговли черезъ Архангельскъ. Еще въ маѣ 1726 г., въ виду истеченія контракта съ иноземцемъ Мееромъ, продажу и покупку смолы у архангельскаго порта было приказано отдать въ вольный торгъ. Въ Январѣ 1727 г. былъ разрѣшенъ невозбранно вывозъ товаровъ изъ Архангельска съ нѣкоторыми, однако, оговорками; такъ вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ лишь для хлѣба «изъ Вятской провинціи и которые города по Двинѣ и Сухонѣ и по р. Вычегдѣ, который хлѣбъ тѣхъ городовъ въ уѣздѣ родится, а не при-

¹⁾ Его реляція 9 іюня 1725 г. (Берлинъ, Гос. Арх.).

²⁾ Слова указа 25 мая 1727 г. о позволеніи отпускать за границу пакольную и льняную пряжу. (П. С. З. № 5080).

³⁾ П. С. З. № 5080.

возной изъ другихъ городовъ». Правда, одновременно съ этимъ внутренняя пошлина (съ товаровъ, привозимыхъ изъ внутреннихъ областей государства для вывоза) была понижена въ С.-Петербургѣ съ 5⁰/₀ на 3⁰/₀, а въ Архангельскѣ повышена съ 5⁰/₀ на 7⁰/₀. Но уже 11 ноября 1727 г. послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій отпускъ во всѣ города Имперіи привозимыхъ къ Архангельску иностранныхъ товаровъ ¹⁾. Одновременно съ этимъ государство начало постепенно отказываться отъ своей роли монополиста въ восточной торговлѣ. Въ іюнѣ 1727 г. былъ разрѣшенъ «вольный торгъ» бывшими до того заповѣдными товарами, какъ то собольей рухлядью, китайскимъ золотомъ и серебромъ, и ревенемъ (для двухъ послѣднихъ—съ нѣкоторыми ограниченіями) ²⁾. Еще въ мартѣ т. г. были восстановлены торговья сношенія съ Хивою и Бухарою ³⁾. Наконецъ надо отмѣтить, что еще со второй половины 1725 г. были введены нѣкоторыя таможенныя облегченія для товаровъ, слѣдовавшихъ черезъ Россію транзитомъ. Такъ въ этомъ году съ товаровъ, провозимыхъ Армянскою компаніею изъ Персіи для отпуска за море и съ «нѣмецкихъ» товаровъ для Персіи постановлено брать лишь 3⁰/₀-ную пошлину при отпускѣ и ввозѣ и была отмѣнена пошлина въ Москвѣ и Астрахани. Съ 1727 г. это постановленіе было распространено и на русское купечество ⁴⁾.

Иностранный дипломатическій міръ въ Россіи внимательно присматривался ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ новый курсъ русской торгово-промышленной политики могъ, повидимому, сильнѣе, чѣмъ петровскія запретительныя мѣры, отразиться на томъ исключительномъ положеніи, какое удалось до сихъ поръ сохранить за собою англичанамъ и голландцамъ. Ущербъ, который могла понести англійская и голландская торговля, учитывался

¹⁾ П. С. З. № 4883, 5000 и 5200.

²⁾ П. С. З. № 5110.

³⁾ П. С. З. № 5045.

⁴⁾ П. С. З. №№ 4745 и 2086.

другими націями, и державы, принимавшія до сихъ поръ второстепенное участіе въ торговомъ оборотѣ Россіи, спѣшатъ теперъ воспользоваться этимъ въ своихъ выгодахъ ¹⁾. Видное мѣсто среди этихъ попытокъ занимаютъ и тѣ попытки, которыя дѣлались въ то время со стороны Австріи. Еще при жизни Петра Великаго Австрія хлопотала о возстановленіи такъ называемой «Бреславльской» или «Силезской торговли», торговаго пути черезъ Кіевъ и Бреславль, закрытаго въ 1714 г. ²⁾. Теперь, когда создавались болѣе благоприятныя условія для транзита черезъ Россію на Востокъ, возстановленіе означеннаго пути получало для Австріи особое значеніе. Хлопотать объ этомъ было поручено и гр. Рабутину, и его преемнику гр. Вратиславу. Вмѣстѣ съ ними дважды пріѣзжалъ въ это время въ Россію, все по тому же поводу, совѣтникъ Гартунгъ, и еще при жизни гр. Рабутина по его порученію было составлено два проекта возстановленія силезской торговли: одинъ Симономъ Михелемъ, бывшимъ нѣсколько позднѣе русскимъ торговымъ агентомъ въ наслѣдственныхъ австрійскихъ земляхъ, другой—лицомъ, по словамъ Рабутина,

¹⁾ Die grosse Commission, welche wegen Prosperirung der Commercij versamlt und wovon d. fh. v. Ostermann Praeses ist, hat verschiedene Veränderung im Tarif gemacht. Auch ist der Handel nach China nicht mehr privative von den Kayser allein, sondern einem jeden gegen 5 pro cento, frey gegeben worden, welcher, wann er recht in Flor gebracht werdem könnte, denen Holländern einen Considerable Abbruch thun würde (Реляц. Мардефельда 25 сент. 1727 г. въ Прусскомъ Государств. Архивѣ). Прусское правительство, хлопотавшее въ это время со своей стороны, о поставкѣ прусскаго сукна въ русскую армію, зорко слѣдило, какъ это видно изъ инструкцій Мардефельду, за всѣми тѣми торговыми переговорами, какіе велись въ это время въ Россіи. (Рескр. Мардефельду 27 дек. 1727 г.). Конкурировать съ Англіей въ поставкѣ сукна думали и въ Саксоніи (письмо Лефорта къ Флеммингу 11 окт. 1727 г. Дрезденъ, Гос. Арх. Sachen mit Moscau 1727 г. (vol. XI).

²⁾ О «Бреславльской торговли»—В. А. Ульяницкій *op. cit.* 69 и слѣд. См. также назван. выше изслѣд. «Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ Ништадт. мира» стр. 196 прим.

пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, совѣты котораго, однако, особенно цѣнны, такъ какъ это лицо уже нѣсколько лѣтъ—первый совѣтникъ русской коммерцъ-коллегии 1). Сейчасъ мы увидѣмъ о комъ здѣсь идетъ рѣчь.

Большаго успѣха всѣ эти хлопоты, по общему отзыву, не имѣли. Важно, однако, отмѣтить, что эти хлопоты носили нѣсколько особый оттѣнокъ, отражающій на себѣ общій характеръ габсбургской торговой политики въ данное время. Еще въ 1720 г. Ягужинскому въ Вѣнѣ указывали на особую выгоду для Россіи возстановленія силезской торговли въ виду предстоящаго открытія торговой компаніи въ Остенде. Еще при Петрѣ Великомъ было ясно, что въ данномъ случаѣ Австрія подготавливаетъ новые торговые пути и ищетъ новыхъ рынковъ для названной компаніи, въ лицѣ которой думали создать конкурента Англіи и Голландіи. Теперь при новыхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ транзита вопросъ объ Остендской компаніи напращивался самъ собою, разъ рѣчь заходила о силезской торговле. Хлопоты о возстановленіи силезской торговли, такимъ образомъ, съ другой стороны подходили къ той же цѣли, какую имѣли и переговоры о присоединеніи Россіи къ австро-испанскому торговому договору. Остерманъ, когда съ нимъ объ этомъ заговаривали, это отрицалъ 2). Слухи объ этомъ держались, однако, довольно упорно, и склонный къ обобщеніямъ и порою довольно смѣлымъ сопоставленіямъ Вестфаленъ не преминулъ облечь эти слухи въ форму сенсаціонной новости. Одновременно съ заключеніемъ союза между Россіи и Австріею предполагается соединить Остендскую кампанію, располагающую

1) Письмо гр. Рабутина къ гр. Синцендорфу отъ 6 окт. 1726 г. Вѣна, *Russland Relat.* 1726; это письмо съ относящимися къ нему документами скоро будетъ опубликовано. О Симонѣ Михелѣ—В. А. Уляницкій *op. cit.* прилож. 22-е. О Гартунгѣ и его переговорахъ въ бытность при русскомъ дворѣ гр. Рабутина и гр. Вратислава сообщаетъ Мардефельдъ въ своихъ реляціяхъ конца 1727 и начала 1728 гг. а также Маньянъ (*Сборникъ Р. И. О.* т. 75).

2) Реляц. Мардефельда 10 мая 1728 г.

капиталомъ въ 9 мил. флориновъ, съ другой, учреждаемой въ Россіи. Въ рукахъ этого соединеннаго предпріятія сосредоточится торгъ черезъ Сибирь съ Китаемъ и черезъ Каспійское море съ Персіей. Вывозъ товаровъ пойдетъ черезъ Архангельскъ ¹⁾.

Вотъ какова была та атмосфера слуховъ, толковъ и происковъ, въ которую попадалъ де-Лирія съ его проэктомъ установленія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Испаніи. Толки о новомъ курсѣ русской торговой политики переплетались съ попытками утвердить за собою новый рынокъ, какимъ являлась Россія. Если не всегда эти попытки исходили изъ сферъ близкихъ Остендской компаніи, то почти всегда носили они опредѣленный антианглійскій и антиголландскій отпечатокъ. Такимъ отпечаткомъ отличается, вѣдь, и вышеизложенный проэктъ де-Лирія, обнаруживающій въ то же время хорошую освѣдомленность съ положеніемъ дѣлъ на русскомъ рынкѣ. Въ средѣ лицъ, близко стоявшихъ къ торговымъ сферамъ, хорошо знакомыхъ съ состояніемъ торговли въ Россіи, надо искать и истиннаго автора этого проэкта.

Во многихъ извѣстіяхъ о торговлѣ и русской торговой политикѣ за это время часто упоминается имя бывшаго совѣтника комерцъ-коллегіи Бакона. Личность эта, повидимому, играла большую роль, какъ въ дѣятельности комерцъ-коллегіи въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія, такъ и въ тѣхъ переговорахъ торговаго характера, которые оживляются послѣ смерти Петра Великаго, когда русскую службу Баконъ уже оставилъ. Въ «Протоколахъ, Журналахъ и Указахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта» напечатано его прошеніе объ увольненіи его съ русской службы ²⁾;

¹⁾ Релец. Вестфалена 13 (2) сент. 1727 г. (Копенгагенъ. *Russland Relat.* 1727—28) Аналогичный слухъ сообщаетъ около этого времени Маньянь (Сб. Р. И. О. т. 75 стр. 621).

²⁾ Сборникъ Р. И. О. т. 63 стр. 621—22. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вездѣ, гдѣ нѣтъ отдѣльныхъ цитатъ, имѣется въ виду этотъ документъ.

сопоставляя данныя этого прошенія съ другими, мы получаемъ возможность обрисовать до извѣстной степени его біографію.

Иванъ-Павелъ Баконъ былъ принятъ на русскую службу Петромъ Великимъ въ Берлинѣ 11 сентября 1717 г. на двадцать лѣтъ съ жалованьемъ 1200 рублей въ годъ ¹⁾. До этого времени онъ служилъ въ Баваріи ²⁾. Есть извѣстіе, что его настоящее имя было не Баконъ, но Шпекъ, которое онъ перемѣнилъ, повидимому, чтобъ скрыть свое прошлое, не рекомендовавшее его съ хорошей стороны какъ финансиста ³⁾. Въ своемъ прошломъ онъ перечисляетъ изученныя имъ науки: «вексель, таможня, монеты, аваріи, бодмаріи, нассика ⁴⁾ и раціи» и говоритъ о своемъ знаніи восьми языковъ. Саксонскій посланникъ Лефортъ, аттестуя Бакона въ своемъ письмѣ къ Флеммингу, говоритъ также о знаніи имъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, голландскаго, итальянскаго, русскаго и испанскаго ⁴⁾.

Бакону приписывалась большая роль въ торговой политикѣ Петра Великаго ⁵⁾, хотя, конечно, нельзя при этомъ забывать о Шафировѣ, Толстомъ и Фикѣ. Уже въ 1724 г., задолго, такимъ образомъ, до истеченія двадцатилѣтняго срока, Баконъ началъ подумывать объ оставленіи русской службы ⁶⁾, которую и оставилъ въ концѣ 1727 г. Причины тому различные источники называютъ различныя. Лефортъ въ началѣ 1727 г. писалъ, что Бакону цѣлый

¹⁾ Лефортъ Флеммингу 19 февраля 1724 г. (Сб. Р. И. О. т. 3, стр. 69).

²⁾ Ibid.

³⁾ Der Kayser... sich allzusehr auf sein Commertz-collegium verlasst, in welchem der Commertz-Rath Bacon, welcher vormahls schon unter seinem rechten Nahmen Speck dreymahl Banqueroute gemacht... das vornemste und grosseste Maul und Credit hat» (Denkschrift d. fr. v. Mardefeld uber Russischen Zol und Handels Verhaltnisse 1724. Берлинъ. Rep. XI Russland conv. 27.

⁴⁾ Loc. cit.; восьмой языкъ, очевидно, англійскій.

⁵⁾ Denkschrift... Mardefeld... 1724 г.

⁶⁾ Лефортъ loc. cit.

годъ не платили жалованья. Самъ онъ въ своемъ прошеніи не скрывалъ, что обиженъ назначеніемъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи Фика, и открыто выставляетъ это причиною своего ухода. Наконецъ Маньякъ говоритъ, что Баконъ былъ уволенъ со службы подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ были недовольны за тарифъ 1724 г., а въ дѣйствительности за то, что онъ былъ приверженцемъ Толстого и Шафирова ¹⁾). О расположеніи къ Бакону послѣднихъ лицъ можно предполагать изъ его собственнаго прошенія. Въ іюнѣ 1727 г., когда состоялся указъ объ отставкѣ Бакона, близость къ Толстому, да и къ Шафирову, конечно не могла служить хорошей рекомендаціей; съ другой стороны, мы уже знаемъ, что тарифъ 1724 г., авторомъ котораго считали Бакона ²⁾), къ этому времени былъ уже осужденъ на коренную реформу. Какъ бы то ни было, можно предполагать, что отставка Бакона не была вполнѣ добровольной.

Еще до своей отставки онъ былъ близокъ съ бывшими въ то время въ Россіи иностранцами, прежде всего съ саксонскимъ посланникомъ Лефортомъ, который въ 1724 г. говорилъ о своихъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ въ теченіе семи лѣтъ. Изъ только что цитированнаго письма Лефорты мы узнаемъ, что Баконъ уже въ то время имѣлъ въ виду поступить на службу къ польскому королю, что, повидимому, и случилось вскорѣ послѣ его отставки: въ октябрѣ 1727 г. онъ уѣхалъ изъ Россіи въ Дрезденъ, оставивъ Лефорту большой мемуаръ о русскихъ доходахъ и торговлѣ ³⁾). Еще до своей отставки онъ успѣлъ зарекомендовать себя и передъ австрійскимъ посольствомъ: ни о комъ другомъ, какъ о Баконѣ, очевидно, говоритъ Рабутинъ, упоминая о находящемся въ его распоряженіи проэктѣ

¹⁾ Маньякъ Морвилю 29 ноября 1727 г. (Сбор. Р. И. О. т. 75, стр. 136).

²⁾ Denkschrift G. Mardefeld.

³⁾ Лефортъ Флеммингу 11 октября 1727 г. (Дрезденъ. Sachen mit Moscau 1727 (vol. XI).

силезской торговли, принадлежащемъ «первому овѣтнику русской коммерцъ-коллегіи». При близкихъ отношеніяхъ существовавшихъ въ то время между императорскимъ и саксонско-польскимъ дворами, насъ не должно удивлять новое появленіе Бакона въ Россіи—ноябрь 1727 года—снабженнаго, повидимому, какими то полномочіями отъ Австріи: его имя упоминается въ это время за одно съ именемъ Гартунга, хотя ихъ переговоры идутъ, повидимому, отдѣльно ¹⁾. Одновременно съ тѣми торговыми переговорами, которые онъ велъ, онъ имѣлъ, впрочемъ, въ это время и нѣкоторую миссію отъ Морица Саксонскаго. Эта миссія не увѣнчалась успѣхомъ, и Бакону въ январѣ 1728 г. приказано было оставить Россію ²⁾.

Сведя вмѣстѣ всѣ эти извѣстія о Баконѣ, можно утверждать, что прежде всего его имѣетъ въ виду и де-Лирія, сообщая о своихъ разговорахъ о торговлѣ между Россіей и Испаніей «съ лицами очень понимающими это дѣло». Есть извѣстіе, вполне опредѣленно говорящее о томъ, что Баконъ сдумѣлъ заручиться протекціей и со стороны де-Лирія: его назы-

¹⁾ Цит. письмо Маньяна къ Морвилю. Также Мордефельдъ 13 января 1728 г.: «Die Extensions dieses Commercys nach Persien und China ist nicht Hartungs, sonder viel mehr Bacons Commission, welcher letztere gleichfalls seit einiger Zeit allhier angelanget, aber mit dem Camer-Rath Hartung kain Verkehr hat...»

²⁾ «...Послѣ того допущенъ иноземецъ Баконъ, который прежде сего былъ въ службѣ Россійской въ коммерцъ-коллегіи совѣтникомъ и сего года изъ службы Е. И. В. отпущенъ и данъ абшидъ. И объявилъ оный, что онъ пріѣхалъ сюда отъ графа Морица съ нѣкоторыми предложеніями и отъ онаго имѣетъ кредитивъ, который онъ и подалъ съ приложеннымъ расчетомъ, что помянутаго графа Морица взято недавно въ Курляндіи отъ російскихъ войскъ пожитковъ и вещей.

И ему, Бакону, объявлено, чтобъ онъ о томъ, что онъ отъ графа Морица въ комисіи имѣетъ, подалъ на письмѣ, еже оной учинить хотѣлъ, и съ тѣмъ отпущенъ» (черновая журнал. записка В. Т. С. 13 ноября 1727 г. Сб. И. О. т. 69, стр. 742).

«Имѣли разсужденіе о предложеніи Пауля Бакона и приказали написать протоколъ объ объявленіи ему, чтобы немедленно отсюда выѣхалъ» (такая же записка 2 янв. 1728 г. *ibid*, т. 79 стр. 3.

вали, какъ будущаго испанскаго консула въ Россіи. Маньянъ 1 марта 1728 г. пишетъ Морвилю: *Les demarches faites par le duc de Lygia à Petersbourg en faveur du seigneur Bacon n'ont pour motif que de faire agreer ce dernier pour consul d'Espagne en Russie*» ¹⁾. Именно съ нимъ, повидимому, и имѣлъ разговоръ де-Лирія въ январѣ 1728 г., о чемъ онъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ отъ 30 января къ маркизу де-Ла-Пасъ ²⁾. Этотъ разговоръ, по своему содержанію, очень близокъ къ изложенному выше проэкту де-Лирія; вопросъ о возможности заключенія выгоднаго для испанцевъ торговаго договора ставится здѣсь въ связь съ поворотомъ въ русской торговой политикѣ. Есть намекъ и на то, что лицо, говорившее съ де-Лиріей, само напрашивалось на то, чтобы взять это дѣло въ свои руки «Здѣсь есть, пишетъ де-Лирія, одинъ очень способный господинъ, который своими свѣдѣніями можетъ помочь ея учрежденію (торговой компаніи), потому что удивительно понимаетъ торговлю и интересы государей». Разговоръ этотъ происходилъ въ январѣ 1728 г., когда Бакону было предписано выѣхать изъ Россіи, а уже въ концѣ февраля т. г. Маньянъ говоритъ о бывшихъ со стороны де-Лирія ходатайствахъ («demarches») въ пользу Бакона. Имѣли ли эти ходатайства успѣхъ или нѣтъ, неизвѣстно; въ октябрѣ 1728 г. мы встрѣчаемъ, однако, Бакона снова въ Россіи ³⁾: онъ оставался здѣсь до февраля 1729 г. Въ концѣ 1728 г. де-Лиріей, какъ видно изъ его письма къ маркизу де-Ла-Пасъ отъ 20 мая 1729 г., былъ посланъ какой то проектъ торговаго характера въ Испанію. Вѣроятно, этотъ проектъ, который и далъ поводъ къ извѣстію въ лейденскихъ газетахъ и былъ сообщенъ Вестфаленомъ въ Копенгагенъ. Все говоритъ за то, что авторомъ этого проекта надо считать Бакона. Какъ видно изъ того же письма де-Лирія, испанское правительство ожидало и дальнѣйшихъ присылокъ. За отъѣз-

¹⁾ Сб. Р. И. О. т. 75, стр. 161.

²⁾ «Осмнадц. вѣкъ» кн. II стр. 39—41.

³⁾ Маньянъ Морвилю 28 окт. 1728 г. (Сб. Р. И. О. т. 75, стр. 252).

домъ Бакона его сношенія съ де-Лиріей прервались; послѣдній надѣялся, однако, найти другихъ лицъ, которые могли бы быть ему въ этомъ отношеніи полезны. «Этотъ господинъ, пишетъ де-Лиріа, видя, что вы мнѣ не отвѣчаете, три мѣсяца тому назадъ уѣхалъ изъ здѣшней столицы въ *Дрезденъ*. Господинъ этотъ есть именно одинъ изъ наиболѣе благоразумныхъ и понимающихъ дѣло торговцевъ; онъ служилъ въ *торговой коллегіи*, учрежденной покойнымъ царемъ: будучи, подобно другимъ, уволенъ послѣ смерти этого монарха, онъ перешелъ на службу къ королю испанскому, потому что былъ извѣстенъ ему прежде по разнымъ комиссіямъ, въ здѣшней странѣ, которая онъ дѣлалъ для того королевства. Впрочемъ здѣсь не можетъ быть недостатка въ людяхъ, понимающихъ эти вещи; мнѣ и еще нѣкоторыхъ рекомендовали, и я позабочусь, чтобы они составили этотъ планъ сколь можно скорѣе».

Проектъ герцога де-Лиріа о учрежденіи испанскаго консульства въ Россіи, вытекающій изъ всѣхъ предыдущихъ переговоровъ торговаго характера между Россіей и Испаніей выросъ, такимъ образомъ, на почвѣ тѣхъ антианглійскихъ и антиголландскихъ настроеній, которая такъ характерны для политики вѣнскаго союза, хотя, быть можетъ, самъ де-Лиріа и не былъ безусловнымъ сторонникомъ этой политики. Для истиннаго автора этого проекта, Бакона, этотъ проектъ—одинъ изъ случаевъ той прожектёрской дѣятельности, въ которую, повидимому, ударился этотъ дѣятель—скорѣе, быть можетъ, дѣлецъ—послѣ того, какъ покинулъ службу въ русской коммерцъ-коллегіи.

Проекту этому не суждено было осуществиться. Въ документахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (Гл. Моск. А. М. И. Д.) не сохранилось никакихъ данныхъ о переговорахъ торговаго характера герцога де-Лиріа. И это, быть можетъ, не случайность. Какъ видно, и изъ донесеній самого де-Лиріа, эти переговоры носили характеръ прежде всего частныхъ переговоровъ между де-Лиріа и Остерма-

номъ. О томъ, что между русскимъ вице-канцлеромъ и испанскимъ посломъ скоро послѣ пріѣзда въ Россію послѣдняго начались какіе то сепаратные переговоры свидѣтельствуютъ и другіе 1). Остерманъ, видимо, хотѣлъ взять эти переговоры прежде всего въ свои руки. Благорасположеніе, которое онъ питалъ, по словамъ того же Лефорта къ де-Лиріа 2), играла здѣсь, конечно, послѣднюю роль. Характеренъ тотъ разговоръ между ними, о которомъ сообщаетъ де-Лиріа въ своемъ письмѣ къ маркизу де-ла-Пась отъ 14 іюня 1728 г. 3). Когда де-Лиріа заговорилъ о пользѣ установленія прямой торговли между Испаніей и Россіей и указалъ, какъ на норму на испанско-австрійскій трактатъ, Остерманъ сказалъ, что не знаетъ его (!), и тогда де-Лиріа сообщилъ ему переводъ договора 1 мая съ нѣкоторыми пропусками. Когда же дня черезъ два разговоръ возобновился, и де-Лиріа предложилъ вести переговоры въ Мадридѣ черезъ Щербатова, Остерманъ былъ противъ. «Баронъ, пишетъ де-Лиріа, возразилъ мнѣ рѣшительно, что *такъ какъ въ трактатѣ будетъ рѣчь не о товарахъ, но о привиллегіяхъ*, то лучше трактовать о послѣднихъ здѣсь, потому что здѣсь есть министръ короля, а *послѣ* можно будетъ избрать нѣсколькихъ практичныхъ людей для того, чтобы *условиться и о товарахъ...* это можно сдѣлать все равно или здѣсь, или даже въ Мадридѣ». Остерманъ, видимо, нѣсколько не довѣрялъ новымъ предложеніямъ, и это, быть можетъ, вытекало изъ общаго направленія той торговой политики, которую онъ въ это время проводилъ. Въ данномъ случаѣ вполнѣ приложимо то замѣчаніе, которое сдѣлалъ Маньянъ по поводу аналогичныхъ предложеній съ австрійской стороны русскому правительству, указывая, что эти предложенія имѣютъ въ виду созданіе исключительныхъ привиллегій въ

1) Реляц. Вестфалена 18 марта 1728 г.

2) Лефортъ Флеммингу 24 января 1728 г.—Сб. Р. И. О., т. 5, стр. 321.

3) «Осин. Вѣкъ», кн. II, стр. 78—79.

интересахъ остендской компаніи, русское же правительство думаетъ о возстановленіи той свободной торговли, которая существовала до Петра Великаго ¹⁾. Поддерживая частную инициативу и отступая отъ петровскихъ принциповъ, комиссія о коммерціи вовсе не имѣла въ виду уступить то исключительное положеніе, которое удалось сохранить за собою въ русской торговлѣ англичанамъ и голландцамъ, ихъ политическимъ противникамъ, выступавшимъ теперь въ роли ихъ торговыхъ конкурентовъ. Если новый курсъ русской политики и наносилъ ударъ интересамъ англійскихъ и голландскихъ фирмъ, то это еще не значило, что русское правительство готово было пожертвовать установившимися прочными отношеніями ради соображеній, вытекавшихъ изъ случайныхъ политическихъ комбинацій. Не-соотвѣтствіе новыхъ испанскихъ предложеній съ новымъ курсомъ русской торговой политики—главная причина неудачи и прозекта де-Лирія о установленіи испанскаго консульства въ Россіи, что, конечно, должно было быть лишь первымъ шагомъ къ заключенію между обѣими державами «прямаго торговаго трактата, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ таковой былъ законченъ съ Австріей». Измѣнившійся къ 1729 году общій характеръ политическихъ условій, наряду съ этой причиной, имѣлъ лишь побочное значеніе и сыгралъ лишь благопріятствующую роль.

М. Поліевктовъ.

¹⁾ Сб. Р. И. О., т. 75, стр. 62.

Project du duc de Liria pour établir un consulat espagnol en Russie, dont l'objet seroit d'entretenir la flotte espagnole à beaucoup moindre frais qu'elle n'a coutée jusqu'icy.

L'entretien de la marine d'Espagne coûte au roy beaucoup plus qu'il ne coûteroit à s. m. c., si elle faisoit acheter de la première main tout ce qu'elle est obligée de tirer de l'étranger.

Il est certain que les hollandois et les hambourgeois fournissent à l'Espagne presque toutes les matures, bordages, toilles à voile, chanvres, cordages, gaudron et suifs, qui se consomment dans la marine et que la plus grande partie de ces marchandises ou denrées proviennent du crû de Russie, d'où ces deux nations les tirent en troc d'autres marchandises qui ne sont même pas de leur crû.

Le négociant établi à Archangel outre sa commission gagne illegitamment 12 pc. sur les achats, independamment de 15 pc. ou environ de friponnerie, enoncée sous le nom de frais et de droits, dont ils chargent frauduleusement la marchandise, sans compter la fraude des droits de douane qu'il risque ordinairement et à quoy le commettant de dehors n'a aucun part; ils sont tout d'acord sur ces friponneries par des contracts signés d'eux, et auxquels sont joints les tarifs des frais et des droits imaginaires qu'ils font payer. Le contract des négociants d'Archangel est de 1708 et celui des négociants de Petersbourg est de 1718; je les ai eû entre les mains.

Le négociant d'Hambourg que reçoit de celui d'Archangel gagne encore tout frais faits 15 à 20 p. cent. sur l'acheteur ou commissionaire des entrepreneurs, et celui-cy quelquefois infidèle charge encore son compte de 4 à 5 pc. independamment de son salaire.

Il est aussi constant que ces marchandises avant que d'arriver en Espagne passent par les mains de plusieurs négociants, qui en augmente considerablement le prix par les doubles et triples frais de commission, de magasinage, de chargement, droits d'entrée et de sortie en Hollande double fret etc., et même par le profit illicite et d'autres friponneries, que fait le commissionaire lors du premier achat independamment de la commission, en sorte que si à tout ces faux frais on ajoute encore 30 pc. au moins qui les entrepreneurs de la marine doivent gagner sur leur traitté, on trouvera, que ces marchandises rendues dans les ports d'Espagne reviennent à cent pour cent de plus qu'elles ne coûtent en Russie, d'où il résulte, que si s. m. c. prenoit le parti de faire venir directement de Russie et pour son compte tout ce dont elle a besoin pour sa marine, elle épargneroit considerablement ou entretiendroit au moins moitié plus de vaisseaux avec le même fond.

S. m. c. peut aisement se procurer cet avantage en éta-

blisant en Russie un homme intelligent, zélé et fidèle, avec le titre de consul, commissaire ou d'agent, dont la résidence ordinaire seroit fixée dans le lieu le plus convenable pour les achats, et auquel on donneroit deux commis, l'un pour recevoir ses ordres à Petersbourg et l'autre à Archangel, ce qui ne dispenseroit pas le consul de se transporter dans ces deux ports, lorsque le cas d'un envoy le requerreroit; les deux commis n'y étant établis que pour y recevoir et en magasiner les achats à mesure qu'ils leur seroient envoyés et en tenir registre.

Quoy que les droits de sortie soient de $2\frac{1}{2}$ pour cent plus fort à Archangel qu'à Petersbourg, ce port paroît cependant le plus convenable pour y faire le magasin principal, tant pour l'économie des frais de transport que parce qu'on y charge aussy à bien moins de frais et qu'on y trouveroit plus facilement des flutes hollandoises ou hambourgeoises à fréter pour l'Espagne directement, qui est le seul moyen d'épargner tous les faux frais dont j'ai déjà parlé.

J'ajoute encore en faveur du port d'Archangel, qu'on évite par la le peage du Sund, que l'assurance est moins forte qu'à Petersbourg, et que la navigation de la mer du Nord est plus sur que la Baltique.

Il y auroit cependant beaucoup à gagner en payant en piastres ou en barres d'argent, parceque les russes, qui ont besoin d'argent et l'aiment, donneroient les marchandises à meilleur marché.

A l'égard des fonds, dont le consul auroit besoin pour faire ses achats, je crois qu'il conviendrait mieux de luy donner un crédit sur Amsterdam que de luy faire des remises effectives.

1725

Avant que d'entrer dans le détail des marchandises qu'on peut tirer directement de Russie, il me paroît nécessaire de détruire un préjugé mal fondé sur leur qualité en expliquant que lorsque Pierre le Grand de glorieuse mémoire envoya à Cadix des vaisseaux pour y faire un essai de commerce, il chargea de ce détail l'amiral Creuys, norvégien de naissance, mais hollandois par le sang, lequel gagné par la nation toujours attentive à faire tomber le commerce des autres ne fit charger que des marchandises vieilles, défectueuse et de rebut et telles que des négociants étrangers établis à Moscou, auxquels j'en ai parlé, en étoient honteux et indignés.

É . its.

Ceux de 5 à 10 pouces de dia- mètre	6¼ kop.
de 10 à 13 . .	12½ »
de 14 à 16 . .	50 »
de 17 à 19 . .	2 roubles.
de 20 à 22 . .	5 —
de 23 à 24 . .	7—50 kop.
de 25 à 26 . .	12—50 »
de 27 à 30 . .	17—50 »

Ceux de 10 à 12 pouces
et de 60 pieds de 5 à 6 roubles;
on a de la peine à en trouver
de plus forts.

Mâts de vaisseaux.

Les prix en sont differents
selon la hauteur, la grosseur
et la qualité; on en pourroit
tirer de Riga, mais je ne le
conseille pas, il n'y auroit que
les restes ou rebut de la ma-
rine du czaar. Le même incon-
venient se rencontre à Narva
et à Petersbourg; il vaut
mieux les tirer d'Archangel,
où ils sont d'une meilleure
qualité et ou on les embarque
avec moins de peine outre
qu'on y trouve moins de diffi-
culté et de chicane à surmon-
ter de la part des officiers de
l'amirauté.

Chanvre.

Le bergowitz—27 kopeikes.

Le bergowitz . . . 20 kop.

Le chanvre net coûte à
présent 6 roubl: ¾ à 7 roubles
le bergowitz ou les 10 pouds.

L'ordinaire ou demy-net 5½ r.;
on ne fait presque point de
différence en France et en
Espagne de l'un et de l'autre,
il est à meilleur marché de
quelque chose à Archangel.

Etoupes de chanvre.

Le bergowitz . . . 10 kop.

Sont à un prix modique et
valent 1½ jusqu'à 2 roubles
les dix pouds.

Le lin.

Celuy de Novogrod et de Pleskow le bergowitz . 45 k.	Vaut selon son crû et sa qualité de net et de demy net des 9 à 15 roubles le bergowitz.
Celuy de Viesnikov et autres lieux le bergowitz . 30 kop.	
Le demy net 24 kop.	

Etoupes de lin.

Le bergowitz . 10 kopeikes.	Valent deux roubl. le bergowitz.
-----------------------------	----------------------------------

Poil de cochon.

Par poud 15 kop.	Se vend de 2 à 3 roubles le poud.
--------------------------	-----------------------------------

Toilles à voilles.

La pièce 12 kop.	La pièce est de 50 archines et coûte vendue à Petersbourg ou à Archangel 7 roubles et 30 kop. prise de la manufacture de s. m., mais outre qu'on en a d'aussy bonnes d'Ukraine à meilleur marché on pourroit avoir celles mêmes de la manufacture de s. m. entre 6 à 7 roubles en faisant un contract avec l'admirauté.
----------------------------	---

Toilles à voiles pour les galeeres.

La pièce . . . 12 kopeikes.	Elles sont beaucoup plus fines, le piece est aussy de 50 archines et se vend la même prix.
-----------------------------	--

Coutil.

Les 1000 archines payent
80 kopeïkes.

Servant aussy aux vestes
ou chemises des matelots, se
vend douze roubles les 1000
archines.

Cordages.

Par poud 3 kop.

Les cordages se vendent au
poud et il y a un profit consi-
derable à en envoyer de tout
fait de Russie, parce que la
main d'oeuvre y est à tres
grand marché, mais il faut,
où les faire faire soy même,
on s'y bien connoître, si on
les achette de l'admirauté où
les russes ont l'habilité de
donner du cordage refait pour
du neuf et meslant souvent
du chanvre eschauffé.

Le goudron.

La tonne . . . 25 kopeïkes.

La tonne de goudron pesant
18 pouds vaut ordinairement
un rouble, il est aussy à meil-
leur marché à Archangel. Le
goudron des Biscaye ne vaut
rien, on ne s'en sert point en
France parce qu'il broule le
cordage au lieu de le conser-
ver, et que quand on le met sur
le bois il se leve par escailles.

Celui de Wibourg en Ca-
relie est le meilleur.

Le tonneau pesant
10 pouds 8 kop.

On trouve de plus en Russie
une poix rezine que l'on em-
ploie avec le goudron.

Le suif.

Le plus net 42 kop. }
Le médiocre 33 » }
L'ordinaire 27 » }

Il se vend 14 à 15 roubles
les 10 pouds.

Huiles.

Par poud 5 kop.
Par poud 6 »
Par poud 6 »
Par poud 6 kop.
Le tonneau de 8 pouds . 15 kop.

L'huile de chanvre de 90 à
120 kop. le poud.
L'huile de lin.
L'huile de noizettes.
L'huile de terebantine.
L'huile de veau marin se
vend de 3 à 4 roubl. le toin-
neau et s'achette de s. m. à
l'enchere; les hollandois l'ap-
pellent tranne, il s'en consume
beaucoup.

Planches.

Celles de 3 toises ou
de 9 archines pay-
ent la douane . . 50 kop.
Celles de 2 toises 40 »
Celles de toise $\frac{1}{2}$. . 20 »

On peut aussy acheter en
Russie mieux qu'ailleurs des
planches de toute épaisseur et
lonqueur, il y en a aussy de
chesne.

Poutres de sapin.

De 30 pieds 5 kop.
De 24 pieds 4 »
De 20 pieds 3 »
De 18 pieds 3 »

Depuis 18 jusqu'à 30 pieds
de longueur et jusqu'à 20 pou-
ces de diamètres se vendent
de 8 à 10 kopeïkes les plus
chères.

Fer de Siberie.

Le bergowitz 15 kop.

Il coûte à Petersbourg 70 kop. le poud; celui de Biscaye est aussy bon pour la construction des vaisseaux, mais il n'est pas à beaucoup pres aussy bon pour les ouvrages dellicats.

On peut aussy tirer de Russie des ancrs de vaisseux et des canons de fer et de fonte.

Outre toutes ces marchandises on peut encore tirer de Russie du poisson sec et salé à très bon compte pour la consommation des equipages, de la rubarbe pour les hopiteaux de s. m. c. et y faire faire pour les troupes de s. m. des seiles, des bottes et des souliers; cette marchandise est icy à si bon marché qu'une selle de cavalier ne passe pas deux roubles, on en pouroit faire l'essay par une petite quantité.

Rapport des poids et mesures de Russie avec ceux de l'Espagne.

Le bergowitz fait dix pouds.

Un poud fait 40 livres russes, lesquelles valent un peu plus de 34 livres, pesant d'Espagne.

Mesures.

118 archines ne font que
100 vaxos.

La toise fait 3 archines.

Le pied est de 10 pouces.

119 livres russes ne font
que 100 livres d'Espagne.

Monoye et change.

Le rouble est composé de
100 kop. et est égal à un ris-
daler courant. Le change ne
se fait que sur Amsterdam à
plus ou moins de sols courants
pour un rouble.

Il est à remarquer, que les
droits d'entrée et ceux de
sortie se payent en Russie en
risdalers de poids de façon
qu'il faut que 14 risdalers pe-
sent une livre de Russie, qui
fait une variation de 6 à 7 pc.
de poids et quelles ne sont
reçues aux douanes que pour
50 kopeikes quoyque dans le
commerce on soit obligé de les
acheter 105, 110 et quelque
fois 115 kopeikes selon leur
rareté de façon que pour payer
un droit taxé par le tarif à
50 kopeikes, il faut donner un
risdaler de poids.

Observation.

L'avantage de s. m. c. est
evident, lorsqu'elle se fera
servir de la première main.

Les entrepreneurs de la ma-
rine n'y trouveront pas leur

compte, mais l'intérêt de s. m. doit passer avant de leur.

J'ai dit, qu'on pourroit fréter à Archangel des flottes hollandoises ou hambourgeoises, parce que le frêt des bâtimens russes est plus cher et que leur marine est moins seure, il seroit bien plus avantageux pour s. m. c. qu'elle se servoit de ses propres bâtimens ou même qu'elle en achatat expres si il le faut. *Primo* pour employer ses matelots et en *second lieu* parce qu'il ne faut pas douter, que les hollandois et les hambourgeois ne s'efforcent defaire tomber un expedient qut fait autant de tort à leur commerce, en quoy il leur sera bien plus aisé de réussir, si on est dans la necessité de se servir de leurs propre bâtimens, soit en les faisant périr, échouer ou retarder, comme ils ont fait plusieurs fois, lorsqu'on a voulû faire des tentations de commerce en se servant de leurs vaisseaux.

A l'égard des facilités qu'il y auroit à chercher et de precautionner, qu'il y auroit à prendre pour l'exécution de ce projet, il me paroît qu'il n'y auroit rien de plus court, ny de plus convenable que de

faire un contract ou traité avec l'admirauté de s. m. à Petersbourg par lequel on conviendrait des qualités et des prix des objets principaux, ainsi que des temps dans lesquels elle devoit faire les fournitures, on trouveroit par ce moyen deux avantages, le premier en ce que les hollandois ne seroient pas les maîtres d'acheter et de faire monter les prix de toutes les marchandises selon la politique de leur commerce, le second en ce qu'on trouveroit de la part de l'admirauté beaucoup plus de facilités pour l'expédition des vaisseaux; s. m. c. seroit d'ailleurs bien plus seure d'être servie fidèlement, si les prix étoient convenus.

Ces objets principaux
sont.

Les mâts.
Le chanvre et étoupes.
Le lin et étoupes.
Les toilles à voilles.
Les cordages.
Le goudron.
Le suif.
Et les huiles.

(Госуд. Арх. въ Копенгагенъ; Relations aus Rusland 1729—30.
Westphalens Relation 24/13 Febr. 1729).

Посланіє къ патріарху Гермогену о злоупотре- бленіи въ церковномъ гвѣніи «хабува».

Въ 1905 г. Императорская Публичная Библіотека приобрѣла значительное количество цѣнныхъ рукописей изъ собранія Плигина, по смерти котораго его богатое собраніе поступило на книжный рынокъ. Въ числѣ приобретенныхъ рукописей оказался одинъ небольшой сборникъ въ 4-ку, на 89 листахъ, писанный скорописью XVII в. двумя почерками. Составъ сборника (Q. XVII. 270) слѣдующій:

Л. 1. Посланіє неизвѣстнаго лица къ патріарху Гермогену о хабувѣ.

Л. 16. Поставленіє великихъ князей русскихъ, откуда бѣ и како начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ (*нач.*: «Въ лѣто 6622 бысть сіи князь великій Владимиръ Всеволодичь Манамахъ князь великій Кіевскій....»), т. е. отрывокъ изъ Сказанія о князьяхъ Владимірскихъ. (На полѣ приписано другимъ почеркомъ «6596», т. е. 1088 г., въ самомъ текстѣ встрѣчаются позднѣйшія поправки).

Л. 17 об. Чинъ и поставленіє на великое княжество сице бываетъ (*нач.*: «Посредѣ святыя и великия соборныя церкви уготовають царскій чертогъ...»)

Л. 37 об. Сія повесть о началѣ царствующаго града, како царь Кон(с)тянтинъ во свое имя созда въ лѣто 5850 (*нач.*: «Царствующу в Риме благосодѣтельному великому Константину Олавию со тщаніемъ великимъ...»)

Л. 56. Въ лѣто 6961 взятіе Царюграду отъ безбожнаго Магмета Амуратова сына Салтана (*нач.*: «Властвующу турки безбожному Махмету...»)

Для насъ интересна первая статья сборника, упомянутое посланіе къ патріарху Гермогену, касающееся употребленія въ церковномъ пѣніи словъ «хабува» и «ине ине хебуве». Изъ трудовъ по исторіи церковнаго пѣнія (см., напр., Прот. Д. В. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи) мы знаемъ, что въ греческомъ пѣніи употреблялись анаграмматисты и кратимата; первый терминъ обозначалъ стихиры, отличавшіеся отъ простыхъ стихиръ инымъ расположеніемъ мыслей и нерѣдко повтореніемъ ихъ; второй терминъ обозначалъ вставные слога «ненена» и «териремъ», служившіе для украшенія церковнаго пѣнія; указанные слога вставлялись въ текстъ пѣснопѣній безъ связи съ этимъ текстомъ и тѣмъ не менѣе они распѣвались по нотамъ, какъ и самый текстъ. Въ русскомъ церковномъ пѣніи существовали подобныя же прибавки, извѣстныя подъ названіемъ попѣвокъ: это были «хавуа» (хабува) и «ненена» (т. н. аненайки). «Хабува», по указанію протоіерея Разумовскаго, употреблялась въ знаменномъ, путеvomъ и демественномъ пѣніи; въ началѣ XVII в. она исчезла изъ истиннорѣчнаго пѣнія (т. е., пѣнія, въ которомъ славянскій текстъ обиловалъ полугласными, имѣвшими надъ собою музыкальный знакъ) и осталась въ хомовомъ или раздѣльнорѣчномъ пѣніи (т. е. въ этомъ пѣніи полугласные замѣнены были гласными). Относительно самого слова «хабува» прот. Разумовскій говоритъ (стр. 157 и слл.): «...значеніе многостепенныхъ знаменъ и ѳитъ выражалось знаменами единостепенными, или иначе разводомъ, на полѣ нотной рукописи. Такъ, напр., нота хубово, имѣвшая въ старознаменныхъ книгахъ только одинъ слогъ ху, во второй группѣ раздѣльнорѣчныхъ рукописей знаменнаго распѣва поставлена на полѣ рукописи съ полнымъ текстомъ хебуве...»; далѣе прот. Разумовскій замѣчаетъ (стр. 158): «...теоретическія объясненія знаменнаго распѣва писались всегда въ нотныхъ книгахъ особою статьею и

никогда не сливались съ самою мелодією распѣва и текстомъ его. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого можетъ служить названіе ноты *хубово*. Въ началѣ XVI в. оно съ поля нотной рукописи знаменнаго распѣва перенесено въ самый текстъ священныхъ пѣснопѣній». У С. В. Смоленскаго въ его трудѣ «О древнерусскихъ пѣвческихъ нотаціяхъ» мы находимъ слѣдующія замѣчанія (стр. 27): «Своеобразныя прибавки къ текстамъ вродѣ «хавуа», «ховуо», «хивуа», «хохо», «хаха» и т. п. весьма близки къ старинному болгарскому текстовому украшенію «хубово» и къ уцѣлѣвшимъ у болгаръ прибавкамъ «хаха» въ распѣвахъ, называющихся «забавными»; близко это также и къ долго употреблявшемуся «хебуве» и, можетъ быть, къ длиннѣйшей знаменной ѳитѣ «хабува»; на стр. 95-й С. В. Смоленскій говоритъ, что «древне-болгарское «хубово»... существуетъ въ нашихъ древнѣйшихъ рукописяхъ въ видѣ приписки между знаменами «ху», выродившейся затѣмъ въ «хебуве» (XV и XVI в.) съ разными прибавками». Кстати напомнимъ, что въ болгарскомъ языкѣ есть слово «хубави», означающее хорошій, красивый, есть и нарѣчіе оттуда «хубаво», но отождествлять пѣвческую «хабуву» съ этимъ словомъ мы не рискуемъ. (Есть еще и въ русскихъ памятникахъ слово «хупавый»—гордый, нарядный).

Нашимъ предкамъ это слово казалось непонятнымъ, и они старались его истолковать: дѣйствительно въ «Алфавитѣ», подъ буквой *х* встрѣчается объясненіе, что «хабува» значитъ «Христа Бога». Въ этомъ смыслѣ «хабува» понимается и авторомъ посланія къ Гермогену».

Въ сообщеніяхъ С. В. Смоленскаго и А. В. Преображенскаго и въ другихъ трудахъ по исторіи церковнаго пѣнія (напр., Сахарова и прот. Разумовскаго) указывается, что въ концѣ XVI в. и первой половинѣ XVII в. въ церковномъ пѣніи наступило большое неустройство: однимъ изъ виновниковъ, по указанію С. В. Смоленскаго (въ вышеупомянутомъ трудѣ, стр. 94), былъ троицкій головщикъ Логинъ; это неустройство вызвало жалобы и требованія

упорядоченія церковнаго пѣнія. Во второй половинѣ XVII в. особенно жгучимъ сталъ споръ о единогласномъ пѣніи; исторіи вопроса о единогласномъ пѣніи посвятилъ свое изслѣдованіе А. В. Преображенскій (оно напечатано Обществомъ Л. Др. П. въ Памятникахъ № CLV, 1904 г.). Соборы 1649 и 1651 гг. установили пѣніе единогласное ¹⁾.

Но не одинъ вопросъ о единогласіи волновалъ любителей и цѣнителей благолѣпнаго церковнаго пѣнія. Протоіерей Разумовскій, на стр. 110 своего труда, выше нами цитированнаго, пишетъ: «Въ XVII в. здравомысліе предковъ строго осуждало всѣ разнородные попѣвки и приставки къ тексту нотныхъ книгъ. Писатель «о пѣніи божественномъ» приводитъ ученіе св. Іоанна Златоустаго о томъ, како довлѣтъ въ церкви съ разумомъ и страхомъ пѣти, и потому говоритъ любителю попѣвокъ: «ты же ни разумомъ, ни страхомъ неразумная тебѣ, паче же слышащимъ въ церкви, гласованія и реченія необычайна воспѣваеши. Еда ли Богъ послушаетъ твоихъ *абувъ, хабувъ, ахатей, ацененайковъ*, оныи пріялъ еси ни отъ святыхъ, ни отъ премудрыхъ учителей, ни согласія, ни разума имущихъ, а въ церковь вносиши, ни согласителя знаеши, но свидѣтелей поставиши тому сложенію писателя». Къ мыслямъ этого писателя примыкаетъ и авторъ нашего «Посланія»: онъ возстаетъ противъ пѣнія хабувы, не находитъ въ этомъ ни красоты, ни смысла и даже рѣшается, не смотря на свое неоднократно подчеркиваемое смиреніе, безпокоить своими вопросами такое высокое лицо, какъ патріархъ Гермогенъ; нашъ авторъ на столько остороженъ, что прежде, чѣмъ писать свое посланіе, онъ обращается къ знатокамъ церковнаго пѣнія за разъясненіемъ интересующаго его вопроса. Получивъ отвѣтъ не въ пользу пѣнія хабувъ, онъ и пишетъ посланіе къ патріарху и предлагаетъ предоставить рѣшеніе вопроса собору. Впрочемъ, какъ вѣрный сынъ церкви, онъ постоянно говоритъ, что, если

¹⁾ Текстъ соборнаго уложенія 1649 г. изданъ С. А. Бѣлокуровымъ въ Чт. О. И. и Др. Р. 1894 г., кн. 4, отд. Матеріаловъ.

найдено будетъ доказательство правильности такого пѣнія, онъ готовъ подчиниться и въ заключеніи своего посланія смиренно просить патріарха Гермогена не гнѣваться за причиненную доуку.

Посланіе это представляетъ цѣнность не только со стороны новизны, но и со стороны нѣкоторыхъ подробностей, хотя бы упоминаніе о знатокахъ пѣнія—бывшемъ при Лже-Димитріѣ патріархѣ Игнатіи, Арсеніи Эласонскомъ, Ѳеодорѣ Касьяновѣ, толмачѣ, или рассказъ о протопопѣ, не сумѣвшемъ отвѣтить патріарху Іереміи на вопросъ, въ какой день родился Христосъ.

Время написанія Посланія можно установить съ точностью до 4 лѣтъ: обращеніе къ Гермогену, какъ къ патріарху, и къ царю Василию Шуйскому устанавливаетъ слѣдующія даты: избраніе Гермогена патріархомъ совершилось 3-го іюля 1606 г., а царствование Шуйскаго окончилось 17-го іюля 1610 г., слѣдовательно, наше посланіе было составлено въ промежутокъ между этими годами. Къ сожалѣнію, авторъ, повидимому, самъ принимавшій участіе въ пѣннѣ, остался намъ неизвѣстнымъ. Не можемъ не отмѣтить еще одной особенности этого любопытнаго произведенія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ говоритъ рѣчами, такъ что получается иногда рѣчюманная проза.

Въ виду интереса новизны и литературнаго изложенія Посланія, написаннаго очень яснымъ языкомъ, мы издаемъ его цѣликомъ.

Л. 1. «Пречестному величеству и великоименитому святителству, высочайшему верху столпу непоколебиму иже во православной вѣре стоящимъ по Святемъ Дусѣ побарающу, пастырю и учителю Христова стада словесныхъ овецъ, чистителю душъ тимѣнныхъ, разорителю злыхъ ересей, рачителю божественныхъдохматъ, писателю всеизрядному въ словесехъ и въ повестехъ совершенныхъ, отцемъ отцу і правителю каѡолическия великия церкви, иже на востоце яко солнце сіяетъ на вселенную, пречистыя Владычицы нашея Богородицы і Приснодѣвы Маріи честнаго і славнаго Ея Успѣнія, святѣйшему киръ Ермогену, патрярху Московскому і всея Росии, многогрѣшный і неключимый рабъ і послѣдний во всемъ во всѣхъ челоуѣцехъ, а первый во грѣсехъ, і нѣсмъ достоинъ честныхъ твоихъ стопъ коснутися, паче же благолѣпнаго твоего образа видети і зрѣти, вяще же много(л. 1 об.)грѣшными і скверными усты ко святолѣпнымъ устомъ глаголати нѣсмъ достоинъ, иже поселянину близъ царя стояти и с нимъ глаголати, или малому отрочати со благоразумными и совершенными мужы совѣтъ творити, колми паче убогому и грубому сицевый позоръ даяти, иже с твоимъ пречестнымъ величествомъ бесѣдовати. Обаче же, государь, надѣясь на твое смиренномудрие і крайнее незлобие, мало страхъ отложивъ, дерзнухъ грѣходѣтельною си рукою сие грубое писание написати і твоей превелицей честности предложить. И, днесъ рабски тебѣ великому государю покорение принося, молю твое пречестное и достойное святительство не возгнушати нашего убогаго грубословия, не о своемъ, но о божие дѣле тебѣ государю извѣстно творити.

Бываетъ бо нѣкогда многомнимое добро зло составляетъ (л. 2) и вмѣсто хвалы хулу приносить, искусивыйся вѣсть, а не искусивыйся не вѣсть; обачеже тобѣ государю святителю великому преклонити честная ушеса своя і послушати божияго дѣла исправления, занеже на тобѣ си есть возложено и взыщется: писание глаголетъ, предание пребываетъ, уставъ вопиеть; сице бо солнцу свойственно токмо сияти и вѣтру вѣяти і огню жещи і светити и царю мучити и подаряти, также святителемъ і учителемъ своя есть творити, иже божия люди и божию дѣлу учити и вся божественная добре правити.

Есть убо, государь, отъ певцовъ і розпѣвщиковъ, отъ старыхъ и новыхъ, положено в пѣнии столповомъ и в трисугубомъ в стихаралехъ во многихъ мѣстехъ иже глаголется «хабува», а инде говорится «іне ине хебуве», и сия рѣчь «іне ине хебуве» мимо конархистныхъ книгъ введена в стихарали въ строки и знамя (л. 2 об.) по ней положено, а «хабува» то ѿтою поставлена, а поючи говорятъ «хабува», а есть и та, инде не во многихъ мѣстехъ также введена в строки і знамя по ней положено, и называютъ, государь, ту рѣчь не одинако: первии глаголетъ гдѣ речется хебуве—туто Христе Боже, а гдѣ речется хабува—туть Христа Бога, а гдѣ речется хабуву, то Христу Богу. Друзии глаголютъ хвала де Богу приносится, а инии мнятъ красоты ради положено, а инии мнятъ ничто же, но токмо ѿта толко молвится, і мы убозии тому же послѣдуемъ; и мнится, государь, яко всѣ во тмѣ шатаемся, а истинны никтоже не вѣсть, і недовѣдомо то, откуда взято и которымъ языкомъ положено; а у насъ в рускомъ языке в богославимыхъ церковныхъ книгахъ изобретается та хабува іне ине хебуве кромѣ стихара(л. 3)лемъ ни въ двенадцати минѣяхъ мѣсячныхъ, ни во октаехъ, ни в треодехъ. И спрашиваль есми, государь, у грекъ у Арсенія, архиепископа Селасунскаго, иже на Москвѣ в соборе въ Архангеле, і у Игнатія, епископа Скирскаго, иже здѣ патриархомъ былъ—пѣти онъ гораздъ: по гречески весь

стихараль поеть,—і у Ивана Дамаскина, архимарита Воскресенскаго, иже во Іерусалиме у Гроба Господня, иже нынѣ на Москвѣ в Чюдовѣ монастырѣ, і у государева толмача у Ѳеодора Касьянова, а тотъ толмачъ Ѳеодоръ не одному языку гораздъ, но і паче же еллинскому і латынскому вящи ученъ. И они, государь, сказали, что мы де не слышали і не вѣдаемъ, что у васъ зоветца та хабува, іне ине хебуве, у насъ де отнюдъ в нашемъ языке греческомъ того нѣсть ни в которыхъ книгахъ, ни в конархистныхъ, ни в пѣвчихъ, і инымъ никоторымъ языкомъ, ихъ же умѣемъ (л. 3 об.) не слышали такой рѣчи ни в пѣнье, ни в ѳитахъ. Не смѣем же, государь, і мы убозии рещи, но аще повелить твое святительство; всяко бо богословцы і творцы не миновали и въ своихъ бо творческихъ стихѣхъ в стихѣрахъ или в канонехъ или в трепарѣхъ написали въ греческихъ переводехъ, что та хабува іне ине хебуве именуется, і по нихъ бы мудрые переводницы такоже не солгали і перевели и коим бы ни буди языкомъ положили сицевую рѣчь. Уже, государь, по первому глаголу, что хабѹва—іно Христа Бога, а хебѹве—іно Христе Боже, а хебѹву—іно Христу Богу, а се, государь, мнится послѣдними словесы разоряются: первое сице іне хебуве—іно стало не Христе Боже, и неинехебуве—іно стало отнюдъ не Христе Боже, а еже, государь, глаголють, что хвала Богу приносится, Богъ же (л. 4) вѣсть, то хвала ли Богу в хебувиномъ пѣнии, і имени не смѣю дерзко рещи, и паче же бы не хула, не о ѳитѣ же глаголю, что хула, но о имени ѳитномъ, что Христу полза іменемъ хабувинымъ, а Господь нашъ Ісусъ Христосъ по обычаю прямо глаголется, что Господь Богъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Аще волить царское величество і твое святительство, мочно та ѳита хабува пѣти, а не именовати ея в тотъ часъ, а еже глаголють красоты ради положено, и то, государь, Богъ вѣсть, кая красота, паче не глупо имянно іменовати, сице зѣмнои и двоечелнои і трестрѣлнои и перевяске и кобыле і протчимъ иже имени зовутся, мы же

убозии вѣмы, занеже отчасти слыхали і певали, і приходитъ, государь, та ѿита хабува в лишней рѣчи и по разуму в слове расколь чинитъ. Аще и не с писмены гдѣ инымъ гласомъ слогъ разнити и бранитъ, а не яко же протчии ѿиты, иже преже рѣхомъ во время (л. 4 об.) пѣнія токмо гласомъ поются, а имены в тѣ поры не зовутся, свое бо имъ время іменоватися і не в лишней рѣчи приходятъ, но по речи стоятъ і в слове расколу не чинятъ. И аще, государь, о семъ словеси іли обыномъ каковомъ и недоумѣнней вещи мы убозии умолчимъ и не порадимъ, і вамъ государемъ великимъ святителемъ и учителемъ не возвестили, і преже возспроса отвѣта не изготовимъ і которою мѣрою лучится вопрошеннымъ быти отъ иновѣрныхъ или единовѣрныхъ, іли аще отвѣта не учинимъ, великъ срамъ собѣ и своей вѣре сотворимъ, якоже предъидущая повесть да скажетъ: иже нѣкогда при царѣ и самодержце и великомъ князе Ѳеодоре Івановиче всея Росии прилучися быти богородцкому протопопу Еуѡимію з братіею в навечерни Рожества Христова Христа славити у Еремѣя, патриарха Цареградскаго, (л. 5) еще и вѣрна тогда иже тогда на Москвѣ бывъ, і велию честь протопопъ отъ патриарха приялъ и весь соборъ; і потомъ вопрошенъ бысть отъ него протопопъ о Рожествѣ Христове, в кий день родися Господь нашъ Ісусъ Христосъ? І протопопъ ста во умѣ своемъ и не вѣде, что отвещати, и мнится, преже того в томъ не порадѣлъ, или будетъ в тотъ часъ самъ по грехомъ позабылъ, а инъ изъ братии никто ему не пособилъ отнюдъ, просто речи болшее: такоже всякъ преже того не порадѣлъ, іс памяти же попустилъ, і протопопъ отвѣта не учинилъ и ничимже инымъ пособилъ, токмо времени упросилъ, і коликъ срамъ своему сану и благообразію сотворилъ, понеже всеизряденъ былъ не токмо же собѣ, но и собору всему, паче же и вѣре всей, і аще будетъ и после исправлено, но в тѣ поры посрамлено. І потомъ вниде во уши цареvy і его сигклита, на долгъ часъ достойное смирение (л. 5 об.) приятъ, аще и не жезломъ, но словесы і безъ ранъ биень

бысть: честному мужу бесчесныя словеса аки раны приимати, или будетъ во время сонма і горше; и впредь не мало время укоръ собѣ предложилъ, аще и всему собору срамно і поносно и смиренію достойно, но не тако, якоже первенцу і главѣ, занеже глава именуется въ братіи. Оттоле же и доселе та повесть носится, мнить же ся—и впредь не иссякнетъ. Подобаеть же, государь, намъ убогимъ таковыя же притча блюстися, аще подпоследняя четы есть; аще бы тогда протопопу отъ послѣднихъ кто из братіи оно слово известилъ і на умъ бы положилъ, протопопы бы отъ срама свободилъ и всему собору и вѣре похвалу учинилъ, і самъ бы собѣ велию честь учинилъ, да не токмо же, государь, о преже реченномъ намъ словеси, но и о всякомъ божественномъ писаніи (л. б) і о благочестіи церковнемъ подобаеть намъ грубымъ не нерадѣти і учитися и помнити, якоже ты, государь, великий святитель, достойно насъ грубыхъ начасте наказуешь и учишь, в лепоту своя содеваешь, а будетъ въ тои часъ покажется горко и зазорно, опосле сладко і гладко, и памятно, и паки во время добре будетъ надобно. Сего ради достоить тобѣ, государю святителю і учителю, и сия конца изыскати, істинна ли суть, или все лжа отъ нѣкихъ невѣждъ, якоже азъ, ради тщетныя хвалы собѣ предѣтвориша, или паки не отъ тайныхъ ли плевелосѣятель застарѣся, чтобы было право Бога славити і противу воспроса отвѣтъ учинити и своей вѣре срама не сотворити. Аще ли, государь, не у время, всяко будетъ время, і аще волить твое пречестное великое святительство да воспросишь старыхъ певцовъ і распѣвщиковъ предѣ собою, иже еще и нынѣ іныя живы (л. б об.), і в томъ художествѣ негли они слыхали у старыхъ своихъ мастеровъ про сицеву рѣчь, что она подлинно именуется. И по твоему государеву повелѣнію отвещають ти і изведуть правду на среду, аще вѣдятъ. Здѣ же, государь, вкратце речемъ, да не время продолжимъ, да не ушеса твоя честная отяхчимъ і зело тобѣ государю неудобно сие, писано бо есть: при дву или

трехъ свидѣтелехъ всякъ глаголь станеть, а разумныи и разсудителныи по малу и многая разумно будетъ.

Сентября въ 6 день Архангелу Михаилу на хвалитехъ слава гласъ 5, ему же начало «идѣже осеняеть благодать твоя все-славне оттуду дияволя сила прогонится, не стерпѣ бо свѣта твоего видѣ спадныи денница» сиче творческъ глаголь ко архангелу в лицо про всю силу дияволю, потомъ же про сатану самого, идѣже речется не терпитъ бо, і тутъ поется хабува, да рекутъ, какъ в томъ (л. 8) мѣсте іменовати хабува или хебуве или хабуву, сирѣчь или по первому мнимому разуму «Христа Бога», или «Христу Богу», или «Христе Боже», ино то по тому глаголу станеть Христу в лицо Творецъ говоритъ, а не архангелу, і будетъ речение сиче «не терпитъ бо Христе Боже свѣта твоего видети спадный денница», і сей уже слогъ раздратися і имя переменится. Аще ли рекутъ «хабува», ино станеть тоже про Христа Творецъ говоритъ, а не про архангела. Аще ли рекутъ «хабуву», сирѣчь «Христу Богу», никако же несходно і не клонително. Аще же бы и достовѣрно было вѣдомо, что именуется хабувою, что же убозии речемъ, никако же своимъ худымъ размысломъ в семъ стихѣ Христова імени и в хебувинѣ не разумѣхомъ, якоже преже рѣхъ, творческъ глаголь ко архангелу в лицо, а не ко Христу, ни отъ Христа, ни за Христа, ни на Христа, ни про Христа. Аще ли в небрежении положити (л. 8 об.) t запросто пустити і рещи, что ѿта толко молвится и по тому глаголу будетъ речение, не терпитъ бо ѿта хабуева свѣта архангелова видѣти, а не сатана, будетъ се крайнее безумие по разуму слогу разколно і в конецъ смѣху достойно. Аще будетъ самъ сатана хабувою іменуется, ино и то никако же несходно і неподобно, и зло тамо на Христа полагати, а здѣсе тѣмже званіемъ сатану называти і свѣта со тмою соединяти. Аще, государь, рекутъ, что хвала Богу приносится, или еще рекутъ, красоты ради положено, кто имъ паки твои святительскіи верхъ ізыщеть до конца и разсудитъ, кая похвала і красота Богу в хебувине имени.

Рожеству Христову в часѣхъ царьскихъ на 9-мъ часѣ тропарь гласъ 2, ему же начало: «Егда Іосифъ к девицы скорбию уязвляшеся ко Виѡлиому ідѣ» нем же (л. 9) строка творческъ глаголь в повѣстномъ кои Осиеу повелителнаго чину сице «отложивъ весь страхъ преславно разумѣвая Богъ бо сниде на землю милости ради во утробе моеи нынѣ», ідѣже речется весь, і туто поется и именуется хабува, да рекутъ, како в томъ мѣсте именовати хабува іли хебуве, или хабуву, сирѣчь Христе Боже, или Христа Бога, или Христу Богу. Аще ли рекутъ хебуве—Христе Боже, і по тому разуму будетъ Богородица Христу в лице говорить сице: отложи страхъ весь, Христе Боже, како тои рѣчи в томъ мѣсте статися, что Христу именоватися і кого ему боятися, и которому Христу Богородица велитъ страхъ отложить, а Христось в томъ часѣ во утробе Матерни, і котораго инаго Бога во утробе своеи сказывати, разве суца Сына Божия і присносуцна Отцу и рождена отъ него хотяща родитися із нея, никого не боятися і сего страха на всѣхъ быти; (л. 9 об.) отъ зла Ариева ересь і прощению недостойно, но аще кто мнитъ такъ быти і Сына со Отцемъ разделить і тварию Сына нарекати. Аще ли рекутъ хабува или хабуву, сирѣчь Христу Богу іли Христа Бога, никакоже не сходно и неклонително і на Христово имя, аще бы и достовѣрно было вѣдомо, что Христось именуется хабувою—что же убозии рцемъ, никакоже и в семъ стихѣ Христова імени и в хебувиномъ не разумѣхомъ, якоже і преже рѣхъ троическъ (*на полѣ*: творческъ) глаголь в повѣстной ко Іосифу, а не ко Христу, да не отъ Христа, ни за Христа, ни на Христа, ни про Христа, а рекутъ, что ѡита такъ молвится, и по тому разуму станеть Богородица ѡитѣ хебуве в лице говорить сице: отложи страхъ весь, ѡита хабува, а не Іосифъ, іли будетъ и о сихъ хабувою зоветься, что же ино рещи, кромѣ смѣху і безумия, едину хабуву, а на многи імены и на рѣчи полагаги о хвалѣ и о красотѣ, реченно тобѣ государю свыше (л. 10) сего.

У Архангелова стиха в томже стихѣ мало пониже строки

в повѣстном же творческѣ глаголь ко Иосиѡу сице «и радости исполнися поклонишася ея создателю своему», идѣже речется исполнися, і туто поется і именуется хабува, да рекутъ, како в томѣ мѣсте именовати хабува ли, или хабуве, или хабуву, сирѣчь Христа Бога, или Христу Богу, или Христе Боже, и по тому глаголу і разуму станеть, Богородица Христу в лицо говоритъ, а не Иосиѡу, і станеть та рѣчь и радости исполнися Христе Боже поклонишася создателю своему, да кто сице дѣлу сему і безумию нашему не посмиется, кто же вѣдыи истинну православия не восплачется о насъ: вся соборная і апостолская церкви исповѣдаетъ суца Христа Сына Божия присносуца Отцу і рождышагося ото Отца, а не сотворенна, да како здѣ не разсуждениемъ своимъ со Ариева учения (л. 10 об.) сложивше создание хвалимъ. Аще ли рекутъ хабува или хабуву, сирѣчь Христа Бога или Христу Богу, никакоже не сходно і не клонително, что убозии рцемъ, отнюдь в сеи строкѣ Христова имени в хебувиномѣ не разумѣхомъ, якоже и преже рѣхъ творческѣ глаголь ко Иосиѡу в повѣстномѣ, а не ко Христу. Аще ли что ѡита токмо молвится, ино по тому разуму станеть в лице Богородица ѡитѣ говоритъ, а не Иосиѡу, сице: радости исполнися ѡита хабува поклонишися создателю своему, или паки самъ Иосиѡъ хабува? Что же оно к тому рещи, кромѣ нашего неразумия и смѣха о хвалѣ і о красотѣ, речено бысть тобѣ государю.

Въ треоди о блудномѣ сыну на Господи возвахъ слава гласъ б, ему же начало «о коликихъ благъ окояныи себе лишихъ, о какова царствия отпадохъ, убогии азъ богатство изгубихъ яже прияхъ законъ преступихъ», сице творческѣ глаголь в повѣстномѣ (л. 11) блуднаго сына въздыхая глаголетъ, прилично же и намъ всѣмъ, якоже евангельская притча сказуетъ, идѣже речеса другое возводное «о какова царствия отпадохъ», і туто та хабува введена в строки и знамя на ней положено і речеть: хабува какова царствия отпадохъ убогии азъ, да рекутъ, како в томѣ мѣсте

пѣти і именовати хабува или хебуве, или хебуву, сирѣчь Христе Боже или Христа Бога, или Христу Богу. Аще ли рекутъ хабува или хабуву, сирѣчь Христа Бога или Христу Богу, никакоже не сходно і не клонително и на Христово имя; аще бы подлино было что Христось имянуется хабувою, ино надобе пѣти на есть, а не на азъ, сирѣчь в хебуве, ино станеть Христу в лице Христе Боже. Что же убозии рцемъ: отнюдъ і в семъ стихѣ в томъ мѣсте Христова имени в хебувиномъ не разумѣхомъ, якоже и преже рѣхъ, творческъ глаголь в повѣстномъ про блуднаго сына (л. 11 об.), а не про Христа. Аще ли паки в небрежении положить и запросто пустити і рещи, что рече токмо молвится и для красоты поется, и по тому разуму станеть блудный сынъ хебуве говорить, а не самъ собѣ, і будетъ речение «о хабува какова царствия отпадохъ убогий азъ», і невѣдомо, что ея в томъ мѣсте назвати і на которое имя положить рещи бы ѿита, ино не ѿитою поставлена—рѣчью введена. Разве ты, государь, великий святитель, ізыщешъ до конца и разсудишъ, что она в томъ мѣсте іменуется о хвалѣ и о красотѣ, реченно бысть тобѣ государю.

Недѣля всѣхъ святыхъ на хвалитехъ слава гласъ 8, емуже начало «Святыхъ отецъ ликъ отъ вселенная конца стекшеся Отца і Сына и Святаго Духа едино существо и таинство богословия ясно проповѣдаша, церкви ихже похваляюще вѣрою ублажимъ глаголюще: о божественни полче богогласни, (л. 12) вооружители полка Господня», сице творческъ глаголь по святыхъ отецъ и насъ созываетъ блажити ихъ и похваляти; индеже «О, возводное иже божественни полче» и тутъ введена хабува рѣчью: О хабува божественни полче, да рекутъ како в томъ мѣсте тоирѣчи статися, что Христу именоватися, никакоже не сходно и неудобно, якоже преже рѣхъ. Творецъ говоритъ: простыхъ отецъ удивляся, о божественни полче, и не про Христа, ни за Христа, ни отъ Христа, ни на Христа, ни что будетъ святыхъ отецъ полкъ хабувою называетъ, ино то никако же несходно и негодно, якоже преже рѣхъ, единой

хабуе на многие рѣчи именоватися и имена налагати, что же ино імамы рещи—отнюдь в семь стихѣ Христова имени в хебувиномѣ не разумѣхомъ, а о хвалѣ и о красотѣ паки довлѣетъ тобѣ государю разсудити, что есть хвала и красота в хебуе.

О инеине хебуе же Рождеству Христову в часѣхъ царскихъ тропарь гласъ 8 (л. 12 об.) на 3-мъ часу, емуже начало сии глаголетъ Иосифъ к девицы Марии «что дѣло се еже в тебѣ вижу», индеже речеса «дѣло се» и туто введено въ строку инеине хебуе иже в тебѣ вижу, і се уже якоже и преже далече рѣхъ послѣднимъ словомъ разоряется и величается первый глаголь сице: ине хебуе сиирѣчь по мнимому разуму Христе Боже, ино и то никакоже не сходно, занеже Иосиѣъ к девицы Богородицы в лице говоритъ, а не ко Христу. Что же ино к тому імамы рещи? Отнюдь своимъ худымъ разумомъ не домыслимся, для чево та рѣчь туто введена, тобѣ государю довлѣетъ о семь разумѣти. І в томъ же стихѣ мало того строка такоже поставлена, тоже говоритъ «Марие, что дѣло се еже в тебѣ вижу». В томъ же часу тропарь гласъ той же, емуже начало сице: «прежь Рождества твоего трепетно видяще таинство, Господи, разумная воинства дивляхуся, яко младенецъ роди(л. 13)тися благоизволилъ» есть сице творческѣ глаголь к самому Господу в лице, идѣже речеса самого начало стиха «преже», и тутъ введено рѣчью «инеине хебуе», іно молвится Рождества твоего достойно тако быти, что Христе Боже, занеже Творецъ самому Христу в лице говоритъ, обачеже реку и тому нелзѣ быти, понеже к концу стиха стоитъ Христово лице, сице бо «такое смотрение увѣдано бысть твое милосердие, Христе, велия милость, слава Тобѣ». Мы же убозии слышали, что во единомъ стихѣ единому лицу единымъ речениемъ на едину букву дващи не глаголется, а здѣ уже отнюдь отвращено инеине, іно стало инеине Христе Боже, протчее жъ рцемъ, отнюдь не домыслимся своимъ малоумиемъ ¹⁾, для ради

¹⁾ Исправлено изъ «малоумѣемъ».

которые мѣры та рѣчь введена, тобѣ государю довлѣтъ вѣщи разумѣти и разсудити.

Въ Страшныхъ часѣхъ на третьемъ часѣ гласъ той же начало тому же подобно, тотъ же творческъ глаголь (л. 13 об.) самому Христу в лице говоритъ сице: «Преже честнаго креста воиномъ стрегущимъ Тебѣ Господи» идѣже речесъ. Замого начало стиха «преже» и тутъ таже «інеіне хебуве» в строки введена і знамя по ней положено і речетсѣ «преже інеіне хебуве честнаго креста». Въ Богоявленскихъ часѣхъ въ 6-мъ часу тропарь гласъ той же, емуже начало сице глаголетъ Господь ко Іванну «Пророче гряди крестити мене», идѣже речесѣ «мене», і тутоже введена же «інеіне хебуве» и стоитъ речение «Пророче, гряди крестити мене інеіне хебуве»; инде, якоже и преже рѣхъ, во многихъ мѣстехъ такоже введено въ строки і в лишние рѣчи поставлено и знамя положено иже в стихаралехъ стихи скажутъ и объявятъ.

Здѣ же нѣсть все подробну исписати, яко и преже рѣхъ, вкратце объявится: мню, и такъ своимъ недоумѣниемъ и нелѣпотослужиемъ честная твоя ушеса отяхчихъ, (л. 14) но по нужде, занеже словеси послужихъ, аще отнюду гдѣ просте в слове вмале помянетсѣ и вѣщи писаниемъ не изнесетсѣ, на среду не приложитсѣ і всяко достовѣрно не явитсѣ, аще тобѣ государю великому святителю тѣ пѣвцы скажутъ, что слыхали кромѣ рускаго і греческаго языка и еллинскаго и инымъ которымъ языкомъ арапскимъ или арменскимъ, или египетскимъ, или еѳиопскимъ, или иверскимъ, или македонскимъ, или персицкимъ, или сирскимъ, или сѣверскимъ, или татарскимъ, или ханаанскимъ, а протчихъ иныхъ языкъ что подлино та хабува и не хебуве и инехебуве поючи именовати надобе, и тобѣ государю великому святителю достоитъ сицеваго дѣла во презорство не положить и о ней трудъ подъяти и совѣтъ учинити і во едино согласие утвердити і противу клоненей повелѣтъ пѣти: гдѣ на азъ (л. 14 об.)—туто на азъ, а гдѣ на есть—туто на есть, а гдѣ на икъ—туто на икъ, чтобы было согласие нерозвратно, а Богу невозбранно, а у церкви Божіи непозорно, а

намъ поющимъ и глаголющимъ непоносно і неукорно и несмутно і вѣдомо, не якоже нынѣ не вѣдевъ поемъ не противу клоненей: гдѣ надобѣ хабува—и мы поемъ хебуве, а гдѣ надобе хебуве—и мы поемъ такоже невѣдомо, или инъ стихъ поучи во единомъ лику стоячи, і прилучится та хабува пѣти, і мы вси разное глаголемъ а не на едину букву: инъ поетъ хабува, инъ поетъ хебева, а инъ поетъ хабуву, і сего ради бываетъ отъ слышащихъ *смѣхъ*, паче же отъ Бога *грѣхъ*, церкви Божіи цозорно, а въ согласіи *раздоръ*, а намъ поющимъ *укоръ*. Аще государю царю и великому князю Василию Івановичю, всея Росіи самодержцу высокостолнейшему, паче же во православии сияющю, і тебѣ государю великому (л. 15) святителю сия рѣчь Богомъ *известится* і благій помыслъ в сердце ваше *вселится* і радѣніе *учинится*, и во времена ваша та рѣчь в правду изыщется і ото лжи на истинну *пременится* і исправится и впредь *утвердится*, велика вамъ мзда отъ Бога *воздастся* и достояніе миру слава ваша не *изменится*, занеже не мало лѣтъ та рѣчь невѣдома что зовется. А на меня убогаго не положи в томъ своя святительскія опалы, но просветивъ мое невѣдение прости мя безумнаго, дерзнувшаго еже выше мѣры мояя пытати. Буди твое святительство здраво і *спасенно* і паствою отъ всѣхъ злыхъ *невреженно* і до преселения твоего в вѣчныя обители. Аминь.

Вл. Майковъ.

Изъ старинной сатирической литературы о пьянствѣ и пьяницахъ.

Разное время, разные люди различно реагируютъ на повторяющіяся явленія жизни. Поэтому историку культуры любопытно отмѣтить разнообразіе воззрѣній эпохъ на такія явленія жизни, которыя отличаются большею стойкостью и вызываютъ отраженія въ литературѣ въ теченіе ряда вѣковъ. Пьянство древней Руси, отмѣченное еще лѣтописцемъ (по заслугамъ—или незаслуженно) принадлежитъ къ числу такихъ устойчиво повторяющихся фактовъ русской жизни. Естественно, въ литературѣ древней Руси оно нашло не мало отраженій и обличеній. Не касаясь случайныхъ и мелкихъ публикацій, назовемъ хорошій подборъ словъ противъ пьянства въ «Памятникахъ древне-русской учительной литературы» вып. III, изд. проф. Пономаревымъ. Наша задача—обратить вниманіе читателя на нѣсколько новыхъ данныхъ, отражающихъ, въ зависимости отъ характера эпохи—отношеніе авторовъ къ пьянству и предполагающихъ различныя формулировки этого отношенія въ литературныхъ памятникахъ.

Словъ и поученій о пьянствѣ древняя до-Петровская Русь знала много. Особенное нагроможденіе ихъ мы находимъ въ «Измарагдахъ» XVII в.; такъ, въ одномъ «Измарагдѣ» собр. Ундольскаго въ 4-ку № 542 (м. б., даже конца XVI в.) находимъ: 1) Слово о пьянствѣ, *нач.* «Пьянствомъ силныи испровергошася»... (л. 59 об.); 2) Слово о пьянствѣ, *нач.* «Пьянство паче объяденія»... (л. 60 об.); 3) Слово

Св. Василия о пьянствѣ (л. 62 об.); 4) Слово Св. отецъ о пьянствѣ ко всѣмъ крестьяномъ (л. 63 об.); 5) Слово Свв. отецъ о пьянствѣ (л. 64 об.); 6) Слово о високоумномъ хмельѣ (л. 66 об.); 7) Слово о пьянствѣ (л. 69—69 об.); одни изъ этихъ словъ отличаются большей древностью, инья—меньшей, но въ «Измарагдахъ» они примыкають одно къ другому и группа ихъ растеть, какъ катящійся съ горы снѣжный комъ.

Наиболѣе характернымъ и выразительнымъ по богатству образовъ является художественно написанное «Слово о високоумномъ хмельѣ», уже отчасти использованное въ свое время Ѡ. И. Буслаевымъ. Въ этомъ памятникѣ, чрезвычайно популярномъ и извѣстномъ въ старинной русской литературѣ во всякомъ случаѣ съ XV в. (старшій извѣстный мнѣ списокъ XV в. Тр. Серг. Лавры № 408, 8^о; довольно старый—XVI в. Погод. № 1594, л. 54 и сл.—нѣсколько отличающейся отъ предыдущаго редакціи; списки XVII в. нерѣдки—Унд. №№ 542, № 1306 и мн. др.) мы находимъ такое построение обличенія пьянства и пьяницы: хмель самъ совѣтуетъ князьямъ, боярамъ, всякому властелю (*Погод.*), всякому человѣку, священническому чину, князьямъ, боярамъ, слугамъ, купцамъ, богатымъ и убогимъ, женамъ, старымъ и молодымъ (*Тр. Л.*)—«не освоивайте меня» и далѣе, сказавъ о своемъ славномъ родѣ (дань вкусамъ и нравамъ времени)—перечисляетъ все, что онъ сотворяеть съ тѣмъ, кто съ нимъ содружится: «пръвіе dospѣю его блудника и къ Богу не молебника, на молитву не встанлива, а в ночь не сонлива; и не изоспався стонет; наложу ему печаль на сердце; вставшу ему с похмеліа глава болит, очи свѣта не видять, а ум его не идет ни на что ж на доброе, а ясти не требует, грѣтан его пресышет, пити хошет, испити чашу и другую с похмеліа и ины многы и тако напиваетса по вся дни»... (*Тр. Л.*).

Далѣе изображаются конкретно послѣдствія пьянства для всякаго чину людей: «Аще познаетса (со) мною князь (*Погод.* или бояринъ)—учиню его безумна, люта на люди и *несмыслена*, и имет пити чрес ночь, а спати до полудня.

а людем исправы нѣту, а боляре у сирот посылы (sic) емлют, сироты и вдовици обидимы всплачют; тогда узрѣвше люди таковаго князя, извергут его исъ княженя» (Тр. Л.). «А аже познается со мною боляринъ, доспѣю его злоблива и не милосерда до сирот и сребролюбива, и узрѣв его добрый князь *извержет его исъ сану*» (Тр. Л.). ...«Аще познаетца со мною святитель или игуменъ, или поп, или діакон, или чернецъ и будет ни божей ни людцкой, и всему міру в ненависти, и *сан свой погубитъ*» (Погод.). «А иже познается со мною купецъ, доспѣю его скорбна, в утлѣ клобуцѣ, в ветсѣ свитѣ, в издраных сапозѣх, а у людей имет куны заимывати, а ни ему не дадутъ, видят его піанчива». (Тр. Л.). «А иже познается со мною слуга князь, доспѣю его от князя в ненависти (*далѣе*: ладно будет, Тр. Л.; и в недозоре и умрети ему не людню, *Погод.*), ни дворянин ни селянин, в недозоре ему и умрети» (Тр. Л.). «А иже познается со мною селянин а имет ходити часто по пиромъ, доспѣю село его пусто, и самага в злых днех, а жена и дѣти его по работамъ» (Тр. Л.). «А иже здружится со мною мастеръ каков бы ни былъ, отиму у него оум, доспѣю его лихою піяницею горѣе всѣхъ, и еще злы дни наведу на него; дѣла своего дѣлати не хочет, но хочетъ пити, и не будет ему добра» (Тр. Л.) (живота и поученья на добро не приемлетъ—*доб.* въ *Погод.*). «А иже познается со мною жена, какова бы ни была, а иметься упивати до піяна, учиню ея блудницею (въ *Погод. доб.*: горее всѣхъ людей), воздвигну в ней помыслъ на блуд (*Погод.* всѣ пакости телѣснѣе), и будетъ от Бога отлучена а от людій в посмѣсѣ, луче бося не родила» (Тр. Л.). Далѣе—осужденіе злого запойства, оправданіе умѣреннаго питія, неизлѣчимость пьянаго молитвою іереевъ и результаты пьянства, искажающаго душу и внѣшній видъ человѣка.

Борьба съ пьянствомъ въ русской литературѣ продолжалась и въ XVIII в., и позже. Естественно, въ связи съ обмірщеніемъ широкихъ массъ и съ забвеніемъ литературной старины, которая постепенно опускалась въ низшіе слои.

грамотныхъ людей, самый характеръ обличительныхъ статей долженъ былъ отразить на себѣ черты своего времени и тѣхъ общественныхъ вкусовъ, которые вырабатывались въ средѣ немногихъ любителей старины, понимавшихъ ее по-своему. Съ одной стороны, въ старообрядческой средѣ пишутся гнѣвныя и тяжеловѣсныя проповѣди—разсужденія о душегубительности хмельнаго питія, щедро уснащенные цитатами изъ Св. Писанія (срв., напр., рукоп. Кіев. Дух. Акад. № Аа, 159 изъ собр. м. Макарія, Сборн. XVIII в., л. 29); съ другой—отголоски стариннаго обличенія даютъ матеріаль для своеобразнаго юмористически-назидательнаго стихотворенія, попавшаго въ лубочныя картинки. И духъ этого стихотворенія, и стиль его—носятъ рѣзкій отпечатокъ XVIII в., именно той его литературной манеры, которая обнаруживается въ вульгарной литературѣ 1730—1760-хъ гг. Вотъ это стихотвореніе въ изданіи Снегирева (О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа, Сборникъ изд. Валуевымъ, I, № 17).

«Аще содружится со мною великій властелинъ,
И я учиню аки глупый поселянинъ.
Аще содружится со мною кая власть,
Постигнетъ его лютая напасть.
Аще содружится со мною протопопъ,
И онъ будетъ глупый пустопопъ.
Аще содружится со мною чернецъ,
Учиню его верченаго собою (sic!).
Аще содружится со мною черница,
И она будетъ въ монастырѣ непостоянная жилица.
Аще купецъ со мною содружится,
Тогда купля его скоро потребится.
Аще подъячій содружится со мною,
То вся злая постраждетъ надъ собою.
.
Аще солдатъ или приставъ содружится,
То всегда батогами оскорбится.

Аще рабъ или холопъ со мною содружится,
Воистину мерзокъ господину явится.
Аще ремесленникъ со мною содружится,
То ремесло его вскорѣ погубится.
Аще содружится со мною кая жена,
И она будетъ мужу строптивая змія.
Аще со мною какого чина мужъ содружится,
И онъ въ великихъ нуждахъ будетъ находиться.
Аще поселянинъ со мною содружится,
То все село его пусто сотворится,
И рости станетъ вмѣсто пшеницы кропива,
А онъ начнетъ желяти вина и пива». (Стр. 204)

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это стихотвореніе восходитъ къ «Слову о високоумномъ хмелѣ»; отдѣльныя указанія на гибельность питія въ обоихъ памятникахъ отчасти совпадаютъ, отчасти не совпадаютъ, но общая конструкція ясно указываетъ на генетическую зависимость произведенія вульгарной литературы XVIII в. отъ стариннаго «слова». Конечно, вмѣсто князя, явился «нѣкій властелинъ», вмѣсто святителя, или попа, или игумена—протопопъ и т. п., но тутъ же добавлены предупрежденія чернецу, черницѣ, а далѣе — солдату, холопу. Купецъ и ремесленникъ (мастеръ) сохранены. Важными кажутся намъ чисто литературныя измѣненія: изложеніе вмѣсто конкретно-образнаго обратилось въ сухое, дидактическое, каждое предупрежденіе—замкнулось въ рамку двустишія.

Начальныя строки «Слова о хмелѣ» также нашли себѣ отраженіе въ лубочной литературѣ XVIII в. Имѣемъ въ виду «Бесѣду философвъ Анахарсиса и Кирилла о пьянствѣ» съ изображеніемъ хмеля, надъ которымъ надписано: «Азъ есмь хмѣль трава, высокая голова».

Такъ намѣчается традиція сатирико-юмористическихъ образовъ пьянства въ сѣвернорусской литературѣ до XVIII в. включительно. Если мы возьмемъ аналогичныя памятники старинной украинской литературы, то встрѣтимъ здѣсь нѣчто

иное: и «Синаксарь Коропскихъ братьевъ» и «Лѣкарство на болящихъ немощію пьянства или Бахуса новоизобрѣтенное»—обнаруживаютъ иные литературные пріемы и иную трактовку и пониманіе самого сюжета. Приводимъ здѣсь, еще не бывшее въ печати «Лѣкарство» по рукописи Церк. Археол. Муз. при Кіевской Духовной Академіи № (J.89) л. 474 и сл., повидимому, половины XVIII в. (сокращенія раскрываемъ):

«Вижду тя страждуща очень на похмѣлья.
Бѣда! згинеть человѣкъ, треба искать зѣлья.
И невѣмъ, откуда бы прибрати прилѣчна;
Зрѣтся въ тебѣ болѣзнь въ нутрѣ необична.
Да се взродила въ тебѣ любима сивуха,
Коей напиваешся ты по самыя уха.
Итакъ болѣзнь сію имѣешь чрезъ стаканы,
Чрезъ чаши, кубли, чванцы полны питія даны.
Немощи сей неулѣчит и салвачна баня.
Развѣ дать треба сего заливаня:
Треба дубовымъ сукомъ спину шмароваты,
А тресущіеся руки у сукъ извязаты.
Голова ж, которая какъ не распадется,
Манистом желѣзным таж да прикуется.
Еще же и въ салвацію его вести треба:
Закинуть въ яму, чтобъ не видѣлъ неба.
И салвовать его три дня поволи—
Сухар давать на день ему, а не болѣ;
А послѣ сего треба вынять его зъ ямы,
И напоить его сими полезными зѣльями.
Помазать его маслом тѣм, что з березьевъ,
Такъ, чтобъ помазанный ни всѣдивъ, ни влежавъ.
Сіеж лѣкарство токмо ползуетъ лѣтною порою;
Иначе должно поступить с таким зимою.
Не треба вестъ его въ салвацію тридневну,
Но толко вывести на стойку дневну
И принудить полчаса стоять на морозѣ,
Въ одной рубашкѣ, чтобъ прохолодился сквозѣ.

И такъ, когда вымерзнетъ съ похмѣлья,
То вышереченнаго дать ему зѣлья;
Буди жъ въ комъ приключится та болѣзнь въдругъ—
То симъ образомъ врачевать въ недугѣ:
Треба сыскать на его мартоваго мѣха,
И закинуть его туди безъ всякаго смѣха;
Зашить тотъ мѣхъ съверху и положить доли
И въ два вьюна его лоскотать доvoli
По семъ мѣху, чтобъ болѣзнь не прикилас,
Либо въ какомъ кутку не затаилась.
И такъ сей мѣхъ отженеть хоробу:
Не будетъ болѣть тѣмъ до самого гробу.
Внуши сей совѣтъ умомъ всякъ трезвый,
Прійми про память сей совѣтъ полезный».

Здѣсь пьянство—не роковая сила, съ которою борьба порою невозможна человѣку всякаго чина: авторъ бодро и шутивно трактуетъ свой сюжетъ, предлагая суровую «сальвацію» пьяницамъ. Все стихотвореніе проникнуто характернымъ для малоруссовъ юморомъ и обличаетъ не конкретные случаи пьянства разнаго чина людей, а вообще пьянство, какъ порокъ, поддающійся исправленію путемъ воздѣйствія, о которомъ даже обличители XV в. не рискуютъ упоминать, не надѣясь на его цѣлительную силу.

В. Н. Перетцъ.

Кіевъ. 1910 X 30.

Посѣдныя бояре въ Жмудской землѣ въ XVI вѣкѣ.

Названіе «бояре» въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ извѣстно, прилагалось къ нѣсколькимъ разрядамъ военно-служилаго класса. Во первыхъ, этимъ именемъ обозначались землевладѣльцы шляхетскаго сословія, которые «зъ вѣковъ были бояре», т. е. несли одну только военную службу, и, будучи признаны благороднымъ сословіемъ, надѣлены были правами и вольностями польской шляхты. Во вторыхъ, это же имя носили и военно-служилые люди, не пользовавшіеся шляхетскими правами, называвшіеся иначе слугами. Часть ихъ называлась панцырными боярами, часть путными и часть просто боярами. Эти бояре-слуги занимали среднее положеніе между шляхтою и крестьянами, изъ которыхъ они и вербовались на боярскую службу, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ или части тяглыхъ повинностей. Съ шляхтою ихъ сближала военная служба и личная свобода; съ крестьянствомъ—происхожденіе, нѣкоторыя повинности, которыя они несли сверхъ военной службы, экономическое положеніе и отсутствіе гарантій по землевладѣнію. Подробныя данныя обо всѣхъ этихъ разрядахъ были приведены мною сначала въ книгѣ, посвященной областному дѣленію и мѣстному управленію Литовско-Русскаго государства, а затѣмъ въ изслѣдованіи о литовско-русскомъ сеймѣ. Тамъ же отмѣчено было суще-

ствование въ Жмудской землѣ «посѣдныхъ» боярь и указана была принадлежность ихъ къ разрядамъ боярь, не входившихъ въ составъ шляхетскаго сословія. Настоящая статья имѣеть своею задачею болѣе подробно изложить данныя объ этихъ посѣдныхъ боярахъ и рѣшить вопросъ, какой смыслъ имѣеть самое названіе этихъ боярь «посѣдными».

Разсмотрѣніе данныхъ о посѣдномъ боярствѣ не только разъясняетъ извѣстную деталь общественнаго строя Литовско-Русскаго государства, но попутно приводитъ къ интереснымъ наблюденіямъ относительно нѣкоторыхъ древне-русскихъ институтовъ и ихъ эволюціи.

Итакъ, что же такое посѣдныя бояре?

Въ актахъ прежде всего находимъ опредѣленные свидѣтельства, что *бояре посѣдныя не были шляхтичами*. Въ 1543 году приставъ волости Повонденской Жмудской земли Чопотисъ Миколаевичъ сталъ доводить передъ старостою Жмудскимъ паномъ Юріемъ Мартиновичемъ Бѣлевича на боярь господарскихъ той же волости — Юхна Кгечайтя, Юрія Докгойтя, Станя Довгялойтя, Бутка Пиктажайтя, Петра Римкойтя, Юхна Станяйтя, Войтка Доркгужойтя, «яко бы они зъ давныхъ часовъ были *поседники* и съ повинности тивуномъ и наместникомъ *поседи* дельвали». Но бояре заявили, что предки ихъ съ давнихъ временъ, отъ великаго князя Витовта, не несли этихъ повинностей, служили одну только земскую боярскую службу, но что прежніе старосты, Янъ Миколаевичъ Радивиловича и преемникъ его панъ Матей Яновичъ, «силою ихъ увернули у поседи», при чемъ отобрали и подрали листы, которые у нихъ были относительно ихъ состоянія отъ первыхъ старость Жмудскихъ. Панъ Юрій Мартиновичъ спросилъ у другихъ боярь, и они заявили, «ижъ такъ есть, яко они поведили». На этомъ основаніи панъ Юрій оставилъ всѣхъ перечисленныхъ выше боярь *при шляхетствѣ* и приговорилъ: «вжо черезъ то не мають они поседей некоторыхъ тивуномъ и наместникомъ давати, одно водлугъ стародав-

ного обычаю господару его милости мають службу земскую служити» ¹⁾).

Изъ приведенныхъ сообщений судебного «вырока» Жмудскаго старосты вытекаетъ *vice versa*, что тѣ бояре, которые были посѣдниками, не были шляхтичами, а «людьми», состоявшими наряду съ крестьянами въ вѣдѣніи и распоряженіи волостныхъ приставовъ. Акты даютъ и прямая указанія въ этомъ же смыслѣ. Въ 1528 году, согласно опредѣленію Виленскаго сейма, должна была производиться хозяйственная перепись въ Жмудской землѣ въ цѣляхъ урегулированія военной службы. Изъ грамоты, разосланной по сему случаю державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, узнаемъ, что перепись имѣній бояръ-шляхты, мѣщанъ и плебановъ поручалась тивунамъ, дяку старосты и двумъ землянамъ, назначеннымъ Жмудскимъ старостою въ каждомъ тивунствѣ. «А што ся дотычетъ во всехъ тивунствахъ нашихъ, гласила грамота, бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей тяглыхъ всихъ, и куничниковъ, мы тыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей нашихъ службами, и колко въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи и кони, и маемость кожного чоловѣка и земли пустовскіи..... то все рассказали есьмо секретарю нашему пану Скопу, дворянину нашему Яну Орвидовичу пописати и тыи списки къ намъ прынести». Сообразно съ этимъ, державцамъ и тивунамъ предписывалось ихъ намѣстниковъ и приставовъ, урядниковъ волостныхъ, предоставить въ распоряженіе пана Скопа и велѣтъ имъ «въ томъ во всемъ пана Скопа послушнымъ быти, и тыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и людей нашихъ (господарскихъ) всихъ, и сохи и кони, и платы вси тыхъ людей, которые на насъ и на васъ, тивуновъ нашихъ, приходятъ, справедливе имъ повѣдати и пописати» ²⁾). Изъ этого совершенно очевидно, что

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XXIV, л. 227, 228.

²⁾ М. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута, прилож. № 44. Москва. 1892.

бояре посѣдные принадлежали къ категоріи «простыхъ» людей наравнѣ съ слугами путными, мѣщанами мѣстечекъ, тяглыми людьми и куничными, представляя въ этой категоріи высшій слой.

Бояре эти назывались посѣдными потому, что они дѣлали *посѣди* и платили доходы господарскимъ урядникамъ, напр., тивунамъ Жмудскимъ, какъ въ вышеуказанномъ случаѣ. Но что такое были эти *посѣди*? Значеніе термина вскрываетъ листъ короля Сигизмунда, выданный 31 іюля 1538 года приставамъ и всѣмъ людямъ волости Упитской по жалобѣ ихъ на «кривды и тяжкости великіи», чинимыя имъ намѣстниками воеводы Троцкаго. Изъ этого листа узнаемъ, что злоупотребленія урядниковъ въ Упитской волости начались еще при королѣ Казимирѣ: намѣстники Троцкаго воеводы, наѣзжая на эту волость, «бирали на нихъ по посадемъ съ каждое поседи по 800 куръ, по 800 плечъ мяса, по 90 барановъ, по 200 бочокъ овса, а по 60 копъ грошей, а по 20 подводъ, чого здавна не бывало»; но король Александръ по жалобѣ волостныхъ людей на эти злоупотребленія установилъ: «маеть наместникъ воеводинъ ездити по посадемъ на году три раза: два кротъ мають на него делати по 30 поседи, а въ третее на весне по 15 поседей; а на каждую поседь мають приехати къ обеду, а ночовавшы и обедавши на заутрые маеть прочь поехати, а на каждой поседи мають ему дати по барану а по 15 куровъ, 15 плечъ мяса, а по пуду меду и тежъ на каждой поседи по три бочки овса а по куницы шерстью або за куницу 12 грошей». Согласно этой уставѣ, и Сигизмундъ предписалъ урядникамъ Троцкаго воеводы «оныи поседи съ нихъ брати» ¹⁾. Итакъ, «посѣдью, или посадью» называлась остановка урядника, объѣзжавшаго волость, и связанная съ этимъ повинность населенія давать ему кормы и подношенія деньгами и натурою.

¹⁾ Литовск. Метр. кн. Запис. XX, л. 165, 166; напечатано у М. В. Довнара-Запольскаго, Очерки по организаціи западно-рускаго крестьянства въ XVI в., прил. № 17.

На Руси начало такой повинности восходитъ, какъ извѣстно, еще ко временамъ Русской Правды. По Русской Правдѣ, вирники, собиравшіе виры и, повидимому, также и продажи, въ пунктахъ своей остановки получали съ населенія хлѣбъ, барановъ, полти мяса, куръ, солодъ, горохъ, пшено, овесъ и денежные приношенія. Въ Литовскую эпоху въ западно-русскихъ областяхъ также констатируются по актамъ аналогичныя повинности населенія. Такъ, люди волости Бчицкой, когда къ нимъ пріѣзжалъ намѣстникъ Мозырскій «по полюдые свое», сывивали на него носатку меду и давали по лисицѣ отъ дыма. Когда же намѣстникъ Мозырскій пересталъ къ нимъ ѣздить на полюдые и сталъ держать въ Бчицкой волости постоянного намѣстника, котораго они должны были поднимать «стачеею (кормомъ) и иными рѣчьми», Бчичане подали жалобу королю Сигизмунду, указывая, что имъ «въ томъ кривда и тяжкость великая ся дѣеть». Король запретилъ Мозырскому намѣстнику держать въ волости Бчицкой своихъ намѣстниковъ и постановилъ: «маеть къ нимъ намѣстникъ Мозырскій посылати въ тую волость Бчицкую по полюдые въ кождый годъ» ¹⁾. Державцѣ Могилевскому волостные люди каждый годъ платили «узъѣзду» 50 копъ грошей и «полюдованья, коли у волость не поѣдетъ, пятьдесятъ же грошей». Такъ гласить листъ короля Сигизмунда, выданный въ 1514 году ²⁾. Изъ позднѣйшаго листа того же короля, выданнаго державцѣ Могилевскому князю Василию Ивановичу Соломерецкому (около 1535 года), видно, что люди Могилевской волости платили ему «узъѣзду» 60 копъ грошей «широкое личбы» и, кромѣ того, съ каждаго дома по грошу осенью и по грошу весною, 80 бочекъ жита, 80 бочекъ овса и записного по пенязю отъ бочки ³⁾. Это,

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, прил. № 17.

²⁾ Акты Запад, Россіи, II, № 86.

³⁾ *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, прил. № 10.

очевидно, было *полюдованье*. Приблизительно годъ спустя новая устава, выданная той же волости, отмѣнила вышеуказанный «узѣздъ», но опредѣлила при этомъ: «а за *полюдованье* маеть ему давати 60 копъ грошей на узкую личбу, какъ и передъ тымъ даивали, а на живность жита 80 бочокъ, а сена 80 возъ, а яловиць 16 на кождый годъ зъ волости, а зъ места мають давати по 20 бочокъ овса, а по 20 возъ сена, а по 4 яловицы» ¹⁾. Изъ подтвержденной устavy, данной въ 1544 году намѣстнику Кричевскому пану Андрею Шолухѣ, видно, что люди Кричевской волости обязаны были давать намѣстнику ежегодно «за страву» 15 копъ грошей узкихъ, 5 яловиць или деньгами полкопы грошей за яловицу, 5 полтей мяса по 10 грошей каждая полть, 50 бочекъ солянокъ овса, 300 возовъ сѣна, 5 возовъ дровъ. Въ грамотѣ, содержащей эту уставу, деньги, платимые «за страву», названы прямо «куницами *поседеными*» ²⁾.

Итакъ, посади или посѣди были тѣми же самыми кормами и подношеніями, которые давались намѣстникамъ, когда они выѣзжали на полюдь ³⁾. Эти кормы и дары въ силу обычая давались намѣстникамъ «на страву» и тогда, когда они не ѣздили по волости, а сидѣли либо въ своей резиденціи, либо въ своемъ имѣньѣ. Волостные люди въ такихъ случаяхъ свозили эти кормы или «стациі» въ указанныя мѣста или же вносили за нихъ извѣстную сумму денегъ. Такъ было на Руси, въ Поднѣпрскихъ волостяхъ ⁴⁾, такъ было и въ Жмуди. Въ отношеніи Жмуди характерное указаніе содержитъ судебный «вырокъ» по дѣлу волости Тондягольской со старостою Жмудскимъ Яномъ

¹⁾ Тамъ же, прилож. № 11.

²⁾ Тамъ же, прилож. № 24.

³⁾ Срав. *М. В. Довнара-Запольскаго*, Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, стр. 92, 102. Кіевъ. 1901.

⁴⁾ См., напр., въ прилож. № 8—9, 11, 19, 20, 27 — къ книгѣ *Довнара-Запольскаго* «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ».

Миколаевичемъ Радивиломъ. Назначенный старостою, Янъ Радивиль собралъ къ себѣ въ имѣнье Кейданы приставовъ и людей волостныхъ своего старства и объявилъ имъ, что для облегченія ихъ онъ не будетъ ѣздить «по посѣдемъ» и держать въ волостяхъ по намѣстнику и тивуну съ двумя слугами, а одного только намѣстника, если они будутъ платить ему то же, что платятъ люди господарю въ волостяхъ господарскихъ, взятыхъ въ 1529 г. въ непосредственное распоряженіе господаря, т. е. съ сохи полкопы грошей, по бочкѣ овса, по возу сѣна, съ дыма по курицѣ и десяти яицъ, и если все это будутъ отвозить до имѣнья его Кейданъ. «Угода» состоялась, и всѣ волости Жмудскаго старства стали платить старостѣ условленный доходъ. Только волость Тондякольская отказалась нести новыя повинности, и когда староста распорядился десять человекъ изъ этой волости посадить «въ казнь», подала господарю жалобу на произволь старосты. На судѣ Тондякольцы говорили; «А мы передъ тымъ у подводы николи не хожывали, а ни тыхъ подачковъ великихъ даивали, бо есьмо бояре, на войну ездимъ конно, збройно ведлугъ можности своее; нижли только враднику его милости даемъ отъ сохи воловое петнадцать грошей; а хотябъ въ кого колько сохъ, тогда только по полкопы грошей, а большей полукопы не даевали, а отъ коньское сохи по десети грошей, а по бочце овса; а на пана старосту даевали есьмо съ кожного дому по мерце жыта, а по другой овса, по мерце хмелю, по два гроши на медъ, и тое збожье и хмель и сыпывали есми на волости на одномъ мѣстцѣ». Когда староста указалъ на то, что новые платежи установлены съ согласія же волостныхъ людей, Тондякольцы возразили: «коли его милость волость обсылалъ, абы ся зѣехали до Кеданъ, мы тамъ не были; могъ приставъ куничникомъ листы выправити, а мы не куничники, бояре, не ведаемъ о томъ листе ничего, ни есмо его видели». Но когда староста поставилъ шапку, «ижъ они были», т. е. предложилъ судебное пари, они не захотѣли съ своей

стороны приставить шапки и такимъ образомъ проиграли тяжбу ¹⁾).

Приведенныя здѣсь показанія акта, иллюстрируя превращеніе древне-русскаго полюдья въ намѣстничьи кормы, въ то же время окончательно рѣшаютъ вопросъ и о посѣдныхъ боярахъ, отграничивая ихъ снизу. Посѣдными боярами, значитъ, назывались слуги, обязанные военною службою и не несшіе никакихъ крестьянскихъ повинностей, кромѣ денежныхъ и натуральныхъ взносовъ урядникамъ, бывшихъ наслѣдіемъ древне-русскаго полюдья. Институтъ посѣднаго боярства является, такимъ образомъ, своеобразною комбинаціею древне-русскихъ и новыхъ, литовско-русскихъ отношеній между княземъ, господаремъ, и населеніемъ. Нельзя поэтому согласиться съ тѣмъ, что говоритъ о посѣдномъ боярствѣ М. В. Довнаръ-Запольскій на стр. 236 своего труда «Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ». Признавъ, что посѣдное боярство не было хоруговнымъ, т. е. шляхетствомъ въ собственномъ смыслѣ, г. Довнаръ-Запольскій говоритъ: «положеніе его было такое же, какъ и положеніе бояръ на службѣ частныхъ вотчинниковъ, и по происхожденію своему это боярство на господарскихъ земляхъ является именно съ переходомъ частныхъ вотчинъ къ господарю». Положеніе бояръ въ частныхъ вотчинахъ, — скажемъ на это, — вовсе не было однообразнымъ, и среди этого боярства было не мало бояръ-шляхты, которые не платили никакихъ податей и несли одну только земскую службу въ «почтѣ» своего пана. Съ другой стороны, и происхожденіе посѣднаго боярства въ господарскихъ волостяхъ не находится въ зависимости отъ перехода частныхъ вотчинъ во владѣніе господаря. Посѣдные бояре по источникамъ являются въ исконныхъ господарскихъ волостяхъ, которые на памяти исторіи никогда не были частновладѣльческими; въ частновладѣльческихъ же вотчи-

¹⁾ Тамъ же, прилож. № 12.

нахъ по источникамъ совсѣмъ не видно посѣдныхъ бояръ. Классъ посѣднаго боярства явился, по всей вѣроятности, въ результатѣ вербовки зажиточнаго крестьянства на военную, боярскую, службу съ освобожденіемъ отъ всѣхъ крестьянскихъ «тяглей», кромѣ полюдья, или—что тоже— посѣдей.

Теперь два слова о географическомъ распространеніи посѣднаго боярства.

М. В. Довнаръ-Запольскій утверждаетъ, что посѣдное боярство было распространено въ литовскихъ повѣтахъ. Посѣди въ качествѣ извѣстной повинности констатируются по источникамъ въ Жмуди и въ тѣхъ литовскихъ повѣтахъ, которые прилегаютъ къ Жмуди съ востока, на западъ отъ р. Свенты. Кромѣ вышеуказанной волости Упитской Троцкаго воеводства, г. Довнаромъ-Запольскимъ констатированъ сборъ посѣдей въ Пенянской волости Виленскаго воеводства ¹⁾. Но категорія посѣдныхъ бояръ выступаетъ по источникамъ только въ Жмудской землѣ ²⁾. Здѣсь вообще практиковалась болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, вербовка крестьянъ на боярскую службу, и на этой почвѣ происходили даже злоупотребленія; многіе «вкупались» въ боярство. Волочная помѣра застала на Жмуди цѣлый классъ «вкупныхъ бояръ», которыхъ она и перевела въ тяглое состояніе. Судя по тому, что Жмудская шляхта склонна была защищать этихъ «вкупныхъ бояръ» и указывать на ихъ шляхетство, можно думать, что въ Жмуди были и такіе бояре изъ крестьянъ, которые ничѣмъ не отличались отъ шляхты и не давали даже посѣдей. Это предположеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе

¹⁾ Государственное хозяйство, стр. 236, прим. 3.

²⁾ Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, можно сослаться, напр., на «вырокъ» короля Сигизмунда отъ 8 мая 1529, данный по жалобѣ бояръ посѣдныхъ и всей волости Ойракольской на тивуна пана Юрья Володковича. Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ IV, л. 257.

въ листѣ короля Сигизмунда, данномъ въ 1534 году «подданнымъ» волости Кельменской Будрусу и Якштусу Кримздовичамъ. Эти «подданные» били челомъ королю о томъ, что первые намѣстники покойнаго старосты Станислава Станиславовича «почали были имъ кривѣды делати, и новины уводити, и велели имъ на себе *поседы и сойкты* давати». Но староста, справившись у пана Миколая Петковича, который прежде держалъ эту Кельменскую волость, освободилъ ихъ отъ этой повинности, такъ какъ «они отъ давнѣныхъ часовъ николи поседей и соктей не давали, только одно намъ (господарю) конемъ завѣжды служивали». Король утвердилъ, это рѣшеніе ¹⁾. Но разъ не всѣ бояре изъ крестьянъ подлежали повинностямъ, обозначаемымъ терминомъ «посѣди», то и явилась необходимость обозначать наименованіемъ посѣдныхъ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежали этой повинности.

Разсмотрѣнныя нами данныя о посѣдномъ боярствѣ бросаютъ ретроспективный свѣтъ на судьбу древне-русскаго полюдья. Полюдые это, какъ оказывается, долго держалось въ западно-русскихъ волостяхъ. Литовско-русскими князьями оно практиковалось и въ областяхъ, населенныхъ литовскимъ племенемъ, въ собственной Литвѣ и Жмуди. На полюдые ѣздили княжескіе намѣстники или тивуны или вмѣсто нихъ ихъ намѣстники, обычно три раза въ году.

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVII, л. 475, 476. *Сойкти* — древн. литов. *Saiktis*, мѣра сыпучихъ тѣлъ. Въ рукописн. переводѣ св. писанія Бреткуна († 1603), въ евангеліи отъ Марка 4, 21, стоитъ: «Er ira uszdegama szwake idant po saikczo... butu pastatita» (*Bezzenberger*, Beiträge zur Geschichte der Litauischen Sprache, s. 320). Въ переводѣ Нов. Завѣта, просмотрѣнномъ Куршатовъ, это слово замѣнено новымъ *ketwirts* (четверть). Въ изданіяхъ Библейскаго общества читается здѣсь: въ однихъ — *po saiko mierà* (*ketwirģiu*), въ другихъ — *po ketvirczu*. Слово *saikas* извѣстно и въ современныхъ говорахъ, въ значеніи *мѣры жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ*. (Настоящія справки сдѣланы, по просьбѣ автора, знатокомъ литовскаго языка проф. В. К. Поржезинскимъ, за что авторъ считаетъ долгомъ принести ему глубокую благодарность).

Въ каждый объѣздъ волости они имѣли опредѣленное количество остановокъ—посѣдей, причемъ окрестные жители должны были «дѣлать» для нихъ эти посѣди, т. е. кормить и угощать ихъ, въ теченіе извѣстнаго времени, давать имъ дары въ опредѣленномъ обычаемъ размѣрѣ; съ каждой округи остановки свозилось положенное количество натуральныхъ поборовъ—хлѣба, овса, сѣна, дровъ, меда, хмеля и т. д. Можно думать, что денежныя и натуральныя приношенія, дававшіяся въ эпоху Русской Правды вирникамъ, объѣзжавшимъ волости, были ничѣмъ инымъ, какъ платежами того же самага полюдья или посѣдей. Не даромъ одно изъ этихъ приношеній и называлось *ссадною гривною*, т. е. гривною, уплачивавшеюся княжескому чиновнику, осѣдавшему временно въ волости. Полюдые, или посѣди, превращались въ денежныя и натуральныя взносы, называвшіеся «узъѣздъ», «стациі» или кормы, «полюдованье, платившіеся княжескимъ намѣстникамъ и тивунамъ и доставлявшіеся самими волостными людьми въ резиденціи этихъ намѣстниковъ и тивуновъ. Такъ какъ объѣздъ «по полюдые» совершался обыкновенно три раза въ году, то и кормы давались обычно три раза: осенью, зимою (коледы) и весною.

Такъ намѣстничьи кормы, существовавшіе не только въ Западной—Литовской Руси, но и въ сѣверо-восточной—Московской вырисовываются, какъ результатъ эволюціи древне-русскаго полюдья.

М. Любавскій.

Служилое землевладѣніе по даннымъ Приказа сбора ратныхъ людей (1638 г.).

Наши свѣдѣнія по статистикѣ землевладѣнія XVII вѣка не отличаются полнотой и систематичностью, поэтому попытка собрать и привести въ порядокъ данныя писцовыхъ книгъ двадцатыхъ годовъ о землевладѣніи нѣкоторыхъ разрядовъ служилыхъ людей, выполненная Приказомъ сбора ратныхъ людей, учрежденнымъ въ 1637 году, заслуживаетъ вниманія.

25 ноября 1637 года послѣдовалъ указъ «по крымскимъ вѣстемъ взять даточныхъ пѣшихъ людей съ бояръ, съ окольныхъ и съ думныхъ людей и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и съ дьяковъ, и съ жильцовъ, и со вдовъ, и съ недорослей, и со всякихъ чиновъ людей съ ихъ помѣстій и вотчинъ съ двадцати дворовъ по человѣку по писцовымъ книгамъ, а у кого двадцати дворовъ не будетъ или за двадцатью дворами останется лишка, и съ тѣхъ дворовъ имати деньгами по росчету съ двора по рублю, и за даточнаго человѣка по двадцати рублевъ».

Указомъ 7 декабря того же 1637 года не велѣно брать даточныхъ съ подмосковныхъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей, а «взяти даточныхъ людей съ ихъ вотчинъ и помѣстій, которыя за ними въ городѣхъ» ¹⁾.

Для исполненія этого порученія и былъ учрежденъ

¹⁾ Московскій архивъ М. И. Д., книга по Новгороду, № 26, л. 1—2.

Приказъ сбора ратныхъ людей съ кн. Иваномъ Андреевичемъ Голицынымъ и дьяками Пантелеемъ Чириковымъ и Емельяномъ Евсевьевымъ (въ первое время) во главѣ. По даннымъ, сообщеннымъ приказами Помѣстнымъ Разряднымъ и другими, въ Приказѣ с.р.л. были составлены списки служилыхъ людей съ указаніемъ того, сколькими дворами данное лицо владѣетъ. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы складывались вмѣстѣ. Задача эта потребовала кропотливаго труда и была выполнена, какъ можно судить по дошедшему до насъ дѣлопроизводству приказа, исправно.

Приводимъ данныя относительно высшихъ чиновъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, включенныхъ въ одинъ списокъ съ высшими чинами. (Изъ книги по Москвѣ № 2).

Б о я р е.

	У нихъ дворовъ.
Иванъ Никитичъ Романовъ	3.379
Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій	1.986
Князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій	821
Федоръ Ивановичъ Шереметевъ	2.083
Князь Юрій Еншеевичъ Сулешовъ	776
Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ	800
Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій	1.422
Борисъ Ивановичъ Морозовъ	319
Князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкой	532
Борисъ Михайловичъ Салтыковъ	462
Князь Андрей Васильевичъ Хилковъ	130
Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ	427
Князь Андрей Андреевичъ Голицынъ	374
Иванъ Петровичъ Шереметевъ	262
Иванъ Васильевичъ Морозовъ	635
Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ	848
Князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ	719
Матвѣй Михайловичъ Годуновъ	106
Князь Петръ Александровичъ Репнинъ	102

Окольничіе.

Өедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ	374
Князь Семень Васильевичъ Прозоровскій	149
Левъ Ивановичъ Далматовъ-Карповъ	237
Михаиль Михайловичъ Салтыковъ	551
Василій Ивановичъ Стрѣшневъ	171
Өедоръ Степановичъ Стрѣшневъ	138
Князь Өедоръ Өедоровичъ Волконскій	125
Өедоръ Васильевичъ Волинскій	207
Никита Дмитріевичъ Вельяминовъ	60
Степанъ Матвѣевичъ Проестевъ	404
Князь Андрей Өедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій	161
Князь Василій Петровичъ Ахамашуковъ-Черкасскій	44
Крайчій князь Василій Еншеевичъ Сулешовъ	346
Постельничій Өедоръ Ивановичъ Игнатъевъ	33
Думный дворянинъ Томило Юдичъ Луговской	438
Печатникъ Иванъ Тарасъевичъ Грамотинъ	821

Думные дьяки.

Өедоръ Лихачовъ	116
Иванъ Гавреневъ	214
Михайло Даниловъ	289
Стряпчій съ ключомъ Иванъ Михайловичъ Аничковъ	33
Ловчій московскій съ путемъ Иванъ Өедоровичъ Леонтьевъ	45
Ясельничій Иванъ Васильевъ сынъ Биркинъ	127
Сибирскій царь Алей Кучумовичъ	6
Царевичъ Касимовскій Сеидъ Бурханъ	440 ^{1/2}
Князь Калинникъ Сибирскій	78
Борай мурза Алѣевъ сынъ Кутюмовъ	298
Сують мурзинъ сынъ Юсуповъ	275
Алей мурза Тугановъ сынъ Шейдяковъ	83
Канай мурза Еналеевъ сынъ Шейдяковъ	84

Салтанай да Канай да Абакай да Армаметъ Ка- плановы дѣти Шейдякова	80
Князь Ѳедоръ Артемьевъ сынъ Шейдяковъ	79

Приводимъ далѣе итоги, полученные при подсчетѣ дан-
ныхъ, содержащихся въ книгахъ этого приказа.

	Число лицъ.	У нихъ дворовъ.	
Стольники	268	19.958 ¹ / ₃	} Книга по Москвѣ № 2.
Стряпчіе	112	2.682	
Вдовы и недоросли выс- шихъ чиновъ	131	6.147 ¹ / ₂	} Книга по Галичу № 4.
Дьяки	59	1.815 ¹ / ₂	
Дворяне московскіе	997	29.611 ⁸ / _{4 2}	} Пр. д. с. л., 1638 г., № 63.
Жильцы	300	4.135 ¹¹ / ₁₂	
Приказные разныхъ при- казовъ	38	318 ⁵ / ₆	} Книга по Разряду № 2.
Дворцовые служители	206	1.811 ¹ / ₂	
Сотники Московскихъ стрѣльцовъ	39	387	} Книга по Владиміру № 2.
Царицны дѣти боярскіе	45	213 ¹ / ₂	
Губные старосты	52	270 ⁵ / ₆	
Отставной сынъ боярскій.	1	17	
Засѣчные головы	5	28	

Итого за 2.303 лицами значилось 90.107¹/₆ двора.

Ал. Яковлевъ.

2) По Боярской № 14—28.765³/₄ двора.

Къ вопросу объ изученіи внутренней торговли Россіи въ XVIII столѣтіи.

На страницахъ вышедшаго въ декабрѣ 1909 года сборника статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, проф. А. А. Кизеветтеромъ былъ поставленъ на очередь изученія матеріалъ дѣлопроизводства русскихъ внутреннихъ таможенъ XVIII вѣка. На примѣрѣ Вятскихъ таможенныхъ книгъ 1746 года авторъ наглядно доказываетъ, какой интересный историческій источникъ представляетъ дѣлопроизводство таможенъ для изученія внутренней торговли въ имперіи за первую половину столѣтія, до того момента, когда Шува-ловскій законъ 1754 года снялъ вѣковыя оковы, стѣснявшія свободу внутренней торговли. Въ ожиданіи того времени, когда весь многочисленный матеріалъ, сюда относящійся, станетъ предметомъ спеціальнаго монографическаго изученія, пишушій эти строки рѣшается еще разъ привлечь вниманіе къ тому же вопросу, представивъ по аналогичнымъ источникамъ картину торговой жизни маленькаго подмосковнаго уголка—г. Клина съ его уѣздомъ.

Городъ Клинь всегда былъ и остается доселѣ однимъ изъ самыхъ незамѣтныхъ уѣздныхъ городковъ нашей страны, и его торговые обороты въ любой, кажется, моментъ его существованія могутъ представлять тотъ интересъ, что знакомятъ насъ съ картиной минимальнаго торговаго оживленія въ странѣ. Есть и другое, впрочемъ, обстоятельство, которое, быть можетъ, нѣсколько увели-

чиваетъ интересъ, представляемый матеріаломъ клинскихъ книгъ. Въ началѣ помянутаго выше очерка проф. Кизеветтеръ даетъ общую характеристику важнѣйшихъ торговыхъ районовъ и торговыхъ путей страны. Средоточіемъ торговли центрального района была Москва. Однако, «стягивавшіеся сюда изъ всѣхъ центральныхъ провинцій грузы, помимо мѣстнаго потребленія, получали затѣмъ при посредствѣ Москвы многообразное дальнѣйшее направленіе. Одна сильная волна шла къ Петербургу». Такая же волна къ Петербургу «шла и съ другой стороны, вдоль средняго и верхняго теченія Волги, захватывая Ярославль, Рыбинскъ, Угличъ, Тверь ¹⁾. Пригородъ Москвы, Клинь лежалъ по дорогѣ изъ старой столицы въ Петербургъ и примыкалъ къ Волгѣ, находясь, такимъ образомъ, подъ влияніемъ двухъ скрещивающихся торговыхъ направлений.

Мнѣ нѣтъ нужды подробно останавливаться на описаніи документовъ, служащихъ источникомъ настоящей замѣтки; это было бы въ значительной мѣрѣ повтореніемъ описанія Вятскихъ документовъ, уже сдѣланнаго А. А. Кизеветтеромъ. Замѣчу, однако, что въ Клину выписи о товарахъ, представляемая купцами, не собирались въ «столпы», а вносились въ особья «книги на записку отпускнымъ и привознымъ выписнымъ товарамъ и взятю таможенныхъ и новонакладныхъ пошлинъ». Книги эти выдавались изъ Московской губернской канцеляріи за скрѣпою секретаря, велись вѣрными сборщиками изъ посадскихъ или же откупщиками, смотря по тому, какъ были организованы таможенные сборы (въ Клину существовали попеременно оба способа), а затѣмъ сохранялись въ архивѣ воеводской канцеляріи. Древнѣйшая изъ сохранившихся книгъ относится къ 1738 году; кромѣ нея, въ изученіе введены книги 1740, 1743 и 1750 годовъ; такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность наблюдать торговую жизнь интересующей насъ

¹⁾ Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, стр. 77, 80.

мѣстности за періодъ времени въ 12 лѣтъ, почти предшествовавшій закону 1754 года ¹⁾).

Выше уже отмѣчено, подъ вліяніемъ какихъ торговыхъ центровъ находился Клинь и его уѣздъ. Болѣе всего тяготѣль Клинь къ Москвѣ, что выражалось прежде всего тѣмъ, что именно московскіе купцы являлись главными дѣятелями Клинского рынка, выступая какъ покупателями, такъ и продавцами. Лишь изрѣдка, рядомъ со сдѣлкой Московскихъ купцовъ попадаетъ сдѣлка Переяславскихъ купцовъ, покупающихъ юфть или Тверскихъ, закупающихъ ржаную муку. О господствѣ Московскаго купечества въ Клину свидѣтельствуетъ еще и другое обстоятельство: откупщиками таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, т. е. самыхъ значительныхъ источниковъ дохода, отдаваемыхъ казною на откупъ, бывали въ теченіе всего XVIII вѣка большею частью представители Московскаго купечества.

Но Клинскій уѣздъ примыкаетъ къ Волгѣ. На берегу ея расположено богатое торговое село Новое, вотчина гр. Шереметева, служащее вмѣстѣ съ впадающей неподалеку отъ него, судоходной въ низовьѣ, рѣкой Шошей гаванью Клинского уѣзда. Благодаря Волгѣ, въ Клину ощущается непосредственное вліяніе Макарьевской ярмарки. Цѣлыми тысячами расходятся судаки и сазаны и «бѣлуги мѣрныя» (въ 1738 году — 16.600; въ 1740 году—11.500) «Макарьевской» и «Нижегородской покупки». Съ Макарьевской ярмарки идетъ и деревянная посуда. Продають въ Клину также сохи и топоры, изготовленные въ Мышкинѣ. Съ Волги идетъ рыбій клей, перепродаваемый въ Клину Московскимъ купцамъ, попадаетъ Углицкая телятина и сало и хмѣль изъ Балахны и Луха. Всѣ эти товары, идя большою Волжскою дорогою къ Петербургу или къ Москвѣ, задерживаются и расходятся отчасти въ самомъ Клину; въ свою очередь, и Балтійское побережье посылаетъ тою же дорогою

¹⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Дѣла Клинской воеводской канцеляріи, опись 1-я. Вязки 2, 4, 11.

свои товары вглубь страны: въ числѣ товаровъ, являемыхъ въ Клинской таможи для продажи, встрѣчаются сельди изъ Петербурга. Устье рѣки Шоши является, въ свою очередь, мѣстомъ, откуда далеко въ обѣ стороны по Волгѣ распространяются сооружаемыя здѣсь «новоманерныя баржи»; въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, во время судоходства покупныя сдѣлки на эти баржи составляютъ главный, если не исключительный предметъ Клинскихъ таможенныхъ записей. Характерно не только значительное количество продаваемыхъ на Шошѣ барокъ, но и разнообразный составъ лицъ, ихъ приобретающихъ: среди покупателей встрѣчаемъ не только Волжскихъ промышленниковъ; барки покупаютъ и господа «подъ свои припасы», покупаютъ ихъ и «подключники Ея Императорскаго Величества подъ припасы Е. И. В.».

Такъ отражаются на клинской торговлѣ вліяніе Москвы и Волжско-Петербургскаго пути; было бы, однако, ошибочно думать, что Клинскія торговыя сношенія ограничивались только этими двумя направленіями. Кромѣ Москвы, Волги и Петербурга, Клинь имѣетъ торговыя сношенія съ Псковскимъ краемъ; оттуда идутъ хмѣль, козлиныя шкуры, коневыя гривы и снетки; наконецъ, вѣроятно, при посредствѣ Московскихъ купцовъ, появляется въ Клину хлѣбъ въ зернѣ изъ Орловской и Калужской провинцій, «бумага окрашенная Андреянопольская», купленная Московскими купцами въ Слободскихъ полкахъ, и воскъ изъ Курска; впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ Клину и на Шошѣ появляются и лично купцы изъ за Москвы, съ юга: такъ, весною 1743 года Тульскіе купцы закупили на Шошѣ барокъ и снастей къ нимъ, а въ Клину—овса и пеньки.

Каковъ же общій составъ товаровъ, вывозившихся изъ Клина и ввозившихся въ этотъ уголокъ Россіи? Уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ виденъ и незамысловатый характеръ товарнаго обмѣна и преобладаніе сырья надъ продуктами производства. Присмотрѣвшись поближе къ

вывозу и ввозу, зарегистрированнымъ въ Клинской таможенѣ, мы убѣдимся въ этомъ еще яснѣе. Фабричнаго производства въ Клину и его уѣздѣ нѣтъ; это крѣпостной земледѣльческой уголокъ средней Руси, съ малопродуктивной почвой, который могъ удѣлять для продажи лишь небольшую часть своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Что иначе быть не могло, показываютъ данныя о земледѣліи этой мѣстности, относящіяся къ нѣскольکو болѣе позднему времени—60—70 годамъ XVIII столѣтія; данныя эти, однако, такъ характерны, что я не рѣшаюсь обойти ихъ молчаніемъ: по «вѣдомостямъ объ урожаѣ земляныхъ продуктовъ», составленнымъ съ 1762 года на основаніи закона 24 августа 1760 года ¹⁾, видно, что среднимъ урожаемъ ржи и овса считался въ Клинскомъ уѣздѣ урожай самъ-другъ ²⁾. При такой скудости урожаевъ трудно было ожидать обильнаго вывоза хлѣба, и на самомъ дѣлѣ, сдѣлки на хлѣбъ очень рѣдки: можно отмѣтить только небольшія продажи овса, и то, вѣроятно, для мѣстнаго производства; сдѣлокъ на рожь, пшеницу, ячмень въ зернѣ нѣтъ вовсе. Точно также, для мѣстнаго, по видимому, потребленія, а не для вывоза продавали въ отдѣльныхъ случаяхъ рогатый скотъ. За то указанія на вывозъ побочныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, продажа которыхъ могла служить подспорьемъ для крѣпостной вотчины и крестьянскаго двора, встрѣчаются гораздо чаще: такъ, изъ Клина вывозили, конечно, въ небольшомъ количествѣ, холстъ, пеньку, тряпье, свиную щетину, сырую кожи, лапти, яблоки, орѣхи, медъ. Единственнымъ предметомъ производства въ самомъ Клину были рогожные кульки; если къ этому прибавить уже упомянутыя барки, строившіяся на Шошѣ, то этимъ вопросомъ о Клинскомъ вывозѣ будетъ исчерпанъ.

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, XV, № 11.093.

²⁾ Дѣла Клинской воеводской канцеляріи, опись 6-я, вязка 10, дѣло 67; опись 7, вязка 7, дѣло 53; опись 8, вязка, 6, дѣло 1.

Переходя къ ввозу, слѣдуетъ напередъ различать товары, ввозимые для мѣстнаго потребленія, и товары, шедшіе транзитомъ съ Волги къ Москвѣ или обратно и лишь переходившіе въ Клинской таможенѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Выше уже приходилось говорить о цѣломъ рядѣ товаровъ, закупавшихся на Макарьевской ярмаркѣ и распродававшихся въ розницу какъ въ Клинскомъ уѣздѣ, такъ и вообще по всему верхнему Поволжью. По Волгѣ шли въ Клинь: рыба, деревянная посуда, сохи, топоры и т. п. предметы необходимые для пищи или для незатѣливаго хозяйства крестьянина и даже дворянина вотчинника; такіе же предметы—хмѣль, снетки, шли изъ Пскова; съ юга черезъ Москву шель хлѣбъ, такъ какъ своего, повидимому, не хватало—въ этомъ сказывалось непрерывно возраставшее въ то время хозяйственное значеніе черноземнаго юга; вотъ почти все, что проходило черезъ Клинскую таможеню прежде чѣмъ поступить на мѣстный рынокъ. Интересно, что Клинская таможня, за исключеніемъ «бумаги окрашенной Андреянопольской», совсѣмъ не отмѣчаетъ мануфактурныхъ товаровъ; надо думать, что и Клинскіе дворяне помѣщики и немногочисленные Клинскіе купцы запасались всякими предметами обрабатывающей промышленности въ Москвѣ или, въ крайнемъ случаѣ, въ болѣе близкой Твери; такъ поступали и крестьяне, которымъ вообще случилось пріобрѣтать подобные предметы.

Транзитными товарами, шедшими черезъ Клинь, было то же сырье; такъ, въ 1750 году отмѣчены—покупка 2.000 пудовъ овсяной крупы и 136 четвертей пшеницы, видимо, для вывоза (это самыя крупныя сдѣлки, отмѣченныя Клинской таможеню).

Такой же характеръ транзита, понятнаго если вспомнить, что въ Клинскомъ уѣздѣ скрещивались Московско-Петербургская дорога и Волга, носятъ, надо думать, покупки въ Клину ржаной муки Тверскими купцами и пшеничной муки—Московскими (1743 годъ).

Наконецъ, и для Москвы покупались въ Клину приходившіе Волгой рыба, кожа и рыбій клей, Псковскій хмель, ленъ, конскій волосъ изъ Торжка и т. д.

Такова незатѣйливая картина Клинской торговли въ Елизаветинское время; картина эта была бы слишкомъ неполной, если бы мы не привели иллюстрирующихъ ее цифръ. Въ 1738 году число записей купли-продажи было 42, пошлинъ взято на 150 рублей; общая стоимость прошедшихъ черезъ таможенную товаровъ доходила до 60.000 руб.; въ 1740 году цифры нѣсколько выше: записей 59; пошлинъ собрано 350 рублей; стоимость товаровъ дошла до 140.000 рублей; въ 1743 году число записей ниже, чѣмъ въ 1740 году—ихъ всего 47, пошлинъ все таки взято около 410 рублей, и общая стоимость товаровъ поднялась до 165.000 рублей; въ 1750 году цифры падаютъ; пошлины дали только 334 рубля, товаровъ заявлено на сумму около 135.000 рублей. Цифры эти не велики, а взаимное ихъ отношеніе по годамъ отнюдь не свидѣтельствуетъ противъ цѣлесообразности закона 1754 года, уничтожившаго внутреннїа таможеннїа.

Обзоръ Клинскихъ таможенныхъ книгъ доведенъ до конца, и заканчивая его, приходится повторить то, что сказано въ началѣ: въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII столѣтія Клинскїа уѣздъ былъ маленькимъ незамѣтнымъ уголкомъ большой страны съ слабо развитой торговлей и промышленностью. Расположенный неподалеку отъ важныхъ торговыхъ путей, уголокъ этотъ, однако, оставался земледѣльческимъ, жилъ, не выходя изъ сферы почти чистаго домашняго хозяйства, и выпускалъ на рынокъ лишь очень небольшое количество сельско-хозяйственнаго сырья. Вывозя очень мало, онъ и получалъ немного, причемъ это немного надо почти цѣликомъ отнести на счетъ шедшаго съ юга хлѣба, котораго на мѣстѣ не хватало, и предметовъ необходимѣйшаго домашняго и сельско-хозяйственнаго обихода, которые дома не изготовлялись. Ни близость Москвы, ни Волга, ни Петербургскїа трактъ не могли пробудить

этого уголка Россіи къ болѣе живой экономической дѣятельности, хотя всѣ они, несомнѣнно, оказывали на него то или иное вліяніе; вотъ почему мнѣ кажется, что по торговой жизни города Клина съ его уѣздомъ, поскольку она открывается изъ изученія таможенныхъ книгъ, можно судить о минимумѣ экономическаго оживленія русской провинціи въ половинѣ XVIII столѣтія, а по Клинскимъ таможеннымъ книгамъ—о минимумѣ извѣстій, которыя можно почерпнуть изъ этого малоиспользованнаго доселѣ историческаго источника.

Ю. Готье.

Записныя холопыи книги дьяка Алябьева.

До насъ дошло очень немного матеріаловъ, касающихся исторіи холопства на Руси. Но и небольшое дошедшее еще далеко не изучено. Поэтому намъ кажутся нелишними нѣсколько предлагаемыхъ замѣчаній относительно наибольшаго матеріала по данному вопросу — записныхъ холопскихъ книгъ новгородскаго дьяка Дмитрія Алябьева. Эти книги — памятникъ ревизіи рабовладѣльческихъ правъ, произведенной на основаніи указа 25 апрѣля 1597 года. Владѣльцы холоповъ обязаны были въ годичный срокъ представить къ записи въ приказныя книги всѣ имѣющіяся у нихъ крѣпости на людей. И это была не простая запись, а сопровождалась провѣркою правъ владѣльческихъ: извѣстны случаи отказа въ регистраціи актовъ, утратившихъ силу ¹⁾).

Ревизія рабовладѣнія касалась всего Московскаго государства, но до насъ дошли данныя только относительно Новгородской области, да и тѣ не во всей полнотѣ, а лишь въ двухъ отрывкахъ, оба безъ начала и безъ конца.

Въ 1855 году Н. В. Калачовымъ ²⁾ изданъ отрывокъ книги, принадлежавшій А. Б. Лакіеру. Согласно описанію, онъ состоялъ изъ 97 листовъ въ четверку и содержалъ 256 актовъ, изъ нихъ 209 служилыхъ кабаль и 47 ак-

¹⁾ Въ кн. Зерцалова 3 случая (стб. 12, 64, 99—100); въ кн. Лакіера — болѣе 6 (предисловіе, стр. 27).

²⁾ Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. II, 1855 г.

товъ разнаго рода. Послѣдніе 47 онъ напечаталъ всѣ, изъ кабалъ же выбралъ только 50, «которыя отличаются чѣмъ-либо одна отъ другой или вообще представляютъ что-нибудь любопытное при сличеніи ихъ между собою» (предисловіе, стр. 28). Издатель счелъ нужнымъ вообще измѣнить при печатаніи расположеніе матеріала, не указывая дней, когда записи производились. Благодаря этому, не безъ затрудненій удастся возстановить порядокъ, въ которомъ холоповладѣльцы предъявляли одинъ за другимъ свои крѣпости, а также начальный и конечный день записей. Для послѣдней цѣли пользуемся нѣсколькими датами, которыя упомянуты издателемъ въ предисловіи (стр. 30) и въ примѣчаніяхъ къ актамъ, и примѣчаніемъ его же къ предисловію (стр. 29). Въ послѣднемъ онъ указываетъ порядокъ, въ которомъ должны были находиться листы рукописи, переплетенные неправильно. Листы должны быть размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: 89—97, 41—65, 1—40, 65—89. Не будемъ останавливаться на томъ, что здѣсь л. 89-й какимъ-то образомъ раздвояется, будучи помѣщенъ дважды: въ началѣ и въ концѣ.

Въ результатѣ этихъ сопоставленій возстановливаемъ списокъ холоповладѣльцевъ книги А. Б. Лакіера, записанныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ въ исчезнувшей рукописи:

1. *Колычевы-Лошаковы* Олферій, Степанъ и Олексѣй Микитины дѣти: 13 актовъ, предъявленныхъ ими и записанныхъ на лл. 90—97, 41—48 рукописи, напечатано на стр. 32, 47—49, 51, 53, 55, 64, 66—68.

2. *Дубровской* Михаилъ Бестужевъ сынъ 13 *генваря* предъявилъ 1 актъ, записанный на л. 48 рукописи. Стр. 54.

3. *Коситцкіе* Гаврило Володимеровъ сынъ и въ Паука Иванова сына Коситцкого мѣсто: 4 акта на лл. 49—51. Стр. 36, 39, 52, 69.

4. *Курицынъ* Ѳедоръ Ондрѣевъ сынъ: 2 акта на лл. 55—56. Стр. 45, 64.

5. *Квашнинъ* Олександръ Ондрѣевъ сынъ 14 *генваря* предъявилъ 1 актъ, записанный на л. 56. Стр. 52.

6. *Коситцкіе* Ондрѣй Юрьевъ сынъ да Максимъ и Микита Богдановы дѣти: 6 актовъ на лл. 58—64. Стр. 39, 41, 46, 51, 65, 68—69.

7. *Скобелцынъ* Степанъ: 1 актъ на л. 2. Стр. 59.

8. *Колычовъ* Полуехтъ Матѣевъ сынъ да его сынъ Матѣй: 5 актовъ на лл. 3—5. Стр. 45, 49, 61—63.

9. *Лодыгинъ* Иванъ Васильевъ сынъ: 2 акта на лл. 7—9. Стр. 36—38, 57.

10. *Корсаковъ* Звѣрь Полуехтовъ сынъ: 2 акта на лл. 10—11. Стр. 55, 58.

11. *Скобелцыны* Дмитрей Костентиновъ сынъ, въ отца своего Костентиново да въ братьи своей въ Мокѣево да въ Богданово мѣсто, да Ѳедоръ Дмитреевъ сынъ Скобелцына: 17 актовъ на лл. 11 об.—24. Стр. 31, 33, 38, 46—49, 51, 54, 56, 59—61, 65—66.

12. *Лодыгны* Гаврило да Дмитрей Васильевы дѣти въ отца своего Васильево и въ брата своего Иваново мѣсто: 3 акта на лл. 25—30. Стр. 40, 53, 61—62.

13. *Иванъ Ивановъ сынъ*, попъ: 1 актъ на л. 32. Стр. 56.

14. *Пустошкины* Иванъ да Степанъ Ондрѣевы дѣти да Олексѣй Юрьевъ сынъ 17 генваря предъявили 4 акта, записанные на лл. 33—34. Стр. 34, 42, 46, 62.

15. *Пустошкинъ* Злоба Богдановъ сынъ: 2 акта на л. 36. Стр. 35.

16. *Еремѣевъ* Богданъ Даниловъ сынъ: 1 актъ на л. 37. Стр. 41.

17. *Бѣлоселской* князь Иванъ князь Курбатовъ сынъ: 2 акта на л. 37. Стр. 44, 63.

18. *Коситцкой* Иванъ Никифоровъ сынъ: 1 актъ на л. 38. Стр. 41.

19. *Назимовъ* Олексѣй: 1 актъ на л. 39. Стр. 67.

20. *Сеславинъ* Иванъ Яковлевъ сынъ: 4 акта на лл. 40 и 65. Стр. 32, 34, 35, 58.

21. *Пушкинъ* Злоба Ивановъ сынъ: 3 акта на л. 66. Стр. 48, 50, 58.

22. *Лодыгинъ* Гаврило въ Григорьево мѣсто *Огарева*

предъявилъ 3 акта, записанныхъ на лл. 67—70. Стр. 50, 52, 61.

23. *Огаревъ* Григорей Борисовъ сынъ: 3 акта на лл. 73—74. Стр. 42, 44.

24. *Мякково* Тихонъ Петровъ сынъ: 1 актъ на л. 76. Стр. 53.

25. *Харламовъ* Жданъ Ушаковъ сынъ: 4 акта на лл. 76—82. Стр. 43, 57, 60.

26. *Мякково* Иванъ Петровъ сынъ: 1 актъ на л. 83. Стр. 70.

27. *Головачевъ* Михайло Ондрѣевъ сынъ предъявилъ 20 *генваря* 2 акта, записанныхъ на лл. 83—84. Стр. 55, 58.

28. *Огаревъ* Иванъ Борисовъ сынъ въ Григорьево мѣсто Иванова сына *Огарева*: 1 актъ на л. 84. Стр. 63.

29. *Звѣревъ* Ѳедоръ: 1 актъ на л. 86. Стр. 42.

30. *Култашевъ* Ондрѣй въ Ондрѣевскіе жены Скобелыца мѣсто въ Парасковьино мѣсто: 1 актъ на л. 86. Стр. 43.

31. *Чернышицкіе* Жданъ да Докука Костентиновы дѣти (предисл., стр. 30) представили 22 *генваря* 1 актъ, записанный на лл. 87—88. Стр. 50.

32. *Рагозинъ* Иванъ Ондрѣевъ сынъ 22 *генваря* (стр. 30) предъявилъ 6 актовъ, изъ коихъ напечатанъ одинъ (первый), записанный на л. 88. Стр. 45.

Въ приведенной росписи не упоминаются нѣкоторые листы (52—54, 57, 1, 6, 31, 35, 71—72, 75, 85, 89), записи которыхъ Н. В. Калачовымъ не напечатаны, а именно недостаетъ 159 служилыхъ каралъ, быть-можетъ, даже нѣсколькихъ предъявителей. Изъ напечатанныхъ же Н. В. Калачовымъ актовъ первые 13, предъявленные Колычовыми-Лошаковыми, записаны на 16 наиболѣе раннихъ листкахъ рукописи; за ними имѣемъ кабалу Дубровскаго, предъявленную 13 *генваря*. Заключаемъ, что этотъ отрывокъ начинался не позднѣе 12 *генваря*. Кончается онъ записью 22 *генваря*. Точный годъ издателю остался неизвѣстенъ. Онъ устанавливается изъ сопоставленія съ другимъ подобнымъ отрывкомъ, который былъ найденъ А. Н. Зерца-

ловымъ и напечатанъ Археографической Коммиссіей подъ редакціей А. С. Лаппо-Данилевскаго въ 1898 г. ¹⁾).

Этотъ отрывокъ состоитъ изъ 230 листовъ въ четверку и содержитъ 561 №№ актовъ, изъ коихъ 379 служилыхъ кабалъ. Напечатанъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какой имѣеть. Записи начинаются 20 декабря, причемъ передъ этимъ имѣется нѣсколько строкъ предыдущаго акта: стало-быть, книга заведена не позже 19-го числа. Послѣднія записи относятся къ 23 генваря. Годъ устанавливается совершенно опредѣленно. Въ стб. 6 читаемъ: «Декабря въ 21 день Ондрѣй Степановъ сынъ Секиринъ подалъ челобитную да положилъ к докладу служилую кабалу. А въ челобитной у него написано: нынешнего де 106-го году...» Въ актѣ № 527 (стб. 197) то же указаніе: «в нынѣшнемъ де 106-мъ...» Итакъ, отрывокъ А. Н. Зерцалова составленъ между 19 декабря 1597 года и 23 января 1598. Срокъ, вполне подходящий къ указу 25 апрѣля 1597 г., который требовалъ предьявленія всѣхъ крѣпостей къ запискѣ въ теченіе года. Отсрочка дана была только тѣмъ, кто находился на дальнихъ службахъ, но въ обоихъ отрывкахъ записаны владѣльцы, живущіе въ предѣлахъ Новгородской области. Кромѣ того, оба отрывка по содержанію и по способу записки совершенно однородны. Все заставляетъ признать отрывокъ А. Б. Лакіера одновременнымъ съ отрывкомъ А. Н. Зерцалова, т. е. отнести его къ 1598 году. Но этому противорѣчатъ, повидимому, два замѣчанія.

Издатель книги Лакіера (предисл., стр. 18) прямо заявляетъ, что въ книгѣ помѣщены акты на людей «по 1599 годъ включительно». Категоричность заявленія насъ не убѣждаетъ. Между напечатанными актами нѣтъ ни одного, составленнаго въ 1599 году. Самый поздній изъ нихъ—служилая кабала, составленная 6 генваря 1598 года (стр. 63). Остается искать между ненапечатанными каба-

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, т. XVII.

лами, и, пока пропавшая рукопись не будет найдена, заявление Н. В. Калачова мы оставляемъ подѣ сомнѣніемъ. Возможна ошибка, подобная той, которая допущена въ предисловіи (стр. IX) къ изданію книги Зерцалова, гдѣ говорится про служилыя кабалы книги, что «все ихъ количество относится къ 1533—1598 г.г.». Между тѣмъ, двѣ позднѣйшія напечатанныя здѣсь кабалы относятся къ 29 іюня 1597 г. Отъ 1598 г. имѣется одинъ актъ, но не кабала, а дѣловая братьевъ Ждановыхъ, составленная 17 генваря и записанная 20-го (стб. 173—174). Возможность ошибки со стороны Н. В. Калачова подтверждается выше указаннымъ необъяснимымъ раздвоеніемъ листа 89-го.

Другое возможное возраженіе. Какимъ образомъ могла попасть въ книгу старыхъ актовъ служилая кабала, составленная 6 генваря 1598 года, коль скоро въ это самое время въ Новгородѣ уже велись особыя книги для записки кабалъ, составляемыхъ вновь? Отрывки этихъ книгъ 7106 г. (15—20 декабря 1597 г.) дошли до насъ и напечатаны (Русская Историческая Библіотека, т. XV, и Лѣтопись Занятій Императорской Археографической Коммисіи, вып. 22). Кабала эта, безъ приписи и подписи, записана въ книгу Лакіера между 20 и 22 января. Мы видимъ и здѣсь простую ошибку, подобную которой узнаемъ изъ Новгородскихъ же кабалныхъ книгъ 7108 г. 1) Ортемей Измайловъ даетъ отпускную дѣвкѣ Овдотьицѣ, на которую имѣлъ кабалу вмѣстѣ съ ея отцомъ, матерью и двумя братьями, занявшими у него всѣ вмѣстѣ 5 рублей. Взяли съ Измайлова пошлину съ отпускной, 3 алтына съ головы. «Да на Ортемѣ жъ на Измайлоевѣ съ кабалы, которая осталась у Ортемья на досталныхъ людей на Овдотьицына отца и на мать и на Овдотьицыну братью въ пяти рублѣхъ пошлинъ пять алтынъ взято, а записана та кабала въ книги во 106-мъ году съ ыными съ старыми крѣпостми, а пошлинъ съ тое кабалы въ 106-мъ году Ортемей Измай-

1) Рус. Ист. Библіотека, т. XV, стр. 58.

ловъ въ государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русіи казну не платилъ». Очевидно, кабала на Овдотьицу съ семьей въ 106 году была составлена вновь, иначе за нее не взяли бы теперь пошлинъ, а «съ ыными съ старыми крѣпостми» она была записана по ошибкѣ, т. к. показалась дьяку (или подъячему) старою. Ошибка, быть-можетъ, объясняется тѣмъ, что данная кабала была составлена за 2 недѣли до предъявленія, тогда какъ обыкновенно вновь составляемыя кабалы предъявлялись и записывались въ книги въ день составленія или на слѣдующій. Такой порядокъ, по крайней мѣрѣ, наблюдается въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ кабалныхъ книгъ 7106 и въ книгахъ 7108 года.

Итакъ, усматривая въ обоихъ встрѣтившихся противорѣчійхъ ошибки, притомъ такія, какія были сдѣланы достоверно въ соответствующихъ случаяхъ,—мы можемъ опереться на годичный срокъ предъявленія крѣпостей, установленный извѣстнымъ закономъ 25 апрѣля 1597 г., и признаемъ книгу Лакіера относящуюся къ 1598 (7106) году, т. е. одновременною книгѣ Зерцалова.

Можно приблизительно установить время, когда были заведены разсматриваемыя книги, т. е., когда была начата ревизія холоповладѣльческихъ правъ.

Въ книгахъ Лакіера и Зерцалова записано 8 служилыхъ кабалъ, составленныхъ въ 1597 году, но уже послѣ указа 25 апрѣля сего года, а именно въ сроки отъ 2 мая по 8 іюля. Всѣ 8 кабалъ имѣютъ припись официальныхъ лицъ, дьяка и губныхъ старостъ, т. е. своевременно были заявлены и получили надлежащее утвержденіе. Теперь, въ декабрѣ и генварѣ 7106 г., въ крѣпостныя книги онѣ занесены, стало-быть, по вторичномъ предъявленіи. Изъ этихъ кабалъ три подписаны въ Новгородѣ дьякомъ Дмитріемъ Алябьевымъ 2 мая, 11 и 23 іюня (кн. Зерцалова, №№ 396, 399, 83), остальные пять подписали въ пятинахъ губные старосты: 9 мая Денисій Евсіевъ да Семень Уской Шелон-

ской ¹⁾ пятины (кн. Лакіера, № 48); того же 9 мая Иванъ Змиевъ да Михайло Бахтинъ Обонежской пятины (кн. Зерцалова, № 108); двѣ 29 іюня Селивестръ Зеновьевъ Вотской ²⁾ пятины (кн. Зерцалова, №№ 181, 182) и самую позднюю—8 іюля Петеля Есиповъ Деревской пятины (кн. Лакіера, № 49).

Казалось бы, этимъ кабаламъ мѣсто не въ крѣпостныхъ книгахъ старыхъ актовъ, куда онѣ попали, а въ кабальныхъ книгахъ, куда заносились вновь составляемыя кабалы. Но разъ онѣ не записаны въ книги въ моментъ утвержденья, когда дьякъ или губной староста прикладывалъ къ нимъ руку, надо полагать, что соотвѣтствующія книги еще не были заведены. Иными словами, ни крѣпостныхъ, ни кабальныхъ книгъ еще не было, по крайней мѣрѣ, до 8 іюля, такъ что указъ 25 апрѣля 1597 года къ этому моменту еще не началъ осуществляться въ части, касающейся холоповъ. Кабала 6 генваря 1598 г. (кн. Лакіера, № 50) неоднородна съ только что разсмотрѣнными: въ ея текстѣ не упомянуто объ утвердительной подписи и приписи; она предъявлена въ первый разъ, а не вторично.

Въ 1645 году, по челобитью князя Дмитрія Елецкаго отъ новгородскаго воеводы затребованы въ Москву «записныя холопыи книги 106 году» ³⁾. Въ книгѣ Зерцалова (стб. 110—111) имѣемъ двѣ данныя князя Семена Ивановича Елецкаго зятю его Петру Глотову: за дочьрю своею Марьею въ приданные даетъ робу и полоняника съ женою. Возможно, что именно въ этихъ актахъ былъ заинтересованъ спустя полвѣка князь Дмитрій Елецкій. Въ такомъ случаѣ, книга Зерцалова есть отрывокъ именно тѣхъ книгъ 106-го года и начата не ранѣе 1 сентября 1596, т. е. 1597 года. А книгу Лакіера мы считаемъ одновременной съ нею. 1 сентября, начало новаго года по счисленію того времени, было удобнымъ срокомъ для начала новаго очень

¹⁾ Рус. Ист. Библиотека, т. XV, стр. 34.

²⁾ Рукопись Императорской Публичной Библиотеки QII 9, л. 179

³⁾ Кн. Зерцалова, предисловіе, примѣчаніе 80-е.

важнаго производства. И съ момента изданія указа 25 апрѣля протекало 4 мѣсяца, достаточные, надо полагать, для необходимой подготовки со стороны канцелярій.

Неизвѣстно, какъ долго ревизія холоповладѣльческихъ правъ производилась. Позднѣйшее указаніе въ этомъ направленіи даетъ упомянутая выше ¹⁾ кабала Ортемія Измайлова, записанная безошлинно «с ыными съ старыми крѣпостми» въ книгѣ 106-го года уже при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Царь Борисъ Федоровичъ принялъ избраніе на престолъ 21 февраля 1598 года. Стало-быть, кабала Измайлова составлена послѣ этого числа. Ревизія, начатая, быть-можетъ, 1 сентября 1597 года (во всякомъ случаѣ, послѣ 8 іюля), къ концу февраля 1598 г. закончена не была, т. е. продолжалась не менѣе 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ дошедшіе до насъ отрывки книгъ дьяка Алябьева, охватывая время 12—22 генваря и 19 декабря—23 генваря, даютъ понятіе лишь о довольно незначительной части всего новгородскаго холоповладѣнія своего времени.

Вяч. Егоровъ.

¹⁾ Рус. Ист. Библіотека, т. XV, стр. 58.

Примѣчаніе къ перепискѣ П. Я. Чаадаева.

Въ теченіе ряда десятилѣтій, согласно съ традиціей, установленной Герценомъ, у насъ рисовали фигуру Чаадаева по схемамъ либеральной мартирографіи. Только сравнительно недавно работы П. Н. Милюкова и затѣмъ М. Гершензона выяснили тѣснѣйшую связь умоначертанія этого своеобразнаго мыслителя съ идеями французскихъ клерикальныхъ и реставраціонныхъ круговъ первой четверти XIX в. Вліяніе Жозефа де-Местра и особенно Бональда на Чаадаева не подлежитъ теперь сомнѣнію. Послѣдующими строками я хочу указать еще на нѣсколько фактическихъ деталей, доселѣ не отмѣченныхъ въ научной литературѣ, но имѣющихъ нѣкоторое значеніе для выясненія политическихъ и религіозныхъ вкусовъ Чаадаева.

Въ 1835 г. Чаадаевъ пишетъ, между прочимъ, А. И. Тургеневу: «Я получилъ брошюру д'Эккштейна. Прошу Васъ сказать ему, что я весьма тронуть этимъ актомъ вѣжливости, вполне философской, и немедленно напишу ему. Вы никогда мнѣ не говорите объ этомъ человѣкѣ, который такъ долго былъ лучшимъ изъ друзей. Это очень нехорошо съ Вашей стороны».

Кто такой этотъ «лучшій изъ друзей» Чаадаева? Фигура весьма опредѣленная. Родомъ изъ Копенгагена или Альтоны, Фердинандъ Эккштейнъ, шестнадцати-лѣтнимъ юношей попалъ въ Римъ и тамъ принялъ католичество. Въ 1813—14 гг. Эккштейнъ служилъ въ войскахъ, сражавшихся противъ Наполеона, затѣмъ, поступивъ на Бельгійскую службу, былъ назначенъ губернаторомъ Ганда.

Здѣсь въ 1815 г. онъ принималъ Людовика XVIII, бѣжавшаго сюда во время Ста дней, и, снискавъ особое расположеніе своего высокаго гостя, послѣ Ватерло, перешелъ къ нему на службу. Вознагражденный за помощь въ трудную минуту хорошими административными должностями и баронскимъ титуломъ, Эккштейнъ принялъ весьма активное участіе въ ультра-роялистскихъ органахъ, горячо отстаивая идеи правотѣрнаго католицизма и политической реакціи. Даже послѣ переворота 1830 г. баронъ остался вѣрнымъ легитимизму и непримиримымъ врагомъ Орлеанской буржуазной монархіи. Чаадаевъ могъ познакомиться и сдружиться съ Эккштейномъ еще въ 1813 г., когда оба они участвовали одновременно въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ, на-примѣръ, подъ Люценомъ, но возможно, что ихъ знакомство завязалось или возобновилось въ 1823—24 гг., во время пребыванія Чаадаева въ Парижѣ. Если бы послѣдняя догадка подтвердилась, то ярко, хотя и въ одной только своей части, освѣтился бы одинъ изъ темныхъ пунктовъ въ біографіи Чаадаева,—вопросъ о томъ, въ какихъ кругахъ вращался нашъ философъ во время своихъ заграничныхъ скитаній, когда вырабатывалось и складывалось его міровоззрѣніе.

Далѣе, мы знаемъ, что Чаадаевъ былъ въ перепискѣ съ Сиркуромъ и даже принималъ его у себя, когда Сиркуръ посѣтилъ Москву. Имя графа Анны-Маріи-Жозефа-Альбера де-Сиркуръ ведетъ насъ въ ту же самую среду, что и имя Эккштейна: горячій приверженецъ Бурбоновъ, онъ въ 1830 г. оставилъ службу во французскомъ военномъ флотѣ и всѣ свои силы посвятилъ, въ качествѣ публициста, борьбѣ противъ орлеанскаго режима. Въ тѣхъ же сферахъ вращался и маркизъ Адольфъ де-Кюстинъ, который тоже былъ гостемъ Чаадаева въ Москвѣ, а затѣмъ даже написалъ нѣчто сочувственное о нашемъ мыслителѣ. Отецъ и дѣдъ маркиза Кюстина погибли на эшафотѣ во время Конвента, и этотъ фактъ наложилъ неизгладимую печать на весь образъ мыслей маркиза. Идеи свои онъ проводилъ въ бел-

летристическихъ сочиненіяхъ и въ описаніяхъ своихъ путешествій, а одинъ четырехтомный романъ (Ромуальдъ или Призваніе) посвятилъ специально борьбѣ съ религіознымъ невѣріемъ.

Въ связи съ этими непосредственными соприкосновеніями Чаадаева съ представителями французскаго католическаго легитимизма, пріобрѣтають показательное значеніе и нѣкоторыя другія литературныя симпатіи Чаадаева. Вотъ, напримѣръ, еще одно мѣсто изъ цитированнаго уже выше письма его къ А. И. Тургеневу: «Вы перестали говорить мнѣ о г. Балланшѣ. Знаете ли вы, что я построилъ цѣлую философію на моихъ симпатіяхъ? Однако, признаюсь вамъ, что я былъ очень удивленъ тѣмъ сужденіемъ, которое онъ выразилъ о моемъ писаніи; конечно, неисправность экземпляра, который былъ у него въ рукахъ, могла бы заставить меня это предвидѣть. Какъ бы то ни было, но въ интересахъ философіи Вамъ не слѣдовало бы допускать разрыва отношеній, которыя Вы сами помогли завязать. А вотъ еще человѣкъ, съ которымъ я охотно вошелъ бы въ соприкосновеніе: это г. де-Женудъ. Въ душѣ этого священника есть настоящая жизнь. Онъ не смотритъ со сложенными руками на то, что творится въ мірѣ, онъ стучится во всѣ двери, онъ повсюду со своимъ Христомъ. Таковъ и есть истинный католическій философъ» и т. д.

Кто эти люди, столь привлекающіе Чаадаева и столь имъ чтимые? Пьеръ-Симонъ Балланшъ—мистическій философъ, другъ м-мъ Рекамье, убѣжденный и горячій поклонникъ реставраціи, въ которой онъ видитъ синтезъ принциповъ авторитета и свободы, божественныхъ установленій и демократіи. Реставрація, по его мнѣнію, есть единственный строй, который обезпечиваетъ человѣчеству мирный прогрессъ. Событія 1830 г. нанесли тяжелый ударъ вѣрованіямъ Балланша,—ударъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться до конца своей жизни. Антуанъ-Еженъ Женудъ, сначала офицеръ, сподвижникъ Полиньяка, затѣмъ публицистъ и, наконецъ, аббатъ, всю жизнь служилъ то шпагой,

то перомъ династіи Бурбоновъ и ультрамонтанскому католицизму. Какъ политическій писатель, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди роялистовъ чистѣйшей воды. Самъ Людовикъ XVIII называлъ его «доблестнымъ рыцаремъ трона и алтаря». Іюльская революцію не сломила убѣжденій Женуда и до смерти онъ оставался все тѣмъ же доблестнымъ бойцомъ за легитимизмъ, хотя и разошелся нѣсколько съ старыми его вождями: онъ пропагандировалъ идею всеобщаго голосованія, надѣясь, что оно дастъ побѣду Бурбонамъ, а главы партіи не могли раздѣлять его надежды и видѣли въ ней недопустимый для консерватора демократизмъ.

Весьма интересовался также Чаадаевъ личностью и писаніями аббата Лакордэра. Жанъ-Баттистъ-Анри Лакордэръ—одна изъ типичныхъ фигуръ эпохи реставраціи и орлеанской монархіи. Сынъ члена конвента и вольтерьянца, самъ сначала вольтерьянецъ и адвокатъ, онъ рано промѣнялъ тогу юриста на сутану патера и въ 1830 г. примкнулъ къ Ламеннэ, который какъ разъ тогда перешелъ отъ реакціонныхъ идеаловъ къ борьбѣ за союзъ католицизма съ политической свободой и демократизмомъ. Осужденіе, высказанное новымъ идеямъ Ламеннэ съ высоты папскаго престола, перепугало Лекордэра: онъ поспѣшилъ покаяться, былъ обласканъ въ Римѣ и занялъ видный постъ проповѣдника въ соборѣ Парижской Богоматери,—какъ кажется, не безъ протекціи своей духовной дочери, нашей соотечественницы Свѣчиной. Колоссальный успѣхъ проповѣдей Лакордэра, главнымъ образомъ на этическія темы, не спасъ его отъ недоразумѣній съ французскими церковными властями. Тогда онъ рѣзко отвернулся отъ галликанства и проникся ультрамонтанскими идеями. Желая освободиться отъ мѣстной епископской власти и стать въ непосредственное подчиненіе святѣйшему престолу, Лакордэръ надѣлъ доминиканскую бѣлую рясу и принялъ на себя миссію возстановить во Франціи доминиканскіе монастыри. Въ 1848 г. онъ еще разъ перемѣнилъ фронтъ и оказался на

крайнихъ лѣвыхъ скамьяхъ національнаго собранія. Возстановленіе Имперіи встрѣтило со стороны Лакордэра суровое осужденіе. Повидимому, и къ этому блестящему проповѣднику Чаадаева привлекали не столько его неустойчивыя общественыя взгляды, сколько ясно выраженныя католическія ультрамонтанскія тенденціи.

Вотъ всѣ сколько нибудь характерныя имена, встрѣчающіяся въ дошедшихъ до насъ обрывкахъ изъ переписки Чаадаева. Я обошелъ молчаніемъ упоминанія только о такихъ лицахъ, которыя могли интересовать нашего философа лишь какъ ученые, ибо ничего яркаго въ смыслѣ политическомъ или религіозномъ въ ихъ сочиненіяхъ нѣтъ. Таковы Сень-Маркъ-Жирарденъ, Филаретъ Шаль и т. п., хотя любопытно, что изъ нихъ ни одинъ не былъ поборникомъ политическаго свободолюбія. Объ интересѣ Чаадаева къ тѣмъ французскимъ мыслителямъ и писателямъ, на изученіи которыхъ росло наше радикальное западничество, или хотя бы даже о знакомствѣ его съ ними у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ свидѣтельствъ. Наоборотъ, приведенныя мною справки вполнѣ опредѣленно очерчиваютъ прямо противоположный кругъ связей и интересовъ Чаадаева.

Быть можетъ, эти справки окажутся не лишнимъ матеріаломъ при полной реконструкціи духовнаго облика того, кто считается родоначальникомъ нашего западничества.

С. Адриановъ.

Проектъ реформы сената барона Кампенгаузена ¹⁾).

Начало XIX вѣка въ Россіи ознаменовалось оживленіемъ политической мысли, которое выражалось, главнымъ образомъ, въ многочисленныхъ проектахъ реформъ организаци и управленія государствомъ. А такъ какъ въ то время правительственная среда и общество едва ли не болѣе всего интересовались вопросомъ объ укрѣпленіи и охраненіи силы закона, то понятно, что и составители проектовъ останавливаются на этомъ пунктѣ съ особымъ вниманіемъ. Почти во всѣхъ проектахъ такого рода отводится видное мѣсто Сенату, въ которомъ по большей части предполагается раздѣленіе судебныхъ дѣлъ отъ дѣлъ управленія. Съ этой точки зрѣнія проектъ барона Кампенгау-

¹⁾ Бар. Кампенгаузенъ, Балтазаръ Балтазаровичъ родился 5 января 1772 года, умеръ 11 сентября 1823 года. Послѣ первоначальнаго образованія въ Ригѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ и др. германскихъ университетахъ. Началь службу по дипломатической части, затѣмъ занималъ разныя должности внутри государства, между прочимъ, Таганрогскаго градоначальника. Въ 1811 году былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта, а затѣмъ государственнымъ контролеромъ. Въ 1823 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти былъ призванъ занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ. По отзывамъ современниковъ, онъ отличался истинно государственнымъ умомъ, обширными познаніями, высокою честностью и трудолюбіемъ. По возвращеніи изъ Таганрога онъ сблизился съ Сперанскимъ. (Русскій Біографич. словарь, см. записку Кампенгаузена въ «Сборн. ист. матер., извлеч. изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи т. II стр. 520—526).

зена, составляющій предметъ настоящей замѣтки, не отличается ничѣмъ особеннымъ—въ немъ тоже Сенатъ раздѣляется на правительствующій и судебный, причемъ организація и компетенція второго, въ общемъ, весьма напоминаетъ другіе проекты того времени, но за то его соображенія относительно *Правительствующаго* Сената представляютъ большой интересъ, а положенная въ основаніе ихъ идея объ отдѣленіи надзора отъ управленія, которая едва мелькаетъ у передовыхъ русскихъ людей начала XIX вѣка, выражена бар. Кампенгаузенемъ вполне ясно и категорично. Указанный проектъ, называемый авторомъ запиской, посланъ былъ имъ Аракчееву при письмѣ отъ 24 января 1815 года ¹⁾.

¹⁾ Съ того времени, графъ Алексѣй Андреевичъ, какъ Ваше Сіятельство вновь приняли участіе въ дѣлахъ нашихъ, я весьма обрадованъ тѣмъ, что сужденія Ваши въ отношеніи къ вкравшемуся уклоненію дѣлъ отъ естественнаго ихъ пути по высшимъ мѣстамъ и инстанціямъ, совершенно сходны съ собственными моими о томъ понятіями. Четыре года я соболѣзную о такомъ положеніи дѣлъ и (хотя большею частью тщетно) проповѣдую. Сходственность мнѣній нашихъ недавно привела мнѣ на память небольшую записку, которую я нѣкогда на досугѣ написалъ собственно только для себя, а не для иного употребленія,—въ коей изложены мысли мои, какъ бы на случай возобновленія, начатыхъ еще въ 1811 году въ Государственномъ Совѣтѣ, а потомъ пріостановленныхъ сужденій о дальнѣйшемъ устройствѣ министерствъ и Сената; можно было устроить и разграничить главныя мѣста такъ, чтобы отвратить замѣчаемыя по нынѣ непрестанныя въ производствѣ ихъ замѣшательства.

Хотя теперь не идетъ еще рѣчь о какомъ либо новомъ образованіи или возобновленіи тѣхъ сужденій, кои начаты были въ 1811 году, но какъ независимо отъ того въ сей запискѣ находятся и разныя замѣчанія, таковыя, кои могутъ быть приложены къ ходу дѣлъ въ настоящемъ устройствѣ, мнѣніе же и правила Вашего Сіятельства по онимъ, сколько я понынѣ могъ примѣтить весьма согласны съ моими, то сіе возбудило во мнѣ желаніе показать Вамъ ту записку Я не смѣлъ бы сіе выполнить, есть ли бы я не былъ совершенно увѣренъ, что примете (ее) въ видѣ партикулярнаго моего сужденія, собственно вамъ только сообщаемого, а отнюдь не въ видѣ какого либо проекта, которому я желалъ бы дать какой либо ходъ.

Въ настоящее время и письмо и записка хранятся въ архивѣ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ дѣлѣ озаглавленномъ: «Разныя бумаги относящіяся къ соединенію Комитета г.г. Министровъ, съ 1-мъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1815—1816 г.г. ¹⁾), на которомъ имѣется помѣтка: «полученъ отъ Государя Императора 3 августа 1834 года изъ Петергофа, съ слѣдующею на верху собственноручною Е. И. В. резолюціею: хранить у насъ въ архивѣ. А. Танѣевъ».

На запискѣ барона Кампенгаузена имѣется надпись рукою Аракчеева: «Государь изволилъ читать 20-го ноября 1816 года».

«Всѣ государственныя дѣла», говоритъ Кампенгаузенъ въ началѣ своей записки, «принадлежать или къ части законодательной или къ части правительственной (къ управленію) или къ части судебной. По сему естественному раздѣленію всѣхъ государственныхъ дѣлъ должны быть раздѣляемы и самыя установленія».

Дальнѣйшее изложеніе записки раздѣляется въ виду сказаннаго на три части.

«Часть I Законодательная», гдѣ идетъ разсужденіе о государственномъ Совѣтѣ, который, по мнѣнію Кампенгаузена, можетъ соотвѣтствовать сей цѣли, если будетъ наблюдаемо: 1) чтобы въ обыкновенномъ ходѣ дѣлъ вступали на разсмотрѣніе онаго одни дѣла, требующія или новаго закона или отмѣны и пополненія стараго, 2) чтобы никакая часть управленія не могла допускать не только постоянныхъ и общихъ, но и никакихъ временныхъ или частныхъ отмѣнъ въ существующихъ узаконеніяхъ безъ разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта»; дальше идетъ критика дѣятельности Комитета Министровъ, причемъ

Я весьма далекъ отъ того, чтобы желать быть въ числѣ прожектеровъ, коихъ и безъ того слишкомъ много, или чтобы мечтать о какомъ либо новомъ устройствѣ и мѣшаться въ дѣла, до меня не принадлежащія.

¹⁾ Арх. Собств. Е. В. Канцел. № 1035.

авторъ замѣчаетъ: «нѣтъ закона, приложеніе котораго не встрѣтило бы иногда затрудненія, но лучше покорить себя оному, нежели безпрестанными изъятіями ослабить силу самого закона и должное къ нему уваженіе».

«Часть II Правительственная», или всѣ дѣла управленія въ высшемъ ихъ отношеніи, принадлежатъ нынѣ комитету министровъ и I Сената департаменту, но безъ точнаго между ними разграниченія. Изъ сего нерѣдко происходитъ въ дѣлахъ запутанность и самыя противорѣчія. Разсматривавшійся въ 1811 году въ государственномъ совѣтѣ проектъ раздѣленія Сената на Правительствующій и Судебный ¹⁾, и сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ управленія въ первомъ отвратилъ бы большею частью сіи неудобства. Въ немъ, по моему мнѣнію, допущено было одно только несовершенство и именно то, что въ Правительствующемъ Сенатѣ не раздѣлена была часть *надзирательная* или контрольная отъ части *распорядительной*, что въ послѣдствіяхъ своихъ весьма важно; и потому находя, что всѣ дѣла управленія въ высшемъ ихъ отношеніи удобно могли бы быть сосредоточены въ Правительствующемъ Сенатѣ, полагаю, что Сенатъ сей долженъ бы быть устроенъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Правительствующій Сенатъ составитъ изъ соединенія комитета министровъ и I Департамента Сената, съ тѣмъ чтобъ отвѣтственно отношенію всѣхъ дѣлъ управленія въ высшей инстанціи къ двумъ главнымъ предметамъ, *распоряженію* и *контролю*, раздѣленъ онъ былъ на два департамента. *Первый* изъ сихъ департаментовъ, вмѣщая въ себѣ нынѣшній комитетъ министровъ, вѣдалъ бы исключительно всю распорядительную часть; *второй*, вмѣщая въ себѣ нынѣшній I департаментъ Сената, вѣдалъ бы исключительно всю надзирательную или контрольную часть».

Указавъ, что въ составъ I департамента Сената должны входить министры, Кампенгаузенъ замѣчаетъ: «къ симъ лицамъ не присоединяются министръ юстиціи и государ-

¹⁾ Рѣчь идетъ о проектѣ Сперанскаго.

ственный контролеръ, поелику часть имъ ввѣренная не принадлежитъ къ распорядительной».

Затѣмъ, останавливаясь на организациі и кругѣ вѣдомства проектируемаго имъ органа надзора, авторъ говоритъ: «Второй департаментъ Правительствующаго Сената состоитъ подъ предсѣдательствомъ лица, Его Величествомъ избираемаго изъ лицъ, ни въ какомъ распорядительномъ или исполнительномъ управленіи не участвующихъ. Въ сей департаментъ поступаютъ на разсмотрѣніе:

1) Кондиціи по контрактамъ на сумму болѣ 10 тысячъ рублей составляющую, равно какъ и самыя сіи контракты.

2) Ежегодные отчеты министровъ по ввѣреннымъ имъ дѣламъ.

3) Таковыя же по суммамъ, капиталамъ и запасамъ, имъ ввѣреннымъ.

4) Жалобы, приносимыя на неправильныя дѣйствія разныхъ мѣстъ, по части распорядительной или исполнительной, если онѣ поступающія напередъ своимъ порядкомъ на разсмотрѣніе того или другого министра не были имъ уважены.

При семъ департаментѣ Правительствующаго Сената состоятъ:

1) Общая канцелярія для производства дѣлъ по оному и 2) счетная экспедиція для повѣрки поступающихъ въ сей департаментъ отчетовъ (министерскихъ департаментовъ и главныхъ мѣстъ ихъ вѣдомства), которые подчиняются «государственному контролеру или министру контроля», имѣющему наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ и исполненіемъ дѣлъ ¹⁾.

¹⁾ Государственный контролеръ наблюдаетъ: 1) Чтобы отчеты министровъ поступали въ сей департаментъ Правительствующаго Сената въ установленный срокъ и въ подлежащемъ видѣ.

2) Чтобы отчеты по дѣламъ въ общей канцеляріи департамента, а по суммамъ и капиталамъ въ счетныхъ его экспедиціяхъ надлежащимъ образомъ были сличены и провѣрены и потомъ уже со всѣми выправками поступили на разсмотрѣніе сего департамента Правительствующаго Сената.

Любопытно замѣтить, что авторъ проекта не вводитъ государственнаго контролера въ I департаментъ, имѣющій значеніе комитета министровъ, на томъ основаніи, что ввѣренная ему часть не принадлежитъ къ распорядительной.

Весьма интересны также разсужденія Кампенгаузена по поводу общаго собранія I и II департаментовъ, въ которыхъ онъ тоже совершенно опредѣленно проводитъ мысль объ отдѣленіи надзора отъ управленія. «Общее собраніе сихъ департаментовъ не можетъ состоять по предметамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію каждаго изъ сихъ департаментовъ въ особенности, по причинѣ противоположности оныхъ, ибо несогласно бы было съ общимъ понятіемъ, чтобы тѣ лица, кои распоряжаются дѣйствіями, участвовали въ повѣркѣ сихъ дѣйствій; или же чтобы тѣ лица, кои должны повѣрять дѣйствія, участвовали въ распоряженіяхъ. Посему общее собраніе обоихъ департаментовъ Правительствующаго Сената можетъ состоять по однимъ только дѣламъ до герольдіи, то есть до опредѣленія, производствъ, награжденія и увольненія» . . . чиновниковъ, относящимся.

Въ указанномъ общемъ собраніи присутствуютъ не только лица, входящія въ составъ I или II департаментовъ, но и еще нѣкоторыя изъ высшихъ должностныхъ лицъ и

3) Чтобы кондиціи и контракты также были предварительно соображены съ законами.

4) Чтобы въ числѣ жалобъ, приносимыхъ на неправильныя дѣйствія разныхъ мѣстъ по части распорядительной и исполнительной не поступили такія, кои не были своимъ порядкомъ разсмотрѣны министромъ или же по общимъ узаконеніямъ приняты быть не должны.

5) Чтобы тѣ изъ дѣлъ, въ сей департаментъ поступающихъ, по коимъ открывается необходимость въ отиѣнѣ пополненія или частномъ изъятіи закона, равно когда кто по дѣламъ въ ономъ производимымъ подлежатъ суду по надлежащемъ ихъ соображеніи въ семъ департаментѣ обращены были куда слѣдуетъ для разсмотрѣнія и рѣшенія.

6) Чтобы опредѣленія сего департамента по канцеляріи онаго и счетнымъ экспедиціямъ были безъ отлагательствъ исполняемы.

въ томъ числѣ—министръ юстиціи и государственнй контролеръ.

Затѣмъ идетъ часть III-я Судная, въ которой кратко (на трехъ страницахъ) излагается проектъ судебного Сената, не заключающій въ себѣ такихъ особенностей, которыя можно было бы поставить на ряду съ приведенными разсужденіями о *Правительствующемъ* Сенатѣ.

Оцѣнивая проектъ Кампенгаузена съ точки зрѣнія современнаго представленія о границѣ между сферой надзора и сферой управленія, нельзя не указать на неправильное отнесеніе къ первой—разсмотрѣнія кондицій и контрактовъ на подряды и поставки. Это единственное отступленіе отъ строгаго разграниченія между надзоромъ и управленіемъ объясняется до нѣкоторой степени, во первыхъ, самой важностью предмета, а во вторыхъ тѣмъ, что Кампенгаузенъ соединяетъ вмѣстѣ надзоръ за управленіемъ съ финансовымъ контролемъ, съ которымъ, несомнѣнно, имѣетъ много общаго провѣрка кондицій и контрактовъ.

Если оставить въ сторонѣ этотъ пунктъ, то интересующая насъ часть проекта Кампенгаузена можетъ выдержать самую строгую критику. Идея объ отдѣленіи надзора отъ управленія проводится имъ весьма послѣдовательно, разсужденія же его отличаются краткостью и простотою, чего отнюдь нельзя сказать относительно большинства проектовъ его современниковъ.

Къ слову надо замѣтить, что объединеніе финансоваго контроля съ общимъ надзоромъ за управленіемъ, равнымъ образомъ представляетъ изъ себя одну изъ любопытныхъ сторонъ проекта бар. Кампенгаузена. По существу своему указаннныя понятія весьма близки другъ къ другу, и если встрѣчается препятствіе къ такому ихъ объединенію въ дѣятельности государственныхъ учреждений, то это преимущественно вслѣдствіе техническихъ затрудненій. Кампенгаузенъ, повидимому, хорошо понималъ указанное обстоятельство, почему и предлагалъ особую организацію, которая обезпечила бы Сенату возможность серьезнаго финансо-

ваго контроля. При Сенатѣ должна состоять счетная экспедиція; врядь ли нужно прибавлять что либо о предметахъ ея вѣдомства, такъ какъ уже одно названіе въ достаточной мѣрѣ на нихъ указываетъ.

Затѣмъ заслуживаетъ самага серьезнаго вниманія предлагаемый Кампенгаузенемъ порядокъ назначенія должностныхъ лицъ постановленіями Общаго Собранія I и II департаментовъ Сената (по представленіямъ Герольдіи), въ которое входятъ какъ министры, такъ и сенаторы, стоящіе въ сторонѣ отъ активнаго управленія. Едва ли нужно доказывать, что такой порядокъ дѣйствительно могъ бы обезпечить необходимое безпристрастіе по дѣламъ государственной службы.

Указанныя особенности проекта бар. Кампенгаузена и прежде всего предлагаемое имъ отдѣленіе части «надзирательной» отъ части «распорядительной», при проведеніи ихъ въ жизнь, конечно, сослужили бы великую службу дѣлу водворенія законности въ государственномъ обиходѣ, но проекту этому не посчастливилось — онъ попалъ въ руки Александра I тогда, когда тотъ уже совершенно утратилъ интересъ къ вопросамъ, относящимся до преобразования государства, и передалъ главнѣйшія дѣла управленія Аракчееву, вслѣдствіе чего этотъ любопытный проектъ, повидимому, не подвергся даже сколько нибудь обстоятельному обсужденію.

Впрочемъ, если бы онъ появился и въ лучшую пору царствованія Александра I, то все равно практическое его осуществленіе было бы невозможно, такъ какъ высказанныя Кампенгаузенемъ мысли шли въ разрѣзъ съ интересами и взглядами высшихъ должностныхъ лицъ активнаго управленія, а проведеніе ихъ въ жизнь препятствовало бы усиленію единоличнаго министерскаго начала. Но все это нисколько не уменьшаетъ значенія разбираемаго проекта въ исторіи русской политической мысли и приводитъ къ заключенію, что бар. Кампенгаузенъ понималъ сущность власти надзора едва ли не лучше всѣхъ своихъ современ-

никовъ. Его просвѣщенный умъ рисовалъ такую организацію центральнаго управленія, которая можетъ почитаться вполнѣ совершенной для государства, не имѣющаго народнаго представительства и такое устройство высшаго органа надзора, которое удовлетворило бы и современную Россію.

Ив. Блиновъ.

Письма Е. А. Энгельгардта къ М. Д. Деларю.

Печатаемая письма Е. А. Энгельгардта къ поэту М. Д. Деларю, современнику Пушкина и другу Дельвига, получены мною отъ члена первой Государственной Думы М. Д. Деларю.

Всего писемъ пять. Три изъ нихъ (23 ноября 1839 года, 9 января 1840 и 30 марта 1846), написаны на бумагѣ in 4°, съ изящной, раскрашенной виньеткой, которая изображаетъ царскосельскій дворецъ съ церковью и аркой, Лицей и двухъэтажную постройку на Большой Садовой улицѣ. Виньетка обрамлена красивымъ золотымъ орнаментомъ.

Эти письма — живой отголосокъ стараго Лицея: отъ нихъ вѣетъ тѣмъ своеобразнымъ и привлекательнымъ *sentiment luscéen*, которое дѣлало союзъ прежнихъ лицействовъ «прекраснымъ» и объединяло ихъ

«И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастьяхъ земли».

Чувство взаимной близости, связывавшее питомцевъ Лицея, особенно ярко проявлялось при празднованіи его «святыхъ годовщинъ». Правъ Е. А. Энгельгардтъ, который говоритъ въ одномъ изъ писемъ: «Этотъ день празднуется въ Бразиліи и въ Нерчинскѣ, въ Парижѣ и въ Малороссіи, въ Лондонѣ и въ Одессѣ, вездѣ, гдѣ только есть... Лицейскіе; вездѣ въ этотъ день мысль у всѣхъ одна: благодарная память Лицея, память щастливой юности». — «Ви-

новникомъ щастія» ¹⁾ молодого поколѣнія былъ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ, самъ Энгельгардтъ, имя котораго тѣсно связано съ исторіей Лицея.

Князь П. А. Вяземскій когда-то писалъ, что въ Россіи назначаютъ людей на мѣста, не сообразуясь съ ихъ дарованіями и наклонностями. Въ этомъ отношеніи Энгельгардта надо причислить къ счастливымъ исключеніямъ. Онъ какъ нельзя болѣе былъ созданъ для педагогической дѣятельности: «Мѣсто», говорилъ онъ самъ передъ назначеніемъ на директорскую должность, «мнѣ всемилостивѣйше предлагаемое, по предмету занятій въ ономъ, болѣе всякаго другого въ государствѣ, соотвѣтствуетъ моимъ способностямъ и любимымъ наклонностямъ» ²⁾. Энгельгардтъ быстро сумѣлъ привлечь къ себѣ лицеистовъ, для которыхъ «Егоръ Антонычъ» былъ другомъ и воспитателемъ, а не только начальникомъ. Недаромъ Александръ I сказалъ ему: «Вижу и радуюсь, что директоръ и его воспитанники составляютъ одну нераздѣльную семью». Справедливость этихъ словъ подтверждается простыми, душевными записями лицеистовъ «на память» въ альбомъ своему директору ³⁾.

Недолго, впрочемъ, управлялъ Энгельгардтъ Лицеємъ. Незамѣтно стало расти недовольство; клевета и сплетни дѣлали свое темное дѣло. На бѣду съ нѣкоторыми членами лицейской семьи случились политическія невзгоды: въ 1820 году былъ высланъ Пушкинъ; въ 1821 году было запрещено «Естественное право» Куницына, «какъ книга пагубная, нарушающая вѣру христіанскую и расторгающая всѣ связи семейственныя и государственныя» ⁴⁾, а автора

¹⁾ «Пушкинъ и его современники», вып. VII. стр. 17.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1872 г., стб. 1475.

³⁾ «Пушкинъ и его современники», вып. VII, статья Д. Θ. Кобеко: «Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея, Е. А. Энгельгардта».

⁴⁾ См. письмо Энгельгардта къ Θ. Θ. Матюшкину 27 іюня 1821 г. въ рѣчи Д. Θ. Кобеко «Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы». (Вѣстн. Всем. Исторіи» 1899 г., № 1, стр. 92).

уволили съ воспрещеніемъ педагогической дѣятельности; въ томъ же 1821 году Кюхельбекеръ вздумалъ читать въ Парижѣ лекціи о русской литературѣ, причемъ ввелъ въ свое изложеніе либерально-политическій элементъ и былъ въ концѣ концовъ высланъ изъ Парижа нашимъ посланникомъ. Къ Лицею начало устанавливаться отношеніе подозрительное.

Между тѣмъ, развивалось недоброжелательство къ старому Лицею и Энгельгардту со стороны великаго князя Михаила Павловича. Онъ открыто заявлялъ, что считаетъ Энгельгардта дурнымъ воспитателемъ, и даже секретно предписывалъ лицейскому священнику Кочетову позаботиться объ исправленіи воспитанниковъ. Педагогическіе приемы Энгельгардта подверглись рѣшительному осужденію: Энгельгардтъ стремился создать тѣсную связь съ воспитанниками—великій князь находилъ, что это «никуда не годится»; лицеисты были какъ бы членами собственной семьи директора—великій князь признавалъ это вреднымъ; по его мнѣнію, директоръ долженъ былъ быть начальникомъ и только ¹⁾).

Начались преслѣдованія: въ 1822 году было закрыто «Общество лицейскихъ друзей полезнаго», а затѣмъ Лицей перешелъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. По старомъ Лицеѣ оставалось только «отпѣть панихиду», по выраженію Энгельгардта, который послѣ неравнаго боя за традиціи Лицея вышелъ въ отставку 23 октября 1823 года.

14 декабря заставило встрепенуться Энгельгардта: въ возстаніи приняли участіе два его питомца, Пущинъ и Кюхельбекеръ. Онъ попытался вступить за нихъ. Чуждый страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ называлъ ихъ «infortunés» въ то время, какъ другіе клеймили ихъ именами «негодяевъ», «подлецовъ» и т. п. Но Энгельгардту пришлось не только защищать двухъ декабристовъ-лицеистовъ, но и вести оборонительную борьбу за доброе имя

¹⁾ См. письмо Энгельгардта къ Матюшкину 10 сентября 1820 г., тамъ же.

старого Лицея. Онъ выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ инсинуацій на Лицей, появившихся въ иностранной печати въ связи съ событіемъ 14 декабря ¹⁾). Въ газетахъ, между прочимъ, было утверждение, что большинство гражданскихъ участниковъ оказались бывшими воспитанниками Лицея, изъ которыхъ почти всѣ были замѣшаны: «La plus grande partie des jeunes gens», говорилось въ Лионской газетѣ, «qui en sont sortis, sont plus ou moins compromis».

Не были забыты Энгельгардтомъ его воспитанники-декабристы и въ рудникахъ Сибири. Письма Пущина къ Энгельгардту говорятъ о той близости къ бывшему наставнику, которая всегда является лучшимъ аттестатомъ педагогической дѣятельности ²⁾). Развѣ не знаменателенъ тотъ фактъ, что Пущинъ еще на дорогѣ въ Сибирь вспомнилъ своего директора и писалъ близкимъ наканунѣ роковой годовщины, 13 декабря 1827 года: «Егоръ Антоновичъ принимаетъ только: хорошо и худо; поэтому я обвиняю себя безусловно; то, что мы сдѣлали, предъ закономъ — худо, мы — преступники, и постигшая насъ гибель справедлива... Меня здѣсь мучитъ только ваше обо мнѣ горе, меня мучитъ слеза въ глазахъ моего ангела-хранителя, который въ ужаснѣйшую минуту моей жизни, забывая о себѣ, думалъ еще спасти меня ³⁾). Простите, Егоръ Антоновичъ!.. Я буду съ вами тамъ, я буду съ вами, родные, безвинные на семъ мѣрѣ; я буду съ вами, Егоръ Антоновичъ, и вы меня примите опять; нѣтъ, не опять — вы меня никогда изъ сердцецъ вашихъ не отдалили; я въ нихъ: нашу связь, нашу

¹⁾ Замѣтки, характеризовавшія Лицей, появились въ 1826 г. въ «Gazette universelle de Lyon» (17 марта), «L'Etoile» (№ 3059), «Hamburger Correspondent» (№ 50), «Ostseeprovinzenblatt» (№ 15) и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ другихъ.

²⁾ «Декабристы въ Сибири» въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., № 3. Здѣсь помѣщены письма Пущина къ Энгельгардту 1845 года. Они перепечатаны во 2-мъ изданіи книги Я. К. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 176.

³⁾ Т. е. Энгельгардта.

любовь, нашу дружбу—ни приговоры свѣтскихъ судилищъ, ни 7000 верстъ, ничто не расторгнетъ... Прощайте, родные, прощайте, Егоръ Антоновичъ!..» ¹⁾

Письма Энгельгардта къ Деларю даютъ нѣсколько новыхъ черточекъ для характеристики этого благороднаго человѣка и гуманнаго педагога. Главной задачей воспитанія онъ ставилъ культуру сердца: «Дай Богъ», пишетъ онъ Деларю, «чтобы всегда у Лицейскихъ сохранилось чувство Сердца; въ Сердцѣ заключается все достоинство человѣка; оно святилище, хранитель тѣхъ нашихъ добродѣтелей, которыхъ холодная, расчетливая голова знаетъ только по имени и по теоріи» (письмо 23 ноября 1839 г.).

Въ этомъ отношеніи Энгельгардтъ былъ сыномъ своей эпохи съ ея жизнью чувства и проповѣдью «чувствительности». Послѣдніе слабые отзвуки ея еще замѣтны въ юношеской дружбѣ Бѣлинскаго и Бакунина, Герцена и Огарева, но, во всякомъ случаѣ, къ 40-мъ годамъ идеаль, выраженный стихами Жуковскаго:

«Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою»
уже совершенно потускнѣлъ. «Дѣйствительность» выдвигала новый общественный лозунгъ—воспитаніе воли и разсудка. Такіе люди, какъ Энгельгардтъ, казались старомодными и въ атмосферѣ новыхъ настроеній чувствовали себя одинокими. Впрочемъ, «для сердца прошедшее вѣчно», и потому имъ оставалось одно утѣшеніе—воспоминанія. «Между нынѣшними людьми», пишетъ Энгельгардтъ Деларю 9 января 1840 года, «при моихъ старинныхъ правилахъ и понятіяхъ, какъ въ лѣсу: то задѣну, то ушибусь, то зацѣплю—ну, не живется; только и житія, что въ прежнихъ воспоминаніяхъ».

Еще рѣзче изобразилъ Энгельгардтъ свою духовную отчужденность отъ современнаго общества въ письмахъ 1846 года: «Вѣдь мнѣ только и радости въ нынѣшней моей отжитой жизни, какъ свижусь съ кѣмъ изъ преж-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1905 г., августъ, стр. 432—433. Ср. другія письма Пущина къ Энгельгардту, здѣсь же напечатанныя.

нихъ моихъ Лицейскихъ и найду въ немъ еще неостывшее въ великосвѣтскомъ быту сердце, чувство Лицейское; тутъ и я дружбою отогрѣю не стынувшее, но какъ-то мертвѣющее сердце, и наслаждаюсь, перенося себя въ тѣ годы, когда и я щастливъ былъ. Между нынѣшними, только головными людьми, которые думаютъ, понимаютъ, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе, какъ бывало въ мое время и въ Лицеѣ, я чувствую себя какъ въ чужбинѣ, въ лѣсу, глѣ дороги не знаю. Они меня не понимаютъ, и я ихъ не понимаю; стою, какъ старый обломокъ прошедшаго вѣка, уединенной въ толпѣ, и уберусь въ свою келью уединенную и стараюсь поддерживать въ себѣ твердость нужную, чтобы переносить такъ называемую жизнь (30 марта 1846 г.). «Не въ моготу мнѣ этотъ великосвѣтской, разсчетливой, насущной холодъ, которымъ я окруженъ...» Онъ горевалъ, что около него много «остывающихъ на «пути своемъ желѣзномъ», забывающихъ въ холодномъ головномъ свѣтскомъ быту, что у нихъ есть и сердце и что, занимаясь такъ называемымъ дѣломъ, можно всетаки хранить при томъ и чувство сердечное, дающее лучшую цѣнность человѣку» (25 июня 1846 г.).

Но несмотря на эту отчужденность отъ современнаго общества, отъ его быта, настроеній и направленія, несмотря на несчастія, перенесенныя въ личной жизни, Энгельгардтъ до конца своихъ дней сохранилъ въ себѣ свѣжесть общественнаго чувства и сознание общественнаго долга. «Я увѣренъ», писалъ онъ Деларю, бросившему службу и удалившемуся на покой въ свое имѣнiе, «я увѣренъ, что ты въ кругу своего семейства живешь спокойно, щастливо — для себя. Но въ твои годы, съ твоими способностями, долгъ гражданина велитъ, даже и съ нѣкоторымъ пожертвованiемъ содѣйствовать и пользѣ и благу общества, отечества. Долгъ этотъ тѣмъ священнѣе, что, къ сожалѣнiю, много честныхъ, благородныхъ людей, отстраняются отъ службы, подобно тебѣ, и дѣло общаго блага оставляютъ на жертву стаѣ корыстолюбивыхъ бездѣльниковъ, а сами,

сложивъ руки, довольствуются горевать о несправедливости, притязаніяхъ и раззорѣніи бѣдныхъ» (25 іюня 1846 г.).

Изумительная бодрость духа для семидесятилѣтняго старика, котораго не могли сломить никакія невзгоды!

1.

Шесть лѣтъ промчались...

Здравствуй любезной Деларю! Желая тебѣ быть столь же беззаботнымъ и веселымъ какъ въ то время, когда мы оба жили *тутъ!* Я увѣренъ, что не смотря на разстояніе насъ раздѣляющее, я увѣренъ что ты, какъ и всѣ наши добрые Лицейскіе прежняго времени, тамъ на Черноморскомъ Югѣ вспоминаешь про Лицейскіе годы, про прежнихъ тамъ однокашниковъ, про стараго друга Директора, и не забываешь родной Лицейской день—19 Октября. Этотъ день празднуется въ Бразиліи и въ Нерчинскѣ, въ Парижѣ и въ Малороссіи, въ Лондонѣ и въ Одессѣ, вездѣ гдѣ только есть наши Лицейскіе—и гдѣ же нѣтъ ихъ?—вездѣ въ этотъ день мысль у всѣхъ одна: благодарная память Лицея, память щастливой юности и—Шесть лѣтъ нашего бѣднаго Дельвига.—Вѣрно и ты мой доброй Деларю, хоть не въ кругу Лицейскихъ товарищей, а на единѣ, поминалъ этотъ день, и можетъ быть въ тоже самое время когда мы здѣсь за дружеской трапезой поминали тебя и, спасибо тебѣ! устроили дѣло доброе, Лицейское.—Я считаю долгомъ тебѣ, какъ первому виновнику сего добраго дѣла рассказать подробнѣе, что и какъ было.

Помнишь-ли какъ на сходкѣ 19 Октября, у Жадовскаго, назадъ тому три года, нѣкоторые изъ нашихъ толковали про прежній обычай, складываться въ этотъ день на общую пирушку, и находили, что не справѣдливо такой разходъ наложить на одного Жадовскаго. Тогда ты предложилъ: складчину продолжать по прежнему, но обращать сборъ на какое нибудь доброе дѣло. Предложеніе принято

единогласно и положено: посвятить этотъ сборъ сиротскому заведенію учреждаемому при здѣшной реформатской церквѣ. — Въ два раза собрано 1500 рублей какъ видно изъ прилагаемаго при семъ отчета Церковнаго Совѣта, оцѣнившаго какъ должно поступокъ Лицейскихъ и чувство ихъ руководившее. — На сходкѣ нынѣшняго года, когда дѣло дошло до складчины, я подалъ мысль, продолжать складчину до тѣхъ поръ, пока не соберется капиталъ въ 10 т. рублей, изъ процентовъ коего на всегда содержался бы въ этомъ сиротскомъ заведеніи одинъ воспитанникъ, отъ имени прежнихъ Лицейскихъ. Принято раг acclamation! Между присутствовавшими собрано около 800 рублей; къ тому отъ другихъ курсовъ, узнавшихъ объ этомъ, еще 400 р., да отъ нѣкоторыхъ отсутствующихъ 1-го и 3-го курсовъ 200 р., и того 1400 рублей. — Народъ нашъ все не богатой и потому высшая ставка была въ 50 р. Левъ Нарышкинъ подписалъ столько же, но на другой день прислалъ ко мнѣ при запискѣ еще 500 рублей отъ имени своего сына (ему 1¹/₂ года:) которой, по его увѣренію неотступно просилъ отца сдѣлать и его участникомъ въ добромъ Лицейскомъ дѣлѣ: Я отвѣчалъ Нарышкину: *J'ai reçu les 500 R-s pour le capital lycéen et je Vous en remercie, au nom de nos orphelins; mais je Vous suis infiniment plus reconnoissant pour le sentiment lycéen, qui vous a engagé à ne signer que 50 R-s sur la liste. C'est bien mon ami, je désire que votre petit Cyrille un jour sache sentir comme vous.*

Итакъ всего собрано 1900 р., и того, съ прежними, нашъ Лицейской сиротской Капиталъ составляетъ уже всего 3400 рублей, хранящіеся въ Церковномъ Совѣтѣ отдѣльно подъ своимъ названіемъ. Начало хорошо! Авось еще доживу я совершенія.

Спасибо тебѣ другъ мой за это; *suum cuique!* Первая мысль принадлежитъ тебѣ, и мы не преминули принести тебѣ заздравной Тостъ. Это происходило въ 7 часовъ вечера; быть можетъ что и ты въ это самое время и насъ

поминалъ. Жаль что ты былъ не съ нами, не слышалъ нашего Шестъ лѣтъ, передъ образомъ нашего добраго Александра Благословеннаго. Ты бы радовался съ нами, видя какъ эти слова, эти родные звуки дѣйствовали еще почти на всѣхъ.—Посылаю тебѣ въ память 19 Октября, нашу пѣснь и нашу залу, пусть онѣ будутъ и въ Крыму, и когда забредетъ въ вашу сторону Лицейской, то пусть и онѣ глядя на эти реликвиі вспомнить добрую старину и отогрѣетъ юношескимъ воспоминаніемъ сердце остывающее въ великосвѣтскомъ быту. Не даромъ Дельвигъ сказалъ: «Храните, о друзья, храните, тужь дружбу съ тою же душой».

Бывало Пушкинъ къ 19-му Октября кликнетъ кличь товарищамъ и возбудитъ въ иномъ остывающемъ сердцѣ память и чувство прежняго времени.— Пушкина нѣтъ; а кличь товарища была бы полезна. Что-бы тебѣ къ будущему 19 Октября написать хотя небольшое посланіе къ товарищамъ—мы бы его вмѣстѣ прочли здѣсь въ дружескомъ кругу и оно бы конечно много бы сдѣлало добра и товарищамъ и Лицейскому сиротскому Капиталу.— Подумай-ка объ этомъ; впереди мѣсяцевъ почти десять—право, доброе ты сдѣлаешь дѣло если къ тому времени пришлешь мнѣ что нибудь такое.

Вотъ тебѣ мой отчетъ о 19 Октября 1839 года. Желая чтобъ онѣ тебѣ хоть нѣсколько оживитъ наше собраніе и духъ между нашимъ народомъ сохранившійся. Дай Богъ чтобъ онѣ еще долго, долго сохранился, чтобы всегда у Лицейскихъ сохранилось чувство *Сердца*; въ Сердцѣ заключается все достоинство чловѣка; оно святилище, хранитель всѣхъ нашихъ добродѣтелей, которыхъ холодная, расчетливая голова знаетъ только по имени и по теоріи.

Забалтался я,—прощай любезной Деларю, и если найдешь между своими педагогическими и экономическими хлопотами свободное полчаса, то напиши нѣсколько строчекъ о своемъ житьѣ-бытьѣ; это будетъ истинно большой подарокъ и радость старому Директору и неизмѣнному другу

Егору Антону Э.

Почтенному Дмитрію Максимовичу, если онъ можетъ быть еще помнитъ меня, мой поклонъ и почтеніе.—Прощай.

С.П.б.

23 Ноября 1839.

2.

Сосѣдъ мой, Механикъ-Оптикъ *Крафтъ*, отправляясь въ Одессу, проситъ меня дать ему въ провозатые нѣсколько строкъ къ доброму человѣку тамъ, которой бы прирѣлъ его бѣднаго сироту на чужой сторонѣ. Благо есть вездѣ у насъ доброе сѣмя Лицейское, разположенное всегда помогаты!—Такъ вотъ же тебѣ любезной Деларю, мой бѣдняга; онъ человѣкъ знающій свое дѣло и заслуживающій чтобы добрые люди принимали въ немъ участіе.— Онъ было обзавелся здѣсь своимъ художествомъ и дѣла его пошли довольно удачно; да тутъ его нелегкое попутало связаться съ галвано-электрическимъ Профессоромъ Якоби, человѣкомъ не тѣрпящимъ чтобы, кромѣ его, существовали люди съ умомъ и геніемъ. Онъ употреблялъ бѣднаго Крафта какъ сущаго батрака, завалилъ работою, платилъ плохо и наконецъ, когда Крафтъ осмѣлился выдумать и устроить про себя очень любопытную электрогалваническую тележку-самоходку, то онъ его преслѣдовалъ всѣми мѣрами и обносилъ вездѣ такъ, что ему пришлось наконецъ разстаться съ Петербургомъ. Онъ ѣдетъ въ вашъ благословенный край, *procul a negotiis* столицы; прійми его подъ свое крылышко, наставь его своими совѣтами и дай ему случай показать свое искусство. Ужъ онъ лицомъ въ грязь не ударитъ, а ты сдѣлаешь благодѣяніе, бѣдному доброму отцу семѣйства.— Вотъ тебѣ и награда за твои хлопоты!

Нашихъ новостей новыхъ нѣтъ. Народъ Лицейской по старому идетъ себѣ тихимъ, но твердымъ шагомъ въ гору; вездѣ пріобрѣтаетъ довѣренность и уваженіе, похвалу и

доброе имя, и безпрестранно начальства требуютъ у меня еще *моихъ* ребягъ. А мнѣ старику это по сердцу! только и наслажденія мнѣ въ изходѣ жизни, которая впрочемъ, между нами сказано, очень скучна и крѣпко надоѣла мнѣ. Я между нынѣшними людьми, при моихъ старинныхъ правилахъ и понятіяхъ, какъ въ лѣсу, то задѣну, то ушибусь, то зацѣплю—ну, не живется; только и житія что въ прежнихъ возпоминаніяхъ.

Прощай мой другъ; будь здоровъ, чистъ, правъ, и бодръ; въ щастьѣ не забывайся, въ несчастіи не унывай и запасайся *нынѣ* пріятными, утѣшительными возпоминаніями на старость. Прощай, и поминай иногда стараго и вѣрнаго друга

Егоръ Энгельгардтъ.

С.П.б.

9 Января 1840.

3.

Спб. 2 Маія 1840.

И паки и паки прибѣгаю къ тебѣ любезной Деларю съ рекомендаціею для подателя сего *Г. Цинъ*, получившаго начальное свое воспитаніе въ нашей Школѣ при реформатской церкви, гдѣ былъ онъ всегда однимъ изъ лучшихъ, прилѣжнѣйшихъ и благонравнѣйшихъ воспитанниковъ. Въ послѣдствіи онъ путешествовалъ на счетъ Правительства и какъ тамъ, такъ равно по возвращеніи сюда, заслужилъ всегда одобреніе и похвалу.—Онъ теперь опредѣляется къ вамъ, и кажется васъ и его можно поздравить, *c'est une bonne acquisition pour les deux parties.*

Прошу Его полюбить, наставить и призрѣть Его въ сиротствѣ на чужбинѣ. Это доброе дѣло за которое Богъ тебя наградить.

Получилъ-ли ты мое 1-е, 2-е и 3-е посланіе. Надѣюсь что ты какъ нибудь удосужишься и обрадуешь нѣсколькими строчками старины Лицейской Стараго друга Лицейскаго

Егоръ Антоныча.

4.

Шесть лѣтъ промчались...

Лѣпта твоя мой доброй Деларю долетѣла ко мнѣ исправно, и вотъ тебѣ за нее Спасибо — отъ лицейской братіи и отъ сиротъ. а отъ Егора Антоньча упрекъ. Да—упрекъ: я человѣкъ корыстолюбивой, хочу непремѣнно при всякомъ случаѣ выгодать и себѣ что-нибудь. Такъ-то и нынѣ надѣялся при семъ случаѣ получить отъ тебя хоть нѣсколько строчекъ Лицейскихъ, отголосокъ былого, миновавшаго невозвратно времени—и ты меня этимъ не потѣшил! И свиданье-то наше, мгновенное, блеснуло только какъ лучъ какой-то въ темнотѣ, разбередило только старья сердечныя раны, а согрѣтъ сердце дружескимъ воспоминаемъ, было нѣкогда. Вѣдь мнѣ только и радости въ нынѣшней моей отжитой жизни, какъ свижусь съ кѣмъ изъ прежнихъ моихъ Лицейскихъ и найду въ немъ еще неоставшее въ великосвѣтскомъ быту сердце, чувство Лицейское; тутъ и я дружбою отогрѣю, не стынущее, но какъ-то мертвѣющее сердце, и наслаждаюсь перенося себя въ тѣ годы когда и я щастливъ былъ.—Между нынѣшними, *только головными* людьми, которые думаютъ, понимаютъ, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе какъ бывало въ мое время и въ Лицеѣ, я чувствую себя какъ въ чужбинѣ, въ лѣсу, гдѣ дороги не знаю. Они меня не понимаютъ и я ихъ не понимаю; стою какъ старой обломокъ прошедшаго вѣка, уединенной въ толпѣ, и уберусь въ свою келью уединенную и стараюсь поддерживать въ себѣ твердость нужную, чтобы переносить такъ называемую жизнь.—Скучное ремесло эта жизнь, особливо кто маялся въ ней слишкомъ 70 лѣтъ—но, *переживать* тѣхъ кого любилъ, для кого и кѣмъ жилъ—ужасно! Кого ужъ я не схоронилъ—лучшихъ друзей юности съ коими жилъ рука въ руку лѣтъ по 50 и болѣе—въ послѣдніе 3 года схоронилъ дочь въ 19 лѣтъ, другую въ 30 лѣтъ, сына въ 42 года, трехъ внучатъ и 7 старшихъ лучшихъ друзей—они всѣ меня опередили, перешли туда,

гдѣ уже нѣтъ разлуки, а я все еще тутъ, хожу по могиламъ, завидую щастливцамъ и жду соединенія съ ними.— Гамлетъ говоритъ: «eat your pudding slave and be quiet». Я молчу, наружно, при людяхъ спокоенъ, а что чувствуетъ внутренній мой человѣкъ, то не для постороннихъ. Развѣ попаду на прежняго Лицейскаго, такъ съ нимъ еще о себѣ поговорю. Да и они рѣдѣютъ около меня: кто въ могилѣ, кто въ дали далекой за горами да за морями, кого отлучилъ велико-свѣтской быть. Съ каждымъ годомъ уменьшается этотъ кругъ, и чѣмъ менѣе число составляющихъ его, тѣмъ оставшіеся мнѣ дороже, ближе къ сердцу и нужнѣе мнѣ иногда съ ними свиданіе или окликъ. Вотъ тебѣ моя изповѣдь, она только для тебя, — уничтожь сіи строки, никому не показывай, они не для profanum vulgus, а только для тебя. Такое изліяніе облегчило мнѣ стѣсненное сердце. Спасибо!

На наше 19 октября, по доброму обычаю лицейскому, собралось около 30 человѣкъ моихъ четырехъ курсовъ. Побесѣдовали за скромною трапезою, поминали прежніе годы, поминали товарищей отсутствующихъ и умершихъ, спѣли передъ бюстомъ Благословеннаго, Благодѣтеля нашего, старое Боже Царя Храни! а тамъ спѣли наше заповѣдное Шестъ лѣтъ -- тряхнули доброй Лицейской стариной. — Съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣлъ на многихъ глазахъ небесную росу умиленія и воспоминанія. Хоть одинъ разъ въ году отогрѣваются леденѣющія сердца. — Мнѣ этотъ день лучшій праздникъ въ цѣломъ годѣ! — Поживъ такъ вмѣстѣ до вечера разошлись съ обѣщаніемъ всегда хранить эту добрую сходку дружбы, воспоминанія и благодарности! Многіе отсутствующіе являлись на нее письменно; мы читали отзвы изъ Бразиліи, изъ Иркутска, изъ Стутгардта, изъ Харькова, изъ Лондона, изъ Шемахи — всего 11 писемъ изъ всѣхъ угловъ свѣта. — Нашъ капиталъ сиротской (которому ты первой начинщикъ) возросъ уже до $\frac{10}{т.}$ р. а, авось доживу я и до достальныхъ 3000 р. и до совершеннаго

установленія этого скромнаго, но прекраснаго памятника добраго духа прежнихъ нашихъ Лицейскихъ.

Пролежало мое посланіе не оконченное недѣли двѣ; на меня навалила груда пустыхъ такъ называемыхъ дѣлъ, нумерныхъ бумагъ и Комитетовъ, переливалъ изъ пустаго въ порожнее — на конецъ кое-какъ отдѣлался и спѣшу кончить и отправить къ тебѣ мою болтовню, не прочитавъ что тамъ наброшено, потому что вѣроятно много такого что бы теперь перечитывая, не захотѣлъ бы выпустить изъ рукъ. Уже прійми какъ есть — прочти, потужи обо мнѣ и сожги письмо, чтобы какъ нибудь не попало въ чужія руки.

Прощай другъ мой; когда иногда будете сидѣть за сѣмѣйнымъ тихимъ самоваромъ, то вспомни о старомъ другѣ, а когда будешь свободной отъ дѣльнаго дѣла часочикъ, то напиши къ нему и скажи кое-что о своемъ житьѣ-бытьѣ сѣмѣйномъ, познакомь меня съ нимъ, что бы могъ я и вдали съ тобою пожить. Ты этимъ много обяжешь и порадуешь

Старога друга-Директора
Егоръ Антоныча.

Спб.

30 марта 1846.

5.

С. П. б. 25 Іюня 1846.

Спасибо тебѣ мой доброй Михаилъ, за твое сердечное письмо; оно мнѣ очень по сердцу, и я не одинъ разъ перечитывалъ его и приобщилъ его къ хранящимся у меня въ особомъ ларцѣ Лицейскимъ письмамъ и другимъ письменнымъ остаткамъ того времени. Они подкрѣпляютъ меня въ такъ называемой жизни; какъ иногда уже не въ могути мнѣ этотъ великосвѣтской, расчетливой, засушной холодъ, которымъ я окруженъ, то заберусь въ свою келію, примусь за свой прежній ларець и въ немъ нахожу чѣмъ опять отогрѣть старое сердце. Спасибо тебѣ за твои строки.

Въ намѣреніи помочь бѣдной сиротѣ нашего добраго почтеннаго Реймерса, мы встрѣтились. Не имѣя на это средствъ собственныхъ, я затѣялъ маленькое предпріятіе съ тою же цѣлью: между бумагами моего покойника нашель я начатое, по совѣту моему, дѣло, *алфавитной указатель* всѣхъ статей Земледѣльческой Газеты въ первыя 10 лѣтъ ея изданія. Обработавъ и пополнивъ этотъ трудъ, я напечаталъ его и продаю, по 1 руб. сер. въ пользу маленькой Алиси. Къ сожалѣнію по нынѣ продано только еще съ небольшикъ 100 экземпляровъ; деньги за тѣ вырученныя хранятся въ Банкѣ. Очень жаль что наши помѣщики читающіе З. Г. не понимаютъ пользу, необходимость этого Указателя, по которому, безъ труда и потери времени можно тотчасъ отискать всякой предметъ и все что было объ немъ сказано въ 20 томахъ газеты. — Не попадетъ-ли тебѣ какъ нибудь подъ лапу кто-либо изъ читающихъ сельскихъ хозяевъ вашего края — заставь его пожертвовать на пополненіе своей хозяйственной бібліотеки однимъ рублемъ для выписанія себѣ этого Указателя, а мы тотчасъ съ благодарностію отправимъ къ нему въ переплетѣ экземпляръ, за которой вѣрно скажетъ спасибо. — Кромѣ сего, я отъ всей души радъ содѣйствовать доброму дѣлу затѣянному вашимъ курсомъ въ пользу бѣдной Алиси, а какъ говорятъ что доброму дѣлу Богъ помога, то Онъ вѣрно и тутъ поможетъ; когда благословить довершить намъ начатой общій сиротской капиталъ, то на сходкѣ 19 Октября народъ прежнее-Лицейской не откажется участвовать и въ этомъ частномъ.

Прошлогодняя наша сходка была малочисленна, по отсутствію многихъ разъѣхавшихся по бѣлу-свѣту, и потому сбору оказалось только 200 р. сер. Въ нынѣшнемъ году надѣюсь будетъ люднѣе и богаче, судя по началу сдѣланному нѣкоторыми отсутствующими изъ Бѣлгорда, Ріо-Джанейро, Ялуторовска, Штутгардта и пр. А между тѣмъ, твое очень правдивое четверестишіе подало мнѣ мысль, что много бы подѣйствовало на чувство и розпо-

ложеіе нашего круга, еслібъ къ 19 Октябрю явился на дружеской нашей трапезѣ сердечной окликъ отсутствующаго товарища къ бывшимъ однокашникамъ, возпоминаніе о прежней Царскосельской жизни, съ мѣстными, личными подробностями того блаженнаго времени. Это бы оживило, отогрѣло многихъ остывающихъ на «пути своемъ желѣзномъ», забывающихъ въ холодномъ головномъ свѣтскомъ быту, что у нихъ есть и сердце и что занимаясь такъ называемымъ дѣломъ, можно все таки хранить при томъ и чувство сердечное, дающее лучшую цѣнность человѣку. Такой приноровленной какъ можно ближе къ *Лицейству* окликъ вѣрно былъ бы принять съ восторгомъ и произвелъ бы во многихъ отношеніяхъ самое благотворное дѣйствіе. Тебѣ Пегазъ дается, и Музы не только не чужды, но даже благопріятны—настрой Лиру и спой намъ что-нибудь истинно Лицейское и пришли къ 19 Октябрю; мы въ дружескомъ кругу прочтемъ и сердечно поблагодаримъ отсутствующаго добраго товарища за память его объ насъ.—Подумай-ка объ этомъ; рѣшись приняться и вѣрно выйдетъ хорошо и полезно. Аминь.

Я увѣренъ что ты въ кругу своего семѣйства живешь спокойно, щастливо—*для себя*. Но въ твои годы, съ твоими способностями, долгъ гражданина велить, даже и съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ содѣйствовать и пользѣ и благу общества, отечества. Долгъ этотъ тѣмъ священнѣе что къ сожалѣнію много честныхъ, благородныхъ людей, отстраняются отъ службы подобно тебѣ и — дѣло общаго блага оставляютъ на жертву стаѣ корыстолюбивыхъ бездѣльниковъ, а сами, сложа руки довольствуются горевать о несправѣдливости, притязаніяхъ и раззорѣніи бѣдныхъ.—Это точно тоже что бываетъ у насъ на пожарахъ, гдѣ простые наемники изъ подъ палки заливаютъ, работаютъ кое-какъ, а отстранившіеся зрители стоятъ, бранятъ въ полголоса: «не такъ заливаютъ, не тутъ ломаютъ, не такъ убираютъ, воды мало и пр.»—«Да возмись ты знающій за кису, за багоръ, принеси ведро воды». — «Что мнѣ тутъ соваться,

неровно замараешь кафтанъ, замочишь новую свою шляпу, вѣдь это неприятно».—И сгоритъ домъ, и раззорятся бѣдные хозяева ихъ, а умственные люди стоятъ себѣ и не помогаютъ.

Нѣтъ другъ мой, не должно страшится капельки воды на шляпѣ или кафтанѣ, и какихъ-нибудь непризнаваній заслугъ, или иныхъ по службѣ неприятностей; должно помнить надпись на Лицейской Медали: «*Для общей пользы*», служить пока есть силы Царю и Отечеству, стоять за правду, защищать бѣдныхъ отъ бездѣльниковъ.—Это долгъ священной. Тутъ идетъ дѣло не о блестящемъ, видномъ мѣстѣ, а о такомъ, гдѣ непосредственно можемъ помогать. Вѣрно въ вашемъ краю найдется мѣсто какого нибудь скромнаго судьи, даже засѣдателя—возьмись. Богъ благословитъ, поможетъ, а если и не все удастся, если и будетъ тамъ сямъ трудно, неприятно, то въ общемъ итогѣ все ты будешь въ барышахъ, лишь бы могъ сказать себѣ по чистой совѣсти: я исполнялъ свой долгъ, дѣлалъ что могъ.—При этомъ живется весело, спится спокойно.—Я говорю съ собственнаго опыта.

Воло теперь въ Казани, куда посланъ для какихъ-то Коммисаріятскихъ, довольно скучныхъ, ревизій. Я вчера въ письмѣ передалъ ему твой дружеской поклонъ.

Да пора и мнѣ откланяться; долго и много болталъ. Невѣсткѣ мое почтеніе, а тремъ внукамъ дѣдовской поцѣлуй и благословіе. Прощай другъ мой, спасибо за то, что иногда за семейнымъ столомъ поминаете стараго вѣрнаго друга—Директора

Егоръ Антоныча.

А окликъ твой къ 19-му Октября я ожидаю на вѣрное.

Н. Кульманъ.

Къ исторіи составленія проекта «Свода степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири».

О работахъ по составленію Степного Свода въ ученой литературѣ имѣются только очень краткія и отрывочныя свѣдѣнія ¹⁾. Объясняется этотъ пробѣлъ крайней рѣдкостью печатныхъ изданій, относящихся къ Своду, экземпляры которыхъ имѣются въ очень немногихъ книгохранилищахъ и притомъ въ разрозненномъ видѣ. А съ другой стороны, нѣкоторые рукописные матеріалы, собранные въ связи съ работами по своду, опубликованы и стали уже достояніемъ науки ²⁾. Поэтому не безынтересно, хотя бы и не вдаваясь въ подробности, остановиться на внѣшнемъ ходѣ работъ и прослѣдить отдѣльныя ихъ стадіи; благодаря этому можетъ быть выяснена связь между доступными матеріалами

¹⁾ Очень краткія свѣдѣнія о Сводѣ степ. Зак. имѣются у С. Б. Пахмана, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II, стр. 479 и 480. Заключительныя стадіи работъ не изложены и у Пахмана.

²⁾ См. указанный ниже Сборникъ обычаевъ сибирскихъ инородцевъ, изд. проф. Д. Я. Самоквасовымъ. О связи этихъ опубликованныхъ собраній съ работами по Степному Своду въ предисловіи къ Сборнику приведены очень неопредѣленныя указанія. Отсутствие хотя бы краткаго обзора исторіи составленія Степного Свода называется и на рецензій, написанной на этотъ сборникъ проф. Кистяковскимъ (Кіев. Универс. Извѣстія 1876 г. № 6 стр. 228 и слѣд. см. особенно 236).

и даже, до нѣкоторой степени, и внутренняя ихъ цѣнность ¹⁾).

Идея составленія Степного свода возникла въ связи съ тѣми преобразованіями управленія Сибири, которыя были предприняты въ началѣ двадцатыхъ годовъ подѣ влияніемъ Сперанскаго, бывшаго въ то время сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Обозрѣвъ устройство сибирскихъ губерній, Сперанскій представилъ Государю въ 1821 году обширный отчетъ о всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ и составилъ проектъ новой организаціи этой окраины, въ которомъ со свойственной ему логичностью и послѣдовательностью разработалъ основныя черты ея новаго устройства. Для разсмотрѣнія отчета и проектовъ Сперанскаго въ Петербургѣ былъ учрежденъ особый «Сибирскій комитетъ» ²⁾, который и впослѣдствіи—до 1838 года—обсуждалъ вообще всѣ мѣропріятія, касающіяся Сибири.

Въ числѣ прочихъ положеній, касающихся управленія Сибири, Сперанскимъ былъ выработанъ и уставъ объ инородцахъ, утвержденный (по разсмотрѣніи въ Сибирскомъ комитетѣ) 22 іюля 1822 года (П. С. З., № 29126). Согласно первой статьи этого устава, всѣ инородцы раздѣлены на три группы—осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ (или ловцовъ). Для этихъ послѣднихъ группъ оставлены въ силѣ (§ 68 Устава) ихъ собственные степные законы и обычаи.

¹⁾ Источникомъ дальнѣйшаго изложенія являются дѣла бывш. II Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, хранящіяся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, и печатное, крайне рѣдкое «Обозрѣніе Историческихъ свѣдѣній о Сводѣ степныхъ Законовъ». Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ниже въ текстѣ не приведено особаго источника, данное свѣдѣніе заимствовано изъ обширнаго дѣла б. II Отдѣленія 1836 г. № 38-а. О судьбѣ аналогичной попытки кодифицировать калмыцкое право (въ Астраханской губерніи) см. работы проф. Леонтовича Къ исторіи права русскихъ инородцевъ (2 т.).

²⁾ Комитетъ былъ учрежденъ указомъ 28 іюля 1821 года для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго (П. С. З. № 28706); 26 января 1822 г. въ него переданы всѣ вообще сибирскія дѣла. Обстоятельныя свѣдѣнія о планахъ Сперанскаго и ихъ осуществленіи имѣются въ работѣ С. Прутченко «Сибирскія окраины», СПб. 1898 г. (2 т.)

Но въ виду того, что обычаи эти различны въ каждомъ племени, а также сбивчивы и неопредѣленны, будучи сохраняемы лишь въ изустныхъ преданіяхъ, то §-мъ 68 предоставлялось «мѣстному начальству отъ почетнѣйшихъ людей собрать полныя и подробныя о сихъ ихъ законахъ свѣдѣнія, рассмотреть оныя по губерніямъ въ особыхъ временныхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими установленіями и, расположивъ въ надлежащемъ порядкѣ, представить мѣстному Главному Управленію на утвержденіе». Этотъ сводъ предполагалось напечатать на русскомъ языкѣ и въ переводѣ на какое нибудь мѣстное нарѣчіе (§ 69) и представить въ Правительствующій Сенатъ; кодифицированные такимъ путемъ обычаи должны были оставаться безъ всякихъ измѣненій, пока съ перемѣной образа жизни и степени образованія инородцевъ не будетъ надобности измѣнить образъ ихъ управленія (§ 71).

Такихъ кочевыхъ инородцевъ въ тридцатыхъ годахъ въ общемъ насчитывалось свыше 350,000, а именно: 165,000 бурятъ, 11,000 тунгузовъ, 154,000 якутовъ и 22,000 различныхъ племенъ енисейскихъ ¹⁾.

Согласно съ этими статьями устава, сибирскій генералъ-губернаторъ Лавинскій въ 1823 году образовалъ комитеты, поручивъ имъ заняться собраніемъ мѣстныхъ обычаевъ и вообще матеріаловъ, необходимыхъ для кодификаціи степныхъ законовъ. При этихъ работахъ обнаружилось, что въ западныхъ областяхъ Сибири, особенно же въ Томской губерніи, инородцы, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, настолько цивилизовались, что какихъ либо своеобразныхъ обычаевъ у нихъ уже не было, а проектъ Омскаго комитета, собравшаго нѣкоторые обычаи киргизовъ, остался безъ движенія ²⁾.

Главная работа была произведена двумя комитетами—

¹⁾ Сводъ степныхъ Законовъ (1836 г.), приложение IV (по даннымъ ясачныхъ комиссій).

²⁾ Обзорніе истор. свѣдѣній о Сводѣ степ. Законовъ, стр. 21.

Иркутскимъ и Красноярскимъ. Иркутскій собралъ значительное количество письменныхъ показаній инородцевъ, за подписями или печатями старшинъ различныхъ наименованій (тайшъ, зайсановъ, шуленгъ и пр.) и различныхъ племень. А именно: отъ бурятъ округи иркутской поступили показанія по вѣдомствамъ: идинскому (12 родовъ), тункинскому (12 родовъ), балаганскому, верхоленскому (10 родовъ), кудинскому; округи верхнеудинской: отъ 11 хоринскихъ родовъ, отъ 10 селенгинскихъ родовъ; отъ тунгузовъ Иркутской губерніи поступило два документа: 1) показанія начальника тунгузскихъ родовъ князя Гантимурова и 2) положеніе составленное 15 родами. Въ Якутской области удалось составить собраніе якутскихъ обычаевъ и преданій ¹⁾. Всѣ эти собранія обычаевъ въ настоящее время напечатаны проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ его «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» (Варшава 1876 г.) по рукописи, судьба которой будетъ изложена ниже. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что показанія инородцевъ, помѣщенные въ этомъ Сборникѣ—именно тѣ, которыя были пересланы впоследствии въ Петербургъ и легли въ основаніе Свода степныхъ Законовъ. Въ этомъ убѣждаетъ уже какъ то обстоятельство, что всѣ ссылки подъ статьями Свода (1836 г.) вполне совпадаютъ съ статьями отдѣльныхъ сводовъ обычаевъ, такъ и другое. что тѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ ихъ видѣ, которыя даны въ Сводѣ степныхъ Законовъ, вполне соотвѣтствуютъ напечатаннымъ въ книгѣ проф. Самоквасова сборникамъ.

Что же касается Красноярскаго комитета, то онъ поступилъ иначе. Онъ вызвалъ четырехъ депутатовъ изъ числа наиболѣе почтенныхъ инородцевъ отъ родоначалій качинскаго, кайбальскаго, соединенныхъ разнородныхъ племень и казильскаго и записалъ словесныя показанія этихъ депутатовъ, а «письменныхъ» ему не удалось раздобыть. Депутаты русскаго языка не знали и поэтому текстъ

¹⁾ Сводъ степныхъ Законовъ, 1836 г. прил. I.

показаній былъ переведенъ на мѣстный языкъ и прочитанъ переводчикомъ Кузьминымъ, и депутаты признали его правильнымъ ¹⁾. Въ сущности едва ли можно усмотрѣть какое либо существенное отличіе этого порядка отъ принятаго въ другихъ комитетахъ.

Но помимо этихъ матеріаловъ, въ послѣдствіи при дальнѣйшихъ кодификаціонныхъ работахъ отнесенныхъ къ разряду «основныхъ», комитеты собрали еще и «вспомогательные». Число этихъ послѣднихъ возросло при дальнѣйшей обработкѣ Свода въ Петербургѣ. Къ разряду ихъ отнесены собранія нѣкоторыхъ нормъ, которыя нельзя возвести къ мѣстному обычному праву. Таковыми были прежде всего кодексы сосѣдней Китайской Имперіи, которыми руководствовались при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ степного права; составители Свода пользовались русскими переводами этихъ кодексовъ. Сюда относятся: Китайское уложеніе 1725 года, Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній, Монгольское уложеніе 1798 года ²⁾, Уложеніе монгольскаго и калмыцкаго народовъ, постановленное 5 сентября 1640 г. ³⁾.

¹⁾ Обзорніе историч. свѣдѣній о Сводѣ степныхъ Законовъ (стр. 33).

²⁾ Точныя заглавія этихъ переводовъ слѣдующія: 1) «Китайское уложеніе, перевелъ сокращенно съ Маньчжурскаго языка на російскій языкъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ маіорскаго ранга секретарь Алексѣй Леонтьевъ», 2 части 1778, 1779 гг. СПб., въ типогр. Академіи Наукъ. 2) «Уложеніе Китайской палаты внѣшнихъ сношеній перевелъ съ маньчжурскаго Степанъ Литовцевъ», 2 тома, изд. Департамента Народнаго Просвѣщенія 1828 г. (оригиналъ вышелъ въ Пекинѣ въ 1818 году). Монгольскимъ уложеніемъ комитеты пользовались по переводу монаха Іакинфа, помѣщенномъ въ IV части его «Записокъ о Монголіи» 1828 г. Кромѣ того пользовались и рукописнымъ переводомъ соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ этихъ китайскихъ кодексовъ (см. напр., Сводъ, изд. 1836 г. прилож. объясненіе № 14).

³⁾ Переводъ этого уложенія былъ впервые сообщенъ членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія гр. П. Б. Шереметевымъ и напечатанъ въ Опытахъ трудовъ этого общества, а затѣмъ перепечатанъ въ Сѣверномъ Архивѣ 1828 г., стр. 258—288, 42—70.

Къ разряду этихъ вспомогательныхъ актовъ были причислены и постановленія русскихъ властей, имѣвшія отношеніе къ быту инородцевъ; таковы, напр., инструкція пограничнымъ дозорщикамъ о разборѣ маловажныхъ дѣлъ, данная отъ Иллирійскаго графа Саввы Владиславича Рагузинскаго въ 1728 году 27 іюня ¹⁾, указъ бывшей верхнеудинской канцеляріи 26 мая 1760 г., указы главнаго иркутскаго правительства 1800 и 1806 гг., печатный экземпляръ иновѣрческаго положенія, изданнаго бывшимъ иркутскимъ правительствомъ 9 августа 1812 г., отчетъ генералъ-губернатора Трескина, матеріалы такъ наз. ясачныхъ комисій, назначенныхъ въ 1827 году для выясненія основаній ясачныхъ сборовъ и причинъ недоимокъ по этимъ сборамъ, и нѣкоторые другіе. Особенно важнымъ въ ряду актовъ этой категоріи является проектъ положенія о гражданскихъ правахъ монголо-бурятскаго и тунгусскаго ламайскаго духовенства, составленный по инициативѣ главнаго управленія Восточной Сибири чиновникомъ барономъ Шиллингомъ фонъ Канштатъ, посланнымъ на мѣста ²⁾.

¹⁾ Инструкція эта была издана по слѣдующему поводу. Савва Владиславичъ Рагузинскій, сербскій выходецъ, оказывавшій Петру Великому различныя услуги, въ 1725 году былъ поставленъ во главѣ посольства, отправленнаго въ Китай для переговоровъ относительно нѣкоторыхъ затрудненій, чинимыхъ русской торговлѣ и для установленія точныхъ границъ между Россіей и Китаемъ. Оба порученія онъ исполнилъ успѣшно; а для проведенія границъ онъ проѣхалъ съ китайскимъ представителемъ черезъ пограничныя области и при этомъ случаѣ издалъ для пограничныхъ дозорщиковъ Фирсова и Михалева инструкціи для разбора маловажныхъ дѣлъ между инородцами. (См. Сѣверный Архивъ 1823 г. № 11, стр. 340). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ имѣются въ цитированной статьѣ Клапрота въ Сѣверномъ Архивѣ (1823) № 9—11; статья эта переведена съ нѣмецкаго, изъ Archiv für Asiatische Litteratur etc); см. также В. А. Уляницкій, Русскіе консульства за границею въ XVIII вѣкѣ, т. I, стр. 139, Соловьевъ: Исторія Россіи (изд. Обществ. Пользы, кн. IV, стр. 1135 и сл.).

²⁾ Этотъ проектъ поступилъ въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, а Сибирскій комитетъ, узнавъ о немъ «случайно» (Обозрѣніе

Пользуясь такимъ разнообразнымъ матеріаломъ комитета Иркутскій и Красноярскій составили каждый по проекту (1824 г.). Однако, Иркутскій комитетъ, куда генераль-губернаторъ передалъ красноярскій проектъ для согласенія, нашель, что обычаи енисейскихъ инородцевъ мало отличаются отъ законовъ инородцевъ иркутскихъ и якутскихъ. Различія обнаружились только въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ объ опекахъ (7 статей) и о калымѣ, институтѣ, неизвѣстномъ енисейскимъ обычаямъ. Пользуясь этимъ сходствомъ Иркутскій комитетъ соединилъ оба проекта, свой и Красноярскій, въ одинъ и, найдя, что проекты содержатъ нѣкоторыя новшества, т. е. не вполне соответствующія условіямъ, намѣченнымъ въ уставѣ 1822 г., представилъ все дѣло въ Петербургъ въ Сибирскій комитетъ. Въ комитетѣ имъ занялся управлявшій дѣлами комитета Александръ Павловичъ Величко и когда дѣло было передано на разсмотрѣніе особой комисіи (въ 1825 г.) подъ его предсѣдательствомъ, то онъ убѣдилъ комисію вытребовать съ мѣста всѣ матеріалы и, ознакомившись съ ними, высказался, противъ мнѣнія остальныхъ членовъ комисіи, за составленіе нозаго свода. Гр. Ланской, предсѣдатель Сибирскаго комитета, поручилъ ему тотчасъ же приступить къ работѣ, ибо только по окончаніи такого новаго свода можно было бы рѣшить, что заслуживаетъ предпочтеніе, исправленный-ли текстъ мѣстныхъ проектовъ или этотъ новый (1828 г.). Къ 1831 году были изготовлены 6

истор. свѣдѣній, стр. 41), вытребоваль его къ себѣ. Проектъ составлялся съ тѣмъ, чтобы урегулировать число ламъ и обязанности ихъ къ гражданскому начальству и къ предметамъ влекущимъ гражданскія послѣдствія. Онъ не былъ утвержденъ и вопросы въ немъ затронутые были переданы на разрѣшеніе мѣстныхъ властей (дѣло 6. II Отдѣленія 1836 г. № 38а). Ламы были освобождены отъ рекрутской повинности, поэтому многіе инородцы, для избѣжанія службы въ войскахъ, фиктивно записывались въ ихъ число. Отчасти для устраненія этого злоупотребленія и былъ составленъ проектъ положенія, въ которомъ между прочимъ устанавливалось штатное количество ламъ.

частей проекта и по предложеніи Величко предсѣдатель комитета (въ то время кн. Голицынъ) послалъ этотъ проектъ въ Иркутскъ на заключеніе знатока быта инородцевъ, губернскаго переводчика монголо-бурятскаго языка Игумнова. Игумновъ исполнилъ эту работу къ 1832 году, снабдивъ нѣкоторыя статьи проекта объясненіями и примѣчаніями. Но работы по составленію проекта не удалось закончить этимъ, такъ какъ вскорѣ былъ утвержденъ Сводъ Законовъ для Имперіи и пришлось систему проекта примѣнять къ принятой въ Общемъ Сводѣ и дополнять его разными ссылками. Только въ 1836 году былъ окончательно изготовленъ этотъ второй проектъ и съ Высочайшаго разрѣшенія напечатанъ въ 1837 году въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ (всего 50) ¹⁾.

Проектъ 1836 года содержитъ всего 178 страницъ въ листъ. Въ этой редакціи онъ раздѣленъ на 540 §§ (стр. 1—84). Параграфы свода состоятъ изъ текста и ссылокъ на источники. Въ качествѣ таковыхъ чаще всего фигурируютъ главія тѣхъ собраній обычнаго права, которыя были присланы мѣстными комитетами, но попадаются указанія на проекты сводовъ, составленные самими комитетами, и отдѣльныя представленія мѣстнаго начальства ²⁾. Кромѣ того, къ нѣкоторымъ статьямъ прибавлены примѣчанія, объясняющія значеніе отдѣльныхъ словъ и терминовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ или разсужденія, поясняющія, почему редакторъ свода нашелъ возможнымъ придать общее значеніе правилу, упоминаемому въ показаніяхъ одного только племени. Очень многія примѣчанія заимствованы изъ замѣчаній Игумнова, другія — изъ описаній путешественниковъ. Нѣкоторые параграфы содержатъ просто ссылки на статьи Общаго Свода Законовъ, напр. § 323,

¹⁾ Экземпляръ этого изданія имѣется при дѣлѣ бывшаго II Отдѣленія 1836 г. № 38а; другой имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

²⁾ Китайское уложеніе для монголовъ фигурируетъ въ качествѣ источника §§ 104, 364; Инструкція Рагузинскаго—§ 467.

предписывающей родовымъ начальствамъ, въ предупрежденіе отъ пожаровъ, наблюдать съ точностью правила, предписанныя въ такихъ то статьяхъ устава пожарнаго; этого рода статей не мало. Проектъ раздѣленъ на 6 раздѣловъ: о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, о правѣ инородцевъ на имущества, объ обязательствахъ по договорамъ, о благочиніи въ инородческихъ стойбищахъ, о взысканіяхъ и наказаніяхъ, о судопроизводствѣ. Въ концѣ проекта имѣются «приложенія»: I (стр. 101—102) «обозрѣніе письменныхъ показаній инородцевъ о степныхъ законахъ и обычаяхъ», въ которомъ перечислены заглавія сборниковъ обычаевъ и имена инородцевъ, дававшихъ свѣдѣнія о нихъ; II (стр. 103—118) приложение содержитъ «особыя объясненія» по поводу отдѣльныхъ институтовъ и явленій мѣстной жизни; они являются какъ бы оправдательными соображеніями для нѣкоторыхъ §§ Свода. Нѣкоторыя объясненія содержатъ повидимому интересныя данныя; таково, напр., первое, гдѣ сопоставлены свѣдѣнія о брачномъ правѣ инородцевъ, или четвертое, въ которомъ перечислены званія и разряды ламаитскихъ духовныхъ лицъ; свѣдѣнія о нихъ извлечены изъ разныхъ источниковъ. Но другія поражаютъ своею наивностью. Таково, напр., второе, по вопросу о преслѣдованіи звѣря двумя промышленниками. «Для постановленія по сему предмету общаго правила», говорится въ объясненіи, «приняты къ соображенію 12 и 13 §§ Юстиніановыхъ Институтовъ кн. II, разд. I»; трудно однако предположить, чтобы нормы римскаго права въ самомъ дѣлѣ являлись удобнымъ восполненіемъ обычаевъ какихъ нибудь селенгинскихъ или иныхъ бурятъ. Въ качествѣ III приложения помѣщена обширная (стр. 120—158) выписка изъ статей Общаго Свода Законовъ, вошедшихъ въ составъ Свода степныхъ Законовъ. Здѣсь имѣются выдержки изъ законовъ гражданскихъ, о состояніяхъ, о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ; изъ устава лѣснаго, горнаго, пожарнаго; изъ законовъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ. Въ IV приложеніи сопоставлены

свѣдѣнія о племенахъ кочевыхъ инородцевъ, на которыхъ должно простираться дѣйствіе Свода степныхъ Законовъ и, наконецъ, въ V выписка изъ донесенія Игумнова по вопросу о томъ, на какой языкъ или нарѣчіе кочевыхъ инородцевъ слѣдуетъ перевести Степной Сводъ. Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ этническое происхожденіе отдѣльныхъ племенъ, Игумновъ пришелъ къ выводу, что этотъ Сводъ можетъ быть переведенъ только на монгольскій языкъ.

По мысли Величко слѣдовало въ окончательномъ текстѣ Свода всѣ ссылки на сборники обычаевъ устранить и послѣднія прямо лишить силы, запретивъ вообще ссылаться на нихъ, а статьи Общаго Свода (приложеніе III) ввести въ текстъ; кромѣ того, слѣдовало, какъ онъ полагалъ, выяснить по окончаніи всѣхъ работъ насколько Сводъ пригоденъ для «ловцовъ», т. е. бродячихъ инородцевъ Охотскаго края.

Въ печатномъ видѣ проектъ былъ посланъ на ревизію въ Сибирь; оттуда примѣрно черезъ 15 мѣсяцевъ, въ 1838 г. были присланы многочисленныя замѣчанія отъ различныхъ учреждений. При обсужденіи проекта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спрашивали мнѣніе и инородцевъ. Но за это время послѣдовала нѣкоторая перемѣна въ судьбѣ центральныхъ учреждений, вѣдавшихъ это дѣло—въ началѣ января 1838 года Сибирскій комитетъ былъ упраздненъ и кодификація степныхъ законовъ была передано во II Отдѣленіе, куда былъ прикомандированъ и Величко въ качествѣ редактора Степного Свода. Замѣчанія мѣстныя были переданы на критику Величко, но, вопреки установившейся во II Отдѣленіи для подобныхъ случаевъ практики, эти замѣчанія и поясненія редактора не были переданы на обсужденіе какого либо особаго комитета въ составѣ II Отдѣленія. Кромѣ Величко съ ними имѣлъ дѣло только еще одинъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ, который оказался во всемъ солидарнымъ съ Величкой. Послѣдній подвергъ замѣчанія весьма суровой критикѣ—изъ 348 онъ принялъ во вниманіе только 17.

Обработанный имъ окончательный проектъ былъ отпеча-

танъ въ 1841 году (въ количествѣ 100 экземпляровъ), причемъ въ немъ были произведены намѣченныя уже раньше измѣненія текста 1836 года, т. е. были выключены всѣ подстатейныя ссылки и въ текстъ введены статьи Общаго Свода. Вслѣдствіе этого очень увеличилось число параграфовъ вмѣсто 548 въ первомъ изданіи, во второмъ оно составляетъ 802 ¹⁾). По существу же, какъ отмѣтилъ самъ редакторъ, особаго различія между обоими изданіями нѣтъ, различія касаются только формы. Къ проекту были приложены въ отдѣльномъ томѣ «Пояснительныя примѣчанія» ²⁾).

¹⁾ Проектъ 1841 годъ подъ заглавіемъ «Сводъ Степныхъ Законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири». СПб. въ типографіи II Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи отпечатанъ въ 4-ю долю листа. Экземпляръ его имѣется въ библиотекѣ С.-Петербургскаго Университета.

²⁾ «Пояснительныя примѣчанія къ Своду Степ. Зак.» состоятъ изъ 6 «статей»—частей (каждая съ отдѣльной пагинаціей). I—наиболѣе обширная содержитъ Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ степн. Зак. (83 стр.); въ немъ изложена исторія кодификаціонныхъ работъ до 1841 года; впрочемъ, подлинныя дѣла даютъ большій матеріалъ, чѣмъ Обзорѣніе. II—соотвѣтствуетъ первому приложенію къ проекту 1836 года, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о монголо-китайскихъ уложеніяхъ. Къ III отнесены объясненія и примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ проекта, въ изданіи 1836 г. помѣщенныя прямо подъ статьями; нѣкоторыя поясненія добавлены на основаніи замѣчаній мѣстныхъ властей. Въ IV имѣется статистическое обзорѣніе кочевыхъ племенъ Восточной Сибири, изъ котораго можно почерпнуть малоправдоподобныя по своей точности данныя, напр., узнать, что въ иркутскомъ округѣ у бурятъ имѣлось юртъ войлочныхъ до 19.695 и собакъ охотничьихъ до 1.653 и т. п. Въ ст. V (предварительныя соображенія на какой языкъ или нарѣчіе кочевыхъ инородцевъ Вост. Сиб. можетъ быть переведенъ Сводъ степн. Зак.) повторены разсужденія Игумнова и помѣщены новыя бывш. совѣтника Якутскаго областнаго правленія Попова, доказывавшаго, что Сводъ можно перевести и на якутскій языкъ. Наконецъ въ VI имѣется словарь мѣстныхъ словъ, вошедшихъ въ Сводъ степн. Зак. и въ пояснительныя примѣчанія къ сему своду. Этотъ словарь напечатанъ съ дополненіями въ ст. Θ. Буссе «Списокъ словъ бытового значенія» и т. д. въ VI томѣ Записокъ Импер. Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи (1880 г.). Экземпляръ Пояснительныхъ примѣчаній имѣется въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ не нашли возраженій противъ этого проекта и съ Высочайшаго согласія онъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ. Но Департаментъ Законовъ, повидимому, не былъ склоненъ заниматься сложной работой по провѣркѣ проекта, да и не обладалъ нужными для этого средствами, и въ виду этого переслалъ его на предварительное заключеніе министра юстиціи (октябрь 1841) ¹⁾. Со стороны министерства юстиціи, а также, на этотъ разъ, и внутреннихъ дѣлъ ²⁾, какъ весь проектъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и отдѣльныя постановленія встрѣтили очень суровую критику. При критикѣ отдѣльныхъ статей было указано на неопредѣленность выраженій, на неумѣстность и двусмысленность ихъ, на многословіе, неполноту и даже противорѣчія отдѣльныхъ правилъ. Однако эти редакціонныя замѣчанія оказались не особенно сильными, потому что, какъ указало II Отдѣленіе въ своемъ отвѣтѣ, много такихъ неудачныхъ статей было дословно заимствовано изъ Общаго Свода Законовъ, а въ другихъ случаяхъ неясность объяснялась неправильной разстановкой запятыхъ, порядка словъ и пр. За то общія соображенія, выдвинутыя противъ проекта Свода, были тѣмъ болѣе вѣскими. А именно, въ нихъ было указано на то, что основной матеріалъ, изъ котораго созданъ Сводъ, внушаетъ сомнѣнія. Свѣдѣнія присланныя комитетами не давали увѣренности въ томъ, что мѣстные обычаи записаны точно и формулированы въ сборникахъ съ достаточною полнотой. Особенно подозрительными показались данныя, собранныя Красноярскимъ комитетомъ ³⁾. Во всѣхъ сборни-

¹⁾ Арх. Госуд. Сов. дѣла Деп. Законовъ 1841 г., № 57.

²⁾ Проектъ пересланъ былъ туда министромъ юстиціи.

³⁾ Къ матеріаламъ Красноярскаго комитета съ нѣкоторой подозрительностью отнеслась и первая коммисія (1825 года) подъ предсѣдательствомъ Величко. Обзорніе истор. свѣд. о Сводѣ Степныхъ Закон., стр. 35. Какъ уже отмѣчено выше, комитетъ записалъ словесныя показанія депутатовъ отъ инородцевъ.

кахъ министерства не нашли ни достаточной ясности ни единства, «ни юридическаго несомнѣннаго достоинства народныхъ судебныхъ обрядовъ, безъ котораго нельзя придавать имъ силы закона». Далѣе, указывалось на то, что въ Сводѣ устанавливались нерѣдко единыя правила для различныхъ племенъ. Напр., родство у разныхъ племенъ исчислялось различно, а связаны были съ нимъ одинаковыя послѣдствія. Отмѣчался также странный по своей разнородности составъ вспомогательныхъ источниковъ, гдѣ наряду съ учеными изслѣдованіями и замѣтками путешественниковъ фигурировали переводы монгольскихъ и китайскихъ кодексовъ. Указывали наконецъ на то, что проектъ создавалъ сложный письменный порядокъ судопроизводства, не пригодный для быта инородцевъ, что онъ входилъ въ излишнюю регламентировку мелочей ихъ жизни и вводилъ изъ общаго законодательства совершенно излишнія детали, распространяя на кочевниковъ множество статей, напр., изъ законовъ о мѣрахъ благоустройства. Однимъ словомъ, проектъ являлся не столько выраженіемъ существовавшихъ обычаевъ, сколько новымъ уложеніемъ для инородцевъ, недостаточнымъ для племенъ уже затронутыхъ культурой, и стѣснительнымъ для оставшихъ.

Но редакторъ Свода, Величко, не сдавался. Въ отвѣтъ на замѣчанія министровъ онъ написалъ очень пространныя объясненія, стараясь опровергнуть каждое возраженіе въ отдѣльности. И если по отношенію къ нѣкоторымъ ему это и удалось сдѣлать, то противъ главнаго пункта—указанія на весьма вѣроятную неполноту и неточность сборниковъ обычнаго права — онъ могъ возразить только то, что всѣ письменныя показанія подписаны инородцами, что устныя удостовѣрены мѣстнымъ начальствомъ и что едва ли можно ожидать отъ новой попытки въ этомъ направленіи болѣе солидныхъ результатовъ. Не могъ онъ также оправдать и обширныя заимствованія изъ Общаго Свода. Громадная записка Велички (около 970 стр.) была представлена въ Государственный Совѣтъ, но тамъ успѣха

не имѣла. Департаментъ Законовъ согласился съ министромъ юстиціи относительно шаткости источниковъ Свода. обратилъ вниманіе на отмѣченное также министрами несоотвѣтствіе уголовныхъ законовъ, сочиненныхъ для этихъ степныхъ областей съ подготовляемымъ новымъ уложеніемъ о наказаніяхъ, которое должно было получить силу во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, и вернулъ все дѣло во II Отдѣленіе для того, чтобы оно пришло къ соглашенію съ министромъ юстиціи по спорнымъ вопросамъ и согласовало бы проектъ Степнаго Свода съ проектомъ уложенія о наказаніяхъ ¹⁾).

Это сужденіе Департамента рѣшило судьбу кодификаціи степного права. Первое время еще продолжались во II Отдѣленіи работы по согласованію Степнаго Свода съ уложеніемъ о наказаніяхъ, но онѣ, повидимому, дѣлались вяло, о какихъ нибудь попыткахъ провѣрки обычаевъ или спорахъ съ министромъ юстиціи въ дѣлахъ слѣда нѣтъ. Затѣмъ весь личный составъ II Отдѣленія былъ привлеченъ послѣ утвержденія Уложенія о наказаніяхъ къ согласованію съ нимъ Общаго Свода и вскорѣ—въ 1846 году—главный защитникъ Степнаго Свода Величко покинулъ службу во II Отдѣленіи. Дѣло о Степномъ Сводѣ стало переходить отъ одного чиновника II Отдѣленія къ другому: въ октябрѣ 1845 г. оно было поручено Старцеву, потомъ въ мартѣ 1846 г. было передано Губе, потомъ опять Старцеву. Оставалось, въ сущности, только официально похоронить его, а къ этому вскорѣ представился удобный случай. На время отсутствія главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Д. И. Блудова, завѣдываніе Отдѣленіемъ поручалось обыкновенно барону М. А. Корфу. Такое порученіе получилъ Корфъ и въ 1847 году и, просматривая списокъ нерѣшенныхъ дѣлъ, заинтересовался Степнымъ Сводомъ. 17 мая 1847 года ему была представлена

¹⁾ Арх. Гос. Сов. дѣло Департ. Законовъ 1843 г. № 131. Въ проектѣ Свода было до 175 статей карательнаго содержанія.

(Старцевымъ) справка объ этомъ дѣлѣ, а 27 мая Корфъ вступилъ въ переписку съ министромъ юстиціи о дальнѣйшей судьбѣ этого предпріятія. Корфъ намѣтилъ три возможныхъ вопроса, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло то или иное направленіе дѣла кодификаціи степныхъ законовъ, а именно—удовлетворителенъ ли имѣющійся проектъ Свода, можно ли составить лучшей и, наконецъ, необходимо ли вообще составленіе письменнаго изложенія степныхъ обычаевъ. Корфъ призналъ себя убѣжденнымъ доводами министра юстиціи гр. Панина о неудовлетворительности проекта и съ своей стороны привелъ рядъ принципиальныхъ соображеній противъ изданія вообще какого либо свода для инородцевъ. Онъ отмѣтилъ, что введеніе Свода могло бы только повредить успѣху предпринимаемыхъ правительствомъ усилій къ устройству Сибири; указывалъ на то, что обычный аргументъ объ измѣнчивости и жестокости изустно передаваемого права—не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ неизвѣстно, будутъ ли какія нибудь перемѣны къ лучшему въ связи съ изложеніемъ мѣстныхъ обычаевъ на письмѣ. Изданіе Свода вызвало бы, какъ онъ думалъ, только сутяжничество среди населенія и усилило бы зависимость неграмотныхъ и незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ инородцевъ отъ чиновниковъ. Корфъ съ своей стороны предлагалъ передать на заключеніе мѣстныхъ властей обсужденіе вопроса о желательности изданія Свода. Разумѣется, эти мысли Корфа встрѣтили полное сочувствіе министра юстиціи и вслѣдствіе этого Корфъ представилъ ихъ Государю, испрашивая разрѣшеніе представить свои предположенія въ Государственный Совѣтъ. Государь положилъ на этомъ докладѣ резолюцію—«справедливо» (12 мая 1847 г.) и Государственный Совѣтъ согласился съ этимъ предположеніемъ Корфа. Мѣстныя власти также высказались противъ изданія Свода. Мѣстный чиновникъ Пятницкій, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири (бывшій Иркутскій гражданскій губернаторъ), знакомый со Степнымъ

Сводомъ, который ему пришлось разсматривать во второмъ изданіи, когда Сводъ находился на ревизіи мѣстныхъ властей, указалъ на то, что и «благомыслящіе» инородцы противъ изданія Свода, опасаясь отъ него только усиленія власти чиновниковъ. Инородцы, какъ онъ сообщалъ, повинуются своимъ родовымъ властямъ, какъ отцамъ, и присутственнымъ мѣстамъ рѣдко приходится имѣть дѣло съ ихъ тяжбами—къ правительственному суду обращаются только подгородніе. Испр. долж. генераль-губернатора Муравьевъ также не нашелъ необходимымъ торопиться съ изданіемъ Свода и обѣщалъ поднять вопросъ о немъ впослѣдствіи, когда ближе знакомятся со всѣми частями управленія ¹⁾). Но къ этому вопросу онъ не возвращался; кодификація степныхъ обычаевъ покончилась на этомъ. Когда въ 1849 году якуты барагонскаго улуса обратились въ Петербургъ съ ходатайствомъ объ изданіи Степного Свода, то эта ихъ просьба была оставлена безъ послѣдствій ²⁾).

Другой судьбы проекта Свода Степныхъ Законовъ и ожидать не слѣдовало. Достаточно прочесть проектъ 1841 г., чтобы убѣдиться, насколько онъ далеко удалился отъ основной цѣли кодификаціи, намѣченной въ уставѣ 1822 г. Результатомъ отдѣлки проекта явилось созданіе какой то справочной книги для *кочевыхъ* инородцевъ, племенъ, стоявшихъ едва ли не на самой первобытной ступени культуры. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что изъ 802 статей его всего 379 статей было заимствовано изъ сборниковъ, доставленныхъ съ мѣстъ, а 131 статья содержала «дополнительныя и переходныя» правила, да 294 были взяты изъ Общаго Свода. Незамѣтно, путемъ якобы «кодификаціи», измѣнился бы весь юридическій строй жизни инородцевъ,—если бы конечно можно было ожидать, что Сводъ дѣй-

¹⁾ См. письмо гр. Панина къ Блудову отъ 31 декабря 1848 (дѣло бывш. II Отдѣленія 1838 г. № 36а).

²⁾ Дѣло бывш. II Отдѣленія 1849 г. № 73, письмо Киселева къ Блудову.

ствительно былъ бы примѣненъ къ жизни. Кочевые инородцы изъ этого Свода своихъ «Степныхъ» Законовъ узнали бы напр. различіе между имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, родовымъ и благопріобрѣтеннымъ (ст. 134—137); узнали бы про отвѣтственность за убытки, вызванные подтопленіемъ пашень запрудной водой на мельницахъ (ст. 193); пришлось бы имъ раздумывать надъ различными видами доказательствъ судебныхъ (ст. 712—794) и надъ квалификаціей отдѣльныхъ видовъ обидъ, разграничивая напр. обиду письмомъ (ст. 541) отъ распространенія пасквиля (ст. 546). Однимъ словомъ, имъ пришлось бы имѣть дѣло со сложными юридическими институтами изъ самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ права, едва ли привычными имъ при ихъ бродячемъ образѣ жизни.

Понятно также и то недовѣріе, которое внушали сборники обычаевъ, составленные въ Сибири. Вся цѣнность ихъ зависѣла отъ того, какой методъ былъ примѣненъ при ихъ составленіи; отъ кочевниковъ нельзя было ожидать самостоятельнаго и связнаго изложенія абстрактныхъ нормъ, да и вообще какого-либо умѣнія отграничить правила юридическія отъ иныхъ, умѣнія формулировать ихъ точно, или хотя бы критически провѣрить предложенную редакцію. Слѣдовательно при такомъ собираніи нормъ все сводилось къ желанію мѣстныхъ властей дѣйствительно разобратъся въ обычномъ правѣ и къ умѣнію ихъ задавать конкретные и частные вопросы и на отвѣтахъ строить, не извращая ихъ, систему общихъ правилъ. Если нѣтъ увѣренности въ томъ что эти условія есть на лицо, то нельзя провести границы между творчествомъ и субъективнымъ воззрѣніемъ редактора и сырымъ матеріаломъ, который онъ долженъ доставить. Насколько сложна и деликатна работа подобная той, которую должны были продѣлать комитеты, можно легко убѣдиться обратившись къ разсмотрѣнію тѣхъ программъ, которыя разработаны въ настоящее время для научнаго собиранія точныхъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ. Такова напр. «программа для собиранія на-

родныхъ юридическихъ обычаевъ», изданная географическимъ обществомъ подъ редакціей С. В. Пахмана 1). Въ ней имѣется 408 вопросовъ, т. е. намѣчены такія черты институтовъ, которыя необходимо уяснить для правильнаго освѣщенія ихъ и указано, какъ должно формулировать вопросъ лицо, собирающее матеріалы, чтобы даже случайно не подсказать отвѣта опредѣленнаго содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уловить характерныя особенности данной системы обычнаго права. Не менѣе интересны этого рода программы, выработанныя изслѣдователями быта дикарей, обитающихъ въ такихъ мѣстностяхъ, куда не проникла еще европейская культура (въ Африкѣ, Полинезиі и пр.). Изслѣдованіе правовыхъ явленій этихъ племенъ невозможно безъ обзорѣнія вообще всего соціального строя жизни дикарей, а для всесторонняго освѣщенія его въ программѣ 1900 года намѣчено свыше 1500 вопросовъ 2). Почти всѣ вопросы весьма конкретны и дробны, такъ что на основаніи только всей суммы отвѣтовъ можно получить цѣлостную и точную картину быта и нравовъ даннаго племени. Всякая обработка такого первоначальнаго матеріала при его собираніи очень опасна,—вмѣсто оригинала получится толкованіе, стилизованное такъ или иначе, въ зависимости отъ школы или дарованій редактора. Потому то, далѣе, во всѣхъ программахъ намѣчаются и приемы допроса тузем-

1) Записки Географическаго общества по отдѣленію этнографіи, т. 18, 1900 г.

2) См. по этому поводу работу S. R. Steinmetz, Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Oceanien. Berlin. 1903, гдѣ имѣется краткій перечень вопросовъ, и спеціальное собраніе такихъ вопросовъ въ *Etnographische Fragesammlung... entworfen von Steinmetz, bearbeitet und erweitert von P. Thurnwald,*) Berlin. 1906; оба сочиненія выпущены по инициативѣ *Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre*. Въ предисловіяхъ къ этимъ работамъ указана и нѣкоторая литература вопроса. См. также перечень программъ для собиранія обычаевъ въ Систематическомъ указателѣ русской литературы по гражданскому праву, А. Ф. Поворинскаго (1904 г.) стр. 77.

цевъ, именно съ тѣмъ, чтобы наблюдатель могъ сохранить полную объективность ¹⁾).

Необходимость такой программы, хотя бы даже и очень элементарной, была признана и въ Сибири когда въ 1864 году возникъ въ средѣ Иркутскаго статистическаго комитета вопросъ о научномъ собираніи свѣдѣній о правѣ инородцевъ. Такая программа была разработана— правда въ очень общихъ чертахъ—членомъ комитета М. И. Павлиновымъ ²⁾).

Что же касается сборниковъ, присланныхъ изъ Сибири, то относительно ихъ не имѣется данныхъ, освѣщающихъ методу ихъ составленія. Подписи и печати, къ нимъ приложенныя, удостовѣряютъ только подлинность экземпляровъ, но не даютъ никакой гарантіи соответствія содержанія ихъ тому праву, которое существовало въ самомъ дѣлѣ. Очевидно, инородцы отвѣчали на какіе то вопросы, но нельзя утверждать, чтобы вопросы эти хотя бы только исчерпывали все юридически существенное.

Редакторъ Степного Свода, однако, не ограничивался простымъ повтореніемъ присланнаго матеріала—онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сознательно дополнялъ и измѣнялъ обычаи. Напр., найдя, что обычаи неясно опредѣляютъ наследственныя права незамужнихъ дочерей при братьяхъ, онъ счелъ необходимымъ заново нормировать этотъ вопросъ и предоставилъ имъ всѣмъ $\frac{1}{4}$ наследства—такой наследственной доли мѣстный обычай имъ не предоставлялъ ³⁾).

¹⁾ См. по этому поводу также замѣчанія С. В. Пахмана въ предисловіи къ указ. выше программѣ Географическаго общества.

²⁾ Она напечатана въ приложеніи къ № 10 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 г. засѣданіе статистическаго комитета 24 января. Какой успѣхъ имѣло это начинаніе, объ этомъ, къ сожалѣнію свѣдѣній нѣтъ. Что же касается самой программы, то составлена она осмысленно. Въ обязательственномъ правѣ отмѣчены вопросы о такихъ институтахъ, которые дѣйствительно встрѣчаются въ мало развитомъ оборотѣ, какъ, на примѣръ, кабала; для составителей Степного Свода вопросъ о ней и не возникалъ.

³⁾ См. «Пояснительныя примѣчанія», статья III, объясненія къ ст. 289—293.

Однимъ словомъ, правильно поступили министерства и Государственный Совѣтъ, не признавъ проектъ 1841 г. за точное выраженіе существовавшаго права; и текстъ 1836 г. таковымъ признанъ быть не можетъ. Для науки наибольшую, относительно, цѣнность представляютъ все таки сборники обычаевъ, составленные на мѣстахъ. Какъ уже отмѣчено выше, списки ихъ были въ рукахъ у Губе, очевидно, они остались у него послѣ прекращенія работъ по Своду, вмѣстѣ съ прочими бумагами его были приобретены Варшавскимъ Университетомъ и благодаря просвѣщенному вниманію проф. Самоквасова были опубликованы.

Баронъ А. Нольде.

О поезіи А. С. Хомякова.

До настоящего времени держится мнѣніе, что у Хомякова не было поэтического дарованія. Пародіи, помѣщенные въ «Собраніи сочиненій» К. Пруtkова (напр., «Въ альбомѣ красивой иностранкѣ»), способствовали укрѣпленію этого мнѣнія. Впервые его высказалъ Бѣлинскій, встрѣтившій весьма сурово сборникъ стихотвореній А. С. Хомякова, вышедшій въ 1844 году. Въ болѣе полномъ видѣ сборникъ изданъ въ 1861 году, послѣ смерти поэта; въ немъ встрѣчаются настоящія жемчужины поэзіи, блестящія красотой языка, образностью и глубиной мысли. Безъ сомнѣнія, въ стихотвореніяхъ Хомякова мысль часто стоитъ на первомъ мѣстѣ, и чувства, которыя онъ облачаетъ въ образы, не сходны съ обычно встрѣчаемыми нами у большинства нашихъ поэтовъ, въ особенности лириковъ. Вѣрно и то, что въ послѣдніе годы своей жизни Хомяковъ почти всецѣло посвящалъ свои стихотворенія темамъ патриотическимъ, имѣющимъ мало общаго съ чистой поэзіей, но въ ранніе годы попадаютъ чисто лирическія стихотворенія. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія Хомякова заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться и указать главнѣйшія ихъ черты.

I.

Во всѣхъ стихотвореніяхъ Хомякова сквозитъ бодрое настроеніе поэта, не предающагося отчаянію и сомнѣнію, а твердо вѣрующаго въ назначеніе человѣка, въ то, что и

на его долю досталась важная задача, которую необходимо выполнить, несмотря ни на какія препятствія:

«Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и призрачье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуется меня мое уединенье.»

Это бодрое настроеніе переходитъ часто въ боевое. Борьба и война не кажутся Хомякову зломъ, онѣ представляются ему вполнѣ законнымъ и естественнымъ путемъ осуществленія добра на землѣ. Война не кажется ему простымъ убійствомъ, осужденнымъ религіей, напротивъ, именно въ борьбѣ и побѣдѣ могутъ проявляться лучшія стороны человѣческой души, какъ на примѣръ—милосердіе. Такъ стихотвореніе «Ritterspruch» описываетъ поверженнаго въ прахъ врага:

«Пусть кровью, разбоемъ, онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!...»

Такимъ образомъ милосердіе можетъ проявиться именно тамъ, гдѣ есть побѣжденный на войнѣ или на судѣ врагъ. Поэтому поэтъ постоянно взываетъ къ борьбѣ и находитъ въ сраженіи особую прелесть:

«Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—онъ Божій мечъ!»¹⁾

Идеалъ Хомякова—Наполеонъ, «помазанникъ собственной силы», въ немъ «вся сила души и вся слава вѣковъ,

¹⁾ Этотъ взглядъ на войну, въ особенности приведенныя слова Хомякова, невольно вызываютъ въ памяти стихотвореніе Вл. Соловьева «Драконъ», кончающееся словами: «И передъ пастью дракона ты понялъ: крестъ и мечъ одно». Вообще въ стихотвореніяхъ Вл. Соловьева много мотивовъ, напоминающихъ мысли Хомякова.

и вся гордыня людская». Не сила народовъ повергла его, не всталъ ему равный противникъ, но спалилъ огонь святыни силу гордости людской. Глядя на него:

«Скажетъ мѣръ, склонясь главою:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной!»

Въ Наполеонѣ нашего философа привлекала не только духовная мощь, позволяющая достигнуть наивысшихъ цѣлей, доступныхъ человѣку, не только то, что созерцаніе этой мощи приводитъ къ сознанію тщеты всего земного, но также и чувство гордости, въ которомъ духовная мощь находила опору.

Въ музѣ Хомякова мы напрасно стали бы искать нѣжныхъ нотъ: чувство любви къ женщинѣ, жалость и состраданіе у него играютъ лишь второстепенную роль: мѣсто жалости заняло милосердіе, предполагающее побѣду и превосходство, любовь является главнымъ образомъ въ отвлеченной формѣ братской любви народовъ: напротивъ, видную роль играютъ у Хомякова чувства, связанныя съ высокой оцѣнкой собственной личности и ея значенія: Онъ

«не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздною истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.»

На жизнь онъ смотрѣлъ какъ на подвигъ, хотя въ пониманіи этого подвига у него можно замѣтить нѣкоторое измѣненіе взгляда подъ конецъ жизни. Этотъ подвигъ достигается неустанной работой:

«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!»

Смерти онъ нисколько не боится, ему лишь противно въ тихій часъ успокоенія получить неожиданный ударъ, и онъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ послалъ ему предвѣ-

щаніе, дабы поэтъ безъ малодушнаго роптанія могъ встрѣтить смерть; онъ увѣренъ, что его грудь не задрожитъ боязнью, что его духъ смѣлымъ полетомъ воспаритъ изъ дольняго тумана.

Самое характерное чувство, играющее выдающуюся роль въ поэзіи Хомякова, это чувство гордости—столь рѣдкій мотивъ въ русской поэзіи и литературѣ. Хомяковъ часто говоритъ «о гордой воли упоеньи», онъ убѣжденъ, что «свѣтло звѣзда его взошла» и «славы новый лучъ проглянетъ на лавры гордаго чела». Даже такой фактъ, какъ отказъ любимой женщины (Полтавцевой) вызываетъ въ поэтѣ лишь подъемъ духа и порывъ гордости:

«Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ и прежнія оковы,
Я смѣло разорвалъ!
И шире мой полеть...»

Поэтъ признаетъ, что онъ уязвленъ, но рана, нанесенная ему, не глубока, и онъ выясняетъ ея характеръ красивымъ сравненіемъ:

«Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!»

Его душа, готовая къ борьбѣ и крѣпкая, какъ сталь, бѣжитъ любви и безсильнаго желанія; она питаетъ гордую, безгласную печаль. Въ своихъ «Запискахъ о всемірной исторіи» Хомяковъ въ буддизмѣ цѣнитъ «высокую гордость духа, ищущаго своей свободы въ самоуничтоженіи.»

II.

Чувства, сквозящія въ поэзіи А. С. Хомякова, объясняются его воззрѣніемъ на положеніе человѣка во вселенной. Человѣкъ не вѣнецъ творенія, но и не ничтожный червь, человѣкъ—гражданинъ двухъ міровъ—занимаетъ среднее положеніе между небомъ и землей:

«Заря, тебѣ подобны мы:
Смѣшенъе пламени и хлада.
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.»

Порукою въ томъ, что человѣкъ предназначенъ не только къ тому, чтобы ползати по земной поверхности, а и къ тому, чтобы возвышаться до небесъ, служить человѣку состояніе вдохновенія. Свой геній Хомяковъ называетъ «небеснымъ другомъ». Когда небесный лучъ падаетъ на смертнаго, и онъ вмѣщаетъ въ тѣлесномъ покровѣ безсмертнаго жилища, тогда поэтъ возводитъ къ небу спокойный взоръ, и возникаетъ гимнъ Богу. Когда душа восторгами согрѣта, тогда она вмѣщаетъ все существованіе. Минута вдохновенія вмѣщаетъ годы земнаго бытія, и это понятно, такъ какъ небо не подчинено оковамъ пространства и времени. Въ превосходномъ стихотвореніи «Сонъ» Хомяковъ характеризуетъ поэзію, результатъ вдохновенія, какъ сочетаніе тайнаго голоса природы и стремленій горѣ парящаго духа. Поэзія, вызванная къ жизни лучемъ небеснымъ, имѣетъ вѣчное значеніе: Пѣвецъ погребень,

«Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучаль.
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ,
Но не замолкли струны золотыя
И сладкій гласъ попрежнему звучаль».

Такъ какъ въ поэзіи и въ вдохновеніи два момента: «тайный гласъ природы» и «горѣ парящій духъ» — безсознательно-природный и сознательно-волевой, то естественно, что у поэта бывають два вполне различныхъ состоянія. Истинно поэтическое произведеніе возникаетъ, когда оба момента соединяются, когда они въ полномъ согласіи, тогда:

«Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна».

Но иногда отсутствуетъ «тайный гласъ природы»; его дѣйствіе не во власти поэта, оно вполне безсознательно и должно быть принято, какъ даръ. Истинныя муки долженъ испытывать поэтъ, когда высокими стремленіями духа не внемлетъ гласъ природы, когда новый міръ образовъ, созданныхъ фантазіей поэта, «къ жизни рвется,

Стремится къ звукамъ, просить словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный,
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой».

Человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ два противоположныхъ начала, но они, очевидно, не равноцѣнны. Духовное начало, конечно, имѣетъ большую цѣнность: все, что привязываетъ человѣка къ землѣ, подавляетъ въ немъ духовное начало и принижаетъ «лучъ Божества». Съ особенной силой къ землѣ привязываютъ наслажденія, поэтому они-то и являются настоящими губителями вдохновенія.

«И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зеницей ослѣпленной
Не распахнутса небеса.» ¹⁾

¹⁾ Бѣлинскій эти стихи подвергаетъ столь же жестокой, сколь и несправедливой критикѣ. Вообще замѣчанія, которыя дѣлаетъ

Хотя созерцаніе природы и можетъ возвысить человѣческой духъ, хотя и воды, и холмы, и дремлющій лѣсъ прекрасны, но все же самое прекрасное въ природѣ то, что выше насъ, т. е. небо и звѣзды; и невольно поэтъ, созерцая природу, думаетъ—«лучше намъ въ той высотѣ надзвѣздной». Изъ всѣхъ временъ года наиболѣе благопріятствуетъ поэтическому вдохновенію зима, такъ какъ она наименѣе сковываетъ духъ и не связываетъ его земными наслажденіями: «зимою въ груди моей теплѣ кровь бѣжитъ, и взоръ души свѣтлѣй. Мечта проснулася, и чудная видѣнія рисуется предо мной игра воображенія». «Зимнимъ выюгамъ и морозамъ рады заяцъ и поэтъ»¹⁾.

Между поэтическимъ и пророческимъ дарованіями есть ближайшая связь: и то, и другое даетъ возможность охватить все бытіе и видѣть его внѣ индивидуальныхъ оковъ пространства и времени. Какъ къ пѣснѣ пѣвца прислушиваются люди во всѣ времена, такъ и къ словамъ пророка они должны склонять свой робкій слухъ, ибо ему открыты будущія судьбы народа. Хомяковъ часто сопоставляетъ пророка и пѣвца. Эта связь поэзіи съ пророчествомъ Хомякову открылась въ 1840 году, о чемъ свидѣтельствуетъ его стихотвореніе «Видѣніе». Оно описываетъ вдохновеніе поэта, на котораго снизошелъ его небесный другъ: «Все тотъ же ты: но ты не тотъ, что былъ.» Это измѣненіе произошло отъ того, что небесный другъ долго жилъ въ лазурномъ просторѣ и на челѣ его остался лучъ небесъ.

Бѣлинскій по поводу Хомякова, не обнаруживаютъ въ немъ психолога: напр., критикуя стихотвореніе «Иностранкѣ», Бѣлинскій удивляется, что Хомяковъ любитъ не такъ, какъ всѣ. Бѣлинскій, слѣдовательно, предполагаетъ, что всѣ любятъ по одному шаблону.

¹⁾ Напрасно Хомяковъ говоритъ съ такой рѣшительностью о зайцѣ. Въ знаменитой «Всеобщей психологіи» профессора И. Сикорскаго имѣется много удивительныхъ свѣдѣній о животныхъ: напримѣръ сообщается, что чувство благоговѣнія впервые въ животномъ ряду появляется у быка, что собака изъ чувства долга не защищаетъ своей жизни во время вивисекціи и т. д., о зайцѣ же ничего не сказано.

Поэтому міръ ясныхъ думъ сталъ прекраснѣе, волна рѣчей звучнѣе, и звонкихъ крыль грознѣе ширина. Прикосновеніе этого небожителя превращаетъ Хомякова-поэта въ пророка:

«Внемлите мнѣ, вы, страждущіе люди,
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменные груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!»

III.

Что же имѣлъ сказать Хомяковъ-пророкъ? Въ своихъ пророчествахъ онъ излагалъ политическое сredo славянофиловъ. Несомнѣнно, что именно эти мечты, выраженные въ звучныхъ стихахъ, и послужили главнымъ, хотя и скрытымъ, основаніемъ для строгаго сужденія Бѣлинскаго. Такъ какъ Бѣлинскій не раздѣлялъ взглядовъ славянофиловъ на гнилой западъ и на призваніе Россіи, то ему не могли понравиться стихотворенія вродѣ «Острова» 1836 года и «Россіи» 1840 года. Мы не станемъ разбирать здѣсь поэтическихъ достоинствъ патріотическихъ стиховъ Хомякова—это родъ поэзіи весьма трудный, легко впадающій въ ложный пафосъ и риторичность; можетъ быть и Хомяковъ не вполне избѣжалъ этого недостатка—для насъ эти стихотворенія важны какъ выраженіе настроенія и мечтаній поэта.

Если въ раннихъ стихотвореніяхъ, напримѣръ «Иностранкѣ», патріотическій мотивъ звучитъ еще въ чистой формѣ любви къ своему, потому что оно свое, то вскорѣ любовь къ родинѣ осложняется мыслью о томъ, что значеніе имѣетъ не существованіе вообще, а достойное существованіе. Въ грѣхъ націонализма, какъ любятъ выражаться теперь, Хомяковъ не впадалъ. Поэтъ не вѣритъ болѣе въ мощь запада, потому что въ этой странѣ святыхъ чудесъ прежнія свѣтила догораютъ и блѣднѣютъ, и звѣзды лучшія срываются съ небесъ, потому что теперь его вѣкъ

прошелъ, и западъ «задернуть мертвеннымъ покровомъ». Въ особенности это ясно на Англіи, сковавшей шумныя волны моря; но Англія лукава и горда, она ставитъ мірскую славу выше Божьяго суда, поэтому

«Другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ...»

Отъ Россіи, сѣвернаго орла, младшіе окованные братья-славяне ждуть привѣта и помощи:

«Ихъ часъ придетъ, окрѣпнуть крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!»

Они ждуть отъ Россіи освобожденія не только потому, что она могущественна, а потому, что она есть ключъ, способный утолить духовную жажду народовъ, потому что она способна осіять весь міръ лучами любви, святости, тишины.

Итакъ, Хомяковъ вѣритъ въ призваніе Россіи, вѣритъ, что она избрана, что она должна сказать міру новое слово; но эта вѣра нисколько не ослѣпляетъ его относительно дѣйствительнаго положенія и грѣховъ Россіи. Онъ хочетъ пробудить духъ жизни, онъ восклицаетъ: «Проснися, дремлющій Востокъ!» но онъ хорошо понимаетъ, что это лишь мечта, не соответствующая прошлому и осуществимая лишь въ будущемъ. Но развѣ можно жить безъ вѣры?

Онъ знаетъ, что на наше племя молодое много ужасныхъ грѣховъ налегло, отъ которыхъ можетъ избавить только молитва:

«Предъ Богомъ благости и силъ
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!»

Хомяковъ съ такой силой изображалъ грѣхи Россіи, что навлекъ на себя цѣлый рядъ обвиненій, между про-

чимъ въ отсутствіи патриотизма. Но ни сознание грѣховъ Россіи, ни не справедливыя нападки, нисколько не поколебали въ немъ вѣры въ особое избраніе Россіи. Онъ вѣритъ, что Россіи суждено дать народамъ даръ святой свободы, дать мысли жизнь и жизни міръ.

Въ чемъ же видѣлъ Хомяковъ оправданіе своей мечты? Почему Россія избрана, хотя и недостойна избранія? Само собой разумѣется, что не въ стихотвореніяхъ нужно искать доказательство правильности взглядовъ Хомякова. Доказательство это дано въ богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ, въ критикѣ нѣмецкой философіи и въ полемикѣ съ католицизмомъ. Изъ стихотвореній видно только, что Хомяковъ усматриваетъ оправданіе своихъ мечтаній въ древнемъ идеалѣ смиренія, въ чувствѣ дѣтской простоты, ради которыхъ Господь избралъ Россію, дабы она хранила «племень святое братство, любви живительный сосудъ, и вѣры пламенной богатство, и правду, и безкровный судъ.» Для достиженія этого необходимъ постоянный подвигъ, и если въ ранніе годы Хомяковъ подчеркивалъ главнымъ образомъ подвигъ борьбы, то подъ конецъ жизни онъ созналъ, что

«Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,—
Высшій подвигъ въ терпѣннѣ,
Любви и мольбѣ.»

Можетъ показаться, что идеалъ смиренія и терпѣнія внутренне противорѣчитъ чувству гордости, постоянно выдвигаемому поэтомъ; но это не такъ: чувство гордости опредѣляетъ отношеніе поэта къ тому, что равно ему, т. е. къ людямъ, въ то время какъ смиреніе опредѣляетъ отношеніе къ тому, что выше насъ, т. е. къ безусловному началу.

Естественно спросить себя въ заключеніе, всегда ли оставался вѣренъ своимъ мечтаніямъ поэтъ? Не было ли у него по временамъ колебаній и сомнѣній? Вѣдь ему было

суждено пережить крымскую кампанію и крушеніе видимой мощи Россіи. Конечно, и ему былъ знакомъ мертвящій духъ сомнѣнія,—черта, которую онъ считалъ характерной для славянъ: онъ чувствовалъ иногда, что пророческаго слова недостаточно для полнаго возрожденія, что хотя у подвига и есть крылья, на которыхъ можно безъ усилія взлетѣть выше мраковъ земныхъ, однако онъ боялся, что въ его пророчествахъ и въ пѣсняхъ подъ румяной плотью иногда слышится, какъ звенятъ сухія кости. И вотъ устраненіе этого шелканья костей и есть задача, оставленная въ наслѣдіе Хомяковымъ. За это дѣло взялся другой поэтъ, имѣвшій много общаго съ Хомяковымъ, но стоящій выше его и въ поэтическомъ, и въ философскомъ отношеніяхъ.

Э. Радловъ.

Къ „Плану всеобщаго государственнаго образованія“ 1809 г.

«Планъ всеобщаго государственнаго образованія» (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ) съ момента появленія своего (октябрь 1809 г.) привлекалъ и привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе со стороны и ученыхъ, и публицистовъ, и широкой публики. Сперанскій не первый составилъ проэктъ конституціи для Россіи; не легко въ настоящее время сказать, кому принадлежитъ честь быть первымъ русскимъ конституціоналистомъ; для этого пришлось бы спуститься вглубь XVII и даже XVI вв., къ эпохѣ, когда окончательно складывалось самодержавіе. Но вѣрно, съ другой стороны, что ни одинъ изъ многочисленныхъ конституціонныхъ проэктвовъ не былъ такъ близокъ къ осуществленію, какъ проэктъ Сперанскаго, отдѣльныя части котораго уже введены были въ жизнь.

Катастрофа, постигшая Сперанскаго 17 марта 1812 г., связанная въ умахъ большинства въ «Планомъ», неопредѣленные слухи о содержаніи Плана, окружили какъ Планъ, такъ и имя его автора ореоломъ таинственности, почти мученичества.

Сравнительно недавно Планъ сталъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ; неудивительно поэтому, что критическое изученіе его только что начинается. Критика направлена на разныя стороны Плана: она отчасти уже выяснила, откуда заимствованы отдѣльныя положенія Плана; она сравнила его съ другими однородными произведеніями; она

же старается опредѣлить теоретическую и практическую цѣнность Плана. Но есть еще одна сторона, пока мало разработанная: степень вліянія на Сперанскаго окружавшей его среды и, главнымъ образомъ, самого Государя. Объ этомъ вліяніи вполнѣ опредѣленно говоритъ Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ: «въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, выше величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ вошедшія и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся»... и далѣе о Планѣ: «въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ ваше вниманіе, дано имъ систематическое изложеніе».

Если бы мы знали, какія бумаги переданы были Государемъ его довѣренному статсъ-секретарю, если бы знали книги, прочитанныя Александромъ до 1809 г., задача критики была бы относительно легка; пока это еще не достигнуто. Но за то въ нашемъ распоряженіи есть нѣсколько большихъ записокъ, поданныхъ Государю въ 1811—12 гг. Взгляды, выраженные въ этихъ запискахъ, даютъ цѣнныя указанія на господствовавшія тогда въ высшихъ слояхъ воззрѣнія, убѣждаютъ читателя въ томъ, что Планъ съ его конституціонными стремленіями совсѣмъ не такъ одинокъ, какъ казалось прежде; очевидно, мы имѣемъ довольно сильное конституціонное теченіе отъ 1801 до 1812 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ этими записками яче оттѣняетъ личность Сперанскаго въ ряду его современниковъ.

Сперанскій—не ученый, не мыслитель, не публицистъ и не вождь партіи. Въ государственной жизни новой Россіи (съ Петра В.) Сперанскій—явленіе не совсѣмъ обычное. Если силою своего вліянія, какъ первый министръ, въ 1808—1812 гг. онъ и напоминаетъ многихъ временщиковъ XVIII в., то основанія его исключительнаго положенія со-

всѣмъ другія. Никакихъ *личныхъ* услугъ Государю онъ не оказывалъ и даже въ эпоху наибольшаго вліянія онъ не пользовался симпатіями своего повелителя: въ интимный кругъ Александра, его семью, Сперанскій никогда не допускался. Послѣ разрыва съ неофіціальнымъ Комитетомъ около Александра не было лицъ, которыя могли бы содѣйствовать ему въ обширныхъ его замыслахъ. Императоръ къ 1808 г. сталъ самостоятельнѣе, тверже и рѣшительнѣе: онъ не столько нуждался въ совѣтникѣ, сколько въ редакторѣ своихъ мыслей. Сперанскій, при его удивительно ясномъ, отчетливомъ умѣ, едва ли могъ создать себѣ иллюзію относительно истиннаго характера своихъ отношеній къ Александру Павловичу. Не имѣя поддержки, онъ едва ли рѣшился бы проводить свои идеи или даже увлечь Государя дальше того предѣла, который былъ намѣченъ самимъ Государемъ. По отношенію лично къ Сперанскому біографъ скорѣе долженъ поставить вопросъ, поскольку онъ самъ былъ убѣжденный конституціоналистъ для Россіи. Во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ запискахъ (послѣ 1812 г.) Сперанскій рѣшительно стоитъ за сохраненіе самодержавнаго строя; такія мысли онъ высказываетъ не только въ офіціальныя бумагахъ, но и въ черновикахъ, и въ частныхъ письмахъ. На это, конечно, скажутъ, что послѣ 17 марта 1812 г. онъ былъ уже не прежній Сперанскій. Но есть его записка 1802 г. съ заключеніемъ о необходимости образовать въ Россіи аристократію на образецъ англійской; далѣе записка 1803 г., въ которой онъ считаетъ Россію неподготовленною къ конституціи и указываетъ цѣлый рядъ условій, которыя должны были бы войти въ русскую жизнь раньше политической реформы. Ни одно изъ этихъ условій въ промежутокъ между 1803 и 1809 годомъ не было осуществлено; слѣдовательно, казалось бы, и Сперанскому не было причины мѣнять свои убѣжденія.

Если въ Планѣ онъ выступаетъ, какъ конституціоналистъ, то возможны два объясненія такой перемѣны: или

подъ вліяніемъ бесѣдъ какъ съ Государемъ, такъ и съ другими лицами, стоявшими на верху, Сперанскій поддался общему теченію, или то, что онъ просто выполнилъ данную ему работу, не вполне раздѣляя основныя идеи ея.

Критики современниками всего «Плана» Сперанскаго мы до сихъ поръ не знаемъ; намъ не попалось (и въ печати до сихъ поръ нѣтъ) чьей либо записки, представляющей изъ себя критику Плана; конечно, тѣхъ лицъ, которыя писали о работахъ Сперанскаго по слухамъ, мы въ расчетъ не принимаемъ. Три-четыре лица читали Планъ Сперанскаго, но читали ли они его цѣликомъ или только ту часть Плана, которая относится до образованія Государственнаго Совѣта? Вѣрнѣе, послѣднее. До сихъ поръ «Планъ» не былъ напечатанъ по чистой рукописи, которая была въ рукахъ у Александра I; поэтому возможно теоретически предположить, что чистовая рукопись не соотвѣтствуетъ черновой, т. е. что въ послѣдніе дни Сперанскій могъ переработать свой «Планъ». Но то, что намъ извѣстно о рукописи «Плана», исключаетъ возможность такого предположенія.

Рукопись «Плана» была уже въ рукахъ Н. И. Тургенева; къ сожалѣнію, бумаги эти были имъ спутаны и въ весьма несовершенномъ видѣ изложены въ книгѣ «*La Russie et les Russes*»; М. А. Корфъ безусловно зналъ «Планъ», но въ книгѣ своей ограничился однимъ лишь краткимъ намекомъ на содержаніе «Плана». Пыпинъ въ свое время подробно разбиралъ и анализировалъ «Планъ» по Тургеневскому изложенію; пространно по тому же источнику изложенъ Планъ Щегловымъ. Наконецъ, Шильдеръ въ приложеніяхъ къ II т. «Александра I» напечаталъ «Планъ», но, къ сожалѣнію, не цѣликомъ, замѣняя иногда подлинникъ своимъ изложеніемъ, а главное напечаталъ ее по весьма неисправной рукописи; имѣемъ основаніе полагать, что рукопись эта взята имъ изъ бумагъ М. А. Корфа; въ такомъ случаѣ рукопись эта была снята для Корфа. Затѣмъ В. И. Семеvскимъ напечатанъ былъ «Планъ» по черновой руко-

писи самого Сперанскаго. Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта хранится въ числѣ бумагъ Комитета 6 дек. 1826 г. чистовая рукопись Плана; крупныхъ отличій, которыя бы измѣняли содержаніе отъ черновика, нѣтъ, но кое какія измѣненія въ мелочахъ есть. На поляхъ есть карандашныя замѣтки; кѣмъ они сдѣланы? Полагаю, не Государемъ Александромъ Павловичемъ, а лицами, довольно многочисленными, которыя читали Планъ по этой рукописи. Можетъ быть, что рукопись Архива Гос. Совѣта и есть подлинникъ Плана, который читалъ Александръ I, но не думаю, скорѣе это снимокъ, сдѣланный для Комитета 6-го дек., а подлинникъ съ препроводительными и объяснительными записками Сперанскаго, кажется, еще не отысканъ; во всякомъ случаѣ, если и будетъ найденъ подлинникъ, то существенныхъ измѣненій въ немъ ожидать едва ли придется. Между этими же бумагами находится французскій переводъ «Плана», м. б. тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Сперанскій въ письмѣ изъ Нижняго Новгорода, какъ объ экземплярѣ, назначенномъ для пр. Ольденбургскаго.

Уже само содержаніе «Плана» роднитъ его съ работой неофициальнаго Комитета: и въ томъ и другомъ случаѣ насъ поражаетъ всеобъемлимость замысловъ реформаторовъ. Молодые друзья Александра толковали о полной реорганизации управленія—во первыхъ, о реформѣ соціальной—во вторыхъ, и затѣмъ о реформѣ политической въ отдаленномъ будущемъ—въ третьихъ; какъ будто они сначала хотѣли все въ Россіи исправить, а затѣмъ уже призвать представителей народа. Работу свою Комитетъ неофициальный считалъ необходимымъ вести въ тайнѣ, дабы общество напрасно не волновалось, и въ томъ еще предположеніи, что съ большими и крупными преобразованиями, проведенными сразу и рѣшительно, общество и народъ помирятся скорѣе, чѣмъ съ преобразованиями по частямъ. Совершенно такъ же работалъ Сперанскій въ тиши своего кабинета, ревниво оберегая трудъ свой отъ любопытныхъ взоровъ; неофициальный Комитетъ непремѣннымъ условіемъ успѣха ре-

формы полагалъ условія, что она даруется совершенно свободно и самостоятельно Государемъ, Имъ самимъ, безъ чьего либо внушенія; совершенно такъ же смотритъ на дѣло и «Планъ» Сперанскаго.

Если ужъ этимъ устанавливается нѣкоторая преимущество работы неоф. комитета и Плана, то обстоятельство это находитъ большее подтвержденіе въ запискахъ—критикахъ, поданныхъ Государю на позднѣйшій — 1811 г.—проектъ Сперанскаго.

Въ іюлѣ и августѣ 1811 г. въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался проектъ Сперанскаго о реформѣ Сената, т. е. о раздѣленіи его на два самостоятельныхъ сената: правительствующій и судебный. По этому поводу была представлена Государю большая записка «Refléxions sur le projet du Statut de senat dirigeant par M. V. Aout 1811 г.» (Арх. Государственного Совѣта, дѣла Комитета предсѣдателей 1810—1811 гг., № 25). Мы полагаемъ, что записка эта написана М. А. Балугьянскимъ. Любопытно, что на проектъ Сперанскаго, который, по нашему мнѣнію, былъ отступленіемъ отъ Плана, знаменовалъ собою отказъ отъ широкой политической реформы, М. В. желаетъ смотрѣть, какъ на приступъ къ политической реформѣ; послѣ небольшихъ, сравнительно, замѣчаній на проектъ по существу, онъ подробно останавливается на томъ, какъ могло бы быть установлено въ Россіи законодательное сословіе. Время составленія записки—августъ 1811 г.; 7-го августа этого года Государственный Совѣтъ кончилъ разсмотрѣніе проекта Сперанскаго; изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нѣкоторыми вліятельными членами Совѣта, ясно, что и они смотрѣли на проектъ Правительствующаго и Судебнаго Сенатовъ, какъ на приступъ къ введенію въ Россіи конституціи. М. В. держался того же мнѣнія; законность при абсолютной формѣ правленія онъ, очевидно, считалъ невозможной; логическимъ шагомъ изъ принятія проекта было созданіе законодательнаго сословія въ Россіи; это ему кажется настолько яснымъ, логически послѣдовательнымъ, что въ

запискѣ своей онъ не столько критикуетъ проэктъ, сколько озабоченъ предстоящею формою конституціи.

М. В. указываетъ *пять* возможныхъ конституцій для Россіи. Въ отличіе отъ Сперанскаго онъ проэктируетъ Сенатъ законодательный изъ двухъ палатъ: сената и палаты представителей. Верхняя палата составляется изъ: а) принцевъ крови, б) высшихъ должностныхъ лицъ, изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта, в) министровъ, г) сенаторовъ судебного сената, д) сенаторовъ правительствующаго сената, ж) сенаторовъ, особо назначенныхъ Государемъ. Такимъ образомъ, верхняя палата состоитъ изъ членовъ, назначенныхъ Государемъ; назначеніе пожизненное. Нижняя палата образуется изъ депутатовъ отъ дворянства и жителей городовъ; избраніе первыхъ производится на основаніи Жалованной грамоты, вторыхъ—по Городовому положенію. Значеніе палаты то же, что у Сперанскаго въ Планѣ; никакой законъ, никакой расходъ, никакая подать не могутъ имѣть мѣсто, если они не приняты Законодательнымъ сенатомъ. Верховной власти принадлежитъ утвержденіе законопроэктвъ. Инициатива законодательная принадлежитъ правительству; проэкты законовъ, подлежащихъ внесенію въ Законодательный сенатъ, предварительно обсуждаются въ Государственномъ Совѣтѣ; одобренные Совѣтомъ проэкты вносятся въ Сенатъ такъ: финансовые—предварительно въ Нижнюю палату, и по одобреніи его—въ Верхнюю, всѣ же остальные законопроэкты—сначала въ Верхнюю палату, а затѣмъ уже въ Нижнюю. Основаніе такого своеобразнаго порядка въ томъ, что финансовые законопроэкты для осуществленія своего нуждаются прежде всего въ *довѣрїи* къ нимъ населенія, а прочіе въ *опытѣ* и даже рутинѣ. Вообще М. В. былъ не высокаго мнѣнія о нижней палатѣ; онъ полагалъ, что ее нельзя оставить безъ руководства. Одобренный одной изъ палатъ законопроэктъ можетъ быть другою или принять, или отвергнуть. Въ послѣднемъ случаѣ избирается согласительная комиссія; если соглашенія не послѣдуетъ—

дѣло передается Верховной власти, которая можетъ принять прозектъ, отвергнуть его и видоизмѣнить. Депутаты избираются на 10-ти лѣтній срокъ, по истеченіи котораго могутъ быть переизбраны. Законодательный сенатъ собирается по созыву правительства; вслѣдствіе огромныхъ разстояній въ Россіи М. В. полагаетъ, что сессіи не могутъ быть ежегодными; но, во всякомъ случаѣ въ каждое десятилѣтіе ихъ не должно быть менѣе трехъ.

Сравнивая эту форму конституціи съ той, которую намѣчалъ Сперанскій, нельзя не отмѣтить, что здѣсь роль «представителей народа» значительно скромнѣе, чѣмъ у Сперанскаго. Однопалатная система, которую принялъ авторъ Плана, замѣнена двухпалатной, при чемъ Верхняя сплошь составлена изъ особъ, назначенныхъ Верховной властью; этой же власти предоставлено разрѣшеніе всѣхъ могущихъ возникнуть спорныхъ дѣлъ между обѣими палатами. Можно сказать, что при такомъ условіи громкое положеніе, что никакой законъ не можетъ имѣть мѣста безъ согласія законодательнаго сената звучалъ нѣкотораго рода ироніей. Впрочемъ, если исходить изъ точки зрѣнія, на которой стоялъ авторъ и которой держался Государь, что Онъ, монархъ, даетъ добровольно конституцію, что народныхъ представителей придется скорѣе приучать къ новой роли, что о конфликтахъ съ Властью при такихъ условіяхъ много думать не приходится, понятны будутъ воззрѣнія М. В. Но во всякомъ случаѣ М. В. даетъ гораздо менѣе гарантіи для представительства, чѣмъ Планъ. Достоинство этой конституціи—ея нѣкоторая практичность: выборы могли быть произведены скоро, для производства ихъ не требовалось той ломки общественнаго и административнаго строя, которую предполагалъ «Планъ».

Второй видъ конституціи отличается отъ перваго организаціею обѣихъ палатъ. Въ Верхнюю палату авторъ вводитъ епископовъ; авторъ не видитъ причины исключать архіереевъ изъ участія въ политической жизни; развѣ не религія—основа всякаго общественнаго сообщества; затѣмъ

изъ состава Верхней палаты исключены всѣ министры и высшія должностныя лица. Зато нѣсколько ихъ, 4—8, включаются въ палату Нижнюю. Эта послѣдняя состоитъ изъ: 1) должностныхъ лицъ, 2) депутатовъ отъ дворянства по одному отъ уѣзда, 3) депутатовъ отъ Имперскихъ (большихъ) городовъ, по одному отъ части города (авторомъ оговорено, что у насъ нужно ввести понятіе Имперскихъ городовъ, *bonnes villes*), 4) представителей отъ университетовъ и Академіи наукъ, 1—2 отъ cadaго учрежденія, 5) отъ духовенства, по одному отъ епархіи (діоцеза) и 6) отъ банковъ и крупнѣйшихъ торгово-промышленныхъ компаній. Пассивное избирательное право основано для депутатовъ дворянства и городовъ на цензѣ, размѣръ котораго не указанъ; университеты лучше сдѣлають, если будутъ своими представителями избирать *не* профессоровъ. Конецъ этой части весьма наивенъ, М. В. указываетъ порядокъ, какъ надо разсаживать депутатовъ, чтобы изъ нихъ не образовалось партій, а именно: направо отъ предсѣдателя—депутаты отъ дворянъ и городовъ, налѣво—духовенство, университеты и пр.; при такомъ условіи выйдеть *peles-meles*. Въ случаяхъ разногласія между палатами Государь дѣйствуетъ такъ, какъ указано выше. Право «*veto*» Государю М. В. не хочетъ предоставить: право это уже было причиною смерти Карла I и Людовика XVI.

Третій видъ конституціи былъ бы подражаніе французскому образу правленія. Но М. В. спѣшитъ заявить, что онъ питаетъ величайшее отвращеніе къ французской конституціи, ибо теперешній (1811 г.) сенатъ есть слѣпое орудіе государственнаго переворота, хотя на официальномъ языкѣ и называется сословіемъ, хранящимъ права народа; законодательный корпусъ—нѣмой, разбитый на секціи, съ ничтожнымъ значеніемъ. Такая конституція была бы недостойна русскаго народа.

Четвертымъ видомъ было бы введеніе въ Россіи чего либо похожаго на *Etats généraux*; но такое учрежденіе

ничего не стоитъ: сейчасъ бы начались подкупы, униженія, подозрѣнія.

Пятымъ образцомъ могла быть Венгерская, двупалатная, система.

Попался намъ есть отрывокъ изъ конституціи Паррота. Этотъ мемуаръ имѣетъ названіе «Проектъ новой конституціи для Россійской Имперіи. Часть III.» Судебная администраціи. О политическихъ правахъ населенія въ данномъ отрывкѣ рѣчи нѣтъ, но то, что они предполагаются, явствуетъ изъ указанія, что сенаторы судебные, избираются дворянствомъ и городами такъ же, какъ и члены парламента. Отсюда заключаемъ, что въ первыхъ частяхъ, вѣроятно, говорилось объ устройствѣ власти законодательной и исполнительной а въ III части, которая сохранилась, говорится лишь о судебномъ устройствѣ. Когда былъ написанъ этотъ мемуаръ Паррота? На это отвѣчать очень трудно; послѣ 1814 г. сношенія Александра съ Парротомъ рѣзко оборвались и едва ли Парротъ могъ представить Александру планъ политической реформы: напротивъ, и это вполне естественно, что въ 1803—1812 гг., когда Парротъ такъ часто обращался къ Государю и по столь разнообразнымъ вопросамъ, трудно допустить, чтобъ онъ не предложилъ своего проекта по столь интересовавшему его высокаго покровителя вопросу; съ другой стороны, въ началѣ сохранившейся части мемуара Парротъ доказываетъ необходимость организациі суда согласно духу націи, но, продолжаетъ онъ, націю составляютъ и академики и земледѣльцы, и крѣпостные и министры и *военные поселенцы*; упоминаніе о военныхъ поселеніяхъ заставляеть задуматься; конечно, они уже были въ 1811 г., но упоминаніе о военныхъ поселенцахъ, какъ составной части націи, заставляеть скорѣе отнести мемуаръ къ періоду 1818—25 гг.

Если этотъ мемуаръ (найденъ онъ въ бумагахъ Сперанскаго) предшествовалъ «Плану», то я указалъ бы, во первыхъ на рѣшительность, съ которой Парротъ освобождаетъ Государя отъ всякаго вліянія на судебныя дѣла.

Послѣдняя инстанція—сенатъ; сенатъ Парротъ раздѣляетъ на два собранія: сенатъ обыкновенный и сенатъ высокій: въ первомъ 10 членовъ, не считая предсѣдателя, во второмъ—трое. Сенатъ разбитъ на четыре отдѣленія: въ Петербургѣ, Москвѣ и (точки въ текстѣ); сенаторы выбираются дворянствомъ и городами. Въ Высокій сенатъ дѣла переносятся въ случаяхъ очень важныхъ; жаловаться на рѣшеніе сената государю запрещается. Въ приложенномъ проэктѣ манифеста Парротъ влагаеть Государю слова: «мы запрещаемъ всякое давленіе на суды и ихъ приговоры, мы оставляемъ за собою исключительно лишь право и обязанность наблюдать, чтобы суды правильно и достойно исполняли свои обязанности. Мы отказываемся также отъ права помилованія и смягченія приговоровъ уголовныхъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда намъ сенатъ самъ укажетъ, что онъ по закону додженъ бы вынести болѣе строгій приговоръ, чѣмъ того требуетъ справедливость». Такъ категорически Сперанскій не высказывался даже въ Планѣ. Въ организациі суда проведенъ послѣдовательный принципъ, принятый и «Планомъ»; населеніе само избираетъ своихъ судей и каждое состояніе имѣетъ особый судъ, каждый судится равнымъ себѣ.

Извѣстный противникъ Сперанскаго Розенкампфъ и тотъ толковалъ въ эти годы о необходимости создать народное представительство для усиленія власти. Онъ удивляется, какъ это еще Петръ Великій не создалъ представительства для точнѣйшаго распредѣленія налоговъ, освѣдомленности о мѣстныхъ нуждахъ и законодательства; послѣднее, въ такомъ случаѣ, не было бы произведеніемъ нѣсколькихъ министровъ и сенаторовъ, но вытекало бы изъ общихъ интересовъ страны; представительство вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило бы на мѣстахъ хорошую администрацію. Ни Петръ Великій, ни другіе законодатели не замѣчали той истины, что народное представительство прочнѣе всего обосновываетъ власть Государя и удваиваетъ, по крайней мѣрѣ, силы и средства государства. Проэктъ сенатовъ Сперанскаго

имѣть ту сильную сторону, что изъ него естественно вытекаетъ Имперская конституція, которая слѣдовательно не будетъ ни произвольной, ни искусственной. На первый разъ Розенкампфъ предлагаетъ дать народу Magna Charta и ввести въ администрацію—судебную и финансовую—институтъ выборныхъ отъ главныхъ корпорацій страны и класса собственниковъ.

Двѣ—три эти записки (записка Паррота подъ сомнѣніемъ), не считая тѣхъ, которыя раньше были обнародованы В. И. Семевскимъ, позволяютъ установить то, что среди многихъ представителей правительствъ временъ 1801—1812 гг., сильно было убѣжденіе и въ томъ, что Россія готова для политической реформы, и въ томъ, что реформа эта желательна и необходима. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется, что Государь Александръ Павловичъ не ошибся въ выборѣ Сперанскаго своимъ редакторомъ: та часть Плана, которая трактуетъ о народномъ представительствѣ, разработанная съ нашей точки зрѣнія поспѣшно и не вполне удовлетворительно, все таки лучше обезпечивала истинное народное представительство, чѣмъ проекты Балугьянскаго, Мордвинова и Розенкампфа. Будемъ пока осторожны въ выводахъ, полагая, что находки и открытія въ этой области Русской Исторіи болѣе чѣмъ вѣроятны въ самомъ непродолжительномъ времени.

С. Середонинъ.

Ермолай Прегрѣшный,

новый писатель эпохи Грознаго.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ рукахъ моихъ была рукопись XVII вѣка in 4° съ помѣткой № 147, изъ которой я долженъ былъ сдѣлать выписки для какихъ-то изданій Православнаго Палестинскаго Общества. На 435 листѣ этой рукописи я нашелъ заглавіе: *Прегрѣшнаго Ермолая ко своей ему души поученіе*. Не найдя имени Ермолая въ сочиненіяхъ пр. Филарета и Строева, я снялъ копіи съ даннаго произведенія и четырехъ другихъ, какъ мнѣ казалось, принадлежащихъ тому же автору. Къ сожалѣнію, рукопись потребовали обратно, и подробнаго описанія ея я составить не успѣлъ. Настоящее мѣстонахожденіе ея мнѣ также неизвѣстно. Несмотря на рядъ изданныхъ памятниковъ и прекрасныхъ изслѣдованій объ эпохѣ Грознаго, думается мнѣ, что и настоящая находка имѣетъ свое значеніе; раскрываю кстати имя Пароенія Уродиваго, кажется, псевдонимъ Грознаго.

На листѣ 435—443 вышеуказанной рукописи помѣщено: *Прегрѣшнаго Ермолая ко своей емоу души поученіе*; на л. 443—445 об. *О градѣ Муромѣ и о епископыи его како преиде на Рязань*—извѣстная новѣсть о Василии еп. Рязанскомъ и Муромскомъ; на л. 446—449—*Тогоѣ списателя к ѡрѣю моленіе*; на л. 449—460 об. — *О Митяе архимандритѣ*; л. 461—462 об. безъ особаго заглавія—*Посланіе о*

составлені грамоты (объ изобрѣтеніи алфавитовъ). Начиная съ 445 стр. листы перепутаны такъ: 445, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 460, 457, 458, 459, 456, 446, 447, 448, 460, 461; между тѣмъ въ оглавленіи (что было мной свс временно отмѣчено) стояло такъ:

Прегрешнаго Ермолая къ своен емоу дѣи поученіе	4ѣ
О градѣ моврамѣ ш епѣи его како преиде на рязань	р̄
О митѣе архимандритѣ	р̄а
Кругъ пасхалии	(р̄в ?)

„Моленіе къ царю“ и „Посланіе объ алфавитахъ“ въ оглавленіи пропущены.

Сопоставляю: перепутанность листовъ сборника, имя Ермолая на л. 435 и л. 448 об. (раба своего Ермолаица), выраженіе „того же писателя“ въ статьѣ Моленіе, слова на томъ же листѣ: „сія три вещи прочести яже азъ грѣшный.. составихъ се по рядуу суть здѣ“, и дальше указаніе, что эти три вещи духовнаго содержанія, а не мірскаго. Отсюда дѣлаю заключеніе, что перу „прегрѣшнаго Ермолая“ принадлежатъ, кромѣ Моленія царю Іоанну Васильевичу Грозному: 1) Поученіе къ своей душѣ, 2) Повѣсть о Василии Рязанскомъ и 3) Повѣсть о Митяѣ архимандритѣ. Вѣроятно, ему же принадлежитъ и Посланіе о изобрѣтеніи алфавитовъ, адресованное уже не Грозному, какъ первыя три статьи, а своему покровителю митрополиту Макарію.

Догадка о принадлежности Ермолаю двухъ статей о Василии Рязанскомъ и объ архимандритѣ Митяѣ, конечно, не совсѣмъ устойчива. Нѣсколько вѣроятія придають, кромѣ вышеприведенныхъ доводовъ, еще общія соображенія. Оба памятника раньше XVI вѣка не встрѣчаются. Повѣсть о Василии Ря-

занскомъ по спискамъ до XVII вѣка неизвѣстна ¹⁾. Ея нѣтъ въ Великихъ Минеяхъ—Четьяхъ, и имени Василия не встрѣчаемъ въ окружной грамотѣ о новыхъ русскихъ святыхъ 1547 г. (см. Акты Арх. Экспед. т. I, № 213, стр. 203—упомянуты только кн. Константинъ, Михаилъ и Ѳеодоръ Муромскіе). Голубинскій указываетъ на открытіе мощей при еп. Ѳеодосіи Рязанскомъ (1605—1617) и канонизацію еп. Василия, какъ мѣстно чтимаго святого—въ 1609 году (Исторія канонизаціи рус. святыхъ М. 1894, стр. 89). Нашъ текстъ называетъ епископа Василия праведнымъ, но не святымъ: значитъ, онъ составленъ до 1609 года. Отмѣтимъ, что и въ сборникахъ повѣсть о св. Василии встрѣчается также среди памятниковъ XVI вѣка: въ спискѣ *Общ. Истор. и Древн. Рос.* № 197 (ср. *Погодина* № 1558 у *Бычкова* *Опис. сборн.* I, 173) рядомъ съ посланіями Курбскаго и мнимыми носольскими статейными списками — памфлетами XVI вѣка; у Царскаго въ № 397 около сочиненій Максима Грека, сказаній о чудесахъ иконы Тихвинской Божіей Матери и сказанія о Лоретто Трусова 1528 г. Заключение сказанія: „хотѣхъ бо распространити и не свѣмъ како написати, понеже отъ чудеси многа лѣта преидоша и азъ о семъ не добре свѣде и боюся да не явлюся о семъ глаголюи ложь; якоже слы-

¹⁾ Пересказы ея у пр. Филарета Русскіе святыи и въ Словарѣ историческомъ о святыхъ 1836 стр. 57. Текстъ XVII в., напечатанный въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности* т. II, 3 стр. 97—99 подъ заглавіемъ: *Повѣсть о чудеси Пречистыя Богородицы о градѣ Муромѣ и о епископѣ его како прииде на Рязань*, считая передѣлкой нашей редакціи. Другой болѣе распространенный разными извѣтiami словесъ — въ *Памятникахъ стар. рус. л.*, изд. граф. Кухелевымъ-Безбороджо, т. I стр. 235—237 въ „*Повѣсти о водвореніи христіанства въ Муромѣ*“. Съ XVII вѣка текстъ встрѣчается уже въ *Прологѣ* подъ 21 мая въ *Милютинской Четьѣ—Минеѣ* и т. д. *Ключевскій* (*Древнерус. житія св.*, стр. 288) указываетъ на списки *Троицкой лавры* XVII в. № 800 в синод. истор. сборникъ VI л. 34—114. Ср. *Барсукова*. *Источники русской агиографіи*. Спб. 1882 стр. 92. Хорошій сводъ извѣстій о пр. Василии въ брошюрѣ: *Житіе св. Василия еп. Рязанскаго* М. 1875 (79 стр.).

шахъ, тако и написахъ, аще же нѣчто и не до конце свѣде написахъ, но имѣя въ помощь.. Владычицу всѣхъ Богоматерь... да избавить ны отъ навѣтъ вражїихъ“ соотвѣтствуетъ въ Моленїи, уже несомнѣнномъ произведенїи Ермолая, жалобѣ на навѣты (къ кому прибѣгну отъ ненавидящихъ мя супостать... въ прежнїя дни рекоша ти о мнѣ яко непотребенъ)... и въ предложенїи царю прочесть три вещи словамъ „яже азъ грѣшный въ простотѣ смысла составилхъ (та) дѣла бо ми послушествуютъ. „Повѣсть объ архимандритѣ Митяѣ встрѣчается раньше всего въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. XV стр. 438—439), но текстъ ея здѣсь, какъ и въ Никоновской (П. С. Р. Л. т. XI стр. 35—41), гораздо короче и разнится отъ нашего текста. Нашъ текстъ дословно схожъ съ текстомъ повѣсти въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. VIII стр. 28—32). Парижскїй списокъ послѣдней (рук. XVII вѣка), положенный въ основанїе печатнаго изданїя, идетъ до 1534 г. (другїе списки до 1541 г.), а дальше слѣдуетъ текстъ Никоновской лѣтописи. Вставлена повѣсть въ текстъ механически: это видно изъ послѣднихъ ея словъ „на предняя возвратимся“, да и извѣстїе о Митяѣ повторяется еще разъ подъ 1381 годомъ (стр. 42 и 48). Взята ли повѣсть въ лѣтопись изъ писанїй Ермолая, или самъ Ермолай былъ однимъ изъ редакторовъ Воскресенской лѣтописи и представилъ свою повѣсть царю Ивану, какъ образчикъ своего изложенїя довольно щекотливыхъ обстоятельствъ столкновенїя княжеской и духовной власти,—сказать затрудняюсь. Конечно, возможно предположенїе, что и Воскресенскїй текстъ, и текстъ Ермолая—списки съ одного и того же оригинала. Посланїе о изобрѣтенїи алфавитовъ направлено къ „настырю—первопрестольнику русской земли, учителю архїереевъ и іереевъ“ конечно московскому митрополиту. Вторымъ Филадельфомъ.

книголюбцемъ могъ быть названъ именно Макарій, собиратель Великихъ Четь-Миней, этой энциклопедіи древнерусской церковной письменности.

Какъ бы то ни было, принадлежать ли Ермолаю повѣсти объ еп. Василии Рязанскомъ и объ архимандритѣ Митяѣ и посланіе объ алфавитахъ или нѣтъ, воякомъ случаѣ, ему несомѣнно принадлежать „Поученіе къ своей душѣ“ и „Моленіе къ царю“.

Указаніе на митрополита Макарія въ Моленіи (и предположительно въ Посланіи объ алфавитахъ) позволяетъ точно приурочить время писательской дѣятельности Ермолая ко времени 1542—1563 года, — времени дѣятельности Макарія, какъ митрополита Московскаго. Кругомъ Макарія, „второго Филадельфа книголюбца“, группировался, какъ извѣстно, довольно большой кружокъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей. Таковы толмачъ Дмитрій Герасимовъ, боярскій сынъ Василій Тучковъ, іеромонахъ Илья, Савва епископъ Крутицкій, игумены Иродіонъ и Варлаамъ, иноки списатели житій: Фотій, Макарій, Михаилъ, Иоасафъ, Маркеллъ Безбородый, пресвитеръ Василій, пресвитеръ Андрей (будущій митрополитъ Аванасій, авторъ Степенной книги), извѣстный протопопъ Сильвестръ и др. ¹⁾ Къ этому же кружку принадлежалъ, вѣроятно, и нашъ авторъ Ермолай. Онъ самъ говоритъ: „благословеніемъ превеликаго всея Россіи архіерея Макарія митрополита составихъ три вещи отъ древнихъ драги... (Моленіе); повелѣлъ ми еси вмалѣ преже сихъ днеи написати вкратцѣ о составленіи грамотъ... (Посланіе). И такъ Ермолай былъ человѣкъ настолько книжный, что самъ митрополитъ давалъ ему литературныя порученія. Естественно предположить, что это былъ человѣкъ духовнаго сана и „три вещи отъ древнихъ драги“ — были произведенія *духовныя*;

¹⁾ Зауспенскій Макарій митр. всея Россіи (Ж. М. Н. П. 1881, XI стр. 30—31).

но онъ могъ „явити сокровенъ глаголь удобенъ“ и, если царь повелить, и о *мірскихъ вещахъ* написати ко благоугодію земли и ко умаленію насильства“¹⁾. Авторъ—лицо извѣстное и близкое къ царю: „въ прежнія дни рекоша ти о мнѣ яко *тебѣ* непотребенъ есмь... иногда же *предъ тобою* и позорна мя нарекоша и бѣсна своя ради зависти“. Враги автора—люди сильные, которыхъ „единъ ты (царь) могій возразити, а инъ никтоже“. Матеріальное положеніе семьи автора не обезпечено: „аще бо не быхъ сплетенъ житейскими юзами, удалилъ быхъ ся въ пустыню, нынѣ же *мірскими* похотыми уязвленъ“... За свои литературныя услуги авторъ проситъ назначить ему жалованье: „да *вмѣнится* часть моя со исправльшими слово твоего наказанія и не тощъ явлюся твоего благодарства, но на куюждо годину твоего серебра благодарнаго да буду приѣмля урокъ“. Авторъ царю единому „работаетъ“, а враги его рабствуя другимъ душой, не тѣломъ (т. е. люди „свободные) отъ сего хвалимы и въ честь входятъ“....

Кто же такой нашъ Ермолай? Среди придворнаго духовенства за это время встрѣтилось намъ имя *протопопа Спасскаго изъ дворца Ермолая*²⁾, и мнѣ сдается, что это и есть нашъ авторъ. Къ нему безусловно подходятъ всѣ ранѣе указанные признаки: близость къ царю и митрополиту, служеніе единому царю, вражда придворныхъ, готовность постричься, если бы не семейныя узы. Отмѣчу еще одну мелочь: естественно было Ермолаю, священнику церкви

¹⁾ Къ числу такихъ „глаголовъ о *мірскихъ* вещахъ по благоугодію земли и къ умаленію насильства“ относятся въ данную эпоху Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ и сочиненіи Пересвѣтова.

²⁾ Онъ былъ 3 февраля 1555 г. на поставленіи Гурія архіеп. Казанскаго.—Поли. Собр. Рус. Лѣт. XIII, стр. 250 (Никоновск. лѣт.). Лѣтописецъ русской кад. Н. Л. Спб. 1792 стр. 70. Дворцовый Спасъ—Спасъ на Вору съ мощами свят. Стефана Пермскаго.

Спаса на Бору, гдѣ лежать мощи св. Стефана Пермскаго, поручить и выборку данныхъ о изобрѣтеніи алфавитовъ изъ житія святого. Какова была дальнѣйшая судьба нашего писателя, скрылся ли онъ подъ какимъ нибудь монашескимъ именемъ (напр., Ермогенъ¹⁾) или умеръ раньше, пока ничего неизвѣстно.

Обратимся къ сочиненіямъ Ермолая. Поученіе ко своей душѣ, кромѣ бывшаго у насъ списка, сохранилось еще въ рукоп. XVII в. собр. Толстого II № 195 л. 115—116 об. ²⁾). Текстъ его, какъ наиболѣе исправный—безъ пропуска, напечатанъ ниже по рукописи Толстого съ вариантами изъ нашего списка, причемъ внесена пунктуація и прописныя буквы. Поученіе ко своей душѣ проникнуто лиризмомъ покаянія и заканчивается молитвой къ грядущему Судіи живыхъ и мертвыхъ. Особенно подробно авторъ говоритъ о гордости богатыхъ и знатныхъ и о почитаніи священнаго чина. „О гордый, помяни откуда ты созданъ: не отъ облаковъ ты снизшелъ, но отъ брвенныя персти, и въ нее ты и возвратишься. Здѣсь у тебя жестка вья къ поклону людямъ, а въ землѣ и червямъ явишься мягкосердъ... Не блажи санъ земного величія, ибо все это преходяще: многіе достигаютъ земного сана, а небесный улучаютъ немногіе. Легче не имѣющему сана: сановный отвѣчаетъ не только за свои домовныя грѣхи, но и за чужіе, имъ судимые“. Послѣдняя мысль объ отвѣтственности власти за грѣхи подчиненныхъ, типичная для XVI вѣка, замѣтная и въ Домостроѣ, и въ Стоглавѣ, особенно

¹⁾ Существуетъ преданіе, что патріархъ Гермогенъ носилъ въ мірѣ имя Ермолая, и въ память его построена будто бы и церковь во имя св. Ермолая на Садовой. Конечно, нивакихъ сблизженій я дѣлать не рискую.

²⁾ Въ Обстоятельномъ описаніи славяно-россійск. рукописей гр. Ѳ. Толстова, изд. Калайдовичемъ и Строевымъ М. 1826, стр. 349, имя напечатано не точно—Ермля, надо Ермлая. Приносимъ благодарность В. В. Сидоровой за ея помощь при занятіи данной рукописью.

ярко была выдвинута партией Иосифлянъ. „Смерть не стыдится сану и величія, а на всѣхъ простираетъ свои всеядные зубы. Всю землю подъ себя повинешъ, а наслѣдуешь не болѣе трехъ локтей“. Указывая на необходимость милостыни Ермолай говоритъ: „не разсуждай такъ: соберу имѣніе, а тогда останокъ буду раздавать нищимъ и тѣмъ очищусь отъ грѣха. Это разсужденіе вора, который укралъ золотой (златникъ), роздалъ десять мѣдницъ и говоритъ: разъ согрѣшилъ, а десять разъ спасеніе содѣлать“. Предписывается почитать священниковъ, какъ Божіихъ слугъ, и повиноваться имъ и бояться ихъ власти паче царской, и ибо Господь ни ко единому цареву сказалъ: елика свяжете на земли, будетъ связана на небѣ, а къ апостоламъ и ихъ преемникамъ — священству. Царская власть надъ человѣкомъ, пока послѣдній живъ и то лишь надъ тѣломъ, а власть священника надъ душою и въ безконечныя вѣки. Мысль о превосходствѣ духовнаго чина надъ царскимъ, высказанная уже св. Алексіемъ митрополитомъ, (см. его посланіе) получила окончательное выраженіе въ дѣятельности патріарха Никона. Посланіе заканчивается возложеніемъ надежды на Господа и славословіемъ св. Троицѣ.

Глубоко поэтичная повѣсть о невинно оклеветанномъ епископѣ Муромскомъ Василии, унесшемся на своей мантии, съ образомъ Богородицы въ рукахъ, вверхъ по Окѣ въ Рязань отъ заподозрѣвшихъ его, по проискамъ дьявола, „святогоновъ“ муромцевъ — превосходный образчикъ русскаго народно-религіознаго эпоса на тему испытанія судомъ Божіимъ. Подобный же рассказъ съ замѣной мантии камнемъ есть и въ житіи св. Іоанна, архіеп. Новгородскаго. О времени записи преданія (XVI вѣкъ) нами сказано уже выше.

Повѣсть о гордомъ Митяѣ и самовластномъ Пименѣ развиваетъ близкую Ермолаю мысль о гордынѣ, — „гордымъ Богъ противится“ — на фонѣ извѣст-

наго историческаго событія—отношеній митрополита Кипріяна и Дмитрія Донскаго. Не печатаемъ ее въ виду дословнаго сходства ея, вплоть до неидущаго къ дѣлу заключенія („на преднее возвратимся“), съ текстомъ Вознесенской лѣтописи ¹⁾).

Посланіе о избрѣтеніи алфавитовъ адресовано къ первопрестольному пастырю, митрополиту Московскому и всея Россіи—„второму Филадельфу и книголюбцу“ Макарію, какъ мы предположили выше. Писано оно по приказу митрополита (повелѣлъ ми еси вмале преже сихъ дней отъ житія св. Стефана Пермскаго написати вкратцѣ о составленіи грамотъ, когда, кои, отъ коихъ челоуѣкъ и въ кое время и како)... При составленіи его авторъ пользовался не только житіемъ преп. Стефана Пермскаго ²⁾, откуда взяты свѣдѣнія о Сиѣѣ, Панамидѣ и Кадомѣ, но и житіями Кирилла и Меодія, первоучителей славянскихъ. (Разсказъ о Корсунскомъ евангелии и русинѣ). Само посланіе, видимо, оборвано на разсказѣ о смерти св. Кирилла.

Подвожу итоги своему изслѣдованію. Прегрѣшный Ермолай, сотрудникъ Московскаго митрополита Макарія (1542—1563), вѣроятно—одно лицо съ Ермолаемъ, протопопомъ Московской дворцовой церкви Спаса на Бору. Преслѣдуемый придворной интригой

¹⁾ Г. И. Тихомировъ въ своей статьѣ: О Воскресенскомъ лѣтописномъ сводѣ (Ж. М. Н. П. 1894 XII, 249) указываетъ, что повѣсть о Митяѣ написана *современникомъ* событія, такъ какъ въ ней находятся слова „повѣдахоу же тамо бывшей тогда на кораблі томъ и глаголахоу“ (П. С. Р. Л. VIII, 28—32), но это, по нашему мнѣнію, ничего не доказываетъ. Повѣсть могла быть составлена на основаніи источниковъ, современныхъ событію, но помѣщенная въ Воскресенскомъ спискѣ могла быть вновь редактирована писателемъ ея въ XVI вѣкѣ. Любопытны и свѣдѣнія о Стефанѣ Пермскомъ (въ Воскр. лѣт.), но колеблюсь утверждать объ Ермолаѣ, какъ одномъ изъ редакторовъ Воскрес. свода.

²⁾ См. Житіе св. Стефана еп. Пермскаго напис. Епифаніемъ Премудрымъ подъ ред. В. Г. Дружинина изд. Арх. Комм. Спб. 1897, стр. 70—78.

и нуждою, онъ, по совѣту м. Макарія, обратился къ царю Ивану Васильевичу Грозному съ *Моленіемъ* о помощи и предложеніемъ литературныхъ услугъ по части духовной, а въ случаѣ желанія царя и по части мірской. Какъ образчикъ своихъ работъ, онъ предложилъ „три драгія вещи отъ древнихъ“, — три сочиненія духовнаго содержания. Это были: 1) несомнѣнно ему принадлежащее Поученіе ко своей душѣ, 2) Повѣсть о Василии Рязанскомъ и 3) Повѣсть объ архимандритѣ Митяѣ. Кромѣ того, ему слѣдуетъ приписать Посланіе къ м. Макарію объ изобрѣтеніи алфавитовъ.

Позволяю кстати сообщить замѣтку о литературной дѣятельности и самого царя Ивана Васильевича, о которой у насъ, кромѣ изслѣдованія И. Н. Жданова (Сочиненія т. I стр. 81—170), нѣтъ специальной работы. Въ Памятникахъ Древней Письменности О. Л. Д. П. за 1886 г. напечатано было по рукописи Царскаго № 423 покойнымъ архим. Леонидомъ (Кавелинымъ) „*Посланіе къ неизвѣстному противъ маторовъ — твореніе Паренія Уродиваго*“. При ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ я увидѣлъ, что это ничто иное, какъ отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ (первые 12 словъ Грознаго)¹⁾. Паренію Уродивому принадлежитъ еще „Канонъ св. архангелу Михаилу грозному воеводѣ хранителю души и тѣла, всѣмъ человѣкамъ посылаемому отъ Вседержителя Бога по вся души человѣческія душу возвести къ Господу, а тѣло земли предати. Ты же человѣче не забывай смертнаго часа, по вся дни пой канонъ сей“, что уже отмѣтилъ арх. Леонидъ (1. с. стр. 1). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что Пареній Уро-

¹⁾ А. Поповъ. Древне-русскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ I М. 1878 стр. 1—52 (оттискъ изъ Чтеній О. И. и Д. Р. 1878, кн. II).

дивый—псевдонимъ І. Грознаго, иронически назвавшего себя дѣвственникомъ (*παρθένιος*). Принадлежность царю канона св. арх. Михаилу будетъ соответствовать авторству Грознаго въ посланіи-молитвѣ къ мощамъ Михаила Черниговскаго и боярина Ѳедора, и въ стихирахъ Владимірской иконѣ Божіей Матери, св. Петру митрополиту и Даніилу Переяславскому¹⁾, уже несомнѣнно ему принадлежащихъ. Можетъ быть, Грозному слѣдуетъ приписать и сочиненія, доселѣ (по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія) приписываемыя его сыну (см. *Тупикова Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича* Спб. 1894 изъ *Ж. М. Н. П.* 1894 № 12).

Поученіе полезно ꙗко своѣи комуждо души нѣного С^р мая²⁾).

Яже къ бесконечному о Бзѣ пребыванію, премудростию³⁾ нѣкакѣ притчю совѣщевая ѿ душе в кратцем сем житіи. По вся чѣсы поминати всѣхъ Творца Бга пѣваемагъ в Троица и Единаго ѿ Троицы Слова Бжїа Сна како члколюбиа ради за Адамово прегрѣшенее свою плѣ на волюнѣю стрѣсть и смѣрть прѣдаеть⁴⁾. Умре бо за ны плѣтію⁵⁾ дав нам ѡбразъ да мы умрѣтви телѣсныя похоти Его ради. Поминаи же и свою смѣрть по⁶⁾ вся часы и прѣдстояніе предъ страшнымъ Его престоломъ и вѣчное шбоѣ прѣбываніе неисповѣдимое в раю ꙗко в мѣцѣ ꙗко помышляі не прѣходнымъ смысломъ, но крѣпцѣ. Члѣвъ бо еси Бгомъ созданъ всѣхъ тварей земныхъ честнѣиши:

¹⁾ А р х. Л е о н и д ѣ. Стихиры, положенныя на крюжовыя ноты. Твореніе царя Іоанна деспота Россійскаго, изд. О. Л. Д. П. Спб. 1886. Ждановъ И. Н., Сочиненія т. I, 83.

²⁾ Прегрѣшнаго Ермолая къ своей емоу души поученіе.

³⁾ Въ нашемъ спискѣ стоитъ: премудростноу.

⁴⁾ Предасть.

⁵⁾ Нѣтъ.

⁶⁾ Во.

сего ради о бѣдѣщих дряхлы 1) велми. Всяка-бо тварь земнаа птицы ж и звѣрие и скоти и рыбы и гады безбоязни о бѣдѣщих и сотворѣни бо безсловесни, сего ради понеж о бесконечных и нетлѣнных не поучаются, не грѣха имѣт, не спасѣнія трѣбуютъ (л. 115 об.), сего ради ни суда будущаго ждѣт: егда убо плот его тогда и дѣша разстается и безъ вѣсти бываѣт. Члѣкъ же ꙗко словесень, тѣмже о бесконечных бѣдѣщих поучается и другъ другѣ повѣдает ѿ стѣх книг ꙗко бесконечен есть. Аще и смѣръ приѣмлетъ, но на воскрѣшеніе паки дѣша с тѣлом совокупится 2) ꙗкож рѣч Гдѣ: егда приѣдет Снѣ члѣческіи в сѣвѣ Своѣи, и вси стѣи с нимъ, тогда 3) сядет на прѣстѣлѣ сѣвы Своѣа и 4) зберѣтсѣ прѣд Ним вси языцы. Виждь что рече Гдѣ (ꙗко бо роѣся ѿ Прѣстыа 5) Дѣны плѣтїю, сего ради наречѣс Снѣ члѣческіи. и жѣнескъ бо полѣ члѣцы нарѣчютсѣ *. Приѣдет же во вторѣе страшным сѣм пришѣтвїемъ видим во плоти; глѣет бо в дѣлѣнїихъ бѣогласныи Лѣвка, ꙗж в Гдѣе вознесѣние рѣша ангели аполомъ: мѣжїе галилѣїстїи, что стоите срѣще на нѣбо, се Ісѣ вѣнесысѣ ѿ вѣа на нѣбо, тѣко приѣдѣ, ꙗже образѣ виждѣте Егѣ идѣща на нѣбо; о сѣже и велїкии Івѣ бѣгослѣ, во ѿкровѣнїи своѣ, вещь: се градѣт со ѿлаки, и ѣрїт и всѣко ѣко, и ꙗже и прободоша; Григорїи же бѣгослѣнїи о Гдѣи вторѣе пришѣтвїи тако написа: прїитї Емѣ паки слѣанымъ Егѣо пришѣтвїѣ, судити живѣ и мѣтвымъ потѣ, ни плоть, ни бестелесе имѣи тої сѣ вѣст бѣобранѣнїи словесы, тѣло да сѣ ꙗрї. да ꙗвїсѣа и пробѣшимъ ꙗ. и пребѣдѣ Бгѣ вѣнѣ толстоты, се жѣ ꙗ Бгѣ видим и разѣмѣваемъ. вѣ толкованїи ж тоа бѣгословныа книги рече. прїидѣ не ꙗко убо плѣ, санѣ

1) дряхлоуи.

2) совокупитсѣ.

3) приѣдет.... тогда—нѣтъ.

4) и вси свѣтїи ангели съ немѣ.

5) прѣстыа.

по ѣствѣ плоти непѣлежи стѣтѣ. алканию и жаданию и трудѣ, инѣмъ такимъ, а не бесѣтѣла, занѣ не ѡложитѣ тѣлѣ существа и свѣйства. яко власи, видѣ, и ина прѣчаа. да видится ѡ прободшѣ, яко не бестелесенѣ, по прѣрокѣ Сахаріи глыщѣ: возри ко мнѣ во жпрободѣ. будѣже тѣло блговино: да и ѡвится и пребудѣ кромѣ дебелства, к томѣ яко не плѣ. но срѣдѣ плоти, и бесѣтѣла. Мы же вся си видѣвшѣ, рцемъ яко Бжтѣва Еѣ велѣство неизреченно и неизмѣримо якож рѣче великіи Слатоустѣ о ржтѣвѣ ѣ земнемъ: Иѣ бо ся и нѣо не вмѣсти, Тоі и двѣмъ вмѣстися; и сеж помянѣ, яко видѣ прѣркѣ Іѣсекѣиль, до воплощеніа Бжтѣво, на подобіи прѣтѣла подобіе ѡко видѣніе члѣка з горѣ; Хс же ѣгда на землі Своѣ пришествіа смотреіне показа, и возрастѣ члѣчества, имѣя прѣстое тѣло трилакотно; о вознесеніи ж Еѣ рѣч златоглывыи Іѡанѣ и поученіи своѣ. яко егда ѡ зеля ивѣся яко члѣкъ бѣ видим. егда ж на нѣса на высоту восхожашѣ, то бѣле и видѣті бѣашѣ. а егда и самѣмъ нѣсѣм, тогда вся нѣса заят сѣвою Бжтѣва, неісповѣдімо бѣ величѣство Еѣго, яко неба не бѣ видѣти, и зари лѣча славы Еѣго. иѣо Бжтѣвеное существо никіи ж разѣм достигнѣти возможѣ. но яко самъ вѣсть тако пріидѣ и сѣвѣ ѡтчи сѣдѣти ¹⁾ всѣмъ языкъ, языцѣмъ различніи людіе плѣтстїи глѣются. дшїи безплѣніи не глѣются языцѣ. И станутъ кїиждо члѣкъ во своѣмъ языцѣ сирѣчѣ во плѣти, по Гію словеси и разлѣчитъ и дрѣво ѡ дрѣво, яко пастыръ разлѣчаетъ овца ѡ козлищѣ, и поставїи овца ѡдѣснѣю Себѣ, а козлища ѡпшѣюю. И по страшнѣ Еѣго и ужаснѣ сѣдїици, ѡко ж угрошїи ²⁾ Емѣ бѣдѣ свѣтлѣсть, и пространство ³⁾ неизреченное, конца не имѣя,

¹⁾ Все между этой цифрой и звездочкой на стр. 12 опущено; читаемъ: наричются. Пріидеть же въ плоти ѡко же на земли Своѣго пришествіа показа, тако и сѣдѣти пріидеть въ славу Отчи.

²⁾ угрожемъ.

³⁾ пространство.

тако и прѣступльши заповѣди Е* мѹка вѣчнаа, конца ¹⁾ не имѣя. Сего ради в вѣце сем мртвенем храни ѿ грѣха ѡко смртенъ, боѡся вѣчныя мѹки, твори бл҃гаа вся ѡко безсмртенъ, жды свѣтлости некончаемыя ²⁾, ѹготованныя прѣдным. Якож бо нѣкии займодавецъ, долгъ свои пакы приимеши, подаеомѹ ѿ тебе, ли благая ли злаа, яж бо сѣеши сия и пожнеши. (Ѹ) чл҃че, созданіе бж҃іе, почто ѿступи ѿ заповедеі Творца своѣ и злыми дѣлы дасть связатисѣ діаволѹ, тяжкыми верігами, і возложит ³⁾ жежел ⁴⁾ на дш҃евную ти выю, ѡко к томѹ не хоцет дати тѣи ходити правым пѹтем. Нѣж пристѹпи к Творцѹ ѡто в҃сего ср҃дца, и прости добротѹ дш҃евнѹю. Сею бо ѡко пилѡію имашаи разрѹшити связавшаа тя веріги діаволя, и ѡко ножем прѣрѣзати ⁵⁾ жежел ѣго ѿ выа дш҃а твоеа. Научиже ся молчанію, и ср҃чномѹ ти уничиженію ⁶⁾, а не лицѣмѣрномѹ. Ящеж: в помыслех смѹщен бѹдеши, не испѹсти нс оустъ слова и ѿ сего не начинѣся дѣло. Яко^н речѣ аг҃лъ ѡ добродѣтелех, ѡко яще вѣра несоверши ⁷⁾ дѣлом, се мртва ѣ. мы^н во ⁸⁾ страстех мни^н грѣховныя мысли ѡко вѣрѹ. и яще мысль страстнаа неизречѣся слѡвом, ѹбо несоверши грѣховное дѣло. Ты^н ѹбо я^н дѣлати срамлѣешися, та и гл҃ати не начинаи, а яж гл҃ати срамно, к томѹ дѣлѹ ⁹⁾ и рѡзѹма не приближаі. Паче^н в҃сего гѡрдости, не лицем, но ср҃цем, крѣпцѣ ненавиди, зане^н всѣ^х грѣх ¹⁰⁾ лютѣиши: гѡрдости бо нѣсть престатіа, ѡко^н богата^н

1) коньца

2) нѣтъ.

3) възложити

4) жежелъ—привязь, жуцит (по Срезневскому) ср. Второзак. XXVIII, 48.

5) прерѣзати

6) оуниженію

7) совершиша

8) въ

9) нѣтъ

10) грѣхов

собрáю (л. 116): ѣгда бо кѣо богатство зберет ¹⁾, пáкѣ множае хоще²⁾ и пáкѣ множае собравъ, и ѣще пáкѣ до кончины своеа не насытитсѣ. тако и гордыи, ѣгда братю свою ўнѣжѣив, сам чѣенъ бывает. и пáкѣ господы ³⁾ своеа чѣнѣиши быти хоще²⁾. и пáкѣ и тѣ чѣію превозшедъ, ѣще пáкѣ выситсѣ, безконечнѣю мысля. Егда⁴⁾ прїидет нáнъ внєсáнѣ смѣртъ, и обряще⁵⁾ и непокаявшѣ ³⁾, что тогда ѡвѣщаает нелицемѣрномѣ Суди, илі что ѣмѣ гордость ѣ поможет, илі неправдою собранное богатство? Горши жѣ и богата⁶⁾ гордыи, понеже ѡ Бѣа ⁴⁾ гордыни ради и аггели в бѣсы прѣменены ⁵⁾ быши. Смирѣние жѣ разѣмѣваем, ꙗко покааніе ѣ, ѣ самомѣ себе похѣлѣти, и обесчестити ѡ все⁶⁾ сѣца, и срамотѣ со блѣгодарѣніемъ прїимати, мня ꙗко сіа посла Бѣъ, ѡцыщаа нѣкаа прѣгрѣшенїа. Також сотворив, нѣси прець ⁶⁾ Бѣъ, но повинникъ. Сего ради и Бѣъ остави ти ⁷⁾ грѣхи, ꙗще сѣчнѣ смириши. мѡщен ѣ Бѣъ и ѡ бездны нá нѣо возвести. Ѣ гордыи, помяни ѡвѣдѣ бѣ, не ѡго вблак бо сице, но ѡ пѣрсти берныя, и пáкѣ и персть возвратиши, и здѣ ўбо и члѣком жестокѣ выю имѣя. ѡнамо и червелѣ мяжко-сердѣ ѡвиши. Не блѣжи ⁸⁾ земнѣ велика сáнѣ, прѣходно бѣ. Сѣ бо мнѡзи здѣ сáнѣ достигше, нѣи (небєснаго) же велѣчіа не мнѡзи улѣчиша ⁹⁾. ꙗще бѣдєши сановникъ, не са едїны домовныя своя грѣхи дáси ѡвѣт, нѣ и са чюждїа, их же сѣдиши. Не имѣщим же сáнѣ, легчѣиши ѡвѣтъ, токмо бо ѡ своих согрѣшенїих ѡвѣщати; рече бо Пѣъ, ѣмѣ жѣ дано боле, і възыщєтсѣ боле ѡ нѣ, и ѣмѣ жѣ дано множаише, множаише и

1) богатство збереть

2) гды

3) непокаявшася

4) отъ Бога нѣтъ

5) пременени

6) У Срезневскаго этого слова нѣтъ, ср. слово перечина — перекоръ отъ переть.

7) оставитъ ти

8) блажи

9) оулучиша

просят ѿ неѣ. Поминаем же и се, аще ли в житии сем велик еси, но смръть велѣства и санѸ не стыдѣтся, на вся равно простирает всеелныя своя зѸбы. аще бо и всю землю в житии сем кратцем повинѣши под ся, умерши не множае трех лактеи наслѣдиши земля. **Смири срѣчнѣ, донелѣже** 1) еси в житии сем, и твори блгаа, ничтож бо блготоримое ни зло дѣемое забвено пред Богом, но вся обнажѣна прѣд ѿчима Бг, и противѸ дѣлом воздасть возданіе за блгїню прѣвїе, емѸ нѣ конца, за слодѣяніе ж мѸки иже не бѸдет конца. **Аще** ли ж хочещи в семъ вѣцѣ мѣтив быти, помилѸи свою дшѸ: не ѿнемли ни Ѹ когож, се ѣ болшаа мѣтнї 2). Не множѣством бо богатства 3) блготорится мѣтнї, но **акож** речѣ Гб Ѹчїком свои: **Иж** бо аще 4) напои вы чашѸ воды во имя Мое яко Хвї есте, аминь глѸ вам, не погѸбит мзды своеа. **Аще** ли ж мнїши: соберѸ многа, и сам во всем житии своем доволенъ бѸдѸ, останок же раздаваа в мѣтню, тѣм оцыщаюся 5) ѿ грѣх, се ѣ пѣбно семѸ, ако нѣки тат 6), **Ѹвѣра** єдинъ великїи златникъ, и дасть десят малых мѣдницѣ в мѣтню, и тма и не сравнѣется 7) єдиномѸ златникѸ, и речет: се єдиною грѣ сотворих 8), десятицеюж спасѣніе, и имѣнитлїся за сїи грѣх мѣтнї є? Мѣтнї ж є сѣ иїстиннаа, е и мало даати ѿ своѣ трѸда. и к вышшим себе завѣсти 9) не держати, к меншим же ненавѣсти 10) и гордыні не имѣти, вся равно любїти, воспоминаа, ако вси ємы созданіе

1) сердечне донележе

2) милостини

3) богатства

4) Яко аще

5) очищаю

6) тать нѣки

7) сравнѣются

8) добавлено и.

9) зависти

10) ненависти

Бжіе, єдина єства. и нікогж не унічжити. бѣгати блуда, якож рече апль: всяк ¹⁾ грѣхъ кромѣ тѣла є, а ²⁾ блудливый ³⁾ во свое тѣло согрѣшае. поне блудливый аки часть нѣкую ѿ тѣла свое и жертву диаволу приноси. и не себе единого душѣ губи, но и другаго, о нем же соблажняется, и сугубо грѣхѣ повиненъ есть; противу ж семѣ всяка добродѣтел кромѣ тѣла є. Плача ж, слезами свое тѣло очищае ⁴⁾, и слезы аки часть нѣкую ѿ тѣла свое Бгови и служение поставляет и не единого себе душѣ спсет ⁵⁾, но и другому зла грѣха и мѣки вѣчныя не хоще, нан же не повѣшается соблажнати. По сем же и во всѣхъ заповѣдехъ соблюдать, не токмо тѣло, но и самую душею. и мнѣти мерзку предъ Сотворши и грѣхъ чюжди не пытати, но вся своя согрѣшенія ⁶⁾ прѣд собою мнѣти. и спѣникъ стыдѣти, и почитати аки Бжіа слуги: понеж исегда и служба воспоминаніе творятъ волныя страсти и смрти Хвы, я члюколюбиа ради прѣтерпи ⁷⁾. Сія ж дѣствовати навыкоша, ѿ стго Іакова брата Бжіа по плоти. и пото ѿ велика Василя, и Іуанна златословеснаго, и стго Григоріа палы Римскаго, иже тѣмъ стымъ дарова, ѿ Прѣтаго и Животворашца Дха. Сея ради таины, велми ⁸⁾ чинъ спѣническы ⁹⁾ чтити, аки ѿца дховныя, и ходатаа вѣчны блгъ, вся согрѣшенія своя безъ сасора и оъявляти, аки рече пророкъ: грѣхъ исповѣ на мя безаконіе мое Гви, и Гои ѿпусти е нечестіе сѣца мое. Всяки бо сра, аще утаится грѣхъ є. ащел са себе срамотя, и ¹⁰⁾ грѣхи своя оъявляеши, унічижаа себе

1) всякъ бо

2) нѣтъ.

3) блудливый же

4) очищае

5) спасетъ

6) согрѣшенія всегда

7) претръпѣ и дальше пропускъ до слова; Іакова.

8) велми

9) священническій

10) нѣтъ.

и ¹⁾ не хвалѣся, се ѡмѣнитъ ти въ добродѣтѣхъ, простиши-
 жеся ѡ сѣнникъ. Того ради побѣаѣ ѡко прѣвеликѣ ²⁾
 учѣтеле повиноваѣти имъ, і власти ихъ бояѣти паче, не-
 жени царски. Ихъ бо власть нетлѣнна ѣ, ибо не рѣ Гь
 ни ко единому цркви ³⁾: яко его свяжеша на земли,
 буде связѣ на небесахъ. и егужь разрѣшиши на земли
 (об. л. 116), буде разрешенъ на небесахъ. но се слово
 рѣ Гь ⁴⁾ і сѣнны Свои аплѣ. И црква убо власть
 донелѣ жиѣ ѣ; ащелі и казнѣ кому наложи, токмо
 на единое тѣло. сѣнникъ же мѣщенъ і въ бесконечныя
 вѣки, и по смрѣти своеи, дшѣ с тѣло связати, по Гю
 словеси, е рѣ і Свои аплѣ. Сего ради власти ѣ блю-
 стися, и послушати ѣ; і не забытно без престѣні воспо-
 минати, како стерпѣти страшныи сѣ, і вѣчныя мѣкы.
 и како лишити свѣтлости неизреченныя прѣны, и
 сожити аггѣскѣ ⁵⁾. паче ѡ Бга удалити. Ихъ присвои
 на члѣколюбныи си шествиѣ, и искупѣ на чѣною крѣ-
 вию Своею и просвѣти на вскрѣіем Свои, и просла-
 вив на вознесеніе Свои, и дарова на мѣть при-
 шѣтвиѣ Стго Дха. ѡ Влѣко, ѣда приидеши во славе, и
 сядеши на прѣлѣ сѣдѣй, сподоби мѣ слышати прѣгѣ
 Твоѣ глѣса, е рѣши прѣвнм Свои: приидѣте ⁶⁾ ѡлѣвни
 Оца Моѣ, наслѣдѣте уготованное ва црѣвие ѡ сло-
 жѣніа мира; Гдѣ ѡ всѣхъ Тя хвалю и славлю и благо-
 дарю, ими вѣси сѣубами сѣси мя, аще и прѣгрѣшѣ ⁷⁾
 есмь, но тва есмь Твоя, приими мое смиренное по-
 каініе, вѣрѣю бо в Тя могѣща мя сѣти, іземлюща
 грѣхи всѣ мира. Тебѣ бо побѣаѣ сѣва, с Безначалнымъ
 Ти ѡцемъ, и с Прѣтымъ и Блѣгимъ и Животворѣщи
 Дхо, нѣѣ и прѣо і во вѣки вѣко аминь.

¹⁾ а

²⁾ превеликимъ.

³⁾ церкви (sic.)

⁴⁾ Господь рече

⁵⁾ ангельскаго

⁶⁾ приидете

⁷⁾ прегрѣшенъ

О градѣ моуромѣ и о епископыи его како преиде на Рязань.

Слышахъ оубо нѣкіа глаголющихъ древня сказа-
ніа о градѣ Моуромѣ, яко в прежняя лѣта бысть соз-
данъ не на томъ мѣстѣ, идѣже нынѣ есть, но бѣяше
нѣгде в той же области, отстояніе же имѣя не мало
отъ ныняшняго града. Сказаніе же о немъ, яко пре-
славенъ бѣяше въ Росіистей земли во дни древняя,
и зданіе стѣнъ имѣя отъ мрамора, и того ради нари-
цашеся Моуромъ. Многимъ же лѣтомъ прешедшимъ
разорися нѣкако и запоустѣ, и потомъ по многихъ
лѣтехъ пренесенъ бысть на ино мѣсто въскраи тоя
же области, и тоу (л. 143 об.) поставленъ бысть, идѣже
и нынѣ есть. Егда же бысть въ Кіевѣ и въ всей
Росіи държава превеликаго князя и святого равна
апостоломъ Владиміра, и внегода емоу дѣти своя раз-
дѣлити во одержаніе градовъ, предасть сынови своему
ркоу же святому Борису въ Росіистей земли градъ
Ростовъ, и сынови же своему ркоу же святому Глѣбоу
градъ Моуромъ, и с тѣхъ градовъ бысть по Христѣ и
страданіе ею, и якоже святыня ею познана бысть отъ
вѣрныхъ и прославися (въ) святыхъ церквахъ, и бѣяхоу
въ тѣхъ градѣхъ одержанія ихъ епископи, и нарицахус-
тіи епископи домовніи святыхъ страсотерпецъ Бориса
и Глѣба. Потомъ же, два князя от тогова (такового?)
сродства святого превеликаго князя (л. 444.) Влади-
міра, присная соуще себѣ брата, начаша державъ-

стловати: вящещи во градѣ Моуромѣ, мни же въ Рязани. Нѣ в колика ж времена бысть во градѣ Моуромѣ епископъ праведенъ именемъ Василіе; сего же доблего житіа не терпя врагъ, иже древнии душамъ разбойникъ, нача нанъ спону творити, яко да прилична его блудномуу дѣлоу сѣтворить, и воображаяся въ дѣвицу, и показоуя себе исъ храмины епископа овогда въ оконьце его, иногда же переходъ творя ис храмины его. Видѣвш же се многъ народъ соблазнися, тако жъ и вельможка, и придоша къ епископу в домъ, да сея ради вины изгонятъ изъ епископіи. Епископъ же примъ иконоу образа (л. 444 об.) Божія превѣчнаго Младенца и Богородична, на ню же имѣяше надежоу о всяцемъ спасеніи своемъ, и поиде изъ епископіи, проводиша же его до рѣки нарицаемыя Оки, и хотяхоу дати емоу отъплоти соудно мало. Сн же стоя на брезѣ, снемъ мантию, и простре на воду, и вступи на ню, нося Божіи и Богородичны образы, и абіе духомъ боурномъ несенъ бысть съ образы противоу струямъ, отънюдоу же река течаше. Повѣдаху же яко бысть се въ третій часъ дне, и того же дни въ девятый часъ примчанъ бывъ в мѣсто, еже нынѣ завома старая Рязань; тоу бо тогда пребываху и князи рязаньстїи. Князь же рязаньскій Олегъ срѣте со кресты, (л. 445) и тако пребысть моуромская епископья въ Рязани; нарицает же ся и по днесъ Борисоглѣбская. По сихъ же наки пріать бысть Моуромъ отъ рязаньскихъ епископовъ. Сами же къ тому въ Моуромъ не възвратишася и нарицохоу ся епископи преже рязаньстїи, потомъ моуромстїи; егда же посѣщеніа ради во градъ Моуромѣ епископи приходъ творяхоу, тогда нарицахоуся преже моуромстїи и потомъ рязаньстїи. Чюдесная же та икона, иже епископа пренесе, и до нынѣ въ Рязани есть. Онъ бо вѣроу оупова на ню, сія же милостию оудиви, хотя явити без порока своего раба, и въ единою шесть часовъ премча вверхъ по

рець множає двоусотъ поприць. О пресвятая Божія Мати, кій языкъ испо (л. 445 об.) вѣсть Твоя чюдеса или кій смыслъ подостоянію похвалить Твоя благодѣянія? се бо слыша—не самага зрака Твоего, но образа написаннаго каки силы сотвори, оужасает ми ся умъ. Хотѣхъ бо распространити и не свѣмъ, како написати: понеже от чюдеси многа лѣта преидоша, и азъ о семъ не добре свѣде и боюся, да не явлюся о семъ глаголай ложь. Яко же слышахъ, тако и написахъ; аще же нѣчто и не до конца свѣде написахъ, но имѣя въ помощь исправляющую Владычицу всѣхъ Богоматерь, Ея же достоить всемоу христіанству без престани молити, да избавить ны отъ навѣтъ вражїихъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Того ж списателя к црю моленіе.

Превеликаго оумолити разоумъ поноужаю къ собранію, дабы мяхкостію груобыхъ ми словесъ преблюнилъ на милость милосердное свое сердце, сему жъ образа не вѣмъ, како предложити груобою ми мыслью: хощю бо дрѣзноути, и паки душею съдрогною и тѣломъ оутерпаю, откоудю слово въ главою семоу писанію представляю, чювства бо челоувчества поудятъ мя с моленіемъ писати, груобость же мысли коснить, абы разоуженіемъ притчю предложити, но нѣкако оубо кромѣ Божїа челоувколюбїа, како Превышнїи пощадѣ роукоу Своею дѣло и снїде строупы Адамовы кровїю Своею очистити, и не гнушався с мытари ядаше и со грѣшники бесѣ(л. 446 об.)доваше, и при распятїи Своемъ разбойника единаго ради словеси с праведными в рап единоселника вмени. Сими великодѣйственными притчами, о превеликоименитый царю, тебѣ азъ хоужешїй рабъ твой недостойными оустнами моленіе прилѣжно приношаю,

да не яростию твоею обличише мене, но с кротостию велицѣи благоволиши ми молити тебе, ибо в скорби ми соущоу и в тоузѣ; и аще, господи превеликій царю, не-приклониши высоты твоея оуслышати моего недостаточества, къ кому оубо прибѣгну отъ ненавидящихъ мя соупостать, ихъ же единъ ты могѣи взразити, а инъ никто же вѣси; господи (л. 447) превеликій царю. яко в прежняя дни ркоша ти о мнѣ, яко тебѣ непотребенъ есмь рабъ твой и не достоинъ ни коего жъ смысла, иногда же предъ тобою и позорна наркоша мя и бѣсна своя ради зависти; азъ же яко глуухъ не слышахъ, и яко нѣмъ не отвръзохъ оустъ своихъ, ни хвалихся, и некого же похулихъ ненавидящихъ мя; и аще въскощеть Богъ, мощенъ есть премудрость ихъ на боуство претворити, боуство же мудростию пременити, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ. Азъ же о себѣ нехвалюся, но о Бозѣ, аще ли жъ таю Божіаго дарованія, оубо повиненъ боудоу неисповѣдавъ милости Его превеликіа (л. 447 об.). Оубо не собою... есмь, но Божіимъ промысломъ и благословеніемъ превеликаго всея Россіи архiereя Макарія Митрополита составихъ три вещи отъ древнихъ драги, яже тлѣніа в себѣ нетребоуютъ, иже оубо ненавидящимъ и роугающимися многимъ, яко огненное ороужіе явитца, смыслы ихъ пожигая, яко не вместити имъ сего ни въ оумъ, иже и множества чести и богатства отъ твоея благоподатныя десницы приемлющимъ, и что много глаголати, дѣла бо ми послоушествуютъ. Аще же и о мирьскихъ вещехъ поведить твоя дрѣжава написати ми къ благооугодію земли и ко умаленію насильства, имамъ скровенъ глаголь оудобенъ (л. 448) явити твоей царской державѣ. Господи превеликій царю, аще не быхъ сплетенъ житейскими юзами, не бы ни единого слова изрекль, оудалилъ быхъ ся бѣгая и водворяся в поустыню, чая Бога спасающаго мя; нынѣ же

мирскими похотми оуязвенъ, стражю обьятъ злыми яко человекъ. Господи превеликій царю, доколѣ поносимъ боудоу отъ ненавидящихъ мя и не призриши на мя единому тебѣ работающа? аще быхъ инѣмъ работалъ, подобился оубо быхъ человекомъ, душами работающимъ, не телесы, и отъ сего быти хвалимомъ, и посемоу и въ честь входящимъ, но прегрѣшнеи ми дупи тако неоудобъ творити, яко же рече апостоль Павелъ: аще оубо (л. 448 об.) человекомъ оугожалъ быхъ, Христу рабъ не быхъ былъ. Нынѣ, господи царю, презри прилежнаго сего моленія моего, да вменица въ мире семъ часть моя со исправльшими слово твоего наказанія и не тощъ явлюсь твоего благодарства: яко же инѣмъ человекомъ да повелиши и мнѣ в прочаа дни въ оустроеніи немятежне пожити, и на коуюждо годиною твоего сребра благодарнаго да боудоу приемля оуроку свои ноужныхъ ради потребъ своихъ, славою възсылая Богови и тебѣ, превеликому цареву. О превеликій царю забуди пренизшаго раба своего Ермолаица до коньца. Господи, аще самъ благоволиши поноудити сіа три вещи прочести, яже азъ грѣшный в простотѣ смысла составихъ, се по рядуу соутъ здѣ.

(Послание о составленіи алфавитовъ) (л. 461).

Ш прѣтнен и бѣолюбезне, добры ншъ пастырю и первопрѣтнече изрѣнны, великое украшение цѣковное, всѣ архіерѣе и ерѣе неместны великїи оучѣлю, всеа роускїа земли некосное истинное оуправлене, блгїи, великорачителныи и прѣножелателны, презѣлныи вторы Опладель, книголюбець завидливы, теплодшны, велики, единоправны стѣмъ шцемъ и оучѣлемъ вселенски неложны добропобѣдны ревнитель. Повелѣлъ ми еси вмале преже сихъ дней ш житїа стѣго Стевана Пермьскаго написати вкратцѣ ш составленїи грамотъ когда, коа и ш конхъ чѣвкъ и в кое время и како бѣ. Жидове оубо книги пи (л. 461 об.) саху, готовоу сложеноу грамоту вземше ш Снеа сїа Адамла; елино же с жидовскїе нѣкто Панами еилосое и Кадо Милисїи и со инѣми прочими счиниша азбоукоу и съставиша грамотоу. Сї же оубо сложи грамотоу преже даннаго закона Моусею. Панами же и со инѣми многими по законѣ, но обаи не крѣнены и нечисты. зри же ми здѣ, любомрѣствениче, словеньскаа азбоука колико чѣна и стѣ есть и бѣоизбранна, ш нея же написоую ти азъ хоуды пнокѣ. Въ лѣто азѣоз Кириї оучѣлъ словеньскоу языкоу (ѡеврѣдѣ) бывъ мѣ лѣта и многи просвѣтивъ оучїи бѣтвеными къ Гоу шїде и положень (л. 462) бѣ в Римѣ въ цѣкви стѣго Климента, с (се?) боуди вѣдомо всѣми языки и всѣми лѣдми, яко роуски гѣзы ни шкоудоу прїа вѣрры стѣла сеѣ, и грамота роускаа никим же явлена.

но токмо самѣмъ Бгомъ Вседръжителемъ Шѣмъ и Сѣомъ и Сты Дхѣомъ. Кнѣю Владимироу Дхѣ Стыи вдохноу вѣроу прѣати и крѣщеніе ѿ грекъ и прочіи нарѣ црковныи, и грамота роускаа павиласѣ Бгомъ дана в Корсоунѣ Роусиноу, ѿ него же наоучисѣ Конь-стантинъ еилосоѣ: ѿтоудоу сложѣи и написавъ книги роуски глѣсо и еврѣистей грамотѣ тогда извыче ѿ самарѣнина в Корсоунѣ. Тѣ же моу бѣше Роусѣ (л. 462 об.) блговѣренъ посто и добродѣтелею въ чѣби вѣре едѣи оуединивсѣ, и тѣ единъ ѿ роускаа языка пависѣ преже хрѣіанъ сы и невѣдомъ ники же откоудоу ѣ. Тѣи бѣ во дни Михаила црѣ и Ирины блговѣрныа. и потомъ посланъ бѣ Коньстантинъ в Моуравоу Михаиломъ црѣмъ моуравскомоу кнѣю про-сившу еилосоѣа. и шедъ наоучи моуравоу, и лѣхи, и чехи, и иныа языки, и вѣроу православноу оутверди в нихъ, и кнѣи написа роуски глѣсомъ, и добрѣ на-оучивъ, ѿтоудоу иде в Римъ и тоу разболѣсѣ, и шбле-чесѣ в черныа ризы, и нарекоша имѣ емоу Кири.

Проф. И. Шляпкинъ.

С. Александровка.

25. хл. 1910.

